НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 8

Минск
«Беларуская навука»
2017

УДК 316.42(476)(082)

В сборнике представлены статьи ведущих белорусских, российских и украинских социологов, посвященные актуальным проблемам развития белорусского, российского и украинского обществ, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований. Особое внимание в данном выпуске уделено исследованиям сферы культуры, которые подготовлены под эгидой Года культуры в Беларуси, и научно-исследовательским проектам, посвященным возрождению территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, приуроченных к 30-летней годовщине события.

«Социологический альманах» рассчитан на студентов, аспирантов, профессиональных социологов, а также читательскую аудиторию, интересующуюся современным социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

И. В. Котляров (главный редактор), И. В. Лашук (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов (зам. главного редактора),
Н. А. Барановский, В. А. Ильин, В. В. Кириенко, А. А. Коваленя, Н. Е. Лихачев,
Ю. М. Резник, Н. М. Римашевская, Р. А. Смирнова, Г. Н. Соколова (зам. главного редактора),
А. А. Шабунова, С. А. Шавель, В. Р. Шухатович, Н. С. Щекин,
Е. В. Мартищенкова (ответственный секретарь)

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор Л. Е. Земляков,
доктор социологических наук, профессор В. А. Клименко

«Социологический альманах» подготовлен в рамках выполнения Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг.; Подпрограмма 3 «Социология и философия». Раздел 1 «Социология»

© Институт социологии НАН Беларуси, 2017
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

Котляров И. В. Социология в поисках новой матрицы развития белорусского общества 6

Глобализационные и интеграционные процессы в современных обществах

Котляров И. В. Интеграционные процессы в человеческом измерении (социологические тренды) 18
Соколова Г. Н. Социальные аспекты вступления Республики Беларусь в Евразийский экономический союз 32
Осадчая Г. И. Евразийский экономический союз: первые итоги интеграционных процессов 49
Рязанцев С. В. Внешняя миграционная политика как фактор демографического развития России 63
Морозов А. В., Балич Н. Л., Муха В. Н. Культурная дипломатия в контексте интеграционных процессов в Беларуси и России 72
Сечко Н. Н. Интеграционные процессы Беларуси и России: общественное мнение 82
Малюк А. Н. Концепт глобализации в мир-системном анализе 90
Галич Л. П. Сравнительный анализ уровня жизнестойкости белорусов и россиян..... 101

Социология образования и молодежи

Титаренко Л. Г. Модернизационный потенциал белорусской молодежи: влияние высшего образования 108
Барановский Н. А. Социальная профилактика наркомании среди молодежи 115
Костюкевич С. В., Яковлева Н. И. Об оптимизации баланса теории и практики при подготовке специалистов в технических вузах на постсоветском пространстве 127
Комаровский А. В., Назаренко Ю. С. Эффективность производственной практики в вузах Беларуси (на примере опроса студентов-социологов) 136
Цюхай М. В. Инженерно-технические работники как объект исследования в советской социологии 149
Гулько Е. Ю. Проблемы экологического сознания и поведения студенческой молодежи 160
Рехтина Н. В., Краснова Г. А. Проблемы трудоустройства молодежи в России (по материалам социологического исследования) 167

Социокультурные аспекты развития белорусского общества

Бабосов Е. М. Роль религиозных ценностей в становлении и развитии национально-культурного кода 175
Кройтор С. Н. Методологические основания социологического изучения социокультурного кода 186
Балич Н. Л. Этнокультурные практики – основа воспроизводства культурного кода восточных славян 193
Калачёва И. И. Белорусская диаспора в Карелии: проблемы сохранения идентичности 208

Калашникова А. В. Профессиональные и любительские театры как сегменты индустрии досуга Беларуси 215
Моисеенко В. Г., Войтеховский А. В. Формирование патриотических ценностей курсантов Института пограничной службы Республики Беларусь в современных условиях 225
Павлова А. В. Государственная информационная политика в деле формирования национального самосознания белорусов 236
Жидович В. Е. Феномен трансмедиа в искусстве театра: опыт Беларуси 246
Стаселько К. И. Социология литературы Пьера Бурдьё 259

Тенденции возрождения территорий, пострадавших от чернобыльской катастрофы

Борисевич Н. Я. Обеспечение информационно-психологической безопасности населения после чернобыльской катастрофы: подходы и проблемы 267
Мельницкая Т. Б., Белых Т. В. Результаты актуальной оценки социально-психологической ситуации на радиоактивно загрязненных территориях России 278
Мартищенкова Е. В. Состояние и развитие социальной инфраструктуры как значимая составляющая возрождения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС 286

Демографические аспекты развития белорусского общества

Артюхин М. И., Пушкевич С. А. Демографический кризис и пути его преодоления в условиях современной Беларуси 295
Каргаполова Е. В., Лашук И. В. Семья как ценность современного общества (по итогам социологических исследований в Астраханской области Российской Федерации и в Республике Беларусь) 305
Сосновская Н. А. Восприятие семейного благополучия в современном белорусском обществе 314

Научные кадры Беларуси: особенности формирования и воспроизводства

Шарый И. Н. Основные тенденции изменения численности и воспроизводственной структуры научных кадров в Республике Беларусь 323
Ворошень О. Г. Особенности оценок ситуации в науке молодых ученых академического сектора науки 332
Денисова Н. Ф. Профессиональный выбор одаренной молодежи в контексте воспроизводства научных и научно-педагогических работников высшей квалификации 340
Щурок Э. М. Проблемы подготовки научных кадров в магистратуре НАН Беларуси 348
Антонова Т. А. Женщины в составе исследователей Беларуси: социологический анализ 358

Проблемы социальной дифференциации белорусского общества

Смирнова Р. А. Социально-классовая структура белорусского общества: теоретико-методологический анализ 365
Смирнов В. Э. К вопросу о механизмах изменения социальной структуры общества (на примерах из истории СССР) 374
Таранова Е. В. Уровень жизни и социально-экономическая дифференциация белорусского общества 388
Красковская Д. С. Социально-культурный потенциал пожилых людей (на примере жителей сельской местности Беларуси) 395
Малмыгин А. С. Система социологических показателей социального события 406

Вопросы управления на современном этапе развития общества

Хижняк А. В. Коллективное сопротивление коррупционным практикам: коммуникативные возможности и ограничения 416
Волосников Р. А. Общественное мнение как фактор совершенствования деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь 424
Кузьменко Т. В. Экспертный опрос как основа принятия управленческих решений 434
Гавриков А. В. Актуальность введения пропорциональной избирательной системы в Беларуси (социологическое измерение) 444

Тенденции развития отраслей социальной сферы Беларуси

Шавель С. А. Мотивационная сфера личностной активности 450
Шухатович В. Р. Самоактуализация: поиск ресурсов улучшения здоровья и развития человеческого потенциала 460
Кочергин В. Я., Пацеева А. Г. Профессиональная культура врача: внутренняя дифференциация и перспективы развития 473
Андрос И. А. Основные предпосылки возникновения и развития экологического туризма 483
Назарова Д. В. Неэкономические ресурсы развития сферы жилищно-коммунального хозяйства 494
Баханов А. Г. Роль больших данных и имитационного моделирования в социально-экономических исследованиях 504

Научная жизнь

Обзор научно-практического семинара «От науки к бизнес-инновациям», прошедшего в г. Минске 15 марта 2016 г. *(М. И. Артюхин)* 511
Обзор Республиканского научно-практического семинара «Современная культура Беларуси: тренды и вызовы», прошедшего в Минске 25 октября 2016 г. *(И. В. Лашук*) 512
Обзор VIII Орловских социологических чтений на тему: «Трансформация современного общества: вызовы и перспективы» *(И. В. Лашук)* 515

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 316.654:316.1(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,
доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКАХ НОВОЙ МАТРИЦЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Показана роль социологии в поиске новой парадигмы общественного развития, в анализе цивилизационного кода белорусского общества как экономического фактора, проанализированы основные задачи, которые должна решать социология на современном этапе становления белорусской государственности.

Ключевые слова: Республика Беларусь, социология, общественное мнение, Институт социологии, цивилизационный код, социологические опросы, парадигма развития белорусского общества.

Белорусское общество, как, впрочем, и весь современный мир, находятся сегодня на таком этапе своего развития, когда поиск путей выхода из кризиса и повышения эффективности национальной государственности требует применения принципиально новых методов изучения социальной реальности. Современная общественная наука обогатилась множеством новых теоретических подходов, помогающих видеть, чувствовать отдельные фрагменты новых процессов. В то же время существует явная потребность в теории, раскрывающей общие закономерности общественного развития. Одной из важнейших задач современной науки в целом и белорусской социологии в частности является создание такой парадигмы конкретных действий, которая позволит, используя современные методы научного анализа, не только анализировать причины будущих изменений, но и определять смыслы и ориентиры действий, предлагать новые сценарии для деятельности, выявлять причины, детерминирующие те или иные негативные процессы и явления, находить способы их устранения, поддерживать заслуживающие внимания инновации, формировать эффективные модели власти и гражданского общества, институты рыночной экономики и правового государства. В этом ракурсе важны и интересны социологические исследования, постоянно проводимые Институтом социологии НАН Беларуси и отражающие отношение жителей к происходящим в стране процессам и явлениям.

Для изучения социально-экономической и политической ситуации в стране в Институте социологии НАН Беларуси постоянно проводится социологический мониторинг – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением

специализированного инструментария, направленные на выявление важнейших тенденций и закономерностей развития белорусского общества и принятие необходимых управленческих решений.

Как показали многочисленные социологические исследования, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, интегрирующим инструментом измерения многомерности процессов, происходящих в белорусском обществе, может стать цивилизационный код. Дефиниция достаточно популярная у наших западных и восточных соседей, но о которой мы практически ничего не знаем. Поэтому сразу же возникают вопросы: что такое цивилизационный код, в чем он выражается, как его определить, охарактеризовать, изучить, измерить? Можно ли на него целенаправленно влиять, если можно, то кто и как? Важно выявить механизмы формирования кодов, их важнейшие составляющие, постоянно использовать их в дальнейшей социальной деятельности.

На основе анализа многочисленных научных источников берем на себя смелость предложить следующее определение: «Цивилизационный код – это исторически сложившаяся система (набор) знаков, символов, средств антропологического и социокультурного характера, определенных коммуникаций (отношений), своеобразных маркеров, благодаря которым передается социальный опыт и смысл жизни от поколения к поколению, идеалы цивилизации воспроизводятся в преемственности людей, а они адекватно воспринимают и реагируют на происходящие пространственно-временные процессы».

Главная установка цивилизационного кода – это наличие определенного комплекса самобытных, доминирующих в обществе ценностей и смыслов, взглядов и традиций, форм общения и социальных укладов, исторической памяти и мировоззрения, поведенческих форматов и знаний, умения и навыков. Именно они детерминируют развитие нации и общества, передаются из поколения в поколение через образование и обучение, позволяют решать многочисленные проблемы, справляться с рисками и вызовами, сами формируются в процессе исторического цивилизационного развития, интеллектуального, нравственного и эстетического воспитания.

И что очень важно – анализ цивилизационного кода способен дать ответы на многие вопросы: куда идти и что делать, ради чего жить? что ценно и что важно? что есть добро и что есть зло? Возникает вопрос: как измерить цивилизационный код? От каких показателей он зависит? Как эти показатели, факторы можно формировать, управлять ими в экономическом, социальном, политическом, воспитательном, идейном, образовательном и иных пространствах?

При изучении цивилизационного кода ученые Института социологии НАН Беларуси попытались выйти на эмпирический уровень, посмотреть на цивилизацию глазами жителей Беларуси: увидеть ее сущность, ценности, существующие в обществе, выявить механизмы, эти ценности формирующие, оценить доставшуюся нам от отцов и дедов историческую память, аттитюды, детерминирующие мировоззрения белорусских граждан. Для этого была раз-

работана единая для данной парадигмы система координат, неких базовых принципов, которая лежит в основе разработки и изучения цивилизационного кода.

Что входит в структуру цивилизационного кода? Цивилизационный код предполагает при всех экономических и идеологических, политических и социальных различиях набор определенных смыслообразующих факторов, характерных черт, фундаментальных ценностей, долговременных признаков, культурных и религиозных, духовных и этнических характеристик, исторических традиций, особенностей ментальности. Среди них основополагающие, системообразующие психологические характеристики, связанные с определенными поведенческими и ментальными стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, различными социальными и идеологическими ориентациями [1; 2].

Одной из важнейших составляющих цивилизационного кода являются смыслы. Современный мир находится в состоянии перманентной войны. Но это не война людей, техники, технологий. Это война смыслов. Смыслы одних народов, наций и цивилизаций пытаются подменить смыслами других народов, других наций, другой цивилизации. Известный российский ученый М. П. Остроменский в исследовании «Смыслы, язык и ценности народа», показывая роль смыслов в развитии цивилизаций, особо подчеркнул, что «смыслы являются продуктом совместной социокультурной (духовной) деятельности людей, социокультурной (духовной) деятельности народа, нации, цивилизации как единого целого. Образование нового народа совпадает с образованием его системы смыслов, собственно образование системы смыслов и знаменует собой образование нового народа. Распад системы смыслов народа или кардинальное изменение знаменует собой или его смерть, или возникновение нового народа. Смыслы преобразуются в течение всей жизни народа. Что создание, что усвоение, что сохранение смыслов народа – есть результат совместной социальной деятельности представителей народа. Смыслы – это тот фундаментальный результат исторической, духовной деятельности народа, что образуется как итог ежедневного совместного проживания и совместного решения, постоянно возникающих проблем различного масштаба. В этом процессе совместного проживания смыслы не только подтверждаются и закрепляются, но претерпевают изменения. Собственно смыслы, это наиболее глубокие, для данного народа, признаки и основания для его общности и для его выделения как элементарной социальной единицы человечества. Смыслы – сердце народа» [3].

Особое значение для понимания сущности цивилизационного кода любого общества имеют традиционные национальные ценности, которые составляли его духовную, нравственную, мировоззренческую основу. Постоянно возникает вопрос: какими национальными ценностями обладают белорусы? Как показывают многочисленные социологические исследования, белорусскому национальному сознанию свойственны идея патриотизма как высочайшей ценности Родины, уважительное отношение к родному краю, забота

о сохранении и приумножении его богатств. В процессе патриотического воспитания на традициях всенародного подвига и защиты Родины происходит синтез интеллектуальных, эмоциональных, волевых сфер личности с ценностями и смыслами, направляющими человека на созидательное осмысление социально-политических реалий. Идеалы и традиции, любовь к Родине, с особой силой проявившиеся во время Великой Отечественной войны, являются высшей морально-нравственной ценностью белорусского общества, основой воспитания подрастающего поколения в нашей стране. В то же время находятся люди, средства массовой коммуникации, сеющие семена исторических фальсификаций и предательства. Их задача – уничтожить патриотизм, разрушить национальное сознание и заменить его неким симулякром, основанным на античеловеческих подходах.

Сегодня очень многие политики и экономисты утверждают, что в основе общественных отношений лежит экономика. Однако это совсем не так. «Современная экономическая наука, – отмечает известный российский экономист Сергей Глазьев, – явно пренебрегает значением нравственных ценностей в формировании экономического поведения. В доминирующей сегодня парадигме рыночного равновесия заложена предпосылка о рациональном поведении экономических агентов, направляемых единственным мотивом максимизации прибыли. При этом игнорируется значение всех других мотивов экономического поведения и его нравственных ограничений» [4]. Социологические исследования, постоянно проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, показывают, что очень часто сама экономика испытывает огромное, иногда решающее воздействие неэкономических факторов, без учета которых нельзя ее понять и совершенствовать. Рост уровня жизни зависит не только от экономических факторов, благоприятного географического положения и наличия природных ресурсов, но и от уровня образования и интеллектуального потенциала, морально-нравственного климата и исторических традиций, социального капитала и т. д. Неэкономические сферы общественной жизни могут иметь определяющее значение для успешного развития экономики. Современный этап развития белорусского государства требует принципиально новой модели экономического роста, учитывающих влияние образования и здравоохранения, информации и других факторов на качество и эффективность труда.

Таким образом, в настоящее время очень важно сосредоточить особое внимание на анализе духовных и гуманитарных предпосылок дальнейшего развития Беларуси, ее социально-экономического роста, поставить на службу экономике образование и нравственность, здравоохранение и науку, культуру и спорт, честность и порядочность, обратить особое внимание на воспитание подрастающего поколения, повышение морально-нравственного климата. В кризисных условиях очень важное экономическое значение имеют общая культура населения, формирование высокообразованной и высоконравственной, деловой и творческой личности белорусского общества как важнейше-

го условия его успешного развития. Неэкономические сферы общественной жизни могут и должны иметь решающее значение для успешного развития национальной экономики. Кроме того, существует реальная необходимость четко определить взаимосвязи институционально-экономических и институционально-политических факторов роста, оценить их роль в достижениях современной экономики, разработать механизмы оптимизации влияния данных факторов [1; 2].

Взяв за основу культуру (прогрессивную и статичную) как главный катализатор общественного развития, известные исследователи Самюэль Хантингтон и Лоуренс Харрисон предложили основные элементы неэкономического воздействия на экономику:

1. Ориентация во времени. Прогрессивная культура предполагает упор на будущее, на то, как изменить к лучшему судьбу страны и свою собственную. Статичная ориентируется на поиск проблем или светлых дней в прошлом или решение вопросов выживания в настоящем.

2. Отношение к работе. В успешных нациях упорный труд рассматривается как главное условие жизненных достижений, успехи на работе и творчество являются источником не только материального благополучия, но и самоуважения. В провальных – люди работают, чтобы жить, труд рассматривается как досадная необходимость.

3. Бережливость как путь к сбережениям, инвестициям и достатку в прогрессивных культурах и тенденция к расточительности и/или равенство в бедности – в статичных.

4. Хорошее образование – обязательное условие жизненного успеха в передовых странах, но без него могут обойтись в отсталых.

5. Личные заслуги как центральный фактор продвижения по общественной и служебной лестнице и, наоборот, связи, блат, семейственность.

6. Социализация. В прогрессивных культурах люди идентифицируют себя с большими общностями – страной, нацией, профессией. В статичных – с семьей, знакомыми, земляками. Здесь почва для непотизма, коррупции и отсутствие почвы для альтруизма и благотворительности.

7. Этические нормы более строги в прогрессивных культурах. Например, в них неприемлемыми считаются взяточничество или воровство.

8. Закон и правосудие воспринимаются как незыблемые и непререкаемые нормы, исполняются буквально и невзирая на лица в успешных странах. В остальных большее значение имеют круг знакомств и предложенная сумма.

9. Распределение власти. Прогрессивные культуры характеризуются большей децентрализацией и горизонтальными связями, тогда как статичные – централизацией и вертикалями.

10. Светскость. Лучше развиваются те страны, где влияние религиозных институтов на повседневную жизнь ниже [5].

Можно соглашаться с этим мнением, можно не соглашаться. Однако такие социальные институты существуют, и их необходимо учитывать в повседневной реальности.

Важно выявить социальные механизмы, существенно влияющие на развитие ценностей белорусского общества, его цивилизационный код, формирующие идеалы и ценностные ориентиры граждан. Под механизмами формирования и развития структурных элементов цивилизационного кода можно понимать комплекс институтов, общественных и государственно-правовых отношений, которые с помощью различных методов, способов и средств, с учетом политических, социальных и экономических факторов воздействуют на возникновение, развитие и изменение цивилизационных параметров.

Анализ важнейших структурных элементов социального механизма, влияющего на элементы цивилизационного кода, начнем с культуры. В условиях, когда идейный дефицит заполняется чуждыми национальным традициям ориентирами и критериями духовной и материальной жизни, это особенно важно. Недаром профессор Преображенский в известной книге Михаила Булгакова «Собачье сердце» отмечал, что «разруха начинается в головах». Действительно, все беды, все проблемы начинаются с «кризиса в головах», недостатка элементарной культуры.

Культура как элемент цивилизационного кода понимается как исторически сложившаяся система ценностей и норм поведения, закрепленная в материальном и нематериальном культурном и историческом наследии. Культура – это часть национального характера. Она охватывает все стороны жизни, способствует сохранению традиционных ценностей, повышает ответственность и гражданское участие людей в развитии белорусского государства. Цивилизация – «тело» культуры, тогда как культура – «душа» цивилизации. Культура предлагает универсальный набор ценностей и смыслов, кодов и стереотипов поведения, вырабатывает их при значительном влиянии предшествовавших поколений [5; 6; 7].

В Беларуси достаточно высокий уровень культуры. Она постепенно становится одним из важнейших приоритетов развития белорусского общества, в стране развивается рынок культурных товаров и услуг, призванный удовлетворять познавательно-образовательные, коммуникативные, художественно-творческие и другие потребности различных социальных групп Беларуси. Отличительными чертами белорусской культуры всегда выступали взаимное уважение, неприятие любых форм враждебности на религиозной либо этнической почве. И в то же время кризисные явления затронули и эту часть белорусского общества: существенно падает интерес к театрам и кино, все меньше людей посещают библиотеки, концертные залы. Необходимы широкие масштабные социологические исследования современного состояния национальной культуры, которые помогут заглянуть в будущее. Однако для этого нужны кадры.

В рамках изучения цивилизационного кода белорусского общества мы пытаемся узнать, на каких книгах, на каких фильмах растут современные граждане Беларуси, какие ценности им прививают современные кино и литература. Ведь не зря говорят: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто

ты». Это утверждение верно и сегодня, и не только по отношению к одному человеку, но и ко всей нации. Особенно резко уменьшилось число читателей в библиотеках. И, как утверждают наши коллеги, например, из ФРГ, там, даже в условиях научно-технического прогресса, читательские залы заполнены.

Как показывают социологические исследования, у жителей Беларуси имеются существенные претензии и к национальной литературе, и к кинематографу. За последние двадцать пять лет, как отмечали многие респонденты, в Беларуси не написано ни одного романа о Великой Отечественной войне, которые будут читать, которыми будут гордиться и восхищаться будущие поколения. Имея великолепные традиции (многие поколения воспитывались на фильмах «Константин Заслонов» или «Дзяўчынка шукае бацьку», а киностудия «Беларусьфильм» еще совсем недавно называлась в народе «Партизанфильм»), белорусские кинематографисты в последние годы так и не смогли создать национальных шедевров типа «Летят журавли» или «А зори здесь тихие».

В октябре 2016 г. мы посетили форум научно-творческой интеллигенции в Кыргызстане. Там нам показали прекрасный фильм кыргызского режиссера Мирлана Абдыкалыкова «Сутак» («Небесное кочевье»), ставший лауреатом премии «Ника» в номинации «Лучший фильм стран СНГ и Балтии». Это был фильм о добре, любви, совести, честности и порядочности. Мы смотрели, и нам было обидно: почему всюду говорим, что у нас прекрасное кино, но до таких фильмов не доросли.

Особую роль в цивилизационной парадигме играет образование. Оно традиционно является одной из высших ценностей белорусского народа. Уровень образованности в Беларуси один из самых высоких в мире, финансирование образования достаточно стабильное, полностью отсутствует дискриминация, инновации направлены на укрепление ведущих принципов национальной школы, среди которых следует выделить обеспечение справедливости, равного доступа к образованию, повышение его качества.

Национальное образование постоянно критикуют. Однако социологические исследования до последнего времени показывали, что и студенты, и родители, и работодатели в целом были удовлетворены его качеством. Сегодня, в кризисных условиях, работодатели хотят получать более профессиональных специалистов и не тратить достаточное количество времени на его «доработку». Выпускники вузов, колледжей хотят найти более престижную, более высокооплачиваемую работу. Об этом мечтают их родители. Кризис наступил, но руководители системы образования его не заметили. Осталось огромное количество проблем, которые необходимо было давно решить. Среди них наиболее важными, по мнению респондентов, являются: невысокая заработная плата, низкая мотивация и крайне низкий престиж педагогического, прежде всего, учительского труда. Время не ждет, а чиновники от образования принялись решать совсем другие вопросы, выталкивая лучшие умы за рубеж.

Еще одна проблема. Политика последних лет, вымывающая гуманитарные предметы из школы и высших учебных заведений, совершенно не конструк-

тивна. Человек, который никогда не читал Льва Толстого или Николая Гоголя, не способен ничего эффективного и интересного создать и в научно-технической сфере.

Необходимо, как утверждают многие респонденты, добиться, чтобы вузы несли ответственность за судьбу своих выпускников, не выталкивали их за дверь, не отказывались от них сразу же после того, как те получат дипломы.

Значительной объединяющей силой современных цивилизаций является спорт. Это молодость и скорость, конкуренция и состязательность, красота – все то, о чем постоянно говорят и что привлекает различные слои и группы современного общества. Спортивные победы, прежде всего, белорусских олимпийцев вызвали у жителей нашей страны повышенный интерес, чувство сопричастности и единения.

Вспомним чувство гордости, которое охватило белорусский народ во время чемпионата мира по хоккею в Минске. Вся страна следила за соревнованиями. Успешное проведение чемпионата мира существенно повлияло на престиж Беларуси, формирование ее международного имиджа. Гости белорусской столицы увидели, что Республика Беларусь – это современное, красивое, достойное европейское государство с отличной спортивной инфраструктурой, высоким уровнем образования и культуры, науки и здравоохранения, государство, где нет места злобе, ненависти и конфликтам, где людей не делят по цвету кожи и религии, по языку и имущественному положению, где живут интересные и дружелюбные, спокойные и толерантные люди. «Гостеприимство – визитная карточка белорусов», – говорили многие. А «зона гостеприимства» – изюминка минского чемпионата мира, переступив которую вчерашние враги мгновенно становились друзьями и братьями. Те, кто был в Беларуси, смотрели чемпионат мира по телевидению, запомнили Беларусь именно такой страной [8; 9].

Интересно сравнить чемпионат Европы по футболу во Франции и чемпионат мира по хоккею в Беларуси. Хоккеистов и болельщиков в Минске встречали как друзей, как братьев, во Франции – как врагов. В Беларуси был праздник спорта, во Франции – битва и кровопролитие, насилие и оскорбление, здесь улыбки и цветы, там синяки, резиновые пули и дубинки. Вот и сравнивай цивилизационный код белорусского и французского обществ.

Спорт должен приносить радость людям. Вспомним 5 сентября 2001 г. – отборочный турнир к ЧМ–2002 по футболу. Сборная Беларуси победила Польшу 4 : 1. Вулкан страстей на стадионе «Динамо», заполненном десятками тысяч болельщиков. Всю ночь бурлил Минск. Океан чувств, настоящие демонстрации, и не только болельщиков, а простых граждан, патриотов своей Родины.

Сегодня белорусский футбол только огорчает. Люди отвернулись от «игры миллионов». Они перестали ходить на футбол. 2016 год – год самой слабой посещаемости в истории высшей лиги. В среднем на футбольных матчах высшей лиги приходило меньше 1,5 тысячи болельщиков. Это своеобразный антирекорд посещаемости. Интересно разобраться: почему?

В высшей лиге белорусского чемпионата 16 команд. Это очень много для современного развития футбола в стране. Для стольких команд у нас нет высокопрофессиональных футболистов. Нет даже средненьких. Белорусский футбол, по мнению болельщиков, насквозь коррумпирован. Футболисты организуют договорные матчи. Зачем идти на футбол, если результат футбольной встречи зависит не от футболистов, а от каких-то темных личностей. Сами футболисты оправдываются: платите хорошие деньги, и мы не будем организовывать договорные матчи.

Но взрыв негодования болельщиков вызвало сообщение, что экс-футболист команды «Ислочь», обвиняемый в причастности к организации договорного матча, подал в суд на клуб из-за того, что тот должен ему зарплату за полтора месяца. Суд обязал «Ислочь» выплатить футболисту Тишкевичу 53 миллиона неденоминированных рублей. То есть, футболист на редкость периферийной и очень бедной команды имеет зарплату 36 миллионов рублей в месяц, и это в кризис. Кроме того, белорусские судьи берут и дают взятки. Среди них – самый главный судья белорусского футбола. Как говорил один известный комментатор: нам такой футбол не нужен. Конечно, он не приносит гражданам Беларуси радости, тем более счастья.

На этом о футболе можно было бы и закончить, но в одном из средств массовой информации совершенно неожиданно возник вопрос: «Зачем Беларуси вообще спорт высших достижений?» «Этот вопрос, – отмечает автор, – кажется на первый взгляд нелепым. Но если исходить из формальной логики, именно он должен определять стратегию развития спорта в стране». Далее он продолжает: «За 25 лет суверенный белорусский спорт достиг многого. У нас были медали Олимпиад любой поры года любых достоинств, выходы в плей-офф КХЛ, топ-турниры сборных. Но, мне кажется, нет главного – четкого понимания, зачем это все Беларуси нужно» [10]. Я бы посоветовал автору этих слов выйти на улицы белорусских городов и сел после значимых побед наших спортсменов, посмотреть в счастливые глаза болельщиков, почувствовать, как у них поднимается настроение, как ладятся дела дома и на работе. Но я не буду этого делать, так как автор этих слов о спорте Генеральный секретарь ФК БАТЭ и колумнист Pressball.by. И пока такие люди, которых, как они говорят, «кормит спорт», будут находиться у основ его идеологии, будет «постыдная пустота трибун, нулевые рейтинги спортивных трансляций против любых сериалов, полная неузнаваемость спортсменов на улице, невозможность для спортивных клубов зарабатывать. В общем, полное отсутствие двигателя развития, работающего во всем мире, – спроса» [10] и все меньше болельщиков, которые будут ходить на матчи БАТЭ, несмотря на все стенания его генерального секретаря и футболистов.

В последние десятилетия существенно возросла роль средств массовых коммуникаций. Газеты и журналы, радио и телевидение являются таким же национальным достоянием, как газ и нефть, недра и культура. Это механизмы передачи, развития и совершенствования национальной культуры, смыслов

и традиций, аттитюдов и образов, характеров и стереотипов. Средства массовой информации, пишет Л. Харрисон, воздействуют на наши умы, а через умы, через наше поведение – на экономику. Они позволяют осуществлять передачу разных моделей поведения из различных регионов мира не только по временной шкале (в таком случае общества менялись бы крайне медленно), но и по горизонтали. Телевидение сегодня выступает в качестве площадки для проведения различного рода ток-шоу, круглых столов и т. п., где происходит не только обмен уже существующими идеями, что важно само по себе, но порой рождаются и новые идеи [7].

Однако, к сожалению, многие современные средства массовой информации, прежде всего электронные, давно забыли о своем предназначении. Через них пропагандируется все, что угодно, в том числе ложь и убийства, обман и предательство. «Сегодня на телевидении похабщина, кровь, насилие, и дети это смотрят, – отметил Павел, митрополит Минский и Заславский, Патриарший Экзарх всея Беларуси. – Вы включите в любой день телевизор. Я иногда посмотрю новости, щелкаю, думаю, чем люди интересуются, что людям показывают. Ни одного дня не проходит, чтобы на экранах не было каких-то фильмов о насилии, стрельбе, крови. Я не смотрю это насилие, мне просто неприятно. Но ведь дети смотрят их, идет исподволь воспитание» [11]. Некоторые средства массовой информации вместо укрепления расшатывают основы государства, общественной жизни и семейные устои, смакуют негативные явления в частной жизни. Все это отрицательно сказывается на стабильности и нравственных устоях общества, укреплении единства социума, отвлекает людей от решения важнейших проблем и формирует паразитическое отношение к жизни, чувство безразличия к себе и другим людям.

Огромное значение в поиске новой цивилизационной парадигмы развития белорусского общества имеет социология. В последние годы ее авторитет постоянно растет. Это обусловлено инновациями во всех сферах общественной жизни. Без знания реального положения дел и понимания происходящих в обществе процессов невозможно внедрение в жизнь смелых идей. Налицо все возрастающая потребность человечества в социологическом знании и вырабатываемых социологией подходах к анализу социальной реальности. Именно социологи анализируют, почему происходят те или иные процессы, почему они происходят именно таким образом, и что надо делать, чтобы избежать негативных последствий. И особенно важна роль социологии при изучении социальных институтов, влияющих на развитие некоторых элементов цивилизационного кода. Современное социологическое знание обладает не только эвристичностью – способностью объяснять и предсказывать закономерности, регулирующие жизнь социумов, но и прагматичностью – способностью вырабатывать эффективные решения конкретных проблем. Социологи способны в полной мере осознавать свою социальную ответственность перед обществом, помогать ему решать имеющиеся задачи. Теперь перед ними новая важная задача – поиск эффективной цивилизационной парадигмы развития белорусского общества [12].

Цивилизационный код – это ценности и идеология, организация и стиль. Различные социальные и политические субъекты предлагают разные векторы развития для всей цивилизации, стремясь обеспечить их доминирование. Для успешного движения вперед в условиях масштабных политических и экономических преобразований необходим комплексный анализ взаимосвязи, характера и динамики социально-экономических структур населения и системообразующих элементов цивилизационного кода, формирование на этой основе исторически и культурно адаптированных моделей национального развития. В условиях глобализации и интеллектуальной дискуссии с соседями, сторонниками и противниками важно понять, почувствовать ту роль, которую играют цивилизационные структурные различия в современных политических, экономических и социальных процессах [1; 2; 6].

Список использованных источников

1. *Котляров, И. В.* Цивилизационная парадигма белорусского общества: теоретическо-методологические основания / И. В. Котляров // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2016. – № 4. – С. 20–32.

2. *Котляров, И. В.* Цивилизационный код белорусского общества и неэкономические резервы современной экономики (социологические тренды) / И. В. Котляров // Институциональные механизмы развития малого и среднего бизнеса : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28–29 янв. 2016 г. – Минск : ИПП, 2016. – С. 27–41.

3. *Остроменский, М. П.* Смыслы, язык и ценности народа [Электронный ресурс] / М. П. Остроменский // Война и мир. Аналитика. – Режим доступа: http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057. – Дата доступа: 20.11.2016.

4. *Глазьев, С. Ю.* Нравственные начала в экономическом поведении и развитии – важнейший ресурс возрождения России / С. Ю. Глазьев // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. – М., 2008. – С. 406.

5. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Моск. школа полит. исследований, 2002. – 320 с.

6. Россия как цивилизация: материалы к размышлению / под общ. ред. О. И. Шкаратана, В. Н. Лексина, Г. А. Ястребова. – М. : Ред. журн. «Мир России», 2015. – 466 с.

7. *Харрисон, Л.* Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон. – М. : Мысль, 2014. – 286 с.

8. *Котляров, И. В.* Беларусь между прошлым и будущим / И. В. Котляров // Белая вежа. – 2014. – № 7. – С. 92–105.

9. *Котляров, И. В.* На пути к будущему. Социологические тренды / И. В. Котляров // Беларус. думка. – 2015. – № 1. – С. 89–96.

10. THE. Ревизию белорусского спорта нужно начать с вопроса «Зачем нам вообще спорт высших достижений?» Андрей Вашкевич не критикует, а задает на первый взгляд простые вопросы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pressball.by/pbonline/exclusive/82837. – Дата доступа: 20.11.2016.

11. На ТВ похабщина, кровь, насилие, и дети это смотрят. Митрополит Павел о нападении в ТЦ «Европа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.tut.by/society/515873.html. – Дата доступа: 13.10.2016.

12. Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.] ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.] ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 499 с.

I. V. KOTLIAROV

SOCIOLOGY IN SEARCH OF A NEW BELARUSIAN SOCIETY DEVELOPMENT MATRIX

Summary

The role of sociology in the search for a new paradigm of social development is shown in the article. Within the analysis of civilizational code of Belarusian society as an economic factor there is the analysis of main challenges that sociology must solve at the present stage of Belarusian statehood formation.

Keywords: Republic of Belarus, sociology, public opinion, the Institute of Sociology, civilizational code, sociological surveys, the Belarusian society development paradigm.

Поступила 12.12.2016 г.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

УДК 316.012:316.1(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,
доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ)

Раскрыта история создания Содружества Независимых Государств, Союзного государства Беларуси и России, Евразийского экономического союза, их роль в развитии белорусского общества и решении интеграционных задач, проанализированы результаты республиканского репрезентативного социологического исследования, предложены конкретные шаги по повышению авторитета СНГ и ЕАЭС в условиях инноваций и кризисов, рисков и турбулентности, бифуркации и неопределенности.

Ключевые слова: социологический мониторинг, Республика Беларусь, интеграция, Содружество Независимых Государств, Союзное государство Беларуси и России, Евразийский экономический союз.

Современное время – это время открытий, вызовов, рисков, бифуркаций, катаклизмов. И многим кажется, что рисков, проблем, вызовов значительно больше, чем радостей и открытий. То, что создавалось веками, тысячелетиями, многими поколениями людей, сейчас рушится и уничтожается. Происходит отказ от базовых, традиционных ценностей цивилизации. Разрушается освященный природой институт семьи как естественного союза между мужчиной и женщиной. Это касается и территориальных образований. Разрушен Советский Союз, с политической карты исчезли Югославия и Чехословакия, под угрозой существование в современных границах Великобритании, Испании, Украины. На Ближнем Востоке людей убивают только за то, что они молятся другому богу и исповедуют другие ценности. Маленькие дети с родителями стремятся через Средиземное море навстречу счастью и радости, а находят смерть на пустынных берегах. Неужели человечество выбрало страшный и разрушительный вектор? Вопрос, как говорится, риторический.

Однако это не совсем так. Сегодня многие политики, и не только, прекрасно понимают: для того чтобы пережить трудные времена, необходимо быть вместе, совместно решать многочисленные проблемы. И это совершенно правильно. Стремление к единству и содружеству, к объединению в различные ассоциации, организации, партии – одно из важнейших качеств разумных сообществ.

Как результат, в то время, когда в мире многое рушится, в условиях кризисов и бифуркаций постоянно идут и совсем другие процессы – интеграции различных политических, социальных, экологических, конфессиональных и других сил, которые стремятся вместе добиваться тех или иных целей, решать те или иные проблемы. Опыт современных государств показывает, что традиционная модель конкуренции постепенно уходит в прошлое, а ее место все в большей мере начинает занимать интеграционная матрица. Как ни парадоксально, но если раньше страны для роста своего престижа и международного статуса проводили политику укрепления национального суверенитета, то в условиях современного многополярного мира ряд государств, претендующих на важнейшие роли в регионах, стремятся стать ведущими политическими игроками интеграционных объединений.

Интеграция в условиях стремительной глобализации ведет к установлению более тесных экономических, политических, научных, культурных связей между странами-участницами, ликвидирует либо существенно ослабляет барьеры на пути движения идей, знаний, товаров, услуг, капитала, рабочей силы. Движущей силой интеграции является политическая воля лидеров государств и поддерживающих их элит и народов.

Первым интеграционным объединением на основе бывшей великой державы стало Содружество Независимых Государств. Это целостная система стран и наций, различных культур и конфессий, стремящихся к сотрудничеству на единой ценностной платформе.

События восьмидесятых-девяностых годов прошлого столетия белорусский народ встретил достаточно напряженно, бурлили и соседние Литва, Латвия, Эстония. Это показал очередной этап социологического мониторинга изучения социально-политической ситуации, который состоялся в октябре 1990 г. Однако в это сложное время только 12 % жителей республики высказались за выход Белорусской ССР из состава Советского Союза.

Что думали люди о происходящем? Одним из первых социологических исследований, проведенных после придания Верховным Советом Республики Беларусь Декларации о независимости статуса конституционного акта, стал опрос «Беларусь в поставгустовский период». Он прошел в декабре 1991 г.

События, происходившие в Республике Беларусь после августа 1991 г., привели к глубочайшему кризису в стране, охватившему все сферы общественной жизни и перераставшему в национальную катастрофу. Падали объемы промышленного производства. Стояли фабрики и заводы. Происходило разрушение денежно-финансовой системы, наблюдалось отчуждение производителя от средств производства. Продолжались растаскивание и дикая «прихватизация» государственной собственности. Наблюдался рост безработицы. На первом месте среди проблем, особо беспокоивших людей, стоял рост цен: только проезд в городском транспорте за перестроечные и постперестроечные годы вырос в сто тысяч раз. Разрушался агропромышленный комплекс. На грани истощения находилась земля, ее потенциал существенно уменьшился. Это на себе почувствовали жители всех регионов страны.

Как результат, в социальной сфере усилились процессы расслоения общества на богатых и бедных. Социальная дифференциация населения Беларуси подошла к той черте, за которой социальные группы, создающие материальные блага, считали, что они живут хуже других. По объему потребления материальных благ Беларусь оказалась отброшенной на десятки лет назад. По данным социологических исследований, более четверти пенсионеров покупали мясо один раз в месяц.

В это время более четырех пятых населения Беларуси заявили, что они искренне сожалеют о распаде Советского Союза, выступают за восстановление теснейших связей с братской Россией и другими бывшими республиками бывшего СССР. Причем наиболее высокие результаты были получены в восточных регионах Беларуси.

Необходимо было срочно найти выход из критического состояния. Для этого требовалась принципиально новая целостная модель интеграции. Именно ей стало Содружество Независимых Государств, проект, который, по мнению многих респондентов, стал уникальным и достаточно удачным. Во многих бывших республиках Советского Союза СНГ понималось как единственно правильный шаг на пути становления единого социально-экономического и политического пространства с мощным научно-технологическим и производственно-ресурсным потенциалом. Особое значение для нашей страны имело и то, что внешние рынки для Беларуси «сжались», а всем хозяйствующим субъектам всегда нужны масштабные, емкие рынки, и чем больше они будут, тем лучше. Объективно каждой стране выгодно входить в организации, подобные СНГ. Сегодня Содружество Независимых Государств – это многомерная реальность, вобравшая в себя широкий спектр экономических и социальных, политических, военно-стратегических, демографических и иных вопросов.

Жители Беларуси поддержали создание и развитие Содружества Независимых Государств. В начале 1996 г., как показали социологические исследования, проведенные Белорусским институтом анализа и прогноза при Администрации Президента Республики Беларусь, таких респондентов было более трех четвертей. Однако и политиков, и теоретиков, и простых людей волновал вопрос: «По каким направлениям должно развиваться СНГ на современном этапе?» Этот вопрос и был задан жителям страны. Вот как распределились ответы респондентов (табл. 1).

Однако Содружества Независимых Государств было явно недостаточно. Многие вопросы, которые волновали людей, в рамках СНГ решались не в полной мере. В республике была ярко выражена ностальгия по прежним временам. Результаты февральского (1996 г.) этапа мониторинга показали, что 75,4 % жителей Беларуси сожалеют о распаде Советского Союза. Более двух третей населения Беларуси требовали от своих избранников – депутатов Верховного Совета – одобрить (ратифицировать) Договор об углубленной интеграции Беларуси и России. И только 10,2 % жителей Беларуси высказались против этого решения.

Таблица 1. **По каким направлениям должно развиваться СНГ на современном этапе?**

Направления развития СНГ	%
Координация совместных действий, направленных на стабилизацию экономики стран СНГ	65,5
Расширение культурных отношений между двумя народами	44,4
Формирование единой внешнеполитической стратегии	31,8
Создание единой системы национальной безопасности	12,5
Формирование единых государственно-управленческих структур	12
Создание единой армии	4,1

Как показали результаты социологических исследований, было достаточно много причин для принятия подобного нормативного акта. Во времена Советского Союза Белорусская ССР являлась своеобразным сборочным цехом огромной страны. В ней получили развитие многие отрасли народного хозяйства, обеспечивавшие своей продукцией все союзные республики и многие зарубежные государства. Здесь выпускали, например, тракторы «Беларусь», большегрузные автомобили, электронно-вычислительную технику. Все это поставлялось в различные регионы Российской Федерации. С другой стороны, по мнению жителей Беларуси, Россия – это рынки сбыта и источники сырья для белорусских предприятий, это газ, нефть и электроэнергия для нашей страны, это постоянная работа для многих жителей республики.

Еще один фактор – духовно-исторический – способствовал теснейшей интеграции Беларуси и России. Судьбы белорусского и российского народов исторически тесно связаны между собой, и только десяток лет назад были разделены границами. По данным социологических исследований, более трех четвертей жителей Беларуси имели родственников в России. Общей являлась и религия (православие), которую исповедовали в наших государствах большинство граждан. Русский язык, на котором в Беларуси разговаривает подавляющее большинство жителей, получил государственную поддержку. Кстати, за два государственных языка – русский и белорусский – постоянно высказываются более 80 % населения страны. Только 0,2 % жителей страны испытывали некоторую неприязнь к русским.

Очень важен был и военный фактор. Именно в Беларуси была хорошо оборудована западная граница, граница с НАТО, в которую практически не надо вкладывать новых огромных средств или строить новые оборонительные сооружения около Смоленска. У Беларуси сильная противовоздушная оборона, которая была способна защитить территории Беларуси и России от натовских бомбардировщиков.

Народ требовал срочного принятия конкретных мер по теснейшему сближению российского и белорусского народов. 2 апреля 1996 г. президенты Беларуси и России поставили свои подписи под документом, который ознаменовал рождение нового интеграционного союза. Это образование стало одним из наиболее эффективных вариантов решения многочисленных

проблем, появившихся после распада Советского Союза. Постепенно активизировались экономические, социальные, культурные, духовные связи между двумя государствами, народами, регионами и городами, хозяйствующими субъектами, рядовыми россиянами и белорусами, началось реальное наполнение интеграционных процессов. Люди стали отходить от шока, связанного с развалом СССР, разрушением всего того, что объединяло братские народы. Как показали социологические исследования, создание Союзного государства поддержало подавляющее большинство населения страны.

Однако с ускорением процессов глобализации подобного формата общественных отношений Союза Беларуси и России было явно недостаточно. Появилась необходимость в новой модели взаимодействия стран. Такой структурой стал Евразийский экономический союз. Он создавался в рамках определенной исторической закономерности, имел богатый ресурсный и экономический потенциал, уникальную транзитную перспективу и выгодное сочетание природно-географических, демографических и социально-экономических условий. Особая евразийская культура, вобравшая в себя богатейшее культурное наследие славянских, тюркских и других многочисленных европейских и азиатских этносов, была способна оказывать огромное влияние на совершенствование евразийского пространства и мировой цивилизации, развитие экономики входящих в ЕАЭС государств. В России, Беларуси и Казахстане Евразийский союз многими понимался как правильный шаг на пути становления единого экономического пространства с мощным научно-технологическим и производственно-ресурсным потенциалом. Как показывает социальная реальность, интегрироваться рано или поздно придется всем государствам. Объективно каждой стране выгодно входить в организации, подобные Евразийскому экономическому союзу.

Социологические исследования «Беларусь–2030», проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, помогли определить преимущества и проблемы интеграции постсоветских государств и создания Евразийского экономического союза. Почти половина опрошенных жителей Беларуси были убеждены, что данное интеграционное межгосударственное объединение приведет к расширению рынков сбыта белорусских товаров и услуг – относительно конкурентоспособных белорусских товаров с высокой добавленной стоимостью: машин, оборудования и транспортных средств, созданию более благоприятных условий. Треть респондентов видели в данном интеграционном объединении возможность расширения доступа Беларуси к инновационным технологиям и обмену специалистами. Многие жители Беларуси считали, что государства – члены ЕАЭС получат возможность пользоваться преимуществами низких цен на многие товары, а также снижением расходов, связанных с транспортировкой грузов; динамичнее развивать рынки за счет увеличения конкуренции; повышать производительность труда; увеличивать объемы экономики за счет роста спроса на производимые товары.

В то же время существуют определенные трудности и противоречия, с которыми приходится сталкиваться Беларуси при функционировании Евразийского экономического союза. Чаще всего опасения высказывались в связи с возможным оттоком наиболее квалифицированных специалистов в страны ЕАЭС. Треть граждан республики проявляли особую тревогу в связи с возможным снижением конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке. Причем только около пяти процентов однозначно высказались против формирования подобных интеграционных объединений.

В декабре 2016 г. исполнилось 25 лет со дня образования Содружества Независимых Государств. Этот год является юбилейным и для Союзного государства Беларуси и России. Можно подводить некоторые итоги.

Накопленный опыт позволяет объективно оценивать прошлое и настоящее Союзного государства, СНГ и ЕАЭС, более обоснованно прогнозировать их будущее. Социальная реальность и социологические исследования показывают, что интеграционные объединения состоялись. Они подтвердили свою важную историческую роль в мировых и региональных политических и социальных, экономических и культурных процессах. Именно во многом благодаря им торгово-экономические отношения переведены на принципиально новую основу, налажены постоянный политический диалог, сотрудничество в сфере образования и науки, безопасности и стабильности. СНГ, например, стало единственной в своем роде площадкой многостороннего сотрудничества его участников практически по всем вопросам.

Президент Республики Беларусь, выступая на Пресс-конференции для представителей российских региональных средств массовой информации – участников традиционного пресс-тура в Беларусь в ноябре 2016 г., особо подчеркнул, что «мы соблюдаем все договоренности с Россией в рамках Союзного государства, ОДКБ, ЕАЭС. Отстаиваем экономические интересы, пресекая попытки ввоза попавших под эмбарго западных товаров. Одновременно проводим работу по их замещению нашей продукцией» [1]. К слову сказать, подобные встречи с представителями средств массовой информации в Беларуси проходят регулярно.

«Уже сейчас белорусско-российские отношения имеют возможность выйти на качественно новый уровень и дать очередной толчок скорейшему становлению Евразийского экономического союза, – заявил Президент Беларуси. – Подчеркну, что основой для его создания стало именно Союзное государство. При всем масштабе целей и задач, которые отражены в Договоре о создании ЕАЭС, этому интеграционному объединению по целому ряду направлений еще предстоит подняться до уровня нашего с вами союза» [1].

Глава государства отметил, что граждане обеих стран уже привыкли к отсутствию границ между двумя государствами, равному доступу к образованию, услугам здравоохранения, единым подходам к системе социальных гарантий, беспрепятственному трудоустройству, свободе передвижения и выбора места жительства.

«Наши крепкие союзнические отношения неизменно проявляются и на международной арене, где мы сталкиваемся с новыми угрозами и вызовами. Сегодня планету трясет от междоусобиц, терроризма и военных конфликтов», – заявил Александр Лукашенко [1].

В это непростое время, выразил уверенность Президент Беларуси, белорусам и россиянам нужно держаться вместе. Быть сильными, уметь заставить считаться с собой, сообща отстаивать свои интересы. «У нас есть ни с чем не сравнимая ценность – мир и согласие в доме. Всеми силами мы обязаны беречь это достояние. Чтобы за спокойную жизнь людей не пришлось платить кровью, как это происходит во многих местах», – подчеркнул Глава белорусского государства [1].

Институт социологии НАН Беларуси постоянно изучает отношение жителей Беларуси к ЕАЭС. По мнению многих респондентов, после долголетних поисков своего магистрального пути появился Евразийский экономический союз, который, несмотря на все проблемы и сложности начального периода интеграции, дает положительные результаты. Так, например, в течение 2016 г. целый ряд государств ЕАЭС, прежде всего Армения и Кыргызстан, показывают значительный рост экспорта в другие страны союза. Многие жители Беларуси на себе почувствовали тяжесть проблем от разорванных экономических связей. Поэтому они стали своеобразным катализатором, одними из тех, кто попытался перезагрузить механизм интеграции на постсоветском пространстве. Недаром именно в Беларуси появилась дефиниция «интеграция интеграций», введенная в политический оборот в начале нулевых годов XXI в., и которая означает интеграцию евразийской и европейской интеграций. Президент Беларуси Александр Лукашенко делает многое для реализации «интеграции интеграций».

Граждане Беларуси в целом полностью поддерживают создание нового интеграционного образования и следующим образом ответили на вопросы об интеграции (табл. 2, 3).

Распад Советского Союза существенным образом повлиял на социальное самочувствие жителей Беларуси. Уничтожены многие прежние идеалы. Разрушены материальные, духовные, культурные, научные ценности. Многие социальные группы усиленно искали возможности восстановления утраченного и обратили свои взоры на возможные интеграционные структуры (табл. 4).

Интересен и поучителен сложный путь становления и развития Содружества Независимых Государств. Происходившие в течение последних 25 лет социальные процессы и политические события, прорывы на различных направлениях общественной, духовной жизни и политические и социальные движения назад, выдающиеся достижения культуры и прискорбные социально-политические явления, процессы сближения и моменты отчуждения, взаимного непонимания – все это подвергалось различным, порой взаимоисключающим оценкам, выпячиванию одних сторон и замалчиванию других. Однако в целом успешно преодолены центробежные тенденции, найдены

Таблица 2. **Одобряете ли Вы создание на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС)?**

Вариант ответа	%
Да, одобряю	25,2
Скорее одобряю	30,6
Скорее не одобряю	6,4
Нет, не одобряю	4,6
Затрудняюсь ответить	32,7

Таблица 3. **Поддерживаете ли Вы вхождение нашей страны в Евразийский экономический союз (ЕАЭС)?**

Вариант ответа	%
Да	25,1
Скорее да	31,4
Скорее нет	6,3
Нет	4,9
Затрудняюсь ответить	32,0

Таблица 4. **Как Вы полагаете, какие цели и ценности должны находиться в основе интеграционных процессов ЕАЭС?**

Вариант ответа	%
Достижение продуктивной занятости, свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда в ЕАЭС	33,6
Обеспечение благоприятной экологической среды в странах ЕАЭС	14,7
Обеспечение коллективной безопасности ЕАЭС	24,6
Обеспечение прав человека в ЕАЭС	17,1
Повышение благосостояния населения каждого из государств – членов ЕАЭС	31,3
Поддержание благоприятной среды межнационального взаимодействия государств – членов ЕАЭС	12,3
Согласованное пенсионное обеспечение граждан государств – членов ЕАЭС	11,1
Социальное сплочение (солидарность) перед лицом внешних угроз каждого из государств – членов ЕАЭС	13,3
Формирование общего образовательного и культурного пространства ЕАЭС	8,2
Другое	0,2
Затрудняюсь ответить	33,1
Нет ответа	0,6

оптимальные формы сотрудничества, институты СНГ адаптировались к многочисленным потребностям многостороннего взаимодействия, отказались от завышенных ожиданий. Как результат, сложилась модель разноформатного и разноуровневого сотрудничества, предполагающая гибкость и избирательное участие государств СНГ в принятии управленческих решений при стремлении к достижению консенсуса.

Как показало социологическое исследование «Изучить механизмы проявления и воспроизводства цивилизационного кода в современном обществе

и влияния его составляющих на развитие белорусской экономики» (*N* = 2100), проведенное в сентябре 2016 г. Институтом социологии НАН Беларуси, около половины жителей Беларуси отметили, что вступление Беларуси в СНГ в целом положительно повлияло на социально-экономическую ситуацию в нашей стране, 5,7 % – негативно.

Таблица 5. **Как Вы считаете, как вступление Беларуси в СНГ повлияло на социально-экономическую ситуацию в нашей стране?**

Вариант ответа	%
Позитивно	16,2
Скорее позитивно, чем негативно	32,6
Никак не повлияло	15,8
Скорее негативно, чем позитивно	3,8
Негативно	1,9

По мнению трети населения страны, вступление Беларуси в СНГ позволило восстановить экономические связи, разорванные в результате разрушения Советского Союза. Пятая часть населения страны считает, что СНГ обеспечило более низкие цены на энергоносители и экономическую поддержку со стороны России (табл. 6).

Таблица 6. **Как вы считаете, что дало Беларуси вступление/создание СНГ после распада СССР?**

Вариант ответа	%
Смягчение последствий распада СССР	16,8
Сохранение независимости Беларуси как государства	15,5
Налаживание экономических связей, разорванных в ходе распада СССР	31,6
Координация усилий при защите границ и коллективной безопасности	13,5
Сохранение культурных и образовательных связей	16,0
Более низкие цены на энергоносители и экономическую поддержку со стороны России	21,2
Нет ответа	0,7

Страны СНГ за 25 лет стали значительно ближе друг к другу, чем в катастрофическом 1991 году. Это очень важно, ведь в странах СНГ проживают большое количество родственников и друзей респондентов. Так, например, в России проживает более трех миллионов близких гражданам Беларуси людей, в Украине – более двух миллионов (табл. 7).

Жителей Беларуси в целом, как показывают результаты социологических исследований, интересует положение дел в различных сферах жизнедеятельности стран СНГ. Конечно, больше всего интересует положение дел в России и в Украине. Интерес к другим странам меньше. Однако, например, кухней Азербайджанской Республики интересуются 18,8 % жителей Беларуси, Республики Армения – 16,0 %, Республики Узбекистан – 15,5 %. Для сравнения

Таблица 7. **Проживают ли в странах СНГ Ваши друзья или родственники?**

Страна	%
Азербайджанская Республика	1,9
Республика Армения	1,3
Республика Казахстан	4,9
Кыргызская Республика	0,9
Республика Молдова	3,1
Российская Федерация	37,6
Республика Таджикистан	0,7
Туркменистан	0,7
Республика Узбекистан	0,5
Украина	24,7

можно отметить, что к кухне Российской Федерации и Украины проявили интерес 22,2 и 25,9 % респондентов соответственно.

География стран СНГ, их территориальная организация и особенности ее проявления во вновь созданных государствах, республиках бывшего СССР, интересует многих жителей Беларуси. Опять-таки на первом месте Российская Федерация – 18,4 %. Далее идут Украина – 13,1 %, Республика Армения – 9,4 %, Республика Казахстан – 6,3 % респондентов, проявивших интерес к географии этих государств.

Все большее количество исторических мест СНГ, известных во всем мире достопримечательностей посещаются туристами, причем не только из бывших союзных республик, но и гостями из-за рубежа, даже из других континентов. В ходе своей поездки туристы имеют возможность непосредственно ознакомиться с богатой историей, культурой и искусством, историческими памятниками, духовным наследием братских народов. Туристический потенциал и возможности стран СНГ неуклонно повышаются. Треть жителей Беларуси интересуют исторические места Российской Федерации, четверть – Украины, пятую часть – Республики Казахстан, Республики Армения, Республики Молдова. В номинации «Литература», «Кино», «Музыка» также с большим отрывом лидируют Российская Федерация и Украина. В то же время литературой Азербайджанской Республики, Республики Молдова, Республики Таджикистан интересуется только 2 % населения Беларуси (третье место). Примерно такая же картина с кинематографом. Кино Республики Казахстан интересует 2,8 %, Республики Молдова – 2,6 %, Республики Таджикистан – 2,5 % респондентов. Интерес к музыке Республики Молдова проявили только 3,4 % населения страны, Азербайджанской Республики – 3,3 %, Республики Казахстан – 3,1 %, Республики Армения – 3,0 %. Даже обидно, что многие жители Беларуси не читали, не знают великолепных произведений киргиза Чингиза Айтматова; казахов Олжаса Сулейменова и Аскара Сулейменова, молдаванина Иона Друцэ; узбека Тимура Пулатова; азербайджанца Чингиза Абдуллаева; украинца Бориса Олейника, чукчи Юрия Рытхэу; манси

Ювана Шесталова; нивха Владимира Санги и многих, многих других. Даже не верится, что в Беларуси есть люди, которые не смотрели фильмы «Мимино» и «Отец солдата» грузинских кинематографистов. Но, с другой стороны, как отметили многие респонденты, за последние 25 лет белорусские писатели и кинематографисты не создали ни одного произведения, которые будут читать и смотреть будущие поколения.

Как оказалось, около половины жителей страны плохо осведомлены о том, что происходит в странах СНГ. Возникает вопрос: почему? Как оказалось, респондентам Беларуси явно не хватает информации о многих государствах Содружества. Как показывают социологические исследования, основную информацию жители Беларуси получают из следующих источников (табл. 8).

Таблица 8. **Из каких источников Вы получаете информацию о странах СНГ?**

Вариант ответа	%
Белорусское телевидение	65,9
ТВ других стран	26,2
Белорусские газеты, журналы	21,0
Газеты, журналы других стран	10,6
Интернет	53,4
Белорусское радио	11,9
Радио других стран	4,3
От друзей, знакомых	22,2

65,9 % респондентов получают информацию о странах СНГ от белорусского телевидения. Но она не системна, фрагментарна, малоинформативна, недостаточно глубока и интересна, и вообще желает лучшего. Более половины респондентов получают информацию из Интернета. Однако и здесь есть претензии. От друзей и знакомых респонденты узнают о странах СНГ больше, чем из белорусских газет и журналов, от белорусского радио. Респондентами было предложено постоянно информировать жителей Беларуси о жизни в странах СНГ, на телеканалах создать постоянные тематические передачи, рубрики о наших друзьях из СНГ, посвящать им специальные выпуски газет и журналов. Отсутствие каких бы то ни было научных разработок – одна из причин существования в массовом сознании белорусского общества некоторых ложных стереотипов, обывательских представлений о других государствах СНГ, их культуре и образе жизни, менталитете и традициях. Наш Институт мог бы в какой-то мере помочь средствам массовой информации в социологической сфере, в сопровождении освещения и изучения жизни наших друзей.

В социологической анкете содержался вопрос: «Что именно в сфере культуры, литературы, искусства Вам интересно в плане сотрудничества между Республикой Беларусь и странами СНГ?» На основании ответов можно сделать определенный анализ положения дел в данных сферах.

Утверждены и реализуются концепции сотрудничества в сфере культуры и развития образования государств – участников СНГ. Постоянно проводятся конференции, театральные и музыкальные фестивали, кинофорумы, другие мероприятия, направленные на установление новых творческих связей. В то же время есть конкретные предложения от белорусских зрителей, слушателей, посетителей кинотеатров и Домов культуры.

Таблица 9. **Что именно в сфере культуры Вам интересно в плане сотрудничества между Республикой Беларусь и странами СНГ?**

Вариант ответа	%
Создание совместных фильмов	31,5
Проведение музыкальных фестивалей	30,0
Проведение кинофестивалей, театральных фестивалей	22,1
Обмен выставками изобразительного, архитектурного искусства	14,0
Проведение встреч с деятелями культуры	8,1
Издание книг популярных авторов СНГ	9,8
Организация выездных книжных выставок	3,7
Другое	0,5

В сфере культуры на первом месте стоит создание совместных фильмов. Так ответили около ⅓ респондентов. Они хотели бы, чтобы белорусские кинематографисты и их коллеги из стран СНГ – режиссеры, актеры, сценаристы создали бы такой фильм, который смотрели бы будущие поколения (табл. 9).

В области образования формируется общее образовательное пространство, обеспечиваются равный доступ граждан в общеобразовательные учреждения, взаимное признание и эквивалентность документов о среднем (общем), начальном профессиональном и среднем профессиональном (специальном) образовании, осуществляется повышение квалификации и переподготовка специалистов.

В научной сфере активизируется взаимодействие в создании общего научно-технологического пространства при организационной и координирующей роли отраслевых органов по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах, в области фундаментальной науки и научно-технической информации. Однако и здесь есть конкретные предложения (табл. 10).

Таблица 10. **Что в сфере науки и образования Вам интересно в плане сотрудничества между Республикой Беларусь и странами СНГ?**

Вариант ответа	%
Обмен студенческими группами	24,7
Обмен группами школьников	12,5
Стажировка молодых ученых	22,9
Разработка совместных научных проектов	27,5
Создание совместных научно-исследовательских институтов	14,4

Как отмечают респонденты, в сфере образования необходимо создать реальную возможность социальной мобильности, прежде всего обмена студенческими группами. Поддерживают эту идею более двух третей респондентов, проявивших интерес к странам СНГ. Но решением этой проблемы необходимо заниматься, а не просто поговорить, пообещать и забыть.

Углублению разностороннего взаимодействия в рамках СНГ способствует формирование общего информационного пространства, расширение межгосударственного информационного обмена, создание и развитие совместных информационно-телекоммуникационных систем (табл. 11).

Таблица 11. **Что в коммуникационной сфере Вам интересно в плане сотрудничества между Республикой Беларусь и странами СНГ?**

Вариант ответа	%
Доступность ТВ-каналов стран СНГ	45,8
Создание совместных радио-/телепередач	24,3
Распространение газет, периодических изданий стран СНГ	13,7

Подавляющее большинство жителей Беларуси убеждены, что в сфере спорта мы все должны учиться друг у друга. В каждой республике СНГ есть свои чемпионы мира, олимпийские чемпионы. Как сделать так, чтобы опыт каждого из государств стал бы нашим общим опытом? Интересы жителей Беларуси в сфере спорта и туризма показаны в табл. 12.

Таблица 12. **Что в сфере спорта и туризма Вам интересно в плане сотрудничества между Республикой Беларусь и странами СНГ?**

Вариант ответа	%
Развитие и организация туристических маршрутов	34,1
Проведение соревнований, олимпиад	43,6
Организация тренировочного процесса на базах стран СНГ	19,3
Привлечение тренеров из стран СНГ	15,0

Как показывают социологические исследования, в развитии Содружества Независимых Государств объективно заинтересованы все его участники. Во внешнеторговых связях Беларуси и Молдовы, Таджикистана и Узбекистана, Армении и Азербайджана, других государств СНГ играет значительно более существенную роль, чем, например, во внешнеторговом обороте России. Кроме того, страны СНГ приобрели отрицательный опыт вхождения в мировой рынок поодиночке. Потери былых рынков и реальных торговых возможностей, которые обеспечивал Советский Союз, ничем не компенсировались. Как результат, общий объем экспорта стран Содружества даже в условиях роста цен на сырье постоянно уменьшается.

При всех проблемах интеграция в рамках Союзного государства, Евразийского экономического союза, СНГ – это огромное достижение. Нам всем надо заново учиться жить, отличать зерна от плевел, чтобы не отождествлять

настроения и желания народов с политикой правительств, которые от имени людей способны вершить недобрые дела, не допускать отождествления подлинно национальных интересов с амбициями различных политических элит. Научиться, наконец, отстаивая собственные национальные приоритеты, учитывать желания и интересы партнеров и соседей. Мы, белорусы и россияне, казахи и украинцы, армяне и грузины, киргизы и азербайджанцы, туркмены и таджики, сформировались как нации. Двадцать пять лет мы живем в суверенных государствах. У нас есть свои культурные матрицы, свои особенности, свои преимущества, свои приоритеты, свои проблемы. И все же, вопреки пророчествам некоторых доморощенных и зарубежных оракулов и подстрекателей, наши страны и народы связаны человеческими, духовными, культурными узами, экономическими отношениями, деловыми интересами. Содружество Независимых Государств постепенно стало сообществом единства в мире хаоса и вызовов, организованной силой борьбы против рисков и бифуркаций. Это важно. И это надо сохранить.

Институт социологии НАН Беларуси в рамках нового оригинального проекта «Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение» осуществил попытку найти все то лучшее, что есть в наших государствах, и поставить на службу всем нашим народам.

Список использованных источников

1. *Лукашенко, А.* Белорусско-российские отношения имеют возможность выйти на качественно новый уровень [Электронный ресурс] / А. Лукашенко. – Режим доступа: http://www.postkomsg.com/actual_comment/211344/. – Дата доступа 24.11.2016.

I. V. KOTLIAROV

INTEGRATION PROCESSES IN THE HUMAN DIMENSION (SOCIOLOGICAL TRENDS)

Summary

The history of the Commonwealth of Independent States (CIS) as well as the Union State of Belarus and Russia and the Eurasian Economic Union (EEU) is disclosed in the article. Their role in the development of the Belarusian society and integration problems solving are shown. The results of the national representative sociological study is analyzed. Concrete proposes to improve the CIS and the EEU authority in terms of innovation and crises, risks and turbulence, bifurcations and uncertainties.

Keywords: sociological monitoring, the Republic of Belarus, integration, the Commonwealth of Independent States, the Union of Belarus and Russia, the Eurasian Economic Union.

Поступила 25.11.2016 г.

УДК 316.334.2(476)

Г. Н. СОКОЛОВА,
доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВСТУПЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Исследован «коридор экономических и социальных возможностей», предоставленный Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) для Республики Беларусь; выявлен уровень информированности и уровень поддержки белорусским населением вхождения Республики Беларусь в ЕАЭС; проанализированы социальные проблемы, связанные со вступлением в ЕАЭС, для разных социально-демографических групп населения; рассмотрены стратегии адаптационного поведения, реализуемые белорусским населением в ходе интеграционных процессов; обоснованы факторы сужения/расширения коридора возможностей в ходе преодоления негативных социальных последствий вступления Республики Беларусь в ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, общественное мнение, интеграционные процессы, коридор экономических и социальных возможностей, факторы сужения/расширения коридора.

Современная глобализация затрагивает все экономики мира и ставит перед ними серьезные вызовы, предполагающие экономические, социальные и культурные трансформации, направленные на повышение уровня и качества жизни населения. От способности национальных экономик своевременно и адекватно ответить на поставленные вызовы зависит, насколько глубинными и долговременными будут изменения во внутренней социально-экономической ситуации и как они отразятся на уровне и качестве жизни различных социально-демографических групп. Интегрирующим моментом в отношениях Беларуси и других членов – участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является переход к *однотипным механизмам* регулирования экономики в рамках Единого экономического пространства. Однако внутри каждой из стран глубина и темп социальных изменений *неодинаковы в разных областях общественной жизни,* их воздействие различно для разных социальных групп и определяется доступными им индивидуальными ресурсами и реализуемыми стратегиями адаптационного поведения. С одной стороны, происходящие социально-экономические трансформации ставят население перед необходимостью изменять привычные модели поведения в соответствии с расширением/сужением коридора экономических и социальных возможностей. С другой стороны, население (социальные группы) также способно ока-

зывать влияние на социально-экономические преобразования через выбор своих адаптационно-поведенческих стратегий и, тем самым, ускорять или сдерживать процесс Евразийской интеграции.

Социальные риски и «коридор возможностей» в контексте ЕАЭС

Единое экономическое пространство формируется постепенно путем повышения уровня интеграции через синхронизацию осуществляемых государствами-участниками преобразований в экономике, совместных мер по проведению экономической политики, гармонизации и унификации законодательств в сфере экономики с учетом норм и принципов международного права. Вместе с тем существуют ***социальные риски***, связанные со вступлением Республики Беларусь в данный масштабный проект.

1. Прогнозируется высокая вероятность значительного оттока капитала из Беларуси в Россию и снижение притока в республику прямых иностранных инвестиций в связи с тем, что налоговые системы стран – участниц ЕАЭС различны. Так, по данным Всемирного банка, общая налоговая ставка в Беларуси составляет 62,8 % от прибыли, в России – 46,9 %, в Казахстане – 28,6 %.

2. Беларусь утрачивает одно из своих главных конкурентных преимуществ – высококвалифицированные трудовые кадры, так как разный уровень рыночной трансформации и доходов обусловил рост оттока трудоспособного населения из Беларуси в страны – участницы ЕАЭС, в первую очередь в Россию.

3. Возможно возникновение, в связи с созданием ЕАЭС, таких новых рисков, как рост конкуренции на внутреннем рынке Беларуси со стороны товаров и услуг стран – участниц Евразийского союза, а также конкурентная борьба партнеров по Таможенному союзу за одни и те же внешние рынки.

Последствия вступления в Единое экономическое пространство для населения Беларуси еще до конца не очерчены и не всегда им осознаются. Большинство населения склонно оценивать происходящие социально-экономические изменения по событиям, непосредственно отражающимся на их жизни. На сегодняшний день белорусским гражданам сложно представить целостную и системную картину происходящих институциональных изменений/трансформаций. Актуальность социологического исследования определяется необходимостью выявить социальные проблемы, связанные с вступлением в ЕАЭС, для разных социально-демографических и социально-профессиональных групп населения и обосновать социальные механизмы минимизации или компенсации негативных социальных последствий вступления республики в ЕАЭС.

В *экономическом* плане вступление в ЕАЭС дает Беларуси и белорусскому населению низкие цены на энергоносители, что позволяет: во-первых, обеспечивать занятость белорусского населения (если бы белорусские производители платили мировые цены за энергоносители, белорусские товары стали бы

неконкурентоспособными и многие производства пришлось бы остановить или ограничить); во-вторых, иметь относительно низкие цены на коммунальные услуги, способствующие поддержанию приемлемого уровня жизни населения, в отличие от стран Прибалтики.

В *социальном* плане вступление в ЕАЭС расширяет возможности трудовой миграции на российский рынок труда. Первая реакция населения на это нововведение – отток белорусских строительных специалистов на российские стройки в связи со значительно более высоким уровнем оплаты труда. После кризисных явлений 2011 г. это носило достаточно массовый характер и привело к необходимости повышения оплаты труда в строительной отрасли Беларуси. Однако белорусские специалисты не только экспортируют знания и опыт, но и осваивают новые прогрессивные технологии; специалисты, имеющие семьи, не настроены на смену мест проживания, и заработанные средства ввозят в страну, потребляя в белорусской экономике и повышая уровень жизни своих семей.

С целью анализа названных и других социальных проблем необходимо актуализировать вопросы: в ***какой*** точке процесса мировой глобализации находятся постсоветские государства, в частности Беларусь и Россия? ***Каковы*** активы и пассивы этих стран? И, наконец, ***каков*** «коридор экономических и социальных возможностей», обусловленный вышеназванными компонентами? [1].

Место нахождения в едином глобальном пространстве. Уверенно функционируют в информационном пространстве страны «большой семерки», обладающие 46 из 50 имеющихся в мире макротехнологий. Из этих технологий 22 контролируются США, 8–10 – Германией, 7 – Японией, по 3–5 – Великобританией и Францией, по одной – Канадой и Италией. Россия сохраняет контроль лишь над одной (по некоторым оценкам – двумя) макротехнологиями – производством ядерной энергии и освоением космоса. При этом на долю семи высокоразвитых стран приходится около 80–90 % наукоемкой продукции и почти весь ее экспорт. Доля России составляет, по разным оценкам, от 0,3 до 1,0 % [2].

Каждый технико-технологический этап модернизации имеет свой потенциал и предел эксплуатации как в экономическом, так и в социальном плане. Затягивание перехода к новому укладу, откладывание процессов модернизации имеет не только технико-технологические последствия, как может показаться на первый взгляд, но и социальные. В Беларуси (как и в России) затягивались процессы модернизации, имеющиеся у экономики ресурсы использовались на поднятие заработной платы работников, хотя это не было обусловлено ростом производительности труда и эффективности производства. Основные промышленно-производственные фонды предприятий устаревали (износ оборудования доходил до 70 %), технологии и продукция теряли конкурентоспособность на мировых рынках, что обусловило ряд кризисных явлений в экономике (девальвацию рубля, инфляцию, закрытие ряда пред-

приятий в сфере малого бизнеса, неполную занятость и т. д.) и в социальной сфере (снижение уровня жизни населения, падение индекса социального оптимизма и т. д.).

В основе каждого нового этапа модернизации лежат технологические, организационные, управленческие и социальные инновации. Введение этих инноваций связано с разрешением ряда технологических и социальных проблем. Суть *технологической проблемы* для постсоветских стран состоит в том, что преобладающий четвертый технологический уклад представляет собой принципиально иной тип производства, нежели пятый и шестой, и связан практически полностью с механизированным трудом. Так, в промышленности Республики Беларусь (как и в Российской Федерации) до $^1/_3$ всего труда составляет ручной труд, $^1/_5$ – ручной труд с механическими инструментами, $^1/_3$ – машинный труд и лишь $^1/_{10}$ – полуавтоматизированный и автоматизированный труд. Встраивание новых технологических цепочек в устаревшие технико-технологические структуры наталкивается на проблему совместимости традиционных и инновационных технологий. Устаревшие технологические системы зачастую непригодны для новых высокотехнологичных производств и требуют не просто модернизации-обновления, а своего свертывания и значительных финансово-инвестиционных затрат.

Обобщенную оценку конкурентоспособности (по месту нахождения в мире) дает *«Индекс глобальной конкурентоспособности»* (Global Competitiveness Index, GCI), который ежегодно публикуется аналитической группой Всемирного экономического форума. Рейтинги конкурентоспособности основаны на комбинации общедоступных статистических данных и результатов ежегодного исследования, проводимого совместно с сетью ведущих исследовательских институтов в странах, анализируемых в отчете. В 2012 г. более 14 000 лидеров бизнеса были опрошены в 144 государствах. При этом рассматривались как сильные, так и слабые стороны обследуемых стран, что делает возможным определение приоритетных областей для реализации политики ключевых реформ [3].

Рейтинг оценивает способность стран обеспечить высокий уровень благосостояния своих граждан, что в первую очередь зависит от того, насколько эффективно страна использует ресурсы, которыми располагает. При этом для поддержания высокого уровня жизни необходимо постоянное повышение производительности труда и качества товаров и услуг. Индекс составлен из 12 слагаемых конкурентоспособности, которые детально характеризуют конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития. Это – «Качество институтов», «Инфраструктура», «Макроэкономическая стабильность», «Здоровье и начальное образование», «Высшее образование и профессиональная подготовка», «Эффективность рынка товаров и услуг», «Эффективность рынка труда», «Развитость финансового рынка», «Технологический уровень», «Размер внутреннего рынка», «Конкурентоспособность компаний», «Инновационный потенциал». Для каждой из

144 экономик, охваченных исследованием, даны описание страны и национальной экономики с итогами по общей позиции и по наиболее существенным конкурентным преимуществам и недостаткам, выявленным на основании анализа, используемого для расчета индекса.

По данному индексу Республика Беларусь пока что не вошла в рейтинг 2012–2013 гг. Это означает, что на ближайшие десятилетия нужно ориентироваться на расширение доли отраслей пятого и шестого технологического уклада. Отметим, что Россия, Казахстан и Украина, имеющие близкие к Беларуси позиции, заняли в 2012–2013 гг. соответственно 67, 51 и 73-е места. Рейтинг глобальной конкурентоспособности по совокупности параметров характеризует уровень развития стран и их модернизационный потенциал в экономическом, социальном и инновационном аспектах.

Данные последнего десятилетия показывают отсутствие в Беларуси серьезных подвижек по этим позициям. Так, в докладе «О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2011 года» говорится: «Промышленные технологии производств (заготовительные, обрабатывающие, сборочные) в Республике Беларусь соответствуют четвертому технологическому укладу с элементами пятого технологического уклада, имеющими статус импортного оборудования и технологий. В Беларуси данный сегмент, связанный с разработкой технологического оборудования во всех сферах производства, отстает от развитых стран, и в ближайшие 5 лет своими силами отставание сократить не удастся. По основным технологическим процессам необходима закупка высокопроизводительного оборудования за рубежом» [4, с. 4–9]. Однако следует иметь в виду, что, наряду с выигрышем во времени и уровне производительности, возникают риски дальнейшего ослабления научно-технического потенциала страны. Далеко не все заимствованные технологии могут (как уже упоминалось) стыковаться с действующим оборудованием. Кроме того, ограничения по ресурсной базе могут препятствовать полной загрузке высокопроизводительных передовых технологий.

Несоразмерность активов и пассивов (в пользу последних). *Экономические* активы Беларуси и России состоят в сохранении основного производственного капитала (ресурсной базы) – наиболее важных видов производства. В Беларуси это машиностроение, тракторостроение, приборостроение, производство ряда видов сложной бытовой техники. В России – электронная, атомная и электротехническая промышленность, станко-, судо- и приборостроение, ракетно-космическая промышленность, химико-металлургический комплекс. Это то, что российский экономист С. Ю. Глазьев назвал несущими отраслями, сопровождающими развитие основного ядра пятого и шестого технологических укладов (нано- и биотехнологии, клеточные технологии, методы генной инженерии) [5].

К *социальным* активам можно отнести наличие квалифицированной рабочей силы, занятой в несущих производствах. Одним из важнейших активов в постсоветских странах выступает роль государства как субъекта модерни-

зации в определении и регулировании модели социально-экономического развития, создании государственных, отраслевых и региональных программ реализации этой модели [4, с. 9–16]. Но при этом нужно иметь в виду проблему баланса экономического и социального направлений в государственной политике. А также проблему границ и методов государственного воздействия на экономику страны в таких пределах, чтобы не разрушить основы рыночной экономики сильным государством. Согласно теории и практике социального рыночного хозяйства, только сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики, то есть такое, которое использует политическую власть для создания условий конкурентной борьбы, равных для всех социально-профессиональных групп и всех форм собственности.

Что можно отнести к пассивам, определяемым как социальные проблемы, требующие своего решения?

Для Беларуси – это формирование «базового слоя», который вобрал в себя свыше половины взрослого населения и, начиная с 2005 г., превратился в социальную платформу общества. Он как бы «вбирает» в себя нижние слои и «консервирует» их в диапазоне от 2 до 4 бюджетов прожиточного минимума (БПМ), в силу значительной экономической мобильности из нижних в базовый слой и практического отсутствия таковой из базового в верхние слои. Тем самым базовый слой выполняет функцию стабилизации общества: в плане материальных ресурсов – по «уровню равенства в бедности», а в аспекте нематериальных ресурсов – на основе сохранения традиционных ценностей в экономической и социальной сферах.

В России – это процессы имущественного расслоения, когда средний денежный доход 10 % наиболее обеспеченных россиян в 16 раз превышает средний доход 10 % наименее обеспеченных граждан. Социальные группы, которые сложились в России еще к концу 1990-х гг., фактически законсервировались по размерам, сведя до минимума каналы вертикальной мобильности, что демотивирует трудовую и гражданскую активность значительной части населения. В Беларуси роль демотиватора выполняет уравнительная оплата труда работников, занятых в бюджетной сфере.

Суть *социальной проблемы* состоит в том, что новые этапы модернизации требуют появления новых социально-профессиональных групп, активно участвующих в модернизации и имеющих интерес к этому процессу как источнику повышения интеллектуального уровня и уровня материального благосостояния (предпринимателей, менеджеров, специалистов и рабочих высокой квалификации). В то же время основной массив занятого населения (свыше 70 %) в постсоветских странах составляют представители массовых профессий, связанные с традиционными отраслями экономики и образующие иерархию социально-профессиональных групп, сходных по роду занятий (наемный труд физического и умственного характера), имущественному положению (от среднего до малообеспеченного), объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов, и разделяющих традиционные ценности в экономике

и социальной сфере. Для того чтобы наемные работники были способны воспроизводить новые социальные слои, превратились в эффективных собственников своей рабочей силы, необходима реорганизация как *внешних* условий, изменяющих положение работников в обществе, так и *внутренних* условий – преодоление патерналистских стереотипов, нацеленность на постоянное повышение профессионального образования, формирование социальной ответственности за свою жизнедеятельность.

Коридор экономических и социальных возможностей предоставляется обществу каждым новым этапом модернизации, однако то, насколько они будут использованы, во многом определяется как *местом нахождения* страны в едином глобальном пространстве, так и *соразмерностью* экономических и социальных *активов* и *пассивов* в государстве. В модернизации социальной структуры белорусского и российского обществ есть *общее* – советское прошлое, связанное с поддержанием полной занятости, развитой системой социальной защиты, обеспечивающей стабильные и низкие цены на базовые товары, равномерное распределение доходов, доступность образования (в том числе высшего) и жилья, защиту от малообеспеченности. И есть *различия*, а именно – различия в стратегиях перехода к рыночной экономике: выбор эволюционной модели развития в Беларуси и проведение «шоковой терапии» в России. И та, и другая модель имеет свои преимущества и недостатки, приведшие к различной экономической стратификации общества – одному из основных индикаторов «расширения/сужения» коридора экономических и социальных возможностей.

В Беларуси *эволюционная модель* способствовала обеспечению максимальной социальной защищенности всех слоев населения, однако сдерживала технико-технологическую модернизацию, затрудняла формирование новых социально-профессиональных групп, востребованных новыми технологическими укладами. *Шоковая терапия* в России усилила возможности восходящей мобильности в экономической стратификации, в ходе прохождения стадии «дикого капитализма» позволила определенным социальным слоям накопить первоначальный капитал и способствовала активному появлению принципиально новых слоев (собственники капитала, топ-менеджеры, предприниматели), однако сильно поляризовала общество по критериям имущественного неравенства. Чтобы не допустить серьезного технологического отставания, процессы модернизации в этих странах ориентируются, начиная с 2000-х гг., на «стратегии инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, как «качественные скачки», обеспечивающие принципиально новое развитие техники и технологии, переход от одного технологического уклада к другому, более высокому.

Анализ состояния и динамики экономической стратификации общества, как индикатора модернизационных процессов, показывает, ***какие*** социальные слои составляют белорусское и российское общества и ***каким образом*** они могут влиять на ход модернизационных процессов.

Практика социологических исследований республиканского масштаба свидетельствует, что *нижний* слой – с доходом ниже БПМ (в Беларуси – 5 %, в России – 13 %) обладает низким деятельностным потенциалом и не способен адаптироваться к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. *Средний* слой – с доходом от 1 до 2 БПМ (в Беларуси – 30 %, в России – 41 %) объединяет социально-профессиональные группы, которые могут адаптироваться к новой ситуации ценой снижения социального и профессионального статусов. Сюда входят работники массовых профессий сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Слой *выше среднего*, с доходом от 2 до 4 БПМ (в Беларуси – 51 %, в России – 24 %), сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего звена бюрократии. Представители данного слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а на адаптацию к ней и, зачастую, на поиск путей выживания [1, с. 8–9].

Сравнительный анализ экономической стратификации белорусского и российского обществ (по уровню среднедушевых денежных доходов) свидетельствует, что динамика в направлении уменьшения *нижнего* слоя, некоторого уменьшения *среднего* и увеличения слоя *выше среднего* не меняет принципиальной ситуации: доля населения, не имеющего прямого влияния на ход модернизационных процессов, достигала в 2014 г. в Беларуси 86 %, в России – 78 %. Формы и способы адаптационного поведения разных социальных групп оказывают *опосредованное* влияние на ход процессов модернизации. Хотя социальный статус, менталитет, интересы и поведение этих групп различны, их роль в модернизационных процессах достаточно сходна. Это, в первую очередь, приспособление к меняющимся условиям, чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход.

В рамках данной стратификации *верхним* слоем – свыше 4 БПМ – назван относительно узкий слой (14 % – в Беларуси и 22 % – в России), обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, формирующие этот слой, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать *прямое* влияние на процессы модернизации общества [1, с. 9–10].

Общность типологических черт и тенденций развития модернизационных процессов в этих странах в значительной мере определяется степенью государственного вмешательства в сферу экономики и государственной политикой в социальной сфере. Социальная ориентированность государственной политики в экономических преобразованиях, контроль государства над балансом экономического и социального компонентов формируют специфику развития процессов модернизации в Республике Беларусь и Российской Фе-

дерации. Различие в механизмах регуляции модернизационных процессов в этих государствах обусловлено выбором темпа осуществления реформ: эволюционный путь развития или «шоковая терапия».

В белорусском обществе социально ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, по результатам анализа, происходит это как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных страт, с целью выравнивания их материального положения (при коэффициенте дифференциации – 5,9). В российском обществе наблюдается увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев (при коэффициенте дифференциации – 16,5), что означает усиление социальных различий между стратами с разным денежным доходом, возникновение и обострение разногласий между ними. Вместе с тем общий процесс повышения материального благосостояния российского общества выступает фактором компенсации социальной напряженности и гарантом стабильности [1, с. 10–11].

Факторы сужения/расширения коридора возможностей. В числе позитивных *внутренних* условий и предпосылок можно назвать целевую ориентацию экономической политики на инновационное развитие и структурную перестройку экономики, закрепленные в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года [6, с. 138–162]. Позитивными *внешними* предпосылками являются вхождение страны в Таможенный союз (с 06.07.2010 г.) и Единое экономическое пространство (с 29.05.2012 г.), многовекторная внешняя политика.

В *экономическом* контексте вступление в ЕАЭС (с 01.01.2015 г.) расширяет коридор возможностей, поскольку дает Беларуси низкие цены на энергоносители, что способствует обеспечению занятости белорусского населения и повышению конкурентоспособности белорусских товаров. А также – сохранению относительно низких цен на коммунальные услуги, что позволяет поддерживать приемлемый уровень жизни населения. В *социальном* плане ЕАЭС предполагает обеспечение свободного передвижения граждан внутри Единого экономического пространства, что означает создание унифицированного правового режима в части трудоустройства, условий труда и занятости. Вместе с тем Беларусь рискует утратить одно из своих главных преимуществ – высококвалифицированные кадры, так как разный уровень рыночной трансформации и доходов обусловил рост оттока трудоспособного населения в страны ЕАЭС, в первую очередь в Россию.

Наряду с позитивными имеют место и негативные процессы, которые сужают коридор экономических и социальных возможностей. Это долговая модель развития, отставание в технологическом уровне и структуре производственного аппарата, конкурентоспособности товаров и услуг, недостаточно эффективная система управления экономикой.

В научной и научно-технической сферах коридор возможностей *сужается* в связи со снижением наукоемкости ВВП. Если в 1990 г. она составляла 2,27 %, то в 2005 г. – 0,68 %, в 2010 г. – 0,70 %, в 2014 г. – 0,67 % и постоянно находится ниже критического уровня в 1 % [7, с. 41]. Отметим, что экономическая отдача, рост и развитие науки и техники возможны лишь при наукоемкости в 1,5–2 %. У стран ЕС этот показатель на уровне 2 % и выше.

Как следствие, недовыполняются нормативы по обеспечению доли высоких технологий в объеме произведенной в стране продукции. Комплексный прогноз НТП Республики Беларусь на 2006–2015 гг. предусматривал, что доля высоких технологий в объеме произведенной в стране продукции составит в 2010 г. 6,5 %. Фактически в 2010 г., по данным Министерства экономики, доля промышленного производства организаций высокотехнологического сектора в общем объеме промышленного производства составила около 3 %. В экономически развитых странах этот показатель достигает 15 % [8]. Возможно, это один из важнейших индикаторов, который до сих пор не позволяет Республике Беларусь войти в рейтинг «Индекс глобальной конкурентоспособности».

В *социальном* контексте коридор возможностей *сужается* за счет невключенности значительной части занятого населения в процессы модернизации по «догоняющему типу», а также проблем, связанных с функционированием рынка труда. Это проблемы нестабильной занятости на рынке труда; движение текущего рынка труда в направлении типичного вторичного рынка занятости; «жесткость» номинальной заработной платы, ведущая к проявлению «гибкости» уровня денежных доходов за счет вторичной занятости; слабая инновационная восприимчивость занятого населения, определяющая его мотивацию, в основном, на повышение заработной платы и комфортные условия труда.

Расширение коридора экономических и социальных возможностей связано с повышением активности, усилением трудовой мотивации и социальной ответственности основных социально-профессиональных групп за свою деятельность и жизнедеятельность. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов, что создаст условия для более полного проявления их конкурентоспособности и, как следствие, более полной реализации возможностей закона конкуренции.

Таким образом, принятая в обеих странах «стратегия инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, представляется проблематичной в технологическом контексте, в силу несовместимости нынешнего (четвертого) и будущих (пятого и шестого) технологических укладов. Данная стратегия представляется проблематичной в социальном плане в силу того, что осуществляется в виде ограниченного модернизационного эксперимента, не

затрагивающего основной массив населения, занятого в традиционных отраслях экономики. В трактовке современных теорий модернизации, технологические инновации, как ведущая сила нового этапа модернизации, должны быть интегрированы в само «тело» социальной структуры общества.

Модернизация, по типу «догоняющей», безусловно, отягощает решение возникающих технологических и социальных проблем, которых можно было бы избежать при органической модернизации. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов при грамотной государственной политике. Эти универсальные принципы являются залогом успеха любого национального проекта модернизации.

Уровень социальной поддержки населением вхождения Республики Беларусь в ЕАЭС

В ходе республиканского социологического исследования (2015 г.) выявлен уровень социальной поддержки вхождения Беларуси в Единое экономическое пространство в соответствии с индивидуальными ресурсами различных социально-демографических и социально-профессиональных групп населения.

Анализ полученных данных в разрезе *пола респондентов* показывает, что мужчины и женщины примерно одинаково (в рамках статистической погрешности) чаще других преимуществ вступления Беларуси в ЕАЭС отмечают расширение рынка сбыта для белорусских товаров и услуг (в среднем – 49,8 %); на втором месте по частоте – возможность получения финансовой и иных видов поддержки в условиях финансовой нестабильности (44,6 %); на третьем – получение энергоносителей по более низким ценам (37,4 %) (табл. 1).

Оценивая возможные негативные последствия вступления Беларуси в ЕАЭС, у мужчин и женщин на первом месте по частоте выбора – отток квалифицированных специалистов в страны Евразийского экономического союза (41,8 %); на втором – повышение таможенных пошлин и цен на ряд товаров (31,9 %); на третьем – снижение конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке республики (31,9 %) (табл. 1).

Таблица 1. **Выгоды и преимущества (с одной стороны), возможные негативные последствия (с другой) вступления Беларуси в ЕАЭС, 2015 г., %**

Показатель	Пол респондентов		
	мужчины	женщины	в среднем
Выгоды и преимущества вступления Беларуси в ЕАЭС			
Расширение рынков сбыта для белорусских товаров и услуг	46,7	50,7	49,8
Возможность получения финансовой и иных видов поддержки в условиях финансовой нестабильности	44,9	44,4	44,6
Получение энергоносителей по более низким ценам	39,4	35,7	37,4

Окончание табл. 1

Показатель	Пол респондентов		
	мужчины	женщины	в среднем
Возможность обучения наших граждан в вузах и ссузах на равных условиях с гражданами ЕАЭС	30,4	36,6	33,8
Расширение доступа к инновационным технологиям и возможностей обмена опытом, специалистами	24,0	23,7	23,8
Создание унифицированного правового режима для трудоустройства наших граждан в странах ЕАЭС	17,9	14,0	15,8
Возможные негативные последствия вступления Беларуси в ЕАЭС			
Отток квалифицированных специалистов в страны ЕАЭС	41,4	42,1	41,8
Повышение таможенных пошлин и цен на ряд товаров	33,8	30,3	31,9
Снижение конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке на фоне товаров из стран ЕАЭС	34,1	30,1	31,9
Нарушение стабильности белорусской экономики при вхождении Беларуси в ЕАЭС	22,3	21,2	21,7
Передача полномочий при решении ключевых вопросов экономического развития на национальный уровень	18,8	17,6	18,1
Утрата или «размывание» национальной культуры и традиций	17,1	18,9	18,1

Источник: составлено по данным социологического исследования, 2015 г.

Примечание к табл. 1–4. В социологическом исследовании, проведенном в апреле 2015 г., выборочная совокупность населения составила 2079 человек. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и образованию в Республике Беларусь. Выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, то есть население Беларуси.

Проведенное исследование выявило, что чем выше *уровень образования респондентов*, тем выше они оценивают названные экономические выгоды и преимущества вступления Беларуси в ЕАЭС. Если респонденты с высшим образованием чаще других преимуществ отмечали расширение рынков сбыта для белорусских товаров и услуг (56,3 %), то со средним неполным и начальным образованием – возможность получения различных видов поддержки в условиях финансовой нестабильности (47,7 %).

Оценивая возможные негативные последствия, респонденты, независимо от уровня образования, признают наличие рисков потери квалифицированных специалистов в страны ЕАЭС (свыше 40 %) (табл. 2).

Таблица 2. **Выгоды и преимущества (с одной стороны), возможные негативные последствия (с другой) вступления Беларуси в ЕАЭС, 2015 г., %**

Показатель	Образование респондентов				
	высшее	среднее специальное	среднее общее	ниже среднего	в среднем
Выгоды и преимущества вступления Беларуси в ЕАЭС					
Расширение рынков сбыта для белорусских товаров и услуг	56,3	52,6	44,4	43,1	49,8
Возможность получения финансовой и иных видов поддержки в условиях финансовой нестабильности	46,8	42,5	44,2	47,7	44,6

Окончание табл. 2

Показатель	Образование респондентов				
	высшее	среднее специальное	среднее общее	ниже среднего	в среднем
Получение энергоносителей по более низким ценам	39,4	36,3	39,8	33,9	37,4
Возможность обучения наших граждан в вузах и ссузах на равных условиях с гражданами ЕАЭС	32,0	35,3	33,5	32,3	33,8
Расширение доступа к инновационным технологиям и возможность обмена опытом, специалистами	31,6	23,0	22,3	18,3	23,8
Создание унифицированного правового режима для трудоустройства граждан в странах ЕАЭС	13,9	17,1	18,3	11,1	15,8
Возможные негативные последствия вступления Беларуси в ЕАЭС					
Отток квалифицированных специалистов в ЕАЭС	45,1	40,1	40,9	43,3	41,8
Повышение таможенных пошлин и цен на товары	33,4	330	32,1	26,9	31,9
Снижение конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке Республики Беларусь	30,7	30,2	37,4	29,6	31,9
Нарушение стабильности белорусской экономики при вхождении Беларуси в ЕАЭС	19,2	25,2	20,6	17,9	21,7
Передача полномочий при решении ключевых вопросов экономического развития на национальный уровень	16,4	18,8	18,1	18,7	18,1
Утрата или «размывание» национальной культуры и традиций	22,5	17,5	16,4	16,8	18,1

Источник: составлено по данным социологического исследования, 2015 г.

Анализ полученных данных в разрезе основных *возрастных групп* населения позволил выявить, что выгоды и преимущества, связанные с расширением рынков сбыта для белорусских товаров и услуг, наиболее высоко оценивают респонденты от 20 до 70 лет (50–57 %). Возможность получения различных видов поддержки оценивается практически одинаково всеми возрастными группами (в диапазоне 42–46 %). К получению энергоносителей по более низким ценам наиболее чувствительны группы в диапазоне от 40 до 70 лет и старше. Что касается возможных негативных последствий, то отток квалифицированных специалистов вызывает наибольшую тревогу в группе от 40 до 50 лет (табл. 3).

По данным исследования, уровень социальной поддержки населением вхождения Республики Беларусь в ЕАЭС весьма высок: поддерживают 75,1 %; не поддерживают в той или иной мере 9,7 %; затрудняются в ответе в связи с недостаточной информированностью 15,2 %. В целом выгоды и преимущества вступления Беларуси в Евразийский экономический союз оцениваются

Таблица 3. **Выгоды и преимущества (с одной стороны), возможные негативные последствия (с другой) вступления Беларуси в ЕАЭС, 2015 г., %**

Показатель	Возраст респондентов, лет							
	16–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	60 и старше	в среднем
Выгоды и преимущества вступления Беларуси в ЕАЭС								
Расширение рынков сбыта для белорусских товаров и услуг	33,8	50,5	49,2	54,8	56,7	50,2	41,8	49,8
Возможность получения финансовой и иных видов поддержки в условиях финансовой нестабильности	44,6	42,0	44,4	44,2	47,3	43,3	46,5	44,6
Получение энергоносителей по более низким ценам	34,1	31,1	35,9	40,3	37,7	43,9	40,6	37,4
Возможность обучения наших граждан в вузах и ссузах на равных условиях с гражданами ЕАЭС	46,3	34,2	33,5	38,2	30,2	31,3	22,4	33,8
Расширение доступа к инновационным технологиям и возможность обмена опытом, специалистами	31,8	26,8	25,9	24,0	24,4	15,2	15,2	23,8
Создание унифицированного правового режима для трудоустройства граждан в странах ЕАЭС	9,3	16,3	16,2	17,8	20,2	17,8	5,1	15,8
Возможные негативные последствия вступления Беларуси в ЕАЭС								
Отток наиболее квалифицированных специалистов в страны ЕАЭС	43,0	38,8	41,6	50,3	40,6	35,9	40,7	41,8
Повышение таможенных пошлин и цен на ряд товаров	36,0	34,2	34,6	32,3	32,8	30,7	16,2	31,9
Снижение конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке Республики Беларусь	30,6	30,3	28,8	35,7	33,5	35,1	27,9	31,9
Нарушение стабильности белорусской экономики при вхождении Беларуси в ЕАЭС	18,1	29,1	22,1	21,4	23,5	16,6	14,8	21,7
Передача полномочий при решении ключевых вопросов экономического развития на национальный уровень	22,3	17,5	18,9	19,9	19,6	14,6	11,7	18,1
Утрата или «размывание» национальной культуры и традиций	19,0	22,5	20,1	14,4	20,8	11,4	15,3	18,1

Источник: составлено по данным социологического исследования, 2015 г.

населением республики выше, нежели возможные негативные последствия. Это в значительной мере определяет высокий уровень социальной поддержки населением вхождения Республики Беларусь в ЕАЭС (табл. 4).

Таблица 4. **Уровень социальной поддержки вхождения Республики Беларусь в ЕАЭС, 2015, %**

Показатели	«Поддерживаете ли Вы вхождение Беларуси в ЕАЭС?»				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Пол респондентов					
Мужской	41,8	31,9	8,2	4,4	13,7
Женский	43,3	33,1	5,7	1,6	16,3
Образование респондентов					
Высшее	39,8	37,0	8,6	4,9	9,7
Среднее специальное	44,0	32,0	5,8	2,5	15,7
Среднее общее	42,0	29,7	7,4	2,7	18,2
Ниже среднего	43,5	32,9	6,5	1,7	15,4
Возраст респондентов					
16–19 лет	34,3	33,2	6,7	4,1	21,7
20–29 лет	32,8	35,3	7,9	2,8	21,2
30–39 лет	33,8	34,4	8,6	5,7	17,5
40–49 лет	44,8	36,0	5,4	1,6	12,2
50–59 лет	50,5	30,4	5,5	1,7	11,9
60–69 лет	53,2	26,8	8,5	2,0	9,5
70 и старше	52,3	28,7	4,7	1,8	12,5
Регион проживания респондентов					
Брестский	52,4	32,1	3,0	1,6	10,9
Витебский	30,1	34,7	8,4	3,5	23,3
Гомельский	47,0	37,8	4,3	0,3	10,6
Гродненский	34,8	32,4	12,2	4,7	15,9
Минск	43,5	27,0	12,2	6,0	11,3
Минский	48,1	30,4	4,0	1,5	16,0
Могилевский	37,9	35,4	3,2	2,0	21,5
Республика Беларусь	42,6	32,5	6,8	2,9	15,2

Источник: составлено по данным социологического исследования, 2015 г.

Таким образом, общественный запрос на формирование единого интеграционного пространства, в виде серьезной поддержки населения, имеется. Но нужна политическая воля, чтобы реализовать этот запрос в активизации общественной энергии, морально-психологической мотивации на эффективный и производительный труд. На микроуровне особое внимание уделяется повышению трудовой мотивации, связанной с повышением значимости конкуренции и ценности образования. На макроуровне это связано с реформированием системы управления экономикой, что предполагает разделение функций государства как регулятора и как собственника и установление партнерских от-

ношений между государством и бизнесом, где каждый из них выполняет свои особые функции.

Однако, согласно выводам экономистов, проведение структурных реформ проблематично. Во-первых, необходимость реформ не представляется очевидной как для населения, так и для элиты, принимающей политические решения; во-вторых, отсутствие ясности того, куда ведут реформы, и ответственность за их последствия тормозят принятие сложных решений. Очевидно то, что структурные экономические реформы непопулярны: краткосрочные издержки будут преобладать в общественном сознании над долгосрочными выгодами. В этих условиях наиболее вероятен эволюционный путь улучшения работы существующих институтов власти в контексте проведения институциональной реформы. А именно: сокращение численности госаппарата и оптимизация функций его подразделений, рассмотрение Правительства Республики Беларусь как института по прогнозированию и управлению стратегическим развитием страны. Во избежание экономических шоков, построение новой экономики должно стать поступательным, а для этого необходимы время и стабильность экономики.

Список использованных источников

1. *Соколова, Г. Н.* Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь–Россия / Г. Н. Соколова // Социол. исслед. – 2012. – № 5. – С. 3–12.

2. *Домбровский, В. О.* О научно-промышленной политике России на рубеже веков / В. О. Домбровский // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – № 1. – С. 15–31.

3. Всемирный экономический форум. Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2012–2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/news/2012/09/05/4949. – Дата доступа: 02.03.2015.

4. *Шимов, В. Н.* Модернизация экономики Беларуси: состояние, проблемы, направления развития / В. Н. Шимов, Л. М. Крюков // Социология. – 2013. – № 3. – С. 4–21.

5. *Глазьев, С. Ю.* Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов / С. Ю. Глазьев // Вопр. экономики. – 2009. – № 3. – С. 26–37.

6. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года / Нац. комиссия по устойчивому развитию Республики Беларусь. – Минск : Юнипак, 2004. – 245 с.

7. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2014. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – 140 с.

8. Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf. – Дата доступа: 02.03.2015.

G. N. SOKOLOVA

SOCIAL ASPECTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS JOINING THE EURASIAN ECONOMIC UNION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

"The corridor of economic and social possibilities", given by Eurasian Economic Union (EEU) for the Republic of Belarus was investigated; the level of knowledge and support level by Belaru-

sian population of joining the EEU was revealed; the social problems connected with Republic of Belarus joining the EEU for different social and demographic groups of population were analyzed; the strategies of adaptable behavior that realized by Belarusian population during integration processes were considered; the factors of corridor narrowing/widening for overcoming of negative social consequences of Belarus joining the EEU were proved.

Keywords: the Eurasian Economic Union, public opinion, integration processes, corridor of economic and social possibilities, factors of corridor narrowing/widening of corridor.

Поступила 14.11.2016 г.

УДК 316.334.2(476)

Г. И. ОСАДЧАЯ,

доктор социологических наук, профессор,
заместитель директора Института социально-политических исследований РАН
по научной работе, заведующая сектором методологии исследования
социально-политических процессов евразийской интеграции ИСПИ РАН, г. Москва

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье на основе данных международных и российских социологических исследований, анализа статистики, публикаций СМИ показан процесс институционализации ЕАЭС, дана характеристика первых итогов становления нового интеграционного объединения, формирования ресурсной базы Союза, финансовых инструментов Евразийского союза и организационного обеспечения процессов евразийской интеграции, представлен анализ ее эффективности с позиций результативности основных направлений интеграции, предусмотренных Договором: формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, повышения благосостояния людей, представлена оценка населением степени успешности их реализации. Выявлены причины сдерживания процессов евразийской интеграции, обоснована необходимость включения в повестку интеграции решения социально-гуманитарных задач, обоснованы предложения по повышению эффективности становления ЕАЭС на данном этапе, по формированию понятных и притягательных для всех людей ценностных установок евразийской интеграции.

Ключевые слова: евразийство, Евразийский экономический союз, интеграция, эффективность, показатели: ресурсные, процессуальные, результативности.

Евразийство, как социально-философское учение и как идейно-политическое движение, имеет глубокие исторические корни. Оно всегда активизировалось в переломные для России периоды выбора путей возрождения и развития [1]. В новейшей истории России эти идеи нашли свое продолжение в неоевразийстве в сложный период распада супердержавы – Союза Советских Социалистических Республик – в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [2, с. 38–50; 3, с. 180–185]. Реальный же шанс на свое практическое развитие в XXI веке евразийство получило в 2007 г. после подписания договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза и основания первого на постсоветском пространстве наднационального органа – Комиссии таможенного союза Беларуси, Казахстана и России. Процесс институционализации ЕАЭС представлял собой эволюцию Таможенного союза в Евразийское экономическое сообщество, Евразийского экономического сообщества – в ЕАЭС, где евразийская интеграция обрела более завершенные институциональные формы.

Прошел год со дня основания Евразийского экономического союза и полгода со дня вступления в ЕАЭС Киргизской Республики. Подведение итогов деятельности Союза состоялось в конце 2015 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета, свои оценки высказало экспертное сообщество, руководители государств – членов Союза, Евразийской экономической комиссии. Прозвучало немало критики, особенно в СМИ Кыргызстана. Поэтому мы считаем важным понять, как на самом деле использован интеграционный потенциал Евразийского союза, каковы причины торможения на данном этапе интеграции и перспективы его развития.

Наше исследование дает основания для согласия с оценкой члена Коллегии (Министра) по основным направлениям интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Т. Д. Валовой о том, что в первый год становления нового интеграционного объединения сделано немало для формирования ресурсной базы Союза и организационного обеспечения процессов евразийской интеграции [4]. 2015 год стал годом уточнения финансовых инструментов Евразийского союза. Общий бюджет в этом году составил 6 млрд 638 млн 604,8 тыс. российских рублей. Доходы бюджета ЕАЭС были сформированы из долевых взносов стран – участниц Союза, в том числе Беларуси, Казахстана и России (доля последней в бюджете заняла 88 %) [5].

Отметим, расходная часть бюджета Европейского союза на 2015 год составила 141,2 млрд евро, что в тысячи раз больше [6].

Важнейшим ресурсом содействия процессам евразийской интеграции стали деятельность Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития. Структура банковского портфеля ЕАБР выглядит следующим образом: Казахстан – 39,51 %, Россия – 32,38 %, Беларусь – 22,57 %, Армения – 2,16 %, Таджикистан – 0,42 %, Кыргызстан – 0,43 % от всех кредитов [7]. Интеграции, безусловно, будет способствовать активный поиск банком новых интеграционных проектов, в которых пересекаются интересы нескольких государств – членов ЕАЭС.

Инструментами Евразийского фонда стабилизации и развития были финансовые кредиты, инвестиционные кредиты и гранты для финансирования государственных программ в социальной сфере. Объем существующих и предполагаемых кредитных обязательств по инвестиционным кредитам Фонда суммарно составил 450 млн долларов США. География исполненных и предполагаемых кредитных обязательств по финансовым и инвестиционным кредитам Фонда включала Армению, Беларусь, Кыргызстан и Таджикистан. Структура исполненных и предполагаемых кредитных обязательств по странам – участницам Фонда на конец 2014 г. составила: Беларусь – 83 %, Армения – 6 %, Таджикистан – 2 %, Кыргызстан – 8 % [8].

Вкладом в развитие ЕАЭС является поддержка интеграционных процессов из бюджетов РФ и Казахстана. Как подсчитала «Газета.Ru», если суммировать только прямые расходы, то цена интеграции для российского бюджета в 2015 г. составила как минимум 5,2 млрд долларов [9].

Начата разработка интегрированной информационной системы ЕЭАС. Создан и действует сайт Евразийской экономической комиссии, Правовой портал Евразийского экономического союза. Завершается разработка Информационного портала ЕАЭС, официального сайта суда ЕАЭС.

Проявлением принципа равноправия всех членов Евразийского экономического союза стала его кадровая политика. С 1 января 2016 г. председательство в ЕАЭС перешло к Казахстану: Президент Нурсултан Назарбаев возглавил Высший Евразийский экономический совет, премьер-министр страны – Евразийский межправительственный совет, а первый вице-премьер – совет Евразийской экономической комиссии. Председателем коллегии Евразийской комиссии стал представитель Армении – Тигран Саркисян [10]. В состав коллегии Евразийской комиссии включены представители Кыргызстана.

Важным показателем интеграции на данном этапе является кодификация нормативно-правовой базы ТС и ЕЭП. По оценке официальных лиц, она успешно проведена и насчитывает более сотни документов, по итогам этой работы устранено порядка 80 различных барьеров экономического взаимодействия [4].

В 2015 г. обеспечено выполнение гарантий свободы перемещения, предусмотренных Договором о Евразийском союзе. Для граждан открыта возможность выбирать, в какой из стран ЕАЭС им работать. Государства – члены ЕАЭС не устанавливают и не применяют в отношении граждан стран Союза ограничения, введенные национальным законодательством для защиты внутреннего рынка труда. При этом при устройстве трудящихся на работу в стране – участнице Союза признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения установленных законодательством государства процедур признания документов об образовании (кроме педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической деятельности).

Безусловным преимуществом ЕАЭС стал безвизовый въезд и отсутствие таможенного контроля, отсутствие квот на работу, наличие необходимого набора мер по медицинскому и социальному обеспечению, возможность получения образования в любой стране Союза, что способствует цивилизованному построению современного созидательного общества в Евразийском союзе.

Формируется система информационной аналитики и организационной поддержки процессов интеграции. Ведут информационно-аналитическую работу ЕАБР, ЕЭК. Аналитические центры, научные советы и клубы созданы в органах власти (Интеграционный клуб при Председателе Совета Федерации), в научных институтах (Научный совет ИСПИ РАН под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН «Социально-политические проблемы формирования Евразийского экономического союза»).

Однако для населения стран ЕАЭС важно не то, что сделано, а то, какие позитивные изменения в их жизни произошли, насколько в развитии интеграционных процессов соблюдены их интересы.

Поэтому дадим анализ эффективности интеграционных процессов с позиций результативности основных направлений интеграционных процессов, предусмотренных Договором: формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, повышения благосостояния людей и оценки населением степени успешности их реализации.

Формирование единого рынка товаров и услуг. Договор о создании Евразийского союза в качестве базового интеграционного положения предусматривает развитие торгово-экономических отношений внутри стран ЕАЭС и ЕАЭС с третьими странами. По данным аналитического обзора Департамента статистики ЕЭК, объем взаимной торговли товарами за январь–декабрь 2015 г. снизился. Он составил 45,4 млрд долларов США, или 74,2 % к уровню января–декабря 2014 г. Вместе с этим отмечается улучшение товарной структуры. Выросли поставки машин, оборудования и транспортных средств (16,4 % объема взаимной торговли), из которых 60 % приходится на Российскую Федерацию и 37,1 % – на Республику Беларусь [11].

Снизился также и суммарный объем внешней торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза с третьими странами. За январь–декабрь 2015 г. он составил 579,5 млрд долларов США, по сравнению с январем–декабрем 2014 г. объем внешнеторгового оборота сократился на 33,6 % [12].

Эксперты оценивают факт меньшего снижения взаимной торговли (на 25,8 %), по сравнению с внешней торговлей государств Союза с третьими странами (на 33,6 %), как результат правильного выбора восточного вектора во внешнеэкономической политике и стратегии России, имеющей в Союзе самый большой удельный вес, сформированности механизмов евразийской интеграции, создания общих рынков, смягчивших степень влияния кризиса.

В 2015 г. ЕАЭС приступил к созданию общего рынка услуг. Он действует уже по 40 позициям, а в 2016 г. к ним добавится еще порядка 20 позиций в перечне услуг, которые будут либерализованы. Формируется общий рынок лекарств и медицинских изделий. Идет работа по созданию общего рынка электроэнергии [13].

Формирование единого рынка трудовых ресурсов. Новые возможности передвижения рабочей силы в Евразийском союзе, действующие в 2015 г., не оказали принципиального влияния на миграционную ситуацию в странах – членах ЕАЭС. Несмотря на то, что в январе–декабре 2015 г., по сравнению с соответствующим периодом 2014 г., миграционный прирост в России снизился на 12,3 %, вектор миграции, связанной как с переездом на постоянное место жительства, так и трудовой миграции, по-прежнему был направлен из государств – членов ЕАЭС в Россию. В Армении, Казахстане, Кыргызстане сохранился миграционный отток населения [14]. И увеличение миграционного прироста населения в Беларуси на 17,6 % также не связано с новыми свободами рынка ЕАЭС. Число прибывающих в Беларусь трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, в частности россиян и казахов, сократилось. Так, если в 2014 г. в Республику Беларусь приехали работать более 4,5 тыс. российских граждан и свыше 1 тыс. казахских, то за первое полугодие 2015 г. – лишь 700 россиян и 250 казахов [15].

По официальным данным в России по сравнению с январем 2015 г. число иностранных граждан из стран, вошедших в ЕАЭС, выросло на 135 828, и по состоянию на январь 2016 г. оно составило 2 276 188. В последние два года росло общее число граждан Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, находящихся в РФ, а число граждан Армении колебалось вокруг значения 450 000 человек [16]. Правда, как отмечают эксперты, последние месяцы 2015 г. (после вступления в ЕАЭС) отмечался значительный рост числа трудовых мигрантов из Кыргызстана. Только за декабрь 2015 г. он составил 2 % [17].

Показатели миграционной активности, возможно, изменятся в 2016 г., поскольку численность зарегистрированных безработных, по сравнению с ноябрем 2014 г., выросла в Армении на 16,9 %, в Беларуси – на 79,1 %, в Казахстане – на 3,7 %, в России – на 12,5 %, и уменьшилась только в Кыргызстане – на 3,8 % [14].

Создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения.

Как показывает анализ, объем валового внутреннего продукта государств – членов ЕАЭС в январе–декабре 2015 г. снизился по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. в постоянных ценах на 3,0 %. Фактически рекордное падение за последние 20 лет претерпели экономики России и Беларуси. Здесь объем ВВП снизился на 3,7 % и 3,8 % соответственно [18].

На 12,4 % в декабре 2015 г., по сравнению с декабрем 2014 г., выросли потребительские цены на товары и услуги в целом по ЕАЭС. За месяц (по сравнению с ноябрем 2015 г.) прирост цен и тарифов в целом по ЕАЭС составил 0,9 %. Опережающие темпы роста цен на продовольственные товары зафиксированы в России, на непродовольственные товары – в Армении, Казахстане и Кыргызстане, на платные услуги – в Беларуси.

В 2015 г. во всех государствах – членах ЕАЭС наблюдался рост номинальной заработной платы. В январе–декабре 2015 г., по сравнению с соответствующим периодом 2014 г., среднемесячная номинальная заработная плата выросла в Армении на 7,7 %, Беларуси – на 10,0 %, Казахстане – на 4,1 %, Кыргызстане (в январе–ноябре 2015 г.) – на 9,0 %, России – на 4,6 %. Реальная заработная плата (с учетом роста потребительских цен на товары и услуги) в соответствующем периоде увеличилась в Армении на 3,9 %, Кыргызстане (в январе–ноябре 2015 г.) – на 2,1 % и снизилась в Беларуси на 3,1 %, в Казахстане – на 2,4 %, России – на 9,5 %.

Среднемесячная номинальная заработная плата в пересчете на доллары США[1] в январе–декабре 2015 г. составила в Армении 386 долларов, Беларуси – 413 долларов, Казахстане – 565 долларов, Кыргызстане (в январе–ноябре 2015 г.) – 203 доллара, России – 559 долларов.

---

[1] Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков государств – членов ЕАЭС за период: по Беларуси – по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России – по средним курсам национальных валют к доллару США.

Социальное самочувствие и оценки населения

Как показывает мониторинг интеграционных предпочтений населения стран постсоветского пространства, реализуемый Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития, более половины населения в каждой из стран Союза в целом поддерживает его создание («Положительно»: Армения – 56 %, Беларусь – 60 %, Казахстан – 80 %, Кыргызстан – 86 %, Россия – 78 %) [12, с. 162]. Отметим, что по данным нашего исследования уровень одобрения создания на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза составил 60 % россиян при 27 % не одобряющих и 28 % затруднившихся ответить на этот вопрос[1]. В странах – членах ЕАЭС население придерживается более оптимистичных взглядов о перспективах интеграционных процессов на постсоветском пространстве по сравнению с представлениями граждан других стран, участвующих в мониторинге.

Однако исследователи, осуществляющие мониторинг, отмечают неопределенное и многовекторное «интеграционное позиционирование России, при сохраняющемся небольшом превышении предпочтений СНГ и стран “остального мира”» (особенно – Китая), высокий уровень «автономистских настроений». По их оценке, «автономистские настроения» существенно выросли за последний год в Беларуси [12, с. 134]. К проблемным моментам следует отнести дифференциацию интеграционных настроений по возрастным характеристикам. В молодежной среде, по сравнению со старшими возрастными когортами, меньше доля тех, кто поддерживает евразийский интеграционный проект. Среди них почти 40 % тех, кто относится к нему безразлично или отрицательно. Заметная доля российской и белорусской молодежи ориентированы на Европейский союз [12, с. 162]. Недооценка значения евразийской интеграции молодежью на следующем этапе его становления может повлечь негативные экономические и политические последствия.

Население государств – членов ЕАЭС плохо осведомлено о том, как идут интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе. Имеет место недопонимание специфики его функционирования и существа евразийской интеграции в целом. Так, по данным мониторинга интеграционных предпочтений населения стран постсоветского пространства [12, с. 162], далеко не все граждане готовы к созданию общих институтов (валюта, армия, законодательство, органы управления). На вопрос: «Как Вы считаете, нужны ли Союз – ОБЩИЕ ЗАКОНЫ» ответили «скорее нужно» от 39 до 48 % респондентов, «скорее не нужно» – от 40 до 44 %, а на вопрос: «Как Вы считаете, нужен ли

[1] Здесь и далее используются данные опросов, проведенных в рамках реализации ГЗ ИСПИ РАН по теме «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» (руководитель проекта Г. И. Осадчая, регистрационный номер: 115071470024) в октябре 2014 – феврале 2016 г. Выборка репрезентирует городское и сельское население Российской Федерации в возрасте от 18 лет. Было опрошено (структурированное интервью) 1500 человек, мужчин/женщин, постоянно проживающих в России в 9 федеральных округах, 41 субъекта РФ, 105 населенных пунктов. Ошибка выборки ~ ±2,6 %.

Союз – ОБЩИЙ ОРГАН УПРАВЛЕНИЯ» ответили «скорее нужно» от 37 до 47 % и «скорее не нужно» – от 38 о 44 % опрошенных в зависимости от страны ЕАЭС. И это при том, что Евразийская экономическая комиссия действует, является реальным наднациональным органом управления, выполняя функции правительства Евразийского союза, без которого были бы не возможны те шаги, в том числе по согласованию нормативной базы экономического сотрудничества, которые уже сделаны на пути экономической интеграции.

Примером недопонимания сути интеграционных процессов являются завышенные ожидания от интеграции, иждивенческие настроения. Анализ СМИ позволяет говорить о неоправданных представлениях у некоторых граждан стран – членов ЕАЭС, что само по себе вступление в ЕАЭС принесет республике одномоментное процветание. Люди не понимают, что присоединение к любому союзу дает лишь шанс. А как использовать его – зависит уже от того, насколько умело конкретная страна сможет распорядиться им. Далеко не всегда СМИ занимают социально ответственную позицию. Например, странной выглядит публикация Информационного агентства Фергана, в которой написано: «Прямой выгоды от союза пока никому нет. А если Москва вдруг еще отказывается платить за дружбу инвестициями в развитие экономики Киргизии, то Бишкеку самое время показать свою независимость, хотя бы информационную» [19]. Отметим, что в опросе онлайн на портале этого же информагентства на вопрос: «Нужно ли российским телеканалам придавать особый статус и освобождать от требований кыргызского законодательства?» 62,12 % респондентов ответили: «Да, у них интересный контент»[1].

Нам представляется тревожным факт снижения уровня ожиданий от интеграции. По данным нашего исследования, за прошедшие два года существенно снизилось количество россиян, ожидающих позитивных изменений от создания Евразийского экономического союза. Если в 2014 г. был положительный баланс оценок (+27 п.), то в 2016 г. он стал отрицательным (–11 п.). Ухудшение социальных ожиданий населения может привести к сокращению социальной базы евразийского интеграционного объединения (табл. 1).

Таблица 1. **Как Вы считаете, приведет ли создание Евразийского экономического союза к позитивным изменениям в Вашей жизни? (% от опрошенных)**

<table>
<tr><th rowspan="2">Вариант ответа</th><th colspan="4">Всего</th></tr>
<tr><th colspan="2">октябрь 2014 г.</th><th colspan="2">февраль 2016 г.</th></tr>
<tr><td>Да; скорее да, чем нет</td><td>55</td><td rowspan="2">+27</td><td>36</td><td rowspan="2">–11</td></tr>
<tr><td>Скорее нет, чем да; нет</td><td>28</td><td>47</td></tr>
<tr><td>Затрудняюсь ответить</td><td colspan="2">21</td><td colspan="2">16</td></tr>
</table>

Для обеспечения возможности беспрепятственно осуществлять трудовую деятельность в любом государстве Евразийского экономического союза необходимо обратить внимание на восприятие населением трудовой миграции.

[1] URL: http://www.fergananews.com/articles/8827 (дата обращения: 19.01.2016).

По данным нашего исследования, от 32,0 до 52,0 % россиян не поддерживают или скорее не поддерживают трудовую миграцию внутри Евразийского союза. Чем дальше культурная дистанция, тем менее желательны мигранты (табл. 2).

Таблица 2. **Поддерживаете ли Вы трудовую миграцию в рамках ЕАЭС? (% от опрошенных)**

Вариант ответа	Да; скорее, да	Скорее, нет; нет	Затрудняюсь ответить
Из Беларуси в Россию?	60	32	7
Из Армении в Россию?	49	43	8
Из Казахстана в Россию?	48	44	8
Из Кыргызстана в Россию?	44	48	8
Из Таджикистана в Россию?	39	52	10

И это ощущают мигранты из стран – членов ЕАЭС[1]. Более других не удовлетворены своей занятостью в Москве, условиями проживания, доступностью медицинской страховки приезжие из Кыргызстана. Они чаще, нежели другие мигранты из стран ЕАЭС, отмечают недружественное или враждебное отношение к себе москвичей и властей, испытывают дискомфорт во время проживания в московском мегаполисе. Положение мигрантов из Кыргызстана усугубляется плохим знанием русского языка по сравнению с армянами, белорусами, казахами, меньшей подготовленностью к жизни в большом городе.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в начале статьи, следует сказать, что пока интеграционный потенциал используется не на полную мощность. Главной причиной сдерживания процессов евразийской интеграции стали геополитическая ситуация и экономическая конъюнктура, характеризующиеся геополитической нестабильностью, глобальной финансово-экономической турбулентностью, низкими ценами на нефть; высокая волатильность валютного курса и антироссийские санкции.

Макроэкономическая нестабильность, отсутствие высоких темпов экономического роста в странах Евразийского союза сказались на развитии торговли, поскольку товарообмен, внешняя торговля – это лишь зеркало того, что происходит на уровне национальных экономик. Сдерживала развитие торговли, как основы евразийской интеграции, нерешенность основного вопроса – абсолютной отмены изъятий и лимитов в торговых отношениях между странами. На конкурентоспособности товаров, производимых в государствах ЕАЭС для торговли между собой, и на конкурентоспособности экспортного потенциала этих государств сказалось изменение их стоимостных показате-

[1] Опрос проведен в июне 2015 г. в рамках реализации проекта «Мигранты из стран – членов ЕАЭС на московском рынке труда» (руководители проекта Г. И. Осадчая и Т. Н. Юдина). Опрошено (полуформализованное интервью) по 100 мигрантов из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, отобранных с помощью случайной выборки – методом снежного кома – по одному признаку – мигранты, прибывшие из государств – членов ЕАЭС в Москву после 2000 г.

лей из-за девальвации рубля, валют в других странах ЕАЭС в коридоре от 14 до 40 %. Недостаточно тесной для принятия мер в упреждающем порядке, по мнению экспертов, была координация центральных банков государств – членов ЕАЭС. Факторами торможения стали: вступление одного из самых сильных участников евразийского проекта – Казахстана – во Всемирную торговую организацию, несогласованность торговой политики по отношению к остальным странам, нарушение принципа образования и функционирования единой таможенной территории в условиях применения Россией антисанкций к производителям продовольствия из ЕС, США, Австралии, Норвегии и Канады.

Говоря о барьерах интеграции, отметим причины, связанные с управлением интеграционными процессами. К сожалению, до сих пор страны ЕАЭС зачастую ведут себя по отношению к друг другу скорее как конкуренты, чем как партнеры. Противоречия между странами часто возникают из-за того, что участники Евразийского союза пытаются извлечь больше выгоды для себя. Зачастую между протоколом о намерениях и самими намерениями очень большое расстояние. И это свидетельствует о том, что те, кто принимают решения, не всегда их принимают грамотно.

В значительной мере усложнен в ЕАЭС процесс принятия решений из-за абсолютного равенства всех сторон при принятии решений, ослабления роли в управлении ЕАЭС России. Отрицательно на интеграционных процессах сказалась чрезмерная бюрократизация работы ЕЭК как наднационального органа. Евразийской экономической комиссии не переданы полномочия самостоятельного принятия решений по подавляющему большинству функций, и решения принимаются по согласованию и по инициативе национальных правительств. В результате имеет место дублирование работы Коллегии и Совета ЕЭК, а также усложнение процесса согласования принимаемых решений.

Среди национальной интеллигенции по-прежнему в той или иной степени распространены сепаратистские настроения, мешающие интеграции. Часть из них интерпретирует интеграцию как возрождение имперских мотивов России, а ЕАЭС рассматривается как инструмент восстановления российского империализма в условиях рынка. Мешает интеграции боязнь элиты потерять деньги, власть.

К проблемным вопросам миграционных процессов в ЕАЭС следует отнести незавершенность разработанности нормативно-правового регулирования. Еще ведется разработка нормативно-правовой базы в сфере пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов, сближения законодательств государств-членов в сфере трудовой миграции. Требует внимания реализация достигнутых договоренностей по единым условиям налогообложения доходов физических лиц – граждан государств-членов с первых дней работы по найму. Необходима реализация на практике прав детей трудящихся на посещение дошкольных учреждений и получение образования. На повестке дня стоят вопросы защиты законных прав мигрантов. Остаются нерешенными пробле-

мы легализации трудовой деятельности мигрантов. Так, по оценкам замглавы Госслужбы по миграции Кыргызстана А. Асанбаева, в России незаконно находятся около 100 тысяч его соотечественников. Эти граждане приехали в Россию до вступления Кыргызстана в ЕАЭС [20]. По мнению экспертов, миграционная политика в ЕАЭС хаотична и раздроблена [21]. О проблемах трудовых мигрантов-нелегалов, въехавших в РФ до вступления Армении в ЕАЭС, также заявляли эксперты Армянской Республики.

Сегодня уже определены задачи интеграционного объединения в 2016 г. [22], и они по-прежнему нацелены лишь на развитие Единого экономического пространства. А социально-гуманитарные проблемы интеграции остаются за пределами внимания и руководителей Союза, и специалистов. С нашей точки зрения, сегодня крайне важно, чтобы экономический практицизм не привел к негативным последствиям в формировании ЕАЭС, как это было в России в годы перестройки.

Дальнейшее расширение и углубление интеграции требует включения в повестку дня решения социально-гуманитарных задач, разработки социальных механизмов. Социальные результаты ЕАЭС, несмотря на кажущееся внеэкономическое содержание, имеют решающее значение для будущего успеха развития Союза, обладают способностью стимулировать процесс модернизации в государствах-членах.

Опыт интеграционных объединений свидетельствует о пошаговости интеграции, особом характере решаемых задач на каждом этапе. Принципиально важно, чтобы социальное взаимодействие государств было имманентно присуще каждому из них, а социальные механизмы, ее углубляющие, вписаны как в долгосрочную, так и в среднесрочную стратегию интеграции. На каждом этапе должны быть свои социальные программы и единые для всех стран ЕАЭС показатели социальной эффективности интеграции, учитывающие принципы, закономерности интеграционных процессов.

Сейчас социальное взаимодействие, создание, наряду с единым экономическим, единого социально-культурного пространства, в первую очередь, связано с регулированием проблем создания единого рынка труда, формированием соответствующего социального мышления лидеров стран – участниц ЕАЭС, управленческой и бизнес-элиты, разработкой медийной политики ЕАЭС, оптимизацией управления процессами евразийской интеграции.

Являясь важнейшим фактором интеграции, свободное перемещение рабочей силы из-за открытия границ ЕАЭС создает риски чрезмерного притока в страну трудовых и нетрудовых мигрантов, криминальных и экстремистских элементов под видом рабочей силы, к появлению новых нетрадиционных угроз безопасности для государств-членов. Жизни и здоровью населения может угрожать приток афганских наркотиков, распространение трансграничных криминальных и террористических сетей, проникновение на продовольственный рынок некачественных товаров. В этой связи приобретают особую значимость совместные действия по охране границ ЕАЭС, согласование

пограничной политики и правовой базы ЕАЭС о едином порядке экспортного контроля государств – членов ЕАЭС, унификация национальных норм экспортного контроля, оценки качества и безопасности товаров, продуктов для их проведения на внешней границе ЕАЭС.

Следует подумать о важнейших составляющих Евразийского интеграционного процесса – общей системе образования, профессиональной подготовки кадров и общих механизмах подготовки людей для единого рынка труда, важно провести дополнительные мероприятия с целью улучшения знания русского языка.

Необходимо создавать социально-экономические и культурные условия для адаптации приезжих, формировать позитивное мнение вокруг идеи интеграции, этнокомплементарные отношения, толерантность в отношениях различных групп населения, не допустить межэтнических конфликтов. Всем странам – участницам ЕАЭС на региональном уровне предстоит развивать механизмы саморегулирования в области трудовой миграции.

Важно работать над обновлением и консолидацией элит, их ориентацией на идеи евразийской интеграции, особенно в молодежной среде, где поддержка этой идеи ниже, нежели в старших группах населения государств – членов ЕАЭС. С них начинается понимание, что без социального взаимодействия стран углубление интеграции будет идти более сложно.

Практика показывает, что функциональное, институциональное, инфраструктурное развитие любого интеграционного объединения требует поэтапного усиления наднациональности. Очевидно, что сегодня для решения задач углубления интеграционных процессов в ЕАЭС состав евразийских институтов недостаточен. Необходимо внесение изменений в структуру наднационального органа, с учетом социальных и гуманитарных аспектов взаимодействия, передача ЕЭК полномочий по инициированию и принятию решений, полноценное бюджетное планирование всесторонней деятельности наднационального органа.

При формировании институтов Евразийского экономического союза следует учесть позитивный опыт многоуровневости системы управления ЕС, в том числе принцип субсидиарности, который позволяет пропорционально распределять властные функции между всеми «этажами» многоуровневой системы управления.

Необходима единая для всех стран программа медийной поддержки проекта евразийской интеграции, которая может включать информацию о преимуществах интеграции для людей, подкрепленную реальными действиями, позитивной информацией о соседях по Союзу, на основе использования современных методов и инструментов информационного продвижения идей: социальных сетей, экспертного сообщества, образования и т. п. ЕАЭС нуждается в поддержке СМИ, научно-экспертного сообщества и общества в целом.

Важную роль в развитии общекультурного информационного пространства играет «Интеграционный барометр ЕАБР». Однако он нацелен, прежде

всего, на изучение экономических аспектов евразийской интеграции и кооперации в динамике. Социокультурные, гуманитарные проблемы остаются в стороне. Нужен мониторинг социальных показателей для адекватной оценки эффективности интеграционных процессов, характеризующих достигнутый уровень, динамику происходящих изменений. Наличие оценок населения и экспертов станет аргументом при подготовке решений, основой разработки социальной стратегии и социальных программ.

Очень часто в среде специалистов говорят об отсутствии ценностей евразийской интеграции, понятных и притягательных для всех людей, которые составят основу строительства Союза, его экономической, социальной и культурной политики. Нам представляется, что такие ценностные установки есть, их назвали россияне в ходе нашего исследования. Это – повышение благосостояния населения каждого из государств – членов ЕАЭС; обеспечение прав человека в ЕАЭС и коллективной безопасности Евразийского союза. Именно они обеспечивают общественную поддержку региональной интеграции (табл. 3).

Таблица 3. **Как Вы полагаете, какие ценностные установки должны составить основу интеграционных процессов ЕАЭС? (% от опрошенных, множественный вопрос)**

Ценностная установка	Всего
Повышение благосостояния населения каждого из государств – членов ЕАЭС	45,0
Обеспечение прав человека в ЕАЭС	33,0
Обеспечение коллективной безопасности Евразийского союза	32,0

Прошедший год показал, что создание Евразийского союза – это перспективный путь, основанный на «общественном договоре» по поводу путей развития, согласованных целях и общих интересах, учитывающий культурно-исторические особенности стран, их опыт и возможности, опирающиеся на цивилизационный опыт постсоветских стран освоения пространств, создания технологий социального общежития, обеспечения жизнедеятельности этих стран в суровых природных и геополитических условиях. Оно формирует новую геополитическую реальность, соответствует логике региональной интеграции и отвечает историческим и культурным особенностям развития региона.

Список использованных источников

1. Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции» Выпуск № 1. Евразийская интеграция: теоретико-методологические и практические аспекты / под ред. Г. В. Осипова и Г. И. Осадчей. – М. : ИСПИ РАН, 2015.

2. *Назарбаев, Н. А.* Проект документа «О формировании Евразийского союза государств» / Н. А. Назарбаев // Евразийский союз: идеи, практика, перспективы, 1994–1997 / Н. А. Назарбаев. – М. : Фонд содействия развитию соц. и полит. наук, 1997. – С. 38–50.

3. *Осипов, Г. В.* «Евразийское сообщество – возможная форма социально-государственной организации постсоветского пространства» / Г. В. Осипов // Социальная реальность XXI века: угрозы и вызовы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2014 году / под ред. Г. В. Осипова и Г. И. Осадчей. – М. : РИЦ ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. – С. 180–185.

4. Интервью министра ЕЭК Т. Валовой [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: http://rg.ru/2016/01/14/sg.htm. – Дата доступа: 14.01.2016.

5. Бюджет ЕАЭС в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/society/view/bjudzhet-eaes-v-2015-godu-sostavit-svyshe-66-mlrd-rossijskih-rublej-60473-2014. – Дата доступа: 29.01.2016.

6. Европарламент принял бюджет ЕС на 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2635397. – Дата доступа: 23.03.2016.

7. Интервью с главой ЕАБР Дмитрием Панкиным. 30.12.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/business/2015/12/30/8003831.shtml. – Дата доступа: 19.03.2016.

8. Годовой отчет Евразийского фонда стабилизации и развития. – Казахстан, 2015.

9. *Фаляхов, Р.* От Евразии одни убытки [Электронный ресурс] / Р. Фаляхов. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/business/2014/10/17/6264305.shtml. – Дата доступа: 15.01.2016.

10. ЕЭК меняет руководство: изменится ли политика комиссии при Тигране Саркисяне? [Электронный ресурс] // Евразийский коммуникационный центр. – Режим доступа: http://eurasiancenter.ru/perspective/20151016/1004273897.html. – Дата доступа: 16.10.2015.

11. Социально-экономическая статистика ЕЭК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/default.aspx. – Дата доступа: 01.03.2016.

12. Интеграционный барометр ЕАБР. 2015. – СПб., 2015.

13. *Холодков, В.* Участие в ЕАЭС – шанс, который надо использовать [Электронный ресурс] / В. Холодков // Вечерний Бишкек. – Режим доступа: http://www.buhonline.ru/pub/news/2016/1/10700. – Дата доступа: 22.01.2016.

14. Экспресс-информация ЕЭК. 25 февраля 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx. – Дата доступа: 14.03.2016.

15. Число трудовых мигрантов из Китая растет, а из стран ЕАЭС – падает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://4esnok.by/obshhestvo/chislo-trudovyx-migrantov-iz-kitaya-rastet-a-iz-stran-eaes-padaet/. – Дата доступа: 17.02.2016.

16. Исследование РБК: как из России уезжают иностранцы [Электронный ресурс] // Журнал РБК. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/society/04/02/2015/54d0c05e9a7947df123f23e1. – Дата доступа: 01.03.2016.

17. Динамика трудовой миграции из Средней Азии в Россию. Время Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.easttime.ru/news/tsentralnaya-aziya/dinamika-trudovoi-migratsii-iz-srednei-azii-v-rossiyu/10583. – Дата доступа: 12.01.2016.

18. Мониторинг. «Экономика и финансы ЕАЭС». Выпуск № 3 (декабрь 2015 – январь 2016 г.). – М. : ЕЭК, 2016.

19. *Кислов, Д.* Россия – Кыргызстан: нет электричества – нет телеканалов с «особым статусом» [Электронный ресурс] / Д. Кислов. – Режим доступа: http://www.fergananews.com/articles/8827. – Дата доступа: 12.01.2016.

20. Число кыргызских мигрантов в России увеличилось после вступления КР в ЕАЭС / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus.azattyk.org/archive/ky_News_in_Russian_ru/20160225/4795/4795.html?id=27573288. – Дата доступа: 15.01.2016.

21. *Бактыгулов, Ш.* «Нехватка информации порождает стереотипы о мигрантах» [Электронный ресурс] / Ш. Бактыгулов. – Режим доступа: http://regnum.ru/news/society/2067725.html. – Дата доступа: 29.01.2016.

22. *Буторина, О.* О научной основе Евразийского экономического союза / О. Буторина, А. Захаров // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 2 (27). – С. 52–68.

G. I. OCADCHAYA

EURASIAN ECONOMIC UNION: THE FIRST RESULTS OF THE INTEGRATION PROCESSES

Summary

Based on international and Russian sociological research and analysis of media publications, the article shows the institutionalization process of Eurasian Economic Union, the characteristic of the first results of the formation of a new integration Association, the formation of the resource base of the Union, the financial instruments of the Eurasian Union and organizational support of the Eurasian integration. Moreover, the article presented efficiency analysis of integration processes from the standpoint of performance of the main directions of integration processes provided by the Contract: the formation of united market for goods, services, capital and labor resources, improving human well-being, the population presents the degree of realization success. The reasons of the containment of Eurasian integration were identified, the necessity of including in the agenda of integration of socio-humanitarian goals were proved, proposals for improving the efficiency of formation of the Eurasian Economic Union at this stage on formation of clear and attractive to all people of values of Eurasian integration were justified.

Keywords: Eurasianism, Eurasian Economic Union, integration, efficiency, indicators: resource, procedural efficiency.

Поступила 14.11.2016 г.

УДК 314.744

С. В. РЯЗАНЦЕВ,
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,
руководитель Центра социальной демографии
Института социально-политических исследований РАН

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ[1]

Рассматриваются ключевые проблемы современной российской миграционной политики в контексте демографического и социально-экономического развития страны. Анализируется зарубежный опыт использования миграции в интересах развития государств. В статье обосновано понятие «внешняя миграционная политика», являющееся инновационным для науки и практики регулирования миграции. Разработаны основные рекомендации по совершенствованию миграционной политики России в контексте современных демографических реалий. Обоснована необходимость активного формирования миграционных потоков в интересах развития России как основной механизм реализации внешней миграционной политики.

Ключевые слова: внешняя миграционная политика, Российская Федерация, демографическое развитие.

Ключевые проблемы российской миграционной политики. Российская миграционная политика на протяжении практически всей новейшей истории (после распада СССР) подвергается справедливой критике со стороны отечественных и зарубежных экспертов. По этому поводу написано колоссальное количество научных работ и экспертных заметок, которые говорят о том, что она крайне несовершенна и не соответствует современным демографическим и социально-экономическим реалиям, а также обозримым перспективам развития страны [1, с. 25; 8, с. 72; 14, p. 80]. В какой-то степени это и неудивительно, поскольку Россия совершила «исторический прыжок» из состояния «железного занавеса» с крайне ограниченными возможностями въезда иностранцев и выезда собственных граждан в состояние диаметрально противоположное – она превратилась в государство в буквальном смысле с открытыми границами (безвизовый режим со странами СНГ, отсутствие пограничных пунктов на значительном протяжении российско-казахстанской границы и пр.) [2, с. 15].

Однако при таком кардинальном изменении общественной системы адекватной трансформации миграционной политики и институтов, ее реализующих, не произошло. В начале 1990-х гг. в России была создана миграционная служба, которая училась реагировать на масштабные потоки беженцев и вы-

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 16-33-00051_а1.

нужденных переселенцев, размещая и расселяя их по стране. Затем упор был сделан на регулирование трудовой миграции. В то же время функции контроля над въездом и пребыванием иностранцев в стране сохраняются до сих пор за Министерством внутренних дел (милицией, теперь – полицией). Все исторические попытки выделения Федеральной миграционной службы (ФМС) в самостоятельную структуру завершались ее возвращением в МВД. Последнее возвращение на «круги своя» произошло в июне 2016 г., когда ФМС из фактически самостоятельной структуры снова была преобразована в Управление по миграции в составе МВД со значительным сокращением кадрового потенциала. И самым главным недостатком подобной консервации в силовом поле является идеологически неправильная предпосылка рассмотрения миграции как потенциального риска для страны, а мигрантов – как потенциальных нарушителей правопорядка.

Интересно, что некоторое время после распада СССР (до середины 1990-х гг.) выезд российских граждан на постоянное место жительства за границу (эмиграция) также контролировался МВД и ФСБ. И только с середины 1990-х гг. правоохранительные органы и органы безопасности перестали давать разрешение государства на эмиграцию. Хотя его никто и не спрашивал уже несколько лет после распада СССР. Просто система работала по инерции. А на каком-то этапе, к счастью, у государства просто не хватило ресурсов этот эмиграционный процесс контролировать. Кстати, миграционные власти США, Великобритании, Австралии и некоторых других стран в настоящее время практически не контролируют выезд иностранцев из своих стран (только в уведомительном порядке они собирают информацию от авиакомпаний о вылетевших пассажирах, а штампы в паспорта офицеры иммиграционных служб не ставят).

Последним незыблемым «оплотом» функции контроля за пребыванием иностранцев в России остается пресловутая и уникальная в мировом масштабе жесткая система регистрации (или иными словами – «прописки»). Единственным эволюционным ее достижением можно считать разделение «прописки» на временную (по месту пребывания) и постоянную (по месту жительства) формы регистрации, а также отделение регистрационного учета от права собственности на жилье. Но и это не спасает ситуацию. Подавляющая часть иностранцев находится не там, где зарегистрирована, а регистрируется не там, где реально находится и живет. Собственно, это же в равной степени касается и российских граждан. Но «неприступная крепость» регистрации сохраняется до сих пор. Государство продолжает играть «в кошки-мышки» с мигрантами (иностранцами) и собственным населением. Последняя мера – борьба с «резиновыми квартирами», в которой активно была задействована полиция. А по сути своей – это борьба с «ветряными мельницами». Ведь регистрируясь по 5–10 человек в квартирах, люди просто обходят мешающий им жить закон: им нужна регистрация для решения каких-то бытовых или социальных вопросов, а также соблюдения правил пребывания. Так не проще ли отменить

закон, который мешает людям жить? От того, что регистрация будет отменена или сделана уведомительной (по месту работодателя – для трудовых мигрантов, по месту обучения – для студентов), фактически ничего не поменяется. Люди останутся жить там, где они собственно живут сейчас. Просто государство, наконец-то, узнает, где реально живут люди, где используют коммунальные и социальные услуги. То есть государство добьется того, чего оно хочет добиться наличием самой регистрации. Но только эти реальные сведения действительно могут помочь в регулировании хозяйства и социальной сферы, в отличие от нынешней ситуации. Однако по-прежнему и МВД, и некоторые политики, и даже члены правительства почему-то уверены, что регистрация – необходимый элемент контроля за иностранцами и российским населением и ее отмена повлечет хаос. В итоге регистрация препятствует развитию миграционной политики, а в конечном итоге и развитию экономики страны.

Система регистрации является не единственным «затором» в российской миграционной политике, который рано или поздно будет сокрушен. К другим проблемным узлам можно отнести идеологически неправильное понимание миграционной политикой миграции как исключительно угрозы национальной безопасности. На разных уровнях из уст политиков и чиновников постоянно звучат высказывания, что неконтролируемая миграция оказывает разрушительное влияние на государство, общество и нацию. Однако при этом в России создана абсолютно коррумпированная и «мигрантозависимая» экономическая система [12, p. 25]. Практически все работодатели эксплуатируют труд мигрантов из стран Центральной Азии, слабо владеющих русским языком и не знающих своих прав. Причем в этот процесс вовлечены практически все сегменты экономики, но особенно строительство, сельское хозяйство, производство, жилищно-коммунальный сегмент [4, с. 125; 5, с. 10]. А в некоторых городах автор статьи неоднократно наблюдал парадоксальные картины, когда здания ФМС России (структуры, являющейся «оплотом» реализации миграционной политики) ремонтировали бригады трудовых мигрантов, не имеющих порой легального статуса в стране.

Еще одной странной «неприступной крепостью» российской миграционной политики является российское гражданство. Получить его порой невозможно даже тем, кто, казалось бы, как нельзя кстати приехал в Россию и в ком она объективно нуждается (соотечественники, иностранные студенты, жены и мужья российских граждан, высококвалифицированные специалисты, иностранные бизнесмены и трудовые мигранты, по многу лет живущие в России). Система получения гражданства отягощена крайне неэффективными процедурами и коррупционными поборами, а также опирается на систему регистрации, упомянутую выше. Порой только Президент России может разрубить «гордиевы узлы» ситуаций по предоставлению российского гражданства в конкретных случаях.

Предпосылки новой миграционной политики. Между тем жизнь и объективное развитие экономики берут свое. Российская экономика нуждается

в иностранных рабочих и специалистах, система образования – в иностранных студентах, а инновационное развитие требует высококвалифицированных специалистов и профессионалов из-за рубежа. Да и просто многих людей тянет в Россию в силу исторических и социально-культурных причин. Например, группы староверов из Латинской Америки стремились в Россию как на историческую родину. И попали в ловушку миграционной политики, которая рассматривает их, людей, так мечтавших сюда вернуться, как абсолютно чужеродный элемент. Иногда создается ощущение, что законы, регулирующие пребывание и предоставление российского гражданства, как будто написаны и реализуются так, чтобы человек не мог остаться жить в России.

Между тем Россия занимает шестую часть суши и является первой по площади страной в мире. А по населению она находится только на девятом месте. Например, численность населения России в два раза меньше численности населения США. Даже если не рассматривать как потенциальные зоны расселения Север и приравненные к нему территории, наша страна располагает огромными площадями для расселения и развития экономики. Пример Канады показывает, что население можно заселить в более благоприятные зоны, а вахтовыми формами миграции развивать регионы со сложными условиями жизни. В свою очередь опыт США показывает, что расселение в относительно комфортных районах может иметь равномерный рисунок, иметь множество городов и агломераций. В России же на этапе перехода от командной экономики к рыночной сложилась система расселения, которая существенно деформирована, а население «сбито» в европейскую часть и несколько крупных городов. А гибель промышленности и производства приводит к миграционному оттоку населения из восточных регионов (из Сибири и Дальнего Востока) [3, с. 964].

Многие страны мира извлекли и продолжают извлекать из миграции массу положительных эффектов. А некоторые сделали миграционную политику частью стратегии своего социально-экономического развития. Австралия, Новая Зеландия, ЮАР, США, Канада, Бразилия, Аргентина – это далеко не полный перечень стран, которые возникли и развивались благодаря внешней миграции как принимающие страны [6, с. 106; 9, p. 15]. А Испания, Италия, Португалия, Великобритания, Нидерланды, Франция благодаря эмиграции создали целые «диаспоральные государства» за своими пределами, до сих пор используя миграционный фактор также в интересах своего развития.

А что же Россия? Наш государственный подход алогичен. Миграционная политика почему-то упорно видит в миграции угрозу национальной безопасности и по инерции продолжает ее ограничивать всеми возможными способами. Причем угрозой считается как иммиграция, так и эмиграция. С одной стороны, иммиграция в страну законодательно и процедурно ограничивается и не очень приветствуется. Внутри страны мигранты (прежде всего, трудовые) подвергаются проверкам со стороны полиции, а даже нарушившие незначительно миграционный режим подвергаются депортации, и им закрыва-

ется въезд до 10 лет на территорию Россию. А эмигранты рассматриваются как навсегда потерянное население, их государственная система отталкивает от страны. Кроме того, в последнее время эмигранты все чаще ставятся российским государством перед ненужным выбором: либо отказаться от российского гражданства, либо задекларировать наличие второго гражданства, банковских счетов, рискуя быть наказанными, если не сделают этого [7, с. 24].

Между тем жизнь продолжается, и здравый смысл берет свое. Фактически российская экономика и общество уже давно активно извлекают пользу из миграции. Прежде всего, нет такой отрасли экономики, где бы ни работали трудящиеся-мигранты. Около 2,7 млн разрешений на работу было выдано иностранцам в 2015 г. Даже там, где есть нулевая квота на привлечение иностранцев (например, в торговле), иностранцы все равно присутствуют. В российских вузах обучается более 170 тыс. иностранных студентов [13, p. 139]. Более 30 млн русскоговорящего населения, живущего за пределами страны, создали «русскоязычную экономику», масштабы которой сопоставимы с ВВП самой России [11, p. 156]. Многие живут на две страны, имеют два паспорта, но еще сохраняют российское гражданство [10, p. 45].

Для нас совершенно очевидно, что в российской действительности образовался явный «нарыв», который характеризуется несоответствием между теоретическими посылами и практикой реализации ключевых идей миграционной политики. В Концепции миграционной политики до 2025 г. содержится ряд «революционных» положений. В частности, в ней миграция рассматривается не только как фактор риска, но и как важный компонент социально-экономического и демографического развития страны. Концепция четко нацелена на привлечение инвесторов, высококвалифицированных специалистов, образовательных мигрантов. Но это только теория. На практике многие процедуры работают медленно и неэффективно, тормозят, а порой просто отбивают желание у иностранных граждан стать гражданами России.

«Внешняя миграционная политика»: вариант развития или необходимость для России? Как же миграционную политику обернуть на благо развития России? Рецепты есть. И Россия здесь не уникальна. Многочисленный зарубежный и даже собственный исторический опыт это подтверждают. Прежде всего, необходимо желание власти изменить ситуацию. Нужна пресловутая «политическая воля». Никуда без нее. Также нужно «вмонтировать» миграционную политику в стратегию развития российского государства и привести в соответствие с концептуальными посылами миграционной политики практические процедуры и инструменты ее реализации. А конкретные шаги следующие.

Во-первых, нужно увязать миграционную политику с демографической политикой. Демографическая политика новейшего времени направлена на стабилизацию и рост численности населения России. Значит, миграция должна стать одним из компонентов увеличения численности российского населения. Для этого нужно четко выделить целевые группы иммигрантов, которые

нужны государству и регионам и снять бюрократические препятствия на пути предоставления вида на жительство и гражданства. Прежде всего, это соотечественники; трудовые мигранты, давно живущие и хорошо интегрированные в российское общество; выпускники российских вузов; жены и мужья российских граждан и другие группы мигрантов. Резервы здесь колоссальны. По нашим оценкам, одномоментно мы можем увеличить численность населения страны на 15–20 млн человек за счет легализации этих категорий мигрантов. Некоторые люди живут в России по двадцать лет, но не могут приобрести жилья, получить регистрацию, легализоваться, стать российскими гражданами.

Во-вторых, нужно увязать миграционную политику с экономической стратегией развития России. Необходимо четко оценить потребность в иностранной рабочей силе и, с учетом внутренних резервов трудовых ресурсов, на основе баланса трудовых ресурсов, ввести трудовую миграцию в регулируемое русло, используя каналы организованного и целевого набора иностранных трудящихся-мигрантов в странах-донорах. Необходимо снять барьеры на пути трудоустройства иностранных высококвалифицированных специалистов, профессионалов и ученых. Опыт Российской империи (например, при Екатерине Великой) показывает, что привлечение иностранцев (в то время немцев) стимулировало развитие экономики и помогло совершить социально-экономический прорыв государству.

В ситуации ухудшения экономической ситуации и миграционной обстановки в Европейском союзе нужно открыть ворота российской миграционной политики для бизнесменов, представителей среднего класса, ученых, специалистов из Европы. Пусть едут в Россию, это поможет совершить инновационный прорыв, о котором так долго мечтают наши руководители. А если параллельно улучшить инвестиционный климат, увеличить оплату труда, то еще и вернутся многие ранее уехавшие российские квалифицированные специалисты и ученые. Разумно открытая миграционная политика в отношении квалифицированных специалистов в сочетании с привлекательной инвестиционной политикой может стимулировать настоящий модернизационный и инновационный прорыв в развитии экономики России.

В-третьих, необходимо связать миграционную политику с внешней политикой России. Можно даже сказать, что время требует перехода в новое измерение – к концепту «внешней миграционной политики». Под «внешней миграционной политикой» можно понимать идеологию и механизм ***активного формирования миграционных потоков***, необходимых для социально-экономического и демографического развития России, прежде всего использование потенциала иммигрантов и ресурса «русскоговорящих сообществ» за рубежом.

Первыми «ласточками» «внешней миграционной политики» можно считать программу стимулирования возвращения соотечественников, а также проекты распространения русского языка и развития диалога с диаспорой через структуры Россотрудничества и Фонда «Русский мир» [13, p. 145]. К сожалению, пока элементы данного механизма не всегда эффективны и требуют

совершенствования. В вопросах регулирования иммиграции до перехода к идеям «внешней миграционной политики» и вовсе далеко. Пока российское государство только фиксирует потоки и пытается контролировать общины иммигрантов, но отнюдь не формирует активно иммиграционные потоки и деятельность диаспор в конструктивном направлении. К сожалению, растут социально-экономические издержки, связанные с интеграцией иммигрантов в российское общество (возникают конфликты между мигрантами и местным населением, увеличиваются затраты на обучение мигрантов русскому языку и т. д.). А между тем можно сократить часть издержек по интеграции, перенеся фокус действий миграционной политики за пределы России. Например, можно договариваться со странами-донорами трудовых мигрантов о предвыездной подготовке профессии и русскому языку, более тщательно отбирать трудовых мигрантов на конкретные рабочие места в России. Возможно, следует использовать отечественный и зарубежный опыт продвижения русского языка за рубежом, создавать опорные пункты для рекрутинга и подготовки трудовых и учебных мигрантов. На первом этапе в качестве приоритетных стран для реализации «внешней миграционной политики» России могли бы стать страны Центральной Азии, Закавказья и Вьетнам. Все они являются нашими традиционными миграционными партнерами, исторически и геополитически ориентированы на Россию.

Понятие «внешняя миграционная политика» является инновационным, но при этом необходимым для российской экономической и миграционной ситуации. Его внедрение в политический лексикон – абсолютно назревший для России шаг. Но ввести термин еще полдела. Второй вопрос – как запустить механизм его эффективной реализации. Это задача гораздо более сложная. Результативность реализации проекта «внешней миграционной политики» будет выражаться следующими критериями: повышением доли высококвалифицированных специалистов, студентов, подготовленных рабочих в иммиграционном потоке; снижением численности недокументированных трудовых мигрантов и сокращением расходов государства на их депортацию из России; притоком инвестиций «русскоговорящих сообществ» в российскую экономику; укреплением взаимодействия России со странами – миграционными партнерами через активизацию культурного, научного и образовательного обмена (средствами «публичной дипломатии»); расширением географии, сфер и аудитории использования русского языка за пределами России; усилением геополитического влияния России в приоритетных регионах.

В заключение отметим, что проводником «внешней миграционной политики» может быть только специализированная самостоятельная структура по управлению миграцией (Министерство миграции или Миграционная служба). Причем в качестве сотрудников она должна включать дипломатов, экономистов, специалистов по миграции. Развитие внешней миграционной политики важный, но совершенно необходимый для современной России проект.

Ключевые выводы. Прежде всего следует отметить, что в современной России трансформация миграционной политики и институтов, ее реализующих, существенно отстает от изменений общественной системы, сохраняя значительные черты архаичности, и находится по-прежнему в «силовом» и «коррупционном» полях. Несмотря на принятие в целом адекватной времени Концепции миграционной политики в 2012 г., практика реализации миграционной политики выстроена вокруг ограничений и запретов, создания искусственных административных и экономических барьеров на пути получения мигрантами разрешительных документов на работу и гражданства. Между тем российская экономика нуждается в иностранных рабочих и специалистах, система образования – в иностранных студентах, а инновационному развитию необходимы высококвалифицированные специалисты и профессионалы из-за рубежа. Не хватает и населения в некоторых регионах страны. Социально-экономические и демографические условия в стране требуют более эффективной и адекватной времени миграционной стратегии.

Список использованных источников

1. *Ивахнюк, И. В.* Евразийская миграционная система: теория и политика / И. В. Ивахнюк. – М. : МАКС Пресс, 2008. – 150 с.

2. Картирование неурегулированной миграции в Центральной Азии 2011. – Астана : Междунар. организация по миграции, 2015. – 220 с.

3. *Осипов, Г. В.* Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы / Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев // Вестн. Рос. акад. наук. – 2014. – Т. 84, № 11. – С. 963–972.

4. *Рязанцев, С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев. – М. : Формула права, 2007. – 450 с.

5. *Рязанцев, С. В.* Работники из стран Центральной Азии в жилищно-коммунальном секторе Москвы (рабочий доклад). Рабочий доклад, МОТ: Субрегиональное бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии [Электронный ресурс] / С. В. Рязанцев. – М. : МОТ, 2010. – 120 с. – Режим доступа: www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/projects/migration.htm. – Дата доступа: 25.11.2016.

6. *Рязанцев, С. В.* Интеграция «русскоязычной» общины в Австралии / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Народонаселение. – 2013. – № 1. – С. 106–110.

7. *Рязанцев, С. В.* Эмиграция ученых из России: «циркуляция умов» или «утечка мозгов»? / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Социол. исслед. – 2013. – № 4. – С. 24–32.

8. *Рыбаковский, Л. Л.* Демографическое будущее России и миграционные процессы / Л. Л. Рыбаковский // Социол. исслед. – 2005. – № 3. – С. 72–80.

9. International Migration Outlook 2013 [Electronic resource]. – Paris : OECD Publishing, 2013. – 365 p. – Mode of access: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2013-en. – Date of access: 25.11.2016.

10. *Ryazantsev, S. V.* Migration from Russia to Australia and formation of a Russian Community / S. V. Ryazantsev. – Canberra, Australian National University, College of Arts & Social Sciences. – 2013. – Vol. 4, N 5. – 98 p.

11. *Ryazantsev, S. V.* The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies / S. V. Ryazantsev // Mediterranean J. of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6, N 3. – P. 155–163.

12. *Ryazantsev, S. V.* Trafficking in Human Beings for Labour Exploitation and Irregular Labour Migration in the Russian Federation: Forms, Trends and Countermeasures [Electronic resource] /

S. V. Ryazantsev. – Stockholm : ADSTRINGO, Baltic Sea States Council, 2014. – 90 p. – Mode of access: http://www.ryazantsev.org/book1-16.pdf. – Date of access: 25.11.2016.

13. *Ryazantsev, S. V.* The lingual integration of migrants in Russia: declarations and realities / S. V. Ryazantsev // Life Science J. – 2011. – N 11 (8s). – P. 139–145.

14. *Ryazantsev, S. V.* Russia Needs a New Migration Policy / S. V. Ryazantsev // Russian Politics and Low. – 2013. – Vol. 51, iss. 3. – P. 80–85.

S. V. RYAZANTSEV

EXTERNAL MIGRATION POLICY AS A FACTOR OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

Summary

The key problems of the modern Russian migration policy in the context of demographic and socio-economic development of the country are discussed. We analyze the use of the international experience of migration for development countries. The article substantiates the concept of "external migration policy" as an innovative science and practice of migration management. Key recommendations to improve migration policy of Russia in the context of today's demographic realities were developed. The necessity of an active form of migration flows in the interest of the development of Russia as the main mechanism for the implementation of the external migration policy.

Keywords: external migration policy, the Russian Federation, demographic development.

Поступила 01.12.2016 г.

УДК 316.733 (476+470)

А. В. МОРОЗОВ,
доктор филологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

Н. Л. БАЛИЧ,
кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В. Н. МУХА,
кандидат социологических наук, доцент,
Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ[1]

Анализируются особенности культурой дипломатии как инструмента государственной политики в реализации внешней культурной политики Беларуси и России. Выявляются модели и образовательные средства практической реализации целей культурной дипломатии, направленные на активизацию международного культурного сотрудничества в рамках Союзного государства Беларуси и России.

Ключевые слова: культурная дипломатия, культурная политика, международное сотрудничество, интеграционные процессы.

В последние десятилетия на смену «жестким» политическим инструментам регулирования международных отношений пришла новая, более пластичная система методов установления крепких многосторонних связей и альянсов – «мягкая сила» (английский термин *soft power*) – форма политической власти, способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, цивилизационной симпатии и привлекательности (в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение). Свое окончательное формирование теория «мягкой силы» получила в трудах американского политолога, профессора Гарвардского университета Джозефа Ная [1; 2]. Основными составляющими в концепции «мягкой силы» Дж. Най назвал именно культуру и дипломатию.

Культурная дипломатия является своего рода стержнем публичной дипломатии государства, поскольку именно через культуру нация раскрывает миру

[1] Работа выполнена в рамках совместного проекта «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян» при финансовой поддержке БРФФИ (договор № Г15Р-032 от 04.05.2015 г.), РГНФ (проект № 15-23-01005 а (м)).

свою идентичность, представляет на международной арене свои ценности и творческие достижения. По причине возрастания роли культурной дипломатии в глобальных политических отношениях в 1999 г. был основан Институт культурной дипломатии – международная неправительственная некоммерческая организация со штабами в Германии и США. Позже при Институте была организована Академия культурной дипломатии в Берлине, а в 2009 г. создан Совет по изучению культурной дипломатии – крупнейшая международная ассоциация и сеть ведущих институтов, действующих в сфере культурной дипломатии. Ассоциация рассматривает культурную дипломатию как междисциплинарную дисциплину, включающую аспекты таких традиционных дисциплин, как международные отношения, политология, международная экономика, дипломатия, религиоведение, философия, изобразительное искусство, история и лингвистика [3].

Культурная дипломатия как действенный инструмент государственной политики осуществляется в строгих рамках внешней культурной политики. Все цивилизованные страны, сознающие свои национальные задачи, прилагают необходимые усилия и, самое главное, выделяют значительные средства для продвижения своей культурной дипломатии. Это направление возведено в разряд высокой государственной задачи.

Одним из важных и дискуссионных вопросов в реализации внешней культурной политики и дипломатии каждой конкретной страны является выбор ее модели, распределение сферы и степени влияния ее акторов. Культурная дипломатия может проявляться в двух формах – позитивной и негативной. Позитивная – поддерживает культурный обмен и использование инициатив «мягкой силы» для того, чтобы укрепить международные отношения и продвинуть национальные интересы. Противоположных принципов придерживается «негативная» культурная дипломатия, которая накладывает ограничения на межкультурные взаимодействия в целях защиты национальных идей и идеалов.

Традиционно к целям культурной дипломатии государства относится:

последовательное отстаивание национальных интересов на международной арене в целях решения задач национальной внешней политики и обеспечения национальной безопасности;

строительство долгосрочных и доверительных отношений с зарубежной аудиторией;

формирование у зарубежной аудитории позитивного взгляда на цели и ход реализации проводимой государством внешней и внутренней политики;

повышение привлекательности и улучшение имиджа страны посредством развития инструментов эффективной коммуникации с социальными институтами и гражданами зарубежных государств;

создание благоприятных условий и обеспечение поддержки общественного мнения зарубежных стран конкретным акциям данного государства на международной арене.

Конечный результат культурной дипломатии – сделать страну привлекательной для иностранной аудитории путем поддержки и реализации на международной арене эффективных социокультурных проектов.

Взаимопонимание между народами возможно при принятии и толерантном отношении к ценностям, на которых базируется их мировоззрение. Донесение этих ценностей до сознания людей других культур и цивилизаций в формах, посредством которых они могли бы быть лучшим образом поняты и приняты, – суть и первоочередная задача эффективного межкультурного диалога. Такое сотрудничество не может и не должно осуществляться только силами государственных органов. За осуществление культурной дипломатии в странах мира действительно отвечают различные государственные органы, однако, в отличие от «классической», политической, дипломатии, она не является прерогативой исключительно государственного аппарата управления. Большую роль в ее осуществлении могут играть некоммерческие организации, общественные объединения, частный сектор и отдельные граждане. Понятие народной дипломатии вмещает в себя международные связи и контакты посредством реализации культурных, научных и образовательных программ (обмены делегациями, художественные выставки, фольклорные фестивали, праздники искусств и т. п.) – всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран.

Проблема эффективного взаимопонимания и взаимодействия между представителями различных культур приобретает особую актуальность в связи с интенсификацией процессов интеграции, глобализации, международного сотрудничества в многообразных сферах социокультурной жизни. Характер и содержание межкультурных взаимоотношений во многом зависит от способности их участников понимать друг друга и достигать согласия; незнание особенностей национально-культурной специфики партнера приводит к коммуникативным неудачам и конфликтам.

Большое значение имеют образовательные средства практической реализации целей культурной дипломатии, к числу которых, в первую очередь, относится подготовка специалистов, способных на высоком профессиональном уровне разрабатывать и осуществлять социокультурные проекты, направленные на активизацию международного культурного сотрудничества.

Важнейшая роль должна отводиться молодежи в рамках осуществления культурной дипломатии на пространстве Союзного государства Беларуси и России. Это обусловлено возрастающей ролью молодежи в общественно-политических процессах и ее стремлением к активному участию в жизни общества, государственном управлении, совместному решению актуальных проблем с учетом передового опыта и использованием современных технологий и эффективных коммуникаций.

Целью молодежного сотрудничества на межгосударственном уровне должно стать содействие: вовлечению молодежи в социально-экономическое развитие своих стран, регионов и всего евразийского пространства; раскры-

тию творческого, научно-образовательного, профессионального и духовно-нравственного потенциала подрастающего поколения на основе взаимообогащения национальными культурами и передовым опытом государств в данных сферах; обеспечению социальной сплоченности и укреплению отношений дружбы, взаимопонимания и сотрудничества между нашими странами и народами.

Развитие молодежного парламентаризма на евразийском пространстве может стать одним из актуальных и стратегических направлений сотрудничества, нацеленного на вовлечение подрастающего поколения в укрепление интеграционных процессов, повышение правовой культуры, социальной и гражданской активности молодежи, развитие у нее навыков самоорганизации и самоуправления; расширение практики создания «социальных лифтов» для молодежи, укрепление межпоколенческого диалога и солидарности.

Молодежный парламентаризм следует рассматривать как действенный механизм формирования универсальных и легитимных представительных консультативно-совещательных органов молодежи – молодежных парламентов (советов, палат, форумов) с целью обеспечения эффективного диалога представителей молодежи, молодежных и студенческих объединений с органами государственной власти и местного самоуправления, направленного на совместное решение актуальных проблем молодежи и проведение результативной молодежной политики, отражающей права, законные интересы и разумные инициативы подрастающего поколения.

На наш взгляд, для эффективной реализации целей и задач межкультурного диалога необходима активизация сотрудничества молодежных, студенческих и иных общественных объединений, учебных заведений стран евразийского региона, а также создание в перспективе универсальной, постоянно действующей открытой молодежной платформы, такой как Евразийский молодежный общественный парламент (совет, палата, форум, клуб), деятельность которого будет основана на принципах самоуправления, добровольности, равноправия, взаимного доверия, открытости и широкого доступа молодежи и молодежных объединений к участию в его работе.

На евразийском пространстве уже следует отметить позитивную деятельность таких молодежных объединений, организаций и движений, как Молодежная межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств (ММПА СНГ), Совет по делам молодежи государств – участников СНГ, Международная молодежная общественная организация «Содружество», Международное молодежное движение «Евразийский экономический форум молодежи», Международная молодежная организация «Российско-Белорусский Союз Молодежи». Данные молодежные объединения, организации и движения намерены развивать конструктивное сотрудничество с молодежными сообществами других стран и регионов, в частности, стран Балтии, Кавказа, Совета Европы, Европейского союза, стран БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества, Азиатско-

Тихоокеанского региона и др. Очевидно, в процессе развития межкультурного диалога средствами народной дипломатии следует особое внимание уделить активному и системному участию в этих процессах представителей молодежных сообществ местного и регионального уровней, особенно приграничных регионов.

Специфика белорусской модели развития культурной дипломатии определяется национальными интересами суверенитета и независимости Республики Беларусь, внутриполитической стабильности и внешней безопасности, сохранения и развития ценностей материальной и духовной культуры. Основа устойчивого развития культурной дипломатии – социокультурное созидание и межцивилизационный диалог.

В настоящее время перед Республикой Беларусь стоит цель создать и упрочить свой имидж как молодого государства с богатым историко-культурным наследием. Такая цель требует ознакомления студентов со всем позитивным, что представляет сегодня бренд Беларуси, методами продвижения ее положительного имиджа, эффективного использования признанных во всем мире технологий брендинга и брендмаркетинга. Кроме того, необходимо усовершенствовать интернет-ресурсы, предоставляющие актуальную информацию о культуре Беларуси зарубежной аудитории.

На укрепление межкультурного диалога направлен комплекс научных, образовательных и культурных мероприятий на пространстве Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Оценивая состояние белорусско-российских отношений и перспективы Союзного государства Беларуси и России, следует отметить, что они формировались под влиянием различных факторов: внутриполитической обстановки в обоих государствах, дезинтеграционных и интеграционных процессов, происходящих в рамках СНГ в 1990-е гг.

Начало широкомасштабной интеграции Беларуси и России было положено 2 апреля 1996 г. (День единения народов Беларуси и России вошел в историю двух суверенных государств).

Ровно через год – 2 апреля 1997 г. – был подписан Договор о Союзе Беларуси и России. Цель создания Союза – сотрудничество государств в политической, экономической, социальной, оборонной сферах, устойчивое социально-экономическое развитие государств-участников на основе объединения материальных и интеллектуальных потенциалов. 23 мая состоялось подписание Устава Союза Беларуси и России.

В 1997–1998 гг. формируются исполнительные органы Союза, общий бюджет, разработка и реализация первых союзных программ. Образованы Пограничный и Таможенный комитеты, Комитет по вопросам безопасности.

Важным этапом в развитии союзных отношений Беларуси и России стало подписание 25 декабря 1998 г. Декларации о дальнейшем единении Беларуси и России, Договора о равных правах граждан, Соглашения о создании равных условий субъектам хозяйствования. В указанных документах закреплено

поэтапное движение к добровольному объединению в Союзное государство при сохранении национального суверенитета государств – участников Союза. Были определены основные направления интеграционной работы в экономической и социальной сферах. В этом же году был подписан Договор о совместной Телерадиовещательной организации Союза Беларуси и России.

Качественно новый уровень развития интеграции Беларуси и России был определен подписанием 8 декабря 1999 г. Договора о создании Союзного государства и Программы действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства. Программа – документ концептуального характера, обеспечивающий выработку согласованных подходов государств-участников к наиболее важным вопросам международных отношений и координацию усилий во внешней политике. После ратификации Договора парламентами двух стран, 26 января 2000 г. он вступил в силу [4].

Россия – основной стратегический партнер Республики Беларусь. По данным республиканских мониторингов, ежегодно проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, большинство белорусских граждан считают, что интересам страны в наибольшей степени соответствует сотрудничество с Российской Федерацией. Свою страну белорусы считают надежным внешнеполитическим и экономическим союзником России. По данным опросов за 2015 г., каждый второй житель страны (55,9 %) считает, что Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров. Более трети жителей (38,0 %) убеждены, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления. Незначительная часть респондентов (4,3 %) отмечает, что Беларусь может войти в состав России в качестве субъекта(ов) федерации.

Данные сравнительного исследования, проведенного между Институтом социологии НАН Беларуси и Кубанским государственным технологическим университетом в 2016 г., также подтверждают, что население Беларуси и Краснодарского края среди различных межгосударственных объединений больше всего поддерживает сотрудничество между Республикой Беларусь и Российской Федерацией (такое мнение выразило более 84 % белорусских и российских участников опроса). Анализ позиций различных социально-демографических групп населения показал, что независимо от возраста, пола, региона проживания, национальной принадлежности отношение к процессам сотрудничества (сближения) между Беларусью и Россией поддерживается подавляющим большинством населения двух стран. Среди объединяющих признаков белорусов и россиян наряду с базовой основой единства народов – историческим прошлым, культурой и традициями, менталитетом, общностью языка, белорусские респонденты чаще называют экономические, политические приоритеты в системе ценностей (40 %), российские – религию (41 %).

Большинство белорусов и россиян считают, что интеграционные процессы между Беларусью и Россией позитивно влияют на социально-экономическую, политическую, культурную ситуацию двух стран.

Укреплению дружественных культурных связей между Республикой Беларусь и Российской Федерацией способствует сотрудничество регионов. Следует отметить действующее Соглашение между администрацией Краснодарского края и правительством Республики Беларусь о торгово-экономическом, производственно-техническом, научном и культурном сотрудничестве, подписанное в г. Краснодаре 26 июня 1997 г. Статья 8 Соглашения посвящена культурному обмену: стороны всемерно содействуют развитию связей в области культуры и искусства двух братских славянских народов. Для реализации положения настоящего пункта стороны организуют: проведение декад национального искусства, обмен театральными постановками, выставками, творческими коллективами; взаимодействие между деятелями культуры и искусства, проведение Дней культуры Республики Беларусь в Краснодарском крае и Дней культуры Кубани в Республике Беларусь.

С 26 сентября 2009 г. реализуется Договор о сотрудничестве Копыльского районного исполнительного комитета Республики Беларусь и администрации Темрюкского городского поселения Темрюкского района Краснодарского края Российской Федерации. Предмет Договора – сотрудничество сторон в области культуры, образования, социального обеспечения, экологии, охраны памятников, экономического обмена, взаимопонимания и укрепления дружбы между народами.

В сфере искусства памятными событиями являются участие кубанских коллективов «Хуторяночка» и «Раздолье», представляющих Краснодарский край, на Международном фестивале народного искусства «Венок дружбы» в г. Бобруйске Могилевской области в июне 2010 г.

Солисты Кубанского казачьего хора Юрий и Ольга Булавины, братья Роман и Валерий Троян удостоены звания заслуженных артистов Республики Беларусь.

В настоящее время в Союзном государстве Беларуси и России реализуется комплекс совместных мероприятий по укреплению безопасности, решению крупных социально-экономических задач государств – участников Договора, включающий в себя проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических, производственных и других работ. Действующими программами являются:

Программа согласованных действий в области внешней политики государств – участников Договора о создании Союзного государства на 2016–2017 годы, направленная на координацию усилий во внешней политике, координацию действий в решении проблем общеевропейской безопасности в рамках ОБСЕ;

«Разработка комплексных технологий создания материалов, устройств и ключевых элементов космических средств и перспективной продукции других отраслей» («Технология-СГ» 2016–2020 гг.), целью которой является раз-

работка новых перспективных конструкционных наноматериалов для изделий ракетно-космической техники, защита электронной компонентной базы космических аппаратов с длительным сроком активного существования и других технологий;

«Укрепление пограничной безопасности Союзного государства на период 2012–2016 годов», направленная на реализацию основных положений пограничной политики Союзного государства, укрепление пограничной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь, нейтрализацию основных угроз безопасности и интересам Союзного государства;

Программа совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период 2013–2016 годов, цель которой – совершенствование политики безопасной жизнедеятельности граждан Беларуси и России, подвергшихся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и повышению качества жизни проживающих на загрязненных территориях; ликвидация чрезвычайных ситуаций на радиоактивно загрязненных территориях;

«Разработка инновационных технологий и техники для производства конкурентоспособных композиционных материалов, матриц и армирующих элементов на 2012–2016 годы», ориентированная на разработку современных технологий для высокотехнологичных отраслей отечественной промышленности и товаров народного потребления, укрепление конкурентных позиций химического сектора на внутреннем и внешнем рынках в условиях рыночной экономики и др.;

«Разработка космических и наземных средств обеспечения потребителей России и Беларуси информацией дистанционного зондирования Земли» («Мониторинг–СГ») на 2013–2017 годы. Целью программы является создание технологий и программных комплексов в интересах повышения надежности, работоспособности и живучести маломассогабаритных космических средств дистанционного зондирования Земли [4].

Многообразные научные форумы, фестивали, концертно-зрелищные и спортивные мероприятия объединяют в общем созидательном действии представителей различных народов, культур. Творческий диалог с теми, кто готов принимать участие в межкультурном диалоге, может и должен стать отправной точкой эффективного процесса взаимодействия и взаимовлияния.

Среди программ и проектов в сфере культуры и искусства следует выделить:

конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост Дружбы», который ориентирован на поиск, раскрытие и поддержку молодых талантливых авторов;

Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске»;

фестиваль «Молодежь – за Союзное государство» (регулярно проводится с 2006 г.). Актуальность фестиваля обусловлена, прежде всего, необходимостью активизации участия молодежи Беларуси и России в программах и мероприятиях Союзного государства. Основные цели фестиваля – созда-

ние единого культурного пространства на территории Союзного государства, укрепление славянского единства, дружбы и взаимопонимания молодежи Беларуси и России, сохранение и развитие лучших традиций в области культуры и искусства, выявление новых талантливых творческих коллективов и исполнителей;

традиционный фестиваль Союзного государства «Творчество юных», который проводится с 2010 г. в городе-курорте Анапа. Основная задача данного фестиваля – укрепить дружественные связи между гражданами России и Беларуси;

конкурс молодых преподавателей России и Беларуси на лучший урок по литературе «Сила Слова» и другие проекты.

Фестивали являются одной из эффективных форм сохранения этнокультурной идентичности и одновременно осуществления межкультурного диалога: кинофестивали, театральные, фольклорно-этнографические и т. п.

Огромный культурно-исторический опыт по формированию этнокультурной идентичности, сохранению межнационального согласия и активизации межкультурного диалога был накоплен в Республике Беларусь со второй половины 90-х гг. XX в. при организации и проведении ставшего традиционным Республиканского фестиваля национальных культур [5]. Данный фестиваль сближает и объединяет все национальные меньшинства, проживающие на территории нашей страны, способствует сохранению национальной самобытности и, вместе с тем, взаимопониманию и взаимообогащению культур.

Организационной особенностью данного фестиваля является его многоэтапность: каждый раз его проводят в течение двух лет, сначала в районах, затем в областях республики и, наконец, заключительные мероприятия в столице праздника – многонациональном городе Гродно – областном центре на границе с Польшей и Литвой.

Из года в год растет количество участников заключительного мероприятия – национальных объединений, творческих коллективов и гостей. Если в первом фестивале в 1996 г. можно было составить представление о культуре и традициям 11 национальных объединений, то в 2016 г. (4–5 июня) в XI Республиканском фестивале национальных культур в Гродно (впервые прошел под патронатом ЮНЕСКО) изъявили желание принять участие представители около 40 национальностей. Традиционно главные события разворачиваются на национальных подворьях. Здесь звучат песни, исполняются танцы, предлагаются экзотические блюда национальной кухни, проводятся конкурсы, в которых могут принять участие все желающие. Путешествуя по национальным подворьям, многочисленные гости фестиваля смогли познакомиться с историко-культурным наследием многих народов мира.

Фольклорно-этнографические фестивали помогают приобщить широкие слои населения к лучшим традициям народного искусства и, кроме того, способствуют воспитанию межэтнической толерантности. Следует распространить опыт проведения подобного фестиваля на все евразийское пространство Союзного государства Беларуси и России, возможно, с привлечением уча-

стников из других стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств (СНГ).

Таким образом, интеграционные процессы позитивно влияют на социально-экономическую, политическую, культурную ситуацию в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Межкультурное взаимодействие посредством применения эффективных форм и методов культурной дипломатии в Союзном государстве Беларуси и России определяется основополагающими принципами межкультурного диалога: признания самоценности как любой культуры, так и общего культурного наследия народов Беларуси и России; толерантности; эмпатии; многоуровневости.

Система мероприятий, призванных подкрепить позитивные интеграционные процессы Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, способны активизировать межкультурный диалог с государствами – участниками ЕАЭС – международной организацией, являющейся закономерным итогом многолетнего сотрудничества между нашими странами и, кроме того, олицетворяющей дальнейшее развитие интеграционных отношений Беларуси и России с Казахстаном, Кыргызстаном и Арменией.

Список использованных источников

1. *Nye, J. S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / Joseph S. Nye. – New York : Basic Books, 1991. – 336 p.

2. *Nye, J. S.* Soft Power. The Means to Success in World Politics / Joseph S. Nye. – New York : Public Affairs, 2004. – 192 p.

3. Institute for Cultural Diplomacy [Electronic resource]. – Mode of access: http://culturaldiplomacy.org/index.php?en_culturaldiplomacy. – Date of access: 02.08.2016.

4. Документы Союзного государства [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: http://www.soyuz.by/about/docs/. – Дата доступа: 10.01.2016.

5. Республиканский фестиваль национальных культур [Электронный ресурс] // Республиканский центр национальных культур. – Минск, 2007–2016. – Режим доступа: http://centrkult.iatp.by. – Дата доступа: 30.09.2016.

A. V. MOROZOV, N. L. BALICH, V. N. MUKHA

CULTURAL DIPLOMACY IN CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES IN BELARUS AND RUSSIA

Summary

The features of cultural diplomacy as an instrument of state policy in the implementation of external cultural policy of Belarus and Russia are analyzed. The models and educational means of the practical realization of the objectives of cultural diplomacy, aimed at strengthening the international cultural cooperation within the framework of the Union State of Belarus and Russia were revealed.

Keywords: cultural diplomacy, cultural policy, international cooperation, integration processes.

Поступила 04.12.2016 г.

УДК 316.334.2(476)

Н. Н. СЕЧКО,
кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В статье на основе данных республиканских социологических исследований представлено мнение белорусского населения о влиянии интеграционных процессов Беларуси и России на социально-экономическую ситуацию в стране, дана оценка динамике отношений двух стран, выявлен уровень социальной поддержки вхождения Республики Беларусь в Таможенный союз, Единое экономическое пространство и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Ключевые слова: интеграционные процессы, Республика Беларусь, Российская Федерация, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз, общественное мнение.

В последнее десятилетие интенсивность социально-экономических и политических процессов усилилась, обострив множество конфликтов интересов. Данные процессы актуализируют значимость институтов и механизмов партнерства, региональных интеграционных образований и сообществ. На сегодняшний день в мире функционируют: Европейский союз (ЕС); Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); БРИКС как ассоциация пяти развивающихся экономик: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР; Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), где остались не вошедшие в ЕС Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн; Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА) между Канадой, США и Мексикой; Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС); Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН); Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ); Андская система интеграции (АСИ, или Андское сообщество); Карибское сообщество и общий рынок (КАРИКОМ); Южноафриканский таможенный союз (SACU); Арабский общий рынок; организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) и др. Таким образом, можно заключить, что на сегодняшний день практически все страны мира стали членами каких-либо международных экономических сообществ. В октябре 2016 г. А. Г. Лукашенко была озвучена идея «интеграции интеграций» как сближения и налаживания сотрудничества в глобализирующемся мире.

Реализуется интеграционное взаимодействие и на постсоветском пространстве: изначально было создано Содружество Независимых Государств

(СНГ), призванное регулировать взаимодействие между государствами, ранее входившими в СССР, осуществлялась деятельность по формированию основ Союзного государства Беларуси и России, была создана и функционирует Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), далее были созданы Таможенный союз, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), с 2012 г. заработало Единое экономическое пространство (ЕЭП), в ходе дальнейшего развития интеграционных процессов в 2015 г. ЕврАзЭС трансформировалось в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – экономический союз государств Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Стоит отметить, что Беларусь и Россия являются одними из наиболее активных участников интеграционных процессов на постсоветском пространстве, так как в контексте современных геополитических тенденций интеграционное взаимодействие Республики Беларусь и Российской Федерации является не просто актуальным, но и стратегически необходимым. Интеграционные процессы в Беларуси и России имеют значимую экономическую, политическую, культурную и иные составляющие.

В контексте экономической интеграции осуществляется выработка однотипных механизмов регулирования экономик, основанных на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, вырабатывается единая инфраструктура и согласованная налоговая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, осуществляется унификация законодательств в области гражданского, хозяйственного права, таможенного законодательства, сближение правовой базы в сфере банковской деятельности и т. д. В 2008 г. был создан Антикризисный фонд ЕврАзЭС для оказания финансовой помощи государствам – членам Фонда: предоставления суверенных займов странам-участницам в целях преодоления негативных последствий мирового финансового и экономического кризиса; предоставления стабилизационных кредитов странам-участницам с низким уровнем доходов; финансирования межгосударственных инвестпроектов и т. д.

В социальном плане Евразийский экономический союз предполагает обеспечение *свободного передвижения* граждан государств-участников и создание унифицированного правового режима в части трудоустройства, вознаграждения, других условий труда и занятости.

История развития интеграционных процессов свидетельствует, что и политическая, и экономическая сфера данных процессов постоянно совершенствуются в соответствии с изменяющимися макроэкономическими аспектами и тенденциями. Однако для того, чтобы интеграционные процессы были действительно полноценными и эффективными, они должны уделять внимание и социальной составляющей, соответствовать ожиданиям и потребностям населения. К числу основных социальных задач, заявленных в рамках интеграционных процессов Беларуси и России, относятся повышение благосостояния граждан наших стран, укрепление демократических основ государственно-

сти, защита прав и свобод человека. Каковы ожидания белорусского населения от интеграционных процессов, каково общественное мнение о происходящих преобразованиях?

Согласно результатам республиканского социологического мониторинга, осуществляемого Институтом социологии НАН Беларуси, в качестве основополагающих факторов, являющихся платформой для поддержания и развития интеграционных процессов между Беларусью и Россией, в 2014 г. белорусы назвали: историческое прошлое, объединяющее белорусский народ с народом России, – 59,8 %; культуру (ценности, традиции и т. д.) – 46,5 %; общность языка – 39,4 %; родственные связи, межэтнические браки – 26,8 % населения. На экономические, политические и другие общие интересы указали 23,1 % белорусов. Таким образом, с точки зрения основных социально-демографических групп населения именно социокультурные факторы составляют наиболее сильную основу платформы взаимодействия и интеграции России и Беларуси.

С самого начала интеграционные взаимодействия позитивно оценивались белорусами: большинство белорусского населения (более $^{2}/_{3}$) полагало, что происходящие интеграционные процессы позитивно влияют на социально-экономическую ситуацию в Беларуси, и особенно ярко это проявилось в условиях финансово-экономического кризиса: так, в течение 2011 г. возросла численность населения, положительно оценивающего влияние укрепления союза с Россией (весна 2011 г. – 62,8 %, осень 2011 г. – 68,7 %) и укрепление отношений с другими странами СНГ (64,0 % и 66,9 % соответственно). За этот же период в 2 раза снизилась группа респондентов, дающая негативные оценки интеграционным процессам с Россией (весна 2011 г. – 5,9 %, осень 2011 г. – 2,8 %) и с другими странами СНГ (2,2 % и 1,3 % соответственно).

Начиная с 2011 г. в условиях кризиса наблюдается активизация процессов экономического взаимодействия между Беларусью и Россией: начал функционировать Таможенный союз, активизировались процессы в ЕврАзЭС, Антикризисный фонд ЕврАзЭС оказал Беларуси поддержку в условиях кризиса, Российская Федерация предоставила Беларуси льготные цены на нефть и газ и т. д. Активизация интеграционных процессов нашла свое отражение в общественном мнении белорусского населения: с 2011 г. возрастает численность белорусского населения, позитивно оценивающего динамику отношений между Беларусью и Россией (2010 г. – 19,4 %, 2011 г. – 28,2 %, 2012 г. – 42,3 %, 2014 г. – 46,7 %, 2015 г. – 40,6 %) и сокращается группа респондентов, негативно оценивающих динамику отношений между нашими странами (табл. 1).

При оценке перспектив развития интеграционных отношений белорусское население полагает, что Беларусь не должна входить в состав Российской Федерации в качестве субъекта федерации. Большинство населения считает, что дальнейшее развитие интеграционных процессов должно осуществляться в рамках следующих организационно-правовых форм:

1. Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров – с 2009 по 2016 г.

Таблица 1. **Оценка белорусским населением динамики отношений между Беларусью и Россией, %**

Вариант ответа	2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2014 г.		2015 г.	
Существенно улучшились	5,2	22,2	4,5	19,4	5,1	28,2	12,8	42,3	20,2	46,7	15,6	40,6
Немного улучшились	17,0		14,9		23,1		29,5		26,5		25,0	
Не изменились	28,4		25,8		22,9		23,2		27,7		35,5	
Несколько ухудшились	14,4	17,0	20,9	26,1	16,9	22,2	11,8	13,1	4,2	4,6	8,7	9,5
Существенно ухудшились	2,6		5,2		5,3		1,3		0,4		0,8	
Затрудняюсь ответить	32,3		28,7		26,7		21,3		20,9		14,4	

данную организационно-правовую форму поддерживает более половины белорусского населения;

2. Около $^{2}/_{5}$ населения полагает, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления.

3. Доля населения, полагающая, что Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта(ов) федерации, составляет около 5–6 % (табл. 2).

Таблица 2. **Оценка белорусским населением перспектив развития интеграционных отношений между Беларусью и Россией, %**

Вариант ответа	Годы						
	2009	2010	2011	2012	2014	2015	2016
Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров	53,8	49,4	56,8	55,3	55,7	56,9	52,0
Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления	41,2	46,5	41,0	39,3	38,7	38,8	41,6
Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта(ов) федерации	5,0	4,1	2,2	5,4	5,6	4,3	6,4

В контексте выявления уровня социальной поддержки реализуемых проектов и направлений изучалось отношение населения к вхождению Беларуси в Таможенный союз, Единое экономическое пространство, ЕврАзЭС. Результаты исследований 2012 и 2014 гг. выявили, что большинство белорусского населения поддерживало вхождение Беларуси в Таможенный союз (в 2012 г. поддерживали 62,2 % белорусов, в 2014 г. – 65,7 %) и в Единое экономическое пространство (2012 г. – 61,3 % белорусов, 2014 г. – 61,2 %). Уровень социальной поддержки вхождения Беларуси в ЕврАзЭС был несколько ниже (в 2012 г.

поддерживали 49,7 % белорусов, в 2014 г. – 44,7 %) в связи с тем, что более $^1/_3$ населения затруднялись ответить на этот вопрос и были не в полной мере информированы, что такое ЕврАзЭС (табл. 3).

Таблица 3. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы вхождение Беларуси в …», %**

Вариант ответа	Таможенный союз		Единое экономическое пространство		ЕврАзЭС	
	2012 г.	2014 г.	2012 г.	2014 г.	2012 г.	2014 г.
Да	42,6	42,7	40,6	37,6	32,4	27,6
Скорее да	19,6	23,0	20,7	23,6	17,3	17,1
Скорее нет	5,7	4,4	6,2	5,2	7,6	7,1
Нет	6,0	4,6	5,4	5,8	5,8	11,7
Затрудняюсь ответить	26,2	25,2	27,2	27,7	37,0	36,5

Президенты государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства 29 мая 2014 г. на заседании Высшего евразийского экономического совета подписали Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Договор обозначил переход евразийского экономического проекта на новый уровень интеграции, фактически с 01.01.2015 г. ЕврАзЭС трансформировался в ЕАЭС. Подписание данного договора широко освещалось в СМИ, прорисовывались дальнейшие перспективы интеграционного взаимодействия стран. В связи с этим данные социологического мониторинга выявили высокий уровень общественной поддержки вступления Беларуси в ЕАЭС: в целом данную инициативу поддерживали 67,5 % белорусов (табл. 4).

Таблица 4. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы вхождение Беларуси с 01.01.2015 г. в Евразийский экономический союз?», 2015 г., %**

Вариант ответа	Пол респондентов		Возраст респондентов, лет							В целом
	мужской	женский	16–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70 и старше	
Да	44,6	40,0	44,5	36,4	36,4	42,5	44,3	51,3	47,8	42,1
Скорее да	24,7	26,0	23,3	28,1	23,8	31,1	23,4	25,9	18,5	25,4
Скорее нет	6,7	5,7	4,8	9,4	7,6	4,7	6,6	2,6	2,8	6,2
Нет	3,8	4,6	2,1	4,7	5,5	3,2	5,1	3,5	3,4	4,3
Затрудняюсь ответить	20,2	23,7	25,3	21,6	26,7	18,5	20,7	16,7	27,5	22,1

В течение 2015 и 2016 гг. в рамках функционирования ЕАЭС был сформирован суд ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия, Высший Евразийский экономический совет, согласовывались Таможенный кодекс, механизмы выработки единой позиции в переговорах с третьими странами и т. д. Однако эти процессы в большей мере затронули членов правительств и экспертов, а не широкие слои населения. Уровень освещения функционирования ЕАЭС в СМИ (исключая специализированные экономические и юридические СМИ) снизился, и в целом существенных изменений от трансформации ЕврАзЭС

в ЕАЭС белорусское население не ощутило. В связи с этим уровень поддержки населением вхождения Беларуси в ЕАЭС в 2016 г. (56,6 %, варианты ответов «да» и «скорее да») был ниже, чем уровень поддержки интеграции Беларуси в ЕврАзЭС в 2015 г. (67,5 %, варианты ответов «да» и «скорее да»), а доля затруднившихся ответить возросла с 22,1 % в 2015 г. до 32,2 % в 2016 г. Однако в целом вхождение Беларуси в данный интеграционный союз поддерживают более половины белорусов (табл. 5).

Таблица 5. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы вхождение Беларуси в Евразийский экономический союз (ЕАЭС)?», 2016 г., %**

Вариант ответа	Пол респондентов		Возраст респондентов, лет							В целом
	мужской	женский	16–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70 и старше	
Да	27,1	23,5	12,6	20,9	27,7	21,7	26,6	34,7	29,7	25,1
Скорее да	33,4	29,8	24,5	32,0	30,8	34,7	34,3	31,5	23,6	31,5
Скорее нет	6,9	5,8	3,3	6,5	5,6	6,0	6,8	9,1	5,4	6,3
Нет	5,6	4,3	2,6	7,5	5,6	6,0	3,5	1,8	6,1	5,0
Затрудняюсь ответить	27,0	36,5	57,0	33,1	30,3	31,7	28,8	22,8	35,0	32,2

Большинство населения склонно оценивать происходящие социально-экономические и политические изменения по событиям, непосредственно отражающимся на их жизни. В связи с недостаточной информированностью населения об интеграционных процессах и реализуемых проектах в рамках ЕАЭС, в белорусском обществе доля респондентов, затрудняющихся дать оценку тому, как повлияет данный союз на их жизнь, составляет 40,4 %, и только чуть более $^1/_3$ населения полагают, что вступление Беларуси в ЕАЭС приведет к позитивным изменениям в их жизни (табл. 6).

Таблица 6. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, приведет ли создание Евразийского экономического союза к позитивным изменениям в Вашей жизни?», 2016 г., %**

Вариант ответа	Пол		Возраст респондентов, лет							В целом
	мужской	женский	16–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70 и старше	
Да	7,9	8,5	4,7	6,3	5,9	7,4	11,6	10,3	12,9	8,3
Скорее да	29,8	24,9	20,1	26,3	29,2	27,1	26,7	32,4	24,5	27,2
Скорее нет	13,2	13,8	8,1	13,8	15,3	15,7	14,6	12,2	8,2	13,6
Нет	12,1	9,4	8,7	11,5	12,7	12,0	9,1	6,1	11,6	10,6
Затрудняюсь ответить	37,0	43,5	58,4	42,2	36,9	37,8	37,9	39,0	42,9	40,4

Говоря о стратегических целях интеграционных взаимодействий Беларуси и России, белорусы полагают, что функционирование ЕАЭС должно способствовать, в первую очередь, достижению «продуктивной занятости, свободному перемещению граждан и функционированию общего рынка труда в ЕАЭС» – 33,8 %, данная цель имеет яркий пример реализации в рамках ЕС

и значима в силу привлекательности России для трудовых мигрантов. Далее в рейтинге целей «повышение благосостояния населения каждого из государств – членов ЕАЭС» – 31,5 %, что вполне объяснимо в связи с переживаемыми как Россией, так и Беларусью экономическими трудностями и снижением уровня жизни населения; «обеспечение коллективной безопасности ЕАЭС» – 24,8 %, что объясняется военными конфликтами в Сирии, Ираке, Ливии и т. д. и обострением ряда угроз на границах стран – участниц ЕАЭС. Таким образом, на сегодняшний день в качестве приоритетных целей функционирования ЕАЭС белорусы указывают на экономические и военно-политические цели (табл. 7).

Таблица 7. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы полагаете, какие цели и ценности должны лежать в основе интеграционных процессов ЕАЭС?», 2016 г., %**

Вариант ответа	Пол		Возраст респондентов, лет							В целом
	мужской	женский	16–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70 и старше	
Продуктивная занятость, свободное перемещение граждан, общий рынок труда в ЕАЭС	36,0	32,0	29,1	32,6	33,6	40,6	35,3	33,1	25,3	33,8
Благоприятная экологическая среда в странах ЕАЭС	14,1	15,3	14,0	14,6	13,9	16,1	16,6	13,9	11,0	14,7
Коллективная безопасность ЕАЭС	26,2	23,5	14,4	22,2	22,9	26,6	27,5	30,7	26,1	24,8
Обеспечение прав человека в ЕАЭС	19,3	15,5	12,9	18,9	20,3	15,0	18,8	15,5	10,7	17,2
Повышение благосостояния населения каждого из государств – членов ЕАЭС	33,6	29,8	22,1	27,3	34,6	34,3	33,9	33,3	27,8	31,5
Поддержание благоприятной среды для межнационального взаимодействия стран – участниц ЕАЭС	11,9	12,8	9,1	14,6	12,8	10,6	10,6	16,9	11,6	12,4
Согласованное пенсионное обеспечение в ЕАЭС	10,8	11,6	4,1	7,6	9,2	9,6	12,2	21,2	19,3	11,2
Солидарность перед лицом внешних угроз каждого из государств – членов ЕАЭС	13,5	13,3	7,1	11,0	14,9	18,6	12,1	15,1	12,3	13,4
Общее образовательное, культурное пространства ЕАЭС	8,4	8,1	9,3	7,0	8,4	9,8	9,8	8,2	1,4	8,2
Другое	0,4	0,1	0,0	0,5	0,5	0,0	0,0	0,0	0,7	0,2
Затрудняюсь ответить	29,6	36,4	52,1	37,2	29,4	31,9	28,6	26,2	43,5	33,3

Таким образом, можно заключить, что в условиях нестабильности и даже непредсказуемости политики ведущих мировых держав возрастает стратегическое значение интеграционных союзов. Вся совокупность исторических, социокультурных, экономических, политических и военных факторов обусловливает приоритетность Российской Федерации как интеграционного партнера для Республики Беларусь. Интеграционные взаимоотношения между Беларусью и Россией развиваются в контексте происходящих социально-экономических изменений, происходит выработка приемлемой модели интеграционных взаимодействий, где бы согласовывались интересы и ожидания всех стран-участниц. Эти процессы длительны, требуют работы экспертов и ломки многих иждивенческих и патерналистских стереотипов от участников данных экономических союзов. Последствия от вступления Беларуси в ЕАЭС для белорусского населения еще до конца не очерчены и не всегда осознаются нашим населением, на сегодняшний день обычным белорусским гражданам сложно представить целостную и системную картину происходящих изменений и интеграции. Но в целом результаты республиканских социологических мониторингов Института социологии НАН Беларуси показывают принципиальную поддержку белорусским населением интеграционных процессов Беларуси и России.

N. N. SECHKO

INTEGRATION PROCESSES IN BELARUS AND RUSSIA: PUBLIC OPINION

Summary

The article presents sociological analysis based on national studies of opinion of the Belarusian population about the impact of integration of Belarus and Russia on the socio-economic situation in the country. An assessment of the dynamics of relations between the two countries is accomplished. A level of social support of joining of the Republic of Belarus in the Customs Union and the Common Economic Space and the Eurasian Economic Union (EAEU) is revealed.

Keywords: integration processes, the Republic of Belarus, the Russian Federation, the Customs Union and the Common Economic Space, the Eurasian Economic Union, the public opinion.

Поступила 15.10.2016 г.

УДК 316.42

А. Н. МАЛЮК,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины, г. Киев

КОНЦЕПТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В МИР-СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ

В статье сопоставляются подходы к исследованию современной стадии развития мировой цивилизации, которые были разработаны в концепциях глобализации и в мир-системном анализе. Сравнение исследований глобализации и мир-системного анализа показывает, что последний дает более четкое представление о социальной реальности.

Ключевые слова: глобализация, мир-системный анализ, глобальный капитализм, глобальный кризис.

Концепт глобализации вошел в широкое употребление в социальных науках в конце 1980-х гг. Его создание соответствовало потребности социальной науки в преодолении государствоцентристского подхода, исчерпавшего свой эпистемологический и теоретико-методологический потенциал. Социально-научным подходом, теоретики которого раньше многих других осознали глобальную природу систем социальных взаимодействий, является мир-системный анализ (МСА). Современные глобальные процессы анализируются теоретиками МСА сквозь призму понятия современной мир-системы (СМС) или капиталистической мир-экономики (КМЭ) – одной из исторических систем, в рамках которых осуществлялась организация общественной жизни людей на протяжении человеческой истории.

МСА основывается на следующих фундаментальных предпосылках. Развитие человеческого общества представляет собой процесс возникновения, развития и смены исторических систем определенного типа. Сущностной характеристикой «современного общества», то есть современной мир-системы, является капитализм. МСА стремится понять, каким образом капитализм как способ производства структурирует и организует мировое пространство.

МСА исходит из того, что подлинный масштаб развертывания капиталистического способа производства предполагает наличие крупномасштабного социального целого, превосходящего пределы отдельной страны или нации-государства – исторической системы в форме капиталистической мир-системы. Термин «мир-система» означает не весь мир, а относительно самодостаточное с точки зрения процессов производства и обмена пространство, объединенное системой мирового разделения труда. МСА ориентирован на исследование глобальных процессов, предполагающих отношения между

общественными группами, действующими на пространстве, не ограниченном пределами отдельного государства. Как говорит У. Мартин, «мир-системные аналитики настаивают, что капиталистическое накопление всегда было глобальным процессом, тогда как политическое управление осуществлялось посредством многих соотносительно сконструированных институтов» [1, p. 240].

МСА делает особый акцент на синхронном пространственном аспекте межсоциетальных взаимодействий. В отличие от теории модернизации, МСА избегает неоправданной темпорализации пространства КМЭ, то есть ассоциации разнородных социально-экономических форм, существующих в ее различных, но взаимодействующих географических частях, с определенными стадиями развития. При анализе пространственных взаимоотношений в КМЭ наибольшее значение МСА придает отношениям между ядром и периферией. Термины «ядро» и «периферия» обозначают соответственно зоны, выступающие центрами накопления капитала, и зоны, эксплуатируемые центрами КМЭ. Возникновение ядро-периферийных отношений – следствие развития капиталистического способа производства. Ядро и периферия составляют две неразделимые стороны единого комплекса накопления капитала в мировом масштабе. Ядро и периферия как элементы КМЭ не связаны непосредственно с системой наций-государств, то есть капитал в мировой капиталистической системе (МКС) перетекает не просто от одного государства к другому, а между зонами ядра и периферии, которые в целом не совпадают с государственными границами. Своим структурным положением в КМЭ периферия обречена на слаборазвитость относительно ядра. КМЭ устроена так, что в ней невозможен переход в ядро всех обществ одновременно. Ядро-периферийная структура такое же имманентное свойство капитализма, как и классовая. В КМЭ возможно только изменение состава этих двух структурных уровней, их пространственное перемещение.

Нетрудно заметить, что МСА и исследования глобализации имеют одну общую черту: они относительно настоящего времени говорят о единой мировой экономике как глобальной целостности и неприемлемости нации-государства как базовой единицы социально-теоретического анализа. Они также считают, что с момента кризиса 1970-х гг. мировая экономика вступила в период реструктуризации [2].

Однако в МСА и концепциях глобализации при исследовании процесса формирования глобальной целостности применяется различный временной и пространственный исторический масштаб. Из этого вытекают различия в решимости и глубине, с которыми преодолевают государствоцентристские представления МСА и исследования глобализации, сохраняющие эти представления в числе своих базовых предпосылок. Концепции глобализации исходят из того, что И. Валлерстайн назвал идеей «расширения экономических кругов» [3, p. 10]. Это означает, что обычный государствоцентристский взгляд на глобализацию воспринимает общественное развитие как процесс, содер-

жащий два скачкообразных перехода. Первый из них связан с переходом от локальных замкнутых хозяйств к национальной экономике, а второй – от национальных экономик к глобальной экономической системе. Второй переход является следствием того, что национальные государства, содержащие в себе национальные общества и национальные экономики, по мере прогресса производительных сил вступали в международные политические и экономические отношения, имеющие характер внешних связей между национальными обществами-государствами. С ростом разнообразия и интенсивности связей в международной системе в более поздний период (примерно с 1945 г.) возникает тенденция к интернационализации экономики, перерастающая (с 1970-х гг.) в глобализацию. С этой точки зрения глобализация является качественно новым этапом в развитии мирового сообщества, когда отдельные национальные общества-государства вследствие усиления международной экономической интеграции сливаются в единую глобальную систему. В современной истории впервые возникает глобальное производство, глобальный рынок, глобальное общество и глобальная культура. И этот второй переход является настоящей «глобальной революцией».

С точки зрения МСА, весь дискурс глобализации в том виде, в котором он существует, представляет собой непонимание современной реальности, обман, «навязанный нам правящими группами, и, что еще хуже, обман, который мы навязали сами себе. Именно этот дискурс ведет нас к тому, чтобы игнорировать реальные вопросы, стоящие перед нами, и неверно понимать исторический кризис, в котором мы оказались» [4, p. 250]. В конце XX в. мир действительно вступил в период радикальных преобразований. Однако суть этой трансформации не сводится к образованию нового глобального мира. Скорее, это процесс перехода от КМЭ, достигшей пределов структурной экспансии, к качественно новой мировой системе [5].

Из допущения в качестве реальных единиц исторического процесса исторических систем следует, что глобализация может рассматриваться с двух взаимосвязанных точек зрения. Во-первых, как пространственная экспансия КМЭ, а во-вторых, как усиление ее внутренней интеграции. То есть глобализацию нужно рассматривать как процесс, протекающий с момента возникновения пять столетий назад КМЭ как исторической системы. Иными словами, глобализация является процессом, фактически тождественным историческому развитию КМЭ, диалектическим процессом реализации глобальной по своему потенциалу природы капитализма. С этой точки зрения глобализация не является новым феноменом, и уже XIX век стал свидетелем завершения в основном глобализации в первом значении. То есть глобализация интерпретируется не как самостоятельный процесс, определяющий отдельную стадию развития, а как органическая тенденция развития капитализма, подчиненная действию его законов.

Такую интерпретацию глобализации можно найти в работах представителей МСА. С этой точки зрения научное изучение глобализации, учитывая

разногласия в этой области исследований, возможно только при определении различия между глобализацией как объективной структурной тенденцией развития КМЭ и глобализацией как политико-идеологической доктриной «неолиберальной глобализации». Глобализацию как объективную тенденцию ведущий мироаналитик К. Чейз-Данн характеризует как «структурную глобализацию», то есть увеличение пространственного масштаба, а также плотности и интенсивности сетей человеческого взаимодействия [6]. Поскольку под последними Чейз-Данн понимает мир-системы, то структурная глобализация интерпретируется как увеличение пространственных масштабов мировой системы и интенсивности взаимодействий в ней. В истории КМЭ волны глобализации сменяются волнами деглобализации или фрагментации [6; 7].

Относительно периодизации волн глобализации между мироаналитиками нет значительных разногласий. Чейз-Данн и его коллеги, анализируя данные о динамике мировой торговли и инвестиций за предыдущие 200 лет, приходят к выводу, что примерно с 1800 г. КМЭ пережила, по крайней мере, две волны экономической глобализации – во второй половине XIX в. и после Второй мировой войны. Две волны глобализации были разделены периодом фрагментации. Процесс фрагментации, начавший зарождаться еще в недрах первой волны глобализации, включал в себя упадок гегемонии Великобритании, Великую депрессию 1873–1896 гг., две мировые войны, Октябрьскую революцию 1917 г. в России, мировую депрессию 1930-х гг., возникновение фашизма, деколонизацию периферии [7; 8].

В последнее время было много разговоров о возникновении феномена «глобального правления» – тенденции постепенного развития наднациональных политических институтов, в которых концентрируется суверенитет, ранее принадлежавший государствам. Эта тенденция усматривается в переходе от Вестфальской системы к «европейскому концерту» XIX в., Лиге Наций и ООН, и должна со временем привести к образованию «мирового государства», или «транснационального государства». В подтверждение правильности этого наблюдения обычно указывают на образование Бреттон-Вудских институтов (МВФ и ВБ), преобразования ГАТТ в ВТО, деятельность Трехсторонней комиссии, Группы семи, Всемирного экономического форума и т. д. [9].

Перспективы развития глобального правления в направлении вытеснения национальных государств оцениваются в МСА достаточно осторожно, если не скептически. С точки зрения И. Валлерстайна, «глобальное правление» не может рассматриваться как результат упадка сильных государств в результате подъема мощных наднациональных организаций. Здесь имеется обратная связь: наднациональные организации существуют, поскольку существуют мощные государства, которые их поддерживают [10, p. 25]. С этой точки зрения развитие феномена глобального правления правильнее рассматривать как проявление тенденции возрастания сложности, масштабов и власти организующих центров КМЭ.

Более конкретно процесс глобализации, учитывая точки зрения различных течений в МСА, может быть описан следующим образом. По А. Г. Фран-

ку, существующая с 3-го тыс. до н. э. полицентрическая мировая афроевроазиатская система, включив с 1492 г. американский континент, превратилась в глобальную систему, в которой на несколько столетий утвердилась гегемония Запада [11]. С 1970-х гг. наблюдаются признаки упадка Запада и перехода гегемонии к Восточной Азии. В результате мировая система вновь, как несколько веков назад, станет синоцентристской. Если же принять точку зрения других мироаналитиков о существовании в рамках мировой системы многих взаимодействующих, но автономных и качественно различных мир-систем, то картина глобализации претерпевает существенные изменения. В этом случае мировая торговая афроевроазиатская система будет выглядеть как совокупность нескольких мир-систем регионального масштаба. Эта мировая система была мультицентристской. В ней имелось три центральных региона (Западная Азия, Индия, Китай), связанных посредством, главным образом, обмена престижными товарами. Европейская мир-система занимала по отношению к этим центрам полупериферийное (Чейз-Данн) или периферийное (Амин) положение. С момента преобразования европейской феодальной мир-системы в КМЭ, частью которого было открытие Нового Света, ситуация начала меняться. Опираясь на ресурсы Америки и благодаря более быстрому технологическому прогрессу, который стимулировался как процессами капиталистического накопления, так и межгосударственным соперничеством, КМЭ шаг за шагом инкорпорировала все остальные мир-системы. Они были мобилизованы для участия в процессе капиталистического накопления в рамках колониальной и неоколониальной экономики. В результате произошло изменение глобального геополитического и геоэкономического ландшафта. Современная глобальная КМС является моноцентрической системой в отличие от ранее существовавшей полицентрической афроевроазиатской мировой системы до установления в ней гегемонии Запада. Это, безусловно, снижает возможности других регионов изменять ситуацию, характеризующуюся фундаментальным неравенством, и делает реализацию гегемонии в КМЭ более полной. Итак, глобализация как долговременный исторический тренд связана с империализмом, ибо развертывалась в системе, которая представляет собой диалектическое единство господствующего ядра и эксплуатируемой периферии в контексте существования государств, обладающих разной властью в КМЭ.

Рассмотрение феномена глобализации в долгосрочной исторической динамике, что является лучшим способом выявления новых тенденций в развитии исторической системы, позволяет сделать вывод о том, что она является не новой стадией в развитии капитализма, а органической тенденцией и эволюционной моделью развития КМЭ с самого начала ее существования. Новизна же нынешней волны глобализации заключается в том, что эта органическая тенденция, посредством которой КМЭ превратилась в глобальную капиталистическую систему, зашла в тупик [12].

Вопреки утверждениям неолибералов о новизне глобализации и пришествии постиндустриального или информационного общества, мироаналити-

ки утверждают, что, если исходить из долгосрочной исторической перспективы, которая учитывает структурные константы, циклические процессы и органические тенденции, действующие в КМС на протяжении веков, можно сделать вывод, что в логике развития мир-системы не произошло никаких значительных трансформаций. «Хотя сегодня и модно говорить о глобализации как феномене, возникшем самое раннее в 1970-х годах, – говорит И. Валлерстайн, – на самом деле транснациональные товарные цепочки были весьма протяженными с самого возникновения системы, и глобальными со второй половины XIX в. Понятно, совершенствование технологии дало возможность перевозить различные товары в большем количестве и на большие расстояния. Однако я утверждаю, что в структуризации и механизме действия этих товарных цепочек в XX в. не произошло никаких фундаментальных изменений и скорее всего никаких изменений не произойдет вследствие так называемой информационной революции» [13]. Расцвет ТНК как нового вида организационных единиц бизнеса также не означает радикальных изменений в способе функционирования КМЭ. Транснациональный капитал был в той или иной форме развит с самого начала существования КМЭ и составлял неотъемлемое условие ее исторической эволюции. Одной из его ранних форм были капиталистические диаспоры итальянских купцов-банкиров, а также крупные торговые компании XVII–XVIII вв., организовавшие производство и обмен в трансконтинентальных масштабах и игравшие важную роль в развитии целых регионов мира. Конечно, ТНК являются новой ступенью в процессе концентрации и централизации капитала и более развитой формой транснационального капитала. Но их возникновение и рост отражают давнюю историческую тенденцию развития КМЭ, которая хотя и не имела линейного характера, но неуклонно двигала КМЭ в направлении все большей «свободы движения факторов производства». Оно также не изменяет отношений между капиталистическими предприятиями и государственными структурами. Как отмечает Валлерстайн: «Транснациональные корпорации сохраняют сегодня то же самое структурное положение по отношению к государствам, которое занимали все их глобальные предшественники от Фуггеров и Голландской Ист-Индской компании до манчестерских фабрикантов XIX в. Они одновременно нуждались в государствах и боролись с другими государствами. Они нуждаются в государствах, чтобы те гарантировали их глобальные попытки монополизации, и следовательно, высокие уровни прибыли, а также, чтобы те помогли им ограничить требования рабочих. Они борются с государствами, поскольку государства действуют как защитники устаревших интересов, или чрезмерно склонны положительно реагировать на давление рабочих. Я не вижу ничего фундаментально отличного в этом отношении в 1994 г. от 1894, 1794 или даже 1594. Да, сегодня существуют факсы, более быстрые, чем телеграф. Но базовые экономические процессы остаются теми же самыми. То, что изменилось за последнее время, это не экономика мир-системы, а ее политика» [10, p. 24–25].

Сопоставление картин исторической реальности, созданных в МСА и в концепциях глобализации, позволяет сделать вывод о существующих между ними глубоких теоретико-методологических расхождениях в понимании сути современных процессов развития мирового сообщества. Хотя благодаря мир-системной перспективе социология «шла в ногу с глобализацией мировой экономики» [14, p. 319] и оформление МСА «несомненно подготовило почву для глобализации в социальных науках» [15, p. 149], исследования глобализации и МСА являются конкурирующими подходами к современной социальной реальности. Следует также отметить, что изображение процессов, объединенных под рубрикой глобализации, в МСА отличается большей реалистичностью и лучше способствует пониманию их сути. Избранная концепциями глобализации временная перспектива недостаточна, чтобы можно было увидеть, что капитализм изначально был транснациональной, а с конца XIX в. и глобальной системой. Что транснациональные практики, институты и классы с самого начала и на протяжении веков играли ключевую роль в КМЭ. Что транснациональные товарные цепочки, в рамках которых осуществлялась интеграция специализированных процессов производства в мировом масштабе, были составной частью функционирования КМЭ с самого момента ее зарождения, и в истории этой исторической системы не было периода, когда бы общества и государства развивались вне системы взаимодействий и могли бы быть уподоблены бильярдным шарам. При этом МСА всегда указывал на то, что межгосударственная система является лишь одной из институциональных структур КМЭ. Мир-система выступает целостной системой отношений, которая вовлекает в свой институциональной водоворот отношения между индивидами, домохозяйствами, регионами, зонами, классами, социальными движениями, расами, этнонациями, фирмами, а не только государствами. Транснациональные социальные взаимодействия, осуществляемые всеми этими социальными акторами поверх государственных границ, были необходимым элементом жизни СМС на протяжении веков. В противоположность точке зрения исследований глобализации, картина МСА, которая учитывает важную роль транснациональных сил уже при генезисе капитализма, исторически более достоверна.

Вполне естественно, что с точки зрения МСА глобализация как аналитическое понятие является бессмысленным и не способствует адекватному осмыслению современной социальной реальности. В том виде, в каком это понятие сконструировано в исследованиях глобализации, оно является частью идеологической проповеди правящих классов. Особую критику мироаналитиков вызывает выдвинутый сторонниками неолиберализма тезис, что глобализация и создание глобального свободного рынка, сопровождаемое развитием информационных технологий, способны обеспечить повсеместные экономический рост и процветание во всех уголках планеты, что, в конце концов, глобализация ведет к конвергенции уровней экономического и социального развития стран Севера и Юга, а также к гомогенизации социальной структуры

и политических систем и повсеместному утверждению либерально-демократических режимов.

Ответ МСА состоит в том, что подобная интерпретация социального мира противоречит реальному историческому процессу капиталистического развития. Несмотря на многочисленные утверждения о том, что всемирная конвергенция в результате глобального реструктурирования капитализма устраняет структурное деление на Север и Юг, ядро и периферию [16, p. 27–28], работы теоретиков МСА, основанные на исследовании значительного эмпирического материала, убедительно показывают, что ядро-периферийная структура сохраняется и приобретает более выраженный характер. Индустриализация периферии, являющаяся частью капиталистической глобализации, не означает уничтожения поляризации и иерархии по оси ядро–периферия. Максимум – это может означать, что в настоящее время противоположность между ядром и периферией перестала быть тождественной противоположности между индустриально-развитыми странами и странами, специализирующимися на аграрном производстве или добыче сырья. Однако индустриализация периферии не сопровождается конвергенцией уровней дохода и богатства населения первого и третьего миров. Разрыв между Севером и Югом в этом отношении остается фундаментальным измерением современной глобальной динамики [17]. С другой стороны, это свидетельствует о возникновении новых форм поляризации в КМЭ.

С точки зрения С. Амина, новые формы поляризации будут возникать на основе пяти новых монополий, которыми стремятся обладать государства ядра. Эти монополии включают контроль над технологией, контроль над глобальными финансовыми потоками (посредством банков, страховых компаний и пенсионных фондов центров КМЭ), привилегированный доступ к природным ресурсам планеты, контроль над средствами массовой информации и коммуникации и владение оружием массового уничтожения [18].

Поскольку глобализация является восходящей тенденцией, то каждая новая волна в развитии этого процесса не только воспроизводит базовую структуру КМЭ, но и воспроизводит ее в новых формах. Задача долговременного структурно-исторического анализа как раз и заключается в том, чтобы выявить не только инвариантные структуры и процессы, но и новые явления, которые несет с собой каждая последующая волна глобализации. Поэтому исследование современной волны глобализации должно дать ответ на вопрос, что нового содержится в ней по сравнению с предыдущими волнами, и насколько это новое соответствует эволюционной модели, которую можно выделить в последовательности стадий развития КМЭ. Ответ МСА в свете исследования циклических процессов и органических тенденций развития КМЭ состоит в том, что особенностью новой волны глобализации является доведение эволюции КМЭ до пределов, за которыми количество (пространственная и структурная экспансия) переходит в качество и начинается процесс трансформации капитализма в новую историческую систему. Насколько этот диаг-

ноз современного состояния глобальной КМЭ как фазы системного кризиса соответствует действительности?

Прежде всего, следует отметить, что паутина экономических связей, созданная капитализмом, постепенно разрастаясь и уплотняясь, в настоящее время образует единую ткань глобальной капиталистической экономики. Она переварила все некапиталистические социально-исторические организмы и заполнила собой все пространство планеты. В настоящее время КМЭ достигает предела экстенсивного развития. Ее дальнейшее развитие возможно только путем самоотрицания и превращения в новую историческую систему. Включение в КМЭ территорий, которые были частью системы реального социализма, несомненно, продлило жизнь капиталистической системе. Но глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., указывает на ограниченность спасительного действия инкорпорации указанных территорий в КМЭ [19].

С другой стороны, коммодификация, то есть прогрессирующее преобразование всех аспектов и условий человеческого существования в объект рыночных операций, также не беспредельна. Ее пределами является превращение в товар так называемых общих благ (земли, водных ресурсов и т. п.), а также самого человека, и в настоящее время она близка к их достижению. Таким образом, историческая система капитализма лишается резервов расширенного самовоспроизводства, и это прямо ставит вопрос о переходе к новому типу развития как условию выживания человечества.

Поскольку кризис капитализма носит системный характер, а социальные, экономические и экологические резервы воспроизводства капитализма близки к исчерпанию, переход к новой фазе капиталистического развития за счет реформ и проведения какого-нибудь кейнсианского «нового курса» представляется маловероятным. Поэтому фактически речь может идти только о двух реальных альтернативах фундаментальной реорганизации КМЭ: или в гуманное демократическое общество, развитие которого не подчиняется логике прибыли, или, вследствие стремления правящих страт сохранить привилегированное положение, в жесткую иерархическую неэгалитарную и недемократическую структуру – глобальный имперский порядок. То, что в настоящее время наблюдается сильная тенденция движения в направлении последнего, вовсе не является выдумкой мироаналитиков. Глобальное общество в результате осуществления неолиберальной глобализации все больше приобретает вид двухэтажной структуры. А о том, что США, единственное в истории гегемонистское государство, обладающее военными средствами вторжения глобального масштаба, готово использовать военную силу для ведения превентивных войн как инструмент преобразования мира в своих интересах и образования американской глобальной империи вовсе не в фигуральном смысле, открыто заявляют представители американской политической элиты. Доктринальные документы, принятые в 2010–2011 гг., в которых формулируется стратегия США в сфере национальной безопасности и обороны («док-

трина Обамы»), содержат идею безраздельного лидерства США в мировых делах, которое опирается на военную мощь и политику с позиции силы. Согласно «доктрине Обамы», США сохраняют за собой право на односторонние действия, независимые не только от СБ ООН, но и от собственных союзников по НАТО, если того требуют национальные интересы. При этом последние толкуются достаточно широко. Они, в частности, включают сохранение глобального лидерства и военного превосходства США, а также их влияния в стратегически важных регионах мира. Таким образом, поскольку внутренние противоречия КМЭ с развертыванием кризиса становятся острее, политика неоконсервативных кругов более агрессивной, а средства вооруженной борьбы более разрушительными, единственным выбором в XXI в. есть выбор между социализмом и варварством.

Процесс глобализации, означающий усиление глобального характера производства и обмена и интеграции производственных сил в глобальном масштабе, то есть фактически усиление общественного характера производства, вступает в конфликт с капиталистической системой, основанной на отношениях частной собственности и существовании системы наций-государств, и закладывает фундамент развития перехода к новому типу общественного развития. Вывод МСА о том, что глобализация означает финальный кризис капиталистической современности и переход к новой исторической системе, заслуживает самого серьезного отношения.

Список использованных источников

1. *Martin, W. G.* Still Partners and Still Dissident After All These Years? Wallerstein, World Revolutions and World-System Perspective / W. G. Martin // J. of World-System Research. – 2000. – Vol. 6, N 3. – P. 234–263.

2. *Wallerstein, I.* Robinson's critical appraisal appraised / I. Wallerstein // International Sociology. – 2013. – Vol. 27, N 4. – P. 524–528.

3. *Wallerstein, I.* Societal Development, or Development of the World-System? / I. Wallerstein // International Sociology. – 1986. – Vol. 1, N 1. – P. 3–17.

4. *Wallerstein, I.* Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System / I. Wallerstein // International Sociology. – 2000. – Vol. 15, N 2. – P. 249–265.

5. *Hopkins T. K.* The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025 / T. K. Hopkins, I. Wallerstein (coord.). – London : Zed Books, 1996. – 278 p.

6. *Chase-Dunn, C.* Globalization: a world-systems perspective / C. Chase-Dunn // J. of World-Systems Research. – Vol. 5, N 2. – P. 187–216.

7. *Su, T.* Myth and Mystery of Globalization. World Trade Networks in 1928, 1938 1960 and 1999 / T. Su // Rev. (Fernand Braudel Center). – 2002. – Vol. 25, N 4. – C. 376–377.

8. *Chase-Dunn, C.* Trade globalization since 1795: waves of integration in the world-system / C. Chase-Dunn, Yukio Kawano, B. D. Brewer // Amer. Sociological Rev. – 2000. – Vol. 65, N 1. – P. 77–95.

9. *Boli, J.* World culture in the world polity / J. Boli, M. Thomas // Amer. Sociological Rev. – 1997. – Vol. 62, N 2. – P. 171–190.

10. *Wallerstein, I.* Response: Declining States, Declining Rights / I. Wallerstein // Intern. Labour and Working Class History. – 1995. – № 1. – P. 24–27.

11. *Frank, A. G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age / A. G. Frank. – Berkeley: Univ. of California Press, 1998. – 416 p.

12. *Arrighi, G.* Chaos and Governance in the Modern World System / G. Arrighi, B. J. Silver. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1999. – 336 p.

13. *Wallerstein, I.* States? Sovereignty? The Dilemmas of Capitalists in an Age of Transition [Electronic resource] / I. Wallerstein. – Mode of access: http://fbc.binghamton.edu/iwsovty.htm. – Date of access: 10.09.2015.

14. *Friedmann, H.* Prometheus Rebound / H. Friedmann // Contemporary sociology. – 1996. – Vol. 25, N 3. – P. 319–322.

15. *Sklair, L.* Competing Conceptions of Globalization / L. Sklair // J. of World-Systems Research. – 1999. – Vol. 5, N 2. – P. 143–162.

16. *Burbach, R.* The Fin de Siecle Debate: Globalization as Global Shift / R. Burbach, W. Robinson // Science and Society. – 1999. – Vol. 63, N 1. – P. 10–39.

17. *Arrighi, G.* Industrial Convergence and the Persistence of the North-South Divide / G. Arrighi, B. J. Silver, B. D. Brewer // Studies in Comparative Intern. Development. – 2003. – Vol. 38, N 1. – P. 3–31.

18. *Amin, S.* Ending the Crisis of Capitalism or Ending Capitalism? / S. Amin. – Dakar : Pambazuka Press, 2011. – 208 p.

19. *Wallerstein, I.* Structural Crises / I. Wallerstein // New Left Rev. – 2010. – Vol. II/62 (March–Apr.). – P. 133–142.

A. N. MALIUK

THE CONCEPT OF GLOBALIZATION FROM THE WORLD-SYSTEM PERSPECTIVE

Summary

The article compares the approaches to the study of the contemporary stage of development of world civilization that were developed in the concepts of globalization and world-systems analysis. The comparison of the study of globalization and world-systems analysis demonstrates that the latter provides more clear picture of social reality. The world-system reinterpretation of the concept of globalizations is proposed.

Keywords: globalization, world-system analysis, global capitalism, global crisis.

Поступила 06.10.2016 г.

УДК 316.35

Л. П. ГАЛИЧ,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин БГПУ, г. Минск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН

В статье осуществлен теоретический анализ категории «жизнестойкость» как базового критерия социальной адаптации личности. Представлена концепция жизнестойкости, разработанная С. Мадди. Рассмотрена структура жизнестойкости. Осуществлен сравнительный анализ жизнестойкости белорусов и россиян.

Ключевые слова: жизнестойкость, социальная адаптация, общественная динамика, образовательная среда, социальное самочувствие.

Социологическая категория жизнестойкости отражает степень адаптированности населения к изменяющимся жизненным условиям. Неслучайно в русском языке его синонимами выступают «живучесть», «жизненность», «жизнеспособность», «непотопляемость». Данный показатель выражает личностные диспозиции в плане восприятия человеком своей теперешней ситуации на основе накопленного опыта и сравнения того, что есть, с тем, что было, и с тем, что хотелось бы изменить.

Условия, в которых протекает жизнедеятельность современного человека, часто по праву называют экстремальными и стимулирующими развитие стресса. Это связано со многими факторами и угрозами, в том числе политическими, информационными, социально-экономическими, экологическими, природными. Белорусский социолог Л. Г. Титаренко высказалась так: «Начало XXI века ознаменовалось новыми вызовами и угрозами, проистекающими из процессов глобализации, которые по-прежнему определяют мировое развитие» [1, с. 25]. Беларусь объективно в той или иной степени подвержена этим угрозам, вызовам и рискам, поскольку вовлечена в современные глобальные процессы. Общество риска, в рамках которого, по мнению английского социолога Э. Гидденса, пребывает современное человечество, расшатывает былую экономическую и политическую стабильность, в результате чего ни одна страна, поколение, человек не застрахованы от неожиданностей и неопределенностей, существующих в сфере труда, образования, новых технологий, экологического состояния среды, системе здравоохранения. По мнению социолога, основными характеристиками современного общества являются неопределенность, непостоянство, нестабильность, и для их преодоления каждый чело-

век должен стать лабильным, а социальная политика – динамичной и гибкой. Не только современное государство отвечает на новые глобальные вызовы, но и современный человек неизбежно обречен на постоянное столкновение с различными индивидуальными рисками на протяжении всей своей жизни. Такая ситуация порождает в социальном самочувствии многих людей не только чувства беспокойства, напряжения и опасений, оно также сопровождается утратой чувства безопасности, так необходимого для устойчивого и стабильного развития социума. Польский социолог П. Штомпка назвал современный мир глубоко травмированным [2], потрясенным социальными катаклизмами. Неустойчивость жизненного уровня, угрозы массовой безработицы, потери прежней социальной идентичности, необходимость поиска путей выживания в новых условиях – все это неизбежно приводит к негативным и разрушительным последствиям, к социальному беспокойству и другим следствиям в общественном сознании и психике людей, находящихся в центре подобных социальных рисков и угроз. По мнению американского социолога и социального психолога Г. Блумера, социальное беспокойство, как вид коллективного поведения, возникает в условиях неустойчивости или нарушения привычных форм существования или привычного, заведенного жизненного порядка [3]. В тех ситуациях, когда групповая жизнь удовлетворительно поддерживается в соответствии с правилами и культурными установлениями, отсутствует повод для возникновения каких-либо новых форм коллективного поведения; желания, предрасположенности и потребности людей удовлетворяются посредством обычной и привычной культурной деятельности групп. Люди оказываются в состоянии беспокойства в том случае, если желания, побуждения и предрасположения не могут быть удовлетворены наличными формами существования. Подобная ситуация подталкивает к действию, с одной стороны, но и одновременно препятствует его совершению, с другой. В итоге люди ощущают дискомфорт, фрустрацию (лат. *frustratio* – обман, неудача, тщетное ожидание, расстройство замыслов), неуверенность, исходом которых являются одиночество или отчуждение. Состояние социального алармизма (тревожности) возникает «лишь тогда, когда чувство беспокойства вовлекается в круговую реакцию и становится инфекционным» [3, с. 176]. Социальное беспокойство обычно сопровождается тревогами, страхами, неуверенностью, повышенной агрессивностью, пессимистичным восприятием будущего.

Жизнестойкость является важным показателем личностного адаптационного потенциала. Чем выше уровень жизнестойкости, тем выше вероятность успешной адаптации человека к условиям жизни и тем значительнее диапазон факторов внешней среды, к которым он может приспособиться. Сальваторе Мадди [4], профессор школы социальной экологии Калифорнийского университета, ученик Г. Олпорта и Г. Мюррея, будучи последователем целостного подхода к личности, в категории жизнестойкости выделял два базовых компонента, имеющих мотивационную природу. Такими составляющими являются деятельностный и психологический компоненты. Деятельностная сто-

рона предполагает действия личности, направленные на достижение цели. Условия жизни, жизненную ситуацию нельзя изменить ничего не делая, без активности. Особенно хорошо эта позиция отражена в народном фольклоре. В народе говорят: «Под лежачий камень вода не течет», «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», или, например, «Терпение и труд все перетрут». Эти пословицы отражают тот смысл и вывод, что ничего не предпринимая, не будешь иметь никаких достижений, а также то, что стойкость и активность помогут преодолеть жизненные трудности. Вторая – психологическая сторона жизнестойкости – способность поддерживать психическое здоровье, иными словами – не падать духом, быть эмоционально устойчивым и противостоять стрессам. Психологический компонент можно назвать жизненным оптимизмом. Однако, на наш взгляд, эту диаду необходимо расширить и включить в нее еще одну важную сторону жизнестойкости – это социальный компонент. Категория «социальное» является центральной в социологической науке, где существует несколько подходов к ее трактовке. Первая трактовка – социальное как общностное, групповое. Человеческий род является по своей природе социабельным, и человек – существо общественное, которому вне общества полноценно жить и развиваться невозможно и нереально. Конечно, можно говорить о так называемой «социальной жизни» некоторых насекомых и животных, которые вне стада, стаи, «животной семьи» выжить не могут. В данном аспекте социальность у человека обусловлена генами и гормонами, в то время как у животных она есть продукт инстинктов. И такие качества, как, скажем, солидарность, взаимопомощь, альтруизм существуют на генетическом уровне и объективно «транслируются» с определенным уровнем из поколения в поколение. Вторая трактовка социального предполагает то, что оно выступает в качестве синонима общественному, и обозначает все то, что имеет отношение к обществу и только к нему, в отличие от природного. В рамках третьего подхода социальное употребляется в качестве характеристики положения человека, людей и их объединений в обществе. Так вводится термин «социальное пространство», в котором существует множество социальных позиций, статусов, социальных ролей, социальная дистанция, социальная мобильность, и вырастает ряд проблем, связанных с социальным расслоением и неравенством. В-четвертых, социальное, как особый вид человеческих действий, которые ориентированы на другого и мотивированы в своем протекании. Антиподом таких действий являются действия, основанные на импульсах, носящие эгоистический характер и не учитывающие интересы других людей, а также антисоциальное поведение, которое приносит вред окружающим и разрушает общество. В-пятых, социальное – все, что характерно больше, чем одному человеку, то есть групповое. Например, социальное самочувствие, социальные установки, социальные ценности, социальные ожидания и т. д. В-шестых, к социальному относится все то, что идет от общества в процессе воспитания и обучения, от воздействия социальной среды, культуры, в которой живет человек, что входит и составляет структуру личности – его ценности, убежде-

ния, мировоззрение, качественные идентификации. В свою очередь жизненное терпение является важным качеством личности, и в ее основе лежит не только ментальная характеристика общества и, в частности, присущая славянам толерантность. Жизнестойкость формируется, складывается в процессе воспитания и социализации личности, начиная с базового института семьи. Структурно-функциональный подход С. Мадди к жизнестойкости позволил выделить в ней три составляющие: вовлеченность, контроль и принятие риска (вызов). В целом, в формировании высокого уровня жизнестойкости приоритетным институтом является семья. В частности, для развития компонента *вовлеченности* принципиально важно принятие и поддержка, любовь и одобрение со стороны родителей. Для развития *контроля* важна поддержка инициативы ребенка, его стремления справляться с задачами все возрастающей сложности на грани своих возможностей. Для развития *принятия риска* важно богатство впечатлений, изменчивость и неоднородность среды.

Эмпирический анализ уровня жизнестойкости белорусов и россиян

В социологии для обобщенной характеристики состояния массового сознания используется уровень жизненного терпения, который традиционно изучается с помощью вопроса: «Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?» и следующих альтернатив: «все не так плохо, и жить можно», «жить трудно, но можно терпеть», «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». Это наиболее важный интегральный социологический показатель кумулятивного типа, отражающий личностные диспозиции в плане восприятия человеком своей теперешней жизненной ситуации на основе накопленного опыта и сравнения того, что есть с тем, что было, и с тем, что хотелось бы иметь, с учетом собственных возможностей и объективных условий; это показатель, отражающий степень жизнестойкости индивида, его способность не поддаваться временной негативной ситуации. Сравнительно высокий уровень терпения означает, что существующие условия, социальный порядок в обществе достаточно благоприятные в психологическом плане, что позволяет субъекту управления спокойно и последовательно осуществлять намеченный курс. При этом особое внимание должно уделяться тем семьям, которые оказались в затруднительном положении. Имеется в виду не только выяснение причин этого, но и оказание адресной поддержки. В свою очередь, низкий уровень терпения свидетельствует об ухудшении положения многих категорий населения, а близкий к критической точке (30–35 %) – о назревании революционной ситуации.

Изучение уровня жизненного терпения населения стран Беларуси и России осуществлялось в качестве одного из направлений более масштабного исследования в рамках совместного белорусско-российского проекта «Социально-политическая ситуация и повседневная жизнь людей в России и Беларуси в контексте становления Союзного государства» согласно договору с БРФФИ № Г13Р–045 от 16 апреля 2013 г. В работе использовались социологические

методы сбора и анализа данных – опрос населения Витебской области Беларуси и Орловской области России (900 человек в каждой из областей).

Исследование показало, что в ходе оценки сегодняшней жизненной ситуации позицию «все не так плохо, и жить можно» выбрали 33,7 % белорусских респондентов, «жить трудно, но можно терпеть» – 40,0 % (рис. 1).

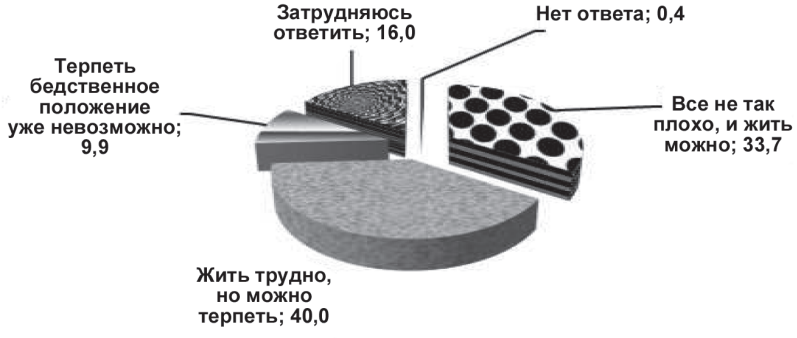


Рис. 1. Уровень жизнестойкости белорусов, в %

Таким образом, уровень жизнестойкости среди белорусов составил 73,7 %. Каждый десятый опрошенный выбрал позицию «терпеть бедственное положение уже невозможно». Каждый четвертый затруднился ответить на данный вопрос. Для сравнения отметим, что уровень жизнестойкости среди белорусов в 2009 г. составил 77,5 %, в 2011 г. – 84,0 %, и снизился в 2014 г. почти на 4 п. п. Что касается россиян, то 43,8 % опрошенных полагают, что «все не так плохо»; 12,6 % выбрали позицию «у меня все хорошо»; 36,2 % высказались о том, что «жить трудно»; 7,0 % респондентов ответили, что «терпеть такое невозможно» (рис. 2).

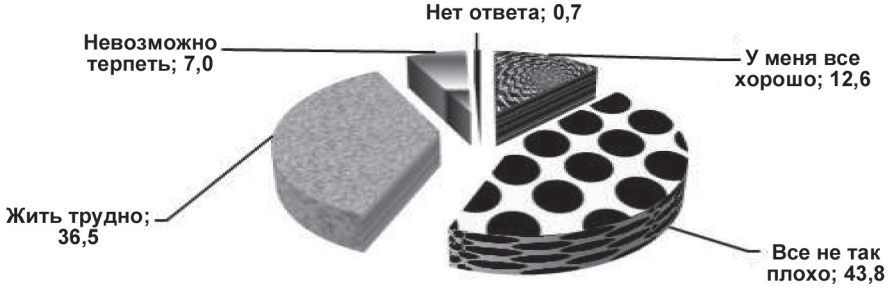


Рис. 2. Уровень жизнестойкости россиян, в %

В 2009 г. 3,2 % россиян ответили, что у них «все более чем нормально», в 2011 г. данную позицию выбрали 13,7 %; ответ «все не так плохо, и жить

можно» в 2009 г. дали 22,4 % респондентов, а в 2011 г. – 44,1 %; «жить трудно, но можно терпеть» отметили в 2009 г. 50,4 %, а в 2011 г. – 27,7 % опрошенных; «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» в 2009 г. – 14,0 %, а в 2011 г. – 6,7 % респондентов. Жизнестойкость (синоним жизненного терпения) отражает адаптационные способности индивида и его умение преодолевать себя, можно сказать, «способность выживать» в сложных жизненных обстоятельствах. Проблема жизнестойкости индивида особенно актуальна в связи с обществом риска, поскольку затрагивает его умения, возможности, способности и усилия не поддаваться временным жизненным падениям и неудачам, а противостоять им. Ж. Ж. Руссо, например, утверждал, что терпение горько, но его плод сладок. Эта цитата говорит о том, что жизнестойкость выступает в качестве залога успеха в разных видах деятельности. Недаром данное качество индивида рассматривается как большая добродетель человека. Один из двенадцати апостолов Павел призывал к прохождению жизненного пути с большим терпением. Роль социально-психологического качества жизнестойкости в формировании социального самочувствия индивида нельзя не преувеличить, поскольку данное свойство субъекта раскрывает его личностный потенциал, адаптивные и креативные возможности в изменяющихся общественных условиях. В зарубежной психологии С. Мадди была разработана «концепция жизнестойкости» (hardiness) в связи с рассмотрением им проблем творческого потенциала личности и противостояния стрессам, в которой жизнестойкость понималась как мера психического здоровья человека. Основу социального самочувствия оно составляет потому, что, во-первых, дает возможность чувствовать себя значимым и достаточно ценным, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на происходящие в жизни перемены; и, во-вторых, дает силы и мотивирует человека к самореализации, здоровому образу мыслей и просоциальному поведению.

В настоящее время, как показали результаты опроса, уровень терпения существенно выше критической зоны, что позволяет не просто надеяться, но и быть уверенными в том, что не случится каких-либо социальных потрясений, способных помешать устойчивому развитию белорусского и российского общества. Противоположным качеством терпения является нетерпеливость, которая выступает признаком внутренней слабости, болезненности, потери самообладания и часто проводит к унынию, отчаянию, фрустрациям, одним словом, к депрессивным расстройствам. Данный вывод подтвердило наше исследование. Поскольку терпение лежит в основе восприятия и оценки не только собственного благополучия в обществе, но и своего внутреннего состояния, мы пришли к выводу, что свойство жизнестойкости, присущее индивиду, высоко коррелирует с иными проявлениями социального самочувствия – жизненной удовлетворенностью, материальным благополучием и оптимизмом. К примеру, как показало исследование, среди «жизнестойких» больше тех, кто удовлетворен жизнью, положительно оценивает свое жизненное благополучие и оптимистично воспринимает свое будущее.

Список использованных источников

1. *Титаренко, Л. Г.* Беларусь и новые глобальные социокультурные вызовы и угрозы / Л. Г. Титаренко // Социология. – 2003. – № 1. – С. 25–33.

2. *Штомпка, П.* Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

3. Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренькова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.

4. *Мадди, С.* Теории личности: сравнительный анализ / С. Мадди / пер. И. Авидона, А. Батустина, П. Румянцева. – СПб. : Речь, 2002. – 539 с.

L. P. GALICH

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE HARDINESS LEVEL OF THE BELARUSIANS AND RUSSIANS

Summary

Theoretical analysis of the category of “hardiness” as a basic criterion of social adaptation of the personality is carried out in the article. The concept of hardiness developed by S. Maddi is presented. The structure of hardiness and a comparative analysis of the hardiness of the Belarusians and the Russians is considered.

Keywords: hardiness, social adaptation, social dynamics, educational environment, social well-being.

Поступила: 29.09.2016 г.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖИ

УДК 316(1-87)

Л. Г. ТИТАРЕНКО,
доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВЛИЯНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается модернизационный потенциал студенческой молодежи Республики Беларусь под углом зрения процесса высшего образования. Исследовательская гипотеза заключается в том, что студенчество может рассматриваться как актуальный ресурс инновационного развития Беларуси, если оно сумеет развить свой человеческий потенциал. На эмпирических данных показано, что в настоящее время часть студенчества обладает модернизационным потенциалом, оно мотивировано на свое профессиональное будущее, получает дополнительные навыки, планирует работать в соответствии с получаемым образованием. Однако часть респондентов хочет получить диплом просто для повышения своего социального статуса и не заботится об инновациях и модернизации. Следовательно, только часть студентов может рассматриваться в качестве потенциального актора инновационного развития и модернизации Беларуси.

Ключевые слова: модернизация, молодежь, студенты, Беларусь, высшее образование, человеческий капитал.

Скорость современных изменений чрезвычайно велика и постоянно возрастает, что отмечал почти полвека назад в отношении современной эпохи А. Тоффлер в бестселлере «Шок будущего» [1]. Тенденция возрастания скорости изменений сохраняется и сегодня. На языке современной науки новые требования, выдвигаемые убыстряющимся развитием социума, получили название глобальных вызовов. В постсоветском регионе одним из ответов на этот «глобальный вызов» стало проведение очередной модернизации, сущность которой состоит в переводе экономики с индустриального на более высокий, постиндустриальный уровень и построении так называемого «общества знания». Это означает и радикальное обновление научно-технического фундамента экономики, и социально-экономических сторон жизни общества, и наращивание человеческого капитала субъектов социальной деятельности, и готовность к отказу от стереотипов прежней эпохи, не способствующих развитию в новых условиях. Так, вместо акцента на исполнительность и дисциплинированность работников от них требуются инициативность и креативность в любом деле, вместо образования, получаемого один раз и навсегда, необходимо «образование всю жизнь», то есть готовность воспринимать новые идеи и подходы и внедрять их в свою деятельность. Для Беларуси становится актуальным лозунг: «Изменяйся, а то проиграешь».

С этой позиции важно определить, какие субъекты действия наиболее готовы принять глобальный вызов, связанный с высокой скоростью изменений, то есть постоянно реализовывать в белорусском обществе новые подходы к решению практически всех задач: экономических, политических, социальных, культурных. Открытость общества к инновациям и готовность к их внедрению в значительной степени определяет сегодня социальный потенциал работников, занятых в общественном производстве. Не случайно теперь утверждается, что человеческий капитал, накапливаемый субъектами социального действия, является одновременно и важным рычагом, и необходимым условием проведения успешной модернизации общества. Человеческий капитал, наращиваемый посредством всех форм образования, воплощается в экономических, публичных, культурных ценностях, потребляемых индивидами, группами, обществом, и, соответственно, способствует экономической эффективности и повышению качества жизни населения, росту его интеллектуального уровня, то есть вносит существенный вклад в продвижение модернизации.

Исследовательская проблема видится в том, чтобы определить, какие социальные слои и группы населения Беларуси сегодня могут нарастить человеческий капитал, потенциально конвертируемый в конкретные действия, способствующие модернизации общества. Эти слои могут стать авангардом модернизации. Одновременно важно найти те социальные слои, которые в настоящее время обладают высоким модернизационным потенциалом, то есть в будущем будут готовы взять на себя социальную роль авангарда всевозможных социетальных изменений. Объектом нашего исследования является студенческая молодежь как потенциально важный активный субъект модернизации.

Наша исследовательская задача состоит в том, чтобы определить, в какой степени современная студенческая молодежь Беларуси потенциально готова к активному участию в процессах модернизации, в какой мере белорусское студенчество уже обладает модернизационным потенциалом, необходимым для активного включения в эти процессы в скором будущем. Поскольку для студенчества практическая деятельность рассматривается как отложенная до получения диплома о высшем образовании и начала профессиональной деятельности, а основным видом сегодняшней деятельности является учебная, на наш взгляд, необходимо использование индикаторов для замера модернизационного потенциала студенческой молодежи, связанного с ростом ее человеческого капитала как источника модернизационных ценностей (получение высшего образования, различные виды социальной активности, формирование экологической культуры, соответствующей целям инновационного развития) [2]. Если институт высшего образования выполняет свою роль в подготовке высококвалифицированных кадров, высшее образование служит социальным лифтом для молодежи и продуцирует человеческий капитал, необходимый для развития в обществе инновационной составляющей, без которой невоз-

можна нынешняя волна модернизации. Если в процессе учебы студенческая молодежь получает знания и навыки, способствующие творческому отношению к будущей профессиональной деятельности, развивает свою открытость инновациям, очевидно, эта социальная группа сумеет в будущем воплотить в деятельности свои ценностные ориентации (профессиональные и индивидуальные) и стать активным субъектом модернизационного процесса.

Таким образом, необходимо изучить, какие цели ставит перед собой студенческая молодежь в процессе получения высшего образования, чем было мотивировано ее поступление в вуз, прилагает ли она усилия для получения дополнительных знаний и квалификаций, в каких сферах жизнедеятельности молодые люди предполагают найти применение полученным знаниям в скором будущем. Ответы на эти вопросы помогут выяснить, как связано современное высшее образование с модернизационным потенциалом молодежи: способствует ли оно росту открытости студентов к инновациям, готовности принимать риски на пути к достижению своих профессиональных целей, улучшению экологической среды? Или же, напротив, образование остается формальным условием продвижения по карьерной лестнице (диплом как формальная необходимость получения должности, независимо от качества знаний и даже от полученной специализации).

Эмпирическое исследование разведывательного типа на эту тему было проведено в Минске под нашим руководством в 2015–2016 гг. Было опрошено более 400 студентов разных специализаций и вузов, проживавших до учебы в разных областях Беларуси. Проведенные выводы опираются на данные, полученные как количественными методами (анкетный опрос), так и качественными (экспертные интервью, фокус-группы). На этом основании правомерно распространить полученные данные на все студенчество и использовать эти данные в последующей исследовательской работе.

Поскольку модернизация может осуществляться на разных этапах, напомним, что ее первый этап уже давно завершен большинством стран Запада. Более того, к концу прошлого века передовые западные страны уже достигли второго уровня – информационного общества, характеризующегося такими понятиями, как сетевая структура, четвертая технологическая революция, господство постматериалистических ценностей и т. п. [3; 4].

В Беларуси первый этап модернизации проходил в советскую эпоху, главным образом во второй половине XX в. Поскольку второй этап модернизации начался здесь с большой задержкой, постсоветская модернизация получила название «догоняющей». Такая модернизация в принципе не позволяет стране достигать уровня развития самых передовых стран, так как она обречена на постоянное копирование, следование за готовыми образцами, уже внедренными в более успешных странах. Для успешного развития всегда нужен прорыв, то есть проведение модернизации не столько догоняющего плана, сколько инновационного: внедрения таких механизмов развития, которые позволили бы выйти вперед в тех сферах, в которых это возможно с учетом социально-исто-

рического и культурного уровня развития «догоняющей» страны. Для Беларуси такими отраслями могли бы стать новейшие сферы услуг: использование информационных технологий, логистики, консультирование, которые бы пользовались спросом у других стран. Экспорт подобных услуг может вывести страну вперед независимо от скудости природных ресурсов и энергоносителей. Иначе говоря, развитие сферы образования, открытие инновационных специальностей, повышение качества подготовки специалистов может стать именно тем механизмом, который сделает белорусское общество современным и отвечающим глобальным вызовам четвертой научно-технической революции, которая происходит в самых передовых в этом отношении странах [5]. В контексте нашего исследования речь идет о развитии модернизационного потенциала студенчества, то есть его мотиваций на получение востребованной профессии и ориентаций на активное творческое включение в практику в недалеком будущем. В студенческие годы потенциал развивается через дополнительное образование, развитие собственной экологической культуры, умений и навыков, которые будут необходимы для творческого подхода к профессии. Все эти установки и знания при наличии в обществе соответствующих социально-экономических условий могут способствовать становлению молодежи в качестве активного агента модернизации, или социальной силы, реализующей инновационные идеи в разных сферах жизни. В аспекте развития человеческого капитала студенчества индикаторами этого потенциала студенческой молодежи служат мотивы поступления в вуз, уровень полученных знаний и их качество, профессиональные планы на будущую работу и понимание своих перспектив, ценностные ориентации на творчество, открытость изменениям и т. п. Развитый человеческий капитал нынешнего студенчества поможет не только личностному развитию будущих профессионалов, но и росту управленческой и интеллектуальной культуры, повышению качества жизни общества, развитию экономики.

Можно сказать, что все эти области применения человеческого капитала вносят вклад в развитие интеллекта людей и повышение качества их жизни и таким образом в обеспечение развития как экономики, так и общества в целом. Тем самым условия получения качественного образования и качество жизни (в широком смысле слова) могут способствовать инновационному развитию общества во всех сферах.

Важными индикаторами ориентации студенческой молодежи на модернизационное развитие и показателями развития их человеческого капитала является первоначальная мотивация при выборе профессии, удовлетворенность своим выбором будущей специальности, а также ориентация на будущее трудоустройство по получаемой специальности. Эти критерии проанализированы в нашем исследовании студенчества с точки зрения того, насколько студенческие установки соответствуют либо модернизационной, либо традиционной модели поведения. Первая модель предполагает, что студенты ориентируются на интересную и творческую профессиональную деятельность,

в которой они могут проявить самостоятельность и инициативность, открытость новизне и готовность к риску, а также могут развить свои способности. Во второй модели доминирует ориентация на стабильную работу, не обязательно связанную с получаемой специальностью, но с хорошей зарплатой и не требующую полной отдачи.

При изучении мотивов поступления в вуз выявлено, что более половины опрошенных студентов, независимо от их ориентации на традиционализм или инновационность, указали так называемые образовательные (хотя и не равнозначные) мотивы: личностный рост через вуз, диплом как залог будущей успешной жизни и т. п. С одной стороны, этот результат можно интерпретировать как индикатор того, что в целом все студенчество хотело бы получать в процессе образования необходимые знания, приобретать навыки, полезные в будущем. Иначе говоря, все студенчество обладает некоторыми общими модернизационными установками, что является позитивным для развития их модернизационного потенциала. С другой стороны, видимо, мотивы поступления в вуз не выполняют роли дифференцирующих в процедуре выделения модернизационного и традиционного типов деятельности студентов. Если же рассматривать мотивы более детально, то самый важный, на наш взгляд, мотив получения высшего образования – получение востребованной в обществе специальности – отметили лишь менее пятой части респондентов. И все же на первом месте у респондентов оказалось желание стать высококвалифицированным специалистом в избранной области. В этом варианте не указывалось, должна ли быть специальность высоко востребованной в обществе, но в любом случае главенство профессионального мотива среди образовательных мотивов студенчества можно оценить позитивно. Лишь профессионалы своего дела смогут в будущем проявлять инновационность, вносить вклад в модернизационное развитие страны.

При изучении оценок студентами роли высшего образования выявлена значимая (хотя и не сильная) связь между этой оценкой и модернизационным потенциалом, репрезентируемым посредством ориентации студентов на будущую деятельность. Так, среди студентов, демонстрирующих модернизационные ориентации, отмечается повышенная (по сравнению с ориентированными на традиционализм) доля тех, кто считает высшее образование хорошей платформой для построения карьеры (хотя и не единственной составляющей успеха). Особенно высок процент таких выборов среди студентов, желающих развивать в будущем свое собственное дело на основе получаемой профессии (стать предпринимателем, заниматься бизнесом). Можно отметить, что и в других вопросах студенты, желающие заняться бизнесом, продемонстрировали наиболее высокий уровень ориентации на инновационную деятельность. Например, такие инструментальные ценности, как инициативность, готовность к трудностям, открытость новизне, ответственность, стремление к завершенности в наибольшей степени проявляются именно по отношению к этой группе.

Выявлено, что многие студенты активно заняты получением дополнительного образования, которое они рассматривают как необходимое для будущей профессиональной карьеры. Только четверть респондентов не участвовала в тех или иных формах дополнительного образования. Каждый десятый проходил разные стажировки, каждый пятый – онлайн-курсы, каждый третий посещал очные образовательные курсы. Более половины ответили, что занимаются самообразованием, читают научную литературу. Главная причина обращения студентов к дополнительному образованию – это потребность в самореализации. Среди других причин отмечается неудовлетворенность качеством вузовского образования, желание расширить круг общения, получить новые возможности для карьерного роста. Все эти причины укладываются в модернизационную модель поведения. Кроме того, около двух третей студентов принимает участие в разных формах студенческой внеаудиторной активности (научная деятельность, конференции, клубы по интересам, спорт, самодеятельность и пр.). При этом студенты почти не участвуют в экологической деятельности, хотя и «любят природу». По отношению к природе респонденты почти поровну разделились на антропоцентристов (ради целей развития экономики готовы жертвовать природой) и экологоцентристов (защита природы – главное), однако экологическая культура и одной, и второй группы оказалась недостаточно развита.

В вопросе о выявлении наиболее значимых критериев выбора будущей работы (трудоустройства) были названы следующие (в порядке убывания): интересная работа, возможность профессионального роста, хорошие условия труда, высокая заработная плата. Количество студентов, выбравших первые три критерия, оказалось незначительным, в то же время, вместе взятые, все четыре критерия имеют высокую важность. Однако в целом и белорусская молодежь, и студенчество выше всего ценят материальные аспекты труда (настоящего и будущего) – зарплата, стабильность, хороший коллектив, а не его инновационный творческий характер или карьерное продвижение. Видимо, инновационный потенциал студенчества и молодежи пока развит недостаточно, чтобы стать значимым субъектом модернизации общества.

Что касается вопроса о том, планируют ли студенты после получения диплома работать по получаемой специальности, был выявлен факт, что лишь немногие из них осознают важность получаемой профессии, возможности трудоустройства в соответствии с профилем образования. Значит, они не ориентированы на полное раскрытие трудового потенциала, сформированного в вузе, что снижает «отдачу» их учебы.

Исследование помогло выяснить, имеется ли взаимосвязь между восприятием студентами себя как движущей силы инновационного развития страны и их ориентациями на модернизацию или традиционализм. Была выявлена слабая значимая связь между этими показателями: от четверти до трети студентов рассматривают себя как потенциального двигателя модернизации и инноваций. Отсюда можно заключить, что для актуализации восприятия

себя движущей силой модернизации студенчеству необходимы значительно более существенные стимулы и более четкое понимание своих перспектив на будущее, то есть нужна более высокая оценка существующих в обществе условий для включения молодежи (особенно будущих выпускников вузов) в жизнь общества. Отметим также, что студенты, ориентированные на научно-исследовательскую работу, в меньшей степени рассматривают себя как движущую силу инновационного развития, нежели студенты, ориентированные на свой бизнес. Именно последние чаще всего позитивно высказывались о своей будущей авангардной роли в модернизации общества.

В целом наше исследование показало, что современная студенческая молодежь отличается высоким уровнем познавательной мотивации, работоспособностью, активным «поиском себя», что и делает студенческую молодежь одним из важнейших ресурсов инновационного развития страны. Современное белорусское студенчество обладает модернизационным потенциалом, особенно ориентированным на реализацию в предпринимательской сфере. Однако использование этого потенциала в реальности зависит от социально-экономических условий, имеющих место в обществе в конкретно-исторический момент времени.

Список использованных источников

1. *Toffler, A.* Future Shock / A. Toffler. – New York : Bantam Book, 1970.

2. *Collins, R.* The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification / R. Collins. – New York : Academic Press, 1979.

3. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000.

4. *Инглхарт, Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое изд-во, 2011.

5. Challenges of the university in the knowledge society. – Paris : UNESCO Forum Occasional Paper № 4, 2003.

L. G. TITARENKO

MODERNIZATION POTENTIAL OF THE BELARUSIAN STUDENTS: HIGHER EDUCATION INFLUENCE

Summary

The article discusses the students' modernization potential of the Republic of Belarus from the perspective of the process of higher education. The research hypothesis is that students can be considered as a relevant resource of innovative development of Belarus if it is able to develop their human potential. The empirical data shows that currently part of the students have a modernization potential. They are motivated for professional future and receive additional skills. They also plan to be employed in accordance with the received education. However, some respondents want to get a degree just to improve their social status and do not care about innovation and modernization. Consequently, only a part of students can be considered as a potential actor of innovative development and modernization of Belarus.

Keywords: modernization, youth, students, Belarus, higher education, human capital.

Поступила 17.10.2016 г.

УДК 316.33:321

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,
доктор социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАРКОМАНИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

На основе результатов социологического эмпирического исследования рассматриваются актуальные теоретические и прикладные проблемы социальной профилактики наркомании среди молодежи. Предлагается комплекс научно-практических рекомендаций по совершенствованию государственной антинаркотической политики, направленной на снижение распространенности потребления наркотиков и формирование социально позитивного и здорового образа жизни белорусской молодежи.

Ключевые слова: молодежь, наркомания, антинаркотическая политика, социальная профилактика.

Наркомания как негативное социальное явление в настоящее время имеет место практически во всех странах мира, и проблема уменьшения уровня потребления наркотиков давно стала предметом пристального внимания социологов, юристов, психологов, культурологов и представителей других наук. В условиях устойчивой тенденции массового распространения потребления наркотиков, особенно среди молодежи, актуальной и социально востребованной проблемой является повышение эффективности работы государственных органов и общественности по предупреждению и противодействию наркомании в современном белорусском обществе.

Масштабы наркомании и токсикомании, незаконного массового производства наркотиков и наркобизнеса, длительность их исторического существования, распространенность среди различных групп населения и на территории практически всей страны дают основание считать наркотизм массовым социальным явлением. Общепризнано, что наркомания является преимущественно молодежной проблемой – более двух третей потребителей наркотиков – это молодежь в возрасте до 35 лет. Именно данное обстоятельство обусловливает научную новизну и социально-практическую необходимость социологического исследования актуальных проблем профилактики наркомании среди молодежи. В рамках отдельного исследовательского проекта Президиума НАН Беларуси Институтом социологии НАН Беларуси, под научным руководством автора, в октябре 2015 г. осуществлен социологический анкетный опрос 1000 человек молодежи в возрасте от 14 до 35 лет. Эмпирическое исследование проведено во всех регионах страны среди всех

социальных групп белорусской молодежи, то есть оно имело общенациональный и репрезентативный характер, что позволило обеспечить научную обоснованность и достоверность полученных эмпирических данных.

Социологический опрос показал, что потребление наркотиков среди молодежи имеет достаточно высокий уровень распространенности и тенденцию к дальнейшему увеличению – *5,4 % современной белорусской молодежи употребляет наркотики, и за последние 10 лет потребление наркотиков среди молодежи увеличилось в 1,6 раза (по данным социологического опроса 2004 г. употребляло наркотики 3,4 % молодежи).* Структура потребляемых молодежью наркотиков за последние 10 лет изменилась в сторону преобладания употребления марихуаны, гашиша и курительных смесей. По данным социологического опроса, молодежь, как правило, начинает употреблять наркотики в 15–17-летнем возрасте, ингалянты (клей) – в 13–14 лет, алкогольные напитки – в 14–15 лет, курить – в 12–14 лет, что свидетельствует о снижении за последние десятилетия примерно на два года возраста первичного приобщения к вредным привычкам. Среди психологических причин (мотивов) употребления наркотиков преобладает «желание получать приятные ощущения от наркотических веществ» (56,9 %), далее – «стремление забыть о своих проблемах» (25,5 %), «за компанию» (23,5 %), «не выделяться из группы» (15,7 %), «от нечего делать» или «из-за любопытства» (по 9,8 %), другие (7,8 %).

Социологический опрос выявил наличие относительной доступности приобретения наркотиков для молодежи: 15,3 % респондентов указало, что для них «достаточно легко» (10,3 %) или даже «очень легко» (5,0 %) приобрести наркотики. Наиболее доступными и чаще всего используемыми местами приобретения наркотиков являются: Интернет (14,5 %), дискотека, бар, ресторан (9,0 %), улица, парк (5,0 %), дома у торговца наркотиками (4,8 %), рынок (3,1 %), по месту учебы, работы (2,5 %) и др. (за последнее десятилетие Интернет стал самым популярным местом и способом приобретения наркотиков). По данным социологического опроса, в ближайшем социальном окружении 17 % молодежи имеет место употребление наркотиков, чаще всего марихуаны или гашиша, а также курительных смесей. Таким образом, помимо 5,4 % молодежи, которая употребляет наркотики, имеется так называемая группа наркотического риска (молодежь, которая не употребляет наркотики, но в их ближайшем социальном окружении имеются лица, употребляющие наркотики) – она составляет 11–12 %. Таким образом, *реальная сфера наркопотребления затрагивает 17 % молодежи (по социологическим данным 2004 г. – около 10 %).*

Выделение типологических групп молодежи в зависимости от когнитивного и поведенческого отношения к употреблению наркотиков и здоровому образу жизни («молодежи, ведущей здоровый образ жизни без употребления наркотиков»; «группы риска употребления наркотиков»; «потребителей наркотиков»), а также их сравнительная характеристика по социально-демографическим, социально-статусным, социокультурным и другим особенностям личности, образа жизни и ближайшего социального окружения позволили

представить ***социально-типологическую модель современного белорусского молодого потребителя наркотиков***.

По социально-демографическим и социально-статусным параметрам: это – молодой человек: мужского пола (86,0 %); 18–35-летнего возраста (37,2 %, однако очень часто 18–24 лет – 25,6 %); имеет среднее общее образование (51,2 %); студент колледжа или вуза (21,1 %), либо молодой рабочий промышленности, строительства, транспорта (20,9 %), либо молодой предприниматель (19,7 %), либо учащийся школы, гимназии (15,8 %); холостой (53,5 %); имеет средний уровень материальной обеспеченности (27,9 %), либо «бедный» (23,3 %), либо с достатком ниже среднего уровня (20,9 %);

По месту жительства: проживает в г. Минске (34,9 %), в Брестской (23,3 %) или Витебской (16,3 %) областях, а также в среднем городе более 70 тыс. человек (30,2 %) либо в малом городе до 70 тыс. человек (18,6 %).

По состоянию здоровья и семейно-бытовой обстановке проживания: нередко имеет неудовлетворительное здоровье (14,0 %); проживает в конфликтной семейной обстановке (26 %) либо в атмосфере непонимания и отчужденности (20,9 %), а нередко и внутрисемейного насилия (4,7 %).

По ценностным ориентациям и образу жизни: в своем поведении и образе жизни ориентируется на такие базовые ценности, как материальный достаток и благополучие (72,1 %), свобода и независимость (53,5 %), отдых и развлечения (44,2 %); не удовлетворен практически всеми сторонами социальной жизни, особенно материальным положением (53,5 %), жилищными условиями проживания (46,5 %), перспективами в жизни (41,9 %), отношениями в родительской семье (34,9 %), учебой (20,96 %), проведением свободного времени (16,3 %).

По отношению к вредным привычкам и употреблению наркотиков: курит (76,7 %), регулярно употребляет крепкие спиртные напитки (81,4 %); полагает: часто наркотики легко достать (46,5 %) и даже очень легко (27,9 %) у торговца дома или на дискотеке, баре, ресторане (по 30,2 %), на улице (25,6 %) или Интернете (23,3 %); главные мотивы употребления наркотиков: «получить приятные ощущения» (71,8 %), «от нечего делать» (66,7 %), «забыть о проблемах» (28,2 %), «за компанию» (23,1 %), «не выделяться из группы» (17,9 %); не обращается самостоятельно за медпомощью, чтобы избавиться от наркотической зависимости (89,7 %).

По отношению к антинаркотической политике: полагает, что лично ему могут помочь уменьшить употребление наркотиков следующие обстоятельства: легализация «легких» наркотиков (38,5 %), интересная работа (28,2 %), доступные условия интересного и полезного проведения свободного времени (17,9 %), семья, любовь, дети (17,9 %), борьба с торговлей наркотиками (15,4 %), занятия физкультурой, спортом, туризмом (12,8 %), информация о вреде наркотиков для здоровья и жизни (12,8 %); его не тревожит распространенность наркомании в стране (58,1 %); полагает, что государственная антинаркотическая политика является неэффективной (58,1 %) и она должна быть более мягкой, чем сегодня (18,6 %).

Данная социологическая информация может служить основой для дифференцированного и предметно-целевого подхода к организации, а также выбору конкретных мер профилактики и практической реализации эффективной государственной антинаркотической политики по предупреждению и противодействию потреблению наркотиков, наркомании и наркобизнесу в нашей стране.

В зависимости от временной регулярности употребления наркотиков эмпирически выявлены и представлены характеристики трех типологических моделей регулярности потребления наркотиков среди молодежи: 1) модель эпизодического употребления наркотиков (1 раз в месяц и реже) – удельный вес составляет 50 % молодежи, употребляющей наркотики; 2) модель регулярного употребления наркотиков (2–3 раза в месяц) – удельный вес составляет 20 %; 3) модель систематического употребления наркотиков (1 раз в неделю и чаще) – удельный вес составляет 30 % потребителей наркотиков. Установлено, что *для модели систематического употребления наркотиков среди молодежи (то есть молодым наркоманам, патологически страдающим от наркотической зависимости)* присущи следующие социально-демографические, социокультурные и поведенческие особенности: мужской пол (71,4 %, однако достаточно высоким является удельный вес молодых женщин – 28,6 %); 18–24-летний возраст (50,0 %); наличие среднего образования (50,0 %); рабочий промышленности, строительства, транспорта, учащийся школы, гимназии, технического училища, студент (по 28,6 %); холост (78,6 %); проживает в малом городе с населением менее 70 тыс. человек (42,9 %) и среднем городе с населением более 70 тыс. человек (28,6 %); житель Брестской (42,9 %), Витебской, Гомельской, Минской областей и г. Минска (по 14,3 %). Молодые наркоманы нередко имеют неудовлетворительное здоровье (14,3 %) либо являются хронически больными (7,1 %). Они любят в свободное время пользоваться Интернетом (85,7 %), посещать дискотеки, бары, рестораны (57,1 %). По уровню материальной обеспеченности относятся к категории «бедных» (35,7 %) либо лиц «среднего достатка» или «богатых» (по 21,4 %). Проживают в семейной атмосфере непонимания и отчужденности (28,6 %) либо властности и внутрисемейного насилия (14,3 %). Ориентированы на такие жизненные ценности, как отдых и развлечения (71,4 %), свободу и независимость (71,4 %) и материальный достаток (64,3 %). В решении жизненных проблем ориентируются на помощь приятелей, друзей (57,1 %) либо сами решают свои жизненные проблемы (21,4 %). Не удовлетворены перспективами в жизни (64,3 %), материальным положением (57,1 %), работой и отношениями в родительской семье (по 50,0 %), проведением свободного времени (30,0 %), отношениями в своей семье (21,4 %), отношениями с коллегами по работе, учебе (14,3 %). Имеют вредные привычки: курят (92,9 %), а также эпизодически или регулярно употребляют крепкие спиртные напитки (по 42,9 %), а нередко и систематически (7,1 %). Полагают, что достаточно легко (57,1 %) или даже очень легко (28,6 %) достать наркотики. В их ближайшем социальном окружении большинство

приятелей, друзей курят сигареты (92,9 %) и употребляют алкоголь (92,9 %), курят марихуану или гашиш (21,4 %) или курительные смеси (14,0 %), а некоторые приятели и друзья употребляют курительные смеси (57,1 %), транквилизаторы (42,9 %), экстази (28,6 %) или ингалянты (14,3 %). Они полагают, что при желании могут приобрести наркотики дома у торговца наркотиками (42,9 %), на работе, учебе (35,7 %), на дискотеке, в баре, ресторане (21,7 %) либо на улице, в парке (21,4 %). Предпочитают систематически употреблять марихуану, гашиш (64,3 %) либо курительные смеси (38,5 %). Главными мотивами употребления наркотиков у них являются: «получить приятные ощущения» (78,6 %) или «забыть о трудностях и проблемах» (35,7 %). Некоторые из них добровольно обращались за медпомощью, но лечение им не помогло (21,4 %). Полагают, что уменьшить употребление наркотиков могут помочь любовь, семья, дети либо создание доступных условий для проведения свободного времени (по 28,6 %), наказание за употребление наркотиков в общественных местах (28,6 %), интересная работа (21,4 %). По их мнению, политика государства по борьбе с табакокурением (100,0 %), пьянством (85,7 %) и наркоманией (71,4 %) является неэффективной. Государственная антинаркотическая политика с их точки зрения должна быть более жесткой, чем сегодня (35,7 %). С учетом эмпирически выявленных вышеперечисленных особенностей, присущих молодым людям, хронически страдающим от наркотической зависимости, должны быть разработаны и реализованы на практике специальные социальные, психологические и медикаментозные технологии по их лечению и реабилитации.

В процессе социологического исследования установлены особенности этиологии (генезиса и детерминации) потребления наркотиков среди белорусской молодежи. Выявлено, что *наибольшее влияние на наркотизацию молодежи оказывают социокультурные и психологические причины и условия*: массовая социокультурная аномия в молодежной среде; недостатки семейного воспитания и семейное неблагополучие; деформация системы ценностных ориентаций в направлении индивидуализма, гедонизма и потребительства; влияние субкультурных модных течений; групповой конформизм; несформированность волевых качеств и навыков самоконтроля; социальная замкнутость и пессимизм; социально-девиантные особенности повседневного поведения и образа жизни; низкий уровень нравственно-правовой культуры и др.

Данные социокультурные и психологические обстоятельства индивидуально-личностного и социально-группового характера в свою очередь *обусловлены деструктивными факторами и процессами микро- и макросоциального уровней*: неустойчивой социально-экономической ситуацией в стране; большим материальным расслоением в обществе и значительной социальной несправедливостью; безработицей среди молодежи; неудовлетворительными условиями и плохой организацией досуга подростков и молодежи по месту жительства; кризисом и противоречивостью системы духовных ценностей в обществе; низкой эффективностью работы по профилактике

пьянства, наркомании и правонарушений среди подростков и молодежи; недостатками воспитательно-просветительской работы в учреждениях образования; негативным влиянием СМИ, кино и видеопродукции; несовершенством национального законодательства, практики ответственности и наказания за производство, транспортировку, реализацию и потребление наркотиков, а также преступления, связанные с наркотиками; высоким уровнем распространенности в молодежной среде вредных привычек, связанных с употреблением алкоголя, наркотиков и табакокурением; безнаказанностью молодых потребителей наркотиков и лиц, занимающихся наркобизнесом; распространенностью преступности в обществе и влиянием криминальной субкультуры; невысокой эффективностью работы по лечению и социальной реабилитации наркоманов, другими социальными, организационно-управленческими, культурными и правовыми факторами.

Деформированность личности и образа жизни молодых потребителей наркотиков в сочетании с социальной дезорганизацией ближайшего социального окружения закономерно порождают деструктивность социальных отношений и взаимодействий молодежи с другими людьми, социальными группами и общностями. На социокультурном уровне личностно-социальная деструктивность, ценностно-нормативная напряженность и конфликтность проявляются в значительном несоответствии между потребностями молодежи, их ожиданиями, притязаниями и реальными социальными условиями, возможностями их удовлетворения. Таким образом, в современном белорусском обществе имеются многочисленные социальные и личностные факторы, причины и условия, обусловливающие высокий и прогрессирующий уровень распространенности потребления наркотиков и наркомании среди молодежи.

Длительный и устойчивый характер существования социальных и личностных причин, порождающих распространенность потребления наркотиков и наркомании, свидетельствует о невысоком уровне эффективности работы органов государственной власти и управления, правоохранительных структур и общественных организаций, которые в соответствии с действующим национальным законодательством призваны заниматься профилактикой и противодействием потреблению наркотиков и наркомании. Своевременное раннее выявление и социально-практическое решение в белорусском обществе на макро- и микросоциальном, а также индивидуально-личностном и поведенческом уровнях всех вышеперечисленных социальных и личностных проблем, недостатков и противоречий должно быть главным направлением и предметным содержанием системы экономических, социальных, культурных, нравственных, правовых и социально-реабилитационных мер современной антинаркотической политики в стране.

Проведенный социологический опрос показал, что молодежь достаточно невысоко оценивает эффективность деятельности белорусского государства по предупреждению и противодействию табакокурению, пьянству и наркомании (каждый третий опрошенный (36,7 %) отметил, что современная анти-

наркотическая политика белорусского государства является неэффективной). Это свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые успехи в противодействии наркомании в стране, многое еще предстоит сделать для устойчивого снижения распространенности потребления наркотиков и формирования здорового образа жизни населения, особенно в плане реализации социальной, социокультурной и нравственно-правовой молодежной политики. Значительная часть опрошенной белорусской молодежи полагает, что политика белорусского государства по противодействию наркомании должна быть более активной, системной, социально созидающей и вместе с тем более жесткой, чем сегодня, – такого мнения придерживаются 49,9 % опрошенной молодежи (за сохранение нынешней политики высказались 12,7 % респондентов, и только 4,6 % – за более мягкую антинаркотическую политику).

Чрезвычайно актуальными и социально-практически значимыми представляются ответы молодежи на вопрос: «Какие молодежные проблемы вызывают у Вас наибольшую тревогу?» Если вся опрошенная молодежь указывает на «трудности с получением работы» (64,7 %), «проблему пьянства и алкоголизма» (61,9 %), «жилищную проблему» (54,4 %), «проблему наркомании и токсикомании» (53,9 %) и «отсутствие жизненных перспектив» (30,0 %), то молодежь, употребляющая наркотики, наравне с этими проблемами отмечает большую значимость для них и других социальных и культурных проблем. В частности, таких, как «трудности с получением хорошего образования» (31,0 %), «недостаток возможностей для проведения свободного времени» (30,2 %), «правовая незащищенность» (24,8 %), «недостаток в обществе экономической и политической свободы» (23,3 %), «пассивность и безразличие в обществе» (13,2 %).

Проведенный социологический анализ государственных программ по предупреждению и борьбе с наркоманией, которые принимались в стране в последние два десятилетия, в том числе и Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков», а также оценка теоретических концепций, положенных в их основу, дают основание сделать вывод, что в настоящее время реализуется преимущественно «воспитательно-просветительская антинаркотическая стратегия» с отдельными элементами «государственно-репрессивной политики». Полагаем, что такая государственная антинаркотическая стратегия является малоэффективной, она не может обеспечить значительное и устойчивое снижение уровня потребления наркотиков и наркомании. По существу, данную стратегию нельзя назвать профилактической. Она имеет преимущественно индивидуально-личностную направленность и недостаточно влияет на социальные и культурные причины и условия, порождающие потребление наркотиков и наркоманию. Данная стратегия не учитывает, что потребление наркотиков – это социокультурная проблема, наркомания – социально-медицинская проблема, а наркобизнес – социально-правовая проблема. Без дифференцированного и предметного подхода данные социальные

проблемы решить невозможно. Именно поэтому новая государственная антинаркотическая концепция и стратегия должны иметь комплексный междисциплинарный характер и быть направлены на системный макро-, микросоциальный и индивидуально-личностный социальный контроль потребления наркотиков, а также «первичную» (профилактику приобщения к потреблению наркотиков), «вторичную» (профилактическую работу с лицами, употребляющими наркотики) и «третичную» (социальную и психологическую работу с лицами, прошедшими курс лечения от наркотической зависимости) профилактику наркомании и более активную и непримиримую борьбу с наркобизнесом.

При разработке стратегии и тактики современной антинаркотической политики целесообразно учитывать результаты проведенного социологического исследования, согласно которому *молодежь в плане сокращения употребления наркотиков основные социальные ожидания связывает не с запретами, наказанием и лечением, воспитанием и просвещением, а с активной и реальной социальной политикой государства и общественности* – созданием условий для интересной работы, поддержкой семьи, наличием доступных условий для полезного проведения досуга, занятий физкультурой, спортом, туризмом, формированием здорового образа жизни. Не менее значимы и абсолютно необходимы, по мнению молодежи, меры по борьбе с производством, транспортировкой и торговлей наркотиками (наркобизнесом), а также формирование общественного мнения, осуждающего употребление наркотиков, оказание эффективной медицинской и социально-реабилитационной помощи лицам, страдающим от наркотической зависимости. Молодежь полагает, что уровень потребления наркотиков можно уменьшить, если в обществе будет активно осуществляться комплексная экономическая, социальная и культурная политика по следующим главным направлениям: «активная борьба с производством и торговлей наркотиками» (67,6 %), «развитие общей и нравственной культуры молодежи» (47,7 %), «усиление ответственности за потребление наркотиков» (44,7 %), «улучшение экономических и социальных условий жизни» (43,8 %), «повышение эффективности лечения от наркомании» (37,7 %), «развитие антинаркотической пропаганды и просвещения» (31,3 %), «создание центров профилактики и социальной реабилитации наркоманов» (31,2 %). Как свидетельствуют результаты социологического опроса, эти приоритеты в социальной, нравственно-правовой и культурной государственной политике поддерживает, в том числе, и молодежь, употребляющая наркотики и входящая в группу наркотического риска.

На основании вышеизложенного полагаем, что современная государственная антинаркотическая политика должна быть направлена на комплексное решение следующих первоочередных социальных, культурных и правовых проблем:

создание реальных экономических, социальных и культурных условий, обеспечивающих устойчивое развитие общества, социальных институтов

и личности, развитие нравственной и правовой культуры, формирование ценностных ориентаций на активное социально позитивное поведение и здоровый образ жизни («позитивная антинаркотическая профилактика»);

смягчение, нейтрализация и постепенное преодоление основных социальных и личностных факторов, причин и условий, детерминирующих употребление наркотиков, наркоманию и наркобизнес, включая индивидуальную и групповую профилактическую работу с потребителями наркотиков и группами наркотического риска («негативная антинаркотическая профилактика»);

научно обоснованная и эффективная законодательная и правоприменительная антинаркотическая политика («правовое противодействие наркотизации населения»);

оказание медицинской, психологической, социальной и другой реабилитационной помощи наркоманам и лицам из групп наркотического риска, включая создание центров профилактики и социальной реабилитации наркоманов («социально-реинтеграционная антинаркотическая профилактика»);

организационно-управленческое, финансовое, кадровое, информационное и научное обеспечение деятельности по предупреждению и противодействию наркомании и наркобизнесу.

В последние годы много споров ведется об эффективности лечения и профилактики наркомании с помощью заместительной метадоновой терапии (ЗМТ), которая официально поддерживается Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). В настоящее время она практикуется в более ста странах мира, включая большинство государств на постсоветском пространстве, кроме Российской Федерации и Туркменистана. Заместительная метадоновая терапия осуществляется в рамках концептуальной стратегии «снижения вреда» потребления наркотиков и паллиативной терапии наркомании, вызванной употреблением опиоидов (например, героина) путем медицинского назначения метадона взамен употребляемого наркотика. Она применяется только к лицам с медицинским диагнозом наркотической опиодной зависимости, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Заместительная метадоновая терапия наркомании в обязательном порядке сопровождается оказанием пациентам психологической и психотерапевтической помощи, а также социальной поддержки в трудоустройстве, получении образования, создании семьи и в других формах социальной реабилитации и адаптации в обществе.

В Республике Беларусь в различных регионах страны функционируют 18 кабинетов заместительной метадоновой терапии, в которых такую медицинскую помощь получают более одной тысячи человек, то есть 10 % от всех наркозависимых лиц, находящихся на наркологическом учете органов здравоохранения. Потенциально программа ЗМТ может быть распространена на 2–3 тыс. человек, страдающих опиодной наркотической зависимостью. С учетом высокого уровня и неблагоприятной динамики наркотической ситуации в стране Министерство здравоохранения Республики Беларусь планирует

в ближайшие годы не только продолжить, но и расширить программу заместительной метадоновой терапии, открыть еще как минимум 5 кабинетов и в два раза увеличить общее количество пациентов. По экспертному мнению белорусских специалистов-наркологов и результатам эмпирических исследований, программа ЗМТ не направлена на решение проблемы наркомании вообще, а ориентирована на специализированную терапевтическую работу с общественно опасной целевой группой наркоманов – лицами, страдающими явно выраженной опиодной зависимостью. Для данной категории наркоманов лечение метадоном является, по сути дела, единственным и достаточно эффективным доступным средством снижения вреда от употребления наркотиков и способом их социализации.

В Российской Федерации среди наркологов имеется много противников метадоновой терапии, которая рассматривается как маскированная легализация наркотиков, ослабляющая контроль за распространением наркотических средств, и вместо проведения комплексной медико-социальной реабилитации обрекает пациентов на легальную жизнь с наркотиками. Российское научное сообщество, законодатели и правоохранительные органы придерживаются принципа, одобренного ООН в 1961 г., согласно которому лечение наркоманов должно проводиться исключительно в свободной от наркотиков атмосфере. Противником заместительной метадоновой терапии выступает также Министерство внутренних дел Республики Беларусь. По его мнению, данный метод терапии наркомании не оказывает положительного влияния на криминальную ситуацию в сфере незаконного оборота наркотических средств, и большинство участников программы не желают социально адаптироваться. Органы внутренних дел решение проблемы лечения больных наркоманией связывают с развитием наркологической службы, ориентированной в своей работе на комплексную реабилитацию и ресоциализацию наркоманов, основанной «на полном отказе от употребления наркотиков, а не на замену одного наркотика другим». Таким образом, имеет место коллизия подходов и мнений Министерства здравоохранения и Министерства внутренних дел по проблеме целесообразности функционирования программы ЗМТ на территории Беларуси. В научном сообществе и среди практических работников также отсутствует единое мнение по данной проблеме. Активно полемизируют между собой сторонники и противники программы заместительной метадоновой терапии, приводится множество статистических, эмпирических и экспертных аргументов и доказательств из теории и практики различных стран мира. В связи с этим, учитывая большую социальную значимость программы ЗМТ в системе государственной антинаркотической политики и необходимость неотложного решения вопросов, связанных с ее дальнейшим финансированием, необходимо всесторонне изучить вопрос об экономической, социальной, правовой и медицинской эффективности программы заместительной метадоновой терапии наркомании на территории Республики Беларусь, а также разработать научно обоснованные предложения о перспективах ее развития в систе-

ме государственной антинаркотической политики, включая вопрос об объеме и источниках финансирования.

Употребление наркотиков и наркомания имеют общую природу, закономерности генезиса и детерминации, а также тесно взаимодействуют с другими негативными социальными явлениями – пьянством и алкоголизмом, преступностью и другими правонарушениями. В связи с этим важным условием эффективности государственной антинаркотической политики является *разработка и реализация социально-правовой стратегии системной антидевиантной политики,* направленной на комплексное предупреждение и противодействие пьянству и алкоголизму, потреблению наркотиков и наркомании, преступности и другим правонарушениям, негативным социальным девиациям.

Большое значение имеет *работа по совершенствованию нормативно-правовой базы,* то есть разработка и практическая реализация новых законов, в частности законов Республики Беларусь «Об основах государственной антидевиантной политики», «О предупреждении преступности и других антиобщественных явлений», «Ювенальная антидевиантная политика», «Профилактика насилия в семье», «Профилактика пьянства и алкоголизма, потребления наркотиков и наркомании» и др.

Актуальной является *разработка организационно-управленческих технологий эффективного взаимодействия между всеми субъектами профилактической работы* с наркоманами, пьяницами и другими категориями лиц с девиантным поведением, группами наркотического и другого девиантного риска, с неблагополучной социальной средой их воспитания и жизни на всех социальных уровнях, этапах и формах профилактической деятельности. Целесообразно профилактическую работу осуществлять системно и одновременно дифференцированно с учетом личностных и поведенческих особенностей различных категорий и социально-психологических типов лиц с девиантным поведением. Для этого необходима разработка комплекса прикладных программ и методик по профилактической и социально-реабилитационной работе с различными категориями молодежи, предрасположенными к наркотической зависимости и другим социальным девиациям, которые должны быть теоретически и эмпирически научно обоснованными.

Нуждается *в совершенствовании система статистико-информационного и научного обеспечения деятельности по комплексному предупреждению антиобщественных явлений.* Большое значение имеет проведение мониторинговых и междисциплинарных социологических, криминологических, психологических и социально-медицинских научных исследований пьянства, алкоголизма, табакокурения, наркомании, преступности и других социальных девиаций. Данные исследования должны надлежащим образом финансироваться и проводиться на профессиональном уровне и межведомственной основе. В связи с этим целесообразно директивным органам страны рассмотреть вопрос об организации постоянно действующего *криминологического*

и социально-девиантологического мониторинга преступности и других антиобщественных явлений.

Заслуживает серьезного государственного внимания и научного обсуждения *вопрос об организации специализированного Научно-исследовательского института криминологии, девиантологии и виктимологии, а также Национального комитета по предупреждению преступности и других правонарушений* – постоянно действующего организационно-управленческого государственного органа, направляющего и координирующего работу всех субъектов социально-правовой системы предупреждения преступности, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений.

Таким образом, социально-практическая реализация предложенных научно-практических рекомендаций по оптимизации и повышению эффективности государственной антинаркотической политики, включающей комплекс форм и мер позитивной и негативной профилактики, правового противодействия и социально-реабилитацинной работы, обеспечит устойчивое снижение распространенности потребления наркотиков, наркомании и наркобизнеса, которые причиняют обществу большой физический, моральный и материальный ущерб, препятствуют формированию и реализации социально позитивного и здорового образа жизни белорусской молодежи.

N. A. BARANOVSKI

SOCIAL PREVENTION OF DRUG ADDICTION AMONG YOUNG PEOPLE

Summary

On the basis of results of the sociological empirical study, actual theoretical and applied problems of the social prevention of drug abuse among young people are analyzed. The author offers the complex of scientific and practical recommendations for the improvement of the state of drug policy aimed at the reduction of the spread of drug consumption and the formation of the socially positive and healthy way of life of Belarusian youth.

Keywords: youth, drug addiction, drug policy, social prevention.

Поступила 16.11.2016 г.

УДК 378:62-057.4+316.422

С. В. КОСТЮКЕВИЧ,
кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Н. И. ЯКОВЛЕВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ БАЛАНСА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье исследуется дисбаланс между теоретической и практической подготовкой в инженерном образовании. Авторы предположили, что данный дисбаланс мог быть следствием кардинальных изменений в структуре учебного плана, которые могли произойти во второй половине XX в. Сравнительный анализ учебного плана 1958/1959 г. с учебным планом 2011/2012 г. подтвердил гипотезу авторов. Учитывая тот факт, что в современных России, Украине и в Беларуси вузы используют типовой учебный план, есть основание считать, что технические университеты этих стран имеют диспропорцию в пользу теоретической подготовки в их учебных планах. Авторы полагают, что данная диспропорция должна быть устранена, в противном случае она будет препятствовать инновационному творчеству студентов-инженеров. С целью контроля баланса теоретической и практической подготовки разработана модель современного инженерного образования.

Ключевые слова: теоретическая подготовка, практическая подготовка, модель инженерного образования.

Проблема поиска баланса теоретической и прикладной подготовки в инженерном образовании возникла в конце XVIII в. с появлением нового типа учебного заведения – знаменитой Политехнической школы, открытой в Париже в 1794 г. Французская модель, положенная в основу этой школы, ознаменовала соединение теории (фундаментальной науки) и практики (инженерии) в учебном процессе, но тем самым возникла проблема: каким должен быть оптимальный баланс теории и практики при подготовке инженеров.

Известный русский ученый и инженер С. П. Тимошенко в своей книге «Инженерное образование в России» пишет о французской Политехнической школе как о модели, которая предлагала замостить разрыв между теорией и практикой (чистой наукой и техникой): «…инженерные науки развивались в то время независимо, по пути чистой эмпирики. В конце века, во время Французской революции, была сделана попытка ликвидировать разрыв между чистой наукой и техникой. Группа ученых во главе с Гаспаром Монжем организовала известную Политехническую школу, где подготовка в области

инженерного дела основывалась на расширенном изучении фундаментальных наук» [1].

До организации Политехнической школы в Париже инженерное образование и инженерная наука базировались, главным образом, на основе знаний, добытых практическим путем. После появления этой школы они начали строиться на фундаменте глубокой теоретической (или фундаментальной) подготовки. Логикой обучения инженера стало движение от теории к практике и от общего к частному и еще более частному: первые два года студенты изучали фундаментальные дисциплины (математику, физику, механику, химию), последние три года использовались для изучения специальных инженерных дисциплин.

Следует отметить, что до сих пор логика обучения от теории к практике и традиция деления учебного времени на периоды теоретической и практической подготовки продолжается в инженерных вузах постсоветских стран: первые годы студенты изучают фундаментальные научные дисциплины (социально-гуманитарные, естественнонаучные и общеинженерные), а затем переходят к изучению специальных инженерных дисциплин, производственной практике и дипломному проекту.

Благодаря соединению в учебном процессе практической подготовки с изучением фундаментальных наук студенты были лучше подготовлены для развития как инженерных наук, так и новых технологий. Однако включение длительной теоретической подготовки в учебный процесс инженерной школы означало необходимость поиска баланса между практической и фундаментальной подготовкой инженера.

Отметим, что проблема поиска данного баланса до сих пор остается одной из главных в инженерном образовании. На это указывает, например, член-корреспондент РАН В. Н. Луканин в предисловии к русскому изданию книги С. П. Тимошенко «Инженерное образование в России». Он пишет, что данная книга заставляет современного читателя задуматься над извечными проблемами высшего инженерного образования и, в частности, над проблемой соотношения специальной и общетеоретической подготовки [1].

В настоящее время проблема поиска баланса является особенно актуальной для технических вузов постсоветских стран, так как они демонстрируют стремление к фундаментализации инженерного образования (стремление делать инженерное образование более теоретически ориентированным). Ярким сторонником этого стремления можно назвать академика И. Б. Федорова, президента одного из ведущих технических вузов современной России – МГТУ имени Баумана. Академик И. Б. Федоров, отвечая на вопрос главного редактора российского научного журнала «Alma mater» («Вестник высшей школы»): «Сейчас представители реального сектора экономики говорят, что выпускники технических вузов практически неспособны работать на производстве… Как Вы относитесь к этой проблеме?», сказал следующее: «Если им нужен инженер, который приходит и должен понимать, какую “гайку”,

“вентиль” крутить, то такие уже есть – это инженеры-эксплуатационники. Да, инженеры-эксплуатационники очень нужны. Но когда мы говорим о нашей российской инженерной школе, то в первую очередь подразумеваем подготовку инженеров-конструкторов, инженеров-разработчиков. Так вот, инженеры-разработчики, проектировщики получают другую подготовку, прежде всего усиленную фундаментальную подготовку. Часто задают вопрос – что делать, чтобы успевать за быстроразвивающимися процессами развития техники и технологий? Отвечу: усиливать фундаментальную подготовку будущих специалистов. Ничто так не стареет быстро, как частные специальные знания. Если будем учить студентов только конкретным вещам, то сразу отстанем от мирового прогресса… Как часто вуз слышит упреки: пришел ваш выпускник, а его надо еще учить, как кран вкручивать. Да разве только для этого выпускник нужен? Не должен инженер-разработчик, конструктор заниматься “кранами”. Он – гордость нашей инженерной школы, ее сила. Ну, выучит он, где и как гайки крутить. Но не этому его учили. Опять у нас перекос в промышленности, учете ее кратковременных потребностей. Давай немедленно, сейчас и давай все упрощенно. А кто будет работать на перспективу? Меня данная ситуация очень задевает. Получается, что не нужны МИФИ, МГТУ и другие технические вузы. Давайте откроем сотню образовательных учреждений – полувузов, полутехникумов, чтобы их выпускники с успехом могли крутить эти самые гайки и вентили» [2].

Академик И. Б. Федоров позиционирует свой вуз как учреждение, осуществляющее подготовку инженеров-исследователей (разработчиков), то есть тех, кому особенно нужны теоретические знания, в отличие, например, от инженеров-производственников. Поэтому И. Б. Федорова раздражает требование обучать его студентов, прежде всего, практическим знаниям и навыкам. Однако некоторое интеллектуальное высокомерие И. Б. Федорова к ручной работе (например, по закручиванию гаек) поддерживается не всеми. Например, российский физик, академик АН СССР и РАН Л. М. Барков (длительное время возглавлял лабораторию Института ядерной физики СО РАН и кафедру ядерной физики Новосибирского государственного университета) имел другую позицию: «Я считаю, что очень полезно, если инженер, а также исследователь-экспериментатор обладают навыками труда квалифицированного рабочего» [3, с. 99]. Или же, как он утверждал, «необходимо тесное взаимодействие инженеров и ученых с теми, кто работает у станка» [3, с. 99].

Как видим, диапазон широк: от утверждения И. Б. Федорова, что инженерам-исследователям не нужно уметь гайки крутить (то есть работать руками), до мнения Л. М. Баркова, что они должны обладать навыками труда рабочего (стало быть, уметь работать руками). Кто прав? Поскольку технические вещи – это не мыслительные конструкции, то в позиции Баркова есть рациональное зерно: в отличие от чистого теоретика (например, математика), инженер-исследователь должен не только головой, но и руками понимать, как техническое устройство работает. Здесь уместно привести тот факт, что деви-

зом Массачусетского технологического института является изречение на латыни «Mens et Manus» («Головой и руками»), то есть указывается на важность не только умственной, но и ручной работы для инженеров [4]. Это, в свою очередь, означает, что практическая подготовка не менее важна для них, чем теоретическая.

Учитывая, что инженерные вузы готовят не только инженеров-исследователей, но и инженеров для производства, проблема поиска оптимального баланса теоретической и прикладной подготовки распадается на две подпроблемы, поскольку очевидно, что баланс для исследователей должен быть иным, чем для производственников (производственники не нуждаются в такой глубокой фундаментальной подготовке, как исследователи). В советское время студенты-инженеры не разделялись на потоки исследователей и производственников через разные учебные программы – все они получали хорошую фундаментальную подготовку, однако экономически это было очень расточительно.

Невнимание к важности поиска и соблюдения баланса теории и практики в учебном процессе инженерных вузов привело, в конечном итоге, к чрезмерному увлечению фундаментальным образованием в странах бывшего СССР. Значение фундаментального образования для инженеров оказалось важнее баланса, однако тем самым принижалась роль прикладной подготовки. Неудивительно, что и представители индустрии, и сами студенты жалуются на слабую практическую подготовку в инженерных вузах. Например, в ходе социологического опроса[1] студентов-пятикурсников дневной формы обучения в БНТУ и БГТУ (Белорусском национальном техническом университете и Белорусском государственном технологическом университете), проведенного в 2014 г., было обнаружено, что 62,4 % всех опрошенных оценили свою практическую подготовку как недостаточную (табл. 1). По результатам опроса студентов виден следующий дисбаланс: хорошая теоретическая подготовка и слабая практическая подготовка – на это указали 62,4 %. Таким образом, есть основание предположить, что в современных учебных планах подготовки инженеров существует дисбаланс теоретической и прикладной подготовки.

Чтобы подтвердить (или опровергнуть) гипотезу, нами был проведен сравнительный анализ двух учебных планов: учебного плана 1958/1959 г. машиностроительного факультета Киевского политехнического института (который есть в книге С. П. Тимошенко «Инженерное образование в России») и учебного плана 2011/2012 г. машиностроительного факультета Белорусского национального технического университета. Сегодня Киевский политехнический институт называется «Национальный технический университет Украины “Киевский политехнический институт”» (КПИ). Белорусский национальный технический университет назывался политехническим институтом в советское время.

[1] Данный опрос был проведен в рамках исследования по теме «Высшее образование как фактор обеспечения технологической конкурентоспособности», выполненного при финансовой поддержке БРФФИ в 2013–2015 гг.

Таблица 1. **Оценка студентами соотношения полученной ими в вузе теоретической и практической подготовки, % от числа опрошенных**

Как Вы оцениваете соотношение полученной Вами в вузе теоретической и практической подготовки? *Выберите только один вариант ответа*	%
Я считаю, что я хорошо подготовлен и теоретически, и практически	11,4
Я хорошо подготовлен теоретически, но практических знаний мне не хватает	62,4
Я хорошо подготовлен практически, но мне не хватает теоретических знаний	6,8
Считаю, что я недостаточно подготовлен и теоретически, и практически	13,4
Затрудняюсь ответить	5,7
Нет ответа	0,3

Следует отметить, что оба учебных заведения (и Киевский политехнический институт, и БНТУ) подпадают под традиции русской (и советской) инженерной школы. Во-вторых, учебный план этих учреждений не является уникальным, так как и в СССР, и в современных России, Украине и Беларуси учебные заведения использовали и используют типовой учебный план, разрабатываемый министерствами образования.

Учебный план (1958/1959 г.) машиностроительного факультета Киевского политехнического института взят из упомянутой книги С. П. Тимошенко. Дисциплины данного учебного плана не были разделены на группы, но С. П. Тимошенко пишет, что «все дисциплины учебного плана можно разделить на четыре группы: 1) общие научные дисциплины, 2) общие инженерные дисциплины, 3) специальные дисциплины (или курсы) и 4) курсы общего характера [прим. Речь идет об общеобразовательных дисциплинах]» [1]. Учебный план (2011/2012 г.) машиностроительного факультета БНТУ структурирован и имеет следующие группы дисциплин: 1) естественнонаучные дисциплины, 2) общепрофессиональные дисциплины, 3) дисциплины специализации, 4) социальные и гуманитарные дисциплины.

Отдельно следует отметить, что два учебных плана относятся к одной и той же специальности: в 1958/1959 г. эта специальность называлась «Резание металлов», в 2011/2012 г. – «Технологическое оборудование машиностроительного производства». В учебном плане 1958/1959 г. отсутствует деление на специальность и специализацию: С. П. Тимошенко пишет о специальных курсах, не разделяя их на курсы по специальности и курсы по специализации. В учебном плане 2011/2012 г. такое деление уже присутствует: есть специальные курсы (дисциплины специальности), которые включены в группу дисциплин «общие профессиональные дисциплины», и группа «дисциплины специализации», представленная в учебном плане отдельно.

Деление профессиональных дисциплин на дисциплины специальности и дисциплины специализации связано с традицией в советском высшем образовании, которая называлась «стремление к узкой специализации». Это деление можно продемонстрировать на современных учебных планах. Например, в учебном плане (2011/2012 г.) машиностроительного факультета БНТУ записано, что квалификация специалиста – инженер, специальность – техно-

логическое оборудование машиностроительного производства, специализация – инструментальное производство. И другой пример: в учебном плане (2011/2012 г.) факультета транспортных коммуникаций этого же университета записано, что квалификация специалиста – инженер-строитель, специальность – мосты, транспортные тоннели и метрополитены, специализация – мосты. Таким образом, деление профессиональных дисциплин на дисциплины специальности и дисциплины специализации указывает на стремление обучить инженера делать конкретную работу, то есть специализация показывает, что именно умеет инженер делать практически.

Поскольку есть небольшие различия между группировкой дисциплин, предложенной С. П. Тимошенко для учебного плана 1958/1959 г., и группировкой, которая есть в учебном плане БНТУ (2011/2012 г.), для корректного сравнения учебных планов проделаны следующие действия:

специальные дисциплины, которые С. П. Тимошенко выделил в 3-ю группу, разделены на дисциплины специальности и дисциплины специализации, поскольку в учебном плане БНТУ есть отдельная группа «Дисциплины специализации»;

дисциплины, включенные в группу «Общепрофессиональные дисциплины» в учебном плане (2011/2012 г.) БНТУ, разделены на общеинженерные дисциплины и специальные дисциплины, так как такие группы выделены С. П. Тимошенко.

В итоге была построена модель учебного плана, позволяющая проводить сравнительный анализ корректным образом.

Модель учебного плана для изучения и поиска оптимального баланса теоретической и прикладной подготовки в инженерном образовании

Теоретическая подготовка

1. Общие научные дисциплины.

Общенаучные дисциплины (по терминологии С. П. Тимошенко) и естественнонаучные дисциплины (по терминологии учебного плана БНТУ).

2. Общие инженерные дисциплины.

Общеинженерные дисциплины (у С. П. Тимошенко) и общеинженерные дисциплины в БНТУ, которые выделены из группы «Общепрофессиональные дисциплины».

3. Общеобразовательные дисциплины.

Эти дисциплины входят в блок «Теоретическая подготовка», так как они представляют собой в основном теоретические науки. Курсы общего характера у С. П. Тимошенко (в учебном плане 1958/1959 г.) включали только марксизм-ленинизм и политэкономию. Социально-гуманитарные дисциплины в БНТУ (в учебном плане 2011/2012 г.) представлены следующими дисциплинами: история Беларуси, основы идеологии белорусского государства, философия, экономическая теория, социология, политология, основы психологии и педагогики, культурология, этика, логика.

Практическая подготовка

1. Специально-профессиональные дисциплины.

1.1. Дисциплины специальности – выделены из «Специальных курсов» у С. П. Тимошенко, выделены из «Общепрофессиональных дисциплин» в учебном плане БНТУ.

1.2. Дисциплины специализации – выделены из «Специальных курсов» у С. П. Тимошенко, в учебном плане БНТУ эта группа дисциплин представлена отдельно.

Практика – внутри учебного заведения (работа в учебных мастерских) и практика снаружи (производственная практика или стажировка) и дипломный проект.

Определение понятий. Фундаментальная (или теоретическая) подготовка в инженерных вузах – это научная подготовка по естественным и общеинженерным наукам, а также по социально-гуманитарным (эти дисциплины включаются в блок «Теоретическая подготовка», так как они представляют собой в основном теоретические науки). Позволительно определять ее как научную подготовку, или теоретическую, но обычно используется термин «фундаментальная подготовка», чтобы подчеркнуть, что речь идет не о маленьком, а о большом объеме теоретических научных знаний, которые предлагают студенту. Итак, теоретическая подготовка – это совокупность естественно-научных дисциплин + общеинженерных дисциплин + общеобразовательных (социально-гуманитарных) дисциплин.

Практическая подготовка в инженерных вузах – это обучение специально-профессиональным знаниям и навыкам, которые необходимы для работы на производстве и в сервисе. Итак, практическая подготовка – это совокупность дисциплин специальности + дисциплин специализации + практика внутри учебного заведения (работа в учебных мастерских) и практика снаружи (производственная практика или стажировка) и дипломный проект.

В современном наукоемком мире, где технологии часто базируются не столько на практическом опыте, сколько на научных разработках, подобное деление не имеет жесткой границы, так как научные знания могут перейти в разряд специально-профессиональных, если они воплощены не в специфически научной форме (теории, законы, гипотезы и др.), а в виде, например, описания промышленной технологии.

Проведенный сравнительный анализ двух учебных планов (между которыми временная дистанция – 53 года) позволил обнаружить, что в учебном плане 2011/2012 г., в отличие от учебного плана 1958/1959 г., есть заметная диспропорция (перекос) в пользу теоретической подготовки. Полученные результаты позволили выявить, что слабая практическая подготовка современных инженерных студентов связана с наличием дисбаланса между теоретической и практической подготовкой в учебном плане инженерных вузов. С учетом этого возникла необходимость пересмотреть формулировку проблемной ситуации: проблема слабой практической подготовки студентов была сформу-

лирована как проблема дисбаланса теоретической и практической подготовки в инженерных вузах. Таким образом, проблемная ситуация была выведена на уровень теоретического анализа и связана с традиционной для инженерного образования проблемой поиска оптимального баланса между теоретической и практической подготовкой в учебном процессе инженерных вузов.

Используя построенную модель учебного плана, был произведен подсчет количества учебного времени, отведенного на дисциплины теоретического блока и дисциплины и практику прикладного блока учебного плана. Соотношение учебного времени, отведенного на теоретическую и практическую подготовку, представлено в табл. 2.

По данным табл. 2 мы видим, что соотношение теоретической и практической подготовки изменилось: теоретической подготовки стало значительно больше. Если в учебном плане 1958/1959 г. теоретической подготовки было немного больше, чем практической, то в учебном плане 2011/2012 г. теоретической подготовки стало значительно больше.

Как это было сделано? В 1958/1959 г. студенты в Киевском политехническом институте учились 5 лет, но они имели только 3 пары ежедневно; в 2011/2012 г. студенты БНТУ также учились 5 лет, но они имели 4 пары ежедневно (за редким исключением). Таким образом, технически увеличение объема теоретической подготовки произошло за счет увеличения общего объема учебного времени: студенты по-прежнему учатся 5 лет, но они имеют уже не 3, а 4 пары ежедневно.

Таблица 2. **Количество учебного времени за 5 лет, отводимого на теоретическую и практическую подготовку, по годам**

Учебные планы по годам	Количество учебных часов за 5 лет	
	теоретическая подготовка	практическая подготовка
Учебный план 1958/1959 г. Киевский политехнический институт Машиностроительный факультет Специальность «Резание металлов» Период обучения – 5 лет	2924	2567
Учебный план 2011/2012 г. Белорусский национальный технический университет Машиностроительный факультет Специальность «Технологическое оборудование машиностроительного производства» Период обучения – 5 лет	6328	4638

Увеличение общего объема учебного времени указывает на рост числа дисциплин, предлагаемых студентам: действительно, по сравнению с учебным планом 1958/1959 учебного года, в 2011/2012 г. дисциплин стало в 2 раза больше. В учебном плане 2011/2012 г. нет некоторых дисциплин, которые были в учебном плане 1958/1959 г., однако появилось много новых. Также изменилось количество учебного времени, отводимого той или иной дисциплине.

Заключение. Учитывая, что и в СССР, и в современных России, Украине и Беларуси инженерные вузы использовали и используют типовой учебный план, который разрабатывается министерствами образования, есть основание заключить, что технические университеты этих стран имеют дисбаланс в пользу теории в их учебных планах. Однако существующий дисбаланс необходимо устранить, так как он мешает активному включению студентов-инженеров и инженеров-исследователей в инновационное творчество – им не хватает практических (технологических) знаний для создания новых технических продуктов (или модернизации старых). Во-вторых, инженеры, идущие работать на производство, плохо подготовлены к обслуживанию производственных (технологических) процессов. Представленная в статье модель позволяет сравнить количество учебного времени, которое отводится на теоретическую и практическую подготовку инженеров, и, тем самым, контролировать их баланс, а в случае резкого перекоса устранять дисбаланс.

Список использованных источников

1. *Тимошенко, С. П.* Инженерное образование в России [Электронный ресурс] / С. П. Тимошенко. – Люберцы : Производственно-издательский комбинат Винити, 1997. – Режим доступа: http://www.emomi.com/download/timoshenko_obrasovanie/. – Дата доступа: 03.09.2016.

2. *Федоров, И. Б.* Инженерное образование сегодня: проблемы и тенденции : [интервью президента МГТУ им. Н. Э. Баумана, академика РАН И. Б. Федорова главному редактору журнала «Alma mater» («Вестник высшей школы» Л. Г. Тюриной] [Электронный ресурс] / И. Б. Федоров. – 2012. – Режим доступа: http://www.almavest.ru/ru/favorite/2012/04/26/299/. – Дата доступа: 26.09.2016.

3. Взаимосвязь науки, высшего образования и производства в условиях ускорения научно-технического прогресса : материалы «круглого стола» // Вопр. философии. – 1986. – № 1. – С. 95–110.

4. Массачусетский технологический институт [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/. – Дата доступа: 26.09.2016.

S. V. KOSTJUKEVICH, N. I. YAKOVLEVA

ABOUT THE OPTIMIZATION OF THEORY AND PRACTICE BALANCE IN TECHNICAL UNIVERSITIES ON POST-SOVIET SPACE

Summary

The article examines imbalance between theoretical and practical training in engineering education. The authors suggested that this imbalance could be the result of fundamental changes in the structure of the curriculum, which might have been occurred in the second half of the 20th century. A comparative analysis of the curriculum 1958/1959 with the curriculum of 2011/2012 confirmed the hypothesis of the authors that this imbalance might have been the result of fundamental changes in the structure of the curriculum, which occurred in the second half of the 20th century. Taking into account the fact that in modern Russia, Ukraine and Belarus universities use the model curriculum, there is reason to believe that the technical universities of the former Soviet countries have a disparity in favor of theoretical training in their curricula. The authors suggest that this disparity should be eliminated, otherwise, it would prevent the innovative creativity of engineering students. In order to control the balance of theoretical and practical training a model of modern engineering education was developed.

Keywords: theoretical training, practical training, a model of engineering education.

Поступила 12.10.2016 г.

УДК 316.334.2:331.54

А. В. КОМАРОВСКИЙ,
кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Ю. С. НАЗАРЕНКО,
кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ В ВУЗАХ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ ОПРОСА СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ)

В статье проанализирована постиндустриальная трансформация систем образования и труда. Проблематизированы традиционный и современный механизмы взаимосвязи данных социальных систем. Концептуализирован процесс производственной практики с учетом специфики деятельности ее акторов. На примере студентов старших курсов социологических специальностей выявлены проблемные вопросы в организации и проведении производственной практики в вузах Беларуси.

Ключевые слова: постиндустриальное общество знаний, рынок образования, рынок труда, практико-ориентированное образование, образовательно-профессиональная траектория, производственная практика.

Современные трансформации в сферах образования и труда связаны со становлением постиндустриального общества знаний. Для последнего характерны все возрастающая скорость обновления методологических и, в особенности, прикладных знаний и используемых комплексных, все чаще трансдисциплинарных технологий, необходимых для решения соответствующих системных проблем современного мира, масштаб и комплексность которых превышает не только возможности отдельных дисциплин, но и требует вовлечения вненаучных акторов из государственных, гражданских, коммерческих структур и широкой общественности [1, с. 12]. В данной ситуации происходит непрерывное обновление профессиональной структуры социума, а также отдельных профессиональных канонов. Содержания данных обновлений достаточно динамично распространяются среди специалистов в конкретной профессиональной области за счет, главным образом, неформальных коммуникаций («нетворкинга») и неформальных образовательных практик внутри компаний (организаций) и вне их.

Вместе с тем скорость проникновения данных изменений в формальные образовательные стандарты и практики, обеспечивающие сегодня подготовку львиной доли специалистов внутри системы массового деиндивидуализированного профессионального образования, представляет собой особый институциональный и организационный «вызов» – в особенности в контексте

растущего спроса на столь же массовое, но индивидуализированное профессиональное образование. Традиционный подход к обновлению знаний в системе образования, построенный на технологии линейного продвижения получаемого на переднем крае науки и практики знания к его адресатам (учащимся, студентам и т. д.) через серию бюрократически легитимированных и санкционированных этапов «производства» знания, сталкивается с фундаментальной проблемой запаздывания и, как следствие, рассинхронизации транслируемой в учреждениях образования и требуемых на рынке труда квалификаций.

В таких условиях образовательные дипломы перестают эффективно выполнять свою так называемую «сигнальную функцию» (то есть объективно выражать качество подготовки выпускника) и напрямую конвертироваться в успешную занятость, соответствующие должностные и статусные позиции. Современные работодатели все чаще вынуждены проводить дополнительную проверку кандидатов на работу (через тестирование, испытательные сроки и т. п.), выявляющую реальную, практическую компетентность нанимаемых специалистов, а также инвестировать средства в их (до)обучение на рабочем месте. Зачастую «сигналом для работодателя служит не само наличие высшего образования, а бренд учебного заведения. Диплом элитного вуза – знак потенциально высокого КПД работника в глазах работодателя» [2, с. 143]. Тем не менее и данные сигналы все чаще проверяются на соответствие требуемым знаниям и навыкам независимо от статуса оконченного учебного заведения.

Опытные специалисты также сталкиваются с проблемами ускоряющегося морального износа своих знаний и умений в условиях возросшей динамики и неопределенности на современном, быстро меняющемся рынке труда. В данной ситуации актуализируется задача создания и совершенствования компенсаторных и превентивных механизмов формирования у работников актуальных профессиональных компетенций. Данная задача решается с помощью технологий непрерывного образования (так называемая концепция «образования через всю жизнь»), обеспечивающих формирование надпрофессиональных компетенций по оптимизации имеющихся знаний и умений по запросам «времени и места». Именно непрерывное образование способствует реализации главной цели политики в сфере образования – формированию и развитию высокого человеческого потенциала нации, повышению уровня и качества жизни [3, с. 208–209].

Образовательная и профессиональная активности человека определенным образом, имеющим специфику для различных культур, распределены по всей жизненной траектории человека. Так, в работах российских социологов (Д. Л. Константиновский, В. С. Вахштайн, Д. Ю. Куракин) образовательная траектория определяется как «совокупность шагов, предпринимаемых отдельными индивидами и социальными группами для удовлетворения своих образовательных потребностей» [4, с. 34]. В работах Г. А. Чередниченко она понимается как «получение субъектом формальных квалификаций, институционально подтвержденных компетенций, информально приобретенного

опыта в виде знаний и навыков» [5, с. 47]. Под профессиональной траекторией подразумеваются события «перехода субъекта от одной позиции на рынке труда к другой, различающихся уровнем оплаты труда, престижностью профессии, социальным статусом профессии и пр. и оцениваемых в ракурсе карьерной успешности/неуспешности» [5, с. 48]. Автор также отмечает, что эти траектории трудно разграничить, так как они объединены единым жизненным процессом кумуляции умений, знаний, опыта. Следовательно, мы можем вести речь о целостной образовательно-профессиональной траектории личности.

Важно отметить, что образовательно-профессиональные траектории претерпели значительную трансформацию по мере становления постиндустриального типа социума. В постиндустриальном обществе происходит переход от последовательного прохождения жизненных этапов («учеба» – «работа»), характерного для индустриального типа социума с доминирующей концепцией разового полноценного образования («образование на всю жизнь»), к параллельному их прохождению, когда образовательные и профессиональные траектории человека стремятся к синхронизации и взаимокоррекции (рис. 1). Моральное устаревание традиционных траекторий стало закономерным следствием фундаментальной смены доминирующей социокультурной онтологии мира. Отметим, что в предыдущих наших исследованиях выявлено, что непрерывность образовательно-профессиональной траектории личности связана с достигаемым ей уровнем профессионального успеха личности: чем выше степень этой непрерывности, тем чаще люди достигают профессионального успеха, работая по полученной в учебном заведении специальности [3].

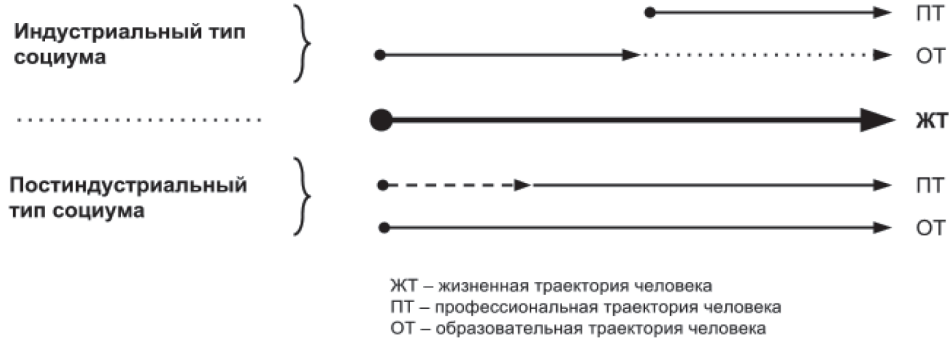


Рис. 1. Последовательные и параллельные типы образовательно-профессиональных траекторий в индустриальном и постиндустриальном типах социума

Сегодня в различных институционально-организационных форматах бурно развивается сектор неформального образования (в особенности в сегменте онлайн-образования), усилия которого направлены на поиск новых, адекватных форм синхронизации процессов обновления знания на рынках

труда и образования и, соответственно, оптимальных образовательно-профессиональных траекторий. Вероятно, что данные формы являются прототипами новых, еще до конца не сформировавшихся институтов в сферах труда и образования, которые образуются на постиндустриальных социокультурных основаниях в системе нового «пакета» технологий и методологий производства и потребления знаний, товаров и услуг.

Расширение практик «цифрового» и венчурного предпринимательства, практик удаленной работы и микрозанятости, гуманитаризация профессий на фоне системной автоматизации труда обеспечивают условия для редизайна традиционных институциональных структур в сферах образования и труда. Образовательные учреждения постепенно становятся центрами трансфера знаний метауровня (методологических знаний) и активными игроками в структуре трансдисциплинарных кластеров производства прикладных знаний и технологий. Тем самым потенциально обеспечивается лидирующее место университета в кластерных структурах – за счет способности к движению в опережающем темпе по отношению к мейнстримным практикам на рынке труда «экономики знаний».

Вместе с тем общим препятствием для реализации модели опережающего развития системы образования становится «естественный» уровень «асимметрии информации» (то есть неопределенности настоящего и будущего), «объективно» существующий в сложных социокультурных системах современности. Данный уровень всегда является «здесь и сейчас» концептуально и технологически предопределенным, но при этом непрерывно переходит в зону контроля (освоенной управляемости), с одной стороны, и зону «хаоса» (новой неосвоенной неуправляемости) из-за эволюционно-стихийной компоненты в природе сложных социальных систем, с другой. Информационные связи и потоки между данными системами (рынками) характеризуются разной степенью прозрачности для их субъектов-участников, обладающих разной размерностью (масштабом), – от уровня институциональных (министерств и ведомств) до уровня индивидуальных игроков (менеджеров, учащихся и т. п.). В самом общем виде данная система элементов и связей может быть представлена в виде следующей концептуальной схемы (рис. 2).

Рис. 2. Система связей рынков труда и образования

С точки зрения современных жизненных траекторий видимые сегодня контуры рынков образования и труда будущего позволяют предположить, что ранние простейшие формы профессиональной деятельности, разворачиваемые уже в период школьного образования, после дооснащения учащихся в пространстве высшего образования «кандидатским минимумом» из методологических (трансдисциплинарных) и мультипрофессиональных знаний будут все чаще и ранее переходить в реальные деятельностные формы (проекты, стартапы, организации и т. п.). В данном контексте университеты будут призваны главным образом играть роль сообществ практиков и пространств практик, которые способны гибко, «по запросу» предоставлять и/или развертывать знаниевые и человеческие ресурсы, необходимые для постановки и решения как относительно простых, так и сложных трансдисциплинарных проблем.

Переход к новым, постиндустриальным структурам и институтам в каждой конкретной стране является в определенной мере типичной задачей, с одной стороны, и при этом уникальной, с другой. Изобретение собственного успешного (пост)модернизационного рецепта выступает важнейшей политической задачей. В этой ситуации вслед за общераспространенным мнением многочисленных исследователей и экспертов, обзор которых мы здесь опускаем, сегодня приходится констатировать, что в Беларуси сохраняются недостаточно эффективные институты-посредники между рынками образования и труда. Непрозрачность и инертность данных механизмов (государственный заказ на образование, плановое управление в образовании, распределение выпускников и т. п.) имеет негативные последствия для всех акторов сфер образования и труда.

По данным различных социологических исследований в Беларуси (как и в других странах СНГ) работодатели в значительной мере не удовлетворены уровнем подготовки выпускников, оканчивающих учебные заведения. Они вынуждены тратить значительные средства на поиск квалифицированных выпускников либо на переподготовку менее квалифицированных уже на рабочем месте, чтобы обеспечить требуемый уровень эффективности и инновативности труда нанятого персонала. Достаточно симметричные оценки из собственной перспективы дают и недавние выпускники: по данным одного из новейших исследований [6] не менее 30 % выпускников отметили ту или иную степень недостаточности знаний и навыков, полученных в высшем учебном заведении.

В основе данной ситуации лежит целостный комплекс проблем, имеющих различное преломление для всех ключевых акторов, вовлеченных в системы образования и труда (табл. 1). Ключевым среди этих проблем является вопрос прикладной ценности знаний, получаемых в вузах. Например, как зафиксировали российские исследователи, студентам российских вузов в первую очередь не хватает знаний по маркетинговым исследованиям [7, с. 72].

Таким образом, на сегодняшний день актуальна проблема оптимизации имеющихся и/или создания новых эффективных формальных и неформаль-

Таблица 1. **Проблемы различных акторов систем образования и труда**

Ключевые акторы	Проблемы акторов систем образования и труда		
Студенты	Низкая прикладная ценность получаемых знаний	Трудности трудоустройства после окончания вуза	Работа не по специальности / низкая эффективность труда
Университеты	Обеспечение методологической и прикладной ценности знаний	Повышение уровня успешности трудоустройства выпускников	Сопровождение и поддержка выпускников
Работодатели	Создание высокой аналитической культуры в организации	Снижение расходов на рекрутинг персонала	Снижение расходов на обучение и переобучение персонала

ных институциональных механизмов согласования рынков труда и образования в Беларуси. Среди многочисленных форм взаимодействия рынков образования и труда находится и производственная практика – один из ключевых механизмов «прямого» контакта сфер образования и занятости, действующий на образовательном этапе внутри линейных образовательно-профессиональных траекторий.

Стоит отметить, что сегодня уже в полной мере осознается актуальность трансформации традиционных подходов к организации образовательного процесса и его взаимодействия со сферой будущего приложения знаний и умений среди участников образовательного процесса. Так, лишь около 30 % выпускников вузов Беларуси считают пройденную производственную практику в полной мере полезной [6]. Идея практико-ориентированного бакалавриата и магистратуры предусматривает среди прочего и ряд характерных отличий инновационного подхода к организации производственной практики от традиционного подхода (табл. 2). Описанные нами выше трансформационные процессы и горизонты, видимые в контексте развертывания постиндустриального типа социума («общества знаний»), полностью созвучны приведенному ниже сравнению.

Таблица 2. **Традиционный и инновационный подходы к организации производственной практики [7, с. 66]**

Характеристика	Традиционный подход	Инновационный подход
Основное назначение практики	Совершенствование умений, полученных в результате обучения	Формирование компетенций в условиях практической деятельности
Участники процесса разработки задания на практику	Кафедра	Кафедра, предприятие, студент
Цели и задачи практики	Жесткая формулировка целей и задач	Гибкий, вариативный, студентоцентрированный подход
Задание на практику	Список задач и видов работ практиканта	Список задач, видов работ и требования работодателя к знаниевой компоненте компетенций практиканта

Окончание табл. 2

Характеристика	Традиционный подход	Инновационный подход
Практико-ориентированность задания на практику	Задание сформировано с учетом требований ФГОС ВПО и кафедры	В задании <…> учтены запросы работодателя на участие в решении реальных проблем предприятия
Оценка уровня подготовки студента	Проводится по завершении практики	Проводится до начала практики <…> и по итогам практики (уровень сформированности компетенций практиканта)
Система оценки	Традиционная 5-балльная, оценивает кафедра	Рейтинговая, оценивает кафедра и предприятие
Оценочные средства	Требования к качеству подготовки отчета и отзыва предприятия о прохождении практики	Комплекс оценочных средств: карта <…> компетенций, карта оценки личностных качеств практиканта, анкета студента
Участие предприятий-работодателей	Минимальное: предоставляют возможности проведения практики, отзыв о работе практиканта	Расширенное: участие в составлении задания, <…> участие в решении реальных проблем предприятия, формулировка требований <…>, комплексная оценка <…> практиканта по итогам практики

Системное изучение эффективности производственной практики как института-посредника предполагает широкое предметное поле, что предусматривает комплексную и долгосрочную программу социологических исследований. В процесс производственной практики вовлечены три ключевых актора, к которым относятся студенты, руководители кафедр университетов и работодатели (представители бизнеса, гражданского общества и государства). Такое исследование, учитывая контекст описанной выше прагматики и проблематики, **нацелено** на определение направлений, содержания и форм институциональных инноваций в пространстве взаимодействия рынков образования и труда. Для этого необходимо изучить процесс производственной практики и выявить ее типовые проблемные зоны с точки зрения различных акторов.

Производственная практика как процесс включает ряд этапов, на которых выполняются различные задачи и развертываются различные отношения между ее участниками – руководителем кафедры, научным руководителем, студентом-практикантом, руководителем предприятия (организации), сотрудниками предприятия (рис. 3). Хотя с формальной точки зрения технология организации и проведения производственной практики в различных учреждениях образования носит достаточно типичный характер, реальное ее протекание и совокупность соответствующих неформальных практик в значительной степени могут быть достаточно дифференцированы.

В соответствии с различными этапами и действиями вовлеченных акторов мы можем выдвинуть ряд гипотез (табл. 3), часть из которых получила

Рис. 3. Процесс производственной практики

эмпирическую проверку в исследованиях других авторов и требует проверки на основе соответствующих исследований среди студентов, кафедр и предприятий Беларуси.

Таблица 3. **Гипотезы об установках и действиях различных акторов в процессе производственной практики (ПП)**

Этапы	Студенты	Кафедры	Предприятия
Поиск организаций	Не хотят предлагать свои места для прохождения ПП	Ощущают дефицит предприятий для ПП	Не рассматривают ПП как источник ценности для предприятия[1]
Подбор практикантов	Исключены из процесса выбора места ПП	Не могут учесть интересы всех студентов	Не готовы проводить отбор (принимать участие в нем)
Управление практикой	Не имеют механизмов влияния на постановку задачи и ход ПП	Не координируют постановку задачи с предприятиями	Доминирует эксплуататорское отношение к практикантам
Прохождение практики	Преобладает недостаток практических знаний и компетенций	Ощущают недостаток обратной связи от практикантов в ходе ПП	Не хотят инвестировать ресурсы в практикантов[2]
Отчетность и оценка	Преобладает недовольство местом прохождения ПП[3]	Часто не удовлетворены качеством ПП	Формально оценивают результаты ПП[4]

[1] «Соответственно, и те и другие не слишком серьезно относятся к такой практике и зачастую предпочитают путь “наименьшего сопротивления”, подходя к практике формально, а нередко по взаимному соглашению просто “закрывая отчетные документы”» [8, с. 57].

[2] «96,8 % работодателей хотят выбирать и брать только лучших студентов; 87,4 % работодателей готовы предоставлять работу и рабочие места в соответствии с потребностями организации, а не интересами студентов; 64,7 % работодателей готовы привлекать студентов как “рабочие руки”, но без трудоустройства в штат компании и оплаты стоимости труда, без гарантий дальнейшего трудоустройства после окончания практики» [8, с. 60].

[3] Из-за ограничений в допуске к конфиденциальной коммерческой информации, «тривиальности» поставленной перед практикантом задачи [7, с. 74].

[4] Из-за ограничений в допуске к конфиденциальной коммерческой информации, «тривиальности» поставленной перед практикантом задачи [7, с. 74].

В апреле 2016 г. был проведен анкетный онлайн-опрос студентов-социологов, обучающихся на 4-м и 5-м курсах вузов Беларуси, ведущих подготовку по социологической специальности (БГУ, БГЭУ и МГУ им. А. А. Кулешова) и уже проходивших на момент опроса производственную практику. Всего в опросе приняло участие 64 студента 4-го и 5-го курсов, из которых 25,0 % обучались в БГУ, 26,6 % – в БГЭУ, 48,4 % – в МГУ им. А. А. Кулешова. Приведем полученные ниже данные исследования согласно сформулированным выше гипотезам об установках и действиях студентов в процессе прохождения практики.

На этапе поиска организаций наблюдается достаточно амбивалентная ситуация (рис. 4). С одной стороны, студенты знают, что могут предлагать свои места для прохождения производственной практики, часть которых по факту получает одобрение на кафедрах. С другой стороны, часть опрошенных студентов вообще не знает о том, что они могут предлагать места для прохождения производственной практики. Таким образом, наша гипотеза о том, что студенты могут предлагать места для прохождения производственной практики, подтвердилась.

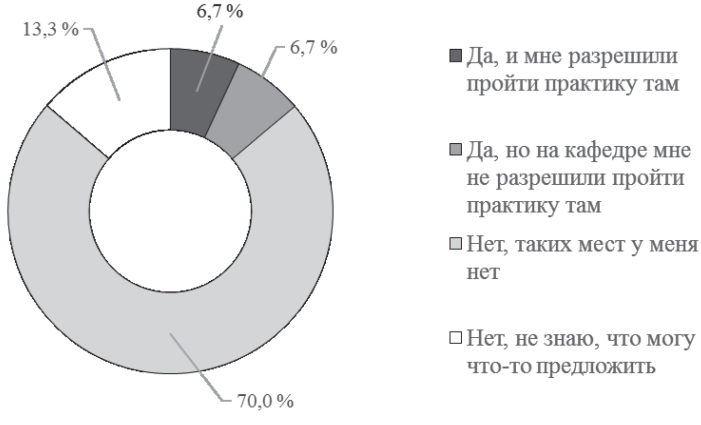


Рис. 4. Возможность предложения мест студентами для прохождения производственной практики ($N = 63$)

Доминирующую позицию в подборе мест для прохождения производственной практики имеют представители вузов и, в частности, кафедры (рис. 5). При этом 30 % опрошенных отметили, что им предлагалось на выбор несколько мест для прохождения практики. Стоит обратить внимание, что студенты не осведомлены об участии предприятий, даже если фактически таковое имеет место, поскольку проходит, как правило, на основе неформальных, личных связей между кафедрами и предприятиями. Гипотеза о том, что студенты полностью исключены из процесса выбора места, подтвердилась лишь частично.

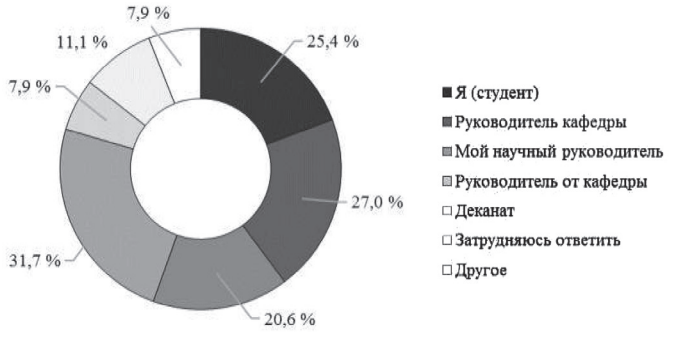


Рис. 5. Участники распределения студентов в организации для прохождения производственной практики ($N = 63$)

Подобная ситуация наблюдается и в зоне определения задач по производственной практике (рис. 6). По мнению студентов, кураторы от организации не являются определяющими лицами в постановке цели и задач практики. В значительной степени это связано с тем, что большинство студентов (около 60 %) проходят практику в научно-образовательных организациях (часто в своем же учебном заведении), а не организациях из иных «реальных» секторов экономики. Таким образом, гипотеза относительно отсутствия влияния на задачи и ход производственной практики со стороны студентов не подтвердилась.

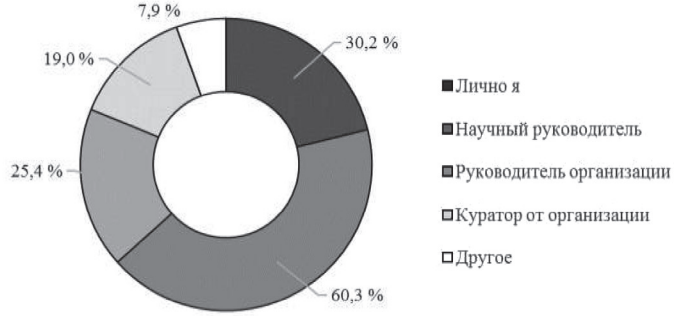


Рис. 6. Влияние на цель и задачи производственной практики со стороны акторов процесса ($N = 63$)

Среди прочих аспектов этапа прохождения практики было изучено восприятие студентами практической ценности знаний, полученных в учебном заведении, для прохождения производственной практики (рис. 7). Мнения респондентов разделились практически поровну. Особо следует обратить

внимание на тот факт, что часть студентов указали, что их профессиональные знания вообще не были востребованы в организации (предприятии), в которой они проходили производственную практику. В целом можно отметить, что гипотеза о том, что у студентов существует недостаток практических знаний и компетенций, в основном подтвердилась.

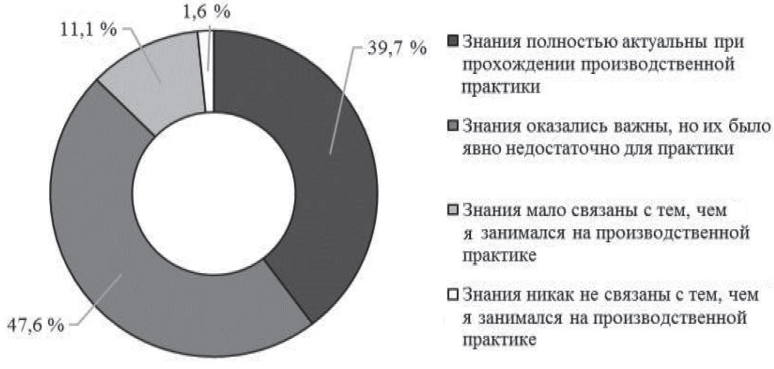


Рис. 7. Восприятие практической ценности знаний, полученных во время обучения в вузе, для прохождения производственной практики ($N = 63$)

Последняя гипотеза о том, что студенты чаще остаются недовольны местом производственной практики, также подтвердилась лишь частично (рис. 8). Вместе с тем разброс оценок имеет достаточно широкий диапазон: от очень довольных местом прохождения производственной практики (на 10 баллов) до очень недовольных студентов (3 балла и ниже). Подобное распределение оценок характерно и для удовлетворенности теми задачами, которые решаются студентами на практике. Подавляющее большинство из них (88 %) относится к проведению исследований, в то время как иные «кейсы» касаются решения прикладных практических задач предприятия (участие в разработке стратегии, новых продуктов, рекламных кампаний и т. п.).

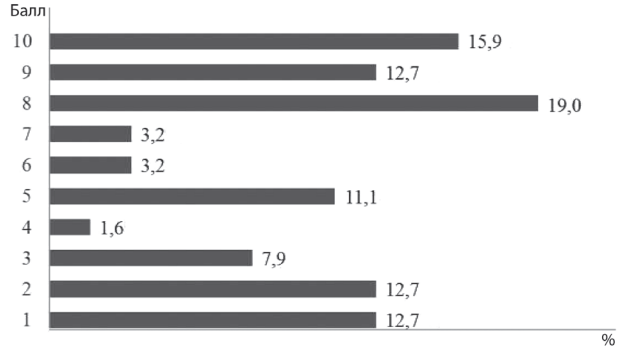


Рис. 8. Удовлетворенность студентов местом прохождения производственной практики ($N = 63$)

Среди мер по повышению эффективности практики, которые студенты отмечают как наиболее актуальные, были выделены: улучшение подбора мест для практики (56 %), учет интересов студентов (56 %), проведение специальной подготовки к практике (28 %), защита от «эксплуатации» со стороны организаций (28 %), увеличение времени прохождения практики (18 %). Среди компетенций, недостаток опыта в которых студенты ощущали наиболее остро, находятся: коммуникативная (24,5 %), лингвистическая (18,9 %), информационная (17 %), управленческая (15,1 %), юридическая (11,3 %). Данные аспекты позволяют в определенной степени судить об актуальных направлениях повышения эффективности производственной практики в организационном и содержательном аспектах.

По результатам проведенного опроса студентов социологической специальности можно сделать вывод о том, что в производственной практике как механизме взаимодействия рынков труда и образования имеют место определенные рассогласованность и проблемные зоны. Главным образом они состоят в том, что студенты и представители предприятий недостаточно включены в различные этапы организации и прохождения практики. Важно отметить, что данные выводы получены исходя из студенческой перспективы и требуют контекстной эмпирической оценки в рамках исследований дальнейших акторов данного процесса.

Тем не менее представленные данные позволяют отметить актуальность ряда задач, направленных на повышение эффективности производственной практики как института-посредника между рынками образования и труда. Речь идет о диверсификации мест практики, о повышении ценности практики в глазах «практиков», об улучшении практической компоненты университетского образования в целом. Развитие в сегодняшних университетах образовательных практик нового поколения, дополняющих методологическую подготовку актуальными знаниями и опытом прикладного характера, позволяет им рассчитывать на лидирующую роль в современных социокультурных реалиях.

Список использованных источников

1. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / ред. В. А. Бажанов, Р. Шольц. – М. : Навигатор, 2015. – 564 с.

2. *Рощин, С. Ю.* Измеряют ли стартовые заработные платы качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований / С. Ю. Рощин, В. Н. Рудаков // Вопр. образования. – 2015. – № 1. – С. 137–181.

3. *Назаренко, Ю. С.* Трансформация образовательных практик в современном социуме / Ю. С. Назаренко // Социол. альм. – 2016. – Вып. 7. – С. 208–216.

4. *Константиновский, Д. Л.* Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации / Д. Л. Константиновский, В. С. Вахштайн, Д. Ю. Куракин. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 224 с.

5. *Чередниченко, Г. А.* Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований) / Г. А. Чередниченко. – М. : ЦСПиМ, 2014. – 560 с.

6. Результаты опроса студентов и выпускников «Качество образования и участие в управлении вузами» [Электронный ресурс] // «Общественный болонский комитет». – 2015. –

Режим доступа: http://www.bolognaby.org/index.php/issledovanija-analitika/452-rezultaty-oprosa-studentov-i-vypusknikov-kachestvo-obrazovaniya-i-uchastie-v-upravlenii-vuzami-2. – Дата доступа: 06.10.2016.

7. *Котляревская, И. В.* Инновационный подход к организации производственной практики студентов вуза / И. В. Котляревская, Н. Ф. Одинцова // Университет. управление. – 2012. – № 1. – С. 65–75.

8. *Якимова, З. В.* Практико-ориентированный бакалавриат: опыт управления изменениями в вузе (на примере Владивостокского государственного университета экономики и сервиса) / З. В. Якимова, О. О. Мартыненко, В. И. Николаева // Университет. управление. – 2015. – № 1. – С. 56–66.

A. V. KAMAROUSKI, J. S. NAZARENKO

EFFICIENCY OF PROFESSIONAL PRACTICE IN BELARUSIAN UNIVERSITIES (ON THE EXAMPLE OF THE SURVEY OF STUDENT-SOCIOLOGISTS)

Summary

The article analyzes the post-industrial transformation of the systems of education and labor. Traditional and modern mechanisms for interlinking of social systems were problematized. The process of production practices, taking into account the specifics of its actors was conceptualized. Based on the example of graduate students of sociological specialties problematic issues of organization and conducting of practical training in universities of Belarus were identified.

Keywords: post-industrial society of knowledge, market education, labor market, practice-oriented education, educational and professional trajectory, professional practice.

Поступила 16.11.2016 г.

УДК 316.334.22

М. В. ЦЮХАЙ,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ РАБОТНИКИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена анализу работ советских социологов, в которых раскрываются различные аспекты становления и развития инженерно-технических работников как социально-профессиональной группы. Опыт советских социологов может быть полезен для современных исследователей при разработке методологических и методических основ изучения особенностей функционирования данной группы.

Ключевые слова: инженерно-технические работники, инженеры, интеллигенция, социально-профессиональная группа, престиж профессии.

В СССР профессии ученого и инженера были востребованы и относились к группе наиболее престижных. Этому во многом способствовали «крупные успехи СССР в освоении космоса, в реализации мирных и военных атомных проектов, в строительстве крупнейших гидроэлектростанций и т. п.» [1, с. 217]. В начале 1960-х гг. в Советском Союзе впервые были проведены социологические исследования оценок престижа занятий и профессий в сознании молодежи, а «пионерами этих исследований выступили новосибирские социологи под руководством В. Н. Шубкина. Наиболее престижными, по данным названного исследования, были занятия в сфере науки, инженерные специальности» [2, с. 68–69], подробнее см.: [3, с. 23–38]. Методику В. Н. Шубкина использовали и ленинградские социологи (исследование В. В. Водзинской) [3, с. 39–61].

Подчеркнем, что «субъективные оценки профессий следует рассматривать как преобразованное в головах людей отражение действительных связей, существующих в обществе, которое не может не оказывать влияния на реальное поведение определенных совокупностей» [3, с. 19]. Причем совокупностями, выступавшими объектом исследований советских социологов, в большинстве случаев становилось подрастающее поколение – выпускники школ, стоящие на пороге профессионального самоопределения. Также о весьма высоком престиже инженерной профессии исследователи часто судили по материалам профориентационных опросов школьников [4, с. 78].

Например, согласно данным эмпирических исследований престижа и привлекательности профессий в сознании выпускников школ г. Киева, полученных в 1971, 1975, 1981 и 1985 гг., было сделано заключение о том, что

«независимо от временных параметров исследования, группу наиболее престижных составляют, как правило, профессии и занятия, требующие для своего выполнения высшего образования. К ним относятся занятия в сфере науки, профессии инженерного труда, а также врача, учителя, летчика» [2, с. 14]. Отмечается, что «в целом описанная иерархия престижа профессий является характерной и для других исследований, проведенных в разных регионах страны» [2, с. 14]. То, что различные аспекты общественного престижа профессий изучались в основном применительно к выпускникам школ, стоящих перед выбором профессии, может быть обосновано положением «о слабом влиянии общественного престижа профессий на поведение и ценностные ориентации работников, определившихся в социальном и профессиональном планах» [2, с. 33]. Хотя и работающая молодежь, уже совершившая выбор профессии, выступала объектом исследования советских авторов. Так, в 1977–1978 гг. под руководством В. Н. Шубкина было проведено международное исследование «Жизненные пути молодежи в социалистическом обществе», анализ данных которого показал, что среди самых высокопрестижных юноши и девушки Болгарии, Венгрии и СССР выбрали профессии врача и инженера: «…они получили высокие оценки практически у всех категорий молодых рабочих и служащих этих стран…» [5, с. 87].

Высокий престиж инженерно-технического труда был обусловлен и его пропагандой средствами художественного кино, ведь через образы профессий и идеального работника в кино представлялись ценности определенной профессиональной деятельности [6, с. 35]. Социологическое исследование кинематографа в СССР с этой точки зрения впервые было предпринято Н. В. Костенко и В. Л. Оссовским [6]. Социологи выявили, что первую «пятерку» наиболее популярных киногероев в проанализированных ими фильмах составили представители художественной интеллигенции, ученые, высший управленческий персонал, инженеры и учителя [6, с. 134]. В целом в кинематографе просматривалась пропаганда профессий умственного труда [6, с. 75].

Особая социальная роль работников инженерно-технического профиля в советском обществе отражена в целом ряде социологических исследований. Отметим, что в советский период «профессиональные группы в основном исследовались в рамках социологии труда и производства, социологии организаций и социологии интеллигенции» [7, с. 8]. Далее в статье представлен краткий обзор отдельных исследовательских проектов, осуществленных в СССР в 1960–1980-е гг.

Социальные проблемы инженерно-технического труда анализировались в работе А. А. Зворыкина и А. М. Гелюты (1969). Исследования, проведенные ими на промышленных предприятиях в различных городах СССР, касались главным образом установок и оценки условий профессиональной работы инженерно-технических кадров [8]. Авторы провели количественный анализ места инженерно-технических работников (ИТР) в социальной структуре советского общества [8, с. 168–170]. Они отметили, что в СССР: 1) публиковались

данные о количестве лиц с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве (в группе лиц с высшим образованием особо выделяли инженеров, со средним специальным – техников); 2) в среднемесячном списочном составе трудящихся, работающих в промышленности, выделялась группа «инженерно-технические работники», в которой учитывались лица, занимающие инженерно-технические должности и имеющие как высшее, так и среднее техническое образование, также и любое другое нетехническое высшее и среднее специальное образование. Сюда включались и лица, получившие только общее образование (практики) [8, с. 170]. В первом случае критерием отнесения к ИТР выступало полученное образование, во втором – должностное положение. По мнению авторов, такое состояние статистики затрудняло сквозное исследование социальных проблем различных групп ИТР [8, с. 170]. В исследовательских целях они разработали классификацию ИТР по характеру выполняемой работы [8, с. 171]. Кроме того, авторы выявляют уровень удовлетворенности ИТР своей работой [8, с. 171–174], анализируют характер их труда [8, с. 174–176], выделяют выполняемые ими функции (связь с другими цехами и отделами; контроль за подчиненными; передача опыта работы; распределение заданий; организация работы на участке и в отделе; контроль за дисциплиной; планирование работы на участке; воспитание коллектива) [8, с. 176]. Уделено внимание анализу трудностей в деятельности ИТР [8, с. 178–181] и вопросам их экономического стимулирования [8, с. 182–185]. Особое место отведено анализу взаимоотношений подчиненных и руководителей [8, с. 185–188], выявлению оценок работниками положительных и отрицательных качеств своих руководителей [8, с. 188–190], а также определению причин ухода с предыдущего места работы [8, с. 190–192]. Показано, как ИТР используют свободное время [8, с. 193–194], проанализированы их дружеские связи [8, с. 194–196]. В целом исследование имеет выраженную эмпирическую направленность.

В книге ленинградских социологов С. А. Кугеля и О. М. Никандрова «Молодые инженеры. Социологические проблемы инженерной деятельности» (1971) отмечается, что «инженерный труд – это по существу своему сложная творческая деятельность, цель которой – технический прогресс и создание материальных ценностей» [9, с. 10]. В предложенном определении не выделены ключевые отличительные особенности труда инженеров, но подчеркивается его направленность. Своеобразие работе авторов придает тот факт, что они рассматривают понятие «молодой инженер» с культурно-технической позиции, то есть выделяют молодых инженеров не по возрасту, а по стажу инженерной работы [9, с. 23–24]. В книге анализируются изменения характера труда и структуры инженерных кадров под воздействием НТР [9, с. 25–73]. Ленинградские социологи при изучении инженеров как социально-профессиональной группы используют системный подход (подробнее см.: [9, с. 34–35]). Они указывают, что «инженером называют человека, знания которого дают ему возможность выполнять научную или техническую деятельность.

Примерно в этом же смысле считают, что инженер – лицо, получившее высшее техническое образование по определенной специальности. В этом определении указывается не характер самой деятельности, а… характер полученного образования» [9, с. 43]. В то же время авторы признают, что «на практике зачастую титул инженера присваивается по формально функциональному признаку – наличия в названии занимаемой должности слова “инженер”» [9, с. 43]. По характеру и содержанию труда авторы выделяют производственно-технических специалистов и работников, занятых научно-технической подготовкой производства (конструкторы, разработчики, исследователи и т. п.), по уровню специальной подготовки – дипломированных инженеров, дипломированных техников и практиков [9, с. 57]. А по характеру полученного образования инженеры делятся на окончивших политехнические институты, отраслевые втузы и отчасти университеты [9, с. 59].

В монографии также анализируются проблемы высшего технического образования [9, с. 74–128] и социальные факторы адаптации молодых инженеров [9, с. 129–168].

В 1973 г. выходит работа И. С. Мангутова «Инженер: (социолого-экономический очерк)», в которой раскрывается роль инженера как творца технического прогресса и новых, более совершенных форм организации его труда [10, с. 5–74]. И. С. Мангутов подчеркивает, что лишь «с развитием крупного машинного производства… появляется необходимость… в специалистах, которые осуществляют подготовку и организацию производства, проектируют конструкции и разрабатывают технологию изготовления продукции» [10, с. 19]. Автор задается вопросом: «…инженер – это должность, профессия, звание или квалификация?» [10, с. 32]. В итоге им делается заключение о том, что «инженер – это скорее звание, которое присваивается специалисту или после получения инженерного образования, или назначением на инженерную должность. Оно характеризует род занятий и только через определенное время превращается в профессию – устойчивый вид деятельности в конкретной сфере инженерного труда» [10, с. 32–33]. Изложенные рассуждения распространяются и на техников. И. С. Мангутов отмечает, что «понятие “инженер” выражает характер сложного вида деятельности, связанной с техникой, организацией промышленного производства. В качестве термина “квалификация” оно употребляется только для подчеркивания знаний и навыков более высокого порядка, чем у техников. Профессиональная подготовка инженеров и техников с учетом их специальности производится в вузах и техникумах, однако окончательное становление инженерно-технических профессий происходит на предприятиях, в НИИ, ПКО. Из состава инженерно-технических профессий формируется профессия руководителя» [10, с. 33]. Причем «принадлежность к инженерам… характеризуется не профилем образования… а прежде всего инженерными задачами и инженерными методами их решения» [10, с. 34–35].

По мнению автора, ИТР «выполняют в основном одновременно функции, связанные с технико-экономической и организационной подготовкой производства, и функции социального управления людьми. Существенная разница заключается только в количественном соотношении данных функций у различных категорий ИТР и в различных производственных обстоятельствах» [10, с. 40]. Среди основных специфических особенностей труда ИТР, отличающих его от труда рабочих, называются абсолютное преобладание умственной деятельности [10, с. 136], его преимущественно творческий характер [10, с. 137], особая роль и важность организации личного труда руководителя, которая непосредственно влияет на организацию труда подчиненных ему ИТР [10, с. 138]. Значительное место в книге И. С. Мангутова отведено поискам резервов повышения эффективности деятельности инженеров [10, с. 75–177].

В коллективной монографии «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция» (1979, 2-е изд. 2013) прослеживается соотношение личностных диспозиций инженеров и реального поведения. Отметим, что «диспозиции личности – фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом» [11, с. 10]. В основание проведенного ленинградскими социологами под руководством В. А. Ядова исследования была положена идея о том, что диспозиции личности не хаотичны, а образуют систему [11, с. 10], а ее важнейшей функцией выступает психическая регуляция социальной деятельности, социального поведения личности [11, с. 40]. Авторы избрали для изучения соотношения личностных диспозиций и реального поведения работу и досуг инженеров, занятых в проектно-конструкторских организациях. Выбор был аргументирован содержащимся в производственной деятельности инженера-проектировщика противоречием «между ориентациями и социальными установками работников по отношению к своей профессии и способам действий, с одной стороны, и фактическим поведением – с другой, поскольку проектная организация предъявляет довольно жесткие требования, не всегда согласующиеся с диспозициями каждого индивида»; доступностью объекта изучения в теоретическом, методическом и практическом отношениях; исключительно высокой значимостью работы инженеров [11, с. 49].

В результате были выделены 3 комплекса личностных и деловых качеств работников: 1) комплекс качеств, образующих показатели *самостоятельности-инициативности-творчества;* 2) комплекс *исполнительских* качеств; 3) комплекс качеств *ответственности-организованности* [11, с. 56]. В зависимости от того, насколько выражена у личности та или иная группа личностных и деловых качеств и как эти группы соотносятся между собой, инженеры были разделены на несколько типов. *«Инженеры поневоле»* отличаются профессиональной невовлеченностью, самыми низкими ориентациями и установками на все деловые качества при высокой согласованности диспо-

зиционной структуры. Группа *лиц, слабо идентифицированных с профессией,* ориентирована на материальную обеспеченность и исполнительность, отличается высокой согласованностью активированных диспозиций по комплексу исполнительности и согласованных, но ослабленных – по комплексу творчества-инициативности. *Группа, обладающая слабо согласованной диспозиционной структурой,* характеризуется умеренной вовлеченностью в профессию, довольно высокими обобщенными установками на деловые качества при неактивированных ситуативных установках, возможно, с умеренными показателями интеллекта. *«Инженерам по призванию»* характерна глубокая профессиональная идентификация, согласованность активированных диспозиций к творчеству и самостоятельности в работе, сравнительно слабые ориентации на ценности семейно-бытовой жизни, развитое чувство ответственности и несколько ослабленные диспозиции к исполнительности. Была выделена и *группа, отличающаяся высокими профессиональными притязаниями,* с активированными и согласованными на всех уровнях диспозициями к самостоятельности, ответственности и исполнительности; представители этого типа меньше, чем большинство, ориентированы на ценности семейно-бытовой сферы. Возможно, что здесь имеют место несколько умеренные способности [11, с. 204–205]. В целом исследование обладает ярко выраженной социально-психологической окраской.

В монографии В. В. Алёхина «Философские проблемы инженерно-технического труда» (1983) инженерно-технический труд рассмотрен в системе различных видов трудовой деятельности человека [12, с. 5–10]. Автор подчеркивает, что «инженерно-технический труд является одним из видов умственного труда» [12, с. 8] и «деятельной характеристикой субъекта труда – инженера, занимающегося профессионально-определенным техническим видом трудовой деятельности» [12, с. 9]. Он выделяет 5 видов инженерно-технического труда: научно-исследовательский, инженерно-технологический, инженерно-конструкторский, инженерно-технический эксплуатационный, инженерно-организаторский [12, с. 10] и анализирует первые три из них. Автор отмечает, что научно-исследовательский характер инженерный труд приобретает благодаря техническим наукам [12, с. 14], а его содержанием «является, с одной стороны, совершенствование и изобретение новых видов универсальных технических элементов, а с другой – разработка технических принципов работы различных типов и видов технических средств» [12, с. 16]. В монографии делается акцент на творческом характере инженерно-технологического труда [12, с. 22–42], подчеркивается, что он «является дальнейшей конкретизацией научно-исследовательского труда» [12, с. 28]. Далее анализируется инженерно-техническая деятельность конструктора [12, с. 42–50], указывается органическая связанность инженерно-технологической и инженерно-технической деятельностей конструктора [12, с. 42]. Подчеркивается, что «сердцевиной инженерно-технической деятельности является творческий акт, то есть сам

процесс возникновения оригинальной технической идеи» [12, с. 53], поэтому значительное место отведено анализу проблемы технического творчества в деятельности инженера-конструктора [12, с. 50–59], а также роли эстетического фактора в структуре современного труда и творчества [12, с. 59–81].

В работе Е. А. Шаповалова «Общество и инженер: философско-социологические проблемы инженерной деятельности» (1984) подробно раскрывается содержание понятия и сущность инженерной деятельности [13, с. 7–67]. С одной стороны, «суть технической деятельности состоит в решении технических задач, основное содержание которых составляют технические противоречия» [13, с. 17], с другой – «инженер имеет дело также с экономическими, организационными и другими социальными противоречиями, значительно влияющими на инженерное решение», и «если он не доводит их разрешение до уровня технических противоречий, содержание его деятельности перестает быть техническим, и она превращается в экономическую, организационную, общественную и т. п.» [13, с. 18–19]. Пытаясь определить границы профессиональной деятельности инженеров, автор выделяет ее отличия от деятельности научно-технических работников (отмечает, что «инженер – это практическая профессия; ученый преследует познавательные цели» [13, с. 20]) и рабочих. Так, если результаты инженерной деятельности, как правило, представляются в знаковом виде, а также в виде устных распоряжений, объяснений, указаний, то «техническими средствами труда рабочих являются… результаты инженерной деятельности (чертеж, схема) и орудия труда самого материального производства» [13, с. 23]. Подчеркивается диалектичность деятельности инженера и рабочего: «…результат инженерной деятельности опосредует воздействие рабочего на технику, а деятельность рабочего опосредует воздействие инженера на технику» [13, с. 24].

Чтобы идентифицировать в профессиональном плане субъекта инженерной деятельности – инженера, Е. А. Шаповалов проводит анализ структуры инженерной деятельности. Он отмечает, что «в самом общем и явном виде основную структуру инженерной деятельности составляют стадии проектирования» [13, с. 41]. Внешняя структура инженерной деятельности образуется связями с общественными техническими потребностями, научными и эмпирическими знаниями, материально-производственной деятельностью рабочих [13, с. 43] и дополняет, раскрывает ее основную структуру [13, с. 44], в то время как «для выяснения внутренней структуры трудовой деятельности инженера необходимо рассмотреть связь ее отдельных элементов или процесс инженерной деятельности» [13, с. 45]. Е. А. Шаповалов выделил следующие основные инженерные операции: 1) определение потребности [13, с. 45–46]; 2) выработка и принятие решения [13, с. 46–47]; 3) подготовка производства [13, с. 47]; 4) регулирование производства [13, с. 47]; 5) удовлетворение потребности [13, с. 47]. Первой из выделенных операций соответствует общее проектирование, 2-й – инженерные исследования и разработки, 3-й – проек-

тирование и конструирование, 4-й – производство и строительство, 5-й – эксплуатация [13, с. 46]. Кроме того, автор характеризует такие типы структур, как отраслевая, квалификационная и должностная [13, с. 52–54].

Подчеркивается, что «философско-социологический анализ инженерной деятельности предполагает прежде всего исследование специфики ее социальной функции» [13, с. 55], состоящей в том, что «она является причинным фактором технического прогресса общества» [13, с. 58]. Кроме того, инженеры воздействуют на развитие способностей и трудовых навыков рабочих [13, с. 65]. В монографии анализируются объективные причины становления и развития инженерной деятельности [13, с. 68–103], закономерности [13, с. 104–137] и современный этап ее развития [13, с. 138–177].

В коллективной монографии «Социальное развитие советской интеллигенции» (1986) авторы показывают место интеллигенции в социально-классовой структуре социалистического общества [14, с. 11–76], выделяют и характеризуют ряд ее социально-профессиональных отрядов (научно-техническая, медицинская, управленческая, учительская, художественная, военная), особое внимание уделяя раскрытию тенденций развития инженерно-технической интеллигенции (подробнее см.: [14, с. 77–122]), к которой отнесены ИТР, экономисты, бухгалтеры, занятые в сфере промышленного и строительного производства, транспорта, связи, специалисты сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, ветврачи и т. д.) [14, с. 5–6]. Специфическая социальная роль инженерно-технической интеллигенции в общественном производстве раскрывается через научно-техническую [14, с. 83], управленческую [14, с. 86], экономическую [14, с. 87–88] и идейно-воспитательную функции [14, с. 88].

Профессиональная структура инженерно-технических кадров «включает в себя не только группы по профессиям, но и по специальностям» [14, с. 93]. При этом «основными специальностями ИТР являются: конструкторы, технологи, механики, электрики, диспетчеры, бухгалтеры, нормировщики, экономисты, а также руководители коллективов и организаторы производства. Эти специальности на практике принято объединять в три основные профессиональные группы ИТР: 1) организаторы производства и руководители коллективов; 2) технические специалисты; 3) экономисты и бухгалтеры. По образовательному признаку инженерно-техническая интеллигенция состоит из трех групп: 1) специалисты высокой квалификации (дипломированные инженеры); 2) специалисты средней квалификации (дипломированные техники); 3) практики» [14, с. 94]. Последние «представляют собой неоднородную группу, состоящую из молодежи, не закончившей обучение в вузах или техникумах без отрыва от производства, но занимающих должности инженеров и техников… “Практики” – это также работники предприятий с большим опытом работы, имеющие полное или неполное среднее образование» [14, с. 96]. По преобладанию определенных функций инженерного труда и роли в управлении производством выделяют руководящий и исполнительский состав [14, с. 97].

В работе И. О. Мартынюка «Инженер в зеркале времени» (1989) сначала раскрывается история становления и развития инженерной деятельности [15, с. 9–50]. Но в условиях перестройки автор делает акцент на необходимости изучения новаторской деятельности и творческого потенциала инженеров, рассуждает о соотношении творческих и исполнительских элементов инженерного труда [15, с. 51–80]. Поставив перед собой в качестве одной из важных задач исследования конструирование социально-психологического облика творческого инженера, И. О. Мартынюк анализирует деловые качества, выявляет мотивацию вовлечения в творчество [15, с. 81–108], а также обращает свой взгляд в будущее, рассуждает о месте человека в мире техники [15, с. 108–153].

В коллективной монографии ленинградских социологов «Социальные аспекты интенсификации труда и подготовки инженеров» (1989) обращается внимание на возрастание значения инженерной деятельности в условиях перестройки [4, с. 6–36]. Авторы подчеркивают, что «инженеры и техники – наиболее крупная группа советской интеллигенции, прежде всего в результате их деятельности реализуется соединение науки и производства» [4, с. 3], и указывают, что первоначально термин «инженерно-технические работники» «отражал сущность деятельности, которой на производстве занимались инженеры и техники, и имел непосредственное отношение к инженерному труду. Сегодня понятие ИТР применяется также к значительной части служащих и почти ко всем руководителям. Неоправданное расширение объема этого понятия сделало его почти синонимом понятия “работник умственного труда на производстве”».

В зависимости от уровня подготовки авторы выделяют несколько групп технических специалистов: дипломированные инженеры, в том числе с научной квалификацией кандидата и доктора наук, дипломированные техники, ИТР-практики. Ядром технической интеллигенции являются дипломированные инженеры [4, с. 8]. Подчеркивается, что «в эпоху научно-технической революции профессия инженера становится многогранной: инженер выступает в качестве исследователя, конструктора, проектировщика, эксплуатационника, организатора производства. Однако, несмотря на эту многогранность, собственно инженерным делом остаются конструирование и проектирование» [4, с. 14].

Авторы обращаются к изучению проблемы профессионального и культурного роста инженеров [4, с. 37–77], анализируют механизмы интенсификации инженерного труда [4, с. 78–115], среди которых ими особо выделяются факторы и пути повышения престижа инженера [4, с. 78–88], социально-экономические механизмы [4, с. 88–104], улучшение социально-психологического климата в трудовом коллективе [4, с. 104–109], а также возможности идейно-политического воспитания [4, с. 109–115]. Уделяется внимание анализу социальных проблем молодых инженеров, в особенности вопросу их адаптации, изучению технического творчества этой категории работников [4, с. 116–136].

Кроме того, авторы обращаются к анализу передового опыта перестройки инженерного труда [4, с. 137–160] и перестройки содержания и форм подготовки инженеров [4, с. 161–213].

Новаторский характер носило исследование, осуществленное белорусским социологом Г. Н. Соколовой. В изданной в 1989 г. книге был представлен первый в советской литературе опыт социологического анализа роли культуры труда в социальном развитии технической интеллигенции [16].

Таким образом, советские авторы изучали как различные аспекты философско-социологических проблем инженерно-технической деятельности, так и с опорой на методы эмпирической социологии создавали социальные и социально-психологические портреты ИТР, отражая различные аспекты становления, развития и функционирования этой социально-профессиональной группы.

Список использованных источников

1. *Козина, И. М.* Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность / И. М. Козина, Е. В. Виноградова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 1 (131). – С. 215–230.

2. *Войтович, С. А.* Динамика престижа и привлекательности профессий / С. А. Войтович ; отв. ред. В. Ф. Черноволенко. – Киев : Наук. думка, 1989. – 132 с.

3. Социальные факторы выбора профессии // Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование / под ред. Г. В. Осипова и Я. Щепаньского. – М. : Мысль, 1969. – Разд. 1. – С. 18–112.

4. Социальные аспекты интенсификации труда и подготовки инженеров / А. М. Батуро [и др.] ; под ред. С. А. Кугеля, И. П. Яковлева. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 216 с.

5. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность / отв. ред. д-р филос. наук В. Н. Шубкин. – М. : Наука, 1984. – 214 с.

6. *Костенко, Н. В.* Ценности профессиональной деятельности : (опыт социологического исследования кино) / Н. В. Костенко, В. Л. Оссовский. – Киев : Наук. думка, 1986. – 151 с.

7. *Мансуров, В. А.* История российской социологии занятий и профессий / В. А. Мансуров, О. В. Юрченко // Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей / редкол.: Ю. В. Ермолаева [и др.] ; под ред. В. А. Мансурова. – М. : ИС РАН, РОС, 2013. – С. 8–20.

8. *Зворыкин, А. А.* Социальные проблемы инженерно-технического труда / А. А. Зворыкин, А. М. Гелюта // Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование / под ред. Г. В. Осипова и Я. Щепаньского. – М. : Мысль, 1969. – С. 168–196.

9. *Кугель, С. А.* Молодые инженеры. Социологические проблемы инженерной деятельности / С. А. Кугель, О. М. Никандров. – М. : Мысль, 1971. – 207 с.

10. *Мангутов, И. С.* Инженер : (социолого-экономический очерк) / И. С. Мангутов. – М. : Совет. Россия, 1973. – 224 с.

11. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В. А. Ядов [и др.] – 2-е расшир. изд. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с.

12. *Алёхин, В. В.* Философские проблемы инженерно-технического труда / В. В. Алёхин. – М. : Высш. шк., 1983. – 95 с.

13. *Шаповалов, Е. А.* Общество и инженер: философско-социологические проблемы инженерной деятельности / Е. А. Шаповалов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 183 с.

14. Социальное развитие советской интеллигенции / редкол.: С. Н. Быкова [и др.] ; отв. ред. д-р филос. наук, проф. Р. Г. Яновский. – М. : Наука, 1986. – 335 с.

15. *Мартынюк, И. О.* Инженер в зеркале времени / И. О. Мартынюк. – Киев : Политиздат Украины, 1989. – 159 с.

16. *Соколова, Г. Н.* Культура труда в социальном развитии технической интеллигенции: социологический анализ / Г. Н. Соколова ; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Наука и техника, 1989. – 176 с.

M. V. TSIUKHAI

ENGINEERING AND TECHNICAL WORKERS AS OBJECT OF STUDY IN SOVIET SOCIOLOGY

Summary

The article is devoted to the analysis of the works of Soviet sociologists in which the different aspects of formation and development of engineering and technical workers as socio-professional group are revealed. The experience of Soviet sociologists can be useful for modern researchers in the development of methodological and methodical bases of study of features of functioning of this group.

Keywords: engineering and technical workers, engineers, intelligentsia, socio-professional group, prestige of the profession.

Поступила 16.10.2016 г.

УДК 306.3

Е. Ю. ГУЛЬКО,
аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются особенности экологического сознания и поведения студенческой молодежи. Результаты проведенного эмпирического исследования свидетельствуют о том, что обеспокоенность студентами экологическими проблемами не находит выражения в их поведенческих практиках. Отмечается положительная оценка, связанная с осознанием ответственности и эффективности в решении экологических проблем городскими жителями.

Ключевые слова: экологическое сознание, экологические ценности, экологические знания, экологическое поведение, студенческая молодежь.

Преодоление экологического кризиса, вызванного человеческой деятельностью, невозможно без изменений в мировоззрении людей, в их отношении к окружающему миру, повышения уровня экологического сознания и претворения экологического поведения в повседневную практику.

Студенчество как социальная группа является наиболее активной и восприимчивой к изменяющимся условиям жизнедеятельности. Как отмечает Р. Инглхарт, новые модели поведения берет на вооружение в первую очередь именно молодое поколение, так как людям старшего возраста труднее отказаться от глубоко усвоенных привычек [1, с. 43].

Цель прикладного социологического исследования, проведенного автором в 2016 г., заключалась в определении уровня экологического сознания и экологического поведения студенческой молодежи г. Минска. Это нашло отражение в основных исследовательских задачах:

1) выявление наиболее значимых экологических проблем и уровня обеспокоенности данными проблемами;

2) определение значимости экологических ценностей в общей системе ценностей студенчества;

3) выявление уровня знаний и степени информированности по экологическим проблемам, программам по защите окружающей среды и деятельности экологических организаций;

4) характеристика экологического поведения студенчества.

В качестве объекта исследования выступали студенты 2–4-го курсов столичных вузов (БГУ, БГЭУ, БНТУ, БГУИР). Для сбора первичной социологической информации применялся метод анкетного опроса. Объем выборочной совокупности составил 625 студентов.

Актуальные экологические проблемы. В рамках проведенного исследования выяснялось отношение студенческой молодежи к экологическим проблемам. Наиболее актуальными проблемами окружающей среды, по мнению студентов, являются загрязнение выхлопами городского транспорта, загрязнение воздуха и радиационное загрязнение территории. Самые незначительные проблемы столицы, как считает студенческая молодежь, – это изменение климата и исчезновение отдельных видов птиц, рыб, растений, хотя и их актуальность весьма высока. Для 61 % студентов уровень обеспокоенности экологическими проблемами города можно оценить как высокий. 37 % минчан имеют средний уровень обеспокоенности по экологическим проблемам, 5 % – низкий. Такая ситуация может считаться весьма позитивной для Беларуси, так как более половины студентов отмечают важность экологических проблем для столицы и обеспокоены экологической обстановкой своего города.

Экологические ценности. Экологические ценности составляют часть более обширной системы ценностей. Ценности, являющиеся частью любой культуры, обозначают собой не только предмет или событие, но и предполагают определенную реакцию, выражающуюся в соответствующих социальных действиях. Российские социологи В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов метафорически называют ценности «осью сознания», предполагая, что восприятие человеком окружающего мира строится вокруг этой оси (см.: [2, с. 134]).

Среди представленных в анкетном опросе экологических ценностей данные распределились следующим образом: благоприятные экологические условия (53 %), сохранение природных ресурсов (47 %), забота об окружающей среде (39 %), повышение уровня экологической культуры (31 %), участие в экологически направленных акциях (21 %).

Полученные нами в ходе эмпирического исследования данные свидетельствуют о том, что экологические ценности не входят в число приоритетов студенческой молодежи. Они значительно уступают материальным и антропоцентристским приоритетам респондентов. Это подтверждают и результаты проведенных ранее исследований под руководством белорусского социолога Л. Г. Титаренко в 2010–2014 гг., в том числе и среди студенческой молодежи г. Минска [3].

Российский социолог И. А. Сосунова отмечает, что для стран СНГ все еще характерно подчиненное положение экологических ценностей в ценностной системе населения. Поэтому в ситуации реального выбора экологические ценности обычно проигрывают материальным ценностям, личной безопасности, состоянию здоровья и т. д. [4, с. 43].

Одним из компонентов формирования ценностных ориентаций экологического характера является отношение к природе. Респондентам было предложено 8 пар высказываний, характеризующих антропоцентрические и экологические установки, которые необходимо было проранжировать в порядке их значимости. Так, антропоцентрическую направленность характеризуют следующие установки: природа – часть национального богатства; природа –

экологическая среда обитания человека; природа – образец для создания новой техники и технологии; природа – источник ресурсов для развития промышленности и экономики; природа – источник познания закономерностей окружающего мира.

Соответственно экологическую направленность характеризуют следующие положения: природа – условие гармоничного развития человека; природа – условие нравственного развития человека; природа – вдохновитель искусства.

Согласно данным опроса, актуальность и значимость данных высказываний для студенческой молодежи распределились следующим образом:

1) природа – это экологическая среда обитания человека;

2) природа – часть национального богатства;

3) природа – это условие гармоничного развития личности;

4) природа – образец для создания новой техники и технологии;

5) природа – это источник ресурсов для развития экономики и промышленности;

6) природа – это условие нравственного развития человека;

7) природа – вдохновитель искусства;

8) природа – источник познания закономерностей окружающего мира.

Как мы видим из представленных данных, лидирующие позиции занимают высказывания, характеризующие антропоцентрическую направленность сознания. Позиции, связанные с экологической направленностью, менее популярны среди студентов. Это является свидетельством того, что в сознании молодого поколения антропоцентрические установки имеют приоритет перед экологическими установками.

Экологические знания. Экологические знания являются когнитивной составляющей экологического сознания и выступают в качестве его основного структурного элемента. Наличие или отсутствие знаний у человека в значительной мере определяет характер его поведения по отношению к природе [5, с. 19].

Студенты оценивают уровень своих знаний как средний, в числовом выражении интегральный показатель уровня знаний о проблемах окружающей среды составил 5, 6 из 10 возможных. Имеющийся уровень знаний по экологическим проблемам студенты считают недостаточным для переориентации своего поведения на экологический лад.

Ряд вопросов касался знания респондентов касательно деятельности экологических организаций и проведения специальных мероприятий, направленных на защиту окружающей среды. При ответе на вопрос: «Слышали ли Вы о реализации в вашем городе программ, направленных на защиту окружающей среды?» данные распределились следующим образом: «такие программы есть, и я знаю о их существовании» – 14,6 % опрошенных, «я что-то слышал о таких программах, но точно не знаю, какие проблемы они решают» – 39,5 %,

«я ничего не слышал и не знаю о таких программах» – 28,2 %, затруднились с ответом 17,7 % респондентов. Что касается знаний студентов относительно деятельности экологических организаций, получены следующие варианты ответа: «такие организации есть, и я знаю о их работе» – 11,6 %, «я что-то слышал о таких организациях, но точно не знаю, чем они занимаются» – 34,7 %, «я не слышал о работе таких организаций» – 32 %, затруднились с ответом 21,4 % опрошенных. Представленные данные говорят о том, что студенты в большинстве своем не имеют четких представлений и не знают о наличии программ, направленных на защиту окружающей среды, и деятельности экологических организаций. Это может быть связано со слабой информированностью по данным вопросам, а также отсутствием интереса к экологической проблематике со стороны студенческой молодежи.

Несмотря на то что большая часть респондентов считает свои знания недостаточными для переориентации на более экологичный лад, в качестве основного препятствия для экологически ориентированного образа жизни большинство ответивших указали нехватку собственной инициативы граждан (55,8 % студентов). Второй по популярности причиной, препятствующей экологически ориентированному поведению, студенты называют нехватку поддержки и конкретных мер со стороны государства (32,4 %). Самым непопулярным ответом в данном вопросе стали варианты «отсутствие условий для реализации желаний на практике» – 18,8 % и «отсутствие научных знаний» – 6,1 %.

Основными источниками информации по экологической проблематике являются знания, полученные в школе/вузе – 69,4 %, Интернете – 51,4 %, по телевидению – 12,4 %.

Экологическое поведение. Экологические знания выступают в качестве своеобразного мостика между сферой сознания и поведения. Вместе с тем, насколько не был бы высоким уровень экологического знания, его главное назначение – использование в практической деятельности [6].

По самооценке студентов, свой образ жизни в той или иной мере экологически ориентированным считают 75,2 % студенческой молодежи. Причем больше половины студентов (63,3 %) отмечают, что за последние пять лет их образ жизни изменился в сторону защиты окружающей среды.

Вместе с тем обеспокоенность студенческой молодежи проблемами окружающей среды никак не сказывается на практической реализации. В этом и состоит главное противоречие: с одной стороны, студенты проявляют обеспокоенность проблемами окружающей среды, а с другой – подавляющее большинство из них (81 %) не предпринимает конкретных действий, направленных на улучшение экологической среды.

Среди тех, кто предпринимал действия для решения той или иной экологической проблемы, ответы распределились следующим образом:

вложили деньги в ту или иную акцию по защите окружающей среды – 7,6 %;

проголосовали за определенную кандидатуру на выборах – 5,4 %;

участвовали в качестве добровольца в акции по защите окружающей среды – 3,4 %;

написали жалобу в местные органы власти – 1,8 %;

стали членом организации по защите окружающей среды – 0,7 %.

Как мы видим из представленных данных, преобладающими являются все же пассивные формы экологического поведения.

Ряд вопросов был направлен на выявление мнений студентов относительно того, кто должен нести ответственность за решение экологических проблем и кто является наиболее эффективным в решении этих проблем.

По мнению студентов, в первую очередь ответственность за решение экологических проблем должны нести городские власти – 41,2 % и городское население – 39,5 %. Лишь 13,3 % респондентов связывают решение экологических проблем с деятельностью экологических организаций, а 2,7 % – с бизнес-структурами. Эти данные говорят о том, что студенты, несмотря на то, что большую ответственность возлагают на деятельность государства, все же осознают и свою ответственность в этом процессе. Подобная ситуация касается и эффективности в решении экологических проблем и защиты окружающей среды. Среди институтов наиболее эффективны, по мнению респондентов, в решении экологических проблем опять же городские власти – 43,5 %, городское население – 30,6 %, экологические организации – 20,4 %, незначительная роль принадлежит бизнесу – 2,7 %.

Что касается действий, которые бы студенты порекомендовали для улучшения окружающей среды, то треть респондентов (32 %) наиболее существенной мерой считают повышение качества экологического образования в школах и вузах города, проведение общественных кампаний/акций по защите окружающей среды (31,3 %), а также повышение информированности населения по экологическим проблемам города (17,7 %).

Экологическое поведение, как правило, связано с выбором индивида между защитой окружающей среды и развитием экономики. Выбирая экологически ориентированный образ жизни, человек сознательно жертвует какими-то сторонами своей жизни в пользу более дружественного отношения к окружающей среде [7, с. 162]. Анализ ответов на вопрос о предпочтениях респондентов показал, что:

готовы жертвовать развитием экономики, чтобы защитить окружающую среду – 51,4 %;

готовы жертвовать качеством окружающей среды во имя развития экономики – 11,2 %;

нет нужды ничем жертвовать, поскольку развитие экономики не влияет на качество окружающей среды – 37,4 %.

Несмотря на то что половина респондентов отмечают готовность жертвовать развитием экономики во благо защиты окружающей среды, не может

остаться без внимания тот факт, что треть студенческой молодежи не осознает взаимосвязи между развитием экономики и состоянием окружающей среды. А ведь главный стержень концепции устойчивого развития – это синтез трех основных составляющих: экономической, социальной и экологической. Именно согласование и сбалансированность этих различных точек зрения являются основой устойчивого развития.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что у студенческой молодежи доминируют материальные ценности, в то время как экологические значительно уступают им и не входят в сферу интересов респондентов. Студенты оценивают уровень своих знаний как средний, но недостаточный для переориентации своего поведения на более экологический лад. Наблюдаются низкий уровень знаний и слабая информированность о деятельности экологических организаций и проведении программ, направленных на защиту окружающей среды. Несмотря на то что лидирующие позиции по показателям ответственности и эффективности в сфере решения экологических проблем, по мнению студентов, занимают городские власти, растет осознание ответственности самого городского населения, что отмечает треть респондентов.

Вместе с тем сохраняется главное противоречие, которое фиксируется уже на протяжении ряда исследований, проводимых российскими и белорусскими учеными [3; 6; 7]. С одной стороны, студенты проявляют обеспокоенность проблемами окружающей среды, а с другой – подавляющее большинство респондентов не предпринимает конкретных действий, направленных на решение экологических проблем и защиту окружающей среды.

Список использованных источников

1. *Инглхарт, Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое изд-во, 2011. – 464 с.

2. *Шмелева, И. А.* Психология экологического сознания / И. А. Шмелева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 204 с.

3. *Титаренко, Л. Г.* Экологическое поведение в обществе риска: эмпирические типы (на примере города Минска) / Л. Г. Титаренко // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2014. – № 2. – С. 85–91.

4. *Сосунова, И. А.* Социально-экологические доминанты интеграционно-адаптационных процессов на постсоветском пространстве / И. А. Сосунова // Вестн. Междунар. Акад. наук (рус. секция). – 2009. – № 1. – С. 41–47.

5. *Карако, П. С.* Социальная экология: экологическое сознание / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2011. – 215 с.

6. *Егорова, Л. Г.* Динамика экологического сознания горожан (на примере г. Казани) [Электронный ресурс] / Л. Г. Егорова, П. О. Ермолаева, Е. П. Носкова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-ekologicheskogo-soznaniya-gorozhan-na-primere-g-kazani. – Дата доступа: 12.09.2016.

7. *Титаренко, Л. Г.* Экологически ориентированный образ жизни как составляющая высокого качества жизни населения и устойчивого развития общества / Л. Г. Титаренко // Социол. альм. – 2011. – № 2. – С. 157–164.

E. YU. GULKO

PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR OF STUDENTS

Summary

The article discusses the features of environmental awareness and behavior of college students. The results of empirical studies show that students' concern of environmental problems does not find expression in their behavioral practices. There is a positive evaluation of the sense of responsibility and effectiveness in solving of the environmental issues by urban residents.

Keywords: environmental consciousness, environmental values, environmental knowledge, environmental behavior, students.

Поступила 31.10.2016 г.

УДК 378.014.543(4)

Н. В. РЕХТИНА,

кандидат социологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Г. А. КРАСНОВА,

доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЕЖИ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье отражены результаты социологического исследования по проблемам трудоустройства молодежи в возрасте от 17 до 30 лет в России, проведенного специалистами РАНХиГС в 2015 г. Исследование выявило основные сложности, с которыми сталкивается молодежь при получении первого опыта работы: неформальная занятость, нарушение трудовых прав, неравенство в оплате труда и др. Сложившуюся ситуацию авторы исследования связывают с низкой эффективностью государственной политики, профориентационной работы в образовательных учреждениях, устаревшими социальными установками, а также негласным консенсусом работодателей, которые стремятся сократить риски, связанные с наймом молодых людей. Перспективными направлениями в решении занятости молодежи авторы считают повышение эффективности мер регулирования рынка труда; перестройку системы профессиональной ориентации, организации обучения (стажировок) и др.

Ключевые слова: молодежь, трудовая социализация, неформальная занятость, возрастная дискриминация, молодежная безработица, неравенство, трудовые права.

Теоретические основы проблемы занятости молодежи. С точки зрения социологии и экономики труда молодежь является одной из групп риска в контексте построения государственной политики, направленной на вовлечение в занятость всех категорий населения [1, с. 53]. С переходом к рыночным отношениям в России распространились практики, призванные сократить издержки работодателей путем создания неформального сектора занятости. Особенно такие практики затрагивают труд наименее квалифицированных и при этом наиболее молодых граждан, которые, согласно законодательству Российской Федерации, могут вступать в трудовые отношения с 15 лет. Такое положение дел ухудшает условия воспроизводства рабочей силы, а в среде молодежи развиваются «антимотивы» и «антистимулы» к труду [1, с. 113].

Социологическая наука видит в проблеме трудоустройства молодежи еще более широкий контекст: труд рассматривается как одна из форм социализации и адаптации [2, с. 2]. Поскольку эти процессы регулируются правовыми нормами, их успешность можно оценить, исследовав фактическое отклоне-

ние от соблюдения этих норм посредством социологического исследования. В рамках такого исследования также можно точно оценить масштабы отклонений и от социальных норм, характерных для социализации современной молодежи. К таким особенностям, к примеру, можно отнести стремление молодежи совмещать учебу с трудовой деятельностью, почти не связанной с личными интересами или получаемой специальностью [3, с. 49].

В рамках проведенного исследования молодежной занятости и безработицы в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) в 2015 г. были рассмотрены основные проблемы трудовой социализации молодежи в возрасте от 17 до 19 лет. Важность дальнейшей социализации именно этой группы связана в первую очередь с тем, что ее численность крайне мала. К моменту вступления в активную трудовую деятельность она должна будет заменить куда более многочисленное старшее поколение, уходящее на пенсию. Сохранение текущего положения самых молодых работников грозит в будущем обернуться усилением напряженности и диспропорций на рынке труда.

Официальная статистика констатирует наличие востребованности российским рынком труда молодежных рабочих ресурсов. При существующем уменьшении общего числа молодежи в Российской Федерации эта востребованность экономически активной молодежи компенсируется сокращением уровня безработицы в молодежной среде. Между тем молодежь, наряду с работниками пенсионного возраста, является одной из самых незащищенных групп на рынке труда, особенно если эта трудовая занятость носит временный характер и сочетается с получением образования. Как правило, к такой группе молодежи относятся девушки и юноши в возрасте от 15 до 19 лет. Они являются самой молодой группой экономически активных граждан, занятых в экономике России, то есть они представляют собой будущее рынка труда, которое наступит через 3–5 лет. В то же время получение первого опыта трудоустройства у данной возрастной группы связано с рядом характерных негативных факторов, которым посвящена данная статья.

Согласно методологическому подходу Федеральной службы государственной статистики, к «молодежи» относится возрастная группа населения от 15 до 29 лет [4], а в ней выделяются следующие подгруппы: 15–19 лет, 20–24 года, 25–29 лет.

Группа молодежи в возрасте 15–19 лет составляет 4,8 % от общей численности населения Российской Федерации, причем именно для этой группы характерно самое интенсивное падение численности. С точки зрения вовлечения молодежи в рынок труда наблюдается сокращение численности экономически активной и экономически неактивной молодежи. Эта тенденция присуща и рассматриваемой группе молодых людей от 15 до 19 лет.

С 2004 г. численность экономически неактивных представителей этой группы сократилась с 10 403 тыс. человек до 6945 тыс. человек в 2013 г., тогда как численность экономически активных девушек и юношей упала с 2 млн до 637 тыс. человек в эти же годы.

По данным статистики, в возрастной группе 15–19 лет занятые в экономике составляют 73,9 %, безработные – 26,1 %. Данная ситуация традиционно связана с более сильной ориентацией молодого поколения на продолжение обучения в различных учебных заведениях.

Методология исследования. Исследование построено с учетом методических материалов Международной организации труда (МОТ) при проведении аналогичных исследований в России и других странах [5].

Для проведения опроса была спроектирована репрезентативная выборка молодежи в возрасте от 17 до 30 лет, основанная на данных Всероссийской переписи населения 2010 г. и Переписи населения Крымского федерального округа (далее – ФО) в 2014 г. Объем выборки исследования – 1500 респондентов.

Классификация субъектов Российской Федерации проводилась по уровню безработицы в соответствии с методологией, предложенной в работе Н. А. Ивановой и И. К. Бурмистровой [6], были отобраны 27 субъектов Российской Федерации. Дополнительно в выборку включены Москва, Санкт-Петербург, Республика Крым и город Севастополь. Построенная по предложенной методике выборка одновременно репрезентирует молодежь в целом по стране, группам регионов с различным уровнем безработицы, типу населенных пунктов, полу и возрастным группам.

Низкая занятость молодых людей. Низкий уровень занятости молодежи, в первую очередь, обусловлен значительным числом молодых людей, включенных в формальное образование. В самой молодой возрастной группе (15–19 лет) с 2004 по 2013 г. уровень занятости упал практически в два раза с 11,6 до 6,7 %. В этой же группе наблюдается самый высокий уровень безработицы. В 2013 г. он составил 26,1 % от экономически активного населения соответствующей возрастной группы, что в пять раз превышает данные по безработице по стране в целом.

Несмотря на специальные субсидии из бюджета Российской Федерации, направленные на стимулирование занятости молодых людей в возрасте 14–18 лет, почти половина из выпускников средней школы (46 %) не планирует трудоустройство в ближайшее время. В целом же выпускники школ составляют 33 % от незанятой молодежи.

Самые молодые люди не спешат выходить на рынок труда. Не исключено, что такая тенденция связана с тем, что, впервые приступая к работе, юноши и девушки в возрасте 15–19 лет сталкиваются с наиболее неблагоприятными условиями труда, несмотря на ряд льгот, предусмотренных для них законодательством. В первую очередь, уязвимое положение связано с их низкой квалификацией и отсутствием опыта работы. По данным статистики на 2013 г., из числа безработных в возрасте 15–19 лет доля имеющих опыт работы составляет всего 15,6 %. Тем не менее представители этой группы тратят меньше других молодежных групп времени на поиск работы: среднее время поиска работы составляет 4,8 месяца. Самыми частыми причинами ухода с прежнего места работы являются: поступление на учебу – 21,4 % и окончание срока

действия срочного трудового договора – 17,9 %. Следует обратить внимание на то, что у молодежи до 19 лет значительную роль в выборе места работы играет семья. Так, 50 % отказались от предлагаемой работы из-за ее неодобрения членами семьи. Это может быть обусловлено тем, что родители хотят видеть своего ребенка на престижном месте работы, поэтому не всегда поощряют его желание пойти зарабатывать деньги не по специальности.

Примитивная структура занятости. Низкая квалификация и малый опыт работы обусловливают отраслевую структуру занятости самых молодых работников. Чаще всего они трудятся в качестве неквалифицированных рабочих по общим специальностям для всех видов экономической деятельности (28,3 %), квалифицированных работников сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыбоводства и рыболовства (24,8 %), а также работников сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности (20,3 %) и др.

Если типичный трудовой старт для молодых людей в Российской Федерации – это оплачиваемая работа по найму у работодателя вне зависимости от уровня образования на момент поиска первой работы (от 85 до 100 % представителей различных групп), то среди молодых людей, окончивших 9 классов школы, – это более редкий вариант.

Реже других с оплачиваемой работы по найму начинали свою трудовую жизнь молодые люди, окончившие 9 классов школы, а каждый четвертый начинал с бесплатной работы на свою семью.

После 11-го класса некоторые молодые люди находили для себя стажировку и производственную практику, но такие возможности получили не более 2 % опрошенных.

Неформальная занятость и правовая уязвимость. С точки зрения юридического оформления трудовых отношений с работодателями, представители исследуемой возрастной группы являются самыми уязвимыми по сравнению с другими молодежными группами. Девушки и юноши в возрасте 17–19 лет чаще других трудятся на основе устного соглашения и договора гражданско-правового характера и реже других заключают письменный трудовой договор.

Иными словами, 66 % трудящихся молодых людей этого возраста лишены полностью или частично базовых прав, гарантированных трудовым законодательством другим россиянам. Такое положение дел можно объяснить низкой квалификацией молодых работников. Устная договоренность и договор гражданско-правового характера – это самые распространенные способы оформления отношений у работников со средним полным общим образованием по сравнению с более образованными группами молодых людей.

В то же время работодатель стремится избавиться от рисков, связанных с ограничениями, которые налагает на него законодательство в случае найма несовершеннолетнего гражданина. Трудовой кодекс Российской Федерации ограничивает рабочую неделю и рабочий день таких работников, запрещает

использовать их на тяжелом или опасном для здоровья и развития производстве, обязывает предоставлять отпуск по первому требованию, а также вынуждает работодателя заручиться согласием Государственной инспекции по труду и комиссии по делам несовершеннолетних при расторжении договора с несовершеннолетним сотрудником. Поэтому в возрастной группе 15–19 лет самый высокий процент работающих не по найму – 27,4 %, тогда как в группе 20–29 лет – только 5,3 %.

Тем не менее исследование выявило, что молодые работники 15–19 лет чаще трудятся неполный рабочий день. В среднем на одного занятого представителя возрастной группы 15–19 лет приходится 32,4 часа, отработанных в неделю, при этом около четверти молодых работников работали менее 20 часов, тогда как работники в возрасте 20–29 лет в среднем трудятся по 38 часов в неделю. Это говорит о том, что фактически некоторые ограничения работодателями все же соблюдаются, а сами молодые люди не готовы отдавать все свое время работе.

Молодые специалисты 17–19 лет чаще представителей других возрастных групп заключают срочные трудовые договоры: 47 % от общего числа договоров против 12–19 % у более старших возрастных групп. Они подписывают срочные договоры на выполнение специальных задач (40 %) или на сезонные работы (30 %). Этот возраст подразумевает наличие летних студенческих каникул, во время которых молодежь стремится подрабатывать. Договоры сроком менее 6 месяцев чаще всего заключают молодые люди 17–19 лет (84 %), а также работники, не имеющие высшего образования (40 %), или студенты очной формы обучения (50 %). Почти каждый четвертый работодатель стремится к установлению отношений с ограниченным сроком, не ориентируясь на длительные отношения, что называется, с первого шага.

Неравные условия труда и проблемы заработной платы. С точки зрения удовлетворенности условиями договора молодые люди в возрастной группе 17–19 лет чаще других групп молодежи отмечали, что трудовое соглашение не дает необходимой гарантии занятости: 88 % неудовлетворенных этим условием находятся именно в исследуемой возрастной группе. Вторая причина неудовлетворенности, которая тревожит юношей и девушек, – это неравенство по сравнению с другими работниками. «У меня меньше прав, чем у других работников», – такой ответ на вопрос о неудовлетворенности условиями договора дали 50 % опрошенных.

В то же время исследуемую возрастную группу совершенно не тревожит отсутствие перспектив личного или карьерного роста в рамках заключенного трудового договора. Это свидетельствует о том, что молодые работники не рассматривают первое место работы как старт для карьеры и не строят долгосрочных планов до завершения образования.

Как и следовало ожидать, самая юная возрастная группа молодых работников получает наименьшую заработную плату. Большинство молодых людей 17–19 лет последнюю зарплату на основной работе получили в размере

10–15 тыс. рублей (21 %) и 15–20 тыс. рублей (21 %), в то время как в возрасте 20–22 лет большинство респондентов заработали за последний месяц 15–20 тыс. рублей (18 %). В более старшем возрасте преобладает группа работников с зарплатой 25–30 тыс. рублей.

Основные обладатели «серых» зарплат – молодежь 17–19 лет. Доля наемных рабочих этого возраста, получающих всю зарплату в конверте, составляет 26 %. Официальный заработок имеют только чуть более половины респондентов (54 %). Для сравнения приведем цифры для работников в возрасте 28–30 лет. Доля «белых» зарплат составляет 82 %, доля зарплат в конверте – лишь 3 %. Таким образом, молодые работники не только получают в среднем более низкий доход, но и получают этот доход неофициально, лишаясь тем самым отчислений в Пенсионный фонд России и Фонд социального страхования России.

У работников исследуемой возрастной группы также наиболее ощутимы отклонения от общепринятых схем выплат. Заработную плату один раз в месяц получает большинство респондентов (37 %). Также в этой группе значимыми в сравнении со средними значениями по выборке в целом и показателями по группам работников более старших возрастов являются выплаты один раз в неделю (17 %) и ежедневные (10 %).

Что касается льгот, то работникам в возрасте 17–19 лет работодатель не предлагает никаких льгот и поощрений, ни обязательных, ни добровольных (20 %), тогда как в среднем по всем молодежным группам льгот лишены только 6 % респондентов.

Выводы и рекомендации. Исходя из обозначения проблем: в рамках исследования были выявлены основные проблемы трудоустройства самой молодой группы российской молодежи. Во-первых, это проблема низкой вовлеченности данной группы в трудовые отношения в рамках российской экономики при одновременном сокращении удельного веса этой группы. Это связано как с психологическими и социальными установками молодых россиян, так и с неблагоприятными условиями, которыми характеризуется первый опыт трудовой деятельности. Относительно позднее вступление в трудовые отношения программирует завышенные ожидания и затрудняет профессиональную ориентацию. Ранняя занятость у молодежи носит довольно примитивный характер, поэтому получаемый опыт в сельском хозяйстве и на низкоквалифицированных специализациях не позволяет использовать его ни в процессе профориентации, ни при выходе на рынок труда после окончания профессиональных и высших учебных заведений.

Во-вторых, выявлена проблема формализации отношений: самые молодые работники значительно чаще, чем представители других возрастов, вступают в неформальные отношения с работодателями, не закрепленные никаким договором и, таким образом, попадают в зону повышенной уязвимости (36 % данной группы). Они же чаще других работают по гражданско-правовым договорам, которые существенно урезают минимальные трудовые права.

Из неформальной занятости проистекает третья проблема: неравенство молодых работников, которое проявляется главным образом в размере и характере оплаты труда. Заработок молодежи настолько низкий, что является самой частой причиной отказа от поиска работы или оставления текущего рабочего места у данной возрастной группы. При этом самые молодые работники чаще других работают за «серую» или «черную» зарплату, а также получают ее реже двух раз в месяц.

Принимая во внимание малый социальный опыт молодых работников, сложившееся положение дел формирует у молодежи толерантность к пренебрежению трудовыми правами или негативные представления и установки, которые проявятся на более поздних этапах трудовой социализации.

Едва ли все вышеперечисленные проблемы можно объяснить только естественно более низкой конкурентоспособностью молодых людей в возрасте 17–19 лет. Сложившаяся ситуация обусловлена низкой эффективностью государственной политики, профориентационной работы в образовательных учреждениях, а также устаревшими социальными установками, которые культивируются в семьях. Тем не менее, на наш взгляд, главным фактором является негласный консенсус работодателей, которые стремятся сократить издержки и риски, связанные с наймом молодых людей. Это подтверждается предложенными работодателями в ходе опроса мерами, направленными на решение проблем трудоустройства молодежи с низкой квалификацией. Эти меры связаны с введением льготной системы налогообложения для предприятий со значительной долей молодых сотрудников (71 %), снижением отчислений во внебюджетные фонды с заработной платы молодых специалистов (48 %) и также снижением отчислений с заработной платы молодых людей 17–22 лет, совмещающих работу и обучение. Иными словами, работодатели выступают за легализацию фактически сложившихся на рынке труда отношений с молодыми работниками.

Отчасти признавая правоту практиков, ограничиться предложенными мерами нельзя. Необходимо также:

расширение возможностей занятости и трудового опыта молодежи или приобретение молодежью трудового опыта путем производственного обучения (стажировок);

поддержка частного сектора, создающего достойные рабочие места для молодежи;

повышение эффективности мер регулирования рынка труда в целях расширения перспектив молодежной занятости;

сопровождение центрами занятости проведения более эффективной работы при трудоустройстве и после трудоустройства в течение трех лет;

проведение анализа и перестройки системы профессиональной ориентации.

Список использованных источников

1. Экономика и социология труда: (социально-трудовые отношения) [Электронный ресурс] : учеб. / под ред. В. А. Гаги. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та. – 2008. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-osmyslenie-fenomena-detskogo-truda-v-kontekste-neformalnyh-sotsialno-ekonomicheskih-otnosheniy. – Дата доступа: 20.04.2016.

2. *Самсонова, Т. И.* Трудовая социализация молодежи: проблемы и тенденции / Т. И. Самсонова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2012. – № 4 (14). – С. 41–50.

3. *Федотова, Е. П.* Теоретическое осмысление феномена детского труда в контексте неформальных социально-экономических отношений / Е. П. Федотова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.

4. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2014 г. (статистический бюллетень) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_111/Main.htm. – Дата доступа: 28.05.2015.

5. *Росас, Д.* Руководство по составлению национальных планов действий в области молодежной занятости [Электронный ресурс] / Д. Росас, Д. Россиньотти. – Режим доступа: www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/.../wcms_140782.pdf. – Дата доступа: 10.06.2015.

6. *Иванова, Н. А.* Классификация регионов России по уровню безработицы [Электронный ресурс] / Н. А. Иванова, И. К. Бурмистрова // Экон. науки. – 2015. – № 3 (124). – С. 11–17. – Режим доступа: http://ecsn.ru/files/pdf/201503/201503_11.pdf. – Дата доступа: 10.06.2015.

N. V. REKHTINA, G. A. KRASNOVA

THE PROBLEMS OF YOUTH EMPLOYMENT IN RUSSIA

Summary

The article devotes to the results of sociological survey on problems of youth employment in the age from 17 to 30 years old in Russia, conducted by experts of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in 2015. The survey identified the main challenges faced by youth in obtaining the first job experience: informal employment, labour rights violation, inequality in salary, etc. This situation authors of the study connect with the low effectiveness of government policies of vocational guidance in educational institutions, outdated social attitudes, as well as a tacit consensus of employers, which seek to reduce the risks associated with hiring young people. Promising areas in addressing youth employment, the authors see in improving the effectiveness of regulation of the labor market, restructuring of the system of professional orientation, education (internship), etc.

Keywords: youth, labor socialization, unreported employment, age discrimination, youth unemployment, inequality, labor rights.

Поступила 18.11.2016 г.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА[1]

УДК 316.74

Е. М. БАБОСОВ,
доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОДА

В статье раскрываются сущность и роль религиозной аксиологии в становлении национально-культурного кода. Особое внимание в данной работе уделено христианской аксиологии, где главной ценностью является любовь в широком понимании этого слова. Рассматриваются также вопросы влияния православной религии на развитие современного общества.

Ключевые слова: ценность, религия, национально-культурный код, аксиология, социализация, идентификация.

Национально-культурный код представляет собой сложноструктурированную интегративную систему воплощенных символов основополагающих ценностей, их взаимосвязи и значимости, отшлифованных и развитых в процессе многовекового исторического развития народа в качестве идеалов, убеждения и мотиваторов поведения и деятельности человека. В его формировании, развитии и реальном воплощении в деятельности отдельных личностей, их социальных групп и общностей важную роль выполняет религиозная аксиология. Она является специфической философско-теологической доктриной о сущности, структуре, функциях и роли ценностей в жизнедеятельности человека и общества.

Одним из основных хранителей, оберегателей и распространителей этих ценностей и одновременно важнейшим социальным механизмом передачи их из поколения в поколение, из одной исторической эпохи в другую и активным формирователем ценностных ориентаций и установок индивидов и их объединений (не только вероисповедных) является религиозная община. Вследствие таких особенностей деятельности религиозных объединений и организаций в формировании и развитии национально-культурного кода, в его реальном воплощении в повседневных поступках отдельных личностей, в поведении социальных групп и общностей важную роль выполняет религиозная аксиология. Но коль скоро подавляющее большинство белорусского народа на протяжении более чем тысячелетия формируется, развивается и действует в лоне

---

[1] Данный раздел подготовлен и представлен в рамках мероприятий, приуроченных к «Году культуры в Беларуси».

христианского миропонимания, постольку в многовековом конструировании, функционировании и развитии белорусского культурно-национального кода высокую значимость имеют христианские религиозные ценности. Вбирающая их в себя христианская аксиология является специфической философско-теологической доктриной о сущности, структуре, функциях и роли ценностей в жизнедеятельности человека и общества. Эта доктрина предписывает своим адептам и последователям трехмодусное восприятие взаимосвязи сакрального и мирского царств: а) целеустремленного переживания их единства (аспект настоящего); б) хранение этого достояния в тайниках веры и сердца (аспект прошлого); в) устремленность к вечной жизни по ту сторону земного существования (аспект будущего).

Трехмодусное истолкование христианской системы религиозных ценностей можно вычленить во взаимосвязанные основополагающие постулаты, образующие в своих вероисповедных измерениях трехмерную структурную модель единения сакрального и мирского бытия человека и общества. Данная модель визуально представлена на прилагаемой схеме (рисунок).

Трехмерная структурная модель христианского истолкования единения мирского и сакрального бытия человека и общества

Чем больше разных изображенных на данной схеме «крыльев», чем насыщеннее они ценностями, воспроизводимыми из прошлого, начиная от знаменитых библейских заповедей, свидетельств апостолов, трудов религиозных философов и богословов, и чем прочнее входят они в духовный мир и поведение людей, связанные с представлениями о грядущем, тем более духовной и нравственно насыщенной оказывается деятельность приверженцев христианства в настоящее время.

Фундаментальное основание христианской аксиологии в ее православном варианте составляет утверждение, которое, по словам Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, гласит: «Существует объективная истина в системе ценностей, потому что Бог, создав человека, вложил в его природу некоторые качества и свойства, определяющие эту систему ценностей» [1, с. 34]. Патриарх утверждает, что «церковь, прикасаясь к человеческому сознанию, разворачивает личность в сторону вечных, божественных ценностей», но она передает человеку эти ценности таким образом, чтобы они сохраняли свою актуальность и притягательность. Для этого церковь постоянно актуализирует эти ценности, чтобы искать духовные ответы на те проблемы, которые волнуют современного человека и опознаются голосом человеческой совести. Поэтому необходима «коррекция цивилизационного развития, которая может быть достигнута только через сохранение наших базисных ценностей» [1, с. 50].

Разумеется, в сложно и нелинейно развивающемся социальном пространстве XXI века значительная часть наших сограждан, прежде всего молодых, утрачивают традиционые нравственные ценности и готовы отторгнуть от них свою повседневную жизнь. Поэтому православная церковь призывает народ «сопрягать Небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме» [1, с. 130]. Она стремится как можно большее количество людей вовлечь в процесс воцерковления, который не сводится к усвоению каких-то внешних навыков и ритуалов, а означает живое чувство сопричастности верующего человека к жизни своей приходской общины и всей церкви на основе неукоснительного следования религиозным ценностям.

Учитывая, что в современной России декларируют свою приверженность к православию, по данным ВЦИОМ, до 67 % россиян, а в Беларуси – около 76 % населения, православная церковь устами своего патриарха призывает народ «воспринять Православие как культурную традицию… понять и принять ее духовно-нравственное основание» [1, с. 60]. Такое принятие необходимо, поскольку каждый раз в конкретном историческом времени, на конкретном этапе своего жизненного пути, каждый человек, опираясь на общечеловеческую, а в случае верующего – общехристианскую основу ценностей, открывает и определяет важность и значимость этих ценностей для себя заново. В этом и проявляется сложность и многозначность взаимосвязей социализации и идентификации личности или социальной общности с ценностным освоением мира. Чтобы быть реально настоящим человеком и представать таковым во мнении окружающих людей, каждый человек, по утверждению выдающегося австрийского психолога и психиатра В. Франкла, пережившего ужасы нацистского концлагеря с верой во Христа, «постоянно обязан реализовывать ценности и нести ответственность» [2, с. 30].

Свойственная человеку обязанность реализовывать в своей жизнедеятельности ценности как блага в их сопряженности с целями действий, находя-

щаяся в органической взаимосвязи с его ответственностью за совершаемые поступки, составляет ключевой момент в христианской аксиологии. Точную философско-богословскую трактовку этого содержательного ядра в христианской аксиологии, в ее православной версии представил выдающийся русский православный философ Николай Александрович Бердяев в своих размышлениях о богочеловечности.

Раскрывая смысл этой формулы, он подчеркивал, что Бог передал свое творение сотворенному человеку, а человек может отчасти уподобляться Богу в своем творчестве. Человек, по убеждению Бердяева, создан, чтобы творить и создавать себя и весь окружающий мир посредством акта свободы. И в этом акте примат принадлежит личности, которая достигает самореализации либо путем «объективации», то есть принятия «общеобязательных» форм жизни, либо путем «трансцендирования», которое и есть реальная жизнь в свободе.

Но подлинная свобода, считал Н. А. Бердяев, всегда персонифицирована, в ней раскрывается примат личности над социальностью. Выступая против тотального подчинения индивида общественного утилитарным целям и жизненным обстоятельствам, он утверждал, что религиозное миропонимание неизбежно «ведет не только к вселенности, но и к спасению личности, обретению индивидуальности», к «религиозному соединению судьбы личности и судьбы вселенной» [3, с. 13, 145].

С этой бердяевской позицией перекликаются рассуждения С. Н. Булгакова, который утверждал, что слово Божие не может не входить в личное сознание человека, не становиться личным его убеждением. По его мнению, «должна быть личная встреча со словом Божием и личное его разумение (непосредственное или же посредственное), – последнее в том случае, если истины и слова Божии воспринимаются не прямо из Библии богослужебных текстов, изображений, проповедей и т. д. Но эта личная встреча возможна только в духовном единении с Церковью, но не в обособлении от нее, соборно, хотя и индивидуально» [4, с. 27].

В своей богословской и проповеднической деятельности и в России, и в эмигрантском изгнании С. Н. Булгаков исходил из понимания того, что «Священное Писание есть голос Бога к человеку, и ему принадлежит абсолютное значение (хотя оно и излагается в исторически обусловленной форме). Оно есть вечное откровение Божества, которое как таковое имеет неизгладимую и всегда открывающуюся глубину и значение, не только для века настоящего, но и будущего» [4, с. 36–37].

«Слово Божие есть также и слово человеческое, которое вместило в себя вдохновение Духа Святого, и как бы приложилось и стало богочеловеческим, божественным и человеческим одновременно», – утверждал С. Н. Булгаков. При этом он обращал особое внимание на то чрезвычайно важное обстоятельство, что при всяком понимании слова Божиего «сохраняет свою силу историческая обусловленность его человеческой формы, связанная с языком, эпохой, народным характером, и прочее, и современная библейская наука все более

научается различать эту историческую форму, причем благодаря этому обострению исторического зрения увеличивается и уразумение его конкретности [4, с. 36–37]. И во всех этих рассуждениях богослов приходит к непреклонному выводу о необходимости личностной сопричастности христианина библейским сюжетам и заповедям: «…может и должно быть у христианина свое личное отношение, своя личная жизнь, и так же, как и своя личная молитва» [4, с. 41–42].

Развивая и конкретизируя идеи Бердяева и Булгакова о богочеловеческой сущности личности, сформировавшейся в лоне церкви, выдающийся русский православный богослов, философ и культуролог Л. П. Карсавин в своем фундаментальном труде «О личности» утверждал, что «личность – самосредоточие бытия, сотворенного высшей всеединой Личностью Божественного Логоса, который безначален и бесконечен». Поэтому нет границ «лицетворению» и «лицеприятию», которые присущи «каждому из нас как индивидуальной личности» [5, с. 121–124]. А из этого, по его мнению, вытекает, что «в процессе объединения различных людей в социальную общность социальное самосознание осуществляется только в индивидуумах. Но индивидуумы выражают в себе социальную личность с разной степенью полноты, многообразия и активности, хотя каждый в своем качестве». В процессе взаимосамобытности личностей в социальном пространстве раскрывается важная особенность социального бытия людей, проявляющаяся в том, как считал Л. П. Карсавин, что «в индивидууме нет резкой, неподвижной и поставленной границы между им как индивидуальной личностью, им как моментом социальной личности и им как самой социальной личности» [5, с. 127].

Так же, как и большинство предшествующих ему православных философов и богословов, Л. П. Карсавин в своих сочинениях высоко оценивал роль христианства в духовном возвышении человека, считая, что духовность выражает неразрывную соединенность человеческого и божественного начала как в жизнедеятельности каждой индивидуальной личности, так и социальной общности, наиболее интегрированным воплощением которого он называл человечество. Ключевое же проявление человеческой духовности он усматривал в свободе, которую считал применимой как к Божьей Личности, так и к конкретному индивиду, в котором она осуществляется «через свое обожение или лицетворение». «Свобода, – по его определению, – это преодоление личностью себя, как созидающий себя необходимости» [5, с. 208].

Если конкретизировать приведенные рассуждения Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Л. П. Карсавина и других православных философов и богословов, то мы неизбежно придем к выводу, согласно которому высшим воплощением богосотворенной сущности человека, а, соответственно, и основной миссии Церкви является духовное возвышение человека, являющееся главным источником смыслополагания, личностного самоопределения и осмысленного преображения в действительность на путях единения человеческого с божественным.

Все православные богословы в своих сочинениях, проповедях, беседах основывают христианский тип мировосприятия, как уже показано выше при рассмотрении трудов С. Н. Булгакова, на харизматическом тексте Библии как Священном Писании и Божественном произведении, в котором расширяется вся глубина, величие и таинство Божественного замысла о человеке. Центральной идеей этой великой книги является идея завета, то есть взаимного обещания верности, любви, союза, которую Бог заключает со своими веропослушными избранниками.

Всем своим содержанием, духовной направленностью и яркими художественными образами эти шедевры европейской культуры внушают воспринимающему их индивиду вдохновляющую идею, согласно которой жизнь человека и неприкосновенность его достоинства должны стать высшей ценностью и непоколебимым столпом нравственного порядка в обществе.

Вот здесь-то и возникает не поверхностное формирование, а глубоко содержательное, наполненное высоким духовным смыслом понимание сущности и значимости единства, основанного на тесном союзе, на соработничестве науки и религии, разуме и вере. И как не вспомнить здесь мудрейшие высказывания великого русского писателя Л. Н. Толстого. По его суждению, «в наше время влить в человека духовное содержание через веру, помимо разума, – это все равно, что питать человека помимо рта» [6, с. 135]. И хотя Лев Николаевич в некоторых позициях существенно расходится с чрезмерно драматизированными практическими действиями православных священников, все содержание его произведений, писем и дневников свидетельствует о его глубокой убежденности в том, что религиозная вера должна быть гармонизирована с разумом и зиждется на разумных основаниях, помогающих глубже понять смысл и значимость христианских ценностей.

Какие же ценности в христианской аксиологии являются фундаментальными, основополагающими?

Абсолютно верховным значением в ней обладает религиозная вера. Религиозная вера есть личное и беспредельное доверие к Богу и его слову, обращенному к человеку и воплощенному в Божественном откровении. Она включает в себя решимость исполнять волю Бога и его заповеди во всех ситуациях и во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Регулярно проводимые в Беларуси Институтом социологии НАН Беларуси социологические исследования свидетельствуют: 80–85 % опрошенных верующих утверждают, что вера в Бога является главной в разделяемой ими совокупности ценностей, причем такую позицию выражают 89,5 % верующих в Гродненской области, 81,3 % в Брестской, но только 25,6 % – в Минске. А в общем массиве респондентов республики (свыше 1500 человек) относят себя к верующим 60 % мужчин и 81,4 % женщин, 68,8 % предпринимателей и фермеров, 72,4 % специалистов непроизводственной сферы, 74,9 % крестьян и рабочих сельского хозяйства, 85,9 % неработающих пенсионеров, 71,2 % учащихся и студентов, но только 36,7 % руководителей разного ранга. Однако следует учитывать

важное обстоятельство, состоящее в следующем: более конкретизированный и детализированный социологический анализ эмпирических и социологических материалов свидетельствует, что к подлинно верующим можно отнести только одну пятую (примерно 19 %) от числа тех людей, которые декларируют себя религиозными, а значимость религиозной системы ценностей признают в 2,5–3 раза большее количество наших сограждан.

В сегодняшнем секуляризированном мире редко можно встретить религиозные ценности, воплощенные в чисто вероисповедной ипостаси, чаще всего они несут в себе сочетающиеся в разных вариантах религиозные и внерелигиозные компоненты. Это наиболее отчетливо проявляется в такой вечной ценности, каковой является любовь. Христианская аксиология истолковывает любовь как наполненное действованиями и волнениями единство божеского и человеческого. Библия свидетельствует: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб» (Ин. 3: 16). По Библейскому преданию, Иуда во время Тайной вечери произнес: «Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, как я возлюбил Вас» (Ин. 15: 12). Излагая сущность понимания любви в христианской аксиологии, Н. А. Бердяев подчеркивал: «В любви есть что-то аристократическое и творческое, глубоко индивидуальное, внеродовое, не каноническое, не нормативное, она непосильна сознанию среднеродовому» [3, с. 122]. По его утверждению, «любовь есть священное таинство… любовь – не послушание, не несение тяготы и бремени “мира”, а творческое дерзновение. Таинство любви – творческое откровение самого человека… В любви утверждается личность, единственное, неповторимое. Любящий знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и любящий всегда боле прав, чем весь мир» [3, с. 427–428].

В христианской аксиологии любовь предстает во всем своем многообразии, наряду с другими ценностями. Она понимается не только как обусловленная верой в сверхъестественные сущности и возможностями общения с ними. Такое общение направлено на осуществление высшего смысла жизни человека и трактуется в более широком и многообразном контексте. Она истолковывается не только как любовь к любимому человеку, так высоко опоэтизированная Н. А. Бердяевым, но также и любовь к своим детям, к своей семье, к творческой деятельности. Именно в таком широком понимании воспринимают любовь большинство граждан Беларуси, не прошедших специальной философской или психолого-социологической подготовки. Именно в их среде, как свидетельствуют многократные социологические исследования, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, 73–75 % от общего количества опрошенных считают любовь очень важной и жизненно необходимой ценностью.

Как в повседневной жизни, так и в ценностных концепциях, в том числе и религиозных, любовь чаще всего идет рука об руку с дружбой. В уже упоминавшейся заповеди, произнесенной Иисусом во время Тайной вечери, проповедуется: «Нет большей той любви, как если кто положит душу свою за

друзей своих». Во время социологического опроса, проведенного в Беларуси в июле–августе 2016 г., на вопрос: «Что для Вас в жизни является наиболее ценным?» 42 % опрошенных ответили «дружба», поместив по степени важности эту ценность после здоровья, семьи, детей и любви.

Очень высокое значение православная аксиология придает красоте. По словам влиятельного русского православного философа Л. С. Франка, красота «становится выразителем самодовлеющей ценности, самообоснованности бытия, его собственной внутренней значительности и в этом смысле “духовности”» [7, с. 426]. Развивая сходные представления, Н. А. Бердяев обращал внимание на то, что «восприятие красоты в мире есть всегда творчество – в свободе, а не в принуждении постигается красота в мире» [3, с. 438]. Примечательно, что почти две трети (64,9 %) опрошенных в 2016 г. жителей Беларуси убеждены: в любых условиях красота делает человека лучше и чище.

В качестве фундаментальной ценности в православии оценивается благотворение, то есть благодеяние, добродейство, делание добра другим, направленное на улучшение духовно-нравственного и материального благосостояния окружающих людей. В Социальной доктрине Русской Православной Церкви подчеркивается: «Церковь уповает, что совместное благотворение приведет ее соработников и окружающих людей к познанию Истины, поможет им сохранить или восстановить верность благодатным нравственным нормам, подвигнет их к миру, согласию и благоденствию» [8].

Православие призывает своих приверженцев оказывать всемерную помощь страждущим – бедным, голодным, бездомным, больным, заключенным. В христианской аксиологии благотворение зримо переплетается с милосердием и укрепляется им. Она призывает: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией» (1 Пет. 4: 10). О действенности данной проповеди свидетельствует следующий факт. Проведенный в июле–августе 2016 г. социологический опрос показал, что 61 % из всего массива опрошенных жителей республики убеждены, что нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя.

Христианская аксиология высоко оценивает творчество как основу того, в чем человек может уподобиться Богу. Человек создан, чтобы творить и создавать заново себя и весь мир по закону благодати и свободы. Лейтмотивом многообразных лекций Н. А. Бердяева неизменно звучало: «Творчество – переход из небытия в бытие, через акт свободы».

В трудах и проповедях многих отцов церкви подчеркивается огромное духовно-нравственное значение труда. По-видимому, всем памятны слова апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3: 10). Климент Александрийский называл труд «школой общественной справедливости», а святитель Василий Великий утверждал, что «намерение благочестия не должно служить предлогом лени и бегства от работы, а побуждением к еще большим трудам». Все это свидетельствует, что церковь благословля-

ет всякий труд, направленный ко благу людей. Вместе с тем она повелевает трудящимся заботиться о тех людях, которые по различным причинам не в состоянии сами зарабатывать себе на жизнь – немощные, больные, беженцы, вдовы, и делиться с ними плодами своего труда.

Важное значение христианская аксиология придает собственности. Уделяя важное значение собственности как значимой ценности, Библия в притчах о деяниях Христа утверждает: это или виноградник, данный в пользование (Мк. 12: 1–9), или таланты, данные людям (Мф. 25: 14–30), или собственное имение (Лк. 16: 1–13). Вместе с тем она подчеркивает, что материальные блага не могут сделать человека счастливым, напоминая слова Спасителя: «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от его имения» (Лк. 12: 15). Эта аксиологическая доктрина называет правомерными различные формы собственности – государственную, корпоративную, частную, смешанную, но в последние годы, стремясь адаптироваться к быстроизменяющемуся информационному обществу, подчеркивает возрастающую значимость интеллектуальной собственности. В Социальной доктрине Русской Православной Церкви отмечается: «Церковь приветствует творческий труд, направленный на благо общества и осуждает нарушения авторских прав на интеллектуальную собственность» [8].

Православие настаивает на «особой внутренней близости семьи и Церкви». Климент Александрийский называет семью домом Господним, а святитель Иоанн именует семью малой церковью. Православие исходит из того, что «именно в семье, как в школе благочестия, формируется и крепнет правильное отношение к ближним, а значит, и к своему народу, к обществу в целом. Живая преемственность поколения, начинаясь в семье, обретает свое продолжение в любви к предкам и Отечеству, в чувстве сопричастности к истории» [8].

Высшим адресатом православной версии христианской аксиологии является человек. По утверждению митрополита Филарета, «Творец поставил человека владыкою над делами рук своих, и поэтому сам мир изначально соотнесен с человеком. Этому христианскому утверждению соответствует так называемый антропный принцип, который сегодня обсуждается в науке и философии. Однако с богословской точки зрения человек является мерой всех вещей только в той мере, какой мерой самого человека является то, что его превышает… Богословие в данном случае опирается на учение о богосообразности человека и учение о Богочеловечестве Христа». Именно в таком контексте Филарет рассматривает «общественную мораль, крепкие семьи и национальное достоинство, сильное государство и нравственную деловую активность, а также многие другие человеческие ценности» [9, с. 4–5, 35].

Христианская аксиология фокусирует свое внимание на придании большого значения тем ценностям, которые духовно возвышают человека, способствуют его богоугодному развитию. Вместе с тем она уделяет большое внимание религиозно-богословскому учению о грехе. Как отмечается в Социальной

доктрине Русской Православной Церкви, «понятие греха, установленное православными нравственными нормами, гораздо шире, чем представления светского права о преступлениях. Главным источником преступления является помраченное состояние человеческой души: “Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хувения” (Мф. 15: 19)» [8]. Опираясь на это каноническое установление, видный церковный деятель Евергий Понтийский построил классификацию, включающую целый ряд смертных грехов: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, лень, печаль, уныние, тщеславие, гордыню [10, с. 191]. К данной классификации современное православие добавляет убийство, лжепророчество, организованную преступность, развращение малолетних, клевету, терроризм, особенно международный. А наказание за грехи, в том числе лишение свободы человека, преступившего закон, церковь призывает использовать для его исправления, «дав ему возможность переоценить собственную жизнь, дабы вернуться на свободу внутренне очищенным… В процессе исправительного труда греховная стихия в недрах души должна уступить место созидательному порядку, душевному миру». Она утверждает, что искоренение «греха, а тем более профилактика преступности возможны прежде всего через воспитание и просвещение, направленные на утверждение в обществе истинных духовных и нравственных ценностей» [8].

Одной из высших ценностей православие считает соработничество церкви и государства, сущность которого составляет обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой [8].

Очень важным направлением такого соработничества является многообразная деятельность по сохранению и упрочению мира. В том же доктринальном документе подчеркивается: «Русская Православная Церковь стремится осуществлять миротворческое служение как в национальном, так и международном масштабе, стараясь разрешить различные противоречия и привести к согласию народы, этнические группы, правительства, политические силы… Церковь также противостоит пропаганде войны и насилия, равно как и различным проявлениям ненависти, способной спровоцировать братоубийственные столкновения» [8].

Подводя итог всему изложенному, отметим, что христианская аксиология, особенно в ее православном варианте, во всех сферах жизнедеятельности современного человека – в личной жизни, в любви, дружбе, семье, труде, творчестве, противостоянии грехам и насилию, в миротворчестве – стремится органично вписаться в изменяющийся современный мир, слить воедино религиозные ценности с ценностными ориентациями и устремлениями всех людей, каких бы конфессиональных, мировоззренческих и политических позиций они ни придерживались.

Список использованных источников

1. Сила нации – в силе духа: книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла. – Минск : Белорус. Православ. Церковь, 2009. – 400 с.

2. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

3. *Бердяев, Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 608 с.

4. *Булгаков, С. Н.* Православие / С. Н. Булгаков. – М. : АСТ, 2003. – 365 с.

5. *Карсавин, Л. П.* О личности / Л. П. Карсавин // Религиозно-философские сочинения / Л. П. Карсавин. – М. : Renaissance, 1992. – Т. 1. – 413 с.

6. *Толстой, Л. Н.* Публицистические произведения 1886–1908 / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1984. – Т. 17. – С. 135.

7. *Франк, С. Л.* Непостижимое / С. Л. Франк // Сочинения / С. Л. Франк. – М. : Правда, 1990. – 608 с.

8. Социальная доктрина Русской Православной Церкви. – М. : ИБ ОВЦС МП, 2000.

9. Человек в истории / митрополит Филарет (Вахромеев). – Минск : Свято-Елисаветинский монастырь, 2008. – 190 [1] с., [1] л. портр.

10. *Вассерштейн, В.* Лень / В. Вассерштейн. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 191 с.

E. M. BABOSOV

THE ROLE OF RELIGIOUS VALUES IN FORMATION OF THE NATIONAL CULTURAL CODE DEVELOPMENT

The article reveals the essence and role of religion axiology in the formation of the national cultural code. Special attention in this work is given to the Christian axiology, where the main value is the love in the broadest sense of the word. Also, the Orthodox religion influence on the development of modern society is discussed.

Keywords: values, religion, national cultural code, axiology, socialization, identification.

Поступила 31.10.2016 г.

УДК 316.422

С. Н. КРОЙТОР,
кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА

В статье представлен анализ социокультурного кода как базовой категории, позволяющей исследовать механизмы социального воспроизводства. Изучены факторы и механизмы закрепления и забвения тех или иных кодов в культуре.

Ключевые слова: социокультурный код, социальная преемственность, социальное воспроизводство, социальный институт, социальная функция, социальная инновация.

Современные общества характеризуются быстрыми темпами своего развития, а значит, высокой степенью изменчивости. Мир стремительно глобализируется, общества становятся все более открытыми, усиливаются взаимосвязи и взаимозависимости между социальными системами. Основой общественного развития становятся постоянные инновационные преобразования в экономике и остальных сферах жизни людей (образование, здравоохранение, культура и т. д.).

Все эти явления, с одной стороны, заключают в себе огромные возможности для развития социумов и повышения социального капитала и личностного потенциала отдельных индивидов. С другой стороны, в этих условиях особую важность приобретает проблема сохранения в каждой из социальных систем тех характеристик, которые делают ее самоценной, уникальной, неповторимой. Сегодня, как никогда ранее, актуализируется проблема поиска оптимального соотношения старого и нового, традиций и инноваций, прошлого и настоящего, консервативного и креативного. Именно поэтому поиск *баланса между самобытностью социума и обретением им неких универсальных черт*, присущих обществам в глобальном мире, то есть, по сути, баланс между закрытостью, обособленностью и включенностью в планетарное пространство социального, и является объектом размышлений для многих современных ученых-обществоведов. В рамках данной статьи мы представим свое видение того, как оптимальное соотношение инновационного и консервативного может быть достигнуто в социуме и какие условия для этого необходимы.

На наш взгляд, чтобы понять, как возможны социальные изменения, следует рассмотреть те внутренние силы общества, которые позволяют ему быть собой и сохранять целостность. Для этого обратимся к механизмам *социального воспроизводства*. Полагаем, что анализ процесса воспроизводства обще-

ства поможет нам выяснить, каким образом происходит сохранение и закрепление системообразующих признаков того или иного социума, и наоборот, какие механизмы «заставляют» культуру (общество) «забывать» какие-то из присущих ей черт, смыслов, программ. Это, в свою очередь, позволит понять, как можно внедрить в общество и его институты новые идеи, не нарушив при этом единства составляющих его частей.

Для анализа указанной проблематики мы будем пользоваться категорией социальной преемственности[1], или социального наследования (понятия социальной преемственности и социального наследования в данной статье будут рассматриваться как синонимичные). Под социальной преемственностью мы понимаем воспроизводство подсистем (институтов) общества и взаимосвязей между ними, а также образцов социальной деятельности и взаимодействия, существующих внутри каждого из социальных институтов, с опорой на предшествующий социальный опыт и с учетом изменяющегося контекста бытия социума. Это значит, что преемственность отвечает за сохранение базовых, системообразующих для любого социума элементов и характеристик, во-первых, делающих общество таковым и позволяющих ему функционировать как целое, во-вторых, благодаря механизмам преемственности каждое общество сохраняет свою уникальность, непохожесть на другие социальные системы.

Именно *институты*, закрепленные в них правила поведения и способ их *связи* между собой в рамках целого представляют собой базовые элементы социума, образуют его «скелет», на который нанизываются конкретные практики, реализуемые отдельными индивидами. За каждым из институтов закреплен определенный *набор функций*, который они выполняют по отношению к обществу. Стабильность «скелета» институтов-функций и делает социальное развитие устойчивым, поступательным и преемственным, обеспечивает соответствие темпов и направленности развития природе конкретного общества и его внутренней логике. Об этом наборе институтов и связей можно говорить как о некоем инварианте, позволяющем обществу сохранять свою целостность в условиях происходящих трансформаций. Таким образом, именно благодаря механизмам преемственности общество остается самим собой, приобретая новые качества и отвечая на вызовы извне или потрясения, исходящие изнутри самой системы.

Как общество обеспечивает преемственность своих подсистем-институтов? Чтобы реализовать эту задачу, оно социализирует индивидов, то есть

[1] Преемственность как общенаучная категория представляет собой «связь между явлениями в процессе развития, когда новое, снимая старое, сохраняет в себе некоторые его элементы» (Большая советская энциклопедия). В науке существует множество других определений преемственности, но все они, по сути, отражают одну и ту же идею. Эта идея заключается в том, что преемственность предполагает не просто замену старого новым – она, скорее, может быть охарактеризована, как преодоление одного другим, конструирование нового на базе старого путем его оптимизации и совершенствования в контексте изменившихся реалий.

прививает им знания, навыки, модели восприятия и поведения, адекватные в данном контексте и способствующие воспроизводству наличного социального порядка. Именно в ходе *социализации* у индивидов вырабатывается определенная идентификация, чувство сопричастности с обществом, в котором он живет, понимание и принятие существующих там «правил игры» и осознанная готовность следовать этим правилам. Социализация происходит через освоение «языка культуры». Рождаясь в обществе, человек сразу попадает в какую-либо социокультурную среду. Пребывая в рамках конкретной социальной реальности, он овладевает установленными в обществе нормами поведения и общения (правовыми, нравственными, эстетическими, лингвистическими и т. д.); учится понимать окружающие его явления (природные, социальные), используя принятые в обществе объяснительные схемы; интериоризирует систему ценностей. Все это становится возможным постольку, поскольку индивид учится расшифровывать культурные сообщения, овладевая предназначенным для этого инструментом – *социокультурным кодом*. Под социокультурным кодом в самом общем виде можно понимать те значения и смыслы, которыми общество наделяет социальные и природные объекты и явления, а также определенный набор интерпретативных схем. Эти схемы позволяют «связать» все смыслы в единое целое, составляющее картину мира и позволяющее видеть и воспринимать окружающую реальность так, как принято в данном обществе. Таким образом, именно единство кодов обеспечивает понимание и взаимопонимание в социуме. Коды задают систему координат, которая позволяет индивиду ориентироваться в социальном, физическом и временном пространстве, определенным образом воспринимать самого себя и окружающих людей, «играть» по правилам. Когда основные социокультурные коды освоены индивидом, он становится полноценным социальным актором и сам начинает их воспроизводить и транслировать в ходе реализации своих обыденных практик. Это и есть схема, коротко описывающая механизм социального воспроизводства.

Трансляция кодов осуществляется в обществе постоянно и непрерывно, тем самым воссоздавая матрицу социальности. Это происходит как в рамках повседневных действий и взаимодействий во всех сферах человеческой жизни, так и целенаправленно через определенный набор специальных институтов и организаций. Любая деятельность (направленная или ненаправленная, организованная или стихийная), в ходе которой происходит освоение индивидами социокультурных кодов, по сути, является образовательной. Чтобы выяснить, что именно дает нам образование для раскрытия механизмов социокультурного кодирования, обратимся к образовательной деятельности человека и попытаемся выяснить, что она собой представляет.

Образование в самом общем виде можно охарактеризовать с двух позиций. В широком смысле оно рассматривается как особая категория, используемая в ряде наук социогуманитарного профиля (социологии, антропологии, философии, психологии) и фиксирующая фундаментальные основы человече-

ского бытия. В этом контексте образование подразумевает под собой любую деятельность, связанную с освоением новых знаний, представлений, навыков, образцов поведения, норм, ценностей и т. д. В данном случае понятие образования охватывает все виды познавательной активности человека, а образовательная функция может выполняться не только широким кругом социальных институтов, но и самим индивидом в ходе реализации практик самообразования и самообучения. Это значит, что в качестве субъектов образовательного процесса могут быть рассмотрены социальные институты семьи, образования, религии, социальные группы знакомых, друзей и сверстников, коллег по работе и т. д., а также сам индивид, осуществляющий познавательную деятельность в той или иной форме. В узком смысле образование представляет собой вид социально организованной и институциализированной деятельности, осуществляемой в соответствии с определенными стандартами и реализуемой посредством специальных учреждений (системы образования). Итак, *образовательная деятельность* является базовым механизмом социальной преемственности, поскольку именно через образовательные практики осуществляется трансляция социокультурных кодов общества.

Теперь попытаемся разобраться в причинах и механизмах *забвения кодов и замены их другими* социокультурными смыслами. Для этого нам нужно вернуться к тому, что общество представляет собой набор институтов, к каждому из которых «привязаны» определенные функции. Пока функции выполняются правильно (то есть реализуют свои задачи по отношению к обществу и обеспечивают внутреннюю целостность самого института), система находится в равновесии, все ее элементы работают слаженно и эффективно. Например, система образования готовит специалистов, которые качественно и количественно соответствуют потребностям рынком труда → эти работники занимают соответствующие рабочие места и выполняют свои обязанности на высоком профессиональном уровне → экономика работает эффективно. Теперь представим, что внешние условия существования общества изменились. Возьмем реальный пример: Беларусь в условиях глобализационных процессов. Итак, белорусское общество включается в мировое социальное пространство. Что это значит? Прежде всего то, что наш социум уже не может существовать, как прежде, поскольку в новых условиях социальные подсистемы должны иначе выполнять свои функции, чтобы обеспечивать эффективное функционирование общества. Чтобы адекватно вписаться в новый контекст, социуму необходимо перестроить ряд своих подсистем и оптимизировать способы их взаимосвязи внутри целого. Проследим, как это будет происходить, на нашем примере. Прежде всего, обществу необходимо повысить эффективность экономики и качество производимой продукции, чтобы выйти на международные рынки сбыта и успешно на них конкурировать. Это, в свою очередь, невозможно без реформирования институтов образования и науки, чтобы они, с одной стороны, были в состоянии продуцировать новые разработки, которые бы вывели экономику страны на новый уровень,

с другой – обеспечивать страну кадрами, которые бы осуществляли внедрение этих инноваций. Кроме того, возникает потребность в усилении взаимосвязи между наукой, образованием и производством, чтобы усвоение нового происходило оперативно, а наука и образование работали не просто «в ногу со временем», а были «на шаг впереди», то есть могли не только чувствовать и понимать актуальные потребности экономики, но и прогнозировать перспективные направления ее развития. Мы весьма схематично описали, как протекает процесс реорганизации структурных элементов социума вслед за изменением контекста. Аналогичные процессы перестройки институтов могут запускаться и под влиянием серьезных внутренних (а не только внешних, как в нашем примере) изменений в обществе (гражданская война, экономические потрясения, смена политического режима, межнациональные конфликты и т. д.). Независимо от того, какими причинами они вызваны, эти трансформационные процессы всегда разворачиваются примерно по одной схеме: изменения в одном социальном институте, нарушая существующее в социуме равновесие институтов-функций, запускают процесс переустройства остальных институтов, и этот процесс продолжается до тех пор, пока система не достигнет нового баланса.

Необходимость адекватного выполнения институтами своих социальных функций в имеющихся условиях и определяет, какие социокультурные коды востребованы обществом и должны продолжать транслироваться, а какие подлежат забвению, исключению (навсегда или на какое-то время) из смыслового поля культуры. Однако общество – весьма сложная реальность, и не всегда перестройка того или иного института автоматически и немедленно приводит к модификации соответствующих социокультурных кодов. Дело в том, что коды закреплены в сознании людей, а сознание меняется очень медленно. Поэтому зачастую мы становимся свидетелями *недостаточной готовности людей к новому*, несмотря на то, что это новое уже назрело и сформировалась соответствующая потребность. Это актуально и для современного человека, который живет в условиях постоянных изменений во всех сферах своей жизни: на работе, в быту, в общественных учреждениях, транспорте и т. д. и зачастую просто не успевает их отслеживать и осваивать, устает от ощущения нестабильности окружающей реальности. Новое пугает и настораживает, в то время как привычное, наоборот, ощущается как простое и комфортное. Преимущества старого очевидны, а новое пока не понятно. Это лишь несколько причин, по которым устаревшие, утратившие свою актуальность коды могут какое-то время продолжать воспроизводиться в социуме, несмотря на то, что в условиях изменившейся реальности уже востребованы новые смыслы и программы, а соответствующие институты уже перестроены (или проходят процесс реорганизации) в соответствии с новым контекстом. В таких случаях неактуальные социокультурные коды могут выступать фактором, сдерживающим развитие того или иного института и общества в целом.

Каков выход из сложившейся ситуации? В самом общем виде здесь можно обозначить два пути. Во-первых, общество может воздержаться от вме-

шательства в происходящие процессы, предоставив систему самой себе для самоотлаживания происходящих в ней процессов. Во-вторых, оно может приложить определенные усилия для *корректировки социокультурных кодов* и приведения их в соответствие с актуальными потребностями и тенденциями своего развития. Первый путь более естествен, а потому менее болезнен, но у него есть недостаток: если не вмешиваться в происходящие изменения, они, во-первых, могут потребовать длительного времени, во-вторых, привести к неожиданным результатам, поскольку трансформационные процессы приобретают стихийный характер. Второй путь больше соответствует духу современного общества, основанному на быстрой смене технологий (не только производственных, но и социальных), инновациях и принципах опережающего развития. По нашему мнению, выбор пути зависит от конкретных обстоятельств, от того, о каком институте и о каких нововведениях идет речь. Но если мы принимаем решение следовать по второму пути, инновационную деятельность необходимо начинать с содержательного анализа состояния и предшествующего развития того или иного института с выявлением его системообразующих черт и характеристик, а также с рассмотрения социального контекста, в котором существует этот институт. Учет этой информации при планировании и реализации нововведений позволит добиться максимальной оптимизации функционирования интересующей нас подсистемы с минимальными издержками, а именно это, на наш взгляд, и является показателем эффективности той или иной инновации.

Список использованных источников

1. *Баллер, Э. А.* Преемственность в развитии культуры / Э. А. Баллер. – М. : Наука, 1969. – 294 с.

2. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

3. *Бергсон, А.* Творческая эволюция / А. Бергсон. – СПб. : Издание М. И. Семенова, 1913. – Т. 1. – 332 с.

4. *Бердяев, Н. А.* Самопознание / Н. А. Бердяев. – Л. : Лениздат, 1991. – 397 с.

5. *Бердяев, Н. А.* Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.

6. *Букина, Н. В.* Культурный код как язык культуры / Н. В. Букина // Вестн. ЧитГУ. – 2008. – № 2 (47). – С. 69–73.

7. *Васильева, К. К.* Стадиальность социокультурных кодов / К. К. Васильева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2002. – № 5. – С. 91.

8. *Горшков, М. К.* Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост / М. К. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 45–56.

9. *Игнатенко, Т. И.* Интерсубъективная социальная память как форма социокультурной преемственности / Т. И. Игнатенко // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та : межвуз. сб. науч. ст. – 2008. – № 7. – С. 44–46.

10. *Киреева, Н. Р.* Новая философия образования и основные тренды его развития [Электронный ресурс] / Н. Р. Киреева // Вестн. ИЭАУ. – № 2. – Режим доступа: http://www.ieay.ru/nauka-v-ieau/vestnik-ieau/publikacii-zhurnala-vestnik-ieau/vestnik-ieau-n-2/kireeva-n.r.-novaya-filosofiya-obrazovaniya-i-osnovnye-trendy-ego-razvitiya/. – Дата доступа: 10.08.2016.

11. *Леви-Стросс, К.* Структурная антропология : пер. с фр. / К. Леви-Стросс. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

12. *Лосев, А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.

13. *Левяш, И. Я.* Гуманитарно-культурологическая модель образования / И. Я. Левяш, С. Е. Левяш. – СПб. : Эйдос, 2011. – 292 с.

14. *Лотман, Ю. М.* Статьи по типологии культуры : материалы к курсу теории литературы / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1973. – Вып. 2. – 95 с.

15. *Лотман, Ю. М.* Знаковый механизм культуры / Ю. М. Лотман // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С. 195–199.

16. *Лотман, Ю. М.* Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С. 96–98.

17. *Лотман, Ю. М.* О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. Тартуского ун-та. – Тарту, 1971. – Вып. 284. – С. 144–166. – (Тр. по знаковым системам).

18. *Лотман, Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис : Прогресс, 1992. – 272 с.

19. *Мамардашвили, М. К.* Идея преемственности и философская традиция / М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М. : Прогресс : Культура, 1992. – 415 с.

20. *Маркарян, Э. С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) / Э. С. Маркарян. – М. : Мысль, 1983. – 284 с.

21. *Орехова, И. М.* Альтернативные формы занятости как способ адаптации к изменениям экономической ситуации на российском рынке труда [Электронный ресурс] / И. М. Орехова. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/24/sociology/orekhova.pdf. – Дата доступа: 10.10.2016.

22. *Петров, М. К.* Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М. : Наука, 1991. – 328 с.

23. *Рубанов, В. Г.* Понятие «преемственность» и его социальное измерение. Философия, социология и культурология [Электронный ресурс] / В. Г. Рубанов. – Режим доступа: file:///C:/Users/Pramen/Downloads/ponyatie-preemstvennost-i-ego-sotsialnoe-izmerenie.pdf. – Дата доступа: 25.09.2016.

24. *Степин, В. С.* Философия и универсалии культуры / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с.

25. *Хоркхаймер, Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Т. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. ; СПб. : Медиум : Ювента, 1997. – 310 с.

26. *Юнг, К. Г.* Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Renaissance, 1991. – 304 с.

27. *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 528 с.

S. KROITOR

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SOCIOCULTURAL CODE'S SOCIOLOGICAL STUDYING

Summary

Analysis of sociocultural code as a basic category for studying social reproduction is presented in the article. Factors and mechanisms of sociocultural codes' strengthening and oblivion are investigated.

Keywords: sociocultural code, social continuity, social reproduction, social institute, social function, social innovation.

Поступила 01.12.2016 г.

УДК 316.728(470+571+476)

Н. Л. БАЛИЧ,
кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ – ОСНОВА ВОСПРОИЗВОДСТВА КУЛЬТУРНОГО КОДА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Исследуется структура и особенности этнокультурных практик в системе этнической культуры восточных славян. Проанализированы особенности национального самосознания белорусов, русских и украинцев, включенность этнокультурных практик в различные сферы жизнедеятельности людей, их воплощение в быту и в этническом сообществе.

Ключевые слова: этническая культура, этнические традиции, этнокультурные практики, национальное самосознание, культурный код.

В сохранении национального самосознания восточных славян определяющую роль играют этнические и религиозные факторы. В отличие от культуры в целом, в этнической культуре систематизированы характерные черты конкретного народа, воспринимаемые им самим как уникальные, а также черты, с которыми этот народ ассоциируется у других этносов. Народы, имеющие общие исторические корни, обладают наличием общих черт этнической культуры, схожестью традиций, обычаев, этических основ, ментальности. Все это составляет основу культурного кода, который характерен для определенной культуры и цивилизации.

Этническая культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных для удовлетворения разнообразных потребностей и интересов людей, принадлежащих к определенной этнической группе, носители которой имеют общность происхождения, расовые антропологические особенности, язык общения, верования, традиции и обычаи.

Этническая культура воплощается в различных формах жизнедеятельности людей в быту и в этническом сообществе (группах людей, имеющих общие интересы и объединенных культурно-исторической самобытностью и менталитетом).

Устойчивые черты бытовой культуры, передаваемые из поколения в поколение, составляют основу этнической традиции и культурного кода белорусов, который является ключом к пониманию особенностей народа, позволяет идентифицировать культуру на основе уникальных признаков.

Культурный код – это система уникальных культурных особенностей и архетипов этнической общности, передающихся из поколения в поколение

и позволяющих идентифицировать нацию на основе уникальных культурных признаков.

К этнической традиции относятся обряды, обычаи, народные (художественные) промыслы, ремесла, традиционные формы сельского хозяйства, устное народное творчество (фольклорные произведения). Не случайно Л. Н. Гумилев отмечал роль этнической традиции в формировании этнического самосознания народа: «В отличие от культурной традиции, традиция этническая – это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство поведения живых людей, поддерживаемое их пассионарностью» [1, с. 151].

Этническое самосознание народа формируется под влиянием различных факторов (этническое окружение, этнокультурные традиции и ценности, межэтнические контакты, иноэтнические заимствования и др.). Существенное значение имеют также особые коллективные представления этноса, этнические приоритеты, стереотипы.

В быту своеобразие этнических особенностей народа прослеживается в системе элементов материальной культуры: пище, одежде, предметах интерьера и быта, имеющих свою символику, внутреннем убранстве дома, придомовой территории и т. д.

На наш взгляд, этническая культура является основанием культурного кода в границах конкретной культуры. Она сохранялась и передавалась из поколения в поколение посредством памяти, речи, языка, слуха, пластики, мимики, что не требовало специального образования, наличия технических средств записи и хранения. Основные признаки этнической культуры:

общинный, коллективно-групповой характер;

самодостаточность;

символичность (культовый характер);

семантические, диалектные особенности;

местная ограниченность, локализация;

видоизменчивость;

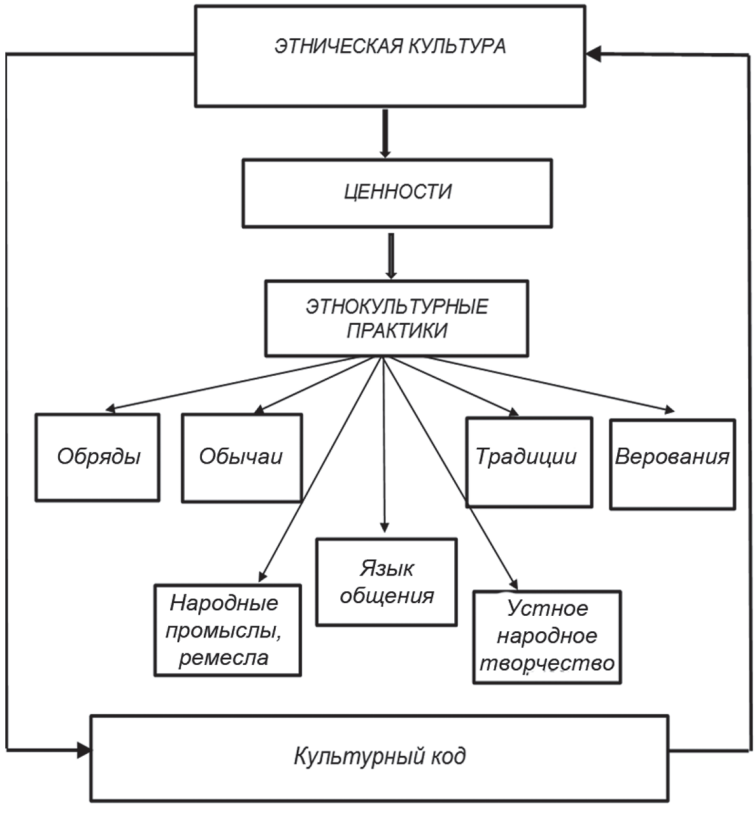
отсутствие авторства.

От этнической следует отличать национальную культуру (данные понятия имеют разное содержание, но часто употребляются как синонимы). Этническая культура (именуемая как народная, или дописьменная) формировалась в общности людей, осуществляющих совместную хозяйственную деятельность и проживающих в узком культурном пространстве. Особенность этнической культуры в том, что она видоизменяется в зависимости от местности проживания этноса и охватывает в основном сферу повседневности и быта.

Национальная культура объединяет людей, проживающих на больших, рассредоточенных территориях, как правило, объединенных в государство. По национальному признаку объединение становится возможным с возникновением письменности, когда основные идеи и символы смогли распространиться среди грамотной части населения, заменив живой разговорный язык на язык литературы. Структура национальной культуры сложнее этниче-

ской и включает как традиционно-бытовую, так и профессиональную культуру, представленную в различных областях (живопись, литература, музыка, театр, архитектура, народные ремесла и др.). Национальная культура создается образованной частью населения и является продуктом индивидуальной культуры и творчества.

Этническую культуру можно рассматривать как целостную структуру элементов, каждый из которых имеет собственный смысл в пределах определенной культурной системы. Вне системы и в самой системе возможны иные смыслы каждого элемента культурного кода, а также их изменение в процессе адаптации к новым условиям социальной и культурной среды (рисунок).



Структура этнической культуры – основы культурного кода

Этнокультурные практики – это устоявшиеся, стилизованные и универсальные формы действий индивидов, типичные для привычных ситуаций в повседневной жизни, которые сохраняются и воспроизводятся этническими общностями в обрядах, обычаях, народных промыслах, ремеслах, языке, фольклоре, традициях, верованиях, через систему смыслов, знаков, ценностей, понятных для ее представителей.

В настоящее время этническая культура – неотъемлемая часть национальной культуры. Она воплощается в лучших достижениях талантливых и просвещенных представителей нации: художников, писателей, поэтов, музыкантов и т. д. Национальная культура представлена не только в сельских поселениях, но и в городах: театрах, музеях, концертных, выставочных залах и т. д.

Социальные условия и этнокультурная среда являлись основанием для формирования общих психологических черт этноса. Исторические, географические, социальные и культурные условия жизни оказали влияние на формирование этнопсихологических и этнокультурных черт народа, на основе которых можно выявить общие и уникальные признаки. Наглядно это прослеживается при сопоставлении языковых систем трех родственных народов (русского, белорусского, украинского), особенностью которых является, с одной стороны, преемственность и универсальность морально-этических представлений, идеалов, ценностей, стереотипов, с другой – этнокультурная, языковая специфика. Лексические и диалектные особенности восточных славян широко представлены в произведениях устного народного творчества, в которых в художественной форме отображена жизнь белорусского, русского, украинского народов. Фольклорные произведения формировались в рамках культурной традиции, в них воплощены мировоззренческие ориентиры через средства художественной выразительности народного искусства (эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения), придающие устной поэзии специальный колорит и образующие неповторимые черты каждого народа. В то же время многие произведения разных народов похожи.

В устном народном творчестве (пословицах, поговорках, сказках, загадках, прибаутках, былинах, заговорах, колыбельных и т. д.) отражены различные стороны жизни людей: обрядовая, трудовая, семейная, праздничная, религиозная, а также взгляды человека на мир, его привычки, общественные потребности. Особый интерес представляют лексика, юмор и словарный состав восточнославянских языков, систематизированный в пословицах и поговорках. Известный русский этнограф и собиратель фольклора В. И. Даль определял жанр пословиц как «краткое изречение, поучение, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора» [2, с. 334]. Поговорку он описывал следующим образом: «складная короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной пословицы; поучение, в принятых – ходячих выражениях; условный оборот речи, обычный способ выражаться» [2, с. 155].

Суждения в пословицах и поговорках интересны тем, что они применяются во множестве сходных жизненных ситуаций, передают бытовые, социальные, религиозные, философские, морально-этические, эстетические народные взгляды, то есть отражают жизнь во всем многообразии. В основе пословиц и поговорок лежат «удачно подмеченные нелепости и противоречивые суждения, которые, казалось бы, находятся вне сферы умозрительного постижения истины» [3, с. 44]. Пословицы, поговорки вызывают эмоциональный отклик, в них содержатся своеобразная логика, жизненная мудрость.

Исследовательский интерес вызывает анализ содержания пословиц. В сравнении с тематикой других жанров (песен, былин, сказок, эпосов) их тематика безгранична, а содержание специфично. Современные исследователи предполагают, что наиболее ранние пословицы были связаны с трудовой деятельностью человека, имели практическое значение и поучительный характер. В дальнейшем тематика пословиц расширялась, однако назидательный смысл сохранился и в настоящее время.

Генетическое родство восточнославянских языков доказывают не только специальные научные исследования в области языкознания, но и тот факт, что русские, белорусы, украинцы, не имея специальной языковой подготовки, легко понимают друг друга. В качестве примера рассмотрим популярные пословицы, отражающие традиционные ценности восточнославянских народов: труд, любовь к Родине, вера в Бога, семья, дети, гостеприимство, справедливость, достаток, бережливость.

Трудолюбие основано на крестьянском происхождении восточнославянских народов, заботе о собственном участке земли, работоспособности, хозяйственности. Пословицы о труде прямо указывают на значимость работы в жизни каждого человека, характеризуют труд в быту и нередко основаны на противопоставлении таких важных ценностей, как работа и отдых (табл. 1).

Таблица 1. **Русские, белорусские, украинские пословицы о труде**

Язык	Пословица
Русский	Любишь кататься – люби и саночки возить!
Белорусский	Любіш паганяць – любі і каня гадаваць!
Украинский	Любиш їздити – люби й санчата возити!

Любовь к Родине проявляется в уважительном отношении к родному краю, прежде всего к месту рождения и проживания. Понятие «Родина» происходит от языческого культа «род», олицетворяющего рождение, родство, соответственно, место жительства отдельного рода: «обычаев и верований и необходимости их защиты в случае какой-либо угрозы нападения со стороны врагов» [4] (табл. 2).

Таблица 2. **Русские, белорусские, украинские пословицы о Родине**

Язык	Пословица
Русский	В гостях хорошо, а дома лучше
Белорусский	Добра на Доне, ды лепей у сваім доме
Украинский	Рідна земля і в жмені мила

Важную роль в различных сферах жизнедеятельности людей выполняла религия. После введения христианства на Руси православие, вобрав в себя элементы язычества, «создало неповторимую систему мировосприятия, сформировало эмоциональную общность, вошло в повседневную жизнь людей»

[5, с. 92]. Особое значение приобретает семья, которая становится союзом двух благословляемых священником и Богом людей. Складывается религиозно-эстетический образ благоверной жены, надежного мужа, живущих по вере христианской. Брак считается необходимым и обязательным условием возникновения христианской семьи. При этом в некоторых пословицах прослеживается юмористический или сатирический оттенок (табл. 3).

Таблица 3. **Русские, белорусские, украинские пословицы о Боге и создании семьи**

Язык	Пословица
Русский	Не то беда, что рано родила, а то беда, что поздно обвенчалась
Белорусский	Калі Бог судзіць, то і чорт не разгудзіць
Украинский	Була під вінцем, і справа з кінцем

Из летописей известно о гостеприимстве восточных славян, редком качестве в других землях. Каждый путешественник был для них священен. Гостей принято было встречать с лаской и угощать с радостью. У славян был обычай: уходя из дома, оставлять дверь открытую и пищу готовую для странника. С именем Бога связывали ценность гостеприимства как важное качество радушного хозяина, что красноречиво представлено в русских, белорусских, украинских пословицах (табл. 4).

Таблица 4. **Русские, белорусские, украинские пословицы о Боге и гостеприимстве**

Язык	Пословица
Русский	Дай бог гостя доброго, да с худым разумом (неразборчивого)
Белорусский	Дзе госць, там і Бог ёсць
Украинский	Гість в будинок, а Бог в будинку

Верующие во всех делах искали руководство Бога, но в то же время должны были прилагать усилия для собственного благополучия, то есть в трудную минуту принимать решение самостоятельно (табл. 5).

Таблица 5. **Русские, белорусские, украинские пословицы о Боге и самостоятельности**

Язык	Пословица
Русский	На Бога надейся, но сам не плошай
Белорусский	На Бога спадзявайся, але і сам старайся
Украинский	Надія у Бозі, коли хліб у стозі

Основы религиозного мировоззрения восточных славян в пословицах образно раскрывают представления о Боге, вере христианской, служителях церкви. С верой в Бога воплощаются морально-этические и эстетические народные взгляды, понятие справедливости, милосердия, воздаяния каждому по его поступкам (табл. 6).

Таблица 6. **Русские, белорусские, украинские пословицы о Боге и справедливости**

Язык	Пословица
Русский	Бог видит, кто кого обидит
Белорусский	Бог не цяля, бачыць круцяля
Украинский	Бог не теля, бачить звідтиля

Следует выделить пословицы, в которых отразились представления людей о моральных качествах служителей церкви, что, по мнению критиков христианства, «служит опровержением церковной пропаганды о легкости принятия народом, населяющим Русь, византийского православия всем сердцем» [6]. Исследователь Ю. А. Вьюнов высказывает следующее замечание: поскольку «большинство людей не чувствовало необходимости полностью освободиться от старой религии – язычества, то и принятие христианства не всегда сопровождалось раскаянием и внутренним преображением» [7]. Церкви не удалось установить полного контроля над устным народным творчеством. Деятельность служителей церкви повлияла на отношение прихожан. В пословицах и поговорках народ высмеивал пороки служителей церкви, с юмором высказывал сомнение в их святости (табл. 7).

Таблица 7. **Русские, белорусские, украинские пословицы о служителях церкви**

Язык	Пословица
Русский	Поп из тех чинов, что дрались из-за блинов
Белорусский	Не нам папоў судзіць, на гэта чэрці ёсць
Украинский	У попа піст, а в зубах курячий хвіст

В русском, белорусском, украинском фольклоре представлена группа пословиц, которые констатируют грешную природу простого человека, не позволяющую ему всегда быть праведным, трудолюбивым, поступать по совести. Нередко греховность представлена в юмористическом контексте (табл. 8).

Таблица 8. **Русские, белорусские, украинские пословицы о греховности человека**

Язык	Пословица
Русский	Хлеб ест, а креститься не умеет
Белорусский	Не пакаяўся ды паправіўся
Украинский	Господи, за що ти мене караєш: чи я горілки не п’ю, чи я жінки не б’ю, чи я церкви не минаю, чи я в корчмі не буваю?

Данные примеры свидетельствуют о единстве взглядов восточнославянских народов на основы существования. Сравнительный анализ пословиц русского, белорусского, украинского народов указывает на схожесть менталитета и близость славянских языков как важнейшего средства общения и понимания народов. Общность традиционных ценностей русских, белорусов и украинцев и их воплощение в повседневной жизни на основе этнокультурных традиций

и практик обусловило «кодирование» культуры в системе национального языка и менталитета.

В национальном самосознании народа объективно отражаются особенности духовной и материальной этнокультуры, национальной психологии, характера. К этническим особенностям белорусов относятся прежде всего традиционная бытовая культура, многообразие которой проявляется в культурно-бытовых традициях и обычаях как элементах этнического самоопределения. Эти особенности передаются из поколения в поколение в различных социальных и этнокультурных условиях как знания и форма этнических представлений, о чем писал русский философ Л. Н. Гумилев: «Этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее» [8, с. 3]. Однако какое значение и смысл вкладывает каждый человек в понятие «этнос», кого он считает представителем своего народа, в чем видит свое отличие от других – вопросы, требующие раскрытия на основе теоретических и эмпирических исследований. Анализ социальной значимости этнической культуры в современном обществе будет способствовать выявлению того, каково влияние этнической культуры на формирование национального самосознания белорусов в настоящее время.

С целью изучения этнокультурных практик и особенностей их воплощения в повседневной жизни белорусов в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян» (договор с БРФФИ № Г15Р–032 от 04.05.2015 г.) был проведен опрос населения Беларуси по репрезентативной квотной выборке. Полевой этап реализован на базе Института социологии НАН Беларуси в 2016 г. Метод сбора эмпирических данных – формализованное интервью (объем выборки 1503 респондента, статистическая погрешность ± 3 %).

Этнический состав выборки соответствует данным об этнической структуре населения республики, полученным в ходе переписи населения 2009 г., согласно которым белорусами себя назвали 83,7 %, русскими – 8,3 %, украинцами – 1,7 % [9].

Этническое самовосприятие русских, белорусов, украинцев измерялось исходя из развернутых ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать о себе, что…» Данный блок вопросов направлен на раскрытие у респондентов особенностей этнического самовосприятия: чувства гордости, свободы выражения, позитивной презентации своей национальной принадлежности.

Первый блок вопросов отражает общественно-активные практики, представленные в маркерах этнической самоидентификации респондентов, свидетельствующие о том, что принадлежать к национальным группам в пределах республики престижно (табл. 9).

Полученные данные свидетельствуют, что для всех групп характерна позитивная этническая самоидентификация. Доля респондентов, которые гордятся и не скрывают своей национальной принадлежности, а также рассказывают позитивно о своем народе представителям других национальностей,

Таблица 9. **Престижность принадлежности к национальным группам, в %**

Маркеры этнического самовосприятия	Белорусы	Русские	Украинцы*
Гордятся своей национальностью	73,0	75,2	68,6
Не скрывают своей национальной принадлежности	86,0	89,0	64,6
Рассказывают позитивно о людях своей национальности другим	63,0	66,5	58,5

*Следует учитывать незначительное количество респондентов украинской национальности в выборке (менее 50 человек).

в каждой группе довольно велика. Результаты свидетельствуют о большей выраженности позитивной этнической самоидентификации у русских и белорусов, несколько ниже она у украинцев.

Неотъемлемой частью культуры и быта народов являются национальные традиции, ценности и обычаи, которые выступают эталоном и нормой поведенческих ориентаций в различные периоды жизни человека, связанные со свадьбой (сватовство, помолвка, выкуп невесты, свадебные чины), семейно-бытовым укладом (новоселье, рождение ребенка, проводы в армию, погребение), религиозной жизнью (таинства, обряды, посты, праздники), народными праздниками и гуляньями (Коляды, Масленица, «Гуканне вясны», Иван Купала, Яблочный спас, Дожинки) и др.

Устойчивость традиций и обычаев обеспечивается их структурой, в основе которой находятся общие действия, нормы и принципы общественного поведения, передаваемые из поколения в поколение как особая форма социального и культурного опыта.

Второй блок вопросов раскрывает оценку самими респондентами своих знаний о традициях и обычаях своей национальности. Для сравнительного анализа были выделены репрезентативные группы белорусов и русских с корреляцией по возрасту (16–29, 30–49, от 50 лет и старше). Подавляющее большинство респондентов, отвечая на вопрос: «Как хорошо Вы знаете традиции и обычаи народа своей национальности?», чаще всего отмечают, что имеют о них лишь общее представление (табл. 10).

Таблица 10. **Знание национальных традиций и обычаев, %***

Оценка респондентами своих знаний национальных традиций и обычаев	Белорусы, лет			Русские, лет		
	16–29	30–49	50 и старше	16–29	30–49	50 и старше
Семейно-бытовые (новоселье, рождение ребенка и др.)						
Знаю хорошо	26,8	26,1	38,1	6,4	21,5	29,6
Имею общее представление	62,3	66,5	57,6	78,6	68,3	64,0
Ничего не знаю о них	10,6	6,6	3,8	15,0	10,2	6,4
Религиозные (Рождество, Пасха, крещение и др.)						
Знаю хорошо	25,3	25,9	39,0	14,4	39,8	12,6
Имею общее представление	62,6	65,9	56,0	67,5	46,9	78,3
Ничего не знаю о них	11,7	7,4	4,5	18,2	13,3	6,8
Свадебные (сватовство, помолвка, чины и др.)						
Знаю хорошо	23,7	23,3	35,9	6,4	11,4	15,7

Окончание табл. 10

Оценка респондентами своих знаний национальных традиций и обычаев	Белорусы, лет			Русские, лет		
	16–29	30–49	50 и старше	16–29	30–49	50 и старше
Имею общее представление	62,1	69,0	58,8	75,7	72,9	73,2
Ничего не знаю о них	13,9	7,1	5,1	17,9	15,7	8,9
Народные (Иван Купала, «Гуканне вясны», Спас и др.)						
Знаю хорошо	18,4	18,7	28,9	6,4	16,2	9,8
Имею общее представление	65,9	70,2	65,3	55,0	70,3	73,1
Ничего не знаю о них	15,4	10,4	5,4	32,7	13,5	14,8

*Сумма процентов по каждой позиции может быть меньше 100 %, поскольку не учтен вариант «нет ответа».

Респонденты белорусской национальности всех возрастов чаще называют знание ими семейно-бытовых, религиозных, свадебных традиций и обычаев, реже – народных традиций и обычаев, связанных с календарем восточных славян (Коляды, «Гуканне вясны», Иван Купала, Яблочный спас, Дожинки и др.). Респонденты старшей возрастной группы (от 50 лет) чаще оценивают свои знания о национальных традициях и обычаях как хорошие, реже указывают об их отсутствии (по сравнению с младшей группой).

Невелика доля респондентов русской национальности всех возрастных групп, оценивших свои знания традиций и обычаев (по сравнению с белорусами) как хорошие. Особенно наглядно это прослеживается в сравнительных характеристиках младших и старших возрастных групп. Так, семейно-бытовые, свадебные, народные традиции знают лишь 6,4 % русских и 23–26 % белорусов в возрасте 16–29 лет. Большинство респондентов русской национальности старшего поколения (от 50 лет и старше) сообщают об отсутствии у них знаний о различных традициях и обычаях русских. Средняя возрастная группа русских респондентов (30–49 лет) чаще (39,8 %), по сравнению с белорусами (25,9 %), отмечает хорошие знания религиозных традиций и обычаев.

Каждый народ использует свои приемы и методы трансляции и передачи культурного опыта нации в повседневной жизни. Практики поддержания этнической идентичности реализуются в осознанных действиях: владении и изучении родного языка, практике языкового общения с представителями своей национальности, включенности в национальные объединения. В семейной сфере культурный опыт воплощается в приобщении детей к культуре, традициям и религии своего народа, сохранении традиционных предметов быта, одежды от предков в семье.

Третий блок вопросов отражает осознанные практики поддержания этнической культуры у представителей трех восточнославянских народов: белорусов, русских, украинцев. Исследование показало, что русские (83,2 %) и украинцы (74,5 %) лучше владеют языком своей национальности, чем белорусы (62,7 %). Это может быть связано с тем, что в БССР население отдавало приоритет русскому языку, что привело к снижению значимости белорусского языка как средства коммуникации. Российский лингвист В. М. Алпатов отмечает, что русский язык на всей территории СССР обладал большой престиж-

ностью, владение которым «открывало возможности для адаптации в любых социальных условиях для получения всех видов образования, для любого рода карьеры. Важнейшее значение имело знание русского языка и для приобщения к мировой культуре, в основном по-русски осуществлялось межнациональное общение» [10, с. 104].

В группе респондентов, указавших украинскую национальность, 53 % сохраняют традиционные предметы быта и одежды в семье. Доля таких респондентов в данной группе выше, чем среди русских и белорусов. В то же время о приобщении детей к культуре, религии, традициям своего народа высказалось меньше украинцев, чем русских и белорусов (табл. 11).

Таблица 11. **Практики поддержания этнической идентичности в зависимости от национальности, %**

Виды практик	Белорусы	Русские	Украинцы*
Владеют языком или изучают его	62,7	83,2	74,5
Общаются, дружат с людьми своей национальности	80,3	75,0	74,5
Приобщают детей к культуре, религии, традициям	46,6	49,8	38,1
Сохраняют традиционные предметы быта, одежды в семье	40,8	39,0	53,8

*Следует учитывать незначительное количество респондентов украинской национальности в выборке (менее 50 человек).

Более подробный анализ практик поддержания этнической идентичности белорусов и русских выявил особенности воспроизведения семейно-бытовых и языковых практик в зависимости от возраста и национальности респондентов.

Русские всех возрастных групп лидируют во владении родным языком и изучении его, приобщении к религии и традициям своих детей, участии в национальных объединениях. Младшая возрастная группа русских респондентов (50,6 %), по сравнению с аналогичной группой белорусов (35,4 %), чаще заявляет о сохранении традиционных предметов быта и одежды в семье. В то же время больше белорусов поддерживают общение (дружат) с людьми своей национальности, что, безусловно, связано с территорией проживания и этническим составом населения Республики Беларусь, где (по данным переписи 2009 г.) белорусов проживает 83,7 % (табл. 12).

Таблица 12. **Практики поддержания этнической идентичности в зависимости от национальности и возраста, %**

Виды практик	Белорусы, лет			Русские, лет		
	16–29	30–49	50 и старше	16–29	30–49	50 и старше
Владеют языком или изучают его	63,8	61,5	62,9	88,9	81,0	82,2
Приобщают детей к культуре, религии, традициям	35,8	47,6	53,3	42,8	42,0	56,5
Сохраняют традиционные предметы быта, одежды в семье	35,4	37,6	47,7	50,6	30,8	38,7

Окончание табл. 12

Виды практик	Белорусы, лет			Русские, лет		
	16–29	30–49	50 и старше	16–29	30–49	50 и старше
Общаются, дружат с людьми своей национальности	81,9	80,2	79,3	73,0	66,8	80,0
Состоят в национальных объединениях	9,7	8,0	6,5	14,0	14,0	6,6

Своеобразие и уникальность этнической культуры представлены не только в языке общения, но также в различных формах национальной культуры. Традиции и обычаи находят свое воплощение в традиционных праздниках, национальной кухне, фольклорных произведениях, национальной символике, религии и др.

Четвертый блок вопросов раскрывает реальную включенность этнокультурных практик в сферу повседневности, отражает современное состояние и активность обращения к ним в современном обществе (табл. 13).

Таблица 13. **Этнокультурные практики в повседневной жизни в зависимости от национальности и возраста, %***

Придерживаются традиций и обычаев	Белорусы, лет			Русские, лет		
	16–29	30–49	50 и старше	16–29	30–49	50 и старше
Отмечают традиционные праздники						
Часто	30,7	33,1	34,5	24,6	29,4	29,1
Иногда/редко	63,6	60,1	58,5	67,2	60,7	61,9
Никогда	5,7	6,4	6,7	8,2	10,0	5,1
Знают и исполняют фольклорные песни, танцы						
Часто	2,9	3,4	7,1	6,4	5,5	7,5
Иногда/редко	43,3	54,8	62,6	38,1	39,9	42,3
Никогда	53,8	41,4	29,8	55,5	54,6	44,2
Готовят блюда национальной кухни						
Часто	20,0	27,5	31,7	28,6	43,7	28,3
Иногда/редко	62,2	59,5	55,9	53,0	46,0	49,2
Никогда	17,4	12,2	11,9	18,4	10,3	13,0
Используют в одежде, быту национальную символику						
Часто	2,5	2,7	5,1	–	5,2	–
Иногда/редко	49,4	53,8	49,6	30,1	40,2	42,9
Никогда	47,8	42,9	44,7	69,8	54,5	51,1
Читают книги, смотрят фильмы, передачи на национальном языке						
Часто	6,1	7,6	13,5	43,2	42,8	23,0
Иногда/редко	65,2	68,1	65,4	37,9	24,9	62,6
Никогда	28,7	23,6	20,3	18,9	27,0	8,4

*Сумма процентов по каждой позиции может быть меньше 100 %, поскольку не учтен вариант «нет ответа».

Полученные данные свидетельствуют о невысокой значимости традиционных форм этнокультурных практик в повседневной жизни белорусов и русских – участников опроса.

Меньшей популярностью пользуется фольклор – национальные песни и танцы. Более половины белорусских и русских респондентов младших возрастных групп отметили, что никогда не обращаются к данному виду этнокультурных практик. Такая же особенность выявлена в средней возрастной группе русских. Невысока популярность использования в одежде и быту национальной символики. Этим же выделяются младшие возрастные группы белорусов, все возрастные группы русских. Отвечая на вопрос о частоте использования национальной символики, 69,9 % русских и 47,8 % белорусов младших групп ответили «никогда», такой же вариант ответа дан более 50 % респондентов русской национальности средней и старшей возрастных групп.

Чаще всего респонденты белорусской и русской национальностей отмечают традиционные праздники, а также готовят блюда национальной кухни. Возвращаясь к вопросу востребованности национального языка в повседневной жизни, отметим, что респонденты русской национальности всех возрастных групп значительно чаще на родном языке читают книги, смотрят передачи, чем белорусы. Наиболее низкие показатели интереса к родному языку продемонстрировали респонденты младшей (6,1 %) и средней (7,6 %) возрастных групп белорусов.

На основании изучения этнокультурных практик как основы цивилизационно-культурного кода восточных славян можно сделать следующие выводы.

1. Этнокультурные практики – основа этнического самосознания и воспроизводства этнической культуры, которая является определяющим элементом культурного кода восточных славян и воплощается в ценностях, традициях, обычаях, обрядах, верованиях, языке, устном народном творчестве, народных промыслах. Каждый элемент этнической культуры имеет собственный смысл в границах определенной культурной системы. В других системах возможны иные смыслы элементов культурного кода. В самой культурной системе также возможны изменения культурного кода в процессе адаптации к новым условиям социальной и культурной среды. В настоящее время этническая культура – неотъемлемая часть национальной культуры, которая воплощается в лучших достижениях талантливых представителей нации.

2. Анализ пословиц белорусского, русского, украинского народа как фольклорного творчества восточных славян показал, с одной стороны, преемственность и универсальность морально-этических представлений, идеалов, ценностей, стереотипов, с другой – этнокультурную, языковую специфику каждого из народов. Фольклорные произведения формировались в рамках культурной традиции, в них воплощены мировоззренческие ориентиры через средства художественной выразительности (эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения), придающие устной поэзии особый колорит и воплощающие в себе неповторимость каждой нации.

3. Исследование этнокультурных практик выявило, что белорусы и русские оценивают свое знание этнической культуры в целом как невысокое. Белорусский язык не используется как средство повседневной коммуникации

большинством респондентов, в отличие от русского языка, что является тревожным сигналом в вопросе сохранения и трансляции языковых практик белорусов. Прослеживается ограниченное участие русских и белорусских респондентов всех возрастных групп в различных видах этнокультурных практик. Вместе с тем старшие возрастные группы показывают лучшую осведомленность об этнических традициях и обычаях, чаще включают этнокультурные практики в повседневную жизнь. Белорусская молодежь демонстрирует больший интерес к этнической культуре, в отличие от своих сверстников русской национальности, что можно рассматривать как благоприятную предпосылку в дальнейшей популяризации и приобщении к национальной белорусской культуре.

4. Полученные данные позволяют сделать вывод о снижении роли этнокультурных практик в повседневной жизни общества. При этом они по-прежнему имеют большое значение для сохранения культурного кода белорусов. Невысокая популярность этнокультурных практик среди молодежи говорит о недостаточных знаниях, получаемых и усваиваемых детьми в важнейших социальных институтах – семье и школе, призванных знакомить подрастающее поколение с этнической культурой белорусов, содействовать возрождению и воспроизводству традиций через популяризацию знаний об этнической культуре своей страны.

Таким образом, подводя итог исследования, можно с определенной уверенностью сказать, что этнокультурные практики являются фиксирующим фактором генезиса и исторической перспективы культурного кода восточных славян.

Список использованных источников

1. *Гумилев, Л. Н.* От Руси к России : очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – М. : ЭКСМО, 2008. – 153 с.

2. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1955. – Т. 3. – С. 334.

3. *Басова, А. И.* Языковая репрезентация менталитета в пословицах и поговорках и их роль в межкультурной коммуникации / А. И. Басова // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгресса МАПРЯЛ (17–23 сентября 2007 г.). – Варна, 2007. – Т. 2. – С. 42–45.

4. *Клинецкая, Н. В.* Патриотизм и религия [Электронный ресурс] / Н. В. Клинецкая // Патриотизм и национальный вопрос. – Режим доступа: http://www.realisti.ru/main/patriot?id=476#ixzz4LB04Wh9p]. – Дата доступа: 25.09.2016.

5. *Бадаева, А. В.* Формы поведения в русской культуре (IX–XIX века) / А. В. Бадаева. – СПб., 2001. – 148 с.

6. Русские пословицы и поговорки о вере [Электронный ресурс] // Атеистический сайт Беларуси. – Режим доступа: http://www.a-theism.com/2011/10/blog-post.html. – Дата доступа: 25.09.2016.

7. *Вьюнов, Ю. А.* Русский культурный архетип / Ю. А. Вьюнов // Страноведение России. Характер. Склад мышления. Духовные ориентации. – М. : Флинта, 2012. – 620 с.

8. *Гумилев, Л. Н.* Этногенез и биосфера человека / Л. Н. Гумилев. – Л. : ЛГУ, 1989. – 496 с.

9. Национальный состав населения в 1999 и 2009 гг. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://census.belstat.gov.by/pdf/PopulationNation-ru-RU.pdf. – Дата доступа: 26.09.2016.

10. *Алпатов, В. М.* 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. – 2-е изд. – М. : Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2000. – 224 с.

N. L. BALICH

ETHNO-CULTURAL PRACTICES – BASIS FOR REPRODUCTION OF THE CULTURAL CODE OF THE EASTERN SLAVS

Summary

The author considers structure and characteristics of ethnic and cultural practices in the system of ethnic culture of the Eastern Slavs and features of the national consciousness of Belarusians, Ukrainians and Russians, involvement of ethnic and cultural practices in various areas of human activity, their implementation in everyday life and ethnic community.

Keywords: ethnic culture, ethnic traditions, ethno-cultural practices, national identity, cultural code.

Поступила 05.12.2016 г.

УДК 316.351

И. И. КАЛАЧЁВА,
профессор Белорусского государственного университета,
доктор исторических наук, доцент

БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА В КАРЕЛИИ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рассмотрены вопросы формирования белорусской диаспоры в Карелии в XX в., показаны этапы переселения белорусов в Карелию, разработана периодизация: 1-й этап – 1940–1944 гг.; 2-й – 1946–1950 гг.; 3-й – 1951–1960 гг. На основе исторических фактов, социологической и статистической информации показаны процессы становления диаспоры, вклад белорусских и российских ученых в исследование проблемы.

Ключевые слова: белорусская диаспора, этапы переселения в Карелию, процессы формирования диаспоры, проблемы и сложности адаптации, интеграция.

Белорусская диаспора в мире составляет около 3,5 млн человек. Несмотря на то что белорусы расселялись в разных странах с давних времен, изучение проблем диаспор и их вклада в сохранение культурной идентичности является достаточно новой проблемой. Между тем белорусы, живущие в разных странах мира, вносят существенный вклад не только в популяризацию белорусской культуры, но и поддерживают функционирование этноса как целостного образования.

В советский период исследованием проблем миграции занимались такие ученые, как Г. И. Касперович [1], А. Н. Пешкова [2], А. А. Раков [3], Л. Е. Тихонова [4] и др. Их работы и анализ тенденций в развитии миграционных процессов могут быть экстраполированы для изучения проблем переселения белорусов, их трудовой занятости на новых территориях. В 90-е гг. XX в. данная проблематика освещалась в научных публикациях энциклопедического характера и в работах таких авторов, как В. Снапковский, А. Латышонок, Л. Мирочицкий, А. Тихомиров, С. Подокшин, Г. Сергеева, А. Соболевский, А. Мальдис и др.

Результаты исследований этнокультурных трансформаций в процессе формирования современных этнических процессов нашли отражение в коллективных монографиях отечественных историков, этнографов, общественных деятелей («Беларусы», т. 1–13; «Кто живет в Беларуси» (2012 г.) и др.).

В последние годы активизировались совместные проекты белорусских и российских ученых по изучению миграционных процессов, связанных с переселением белорусов в Сибирь, на Урал, Дальний Восток. В особенности была актуализирована тематика, связанная с изучением пограничья как специфической территории, где «пересекаются» различные культурные традиции.

Следует отметить, что российские ученые исследовали проблематику «Белорусы в Карелии» достаточно глубоко: ими подготовлены и изданы работы, в которых рассмотрены этнодемографические и этнокультурные параметры портрета белорусов, изменения в семейно-брачном поведении, черты использования национальных традиций и обрядовых элементов в быту и др. Это работы ряда российских и белорусских авторов: В. Йоцюса, В. Бирина, А. Костерова, Е. Смирновой, Л. Геращенко, Л. Вавулинской, О. Кулагина и др. Масштабным проектом в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР стал проект социологического опроса, проведенного в 1979 г. Полученные результаты актуализированы во многих научных статьях, монографиях ряда российских ученых, использованы в социальном анализе развития российско-белорусских отношений и культурных связей между Беларусью и Карелией.

Белорусские исследователи П. В. Терешкович, И. Н. Романова, И. С. Маховская участвовали в подготовке совместного сборника «Устная история в Карелии. Вып. IV: Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–1950-х гг.» (2008) [5]. Эта работа явилась важным вкладом в изучение тенденций развития этнических процессов в Карелии и в Беларуси в середине XX в.

В 2015 г. коллектив исследователей Карелии и Беларуси начал реализацию международного проекта «Белорусская диаспора в Карелии: формирование и процессы интеграции (середина XX – начало XXI века)», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований (БРФФИ).

Благодаря научному осмыслению проблем был поставлен вопрос о роли белорусской диаспоры в сохранении этнической культуры и преемственности традиций, а также вопрос о возможности продвижения интересов Беларуси в другие страны, осуществления взаимовыгодного партнерства и сотрудничества в политической, экономической, социально-культурной сферах.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Российской Федерации проживает 521,4 тыс. белорусов, из них 23,3 тыс. человек – в Республике Карелия [6]. Карелия занимает пятое место по численности белорусов, проживающих в субъектах Российской Федерации, уступая Москве (39,2 тыс.), Санкт-Петербургу (38,1 тыс.), Калининградской (32,5 тыс.) и Московской (31,6 тыс.) областям.

Очевидно, что этническая группа белорусов довольно большая. В начале XX в. белорусов в Карелии было немного: в 1926 г. их насчитывалось 0,55 тыс. человек (0,2 % в населении Карелии), в 1933 г. – 1,9 тыс. (0,5 %), в 1939 г. – 4,3 тыс. (0,9 %) [7, с. 108].

Переселение белорусов началось в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Часть людей прибыла еще накануне Великой Отечественной войны и была расселена в Карело-Финской ССР (это территория Карельского перешейка и Северо-

Западного Приладожья, о чем был подписан договор между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г.).

Переселение белорусов в Карело-Финскую ССР являлось частью государственного проекта по заселению этой необжитой территории. Руководством страны была поставлена задача: за период 1940–1941 гг. переселить 40 тыс. семей колхозников. Однако задача не была выполнена в связи с «нарастанием военной опасности» [8].

В послевоенные годы переселение людей стало массовым явлением. Белорусы переезжали в основном из Барановичского и Молодечненского районов, Гомельской, Гродненской, Могилевской областей. Кроме белорусов, в Карелию ехали переселенцы из Чувашской, Татарской, Мордовской АССР, Брянской, Тамбовской, Кировской, Смоленской, Рязанской, Горьковской, Ленинградской областей. Анализ данных архивных источников дает возможность оценить всю палитру социальных, экономических, культурных проблем, связанных с переездом белорусов [9; 10; 11].

Переселенцы из Беларуси заселялись и жили преимущественнно в лесных поселках на юго-западе и западе Карелии (в конце 1950-х гг. там проживало около 80 % всего сельского белорусского населения Карелии). Основным местом их проживания стала территория Северо-Западного Приладожья и Западно-Карельской железной дороги, а также Центральной Карелии. Эта тенденция сохранилась и до настоящего времени.

В целом в 1959 г. численность белорусов составила 71,9 тыс. человек (или 11 % в населении республики), лишь немногим уступая титульной национальности – карелам. Они почти в 17 раз увеличили свою численность по сравнению с 1939 г. Больше половины переселенцев из Беларуси проживали в сельской местности, где их доля в составе населения достигала 15,5 %.

С тех пор и до настоящего времени белорусы остаются третьей по величине национальностью республики (после русских и карелов). В 1959 г. Карелия занимала первое место по численности белорусов, проживавших в Российской Федерации (для сравнения: в Калининградской области их насчитывалось 57,2 тыс. человек, в г. Ленинграде – 47 тыс. человек, в г. Москве – 34,4 тыс. человек [6]).

Но с середины 1960-х гг., в связи со снижением темпов развития лесозаготовительной промышленности Карелии и снижением уровня жизни, многие белорусы стали возвращаться на родину. Их численность неуклонно сокращалась: в 1970 г. она составляла 66,4 тыс. человек (9,3 % населения республики), в 1979 г. – 59,4 тыс. (8,1 %), в 1989 г. – 55,5 тыс. (7,0 %), в 2002 г. – 37,7 тыс. (5,3 %), в 2010 г. – 23,3 тыс. человек (3,8 %)[1].

По данным этносоциологического исследования 1979 г., каждый седьмой опрошенный белорус родился и вырос в Карелии, более половины их являлись первопоселенцами и проживали в Карелии свыше 20 лет, и почти каждый четвертый из них жил здесь от 10 до 20 лет.

[1] Данные Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия.

Обобщая вышесказанное, отметим, что наиболее интенсивно процесс переселения белорусов в Карелию происходил в 40–60-х гг. XX в., что позволяет разделить его на три наиболее важных этапа (условно): 1-й – 1940–1944 гг.; 2-й – 1946–1950 гг.; 3-й – 1951–1960 гг.

Однако не все процессы переселения в Карелию протекали в соответствии с государственными задачами. Многое на местах решала местная администрация, касалось это как белорусской, так и карельской сторон [10; 11; 12].

Например, постановление Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 г. предусматривало, что переселенцы, направляемые в леспромхозы КАССР, должны быть обеспечены приусадебными участками, сенокосными угодьями, жилыми и приусадебными постройками. Однако в большинстве случаев принятые постановления не учитывали социально-экономического развития того или иного региона, природно-климатических условий, возможностей местных властей обеспечить людей самым необходимым. Так, в записке Отдела переселения и репатриации при Совете Министров БССР, направленной в ЦК КП(б)Б, отмечалось, что в КАССР приусадебные участки переселенцы вынуждены были обрабатывать сами, а сенокосных угодий в леспромхозах вообще не имелось.

Не менее сложным являлся вопрос обеспечения переселенцев домами. Так, например, 69 переселенцев из Барановичской области, направленных в Ладвинский, Олонецкий и Кировский леспромхозы КАССР в апреле 1950 г., сообщали в письмах своим родным и знакомым о плохих жилищных условиях. В аналогичном положении оказались 25 семей из Гродненской области, направленные в мае этого же года на работу на Нейстенярвский лесозавод: администрация не подготовилась к приему и устройству переселенцев, людей расселили по 3–4 семьи в одной комнате [13].

Не лучшим образом обстояло дело и с наделением новоселов приусадебными участками и сенокосными угодьями. По причине отсутствия пастбищ, возможности заготавливать фураж для скота многие переселенцы вынуждены были зарезать привезенных с собой коров.

Многочисленные жалобы переселенцев, направляемые в различные партийно-государственные органы, возвращения людей обратно в БССР вызывали обеспокоенность руководства республики. В июле 1950 г. Совет Министров БССР направил в КАССР группу сотрудников с целью проверки приема переселенцев. В результате было установлено, что, действительно, все сообщения о плохом устройстве людей, поступавшие от переселенцев, начальников эшелонов, вполне обоснованы. По итогам проверки была подготовлена записка, в которой подчеркивалось, что при посещении 350 семей и в индивидуальных беседах с переселенцами было выяснено, что в ряде леспромхозов – Петровском, Олонецком, Пряжинском, Пудожском, Лаймольском, Паданском, Кировском, Восточно-Идельском – в большинстве случаев семьи размещены скученно, надворные постройки отсутствуют, приусадебными участками и сенокосными угодьями подавляющее большинство переселенцев не обеспечено.

Неудовлетворительная организация приема и хозяйственно-бытового устройства переселенцев из БССР в КАССР, продолжавшаяся на протяжении ряда лет, заставила Совет Министров БССР попытаться через союзное правительство решить эту проблему.

Так, в 1952 г. Совет Министров БССР подготовил проект письма в Президиум Совета Министров СССР, в котором отмечалось, что правительство республики располагает убедительными фактами того, что руководители КАССР невнимательно относятся к переселенцам, неудовлетворительно принимают и обустраивают их, не обеспечивают необходимыми жилищными условиями, приусадебными участками, сенокосными угодьями и т. д.

Учитывая эти и другие факты, Совет Министров БССР ходатайствовал перед Советом Министров СССР о снятии с республики плана переселения в КАССР. Проект письма в Совет Министров СССР был подготовлен на основе материалов, собранных специальной комиссией, которая в 1952 г. проверяла организацию приема и устройства переселенцев в КАССР. Неудовлетворительная работа руководства КАССР по приему и устройству переселенцев стала предметом обсуждения на коллегии Министерства лесной промышленности СССР.

По итогам рассмотрения этого вопроса 4 октября 1952 г. Министерством лесной промышленности СССР был издан приказ «О крупных недостатках в приеме, хозяйственном и трудовом устройстве переселенцев на предприятиях Министерства лесной промышленности КФССР», в котором были вскрыты причины, а также намечены мероприятия по устранению имеющихся недостатков. В приказе не упоминались факты неудовлетворительного приема переселенцев из БССР, однако перечисление в приказе леспромхозов, трестов, где неудовлетворительно относились к приему переселенцев, свидетельствует, что в Министерстве лесной промышленности СССР знали о том, как в КАССР принимают переселенцев из БССР.

Несмотря на решения, принимаемые на общесоюзном уровне, в середине 1950-х гг. положение не изменилось к лучшему. Так, например, из 1014 семей, направленных в 1949 г. в КАССР, возвратилась 661 семья. Осенью 1950 г. из колхозов КАССР в БССР вернулось 32 семьи, в том числе из Кондопожского района – 12, из Медвежьегорского – 5, Сегежского – 6, из Лоухского – 2, Шелтозерского – 7 семей.

В 1953 г. количество «обратников» значительно возросло. В 1953 г. в БССР из КАССР возвратились 262 семьи. В докладной записке Начальника переселенческого управления при Совете Министров БССР, направленной в сентябре 1955 г. заместителю Председателя Совета Министров СССР, говорилось, что серьезным тормозом в выполнении плана переселения является возвращение большого количества переселенцев из районов лесозаготовок. По данным комбината «Комипермлес», за 4 года (1951–1955) на предприятия комбината прибыло 4152 семьи переселенцев, а выбыло 1457 семей, что составляло 35,1 %.

Из этого следует, что более трети переселенцев возвратились в БССР, и главной причиной возвращения являлось, прежде всего, неудовлетворительное хозяйственно-бытовое устройство в местах их вселения.

Закрепляемость белорусов значительно улучшилась к концу 1950-х – началу 1960-х гг. Это было связано со значительно возросшим вниманием как центральных, так и местных властей к нуждам переселенцев. Прежде всего, улучшилось хозяйственно-бытовое устройство поселенцев: обеспечение домами, хозяйственными постройками, создание социальной инфраструктуры. Строительство школ, детских садов, больниц, библиотек – все это в совокупности способствовало адаптации переселенцев в местах вселения.

Таким образом, анализ событий, связанных с переселением белорусов в Карелию, позволяет сделать вывод о том, что перемещение больших групп людей на другую территорию являлось частью государственной миграционной политики Советского Союза и соответствовало потребностям самих переселенцев. Именно организационные, социально-экономические и культурные факторы стали основой для формирования белорусской диаспоры, ее становления и развития в последующие годы. Однако, как показали архивные материалы, сложные вопросы адаптации, связанные с переселением людей, решались не сразу, что потребовало больших затрат на их реализацию. Поэтому проблема сохранения этнической целостности и идентичности белорусов не стала важнейшей в рассматриваемый период, что впоследствии привело к ускорению ассимиляционных процессов.

Список использованных источников

1. *Касперович, Г. И.* Миграция населения в города и этнические процессы: на материалах исследования городского населения БССР / Г. И. Касперович. – Минск : Наука и техника, 1985. – 149 с.

2. *Пешкова, А. Н.* Миграция населения Белоруссии / А. Н. Пешкова. – Минск, 1973. – 138 с.

3. *Раков, А. А.* Население БССР / А. А. Раков. – Минск : Наука и техника, 1969. – 219 с.

4. *Тихонова, Л. Е.* Социально-экономические аспекты миграции населения БССР : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.18 / Л. Е. Тихонова; АН СССР, Ин-т социол. исслед. – М., 1982. – 19 с.

5. Устная история в Карелии : сб. науч. ст. и источников. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. – Вып. IV : Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–1950-х гг. / сост. и науч. ред. И. Р. Такало [и др.]. – 400 с.

6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – Петрозаводск : Карелиястат, 2013. – Т. 5 : Национальный состав и владение языками, гражданство.

7. *Бирин, В. Н.* Население Карелии в XX веке (формирование этнического состава) / В. Н. Бирин // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 6 июня 2000 г. – Петрозаводск, 2000.

8. *Веригин, С. Г.* Ленинград и Советская Карелия (совместное освоение «новых финских территорий» после окончания Зимней войны) [Электронный ресурс] / С. Г. Веригин. – Режим доступа: http://maxpark.com/community/4375/content/2231219. – Дата доступа: 12.08.2016.

9. Доклад об итогах переселения семей колхозников и другого населения из Белорусской ССР в Карело-Финскую ССР, Калининградскую, Архангельскую, Тюменскую и Томскую области в 1950 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1.

10. Материалы переселения граждан в Карело-Финскую АССР и Сахалинскую область (докладные записки, отчеты, переписка), 1.09.1950–30.09.1950 г. // НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1945.

11. Материалы переселения граждан в Карело-Финскую АССР и Сахалинскую область (докладные записки, отчеты, переписка), 1.09.1950–30.09.1950 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16281. Л. 23.

12. *Вавулинская, Л. И.* Демографическая ситуация и переселение в Карело-Финскую ССР (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) / Л. И. Вавулинская // Ист. демография. – 2011. – № 2 (8). – С. 24–27.

13. Переселяйтесь в леспромхозы Карело-Финской АССР: письма и рассказы наших земляков / Гл. упр. переселения и оргнабора рабочих при СМ БССР [сост. Ю. И. Домбровский]. – Минск : ЦК КПБ, 1955. – 23 с.

I. I. KALATCHJOVA

BELARUSIAN DIASPORA IN KARELIA: PROBLEMS OF IDENTITY PRESERVATION

Summary

The questions of the belarusian diaspora formation in Karelia in 20th century are considered, the stages of the Belarusians moving to Karelia are shown, the periodization of the most active period is given: the 1st period is 1940–1944, the 2nd one is 1946–1950 and the 3rd is 1951–1960. Based on the historical facts, statistics and sociology, the processes of formation of the diaspora are shown, as well as the contribution of belarusian and russian scientists in the research of the matter.

Keywords: Belarusian diaspora, stages of moving to Karelia, processes of the diaspora formation, problems and difficulties of adaptation, integration.

Поступила 14.11.2016 г.

УДК 792-027.561/562:[379.82+379.83](476)

А. В. КАЛАШНИКОВА,

исследователь-искусствовед, доцент кафедры менеджмента социально-культурной деятельности Белорусского государственного института культуры и искусств, г. Минск

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ТЕАТРЫ КАК СЕГМЕНТЫ ИНДУСТРИИ ДОСУГА БЕЛАРУСИ

Статья отражает количественные и качественные показатели динамики развития профессиональных и любительских театров в Республике Беларусь, выявляется их потенциал в развитии индустрии досуга. Рассматриваются предпосылки и факторы, которые определяют перспективность театрального туризма в стране.

Ключевые слова: индустрия досуга, профессиональный и любительский театр, организационные особенности театрального фестиваля, предпосылки театрального туризма.

Теоретико-методологические аспекты развития индустрии досуга и ее историко-аксиологические основы рассматриваются в трудах российских исследователей М. А. Ариарского, Г. М. Бирженюка, В. А. Есакова, А. Д. Жаркова, А. П. Маркова, В. Е. Новаторова, Г. Н. Новиковой, М. П. Переверзева, В. Д. Пономарева, Л. В. Секретова, Г. Л. Тульчинского, Н. А. Хренова, Н. Н. Ярошенко и других авторов. Индустрия досуга как сфера научных интересов белорусских культурологов представлена в публикациях Н. Н. Королева, Е. А. Макаровой, А. И. Степанцова, И. Л. Смаргович, М. А. Веренич и др. Активное исследование индустрии досуга в республике проводится на кафедре менеджмента социально-культурной деятельности Белорусского государственного университета культуры и искусств (И. М. Шумская, С. И. Пациенко, И. А. Рябушкина, В. Е. Жидович и др.).

Сегментами мировой индустрии досуга являются развлечения, праздники (event-индустрия), шоу-индустрия, индустрия семейного досуга, индустрия детского отдыха и досуга, игровая индустрия, компьютерная индустрия, кино, туризм, индустрия моды (фэшн-индустрия), спорта, интимного досуга (sex-индустрия), анимационная индустрия и др. Рассматривая социально-культурные аспекты индустрии досуга, российский исследователь Л. В. Секретова относит к ней более 50 организаций досуговой деятельности. Феномен индустрии досуга включает не только индустрию досуга как единого целого, но и индустрию отдельных видов досуга, а также индустрию, «сопутствующую» досуговой деятельности [1, с. 50]. В пространство индустрии досуга входят следующие виды индустрий: звукозаписывающая индустрия, индустрия

гостеприимства, торгово-досуговая индустрия, индустрия кафе и ресторанов, индустрия красоты, здоровья и др.

Но не все сегменты индустрии досуга в полной мере освящены в научной литературе, как и реализация в них социально-культурных технологий. Театральный туризм как сегмент индустрии досуга наименее изучен культурологами и социологами, так как традиционно деятельность театров в стране представляет сферу интересов искусствоведов и театральной критики. Однако искусствоведы рассматривают только художественно-творческие аспекты театрально-постановочного процесса, как правило, без учета потребностей зрителя – конечного потребителя театральных услуг. Исследования последних лет, отраженные в публикациях белорусских ученых В. А. Салеева, Р. Л. Бузука, А. М. Стельмах, несколько поправили ситуацию в этом плане, но проблема изучения предпосылок и перспектив создания индустрии театрального туризма в республике остается. Цель данной статьи – на основе анализа состояния динамики театрального процесса в республике выявить предпосылки и перспективы развития театрального туризма как сегмента индустрии досуга в нашей стране.

Профессиональные театры нашей страны являются производственно-творческими комплексами, обладающими значительной ресурсной базой во всех ее составляющих, среди которых выделяется кадровый ресурс. Современное общество устанавливает высокие требования к профессиональным театральным кадрам и оценке кадрового потенциала каждого конкретного театрального коллектива.

Демократичный характер творчества в любительском театре, наоборот, позволяет проявить каждой заинтересованной личности свою творческую активность, вне зависимости от артистического потенциала, профессии, возрастных и других рамок социального статуса человека. Многие коллективы являются стабильными и постоянно действующими, что принципиально в нашем исследовании. Под стабильными и постоянно действующими коллективами исследователи досуга понимают театры, которые существуют более 5 лет, где не менялся руководитель и регулярно выпускаются спектакли – не менее одного в год.

В настоящее время в республике действуют 29 государственных театров разных жанров: кукольные, драматические, музыкальные театры, театр эстрады. В системе Министерства культуры республики работают 28 профессиональных коллективов: 2 музыкальных, 19 драматических, 7 кукольных. В среднем около 30 гастрольных поездок в год совершают белорусские профессиональные театральные коллективы. В 2015 г. гастроли белорусских театров состоялись на территории таких государств, как Азербайджан, Австрия, Германия, Италия, Испания, Китай, Латвия, Литва, Польша, России, Украина, Франция, Чехия и др. Расширение географии поездок способствует приобретению известности деятелей наших театров за рубежом, а следовательно, может рассматриваться как одна из предпосылок развития театрального туризма.

Продолжает работать Программа развития государственных театров (в рамках Государственных программ развития культуры (2011–2015) и (2016–2020)). В плане реконструкции находятся 24 театра, в том числе 4 – республиканские, 20 – коммунальной формы собственности. За годы Программы был отремонтирован и переоснащен Национальный академический Большой театр оперы и балета Республики Беларусь, Национальный академический театр им. Я. Купалы. Событием 2015 г. стало открытие после ремонта здания Белорусского республиканского театра юного зрителя (ТЮЗа), завершается работа над реконструкцией здания заслуженного коллектива Республики Беларусь «Брестский театр кукол» и др. Модернизация театрально-зрелищных учреждений является важной предпосылкой для развития театрального туризма, потому что обеспечивает комфортные условия для творческой деятельности театра и комфорта зрителя, повышает качество предлагаемых услуг, рост сопутствующей инфраструктуры, обслуживающей театр и публику.

Систематически в республике проводятся фестивали, форумы и смотры-конкурсы театрального искусства. Многие международные театральные фестивали профессионального искусства имеют уже многолетнюю историю, и фестивальным движением охвачены практически все регионы республики, что также является и преимуществом, предпосылкой при формировании театральных туров по Беларуси. Это:

Международный театральный фестиваль «Белая вежа» (Брест);

Международный фестиваль театрального искусства «Панорама»;

Театральная неделя с «Белгазпромбанком» – «ТЕАРТ» (Минск);

Фестиваль национальной драматургии (Бобруйск);

Международный фестиваль театрального искусства «Славянские театральные встречи» (Гомель);

Международный молодежный театральный форум «M@rt.контакт» (Могилев);

Международный фестиваль театров кукол (Минск).

Появляются новые фестивали и театральные форумы. Впервые в мае 2012 г. в Гродно состоялся I Международный фестиваль кукольных театров «Лялькі над Нёманам», в котором было представлено 12 спектаклей кукольных театров из Беларуси, Литвы, Украины, России, Польши. С 2014 г. в рамках Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске» проходят смотры театров кукол. Ценность большого количества мероприятий с участием театров кукол проявляется в том, что они направлены на организацию семейного досуга и являются предпосылками семейного театрального туризма.

Ситуация в стране сложилась таким образом, что организаторами театральных фестивалей в республике выступают областные исполнительные комитеты, городские исполнительные комитеты, Министерство культуры Республики Беларусь и театры на местах. Несмотря на сложную экономическую ситуацию последних лет, только за период 2015 г. в республике прове-

дено шесть крупных международных театральных фестивалей и форумов, которые имели мощный резонанс в отечественной прессе и зарубежных средствах массовой информации и показали заинтересованность государства в поддержке профессионального театрального искусства и любительского театрального творчества: «M@rt.контакт», «Белая Вежа», Рождественский оперный форум, «ТЕАРТ», II Молодежный театральный форум стран Содружества, Балтии и Грузии. Возобновлено проведение Республиканского фестиваля национальной драматургии имени В. И. Дунина-Марцинкевича в Бобруйске.

Обмен творческим опытом, безусловно, способствует творческому росту театральных коллективов Беларуси. Высокий художественный уровень спектаклей белорусских театров подтверждают многочисленные награды, которых удостаиваются работы отечественных театров на зарубежных международных фестивалях (в отличие, например, от белорусского кинематографа, для развития которого государство выделяет большие финансовые средства).

Фестивали театрального искусства помогают развивать городскую инфраструктуру, делать жизнь горожан комфортней, а досуг – организованным и событийно-насыщенным. С помощью фестиваля сам город постепенно приобретает традицию и мифологему, становится более привлекательным для гостей и туристов.

Рассматривая профессиональные театры как субъекты индустрии досуга, отметим высокие статистические показатели за последний год (по посещаемости театры уступили в 2015 г. только кинотеатрам и музеям). Всего за 2015 г. театрами страны было осуществлено 8 тыс. показов, 1 млн 805 тыс. зрителей посетили белорусские театры за год [2]. Однако обратим внимание, что коммерциализация обеспечивает рост посещаемости, но не способствует сохранению национальной идентичности. Тревожит, что из 120 премьерных спектаклей, поставленных в 2015 г., 30 создано по пьесам белорусских авторов, что составляет только 25 %. Это важный показатель сохранения национальной культуры и языка средствами театрального искусства, который нуждается в отдельном комментарии и исследовании (для сравнения, в объеме вещания отечественных радиостанций музыка белорусских исполнителей по законодательству должна занимать не менее 75 %).

Деятельность любительских кукольных театров в нашей стране удовлетворяет культурные и эстетические потребности населения на местах и обеспечивает организацию преимущественно детского и молодежного досуга. Сеть учреждений культуры и искусства в республике, обеспечивающих функционирование любительского театрального творчества (театральные кружки, студии, театры кукол, театральные объединения), представлена культурно-просветительными (дома культуры, библиотеки, музеи, дома ремесел), театрально-зрелищными (театры, спортивно-культурные центры), внешкольными учебными (учреждения дополнительного образования, школы искусств) учреждениями.

По данным на 2010 г. (сегодня данные показатели несколько снизились в связи с уменьшением количества домов культуры на селе), в стране существовал 2871 любительский коллектив театрального творчества, среди них 1815 – детских, примерно половина связана с творчеством театра кукол. Всего в подобных театрах участвует 28 727 человек, более 18 тысяч – дети. Любительским коллективам театрального творчества присуждается звание «народный» или «образцовый», сегодня в Беларуси их 176 [3, с. 45–46]. Например, только в Брестской области для детей создано 22 кукольных театра, 6 из них удостоены звания «заслуженный». Областные смотры-конкурсы в Гомельской области ежегодно объединяют в среднем 11 образцовых любительских театральных и кукольных коллективов. Некоторые коллективы имеют долгую историю творчества: кукольный театр «Чараўнік» (Житковичский ГЦК) работает с 1986 г. и имеет театральную труппу из 30 учеников четырех школ и городской гимназии г. Житковичи. Уникальный образцовый кукольный театр «Шчарсунок» под руководством Я. Монич – «жемчужина» в культурной жизни агрогородка Щорсы Новогрудского района, который работает на базе сельского дома культуры уже 30 лет.

В республике проводятся театральные фестивали и форумы, способствующие развитию творчества любительских театров. В шестой раз (с 2013 г.) в Минске проходит фестиваль «Двери», который является своеобразным срезом творчества современных любительских театров. Знаковым культурным событием стал Международный фестиваль экспериментальных театров «Тот самый фестиваль» (Минск), который собрал под своим началом 18 любительских театральных трупп – это более 280 участников и специальных гостей из девяти стран мира. В 2013 г. состоялся юбилейный X Международный фестиваль студенческих театров «Куфар», который собирает более 30 студенческих театров ежегодно.

В программе VIII городского фестиваля любительских театральных коллективов «Свет рампы» (2016) в Могилеве представили свои постановки любительские труппы из Киева, Минска, Орши, Краснополья и Светлогорска, в фестивале участвовали представители общественного объединения города на Днепре «Могилевская еврейская община» – народный еврейский театр «Шалом». Таким образом, любительские театры принимают активное участие в мероприятиях города, области, республики, обеспечивая культурное многообразие.

Особую роль в сохранении народных традиций играет старинный белорусский театр кукол «Батлейка». Реконструкция батлеек помогает организации досуга посетителей частных агроусадеб и в расширении спектра услуг учреждений культуры агрогородков и села.

Любительское театральное творчество также является «индикатором потребностей зрителя» для профессионального театра и его «питательной средой», так как выявляет эстетические потребности подрастающего зрителя и порождает новые приемы сценографии и режиссуры. В последние годы

в республике получили распространение перформативные практики, которые помогают по-новому взглянуть на существующие или ускользающие от внимания общества проблемы.

Большой потенциал с точки зрения развития индустрии досуга имеет Минский форум уличных театров – международный фестиваль уличного искусства, который ежегодно проводится в столице с 2013 г. (арт-директор Владимир Галак). Четвертый форум уличных театров в мае 2016 г. собрал почти полторы сотни уличных артистов из Беларуси, России, Польши, Приднестровья и Германии. Пока это первый и единственный фестиваль подобного профиля в стране, но популярность таких фестивалей за рубежом и в разных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Тула и др.) убеждает в их целесообразности.

Анализируя опыт проведения фестивалей уличных театров в столице республики, обратим внимание на организационные особенности театрального фестиваля:

большую роль в организации фестиваля играет наличие поддержки властей города (городского исполнительного комитета) или региональных государственных структур;

необходима «привязка» к важному для города информационному поводу: для проведения фестиваля уличных театров в Минске в первый раз в 2013 г. информационным поводом был День города, в 2014 г. – чемпионат мира по хоккею;

необходимо большое открытое и хорошо структурированное пространство для показов и размещения (и циркуляции потока) зрителей и участников;

обогащает программу фестиваля совместное участие в программе профессиональных и любительских театров и зарубежных гостей;

необходимо организовать поддержку городского сообщества и понимание организаторами и участниками того, что мероприятие формирует благоприятный имидж белорусского города и республики в целом.

Минск как столица европейского государства нуждается в грамотном целенаправленном продвижении театральной индустрии, но этот процесс тесно связан с технологиями имиджирования города. До сих пор процесс формирования и развития имиджа белорусской столицы носит во многом эпизодический характер, не имея под собой четко определенной стратегии и складываясь из отдельных, зачастую не связанных между собой мероприятий и социальных рекламных кампаний.

Одной из ключевых проблем в процессе разработки и продвижения имиджа города является выбор основания его позиционирования. Белорусский искусствовед Т. Г. Горанская считает, что такие основания можно отыскать в интерпретации города белорусскими художниками, которые часто обращаются к мифу, фантасмагории и театральности [4, с. 11]. Развивающееся движение уличных театров и театральных фестивалей, на наш взгляд, может способствовать созданию образа «города-театра», уже обозначенного в твор-

честве белорусских художников. Таким образом, деятельность театров в пространстве индустрии досуга предоставляет возможность закрепить образ «города-театра» в сознании городского сообщества и помочь развитию индустрии театрального туризма в стране.

Как следует из вышесказанного, предпосылки для развития театрального туризма, как сегмента индустрии досуга, уже сложились.

Театральный туризм – специальный вид туризма и перспективное направление в индустрии досуга. Театральный туризм представляет собой деятельность по организации тура с посещением театров, театральных фестивалей, осуществлением экскурсий в театральные музеи, встречи с актерами, режиссерами и непосредственно сами путешествия. Выделяют следующие категории театрального туризма:

внутренний и въездной театральный туризм в пределах страны;

национальный театральный туризм: внутренний и выездной;

международный театральный туризм: въездной и выездной.

Наиболее высокие показатели въездного туризма отмечены в таких странах, как Франция (театры-кабаре «Мулен-руж» и «Лидо»), Италия (оперные театры), Америка (бродвейские театры).

Анализ ситуации с внутренним и въездным туризмом в Республике Беларусь показал, что на белорусском туристическом рынке практически отсутствуют предложения въездных и выездных театральных туров, но имеются отдельные предложения театрального туризма в пределах столицы. Сегодня еще сложно назвать Минск театральным городом, а другие города республики становятся ими лишь на время фестивалей. Будет ли спрос на выездной театральный туризм в Республике Беларусь? Мы считаем, что театральный туризм – перспективный для развития сегмент индустрии досуга и в нашей стране. Опираясь на статистику динамики театрально-постановочного процесса, выскажем аргументы в пользу въездного театрального туризма.

Беларусь – лидер по посещаемости на один театр среди стран СНГ (рис. 1).

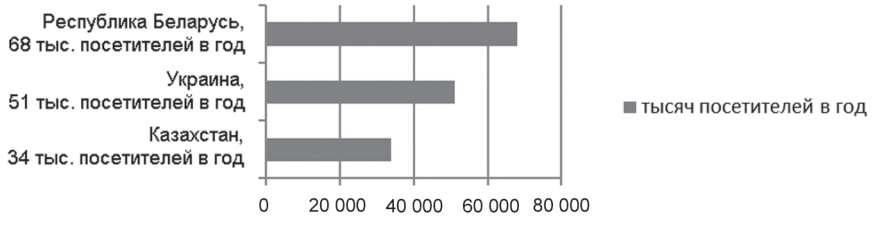


Рис. 1. Посещаемость зрителей на один театр среди стран СНГ[1]

Наша республика по общему количеству посещений театров, из числа стран с населением менее 20 млн человек, только на 1 % уступает Казахстану.

[1] *Источник:* данные социологических исследований Статистического комитета СНГ 2009 г.

Беларусь лидирует по количеству спектаклей на один театр (рис. 2).

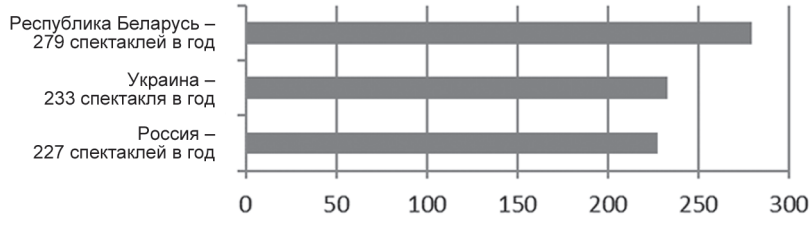


Рис. 2. Количество выпущенных спектаклей на один театр в год[1]

Республика Беларусь имеет высокие показатели по обслуживанию населения театральными услугами и опыт организации данных услуг благодаря фестивалям, соответствующую инфраструктуру, обслуживающую туристов.

Однако на перспективы развития театрального туризма как сегмента индустрии досуга влияет целый ряд внешних и внутренних факторов: международных, экономических, нормативных, технических, морально-этических и иных. Ссылаясь на разработки Л. В. Секретовой, выделим наиболее существенные внешние факторы:

установление международных связей Беларуси с Востоком и Западом, активная туристическая деятельность белорусов, широкий опыт знакомства с досуговыми традициями и индустриями зарубежных стран;

сужение сектора государственных организаций и, соответственно, расширение сектора частных предприятий в сфере досуга;

пропаганда образцов, моделей и эталонов досугового поведения (детей, молодежи и др.) преимущественно через СМИ;

усиление дифференциации общества и, следовательно, дифференциации субъектов и объектов досуговой деятельности по имущественному признаку, что вызывает дифференциацию избираемых досуговых занятий не только по признаку досугового интереса, но и по признаку стоимостной доступности [1, с. 53].

Театральный туризм – перспективный для развития сегмент индустрии досуга внутри нашей страны (внутренний театральный туризм), так как белорусы – истинные ценители театрального искусства, что подтверждает вышеизложенная статистика. На белорусском рынке туристических услуг ниша организации театральных туров остается практически не заполненной. Сравнительно невысокая стоимость билетов в театры обеспечивает доступность национального и международного театрального туризма в нашей стране.

К внутренним факторам, стимулирующим развитие театральной отрасли изнутри, относятся:

рост конкуренции между театрально-зрелищными организациями и учреждениями, работающими на рынке досуговых услуг;

[1] *Источник:* данные социологических исследований Статистического комитета СНГ 2009 г.

увеличение затрат на маркетинг и рекламу;

усложнение технологической системы формирования и оказания театральных услуг и, как следствие, их удорожание (продажа билетов и реклама через Интернет, техподдержка сайтов театра и др.);

вхождение театральной индустрии досуга в сектор экономики, приносящий все большие доходы в бюджет (за счет налогов) и предоставляющий все больше мест для трудоустройства, как для специалистов сферы культуры и искусства, так и работников административного и технического персонала [1, с. 53–54].

Таким образом, предпосылками для развития театрального туризма в республике является наличие большого количества профессиональных и любительских театральных коллективов с высоким качеством сценических постановок, расширение географии гастрольных поездок отечественных театров, модернизация театрально-зрелищных учреждений, поступательное развитие сопутствующей инфраструктуры городов в период проведения театральных фестивалей. Театральное движение в городском пространстве становится фактором формирования благоприятного имиджа больших и малых городов республики и поведенческой культуры горожан. Перспективы индустрии «театрального досуга» будет обусловливать ряд вышеобозначенных факторов, но ключевыми, от которых напрямую зависит развитие театрального туризма, являются: возрастание значимости досуга в структуре ценностей человека, особенно молодежи; включение театральной индустрии в поле нормативно-правового регулирования, государственной и региональной культурной политики.

Театральный туризм (выездной, въездной, внутренний), как сегмент индустрии досуга, может быть коммерчески выгодным при грамотной организации (понятно, что театральный туризм будет уступать по массовости популярным сегодня поездкам на спортивные матчи, так как рассчитан на другую аудиторию). Внутренний театральный туризм может внести ощутимый вклад в повышение общего уровня культуры белорусов, реализацию холистического (целостного) образа жизни, укрепление института семьи, так как посещение театра должно носить семейный характер.

Список использованных источников

1. *Секретова, Л. В.* Индустрия досуга: социально-культурный аспект / Л. В. Секретова // Тр. СПбГУКИ. – 2013. – Т. 195. – С. 47–55.

2. Белорусские театры в 2015 году посетили более 1,8 млн человек [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.belta.by/culture/view/belorusskie-teatry-v-2015-godu-posetili-bolee-18-mln-chelovek-186700-2016/. – Дата доступа: 24.03.2016.

3. Беларуская культура сёння : гадавы агляд, 2010 / І. В. Анціпенка [і інш.]; пад агул. рэд. Т. І. Стружэцкага ; М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Ін-т культуры Беларусі. – Мінск : БДУ культуры і мастацтваў, 2011. – 144 с.

4. *Горанская, Т. Г.* Образ города в изобразительном искусстве Беларуси XX – начала XXI в. : автореф. дис. … канд. искусствоведения : 17.00.04 / Т. Г. Горанская ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, яз. и лит. – Минск, 2015. – 24 с.

A. V. KALASHNIKOVA

PROFESSIONAL AND AMATEUR THEATRES AS SEGMENTS OF THE LEISURE INDUSTRY OF BELARUS

Summary

The article reflects the quantitative and qualitative indicators of the dynamics of the development of professional and amateur theaters in Belarus as well as potential of the theaters in the development of the leisure industry were revealed. The author examines the preconditions and factors that determine the prospects for tourism.

Keywords: leisure industry, professional and amateur theater, organizational peculiarities of theater festival, preconditions of theater tourism.

Поступила 25.10.2016 г.

УДК 351.746.1:316

В. Г. МОИСЕЕНКО,
заместитель Председателя Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, генерал-майор

А. В. ВОЙТЕХОВСКИЙ,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь», кандидат философских наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КУРСАНТОВ ИНСТИТУТА ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена рассмотрению проблемы формирования патриотических ценностей курсантов Государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь». Рассматриваются основные направления патриотического воспитания курсантов. Конкретизированы основные факторы, способствующие успешному патриотическому воспитанию курсантов в современных условиях.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, органы пограничной службы, патриотические ценности, курсант.

Современные информационные технологии и телекоммуникации значительно расширили возможности человека в его интеллектуальном, профессиональном и личностном развитии. Однако, став мощным средством познания, преобразования мира и самого человека, информационные технологии в то же время превратились для него в самую серьезную угрозу. В настоящее время перед обществом встала проблема информационно-психологической безопасности [1, с. 4].

Процессы глобализации значительно усложняют воспитательный процесс. Они связаны с таким важным источником получения информации, как Интернет. Белорусский политолог А. П. Мельников указывает, что «под влиянием западной массовой культуры, особенно американской, истончается слой гуманистической, подлинно национальной культуры… засилье бездуховности, подделки под культуру… подрубают корни национального художественного возрождения, тормозят развитие национального самосознания» [2, с. 55].

Как известно, без национального самосознания невозможно сформировать настоящего патриота своей страны, своего народа, своей родной земли. Полковник запаса органов пограничной службы Республики Беларусь М. И. Скомский указывал: «Исходя из различных прогнозов развития мировых

процессов в обозримом будущем, по-прежнему будут развиваться мировые глобальные процессы в политике, экономике, информации, культуре, что потребует и соответствующего сопровождения… то есть борьба за сознание и души людей, особенно военнослужащих, будет все более изощренной, с использованием современных информационных и иных технологий. Воспитание патриотизма, формирование национального самосознания все больше будут считаться вредными и ненужными» [3, с. 20]. Ветеран пограничной службы, бывший председатель ветеранской организации органов пограничной службы С. Н. Шереметьев в своем докладе по этому поводу отмечал: «Скажу откровенное, ветеранов волнует, чтобы сегодняшний офицер-пограничник не перестал быть государственным человеком, чтобы наряду с готовностью к выполнению задач пограничной службы он глубоко осознал всю свою ответственность за судьбу государства, за народ, за сохранение и развитие патриотических традиций пограничников. Это волнение обусловлено осознанием, что в условиях массированной информационной агрессии трудно сохранять чувство государственного патриотизма, в особенности у молодых офицеров-пограничников». Это высказывание равно касается всех военнослужащих органов пограничной службы [4, с. 32].

В таких условиях воспитание граждан Республики Беларусь в духе патриотизма является одной из наиболее значимых задач государства.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в своих выступлениях не раз подчеркивал значимость патриотизма для всего белорусского народа. Он отмечал: «И сегодня патриотизм – это не только оружие в руках. Сегодня патриотизм в мозгах людей. Патриотизм, о котором я вчера говорил, – это и наша экономическая победа, это и сохранение наших социальных устоев, и наших традиций, в том числе и Дня Победы… И призывал весь белорусский народ, говорю это сегодня, что в основе всех наших успехов лежит патриотизм. Не будет его – не будет никаких успехов. Мы должны любить нашу Родину» [5].

Поскольку военнослужащие, в том числе и органов пограничной службы Республики Беларусь, занимают отдельную нишу в структуре общества и в наибольшей степени должны быть готовы защищать свое Отечество, необходимо планомерно и целенаправленно вести работу по совершенствованию патриотического воспитания данной категории лиц. Председатель Государственного пограничного комитета Республики Беларусь (2013–2016) генерал-полковник Л. С. Мальцев отмечал: «Главные качества офицера – его моральный дух, патриотизм. Без этих качеств нет офицера, есть наемник. Даже значение высокой профессиональной подготовки человека при наличии негативных нравственных качеств меняется со знака плюс на знак минус» (цит. по: [3, с. 22]).

Таким образом, повышение патриотизма и профессионализма военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь, как основных базовых социально значимых качеств, необходимых для защиты национальных

интересов Республики Беларусь, ежедневного выполнения ими своих служебных обязанностей по охране Государственной границы Республики Беларусь, является одной из важных задач.

К факторам, влияющим на патриотическое воспитание военнослужащих органов пограничной службы в современных условиях, следует отнести:

1. Продолжающийся процесс трансформации, который был начат с распадом СССР и еще не завершился. Сущность данного процесса сложна, но в его основе лежит смена экономических систем, то есть переход к рыночным отношениям. Необходимо отметить, что на сознание людей влияют условия, в которых они находятся. Вспомним знаменитое высказывание классика: «Бытие определяет сознание». В этих условиях, так или иначе, происходит прагматизация сознания людей, меняется аксиологический мир современного человека.

2. Интенсификация глобализационных процессов, которая приводит к стиранию культурных, информационных и иных границ, внедряя в сознание людей мысль о всеобщности существующего мира и подмене чувства патриотизма чуждым суррогатом космополитизма.

3. И, наконец, третий фактор – возрастающая информатизация общества, которая достигла высочайших темпов.

Эти факторы определяют условия существования нашего государства и влияют на все стороны жизнедеятельности белорусского общества. Поэтому совершенно по-новому необходимо подходить к организации воспитательной работы и формированию чувства патриотизма военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь, в том числе и курсантов.

Особенность патриотического воспитания курсантов заключается в том, что они являются будущими офицерами, а офицеры – это основа любой армии, любых воинских формирований, в том числе и органов пограничной службы. Роль офицерского корпуса в способности надежно защитить конституционный строй в нашей стране неоспорима, но, подчеркнем, что офицеры всегда, во все времена выступали основой стабильности государства. Даже в самые сложные для страны минуты офицеры, несмотря на все тяготы и лишения, должны продолжать выполнять свой долг – служение Отечеству.

Как пишет полковник запаса С. Н. Шереметьев, «офицерство – это исключительная прерогатива патриотов» [4, с. 31]. Он также отмечает: «Офицер – профессия идейная во все времена. Настоящий офицер служит не ради денег и наживы, а ради высокой идеи защиты Отечества, понимая, что кто-то должен жертвовать своими земным благополучием ради того, чтобы остальные чувствовали себя спокойно и уверенно» (цит. по: [3, с. 22]).

Указывая на роль духовно-нравственного и патриотического воспитания, генерал пограничных войск В. П. Горбатенко отмечает: «Крайне важно закрепить в сознании будущих офицеров, что служба своему Отечеству – дело бескорыстное, офицер-пограничник – это не просто служба, это – судьба, на границе должен быть хозяин, а не временщик, Государственная граница – это

священное место, обильно обагренное кровью многих поколений стражей границ, на ней нет места для проходимцев и негодяев, что потомки “грозы контрабандистов” В. М. Кублашвили не могут брать взятки» [6, с. 13].

Все эти утверждения подтверждают мысль о важности патриотического воспитания курсантов.

Идеологическая работа в органах пограничной службы является одним из основных видов обеспечения оперативно-служебной и иной деятельности.

Главной целью идеологической работы в органах пограничной службы выступают достижение и поддержание высокого морального духа военнослужащих и гражданского персонала, воспитание патриотизма.

Воспитание патриотизма у курсантов реализуется в рамках программы духовно-нравственного развития.

Необходимо отметить, что патриотизм пограничников не есть некоторая самосуществующая независимая субстанция. Патриотизм пограничников – это особый вид патриотизма всех граждан Республики Беларусь, неотделимый от него и связанный с ним как общее и частное.

Поэтому патриотизм пограничника необходимо определить как особый вид патриотизма народа Республики Беларусь, носителем которого является специфическая социальная группа. Он представляет собой систему социально-нравственных, духовных и профессиональных ценностей, позволяющих эффективно решать задачи в области пограничной безопасности.

Патриотическое воспитание военнослужащих в органах пограничной службы Республики Беларусь необходимо осуществлять в рамках системного подхода. Данный подход позволяет, во-первых, рассматривать патриотическое воспитание в системе всей воспитательной работы в органах пограничной службы Республики Беларусь как целостный процесс, с учетом всех его составляющих, а, во-вторых, саму воспитательную работу – как подсистему всей идеологической работы, во взаимосвязи с ее компонентами. Основными категориями в рамках той части военной педагогики, которая посвящена воспитанию, являются: «процесс воспитания», «принципы воспитания», «методы воспитания», «средства воспитания», «приемы воспитания».

В структуре целостного процесса патриотического воспитания военнослужащих в органах пограничной службы выделяются следующие основные элементы: цель, содержание, формы, методы, средства, принципы патриотического воспитания.

Выделим основные направления патриотического воспитания курсантов.

Организация патриотического воспитания курсантов Института пограничной службы осуществляется с опорой на историко-культурное наследие белорусского народа. Как отмечал в своем выступлении ветеран органов пограничной службы С. Н. Шереметьев: «Основы для патриотического самосознания у белорусского народа есть, и в его истории, и в недавнем советском прошлом, и в настоящем… Именно на впечатляющих исторических примерах чаще всего произрастают самые живительные ростки осознанного патриотизма» [4, с. 32].

Для реализации данного направления используются различные формы воспитательной работы. Так, постоянно организуются и проводятся экскурсии для курсантов по историческим и памятным местам Беларуси. Кроме того, за Институтом закреплены памятники и памятные места, и курсанты осуществляют их благоустройство и ремонт.

Еще одним важным и эффективным средством формирования патриотических ценностей у курсантов Института пограничной службы является использование потенциала Великой Победы, изучение героического прошлого пограничников в период Великой Отечественной войны. Одним из надежных ориентиров в формировании морального духа пограничников была, есть и будет верность Великой Победе. Это вызвано многими причинами, но главным остается то, что Великая Отечественная война еще раз подтвердила, что именно моральный дух народа и армии, как и во все времена, был одним из важнейших факторов победы над противником. Как отмечал в своем выступлении Л. С. Мальцев, «память о Великой Отечественной войне занимает центральное место в исторической памяти белорусского народа» [7, с. 11]. Однако фальсификация истории, в особенности периода Великой Отечественной войны, попытка пересмотра, переоценки ее итогов, героизация предателей становится частью, элементом развязанной информационной войны. Внедрение таких идей в массовое сознание населения, молодежи является основной угрозой нашего общества, вредит духовно-историческому наследию, основу которого составляет память о Великой Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Поэтому большое значение в деле воспитания курсантов отведено именно этому направлению. Изучение героического прошлого Великой Отечественной войны важно еще и потому, что именно пограничники первыми дали жесткий отпор немецкому агрессору, встав неприступной стеной на его пути. Их было много – героев-пограничников, известных и оставшихся безызвестными, вставших на защиту Родины. Именно с западной границы начался крах плана «молниеносной войны» гитлеровской Германии.

В настоящее время в Институте в рамках военно-исторической работы создан исторический кружок, которым руководит белорусский историк Владимир Анатольевич Тылец. Под его руководством курсанты работают в архиве и по крупицам собирают данные о пограничниках, воевавших в рядах партизан.

С этой же целью создан класс истории пограничной службы Республики Беларусь, цель которого – изучить развитие пограничной службы в контексте общей истории нашей Родины. Центральное место в оформлении класса уделено героике Великой Отечественной войны и той роли, которую внесли пограничники в дело Великой Победы. В марте 2016 г. ко Дню Конституции Республики Беларусь в данном классе прошло торжественное вручение паспортов учащимся кадетского класса, на котором присутствовал председатель Государственного пограничного комитета Республики Беларусь генерал-полковник Л. С. Мальцев и первый секретарь общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» (далее – ОО «БРСМ»).

В последнее время широкую известность приобрела акция «Бессмертный полк», в которой могут принимать участие и курсанты Института. В рамках патриотического воспитания курсантов можно использовать такую форму, как написание эссе, подготовка фильмов и клипов на тему «Судьба моей семьи в Великой Отечественной войне». Нечто подобное уже реализовано в Институте.

В 2016 г. курсанты принимали участие в патриотическом конкурсе музыкальных клипов «Песни военных лет» в рамках проекта «Мой фильм о войне» под эгидой ОО «БРСМ». Курсанты Института со своим клипом заняли первое место.

Кроме того, Институтом к 75-летию начала Великой Отечественной войны был организован проект по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи «Мужеством своим в бессмертие шагнувшим». В рамках данного проекта реализуются такие мероприятия, как цикл тематических вечеров и вечеров мужества, конкурс стихов «Здесь начинается Родина», экскурсии в музей Великой Отечественной войны, акция «Портрет пограничника», подготовка и выпуск стенной печати, проведение пленэров и др.

Также в рамках данного проекта реализована театрально-музыкальная постановка спектакля «Дым над Черной Ганчей», повествующего о нескольких днях жизни на пограничной заставе «Юзефатово» (ныне «Усово»). Данный спектакль был показан в Гродненском драмтеатре, в пос. Сопоцкин Гродненской области, а также в Бресте на улице Советской вблизи мемориального комплекса «Мужеством своим в бессмертие шагнувшим». Кроме этого, 21 июня 2016 г. в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» прошла акция «Боевой расчет», посвященная памяти жертв Великой Отечественной войны и подвигу пограничников в первых боях на границе в июне 1941 г. Воспитание военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь на героизме советских пограничников является стержнем патриотического воспитания пограничников.

Особое место в системе патриотического воспитания курсантов занимают мероприятия, посвященные воспитанию военнослужащих на лучших достижениях пограничной службы, воинских частей, подразделений, биографиях и реальных делах отличившихся военнослужащих. Так, по итогам года проводится специализированное мероприятие – вечер, посвященный какому-либо ветерану-пограничнику. Например, в 2014 г. на базе культурно-досугового центра органов пограничной службы прошли два таких мероприятия. Первое из них было посвящено полковнику запаса Валерию Степановичу Горячко, второе – генерал-лейтенанту запаса, бывшему командующему пограничными войсками А. А. Павловскому. 27 сентября 2015 г. в гостях у курсантов Института пограничной службы побывал легендарный летчик-пограничник Михаил Николаевич Зубко. Вечер-портрет проводился в честь Петра Григорьевича Водолажского, Василия Акимовича Климовских и многих других легендарных пограничников.

В системе патриотического воспитания курсантов Института отдельное место отводится работе общественности по формированию патриотического сознания военнослужащих органов пограничной службы.

Так, совместно с представителями Белорусского республиканского союза молодежи проводятся различные акции, конференции, семинары, собрания первичных организаций. Основной задачей деятельности первичной организации ОО «БРСМ» является, в том числе, активное участие в процессе воспитания у военнослужащих высших качеств – гражданина и патриота своего Отечества.

Следует отметить, что Белорусским республиканским союзом молодежи проводится большое количество акций всебелорусского масштаба, в которых принимают участие и курсанты Института. Хотелось бы отметить такие акции и проекты, как «Моя Беларусь – мой выбор»; «Цветы Великой Победы», «Спасибо за Победу!», «Герои Победы», «Мы – граждане Беларуси» и т. д. Например, в рамках акции «Цветы Великой Победы», прошедшей в 2015 г., были посажены яблони возле здания казармы Института.

Подчеркнем, что часть этих акций была инициирована исключительно Институтом пограничной службы.

Важную роль в процессе патриотического воспитания курсантов играют ветеранские организации органов пограничной службы Республики Беларусь, ветераны Великой Отечественной войны, локальных и военных конфликтов, пограничной службы. Необходимо отметить, что наши военнослужащие трепетно относятся к нашим уже немногочисленным ветеранам-пограничникам – участникам Великой Отечественной войны, участникам боевых действий в Афганистане, тем, кто ответственно обеспечивал пограничную безопасность в мирное время. Они восхищаются их подвигом, активной жизненной позицией, как в период службы, так и после нее, неподдельным непреходящим интересом к пограничной службе. Следует отметить, что и сами ветераны переживают за моральный облик военнослужащих-пограничников.

В воспитательном процессе курсантов Института эффективно используются духовные возможности Белорусской православной церкви, с которой органы пограничной службы поддерживают тесные контакты. Как отмечал в своем выступлении представитель Белорусского Экзархата по связям с силовыми структурами отец Сергий, выступая на научно-практической конференции Государственного комитета пограничных войск, «возрождая сегодня православные традиции в войсках, мы реализуем не утопический проект, а восстанавливаем и обновляем действительную традицию, которая испокон веков была присуща восточным славянам» [8, с. 92–93]. Сотрудничество с Белорусской православной церковью осуществляется по многим направлениям. Так, ежегодно 21 ноября отмечается Храмовый праздник органов пограничной службы – День Архистратига Михаила. В этот день проходят праздничные богослужения с участием курсантов Института. В 2005 и 2007 гг. совместно с Белорусским Экзархатом осуществлены подготовка и проведение все-

белорусских крестных ходов. Первый крестный ход был посвящен 60-летию Великой Победы. Стартовал он от Свято-Никольского гарнизонного храма Брестской крепости и, пройдя по городам Гродно, Витебск, Гомель, Могилев, завершился на соборной площади Свято-Духова кафедрального собора в Минске. Кроме того, уже стало традицией участие служителей православной церкви в проведении воинских ритуалов, в торжественных мероприятиях, посвященных Дню пограничника, выпуску офицеров в ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», присяге молодого пополнения, выездах на пограничные заставы, открытии объектов воинской и пограничной славы. Также Белорусская православная церковь содействует органам пограничной службы в приобретении печатных православных книг. Активно используются такие формы воспитательной работы, как чтение проповедей, групповая или индивидуальная беседа, ежегодное участие в конкурсах на лучший реферат, посвященный памяти благоверного князя Константина (Василия) Острожского. В последнем мероприятии активно принимают участие курсанты и слушатели. Ежегодно проводится мероприятие, посвященное награждению наиболее отличившихся военнослужащих в укреплении взаимодействия с Белорусской православной церковью.

В формировании у курсантов патриотизма и верности воинскому долгу большое внимание уделяется традициям и ритуалам.

Воспитание на традициях включает: активное изучение героического пути, боевых традиций своего отряда, пограничной заставы с акцентом на примерах воинской доблести и героизма воинов, ветеранов Великой Отечественной войны, участников боевых действий в Афганистане и других горячих точках. Например, с этой целью на кафедре проводится научно-исследовательская работа «Пограничные войска КГБ СССР в Афганской войне», к которой активно привлекаются курсанты.

В последнее время в органах пограничной службы Республики Беларусь закрепились традиции проведения ритуала принятия Военной присяги в особых местах. Так, например, в Минске данное мероприятие проводится на площади Герба и Флага. Проведение данного ритуала в памятных, героических местах, местах национальной гордости придает данному мероприятию особого рода значимость, вызывает у пограничников чувство гордости за героическое прошлое своей страны, воспитывает чувство патриотизма, любви к своей Родине – Республике Беларусь.

Следует также отметить, что в Институте появился еще один специфический ритуал – «посвящение в пограничники». Он проводится в день принятия курсантами Военной присяги и заключается в торжественном вручении зеленых фуражек.

Еще одной доброй традицией в ритуале принятия Военной присяги, а также выпуска молодых офицеров стало приглашение священника, который освящает путь «пограничного воинства».

Принципиально новым направлением в патриотическом воспитании курсантов является использование информационных ресурсов: социальных се-

тей, форумов и блогов. Так, например, в социальной сети «ВКонтакте» создана группа в рамках проекта «Мужеством своим в бессмертие шагнувшим». В рамках работы данной группы проведен конкурс «Пограничное селфи». Ведутся рубрики «Виртуальный художественный образ пограничника», «Внуки героев», которые позволяют не только воспитывать военнослужащих, участвующих в данных проектах, но и позволяют влиять на формирование благоприятного общественного мнения населения, формировать позитивный образ пограничника.

Еще одним весьма важным моментом для понимания представлений военнослужащих органов пограничной службы о сущности патриотизма являются вопросы, связанные с «малой родиной». «Малая родина» – это то место (земля, деревня, город, район), где родился или провел свое детство человек и к которому он испытывает сильную эмоциональную привязанность. «Малая родина» неразрывно связана с первыми чувствами человека, с ностальгическими воспоминаниями о семье, школе, месте, где когда-то гулял с друзьями, где переживал первое чувство любви, где похоронены родители. Значение любви к месту, где родился и провел детство, весьма велико для формирования патриотизма, поскольку затрагивает глубинные чувства человека. Любовь к родному краю, родной земле, в которой похоронены предки, память о них являются духовным стержнем истинного патриотизма, подлинной основой любви к Родине.

В этой связи данный факт имеет большое практическое значение в вопросе совершенствования системы патриотического воспитания курсантов Института пограничной службы Республики Беларусь. Нами предлагается внедрить в воспитательный процесс такую форму воспитательной работы, как «заочная экскурсия», которая предполагает подготовку каждым курсантом выступления о своей «малой родине», ее истории и культурных традициях. Это позволит курсантам лучше узнать Беларусь и лично приобщиться к воспитательному процессу.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать теоретико-методологические основы формирования патриотических ценностей курсантов Института пограничной службы:

1. Нельзя обособлять понятие «национальный патриотизм». Патриотизм – категория не национальная, а государственная. Данный принцип нашел свое практическое воплощение в системе воспитательной работы курсантов, в которой выделяют отдельный вид воспитательной работы: гражданско-патриотическое воспитание.

2. Содержание патриотических ценностей военнослужащего органов пограничной службы составляют как национальные, так и интернациональные ценности.

3. Процесс по формированию патриотических ценностей курсантов Института пограничной службы Республики Беларусь необходимо строить в соответствии с принципом преемственности, который требует учета всего

исторического пути Беларуси, включая нахождение белорусских земель в различных государственных образованиях.

4. Важное место в системе формирования патриотических ценностей военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь занимает героика Великой Отечественной войны, а также вклад пограничников в Великую Победу, что предполагает выделение данного момента отдельным фактором в системе патриотического воспитания.

5. В воспитательном процессе по формированию патриотических ценностей курсантов необходимо использовать возможности общественных организаций: ОО «БРСМ», Белорусской православной церкви, ветеранских организаций и т. д.

6. Одним из главных вопросов в военно-педагогическом процессе в контексте формирования патриотических ценностей курсантов Института пограничной службы Республики Беларусь является учет воспитательных возможностей общественного мнения. Для этого необходимо активно использовать такие формы организации, как совет курсантов.

7. Формирование патриотических ценностей курсантов необходимо осуществлять с учетом традиций и ритуалов органов пограничной службы Республики Беларусь.

8. Актуальным является использование ресурсов истории пограничной службы Республики Беларусь, изучение героического прошлого пограничников.

9. Развитие информационных технологий диктует необходимость широкого использования потенциала социальных сетей, форумов для патриотического воспитания.

Список использованных источников

1. *Яскевич, Я. С.* Ценностные ориентиры в университетской среде / Я. С. Яскевич // Народная асвета. – 2014. – № 2. – С. 3–7.

2. *Мельников, А. П.* Национальный менталитет белорусов / А. П. Мельников. – 2-е изд. – Минск : Право и экономика, 2005. – 12 с.

3. *Скомский, М. И.* Модель социально значимых качеств офицера-пограничника / М. И. Скомский // Облик будущего офицера-пограничника и пути его формирования : материалы науч.-практ. конф., Минск, 2012 г. / Ин-т пограничной службы Респ. Беларусь ; редкол.: В. Ф. Качуринский [и др.]. – Минск, 2012. – С. 20–26.

4. *Шереметьев, С. Н.* Государственное предназначение офицера / С. Н. Шереметьев // Облик будущего офицера-пограничника и пути его формирования : материалы науч.-практ. конф., Минск, 2012 г. / Ин-т пограничной службы Респ. Беларусь ; редкол.: В. Ф. Качуринский [и др.]. – Минск, 2012. – С. 29–33.

5. *Лукашенко, А. Г.* Американцы просто пронизаны патриотизмом. Мы должны быть еще большими патриотами: выступление Президента 9 мая 2012 года [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко. – Режим доступа: http://www.ctv.by/node/469220..?page=2. – Дата доступа: 29.05.2012.

6. *Горбатенко, В. П.* Эталонный образ офицера-пограничника как ориентир личностного и профессионального развития / В. П. Горбатенко // Облик будущего офицера-пограничника

и пути его формирования : материалы науч.-практ. конф., Минск, 2012 г. / Ин-т пограничной службы Респ. Беларусь ; редкол.: В. Ф. Качуринский [и др.]. – Минск, 2012. – С. 7.

7. *Мальцев, Л. С.* Идеология национальной безопасности Республики Беларусь / Л. С. Мальцев // Инновации как путь повышения эффективности идеологической работы : материалы межведомственной науч.-практ. конф., Минск, 30 нояб. 2011 г. / редкол. В. П. Горбатенко [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2011. – С. 5–19.

8. *Зайцев, А. А.* Исторические аспекты современного взаимодействия органов пограничной службы с белорусской православной церковью в интересах воспитания военнослужащих / А. А. Зайцев // Облик будущего офицера-пограничника и пути его формирования : материалы науч.-практ. конф., Минск, 2012 г. / Ин-т пограничной службы Респ. Беларусь ; редкол.: В. Ф. Качуринский [и др.]. – Минск, 2012. – С. 91–94.

V. G. MOISEENKO, A. V. VOITECHOVSKI

CREATING OF PATRIOTIC VALUES OF BORDER GUARD SERVICE INSTITUTE CADETS OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN MODERN CONDITIONS

Summary

The article touches upon the problem of the patriotic values formation of the cadets of State Educational Establishment “Border Service Institute of the Republic of Belarus”. The main aspects of cadets patriotic education are analyzed. The main factors of effective patriotic education nowadays are specified.

Keywords: patriotism, patriotic education, Border Services, patriotic values, cadet.

Поступила 02.11.2016 г.

УДК 316.422:316.77

А. В. ПАВЛОВА,
ведущий специалист-аналитик
СПб ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр»,
Санкт-Петербург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ДЕЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ

Рассмотрена государственная информационная политика Республики Беларусь в области деятельности СМИ. Определены ее основные задачи, цели и направления. Проанализированы особенности развития СМИ страны с учетом глобализации. На основе статистических и эмпирических данных проведен анализ информационного пространства Беларуси. Эффективность государственной информационной политики Беларуси анализируется по таким параметрам, как уровень доверия к СМИ, язык контента, рейтинг СМИ и др.

Ключевые слова: государственная информационная политика Республики Беларусь, медиа-пространство, глобализация, средства массовой информации, нация, национальное самосознание, национальная социализация, национальные ценности.

Во многом экономический и политический успех государства связан с эффективностью управления информацией внутри страны и за ее пределами. Немаловажная роль в этом процессе отводится информационной политике государства, которая влияет как на социально-политические отношения между гражданами страны, так и на духовную сферу жизни общества. В Республике Беларусь государственная информационная политика реализуется через деятельность республиканских органов государственного управления, направлена на развитие информационной сферы общества и охватывает всю совокупность общественных отношений, связанных с созданием, накоплением, хранением, обработкой и распространением всех видов информации [1]. В данной статье речь пойдет о средствах массовой информации Республики Беларусь как объектах государственной информационной политики.

В эпоху глобализации и отсутствия информационных границ вопросы эффективности государственной информационной политики приобрели еще большую значимость. Обеспечение национальной безопасности и сохранение целостности государства непосредственно связаны с защитой информационного пространства страны от информации, способной дестабилизировать социально-политическую, экономическую, религиозную ситуацию в государстве. Негативному влиянию подвержена национальная культурная среда вследствие распространения универсальных культурных ценностей, влия-

ющих на трансформацию национальной идентичности личности. Благодаря огромному потенциалу воздействия на общественное сознание и поведение людей СМИ выполняют важнейшие функции социализации, социальной стабилизации и интеграции общества. Национальное самосознание является продуктом социализации в результате освоения индивидом культуры, традиций и обычаев своего народа. Национальное самосознание основано на чувстве принадлежности к национальной общности, единстве территории проживания, исторического прошлого, языка, национальной культуры, осознанном чувстве национальной гордости и общности интересов со своей нацией. Национальное самосознание можно определить как «совокупность идей, представлений, убеждений, верований, с помощью которых народ осмысливает себя как национальное целое и осознает настоящие истоки своего исторического происхождения» [2, с. 378].

Развитие национального самосознания современных граждан Беларуси тесно связано с социально-политическими и социально-культурными процессами, происходящими в стране и за ее пределами. Образование независимого государства в 1991 г. повлияло на становление новых и изменение прежних национальных, политических и социокультурных ценностей нескольких поколений граждан страны. Новый политический курс и развитие сферы информационно-коммуникационных технологий в современном мире существенно изменили информационное пространство и информационное поле Республики Беларусь по сравнению с советским периодом развития. Под информационным пространством будем понимать все СМИ и информационные ресурсы, доступные на территории государства, информационное поле – это все СМИ, зарегистрированные на территории страны [3, с. 114].

Важными организационно-юридическими мероприятиями молодого государства стали создание республиканского государственного органа управления в сфере СМИ и разработка нормативно-правовой базы. В настоящее время функцию государственного регулирования в области передачи и распространения информации выполняет Министерство информации Республики Беларусь. Разработан ряд нормативно-правовых документов: законы «О средствах массовой информации» [4], «Об информации, информатизации и защите информации» [5], «О рекламе» [6] и указы Президента Республики Беларусь «О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации» [7], «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [8], «Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [9] и др. Эти законы и указы регламентируют сферу производства и распространения информации с учетом современных тенденций и технологических особенностей развития средств информации и коммуникации в рамках интересов национальной безопасности страны.

СМИ как один из важнейших агентов социализации, в том числе национальной социализации, играют важную роль в распространении национально-

культурных и гражданских ценностей в обществе. Они формируют систему ценностей, передают социально-культурный опыт, транслируют культурные нормы, моделируют поведение личности и т. д. Среди приоритетных направлений государственной информационной политики в системе массовых коммуникаций, которые могут способствовать формированию национального самосознания белорусов, можно выделить: 1) формирование и развитие системы национального электронного контента, включающей: образовательные интернет-ресурсы, объединяемые национальным образовательным порталом; интернет-ресурсы СМИ и портал-дайджест белорусских СМИ, музейные интернет-ресурсы, аккумулирующие историческое и культурное наследие Беларуси; энциклопедические интернет-ресурсы, в том числе представленные в открытом доступе электронные версии книжной продукции издательства «Беларуская Энцыклапедыя» и др.; 2) принятие специальной программы сохранения культурно-исторического наследия в цифровых форматах; 3) совершенствование нормативного правового обеспечения развития системы массовых коммуникаций и национального электронного контента [1].

СМИ в рамках государственной информационной политики должны: повышать уровень просвещения граждан в вопросах национальной культуры и истории, расширять область использования национального языка в информационном пространстве страны, формировать у подрастающего поколения национально-культурные ценности, повышать авторитет государства через информацию о достижениях, успехах в экономической, социальной, спортивной, экологической и других сферах жизни общества. Условно можно выделить два основных направления в этой работе.

Первое направление – повышение рейтинга и уровня доверия к белорусским СМИ, расширение максимального охвата аудитории для информационного воздействия на нее, распространение тематической информации, воздействующей на патриотическое воспитание, повышение чувства гордости за страну, нацию и ее представителей.

Несомненным успехом является то, что наиболее популярные телеканалы страны с самым широким ежедневным охватом аудитории полностью или частично принадлежат государству: «ОНТ» – 67,7 %, «Беларусь-1» – 62,3 %, «НТВ-Беларусь» – 59,4 %, «Россия-Беларусь» – 53,6 %, «Беларусь-2» – 46,8 %, «СТВ» – 32,3 % [10, с. 27]. Именно они пользуются самым высоким уровнем доверия со стороны населения по сравнению с другими телеканалами – от 79,7 % до 83,5 % [10, с. 29]. В качестве учредителей основных общественно-политических республиканских, областных и почти всех региональных печатных изданий выступают исполнительные органы государственной власти различных уровней.

На законодательном уровне определен перечень телепрограмм, входящих в обязательный общедоступный пакет, и их очередность («Беларусь-1», «ОНТ», «СТВ», «Мир», «Россия-Беларусь», «НТВ-Беларусь», «Беларусь-2», «Беларусь-3», «Беларусь-5»). Данный общедоступный пакет должны распро-

странять все операторы и поставщики услуг электросвязи для населения [11]. Размещение этих телепрограмм в строгой последовательности в начале перечня перед любыми другими, безусловно, положительно влияет на их рейтинг и популярность среди аудитории Беларуси, несмотря на широкую представленность других телепрограмм в пакетах кабельного ТВ. Все большую популярность набирает интерактивное телевидение «ZALA», оператором которого выступает РУП «Белтелеком». Определенной формой завоевания читательской аудитории является кампания по проведению подписки на периодические печатные издания.

Расширению информационного влияния и воздействия на аудиторию способствует развитие онлайн-версий традиционных СМИ. В Республике Беларусь практически каждое государственное СМИ должно быть представлено в Сети. Востребованность этого канала информации объясняется постоянным ростом ежедневной аудитории Интернета, преимущественно за счет молодежи (табл. 1) [12, с. 96–99].

Таблица 1. **Количество абонентов Интернета (на конец года; тыс.)**

Абоненты	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Физические лица	4808,8	6062,2	7469,3	8407,0	8624,9	9108,0

Правильным шагом было создание тематических телеканалов «Беларусь-5» и «Беларусь-4». Первый белорусский национальный спортивный государственный телеканал «Беларусь-5» освещает государственную информационную политику в области спортивной жизни страны. Его миссия – «формирование национального самосознания посредством пропаганды здорового образа жизни, достижений отечественного спорта и его представителей» [13]. Региональный телеканал «Беларусь-4» – канал с единой сеткой вещания, выступает общей платформой для всех областных телестудий. Потенциал областных и региональных СМИ в формировании национального самосознания весьма важен. Они освещают социально-экономическую и культурную жизнь области и района, реализуя коммуникативную функцию. Важным условием ее реализации является доступ аудитории к информации, которая формирует чувство единства с общностью за счет территории проживания и чувства сопричастности к происходящим рядом событиям.

Второе направление – это все то, что связано непосредственно с популяризацией и пропагандой идеи белорусской государственности, национальной культуры и ее ценностей путем создания соответствующего информационного продукта. Статья 4 Закона «О средствах массовой информации» в качестве одного из основных принципов деятельности СМИ указывает на развитие национальной культуры; СМИ должны содействовать распространению и популяризации национальных культурных ценностей [4].

Положительным моментом в процессе популяризации национальной культуры и языка стало создание телеканала «Беларусь-3» и канала белорус-

ского радио «Культура» [13]. Основная цель телеканала «Беларусь-3» – «обеспечение освещения государственной информационной политики в области культурной жизни страны» и «позиционирование культуры как совокупности материальных и интеллектуальных ценностей Республики Беларусь в современной медиасреде». Однако рейтинги телеканала пока не так высоки: ежедневная аудитория составляет 10,1 %, еженедельная и ежемесячная – 15,3 % и 20,1 % соответственно [10, с. 27]. Канал радио «Культура» знакомит радиослушателей с национальными и мировыми культурными достижениями, современными событиями в мире искусства. Однако, по данным ИАЦ, он не входил в топ-20 радиостанций страны. Ежедневная общественно-просветительская газета на белорусском языке тематической направленности «Культура» также пока не пользуется широкой популярностью [10, с. 48].

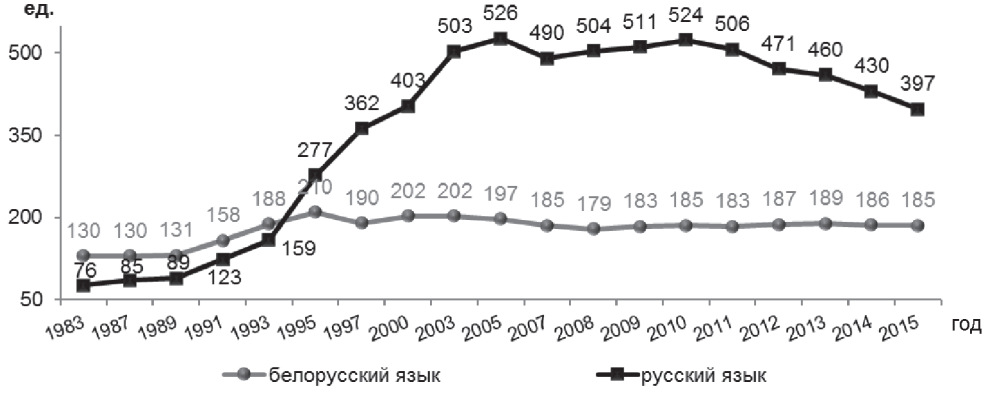
Среди наиболее популярных программ различных телеканалов по интересующей нас направленности в топ-5 рейтинга «Беларусь-2» вошли только «Телебарометр» – 29,5 % и «Белорусская кухня» – 11,5 %. Лидерами рейтинга остальных каналов по большей части являются информационные продукты российских СМИ [10, с. 37–39].

Результатом заинтересованности государства в производстве и распространении информации о культуре, истории, традициях белорусского народа через систему СМИ является организация различных профессиональных конкурсов [14]. Национальный конкурс печатных СМИ «Золотая Литера» имеет номинацию «Лучшие материалы культурной и историко-краеведческой тематики» для республиканских и областных СМИ, а также для региональных и многотиражных СМИ. Среди победителей других номинаций представлены проекты по культурной и исторической тематике, в частности в 2016 г. это были номинации: «Лучший творческий проект года республиканских, областных печатных СМИ, информационных агентств», «Лучшие интернет-проекты» для республиканских и областных СМИ, «Лучший творческий проект года региональных многотиражных печатных СМИ» и др. В рамках Национального телевизионного конкурса «Телевершина» определяются победители, в том числе среди программ культурно-исторической, социально-культурной направленности. Победители конкурса 2016 г. в номинациях «Лучшая культурно-просветительская программа», «Лучшая социальная реклама», «Лучшая развлекательная программа», «Лучший проект регионального телевидения», «Телевизионный проект года» затрагивали темы национально-культурных и патриотических ценностей, а также героического прошлого белорусского народа. Можно отметить и ежегодный творческий конкурс на лучшее освещение в СМИ вопросов строительства и развития Вооруженных Сил Республики Беларусь, патриотического воспитания населения Республики Беларусь.

Широкое освещение в СМИ получают различные культурные мероприятия и праздники, популяризирующие национальную материальную и духовную культуры. Среди таких мероприятий – «День белорусской письменно-

сти», Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», «Музыкальные вечера в Мирском замке», «Александрия собирает друзей», Республиканский фестиваль-ярмарка тружеников села «Дожинки».

Немаловажную роль в государственной информационной политике играет и язык распространения информации. Статья 9 Закона «О средствах массовой информации» предусматривает распространение информации на любом из двух государственных и других языках [4]. Однако количество русскоязычных газет, радио- и телепрограмм значительно превышает издания на белорусском языке, о чем свидетельствует статистика. Данные, представленные на рисунке, свидетельствуют о росте выпуска русскоязычных изданий после 1990 г. С 1989 по 2015 г. число газет на белорусском языке возросло в 1,4 раза (с 131 до 185), в то время как на русском – в 4,5 раза (с 89 до 397). Несмотря на более интенсивное сокращение в последнее время русскоязычных изданий, они все равно значительно превышают аналогичные издания на белорусском языке (в 2015 г. – 67,9 % против 31,6 % соответственно) [3].



Динамика выхода газет с учетом языка издания [15]

По данным статистики, на белорусском языке значительно чаще можно прочитать статьи в районных газетах, имеющих намного меньший охват аудитории по сравнению с городскими, областными и республиканскими изданиями. Республиканская пресса, с самым широким охватом читателей, меньше использует в статьях белорусский язык. В 2015 г. число республиканских газет, выходящих на русском языке (153), оказалось в 7,3 раза больше, чем на белорусском языке (21) [3]. Редакции городских и областных газет также преимущественно издают свои номера на русском языке. Тенденция преобладания русскоязычных изданий характерна для журналов, издаваемых книг и брошюр.

Значительное преобладание русского языка характерно и для телеэфира наиболее популярных телеканалов Белтелерадиокомпании («Беларусь-1», «Беларусь-2», «НТВ-Беларусь»), а также «ОНТ», «СТВ», «Россия-Беларусь», которые вошли в обязательный общедоступный пакет телепрограмм.

Опубликованных актуальных данных о количестве программ на белорусском языке в электронных СМИ, к сожалению, найти не удалось. Однако данные статистики за 2011 г. указывали на преобладание в телеэфире русского языка. В 2011 г. программы на белорусском языке были в телеэфире «Беларусь-1» и «Беларусь-2» (Лад), но их доля невелика (табл. 2) [16, с. 100]. При этом ни один из телеканалов в указанный период времени не был лидером рейтинга ежедневного просмотра у населения страны [17, с. 14].

Таблица 2. **Телепрограммы по языкам вещания в 2011 г.**

Телеканалы	Белорусский язык	Русский язык
Беларусь-1 (Первый канал)	317	6745
Беларусь-2 (Лад)	309	6420

Тенденция преобладания русского языка характерна и для сегмента радио. Актуальных данных по количеству программ в радиоэфире также нет, но по данным за 2011 г. белорусский язык звучал только в эфире «Первого национального канала Белорусского радио», радиостанций «Столица» и «Культура» (табл. 3) [16, с. 103].

Таблица 3. **Радиопрограммы по языкам вещания в 2011 г.**

Радиоканалы и радиостанции	Белорусский язык	Русский язык
Первый национальный канал Белорусского радио	8752	8
Радиостанция «Столица»	7300	–
Канал «Культура»	6802	498
Радиостанция «Радиус-FM»	–	8760
Радио ОНТ	–	8640

В 2011 г., по данным опросов, ежедневная республиканская аудитория «Первого национального канала Белорусского радио» составляла всего 16 %, а у «Столицы» и «Культуры» она была еще меньше (2,5 % и 1,1 % соответственно) [17, с. 70]. При этом основу аудитории этих радиостанций составляют представители более старшего поколения [17, с. 71]. Важно понимать и то, что радио значительно уступает по популярности телевидению, газетам и Интернету, соответственно, обладает незначительным влиянием на аудиторию. Популярные среди молодежи музыкально-развлекательные радиостанции чаще являются русскоязычными. Для завоевания аудитории и повышения рейтинга – это хорошо, но для популяризации национально-культурных ценностей потенциал радио используется не в полной мере.

Особенностью информационного пространства Беларуси является его внешняя открытость, что проявляется в значительной представленности российских СМИ (благодаря спутниковому, кабельному телевидению и Интернету). Широко представлены и отдельные российские медиа-продукты в сетке вещания национальных телеканалов, положительно влияющие на их рейтин-

ги благодаря популярности аудитории. В последние годы непрерывно растет аудитория различных интернет-ресурсов, преобладание русского языка в которых не вызывает сомнения. Российские газеты и журналы достаточно легко доходят до читателей, в том числе и благодаря подписке через систему РУП «Белпочта».

Отдельно стоит отметить роль социологических исследований и рейтинговых замеров в деятельности СМИ, которые обеспечивают «обратную связь» с аудиторией и позволяют оперативно реагировать на происходящие в аудиторном поведении изменения. Каким образом социологические исследования интересов и потребностей аудитории и рейтинговые замеры (отдельных программ, телеканалов) связаны с государственной информационной политикой? Результаты исследований могут быть ориентиром в разработке информационной политики конкретного телеканала, радиостанции или печатного издания. Они также определяют наиболее популярные СМИ или программы (материалы), помогают ответить на вопросы о доступности информации для аудитории и ее заинтересованности, определить уровень доверия к конкретному СМИ, оценить удовлетворенность аудитории деятельностью СМИ в целом и др. Эффективность взаимодействия социологов и представителей масс-медиа в процессе создания информационного продукта доказана мировой практикой. Опыт взаимодействия СМИ с социологическими и маркетинговыми организациями есть и в нашей стране. Среди заказчиков ведущих исследовательских организаций (Институт социологии НАН Беларуси, Центр социально-политических исследований БГУ, ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь, МАСМИ и др.) – Белтелерадиокомпания, «ОНТ», «СТВ», Министерство информации Республики Беларусь, Минские телевизионные информационные сети, Космос ТВ, «Радио Unistar» и другие электронные и печатные СМИ республики.

СМИ и Интернет-ресурсы как основные каналы информации о жизни общества влияют на формирование общественного мнения и сознания. Государственная информационная политика в области СМИ должна содействовать распространению национально-культурных и патриотических ценностей, отвечающих задачам национального строительства и национальной безопасности страны. Для эффективной реализации этой задачи необходимо задействовать всю структуру системы СМИ (телевидение, радио, печатная пресса и интернет-ресурсы). Такая работа должна быть системной и целенаправленной. Несомненной заслугой в области деятельности ведущих республиканских СМИ является широкий охват аудитории и высокая оценка доверия. Это, безусловно, оказывает положительное влияние на возможности информационного воздействия на общество через систему СМИ. Результатом такого воздействия является стабильность социально-политического процесса и высокий уровень толерантности в белорусском обществе, что соответствует задачам национальной безопасности страны. Что касается вопросов пропаганды и популяризации национально-культурных ценностей, исторической па-

мяти и других важных аспектов, повышающих уровень национального самосознания белорусского народа, без которых невозможна идея единой нации, то здесь есть что совершенствовать. Можно отметить незначительную представленность тематических теле- и радиопрограмм в сетке вещания наиболее рейтинговых телеканалов и радиостанций. Важно учитывать и особенности аудитории каждого СМИ: пол, возраст, социально-политические предпочтения, социально-культурные интересы, территория проживания. Практически отсутствуют специализированные телепрограммы для детей и юношества. Недостаточно активно ведется такая работа в Интернете, а это одно из наиболее популярных средств массовой информации и коммуникации среди молодежи и подрастающего поколения. Очевидно, что только информационной деятельности в области СМИ недостаточно для поддержания высокого уровня национального самосознания граждан страны. Однако именно они могут выступить флагманом этого направления. Особенность СМИ как социального института в том, что картина жизни общества, которую он создает в рамках информационного пространства, строится через освещение деятельности других социальных институтов. СМИ могут не только поддерживать социально политическую систему государства, но и влиять на формирование социокультурных ценностей белорусского общества и способствовать росту национального самосознания.

Список использованных источников

1. О стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/pdf/2010-197/2010-197(010-023).pdf. – Дата доступа: 15.10.2016.

2. *Шынкароў, В. В.* Беларускі палітычны слоўнік / В. В. Шынкароў, С. П. Раманава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2011. – 576 с.

3. *Ротман, Д. Г.* Информационное поле Республики Беларусь: анализ результатов социологического мониторинга / Д. Г. Ротман, А. В. Посталовский // Социология. – 2014. – № 2. – С. 113–121.

4. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 дек. 2014 г., № 213-З. – Режим доступа: http://www.mininform.gov.by/ru/zakony-ru/. – Дата доступа: 15.10.2016.

5. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З. – Режим доступа. http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/1552. – Дата доступа: 15.10.2016.

6. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 апр. 2014 г., № 132-З. – Режим доступа: http://www.mininform.gov.by/ru/zakony-ru/. – Дата доступа: 15.10.2016.

7. О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 февр. 2009 г., № 65 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 40. – 1/10451.

8. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 29. – 1/11368.

9. Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.

10. Медиасфера Беларуси. Социологический аспект / под общ. ред. В. О. Дашкевич. – Минск, 2014. – 98 с.

11. Об утверждении перечня телепрограмм, входящих в обязательный общедоступный пакет телепрограмм, и определении последовательности (очередности) их распространения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 мая 2015 г., № 407. – Режим доступа http://mininform.gov.by/uploads/folderForLinks/postanovlenie-407.pdf. – Дата доступа: 15.10.2016.

12. Транспорт и связь в Республике Беларусь, 2016 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – 115 с.

13. Национальная государственная телерадиокомпания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tvr.by/. – Дата доступа: 15.10.2016.

14. Министерство информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mininform.gov.by/ru/zolotaya-litera-ru/. – Дата доступа: 15.10.2016.

15. Национальная книжная палата Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://natbook.org.by/. – Дата доступа: 15.10.2016.

16. Культура в Республике Беларусь, 2012 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 181 с.

17. Белорусская национальная медиасреда. Социологический аспект / под ред. В. О. Пролесковского [и др.]. – Минск, 2011. – 108 с.

18. Друк Беларусі ў лічбах 2015 : стат. зб. – Мінск, 2016. – 17 с.

19. О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 сент. 2001 г., № 516 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 92. – 1/3078.

A. V. PAVLOVA

THE STATE INFORMATION POLICY IN THE FORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE BELARUSIANS

Summary

The state information policy of the Republic of Belarus is characterized. Its main goals, objectives and directions are defined. Issues of development of mass media of the Republic of Belarus in the context of globalization are considered. The analysis of the information space of the country was conducted on the basis of statistical and empirical data. The effectiveness of the state information policy of Belarus is analyzed on the basis of parameters such as the level of trust in the media, broadcasting language, rating and, etc.

Keywords: state information policy of the Republic of Belarus, media space, globalization, mass media, the nation, national identity, national socialization, national values.

Поступила 31.10.2016 г.

УДК 650.13/.16+004.9:792(476)

В. Е. ЖИДОВИЧ,

аспирант кафедры белорусской и мировой художественной культуры,
Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

ФЕНОМЕН ТРАНСМЕДИА В ИСКУССТВЕ ТЕАТРА: ОПЫТ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена изучению феномена трансмедиа. Анализ социологических исследований позволяет выявить особенности создания трансмедийного повествования в цифровой среде и определить виды новых культурных практик потребителей, порожденных трансмедиа. Расширение опыта продвижения постановок белорусских театров на разных медиаплощадках и приемов организации трансмедийного повествования определяет тренды театрально-постановочного процесса в Беларуси и новые направления исследований.

Ключевые слова: трансмедиа, продвижение, сторителлинг, медиафэндом, тизер, трейлер, косплей, медиатехнологии, трансмедиа повествования в театре.

Исследование феномена трансмедиа началось сравнительно недавно западными (Г. Дженкинс, К. Миллер, Д. Ламберт, К. Сколари и др.) и российскими (Н. Л. Соколова, А. С. Сумская, И. А. Ватулина и др.) учеными, в основном культурологами и философами. В социологии и политологии изучение феномена трансмедиа тесно связано с развитием киберпространства, представлениями об «умной силе», «мягкой и жесткой силе влияния», «электронной демократии». Сложившееся новое понимание популярной культуры и искусства, связанное с распространением «новых медиа», в западной и российской гуманитарной и социальной науке не является характерным для белорусских исследователей социологии культуры и социологии театра. Сегодня возник существенный разрыв между зарубежными и отечественными исследованиями в данной области. Это обусловлено как более ранним распространением цифровых технологий в западной культуре, так и особенностями развития отечественной науки в сфере культуры и искусства: не изжито предубеждение многих теоретиков по отношению к массовой популярной культуре (как и к новым вызовам современности), потребностям и интересам молодежи, нетрадиционным формам творческого самовыражения. Возникший с распространением трансмедиа культурный опыт, целый корпус артефактов, новых творческих практик театра остается на периферии белорусских научных исследований, даже в компаративном искусствоведении.

Цель данной статьи – обобщение представлений о феномене трансмедиа в научном сообществе и опыта применения стратегии трансмедиа в культур-

ных практиках Беларуси, в частности в продвижении спектаклей белорусского театра.

В научной литературе еще нет оформившегося категориального аппарата для характеристики данного феномена, употребляются различные термины: «кроссмедиа» (*cross-media*), «интегративные медиа» (*integrated media*), «гибридные медиа» (*hybrid media*), «синергия» (sinergy), медиатехнологии (*media technologies*). Российский философ Н. Л. Соколова, чтобы избежать ассоциаций со значениями терминов в маркетинге, которые возникают при использовании этих понятий в русском языке, предлагает остановиться на термине «трансмедиа», который трактуется большинством исследователей как «конвергенция различных медиа».

А. С. Сумская, исследуя трансмедиа как тренд медиаконвергенции, в статье «Теоретико-методологические основания продюсирования трансмедийных проектов» трактует дефиницию трансмедиа как новый тип создания медиатекстов и «рассказывания» их аудитории: трансмедийность предполагает такой способ повествования, при котором информация (содержание истории) распространяется с использованием различных медиаплатформ. Кроме того, системное «использование отсылок к различным фильмам и телепередачам… позволяет создавать не что иное, как многослойный текст (по К. А. Сколари), и привлекать аудиторию разных возрастных сегментов, как минимум, на первичную моделирующую систему – телеканал» [1, с. 341].

Теорию трансмедиа, разрабатываемую в исследованиях Д. Ламберта, К. Миллер, Г. Кресса, Т. Леувена, А. Белла, Г. Ферраро, Б. Буша, посвященных проектированию медиатекстов в цифровых средах, продолжил профессор коммуникации, журналистики и кинематографического искусства Генри Дженкинс («Convergence Culture» («Конвергентная культура»), 2003). Ученый концептуализировал идею трансмедийного продвижения (продакшн), заложив деятельностный подход в исследовании феномена трансмедиа.

Продакшн (англ. *production* – англоязычный сленг, термин, обозначающий процесс создания проекта или творческого продукта) наиболее часто употребляется в сфере кино-, теле- и радиопроизводства, то есть продакшн – это процесс изготовления медиапродуктов. Технологические преобразования включили в состав трансмедиа-проектов такие позиции, как цифровые платформы, онлайн-видео, блоги, компьютерные игры, DVD, социальные сети, игры в реальности (квесты), флэшмобы, которые являются высокоэффективными путями для расширения истории и создания Вселенной фильма и ожидается, что в перспективе – Вселенной театральной постановки. Сегодня привлечение стратегии трансмедиа стало повсеместным явлением в сфере шоу-бизнеса и процессе продвижения произведений искусства и культурных событий.

В 2010 г. деятельность, связанная с трансмедиа, превратилась в определенный вид профессиональной деятельности и была официально ратифицирована Продюсерской гильдией Америки как специальность «продюсер трансмедиа». Продюсерская деятельность в Беларуси только начинает развиваться.

В новом Кодексе Республики Беларусь о культуре, принятом в 2016 г., в гл. 21 «Кинематографическая деятельность» (ст. 204 «Производство фильмов») закреплено понятие «продюсер», под которым понимается производитель фильма: «Производитель фильма (продюсер) – юридическое лицо, гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, которые обеспечивают финансирование и производство фильма» [2, с. 113]. В обязанности американского продюсера трансмедиа входит сопровождение контента минимум по трем различным медиаплатформам [1].

Феномен трансмедиа возник в начале 50-х гг. XX в. в связи с продвижением парка развлечений «Disneyland» в американском телевизионном шоу «Клуб Микки-Мауса». В 1990-х гг. трансмедиа, как стратегия маркетинга, была апробирована в киноиндустрии, что значительно увеличило масштабы коммуникации с аудиторией проекта «Звездные войны». Эпическая сага была широко представлена в шести фильмах, телевизионных шоу, книгах, игрушках, сувенирах и др. Среди более поздних проектов выделяются кинематографические трансмедийные проекты-вселенные: «Матрица» (три полнометражных кинокартины, анимированные короткометражные фильмы, игры, комиксы, сувениры, товары); сериал «Игра престолов», в котором использовано максимальное количество медиаплатформ для привлечения активной аудитории (а сегодня в реальной жизни функционируют экскурсионные маршруты по местам действия фильма); «Искусственный интеллект» – его продвижение продолжила интерактивная компьютерная игра в жанре альтернативной реальности, и др.

Экранизация как продвижение театральных мюзиклов («Чикаго», «Призрак Оперы» и др.) – фактически тоже проявление феномена трансмедиа. Премьера мюзикла «Призрак Оперы» состоялась в 1986 г., а на Бродвее – в 1988 г. До успеха сценической версии «Призрака Оперы» Эндрю Ллойда Уэббера было создано множество экранизаций с одноименным названием: 1943 г. – США, режиссер А. Лубин; 1962 г. – Великобритания, режиссер Т. Фишер; 1989 г. – США, режиссер Д.-Х. Литтл; 1990 г. – США, Франция, Италия, Германия, режиссер Т. Ричардсон; 1998 г. – Италия, режиссер Д. Ардженто; 2004 г. – США, режиссер Дж. Шумахер. На сайте фанатов «Призрака Оперы» (*operaghost.ru)* собраны различные «инкарнации» (то есть репрезентации), выражающие желание окружить себя вещами, напоминающими о любимом увлечении, иногда в причудливой форме:

настольные, компьютерные, ролевые и другие игры, обои для ПК;

куклы (авторские куклы и знаменитый Мишка Teddy); кукольный театр; пародии;

выставки; музеи; инсталляции;

радиоспектакли;

диафильм;

«Призрак Оперы» и филателисты;

сладкая жизнь: «призрачные» торты, пирожные;

«Призрак Оперы» в конном спорте, фигурном катании (стилистика номеров);

«Призрак Оперы» как тема для рекламы;

«Логово Призрака» – дизайн номера в отеле;

вечеринки в стиле «Призрака Оперы»;

профессиональный грим; татуировки;

тыквы на Хэллоуин;

матрешки в виде персонажей;

скульптуры персонажей, свиней из Бродвейской серии (Л. Молино), эротические;

коллекция дизайнерских зеркал Phantom и Christine для компании «Fiam Italia»;

«Призрак Оперы» в городской среде: «Снежный шар» на площади Пикадилли;

футболки и сумочки с текстом романа Леру, постеры, брелоки, часы и др.;

виртуальная флеш-игра «Одень Призрака»;

дизайнерская уличная мода в стиле «Призрака Оперы» корейского брэнда Haenuli;

символика мюзикла или фильмов на автобусах, зданиях, предметах и др.

Впечатляет статистика коммуникативной активности сайта как медиаплощадки – всего зарегистрированных пользователей – 1153, статистика форума: всего тем – 1696, всего сообщений – 136 875; рекорд суточной посещаемости сайта – 100 человек (установлен 01.11.2015).

Российский исследователь И. А. Ватулина в статье «Конвергентность культуры и феномен трансмедиа (на примере сериала “Игра престолов”)» рекомендует в рамках феномена трансмедиа рассматривать четыре аспекта продуцирования медиа-контента и развития основного сюжета. По мнению автора, основными элементами производства трансмедийного развития станут следующие: персональный, социальный (взаимодействие), мультиплатформенность, партиципаторность. В процессе трансмедиа, с точки зрения автора статьи, механизм взаимодействия современной медиареальности с ее участниками осуществляется следующим образом: взяв за основу базовый сюжет сериала, необходимо «подключить личностные характеристики (мировоззренческие представления, персональные предпочтения, навыки, взгляды, воображение), технические возможности (*any time, everywhere*), контекстуальное взаимодействие (*connect&compare*) и партиципаторность, которое подразумевает включение в запущенное сопроизводство и внесение своего творческого вклада и развитие нарративного материала в имеющийся ресурс» [3]. Феномен трансмедиа был рассмотрен И. А. Ватулиной на примере популярного сериала «Игра престолов». Анализ публичных страниц фанатов сериала в Интернете выявил следующие медиаплатформы для вовлечения потребителей в данную среду:

серия книг Джорджа Мартина;

сериал «Игра престолов» (ТВ (HBO), интернет-сериал);

настольные игры («Игра престолов», «Монополия»);
фестивали косплеев;
ТВ-шоу, проекты;
рейтинговые сайты (Кинопоиск);
информационные сайты (Википедия);
социальные сети (ВКонтакте, Фейсбук);
кинотеатры (официальный просмотр);
реклама и мемы;
фанатское творчество (фанфики, фан-арт, игры на ПК);
фанатский мерчендайзинг (фигурки, футболки, значки);
фанатский форум (обсуждения, фанатский контент).

Посетителями интернет-ресурса *7kingdoms.ru* фан-клуба сериала, проанализированного И. А. Ватулиной, являлись молодые люди обоих полов 21–24 лет [3]. Исследование показало большую степень вовлеченности в медийный контекст молодого поколения и их максимальную подверженность влиянию экранной культуры и всех ее проявлений (рис. 1).

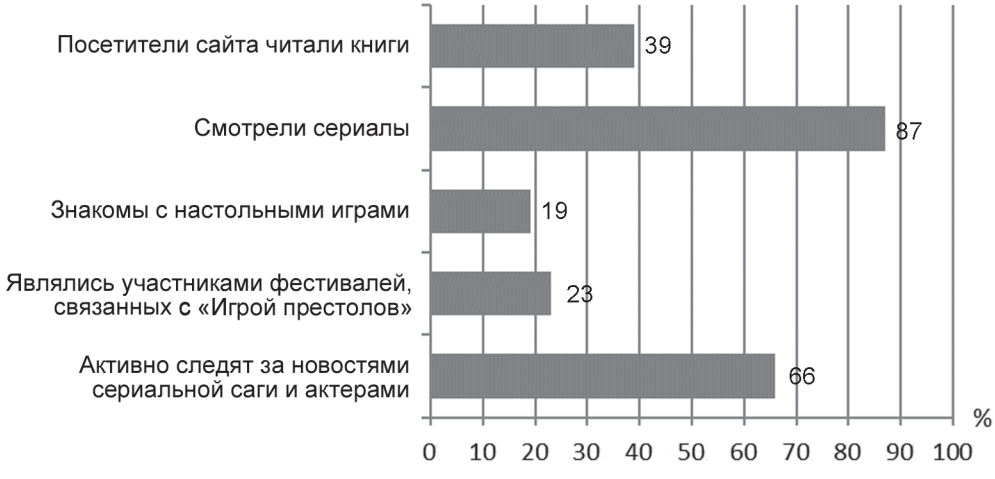


Рис. 1. Анализ текстов интернет-сообщества фанатов сериала «Игра престолов»[1]

Данные, полученные с основного русскоязычного фанатского сайта, подтвердили взаимосвязь каналов коммуникаций, центром которых является один культурный продукт, и эффективность стратегии трансмедиа.

По результатам мониторинговых и оперативных социологических исследований, проведенных Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь в 2013 г., национальная аудитория имеет ряд отличий по возрастному критерию. Молодежь все больше отдает предпочтение Глобальной сети (86,8 %), нежели «голубому экрану»

[1] *Источник:* данные социологических исследований И. А. Ватулиной 2015 г.

(72,1 %). Газеты и радио как источник информации воспринимают 30,0 % и 16,4 % молодых людей соответственно [4]. Согласно предпочтениям молодежной аудитории, в будущем белорусские продюсеры трансмедиа, сопровождающие контент, должны все больше задействовать медиаплощадки в интернет-пространстве и на телевидении для создания и продвижения проектов в сфере культуры и искусства.

Также активно будет развиваться медиафэндом, явление, которое мы уже сегодня наблюдаем в Беларуси на примере сообществ, принадлежащих к различным субкультурам. (Является специфическим культурным феноменом в индустриальном обществе, с характерным для его массовой культуры институтом «звезд».) Медиафэндом (*mediafandom*) – принятое в западной социальной науке обозначение многообразных культурных практик фанатов, фан-сообществ и текстов, выступающих объектом их поклонения; включает любительские онлайновые креативные практики («народная» поэзия и литература, любительская фотография и видео, флэш-анимация, фан-арт, «народная теле- и кинокритика», «народный перевод» литературных произведений и др.) [5]. В Беларуси театральные сообщества уже существуют как медиафэндомы: открыты группы в социальных сетях, например, на Facebook, создана группа «Inzhest», объединяющая поклонников пластического театра «Инжест» Вячеслава Иноземцева, группа «Тэатральная Беларусь» для любителей театра и др.

Примером высокой результативности деятельности интернет-сообщества в Беларуси явился спектакль «Опиум» (реж. А. Марченко), сбор средств на постановку которого осуществлялся на краудфандинговой платформе «Улей» (интернет-ресурс по сбору финансирования проектов). Новая пьеса белорусского драматурга В. Королева «Опиум» рассказывает о наркоманах, главным наркотиком для которых является стремление к лучшей жизни. Пьеса была написана в 2015 г. в рамках IV Международной драматургической лаборатории, а через год удалось осуществить ее постановку.

Российский философ Н. Л. Соколова в докторской диссертации «Популярная культура в эпоху “новых” медиа: социальный анализ культурных практик» [5], рассматривая популярную культуру в разрезе социальной философии, считает, что «установление Web 2.0 – парадигмы, новой даже в контексте установления “новых” медиа, – дает исследователям повод говорить о современной ситуации уже как об этапе “посткиберпространства” (К. Бэссет)… Активное участие аудитории в создании медиаконтента, добровольный неоплачиваемый труд потребителей в свободное время, использование массовой любительской креативности бизнесом ведет к значительным социальным изменениям; происходящее в популярной культуре оказывается вписанным в “цифровую” экономику постиндустриального общества» [5, с. 5].

Если исследовать возможности Интернета как медиаплощадки для продакшн театрального спектакля, то необходимо учесть особенности Интернета «второго поколения» по сравнению с «классическим»:

содержание контента создается самими пользователями, происходит активное функционирование онлайновых сообществ и социальных сетей; дистрибуция медиаконтента вне специализированных институтов благодаря возможности отчуждения созданных артефактов в цифровой форме;

широкое использование технологии «вики» (wiki), позволяющей генерировать информацию на коллективной основе;

«фолксономия» («народная классификация»), то есть спонтанное сотрудничество пользователей с целью классификации информации.

Н. Л. Соколова считает, что Интернет «второго поколения», в сравнении с Интернетом версии 1.0, стал в большей степени коммуникативной, а не информационной средой, которая уже в свою очередь влияет на реальную жизнь участников сообществ и на продолжение (развитие) трансмедийной истории [5].

На одном из украинских сайтов, посвященном маркетинговым технологиям, опубликованы результаты исследования Latitude. Утверждается, что в исследовании приняли участие люди в возрасте от 12 до 65 лет; 60 % – мужчины, 40 % – женщины; 78 % – жители США, остальные – из Австралии, Германии, Японии, Сингапура, Турции и Великобритании; ¾ владеют и регулярно пользуются смартфонами и 50 % – планшетами. Согласно опросам Latitude, аудитория хочет большего контроля над контентом (рис. 2): 79 % опрошенных заявили, что хотели бы влиять на историю, воздействуя на персонажей, участвуя в повествовании или меняя сюжетные ходы. Ранним последователям интересна возможность делиться идеями [6].

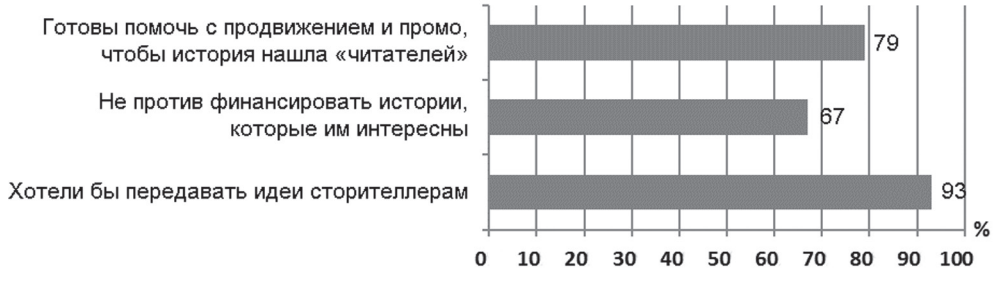


Рис. 2. Анализ желания аудитории влиять на контент[1]

Мнения экспертов сходятся в том, что в основе трансмедиа должен лежать принцип сторителлинга, и интересная, затрагивающая аудиторию история. Под историей может подразумеваться как одна история, так и многие, динамично связанные и перетекающие из одного медиа в другое. Это могут быть и отдельные новеллы, но так или иначе связанные общей, глобальной идеей.

Согласно Г. Дженкинсу, постепенно феномен трансмедиа расширился до понимания его как новых культурных практик потребителей и специфического опыта восприятия современных масс-медиа.

[1] *Источник:* данные социологических исследований Latitude 2015 г.

Трансмедийное рассказывание истории подразумевает сильный эффект воздействия на аудиторию и выливается в реальную жизнь, когда люди хотят театрализовать собственную жизнь, то есть прожить жизнь персонажей – меняют свои имена и фамилии на имена вымышленных героев сериалов или игр, носят их костюмы и даже делают пластические операции, чтобы увеличить сходство с любимым героем. В мире и в Беларуси появилось целое движение и сообщество со своей субкультурой под названием «Косплей» (вовлечены не только молодежь и подростки, но и взрослые люди). В 2016 г. в Минске (перед праздником «Хэллоуин») уже в пятый раз состоялся Фестиваль поклонников фантастики, комиксов и компьютерных игр. Фестиваль косплея (*cosplay*) продемонстрировал, как поклонники вымышленных персонажей из мира кино примеряют на себя их образ. Для достоверности создания образа любимого героя используются точное костюмирование, соответствующий грим, реквизит, актерское мастерство, помогающее перевоплощению и «вживанию» в образ. С учетом того, что на зарубежных телеканалах белорусский зритель предпочитает смотреть художественные фильмы – на это указали в среднем по 46,1 % опрошенных (для сравнения – развлекательные программы отметили 33,1 % респондентов), интерес к движению «косплей» в республике будет развиваться [4].

Трансмедийность стала превалировать в творчестве современных драматургов и постановщиков, которые предлагают интернет-сообществам дописать варианты финала пьесы или зрителям спектакля доиграть возможную развязку постановки. Авторы приведенного выше исследования Latitude сформулировали четыре ключевых принципа/подхода к генерации современного контента или рассказыванию историй:

1. *Эффект присутствия* (Могу ли я глубже погрузиться в историю, воздействует ли история на все мои чувства?).

2. *Интерактивность* (Могу ли я влиять на элементы истории? Общаться посредством ее с другими людьми?).

3. *Интеграция* (На каких платформах она рассказывается?).

4. *Воздействие* (Способна ли история побудить меня к действию в реальной жизни? Например, подтолкнуть к/отвергнуть от посещения премьеры спектакля?) [6].

Эти принципы, уверяют исследователи, будут полезны не только будущим писателям-фантастам, их стоит взять на вооружение всем контент-менеджерам и маркетологам, чтобы теснее взаимодействовать со своей аудиторией. На наш взгляд, эти ценные советы уже успешно воплощают практики белорусской сцены. Обратимся к примерам.

Феномен трансмедиа Г. Дженкинс трактует как «трансмедийный нарратив, который включает в себя создание контента, вовлекающего аудиторию, используя различные методы, чтобы проникнуть в ее повседневную жизнь» [7]. В конце XX – начале XXI в. произошла трансформация театра в двух генеральных направлениях:

во-первых, в спектаклях и перфомансах все активнее стали использоваться новые медиа, без которых сегодня нельзя представить себе современные постановки;

во-вторых, театр стал терять свою автономию, становясь ближе к реалиям повседневности: зритель уже не отстраненный наблюдатель, а соучастник театра; местом театральной постановки становится сама социальная жизнь (например, городское пространство) и др.

Феномену трансмедиа посвящен отдельный блок исследований, касающихся медиатехнологий в театре (С. Диксон), но понимается дефиниция трансмедиа как перенос изначального театрального контента на другие медиаплощадки. Практики театра считают, что онлайн-взаимодействие может улучшить опыт восприятия аудитории театра и популяризировать искусство театра. Ученые, наоборот, видят определенные проблемы для развития личности, последующие за трансмедиа как процесса конвергенции искусства и медиа.

Анализируя феномен трансмедиа с точки зрения проблемы восприятия произведений искусства, Н. Л. Соколова в статье «Трансмедиа и “интерпретативные сообщества”» пишет: «В реальной ситуации потребления “визуальное” и “невизуальное” переплетено: “Идиот” Ф. М. Достоевского и “Мастер и Маргарита” М. Булгакова для многих (в том числе и для молодежи, несмотря на то, что оба романа входят в школьную програму), прежде всего, являются телесериалами, и восприятие этих литературных произведений осуществляется сквозь призму визуальных образов, визуально опосредовано. Бытование литературы в Интернете, где литературный текст сопровождается “картинкой”, флэш-анимацией, существование литературы в аудиоформате и тем более феномен трансмедиа делают такое различие, чаще всего явно оценочное, непродуктивным» [8]. Однако исследование по заказу компании «Неста» в NT Live, в котором театральные выступления транслируются в прямом эфире в кинотеатрах по всей Великобритании, продемонстрировало не только максимальное расширение аудитории, но и тот факт, что зрители, которые смотрят представление в кинотеатрах, испытывают большее эмоциональное взаимодействие, чем те, кто находится в театре [8].

В Республике Беларусь также проходят показы известных спектаклей в рамках проекта «TheatreHD» на экране кинотеатра (фактически осуществляется трансмедиа – перенос места действия спектакля на большой экран, в Интернет с помощью медиатехнологий). Информация о проекте размещается на сайтах *artcorporation.by* и *kinominska.by*, *kvitki.by* (где происходит и онлайн-продажа билетов), что значительно расширяет количество медиаплатформ для показа спектаклей и их продвижения (продакшн). Проект объединяет более 35 городов России, Украины, Казахстана и Беларуси. Столичные театралы увидели на экране кинотеатра «Центральный» знаменитые балеты и оперные спектакли, некоторые даже в 3D-формате (балет «Лебединое озеро», реж. М. Борн).

Вероятно, преждевременно делать обобщающие выводы, но очевидно, что необходимы глубокие социологические исследования продуктивности восприятия трансмедиа-проектов у различных типов аудитории. Бесспорным остается только экономический потенциал трансмедийной истории в медиапродюсировании, на который обращает внимание иследователь Карлос Альберто Сколари [9] и И. А. Ватулина на примере фанатов сериала «Игра престолов».

В целом, технологии трансмедиа существенно изменили как коммуникативные, маркетинговые, рекламные, так и креативные технологии продвижения искусства. К коммуникативным отнесем, например, *Skype* – компьютерную программу, которая дает возможность художникам сотрудничать даже через границы, режиссерам проводить кастинги и договариваться о гастролях. Чтение книг (аудиокниги) происходит в аудиорежиме, то есть режиме прослушивания. Обозначим новые рекламные механизмы, получившие широкое распространение в последнее время: буктрейлер (*booktrailer*) – небольшой видеоролик, рассказывающий в произвольной художественной форме о сюжете книги, цель которого – реклама новой книги и пропаганда чтения; трейлер (*trailer*) – короткий видеоролик, анонсирующий новый фильм, компьютерную игру, спектакль; ти́зер (*teaser* – англ. «дразнилка, завлекалка») – рекламное сообщение, построенное как загадка и содержащее часть информации о фильме или спектакле. Ролик длится обычно от одной до полутора минут и создается еще на той стадии, когда сам фильм/спектакль еще не закончен.

Буктрейлер позволяет до прочтения книги познакомиться с сюжетом в визуальном режиме, но, таким образом, уже на этапе знакомства с книгой происходит навязывание визуальных образов создателями рекламы, что лишает будущего читателя собственного конструирования образов и собственной интерпретации содержания произведений. Обратное мнение высказывает Г. Дженкинс, суть которого в том, что трансмедиа являются инструментом более целостного конструирования образов. Трансмедийное повествование (*transmedia storytelling*) трактуется им «как процесс, при котором отдельные части истории доставляются аудитории по различным каналам с целью создания единого целостного ее представления, при этом каждый носитель имеет уникальное значение для разворачивающейся истории. Ведущее значение в повествовании имеет не совокупность используемых платформ, а совокупность смыслов, которые передаются аудитории на различных платформах. Трансмедийность позволяет предъявить аудитории историю наиболее полно, позволяет проработать персонажи наиболее глубоко, контурно» [7].

С точки зрения театрального искусства, трансмедиа могут выполнять функцию «обналичивания» смыслов в спектакле, одновременно являясь инструментом такого «обналичивания». Тизеры и тейлеры, репортажи о спектакле, его фрагменты, которые можно просмотреть онлайн, используются сегодня не только в продвижении театральных спектаклей, но и как стратегия трансмедиа – это компоненты (мозаика), из которых еще до просмотра начи-

нает складываться спектакль. Исследователи считают отличительным свойством трансмедийной истории ее мозаичность. Возникший в результате взаимодействия создателей проекта и аудитории мир, разбросанные по разным платформам элементы воспринимаются только в совокупности, предоставляя потребителю возможность по-новому посмотреть на уже знакомую историю.

Еще до премьеры, которая состоялась в рамках проекта Международного форума театрального искусства «ТЕАРТ» (Минск, 2016), были представлены интригующий посетителей интернет-ресурса ТЕАРТа трейлер спектакля «На дне» Могилевского областного театра кукол по произведению М. Горького [10] и телерепортажи с различных телеканалов (ОНТ, СТВ), посвященные репетициям постановки. Сам трейлер спектакля «На дне» состоял из монтажа лучших фрагментов спектакля и выразительного музыкального оформления ролика, которое уже при просмотре передавало гнетущую и агрессивную атмосферу спектакля. Музыка и визуальный ряд (безобразного вида куклы) акцентировали внимание на шокирующей атмосфере спектакля, что вызывало резко негативные эмоции, но и интриговало одновременно. Так еще на стадии восприятия трейлера спектакля начиналось проникновение в замысел режиссера И. Казакова, который поставил неутешительный диагноз современному обществу: «Уродлив человек, и дни его печальны» (вместо горьковского восклицания «Человек – это звучит гордо!»).

Современные постановки сегодня часто являются ребусом для зрителя из-за многоуровневости представленных текстов. Предварительный просмотр спектакля или его фрагментов и контента вокруг постановки (репортажи, интервью режиссера, мнение критиков) помогают разгадать смысл постановки на сцене, прочесть отсылки к другому медиаконтенту. «Вы либо станете поклонником постановки и эстетики агрессии, либо не примете его категорически. “На дне” Казакова по концентрации авторского высказывания сродни фильмам Вернона Херцога, операм Вагнера, картинам Ботеро» [11], – такой отзыв оставил на страницах Интернета «Добрый зритель в 9-м ряду». Рецептивная оценка анонимного зрителя показывает, как конкретным человеком трактуется трансмедийное повествование в спектакле. Трактуется как процесс, при котором отдельные части истории (в данном случае – это кино, опера и картина, которые репрезентируются в воображении зрителя) доставляются по различным каналам с целью создания единого целостного представления о спектакле. Подчеркнем, что в дальнейшем трансмедийное повествование каждого зрителя, высказанное на различных медиаплатформах, будет иметь уникальное значение для посещаемости спектакля и для разворачивающейся истории «На дне» уже в реальной жизни.

Учеными (К. Сколари, Н. Л. Соколова) разработана классификация, связанная с участием аудитории в трансмедийных проектах, согласно которой первый уровень представляют пользователи отдельных моноединиц трансмедийного проекта, которые не принимают во внимание и не интересуются целостным проектом. На втором уровне – аудитория, предпочитающая отдель-

ные виды медиа (кино, телевидение и др.) и формирующая свое понимание истории в соответствии с содержательными кластерами, представленными на данных платформах. На третьем уровне находятся потребители трансмедиа, имеющие соответствующий уровень медиакомпетентности и способные полностью реконструировать полную картину трансмедийного проекта, переходя от одной медиаплатформы к другой [8, с. 21].

Таким образом, трансмедиа становится не только актуальным трендом медиаконвергенции и медиакультуры, но и театрально-постановочного процесса в Беларуси. Первичный просмотр спектаклей фактически начинается на экране (телевизора, кинотеатра, компьтера, телефона) с помощью медиатехнологий как рекламного механизма (тизеры и трейлеры, теле- и видеотрансляции, онлайн-трансляции) и далее посредством трансмедиа формируются коммуникации вокруг спектакля на разных медиаплатформах. Феномен трансмедиа также требует изучения продуктивности восприятия спектакля зрителем, который по сути уже не является зрителем в привычном понимании театральной аудитории, а реципиентом в коммуникативном процессе, осуществленном с помощью медиатехнологий. Поэтому современные театральные критики (Т. Артимович) склоняются к несостоятельности «аристотельского» метода анализа пьесы (завязка – кульминация – развязка – финал), свойственного белорусскому искусствоведению при рассмотрении современных театральных постановок. Осталось подтвердить их выводы социологическими исследованиями белорусской зрительской аудитории.

Вместе с тем при интерпретации любых результатов опросов, показателей рейтингов, количества подписчиков в социальных сетях и «лайков» под мнением о спектакле или тизером, необходимо помнить, что театральное искусство не может существовать только в плоскости статистических и экономических показателей. Режиссер, художественный руководитель Центра им. Мейерхольда (Россия) В. Рыжаков высказал важную мысль по поводу предназначения театра: «Люди, которые приходят в театр, хотят разобраться в чем-то. Театр – это не развлекательное искусство, как бы потребительски к нему ни относились… Все, что нам предлагается через телевидение, через СМИ, большей частью направлено на потребление. Понятно, что с этим театр конкурировать не может, но он должен выжить. Театр никогда не был развлечением. Он устраивает диалог между человеком и духовной сферой. Мольер – это диалог, Шекспир – это диалог человека внутри себя, который решал, быть ему или не быть. Если мы эту проблему решать не будем, мы захлебнемся в этом супермаркете» [12].

Список использованных источников

1. *Сумская, А. С.* Теоретико-методологические основания продюсирования трансмедийных проектов / А. С. Сумская // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Вып. 94, Филология. Искусствоведение. – 2005. – № 5 (360). – С. 337–343.

2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс] : 20 ліпеня 2016 г., № 413-З : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв.

2016 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=Hk1600413&p1=1&p5=0. – Дата доступа: 28.09.2016.

3. *Ватулина, И. А.* Конвергентность культуры и феномен трансмедиа (на примере сериала «Игра престолов») [Электронный ресурс] / И. А. Ватулина // Соврем. науч. исслед. и инновации : электрон. науч.-практ. журн. – 2016. – № 7. – Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2016/07/70101. – Дата доступа: 26.07.2016.

4. Республика Беларусь в зеркале социологии [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа: http://iac.gov.by/sbornik/007.pdf. – Дата доступа: 22.10.2016.

5. *Соколова, Н. Л.* Популярная культура в эпоху «новых» медиа: социальный анализ культурных практик : автореф. … дис. д-ра филос. наук : 09.00.11 / Н. Л. Соколова ; Самарский гос. ун-т. – Самара, 2010. – 23 с.

6. Будущее контент-маркетинга за трансмедийными историями [Электронный ресурс] // Проект Marketing Media Review: MMR.UA. – 2016. – Режим доступа: http://mmr.ua/show/buduschee-kontent-marketinga-za-transmedijnymi-istorijami/31897. – Дата доступа: 28.10.2016.

7. *Jenkins, H.* Transmedia 202: Further Reflections [Electronic resource] / H. Jenkins. – Mode of access: http://henryjenkins.org/2011/08/defining_transmedia_further_re.html. – Date of access: 31.08.2016.

8. *Соколова, Н. Л.* Трансмедиа и «интерпретативные сообщества» [Электронный ресурс] / Н. Л. Соколова // Междунар. журн. исслед. культуры. – 2016. – Режим доступа: http://www.culturalresearch.ru/. – Дата доступа: 26.07.2016.

9. *Scolari, C.* Transmedia Storytelling: Implicit Consumers, Narrative Worlds and Branding in Contemporary Media Production / C. Scolari // Intern. J. of Communication. – 2009. – Vol. 3. – P. 586–606.

10. Трейлер спектакля «На дне» Могилевского областного театра кукол [Электронный ресурс] // Центр визуальных и исполнительских искусств Artcorporation / Видео-хостинг YouTube. – 2016. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ixUmJpB4U-Y. – Дата доступа: 28.10.2016.

11. Горький выпал в осадок [Электронный ресурс] // Портал Беларусь Сегодня. – Минск, 2016. – Режим доступа: http://www.sb.by/teatr/article/gorkiy-vypal-v-osadok.html. – Дата доступа: 22.10.2016.

12. Международный фестиваль театрального искусства «Панорама» [Электронный ресурс] // Столичное телевидение : новостной интернет-портал. – Минск, 2016. – Режим доступа: http://www.ctv.by/node/59330. – Дата доступа: 22.10.2016.

V. E. ZHYDOVICH

TRANSMEDIA PHENOMENON IN THE ART OF THEATRE: EXPERIENCE OF BELARUS

Summary

The article is devoted to studying of the phenomenon of transmedia. The analyzes of sociological research allows to reveal features of creation of transmedia storytelling in the digital environment and determine the types of new cultural practices of consumers generated by the strategy of transmedia. Extension of the experience in promoting theatrical performances of Belarusian in various media and methods of transmedia storytelling defines the trends of the theatrical and staging process in Belarus and new directions of sociological research.

Keywords: transmedia, production, storytelling, mediafandom, teaser, trailer, cosplay, media technologies, transmedia storytelling in the theatre.

Поступила 12.11.2016 г.

УДК 316.663:316.343.652

К. И. СТАСЕЛЬКО,
аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПЬЕРА БУРДЬЁ

В статье рассматриваются основные аспекты теории социологии литературы Пьера Бурдьё. В частности, рассматривается теоретико-категориальный аппарат и методология социологии Бурдьё и соотношение с ней социологии литературы; теория поля литературы, а также подход Пьера Бурдьё к изучению литературного пространства.

Ключевые слова: социальное пространство, поле, капитал, гетерономность, автономность.

Пьер Бурдьё в своих работах значительное место отводит социологии культуры и, в частности, социологии литературы. Он внес значительный вклад в развитие современной теории и методологии социологии литературы. Среди наиболее значительных работ Бурдьё можно назвать «Поле литературы», «Чтение, читатели, ученые, литература», «Поле интеллектуальной деятельности как особый мир», «Производство веры. Вклад в экономику символических благ», «Правила искусства. Генезис и структура поля литературы», «Исторический генезис чистой эстетики» [2], «Рынок символической продукции» [5].

Социология литературы Пьера Бурдьё развивалась в рамках разработанной им теории социального пространства, теории полей. Поэтому в первую очередь следует обратиться к понятию социального пространства. Данное понятие Бурдьё рассматривал как своего рода совокупность социальных полей, таких как политическое, экономическое, литературное и др. Социальное пространство является, прежде всего, выражением социальных отношений, структуры социальных позиций. Социальное пространство с его подпространствами, или субполями, функционирует в логике дифференциации и распределения, структурируется совокупностью свойств, наделяющих агентов или группы агентов властью и силой. Структура социального пространства, согласно Бурдьё, определяется неравным распределением различных видов капитала. Исследователем были выделены такие основные виды социальной власти, как экономический капитал, культурный, социальный и символический капитал, иными словами называемый престижем, репутацией. Различные виды капитала являются одновременно и целями, и инструментами борьбы, как в различных полях, так и в социальном пространстве в целом, обладание тем или иным видом капитала определяет шансы на выигрыш в поле, которому соответствует капитал. Например, объем культурного капитала определяет общие шансы на выигрыш в полях и субполях, в которых

культурный капитал тем или иным образом задействован в определении позиции. Различные виды капитала являются активными свойствами, которые лежат в самой основе построения и структурирования социального пространства, дают власть, выступают структурами господства над другими агентами, предпосылками и условиями социальных практик.

Позиция агента или группы агентов в социальном пространстве определяется позициями в различных социальных полях, структурой и совокупным имеющимся объемом различных видов капитала, которыми обладает агент или группа агентов. То есть, агенты в социальном пространстве распределяются в двух измерениях. В первом измерении социальные агенты распределяются по общему объему капитала, которым они обладают, в различных его видах, а во втором измерении – по относительному объему различных видов капитала в общем объеме капитала, которым они обладают. В свою очередь агенты, занимающие сходные позиции в социальном пространстве, как правило, обладают сходными диспозициями и габитусом и, таким образом, осуществляют схожие практики. Социальное и физическое пространство в теории Бурдьё взаимосвязаны, социальное пространство имеет склонность и свойство преобразовываться в физическое пространство. Так, исследователь отмечает, что социальное пространство определяется по взаимоисключающим позициям, которые его формируют. Занимать противоположные позиции в пространстве невозможно. В свою очередь, физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам формирующих его частей. Физическое пространство Бурдьё также считает социальным конструктом, проекцией социального пространства, объективацией социальной структуры. Так, в частности, реализацией социального пространства в физическом является распределение в физическом пространстве различных благ и услуг, а также агентов и групп, способных их присвоить, в результате чего возникает концентрация дефицитных благ и их обладателей, в противоположность иным физическим пространствам, в которых они отсутствуют, и где концентрируются агенты с наименьшим капиталом [3].

Различные поля социального пространства имеют различную структуру, собственные правила, динамику борьбы, логику функционирования и специфические закономерности. Поле представляет собой систему отношений между позициями, структурированное пространство позиций, которое в значительной степени определяет свойства и особенности поля, правила игры. Поле – автономная часть или подпространство социального пространства, система социальных отношений и явлений, которая является относительно замкнутой и автономной. Силы и позиции в нем представлены различного рода иерархиями, соответственно которым одни доминируют над другими. Следовательно, подчиненные иерархии осуществляют собственные практики исходя из предпосылок и условий, которые определяются господствующими. В поле агенты, группы агентов или институции ведут борьбу за обладание специфическим капиталом, благами, которые являются целями соответству-

ющей игры, по тем правилам, которые сформированы в данном пространстве. Иными словами, поле представляет собой объективную систему связей между позициями, которые находятся в состоянии союза или борьбы, конкуренции или сотрудничества, определяемыми социально [1; 4].

В поле литературы, согласно Бурдьё, ведется конкурентная борьба, направленная на трансформацию, изменение или консервацию этого поля. Уточняя, Бурдьё говорит, что борьба, прежде всего, ведется относительно самого понятия литературы. Кроме того, поле литературы занимает подчиненную позицию внутри поля власти, поэтому исследование поля литературы невозможно без обращения к полю власти. Соответственно, Бурдьё выделяет три операции, которые требуются при изучении поля литературы: прежде всего, следует проанализировать позицию поля литературы внутри поля власти; затем проанализировать внутреннюю структуру поля литературы; а также проанализировать формирование и траекторию формирования габитусов агентов поля [6].

Согласно теории социологии литературы Пьера Бурдьё, автономизация литературного поля представляет собой исторический процесс, который требует соответствующих условий. Одним из таких условий является дифференциация, связанная с процессом разделения труда и появлением таких производителей литературного продукта, как писатели, издатели, а также других соответствующих специалистов, как литературные критики, рецензенты и др. Возникновение литературных институций, способных признавать и посвящать, выступает еще одним значительным условием, которое, в свою очередь, связано с формированием соответствующего рынка. Важным признаком автономии поля литературы является возникновение нового принципа структурирования поля, в соответствии с которым эстетическая ценность литературного продукта не сводится к его краткосрочной экономической успешности и, даже, окупаемости. Описывая подобную автономию поля, когда эстетическая ценность имеет преимущество перед экономической ценностью, символический капитал противопоставляется экономическому, Бурдьё использует словосочетание «экономика наоборот» [3; 7].

Особенности структуры и функционирования поля литературы во многом зависят от того, насколько оно способно навязать свои законы, принципы и санкции всему полю производителей культурной продукции, в том числе тем, кто занимает экономически и политически доминирующие позиции в поле культурного производства. Иными словами, особенности структуры и функционирования поля литературы во многом зависят от степени его автономности. Согласно Пьеру Бурдьё, в поле культурного производства, в том числе и литературном поле, непрерывно ведется борьба двух принципов: гетерономного и автономного. И, соответственно, борьба также ведется между агентами литературного поля, стремящимися навязать всем остальным один из двух принципов. Согласно гетерономному принципу, ценность литературного продукта прежде всего сводится к его экономической успешности, что

является внелитературным принципом и свидетельствует о слабой степени автономии. Автономный же принцип признает эстетическую ценность, которую, в свою очередь, способен признать либо не признать соответствующий круг специалистов литературного поля. Именно признание в литературном поле является условием получения и накопления символического капитала, который в данной дихотомии противопоставляется экономическому капиталу. При этом следует отметить, что различные виды капитала все же имеют свойство конвертироваться, и в дальнейшем символический капитал может быть конвертирован в экономический. Гетерономный принцип благоприятствует прежде всего тем, кто занимает в поле экономически и политически доминирующие позиции. Подобный принцип соответствует внешним принципам иерархизации в поле экономики и власти. То есть, соответственно гетерономному принципу иерархизации, в поле отталкиваются в первую очередь от известности писателя среди широкой публики, от его коммерческого успеха, массовости тиражей, наличия и количества престижных премий и т. д. В таком случае писатель подчиняется принципам экономического поля и поля власти, стремится обладать материальными благами, гонится за коммерческим успехом, официальными званиями и тому подобному, его деятельность в поле подчиняется экономическому и политическому заказу. В свою очередь, приверженцы автономного принципа не только не стремятся к коммерческому успеху, отвергают какой бы то ни было заказ, придерживаются принципа «искусство для искусства», иными словами, пытаются оставаться независимыми от требований извне, но также скорее склонны рассматривать успех у широкой аудитории, коммерческую успешность, широкую известность и остальное, что этому сопутствует, как нечто негативное, тем самым отвергая принципы, которые навязывает поле экономики и власти литературному полю. Отказываясь от коммерческого успеха, экономического капитала, автономные производители, тем не менее, ведут борьбу за символический капитал. Поэтому немалое значение имеет качество аудитории, а именно ее культурное и социальное качество, и тот объем символического капитала, который принесет признание со стороны данной аудитории. Автономный принцип иерархизации благоприятствует им постольку, поскольку их знают и признают подобные им (то есть другие писатели и иные агенты литературного поля), и, в частности, по причине отказа идти на уступки запросам массовой публики, неприятия политического, экономического и иного заказа или требований извне. Таким образом, автономность поля литературы зависит от того, насколько доминирует гетерономный или автономный принцип, иными словами, насколько внешний, или гетерономный, принцип подчиняется внутреннему, или автономному, принципу иерархизации. Однако следует отметить, что структура поля никогда не является застывшей и неизменной, она трансформируется в соответствии с динамикой борьбы внутри поля [6].

По мнению Бурдьё, взгляды, отношения и позиции гетерономных и автономных производителей крайне антагонистичны, как ни в каком другом поле,

кроме, пожалуй, поля власти. Наиболее явными индикаторами, позволяющими определить позицию, занимаемую в поле, являются размер и качество аудитории писателя, которые свидетельствуют о степени зависимости от требований рынка и заказа массовой аудитории, а также отношении писателя к коммерческому успеху и популярности. Кроме того, чем более автономным является поле, тем более жесткие в нем санкции по отношению к тем, кто осуществляет гетерономные практики, в частности, может стимулироваться сопротивление, борьба против власти. Как отмечает Бурдьё, степень автономности поля может разниться в зависимости от национальной традиции, того или иного исторического периода. Раскрывая суть борьбы гетерономного и автономного принципа в поле литературы, можно сказать, что борьба ведется за литературную легитимность, дефиницию писателя, иными словами, за монопольное право определять границы поля литературы, условия принадлежности к полю, определять того, кто является писателем, и что является литературой [6].

Согласно Пьеру Бурдьё, литературные концепции, видение тех или иных жанров, критический дискурс также зависят от занимаемой в поле литературы позиции. Так, на двух полюсах – соответствующих автономному и гетерономному принципу – есть как те, кто прежде всего делает акцент на содержании, так и те, кто прежде всего концентрируется на форме и стиле. Если же рассматривать полюса господствующих и подчиненных позиций, то чем ближе занимаемая позиция к доминирующим, тем сильнее склонность к принятию академического дискурса и деполитизированных форм. В свою очередь, чем ближе занимаемая позиция к подчиненным, тем более проявляется склонность к политизированности и обличению академического дискурса. Исходя из этого, стоит упомянуть разделение, к которому обращается Жизель Сапиро (ученица Пьера Бурдьё), исследующая поле литературы Франции на основе методологии Пьера Бурдьё. Так, на примере французского поля литературы, на основе связок гетерономность/автономность и господствующие/подчиненные были выделены четыре основных типа позиций в поле. Для обобщения подобных позиций используются такие обозначения, как «нотабли», «авангардисты», «эстеты», «массовые» писатели. На господствующем полюсе выделяются «эстеты» и «нотабли». «Эстеты» обладают символическим капиталом, славой, но при этом не обязательно обладают институциональным признанием. «Эстеты» отстаивают преимущество стиля, таланта, оригинальности, выступают за автономию эстетической оценки и против использования литературы в качестве инструмента символической власти. Согласно Бурдьё, «нотабли» обладают капиталом институционального признания, их позиции зависят от таких форм институционального признания, как литературные премии, принадлежность к академии, экономическая успешность их книг. Для «нотаблей» литература играет воспитательную функцию, функцию воспроизводства социального порядка. Поэтому критический дискурс на данных позициях апеллирует к моральности и общественному порядку. «Нотабли»,

занимающие господствующие позиции в литературном поле и нередко высокие посты в тех или иных учреждениях, соответственно приближены в большей степени к тем, кто занимает господствующие позиции в экономических и политических полях. В свою очередь на подчиненном полюсе поля находятся так называемые «авангардисты» и «массовые» писатели. «Авангардные» и «массовые» писатели, в связи с занимаемой ими подчиненной позицией, как правило, склонны к политизации. «Авангардные» писатели направлены на пересмотр доминирующих концепций эстетики и стилистики, накопление символического капитала и, как правило, видят в литературе подрывную функцию. Им характерно стремление к разрыву с остальными агентами, институциями, концепциями поля литературы, они, как правило, критичны по отношению к доминирующему видению литературы и литературной теории. К политизации и политическому радикализму «авангардистов», прежде всего, приводит их стремление к нарушению и противопоставлению доминирующим эстетическим и этическим нормам. Так, в качестве примера могут служить сюрреалисты, которые были склонны к коммунизму и троцкизму. В стремлении отстоять независимость литературных практик, «авангардисты» нередко прибегают к различного рода манифестациям, скандальным и эпатажным практикам, порой внелитературного характера и часто имеющих политический окрас. На другом полюсе в рамках подчиненного полюса находятся так называемые «массовые» писатели, которые зарабатывают созданием популярного, массового литературного продукта, но не имеют значительного символического капитала. Кроме того, «массовые» писатели не обладают достаточным культурным капиталом, что не позволяет им вступать в академический литературный дискурс или принимать участие в критических дискуссиях относительно литературы. Подобные писатели отвечают актуальному социальному и рыночному заказу, как правило, работая в таких жанрах, как социальная сатира, расследование, интервью и им подобных [7].

Структура литературного поля определяется тем, как распределены в поле различные виды капитала, обладание которым приносит определенные выгоды. Поле является сетью отношений между различными позициями. Позиция в поле определяется ее отношением к другим позициям. В свою очередь стратегии, используемые с целью сохранения или улучшения позиций агентов, определяются сетью объективных отношений между позициями в поле литературы. Соответственно, успешность или неуспешность той или иной стратегии агента зависит от позиции, которую он занимает в структуре силовых отношений. Как отмечает Пьер Бурдьё, агенты, занимающие доминирующие позиции в поле литературы, являются в основном достаточно гомогенной группой. В свою очередь, агенты, отталкивающиеся или противопоставляющие себя доминирующим, как правило, еще не обладающие каким-либо значительным (экономическим или символическим) капиталом, представляют собой более разнообразную группу с различными габитусами и диспозициями. Подобные группы на некоторое время формируются на эта-

пе первоначального накопления символического капитала и терпят кризис, а затем разрушаются, когда некоторые из них начинают извлекать соответствующие символические выгоды [6].

Следует также отметить, что в периоды отката или регресса автономности поля литературы (или, наоборот, заложения оснований), в частности, в периоды национальных кризисов, конфликт эстетический или поколений уходит на задний план, в то время как на передний план выходит борьба автономного и гетерономного полюсов. В подобные периоды представители автономного полюса особенно сильно подвержены нападкам со стороны представителей гетерономного полюса, которые используют кризисную конъюнктуру с целью подчинить литературное поле гетерономному принципу и внелитературным целям, в частности политическим, экономическим, моральным и другим. В свою очередь нападки подчиненных относительно господствующих имеют форму борьбы против академизма и ортодоксии. Если в иные периоды подобная борьба не имеет значительного влияния на фундаментальное соотношение сил в литературном поле, то в периоды национального кризиса подобная борьба становится более интенсивной и оказывает непосредственное влияние на все поле литературы в связи с тем, что поле литературы в некоторой ступени утрачивает свою независимость [7].

Как отмечает Бурдьё, социолог литературы должен изучать не только непосредственных производителей произведения или писателей, создающих литературные произведения, но также издателей, историков литературы, критиков, коллекционеров, литературные салоны, литературные премии и т. д. Следует учитывать весь ансамбль агентов и институтов литературного поля, ведь производителем ценности литературного произведения является не столько сам писатель, сколько агенты и институты поля, легитимирующие произведения литературы в качестве таковых. Литературное произведение, как и любое произведение искусства, существует, прежде всего, как символический объект. Оно является таковым постольку, поскольку обладает ценностью произведения искусства. Поэтому, говоря о изучении поля литературы, Бурдьё отмечает, что, изучая произведение в его материальности, не следует также упускать символический аспект, производство веры в ценность произведения. Имеются еще два аспекта, которые не следует упускать при изучении поля литературы: различного рода административные и политические органы – министерство культуры, книжные палаты и тому подобные, а также тех, кто включен в производство производителей – литературные институты, школы и т. д. [6].

Исследовательский подход к изучению поля литературы изменялся от парадигмы к парадигме. На начальных этапах важный вклад в формирование и развитие теории социологии литературы внесли работы представителей объективистской и субъективистской парадигмы. Но данные парадигмы, несмотря на свои достижения, имели и ряд ограничений и некоторых недостатков, которые попытались преодолеть представители интегративной

парадигмы, в частности Пьер Бурдьё, который в своей социологической работе значительное место отводит социологии культуры и, в частности, социологии литературы.

В своей теории социологии литературы Пьер Бурдьё пытался преодолеть недостатки и ограничения как объективистской и субъективистской парадигмы, так и текстового и внетекстового подхода. Так, согласно Бурдьё, текстовый подход не учитывает социальные и экономические условия производства литературного производства, а также роль писателя и других агентов литературного поля. В свою очередь, внетекстовый подход не учитывает внутреннюю логику и структуру литературного произведения как объекта культуры. Той же позиции Бурдьё придерживается и относительно объективистской и субъективистской парадигм. Первая не учитывает роли, стратегии и деятельность таких социальных агентов литературного поля, как писатель, читатель, издатель и других; вторая – значение и влияние внешних факторов как на акторов литературного поля, так и на развитие поля в целом. Иными словами, согласно Бурдьё, социальные агенты, с одной стороны, являются имманентно активными, непрерывно воздействуют на социальное пространство, но, с другой стороны, существуют объективные социальные структуры, которые воздействуют на практики социальных агентов, их коллективные и индивидуальные представления, восприятие и мышление.

Список использованных источников

1. *Бачинин, В. А.* Социология литературы как пространство гуманитарных экспериментов / В. А. Бачинин // Социол. журн. – 2011. – № 4. – С. 101–115.

2. *Бурдьё, П.* Исторический генезис чистой эстетики / П. Бурдьё // Новое лит. обозрение. – 2003. – № 60. – С. 21–35.

3. *Бурдьё, П.* Начала / П. Бурдьё. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.

4. *Бурдьё, П.* Социология социального пространства / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.

5. *Бурдьё, П.* Рынок символической продукции / П. Бурдьё // Вопр. социологии. – 1994. – Вып. 5. – С. 50–62.

6. *Бурдьё, П.* Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2014. – 576 с.

7. *Сапиро, Ж.* Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации / Жизель Сапиро // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2004. – Т. 7, № 5. – С. 126–143.

K. I. STASELKA

SOCIOLOGY OF LITERATURE BY PIERRE BOURDIEU

Summary

The article reviews the main aspects of the theory of sociology of literature by Pierre Bourdieu. In particular, theoretical and categorical apparatus and methodology of the sociology of Bourdieu and the relationship with sociology of literature as well as field theory of literature and Pierre Bourdieu's approach to the study of literary space are reviewed.

Keywords: social space, field, capital, heteronomy, autonomy.

Поступила 12.10.2016 г.

ТЕНДЕНЦИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ[1]

УДК 316.334.2(476)

Н. Я. БОРИСЕВИЧ,

кандидат биологических наук, филиал «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь, г. Минск

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Проанализированы основные принципы, положенные в основу постчернобыльской информационной политики, концептуальные документы в сфере информационного обеспечения. Изложены традиционные и новые подходы к информированию населения в условиях сформировавшихся чернобыльских стереотипов и мифов, требования к информации. Охарактеризованы проблемы, существующие как в пострадавших в результате чернобыльской катастрофы районах, так и в целом в республике.

Ключевые слова: чернобыльская катастрофа, информирование населения, чернобыльские мифы, постчернобыльская информационная политика.

Информационная работа, направленная на обеспечение решения государственных задач в любой сфере деятельности, всегда имела важное значение. В рамках реализации информационной политики по преодолению последствий чернобыльской катастрофы она необходима для успешного выполнения задач по восстановлению и устойчивому социально-экономическому развитию пострадавших регионов. Важнейшими направлениями этой работы являются формирование радиоэкологической культуры населения, навыков безопасной жизнедеятельности на загрязненных территориях, вовлечение населения в процесс реабилитации и возрождения условий жизни в пострадавших районах, информирование мирового сообщества о последствиях катастрофы и деятельности по их преодолению.

Анализ многолетнего опыта социально-психологической реабилитации населения показал, что для формирования адекватного отношения общества к последствиям чернобыльской катастрофы нужны систематические и дол-

[1] Данный раздел подготовлен и представлен в рамках мероприятий, посвященных возрождению территорий, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС (30-летие аварии на ЧАЭС).

говременные действия, основанные на наиболее полной и объективной информации о последствиях и путях их преодоления. Неадекватное восприятие опасности радиационного воздействия населением приводит к сохранению рентной установки (от нем. *rente* – пенсия, регулярный доход с капитала, имущества и т. п., не требующий предпринимательской деятельности) [1, с. 665], способствует сохранению социально-психологической напряженности. Таким образом, в период перехода к ситуации существующего облучения после аварии на Чернобыльской АЭС информационно-психологическая безопасность населения должна рассматриваться как важный элемент государственной политики и обеспечения жизнедеятельности населения в условиях радиоактивного загрязнения территорий.

Недооценка организующего влияния информационной работы на эффективность реализации государственных мероприятий может иметь весьма серьезные последствия. Так, режим строжайшей секретности, имевший место в первые годы после аварии на Чернобыльской АЭС, породил много проблем, которые приходится решать до сих пор. Дефицит достоверной информации создал почву для появления панических настроений, различных домыслов и слухов об ужасных последствиях аварии, привел к появлению радиофобии. До настоящего времени у части населения сохраняется недоверие к официальной информации о реальной радиоэкологической и медицинской обстановке на территориях радиоактивного загрязнения. Многие по-прежнему связывают основные медицинские проблемы с чернобыльской радиацией. Неадекватное отношение к радиационному риску нарушает психическую регуляцию процессов жизнедеятельности и порождает как психические расстройства, так и соматические болезни. Как отмечено в материалах Международного Чернобыльского форума ООН 2003–2005 гг., «наиболее серьезной проблемой общественного здравоохранения, вызванного аварией, на сегодняшний день представляются ее последствия для психического здоровья» [2]. В этом же документе сделан вывод о том, что, в отличие от контрольных групп, среди групп населения, подвергшихся облучению, отмечались симптомы стресса, повышенные уровни депрессии и беспокойства (в том числе симптомы посттравматического стресса), а также физические симптомы, необъяснимые с точки зрения медицины. В большинстве случаев эти условия были субклиническими и не удовлетворяли критериям их классификации в качестве психических расстройств. Однако такие субклинические симптомы оказывали большое влияние на поведение, например на диету, курение, употребление алкоголя и другие факторы, связанные с образом жизни.

Экспертная группа «Здоровье» Чернобыльского форума пришла к заключению, что она не могла с определенностью разделить причины такого рода эффектов между боязнью радиации, проблемами, связанными с недоверием к государству, недостаточным информированием, распадом Советского Союза, экономическими проблемами и другими факторами. Тем не менее очевидно, что значительная часть последствий может объясняться чернобыльской аварией, если не непосредственно радиационным воздействием [3].

В докладе НКДАР ООН Генеральной Ассамблее 2008 г. [4] также отмечается, что в случае чернобыльской аварии известны масштабные эффекты, не вызванные дозой излучения. К ним относятся последствия, связанные с беспокойством относительно будущего и угнетенным состоянием, а также любыми вытекающими отсюда изменениями в диете, курении, потреблении алкоголя и других факторов образа жизни, которые, по сути, не обусловлены реальным радиационным воздействием.

К сожалению, сформировавшиеся чернобыльские стереотипы, мифы о радиационной чернобыльской опасности прочно укоренились в сознании людей. Наиболее распространены следующие из них:

«Авария на ЧАЭС оказала катастрофическое влияние на здоровье сотен тысяч людей»;

«Генетические последствия аварии на ЧАЭС ужасны, данные об онкологической заболеваемости скрывают»;

«Радиации до чернобыльской аварии не было вообще»;

«Малые дозы радиации опаснее, чем большие».

Несмотря на наличие достоверной информации и постоянные усилия по ее распространению, ложные представления об угрозе ионизирующей радиации оказывают негативное влияние на поведение людей. Это выражается как в чрезмерной осторожности (постоянное беспокойство о состоянии здоровья), так и в полной беспечности (употребление в пищу грибов, ягод и дичи из сильно загрязненных районов). Эти данные нашли подтверждение в трех страновых докладах (Беларуси, России, Украины), подготовленных в рамках проекта «Международная исследовательская и информационная сеть по Чернобылю» (International Chernobyl Research and Information Network, ICRIN) [5]. Проект реализован совместными усилиями Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и Программы развития ООН (ПРООН).

Результаты опросов тысяч жителей загрязненных районов трех стран в 2003–2004 гг. показали, что они не имеют точных и достоверных представлений относительно воздействия излучения на здоровье и окружающую среду. Население также мало знает о практических шагах, позволяющих вести здоровый образ жизни. При этом анализ уровня информированности показал, что потребности населения в информации об особенностях проживания на радиоактивно загрязненных территориях удовлетворяются только на одну треть.

В результате проведенных в последние годы социологических опросов [6] выявлены информационные потребности и степень доверия населения к различным источникам информации, а также субъективные особенности восприятия радиационной опасности.

Наибольший интерес для населения представляет следующая информация:

о влиянии радиации на здоровье (свое и будущих поколений);

об экологической ситуации в районе, уровнях загрязнения радионуклидами населенных пунктов, пищевых продуктов;

о способах снижения содержания радионуклидов в продуктах питания, методах кулинарной обработки дикорастущих грибов и ягод;

рекомендации по рациональному, с точки зрения радиационной безопасности, ведению сельского хозяйства на личных приусадебных и дачных участках, а также переработке сельскохозяйственной продукции;

информация нормативного правового характера (сведения об изменении правовых статусов тех или иных населенных пунктов и связанными с ними изменениями в сфере социального обеспечения и льгот).

Необходимо отметить, что информация, относящаяся к этим областям, требует обязательной адаптации для целей информирования населения в силу своей специфичности.

В повседневной жизни медработники и специалисты системы образования чаще всего обращаются к передачам на телевидении и радио, а также к Глобальной сети и республиканским печатным СМИ. У студентов же на первом месте стоит Интернет, а на втором – передачи телевидения и радио. В отличие от своих старших коллег, будущие молодые врачи, учителя и т. д. мало читают газеты и журналы, что, возможно, связано с особенностями восприятия информации нынешним поколением молодежи: меньше текста – больше сменяющих друг друга визуальных образов («клиповое мышление»).

При принятии важных жизненных решений (выбор места жительства, рождение детей и т. п.) около половины респондентов предпочитают пользоваться информацией о катастрофе на ЧАЭС и ее последствиях, полученной равномерно из разных источников (как официальных, так и неофициальных).

Вторая половина принимает важные жизненные решения с опорой все-таки на информацию, полученную только из официальных либо в основном из официальных источников. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что государство много сделало для того, чтобы вернуть себе доверие населения по данному вопросу. Однако само население пока не готово полностью отказаться от альтернативных источников информации.

Самооценка представителями местных структур своих знаний по чернобыльской тематике показала, что для текущей работы они достаточны, но в контексте обеспечения устойчивости и развития информационной деятельности требуется их постоянное совершенствование.

По данным мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014, 2015 и 2016 гг., уровень информированности населения Гомельской области, из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на радиоактивно загрязненных территориях, составил соответственно 47,65 %, 49,2 и 51,4 %.

Наиболее компетентными в вопросах, связанных с последствиями катастрофы на ЧАЭС, население считает ученых, а также врачей, специалистов по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

При анализе ответов на вопрос: «Чье мнение по чернобыльской тематике Вы считаете наиболее компетентным?» было выявлено, что наибольшим до-

верием у населения как «чистых», так и «пострадавших» районов пользуются ученые (81,4 % и 64,4 % соответственно). Также индекс доверия в «пострадавших» районах достаточно высок к специалистам по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС – 57,2 %, врачам – 50,1 %, специалистам центров гигиены и эпидемиологии – 32,1 %, представителям международных организаций (МАГАТЭ, ООН) – 28,6 % и, наконец, «информации из СМИ, Интернета» – 23,5 % опрошенных. В «чистых» районах в этом плане можно выделить только врачей – 69,4 % и специалистов центров гигиены и эпидемиологии – 36,0 %.

Требования к информации сформулированы в концептуальных документах, по информационной работе, связанной с чернобыльской тематикой [7]. Разработана Комплексная система информационного обеспечения в области преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС [8].

Доброкачественная, своевременно и правильно поданная информация играет важную роль в образовании и просвещении населения в области радиационной безопасности и радиоэкологии, в преодолении социально-психологического стресса и радиофобии, повышении жизненной активности, формировании безопасного образа жизни, то есть в преодолении последствий чернобыльской катастрофы в сознании людей.

Для органов государственного управления – это объективная информация по проблемам чернобыльской катастрофы, которая служит основанием для разработки стратегии безопасности жизнедеятельности населения на загрязненных территориях, совершенствования нормативно-правовой базы, закрепляющей гарантии защиты населения, принятия практических решений.

Для подчиненных органам государственного управления организаций – это специальная информация, отражающая профессиональные методики решения проблем и необходимая для осуществления мер, снижающих риски в зонах радиационного контроля.

Для населения – это правдивая и доходчивая информация – основа для безопасной жизнедеятельности на территории радиоактивного загрязнения. Информация должна содержать не только описание рисков для здоровья, связанных с употреблением загрязненных продуктов питания, ведением хозяйственной деятельности, проживанием на этих территориях, но и рекомендации по безопасной жизнедеятельности и мерам профилактики отклонений от нормы здоровья.

Важнейшими принципами, положенными в основу подготовки информации, являются: открытость, доступность, актуальность, новизна, достоверность, адресность, востребованность, полезность, оперативность, своевременность, полнота информации (по принципу: кто, что, когда, где, как, почему?).

Опыт работы показал, что при подготовке информационных материалов должны учитываться:

данные о состоянии здоровья населения и ликвидаторов, а также медико-демографической ситуации в загрязненном радионуклидами регионе;

данные о радиационной, санитарно-гигиенической ситуации и дозах облучения населения;

результаты научных исследований, касающиеся конкретного района;

социально-психологическая обстановка в регионе;

состояние сельскохозяйственного производства и лесного хозяйства в регионе;

результаты реализации мер по радиационной защите населения;

нормативная правовая база, определяющая меры по социальной защите пострадавших граждан.

В рамках Программ совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства в период 2006–2016 гг. был реализован ряд новых подходов к ведению информационной работы по чернобыльской тематике. Создана национальная структура для координации информационной работы – Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, обеспечено эффективное функционирование элементов единой информационной инфраструктуры по вопросам радиационной безопасности и проблемам последствий чернобыльской катастрофы.

В основном действующая система строится на информировании местных жителей через специалистов райисполкомов, систем образования, здравоохранения, культуры, а также местных информационных структур (центров, кабинетов, кружков).

Совершенствование информационных механизмов, организация эффективной и доступной (доходящей до каждой семьи) разъяснительной работы в районах радиоактивного загрязнения относится к числу важнейших приоритетов социальной политики в преодолении последствий чернобыльской катастрофы. О необходимости поиска новых путей информирования населения стали говорить в начале 2000-х гг. Исследования, проведенные в Беларуси, России и Украине в рамках проекта ICRIN, подтверждают, что пострадавшие в результате аварии на Чернобыльской АЭС нуждаются в четких и всеобъемлющих ответах на ряд вопросов. Для удовлетворения этой потребности необходимо изыскивать новые способы информирования, а также вести разъяснительную работу с жителями районов, в которых уровень радиационного облучения слишком низок, чтобы представлять реальную опасность для здоровья людей.

Приоритетными являются следующие формы и методы подачи информации:

интерактивный обмен информацией на местном, районном, областном и республиканском уровнях через Интернет и электронную почту (как наиболее мобильный канал связи) для оперативных и компетентных консультаций специалистов районного уровня;

новостная рассылка в регионы по электронной почте пресс-релизов об усилиях государства по реабилитации пострадавших территорий;

выпуск периодического издания (журнала, бюллетеня), посвященного возрождению и развитию территорий;

периодические тренинги для журналистов средств массовой информации межгосударственного, республиканского, областного и районного уровней;

интеллектуальные телевизионные программы по чернобыльской тематике для молодежи (по примеру передачи «Умники и умницы»);

социальная реклама по чернобыльской тематике;

конкурсы творческих и исследовательских работ детей и молодежи по тематике возрождения и развития пострадавших территорий.

При проведении информационной работы необходимо учитывать особенности общественного восприятия последствий чернобыльской катастрофы. Это распространенность убеждений о небезопасности территорий радиоактивного загрязнения для проживания и жизнедеятельности, акцентированная ориентация массового сознания на трагически негативный образ Чернобыля. Исходя из этого, актуальной задачей при формировании радиоэкологической грамотности является проведение адресной информационной работы с учетом уровня информированности и особенностей личностного восприятия радиационной опасности (адресное информирование).

Для преодоления чернобыльских стереотипов важно доводить до населения то, что ключевыми факторами в возникновении болезней в современном мире являются эмоциональные стрессы, низкая физическая активность, нерациональное питание, избыточный вес, употребление алкоголя, табакокурение, а не радиационный фактор. Во всем мире катастрофически нарастает химическое и техногенное электромагнитное загрязнение окружающей среды. Люди должны осознать возможность нормального проживания на пострадавших территориях с приемлемым уровнем риска.

Учитывая, что жизнедеятельность взрослого населения основывается на устоявшихся стереотипах поведения и трудно поддается изменению, на современном этапе большое значение должно придаваться работе с детьми и молодежью. Направленность информационно-просветительской работы на молодежную категорию содействует воспитанию радиоэкологически грамотного поколения, формированию его активной и творческой гражданской позиции.

Неотъемлемой частью системы информирования является обратная связь с потребителями информации. Она организуется путем проведения регулярных социологических исследований, семинаров, на которых все желающие могут получить ответы на вопросы от соответствующих специалистов, издания сборников ответов на наиболее часто задаваемые вопросы.

Наибольшим интересом пользуются интерактивные формы информирования – личные встречи, информационно-творческие акции, наглядные – фильмы, презентации, содержащие, среди прочего, конкретную информацию о районах и людях, живущих в них.

Примерами такого подхода являются следующие, реализованные Белорусским отделением Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, проекты:

интернет-акция «Облако утвердительных мыслей» (цель – популяризация темы возрождения пострадавших в результате чернобыльской катастрофы территорий в общественном национальном сознании);

интернет-акция «Зажги свечу памяти» (цель – дань памяти тем, кто ценою своей жизни и здоровья ликвидировал последствия аварии на ЧАЭС);

информационно-творческие акции в формате интеллектуальной игры (брейн-ринги) «Молодежь – возрождению после Чернобыля» (цель – формирование радиоэкологической культуры и навыков безопасной жизнедеятельности);

журнал для детей младшего школьного возраста «Капелька» по основам радиационной безопасности (цель – содействие развитию познавательной активности учащихся в области радиоэкологии, радиационной безопасности);

альбом о брендах экономики пострадавших в результате чернобыльской катастрофы районов «Экскурсия в возрождение» (цель – содействие формированию положительного имиджа пострадавших районов как перспективных субъектов страны, раскрытию их инвестиционной привлекательности, достижению равноправного статуса с другими районами).

Об эффективности наглядных и интерактивных форм информационной работы свидетельствует следующий факт. В 2015 и 2016 гг. были организованы экскурсии студентов Гомельского медицинского университета и Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины в Хойникский и Калинковичский районы и студентов Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова и Могилевского государственного медицинского колледжа в Быховский и Славгородский районы. Основной целью мероприятия стало формирование у молодых людей адекватного представления о современном социально-экономическом состоянии и историко-культурном наследии пострадавших территорий, их вовлечение в возрождение родного края. После проведения экскурсий были проанализированы опросники «индикатора лояльности». Установлено, что после такого мероприятия 84,2 % участников изменили свое представление о жизни в пострадавших районах в лучшую сторону, а 63,2 % выразили желание после окончания вуза получить распределение в пострадавшие районы. До экскурсии таких респондентов было 33,3 %.

В результате проведенного мониторинга социально-психологической напряженности и уровня информированности населения, проживающего в Гомельской и Могилевской областях, установлено, что наибольшее количество страхов, связанных с радиацией, испытывают граждане, проживающие на незагрязненных территориях. Они менее информированы, чем жители загрязненных территорий. Это свидетельствует о том, что с данной целевой аудиторией также необходимо проводить активную информационную работу. При этом должны решаться следующие задачи: формирование адекватного восприятия пострадавших территорий со стороны населения незагрязненных территорий, преодоление искаженного представления о текущей ситуации на пострадавших территориях, доведение информации о реальных условиях

жизни, деятельности государства по возрождению и развитию этих территорий, результатах реализации программ, проектов, местных инициатив и др.

За последние годы проделана значительная работа по формированию эффективной системы информирования населения, мирового сообщества, изданию и распространению широкого спектра информационных материалов по чернобыльской тематике, налаживанию эффективного взаимодействия со средствами массовой информации на соответствующей концептуальной основе.

Настоящий этап информационной работы, связанный с обеспечением курса на возрождение и развитие пострадавших территорий, реализуется с использованием ресурсов государственных чернобыльских программ. Сегодня информацию можно донести практически до каждого. Но это не главное. Главное, чтобы она была правильно применена на практике, служила на пользу человека, чтобы он был уверен в своем будущем и будущем своих детей. Постчернобыльская информационная политика требует именно такого подхода.

Среди проблем, существующих как в пострадавших в результате чернобыльской катастрофы районах, так и в целом по республике, можно условно выделить локальные (требующие для их решения тактических действий) и общенациональные (требующие осуществления стратегических подходов).

Локальные проблемы:

низкая радиоэкологическая грамотность населения пострадавших районов;

недостаточное методическое и техническое оснащение пострадавших районов (включая подготовку специалистов, наличие оборудования и т. д.);

соседство с потенциально опасными загрязненными территориями.

Общенациональные проблемы:

бытование мифов и стереотипов о «чернобыльских» территориях;

нежелание молодежи и специалистов жить и работать в пострадавших районах;

разобщенность национального сознания: деление на «них» (пострадавшие районы, у которых «чернобыльские» проблемы) и «нас» (чистые районы, которых эти проблемы не касаются), постоянное сравнивание и противопоставление двух «лагерей».

Очевидно, что сокращение информационной работы в обозначенном направлении в должном объеме может привести к обострению указанных проблем, а именно:

повысить уровень социально-психологической напряженности населения, проживающего на территории радиоактивного загрязнения, и степень деструктивных настроений;

повысить радиационную опасность для населения территорий радиоактивного загрязнения, что, в свою очередь, может повлиять на здоровье;

привести к дефициту кадров в пострадавших районах, что существенно снизит их социально-экономическое развитие;

укрепить бытование «чернобыльских» мифов, которые, за отсутствием объективной информации, будут проецироваться населением, в том числе на новую Белорусскую АЭС;

привести к нарушению функционирования созданной в рамках предшествующих государственных и союзных чернобыльских программ Комплексной системы информационного обеспечения в области преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, в первую очередь на местном и районном уровнях.

Таким образом, очевидно, что изменения в общественной жизни, вызванные чернобыльской катастрофой и ее последствиями, далеки от завершения. Особенно если учесть, что упомянутый курс на возрождение и развитие пострадавших территорий объявлен Главой государства в 2009 г., а масштабно начал реализовываться после принятия очередной, пятой по счету Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 годы и на период до 2020 года. Если же говорить о влиянии катастрофы на ЧАЭС на общественную жизнь (не ограничиваясь только Республикой Беларусь), то следует отметить изменения в политике государств, даже не имевших отношения к «Чернобылю» и его последствиям. Речь идет о тенденциях, связанных с превентивными мерами и желанием преодолеть потенциальную опасность.

Список использованных источников

1. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М. : Восток-Запад, 2009. – 958 с.

2. Наследие Чернобыля: медицинские, экологические и социально-экономические последствия и рекомендации правительствам Беларуси, Российской Федерации и Украины [Электронный ресурс]. – Чернобыльский форум. – 2006. – Режим доступа: http://un.by/f/file/Chenobyl %20Legacy-Rus.pdf. – Дата доступа: 08.11.2016.

3. Медицинские последствия чернобыльской аварии и социальные программы здравоохранения : доклад экспертной группы «Здоровье» Чернобыльского форума ООН [Электронный ресурс] // ВОЗ, Женева. – 2006. – Режим доступа: http://whqlibdoc.who.int/publications/2009/9789244594179_rus.pdf. – Дата доступа: 08.11.2016.

4. Последствия облучения для здоровья человека в результате чернобыльской аварии : научное приложение к докладу НКДАР ООН 2008 года Генеральной Ассамблее [Электронный ресурс] // ООН, Нью-Йорк. – 2012. – Режим доступа: http://www.unscear.org/docs/reports/2008/12-55525_Report_2008_Annex_D_RUSSIAN.pdf. – Дата доступа: 08.11.2016.

5. Отчет «Оценка информационных потребностей населения Республики Беларусь, пострадавшего от катастрофы на Чернобыльской АЭС» [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://chernobyl.gov.by/index.php?option=com_phocadownload&view=category&download=70:otcheticrinbelarus&id=6:docobzor. – Дата доступа: 08.11.2016.

6. *Мартищенкова, Е. В.* Перспективы возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий (по оценкам жителей загрязненных районов) / Е. В. Мартищенкова // Социол. альм. – 2015. – Вып. 6. – С. 182–191.

7. Концептуальные документы по информационной работе, связанной с чернобыльской тематикой [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://chernobyl.gov.by/index.php?option=com_phocadownload&view=category&download=61:collectionmaterialsinform2009&id=5:docconcept. – Дата доступа: 08.11.2016.

8. Комплексная система информационного обеспечения в области преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа. – http://chernobyl.gov.by/index.php?option=com_phocadownload&view=category&download=66:complexsysteminformations&id=5:docconcept. – Дата доступа: 08.11.2016.

N. Y. BORISEVICH

PROVIDING OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL INFORMATION OF POPULATION AFTER THE CHERNOBYL DISASTER: APPROACHES AND PROBLEMS

Summary

The basic principles underlying the post-Chernobyl information policies as well as concept papers in the field of information security were analyzed. It sets out the traditional and new approaches to public awareness in the conditions of existing Chernobyl stereotypes and myths and the information requirements. The problems that exist in both affected by the Chernobyl disaster areas, and in the country in general were characterize.

Keywords: Chernobyl disaster, public awareness, Chernobyl myths, post-Chernobyl information policy.

Поступила 10.11.2016 г.

УДК 351.78:614.8.01

Т. Б. МЕЛЬНИЦКАЯ,

доктор психологических наук, профессор,
НОУ ДПО «Центральный институт повышения квалификации Госкорпорации «Росатом»,
г. Обнинск

Т. В. БЕЛЫХ,

кандидат психологических наук, НОУ ДПО «Центральный институт
повышения квалификации Госкорпорации «Росатом», г. Обнинск

РЕЗУЛЬТАТЫ АКТУАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА РАДИОАКТИВНО ЗАГРЯЗНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ

Представлены результаты актуальной оценки социально-психологической ситуации на радиоактивно загрязненных территориях России в 2014 г. Выявлена обеспокоенность населения социально-экономическими проблемами и экологическими последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, проведена оценка степени доверия населения лицам, способным повлиять на изменение уровня жизни, представлена оценка гуманитарных последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Полученные результаты исследования целесообразно учитывать при разработке программ мероприятий, направленных на повышение культуры безопасности жизнедеятельности у населения России, проживающего на радиоактивно загрязненных территориях.

Ключевые слова: радиоактивно загрязненные территории, обеспокоенность социально-экономическими проблемами и экологическими последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, степень доверия лицам, способным повлиять на изменение уровня жизни, гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС.

Глобальная по своим масштабам и последствиям авария на Чернобыльской атомной электростанции, происшедшая в 1986 г., привела к появлению острой и долгосрочной проблемы психологической реабилитации населения пострадавших территорий, а также их социальной защиты.

По данным ряда авторов [1–5], наряду с масштабными экологическими, социально-экономическими, значительными медико-социальными последствиями, вызванными радиацией, авария на Чернобыльской АЭС отразилась на психическом здоровье населения радиоактивно загрязненных территорий (РЗТ).

Наблюдения (2005–2013), выполненные Т. А. Марченко, Т. Б. Мельницкой, В. Ю. Рыбниковым, А. В. Симоновым, подтвердили отсутствие тенденции к угасанию неблагоприятных последствий у населения РЗТ в течение многих лет после аварии, а также показали высокий уровень психоэмоционального напряжения и тревоги на протяжении многих лет.

В 1990-х гг. в атомной энергетике получила развитие концепция культуры безопасности, связывающая культуру безопасности с позицией, образом мыслей и поведением отдельных лиц, со стилем деятельности организаций [6; 7]. Возникло понимание того, что данное понятие может быть применимо не только к персоналу потенциально опасных объектов, но и к населению РЗТ.

С целью разработки программ мероприятий, направленных на повышение культуры безопасности жизнедеятельности у населения РЗТ, важно проводить оценку социально-психологической ситуации на этих территориях.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на территориях Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей России в 2014 г. В нем приняли участие 405 человек в возрасте от 16 до 78 лет, проживающих на РЗТ и радиоактивно незагрязненных территориях (РНТ) России.

Характеристики выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Характеристики выборки исследования**

Категория выборки	Брянская область $N = 101$		Калужская область $N = 103$		Тульская область $N = 101$		Орловская область $N = 100$	
	n_1	%	n_2	%	n_3	%	n_4	%
РЗТ	70	69,3	67	65,0	60	59,4	79	79,0
РНТ	31	30,7	36	35,0	41	40,6	21	21,0

Примечание (здесь и далее по тексту): N – общее число опрошенных респондентов; n – число опрошенных респондентов в данной обследованной группе; % – процентная доля респондентов данной обследованной группы от общего числа опрошенных.

Исследование проводилось с применением «Методики исследования социально-психологических проблем населения радиоактивно загрязненных территорий» [8]. Данная методика была разработана для исследования особенностей социальной дезадаптации населения РЗТ после чернобыльской аварии в связи с психологическими особенностями восприятия радиационного риска в 1989 г. специалистами Обнинского научно-исследовательского центра «Прогноз» (ОНИЦ «Прогноз»). Методика верифицирована и модернизирована в 2005 г. специалистами ОНИЦ «Прогноз». Для верификации методики были использованы результаты исследования населения РЗТ и РНТ России и Беларуси, выполненного в 2001–2002 гг. Данная методика позволяет выявить обеспокоенность населения РЗТ и РНТ социально-экономическими проблемами и экологическими последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, оценить степень доверия населения РЗТ и РНТ лицам, способным повлиять на изменение уровня жизни, выявить мнение респондентов относительно гуманитарных последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ актуальной оценки социально-психологической ситуации на РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей проводился по следующим блокам:

анализ обеспокоенности населения социально-экономическими проблемами и экологическими последствиями Чернобыльской аварии;

оценка степени доверия населения РЗТ и РНТ лицам, способным повлиять на изменение уровня жизни на РЗТ;

анализ гуманитарных последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

На первом этапе работы изучалась обеспокоенность населения РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей социально-экономическими проблемами и экологическими последствиями чернобыльской аварии. В качестве контрольной группы выступили респонденты, проживающие на РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей.

Корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена) показал схожесть рейтингов социально-экономических проблем и экологических последствий аварии на ЧАЭС, вызывающих беспокойство у населения РЗТ и РНТ (на уровне значимости $p < 0{,}001$).

Рейтинг социально-экономических проблем, вызывающих беспокойство у населения РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей, представлен в табл. 2.

Таблица 2. **Рейтинг социально-экономических проблем и экологических последствий аварии на ЧАЭС, вызывающих беспокойство у населения РЗТ и РНТ**

Актуальные социально-экономические проблемы	РЗТ		РНТ		Уровень значимости различий (p <)
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	
Высокие цены, инфляция	67,8	2,81	72,1	3,95	–
Уровень медицинского обслуживания	43,8	2,99	39,3	4,30	–
Уровень жизни	32,2	2,81	27,0	3,91	–
Жилищные проблемы	26,5	2,66	32,8	4,13	–
Ухудшение здоровья	25,8	2,63	15,6	3,19	0,050
Слабое экономическое развитие региона	19,8	2,40	13,1	2,97	–
Преступность, коррупция	19,8	2,40	36,1	4,23	0,001
Безработица	17,0	2,26	13,9	3,05	–
Радиоактивное загрязнение окружающей среды и продуктов питания	17,0	2,26	10,7	2,72	–
Политическая нестабильность	12,0	1,96	19,7	3,50	–
Угроза терроризма	6,4	1,47	9,8	2,62	–
Распределение льгот	3,5	1,11	3,3	1,57	–

Примечание (здесь и далее по тексту): X – относительная частота ответов (%); S_p – стандартная ошибка процента (%).

Выявлены статистически значимые различия в обеспокоенности населения РЗТ и РНТ социально-экономическими проблемами. Данные анализировались с помощью статистического критерия φ* – углового преобразования Фишера.

Согласно представленным данным, наибольшую обеспокоенность у всего опрошенного населения Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей вызывают высокие цены и инфляция (1-е ранговое место, 67,8–72,1 %).

Около половины опрошенных обеспокоены уровнем медицинского обслуживания (39,3–43,8 %).

Около третьей части опрошенного населения Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей обеспокоены существующим уровнем жизни (27,0–32,2 %) и жилищными проблемами (26,5–32,8 %).

Обеспокоенность проблемой ухудшения здоровья значительно выше у населения, проживающего на РЗТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей, чем у населения РНТ (на уровне значимости $p < 0{,}050$). В основе проблем психосоматических расстройств, снижающих уровень здоровья населения, выступает необеспеченность пострадавшего населения приемлемыми социальными условиями, и именно кризисное состояние экономики является ведущим по значимости фактором, обусловливающим негативные тенденции в адаптации пострадавшего населения.

Жители РНТ значительно чаще (на уровне значимости $p < 0{,}001$), чем жители РЗТ, отмечают обеспокоенность нынешним уровнем преступности и коррупции.

Для совершенствования работы СМИ и координирования работы СМИ и органов здравоохранения, образования, информационных, экологических, социальных учреждений в ходе оценки социально-психологических проблем населения РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей важно выявить тех лиц, которые могут повлиять на изменение уровня их жизни.

В табл. 3 представлен рейтинг лиц, способных, по мнению населения РЗТ и РНТ, повлиять на изменение уровня жизни.

Таблица 3. **Рейтинг лиц, способных, по мнению населения РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей, повлиять на изменение уровня жизни**

Лица, способные повлиять на изменение уровня жизни	РЗТ		РНТ		Уровень значимости различий (p <)
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	
Правительство	62,2	2,92	61,4	4,29	–
Президент	56,5	2,98	50,4	4,40	–
Местная администрация	45,6	3,00	40,5	4,32	–
Ученые, врачи, учителя, экологи	27,6	2,69	36,4	4,24	0,050
Жители	21,6	2,48	26,4	3,88	–
Международные организации	13,8	2,08	13,2	2,98	–
Представители крупного бизнеса	10,2	1,82	17,4	3,34	–
Местные предприниматели	8,8	1,71	7,4	2,30	–

Корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена) показал схожесть рейтингов лиц, способных повлиять на изменение уровня жизни у населения РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей (на уровне значимости $p < 0{,}001$).

Согласно полученным данным, в ответ на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, может повлиять на изменение уровня жизни на РЗТ?» многие респонденты

свои надежды связывают с деятельностью правительства (61,4–62,2 %), президента (50,4–56,5 %), местной администрации (40,5–45,6 %).

Стабильно большие надежды на улучшение уровня жизни треть всего опрошенного населения возлагает на ученых, врачей, учителей и экологов (27,6–36,4 %). Причем оценки жителей РНТ значительно выше, чем оценки жителей РЗТ (на уровне значимости $p < 0{,}050$).

Следует отметить, что готовы взять на себя ответственность за уровень своей жизни только 21,6 % жителей РЗТ и 26,4 % жителей РНТ. Это свидетельствует о том, что население как РНТ, так и РЗТ начинает верить в собственные силы в изменении уровня своей жизни.

Возможно, нежелание большей части жителей обеих территорий брать на себя ответственность за свою жизнь связано с тем, что существующие в обществе псевдонаучные мифы, связанные с радиацией, угрожающее по содержанию информационное сопровождение установленных льгот и особого статуса «чернобыльца» убеждают в наличии неизлечимой «лучевой» патологии. В связи с этим большая часть жителей пассивно ожидает медицинскую и социальную помощь без каких-либо самостоятельных действий, направленных на разрешение своих проблем.

Следующий этап работы был посвящен анализу мнений населения РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей о гуманитарных последствиях аварии на Чернобыльской АЭС, рейтинг которых представлен в табл. 4.

Таблица 4. **Рейтинг гуманитарных последствий аварии на ЧАЭС, по мнению жителей РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей**

Гуманитарные последствия аварии на ЧАЭС	РЗТ		РНТ		Уровень значимости различий ($p <$)
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	
Медицинские и демографические последствия	63,1	2,90	64,5	4,21	–
Радиоактивное загрязнение окружающей среды и продуктов питания	55,3	2,99	54,5	4,38	–
Отсутствие перспектив для экономического развития региона	35,5	2,88	24,0	3,76	0,050
Законы, касающиеся реабилитации населения и территорий	18,8	2,35	17,4	3,34	–
Психологические последствия	9,2	1,74	15,7	3,20	–
Социальный кризис	5,3	1,35	6,6	2,19	–

Корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена) показал схожесть рейтингов гуманитарных последствий аварии на ЧАЭС по мнению жителей РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей (на уровне значимости $p < 0{,}001$).

Основными гуманитарными последствиями аварии на АЭС население как РЗТ, так и РНТ считает медицинские и демографические последствия и радио-

активное загрязнение окружающей среды и продуктов питания (1–2-е ранговые места).

Обращает на себя внимание тот факт, что жители РЗТ в значительно большей степени обеспокоены отсутствием перспектив для экономического развития региона (на уровне значимости $p < 0{,}050$), чем население РЗТ.

Перечисленные факторы представленного рейтинга, как самые серьезные последствия аварии, многие годы стабильно отмечаются респондентами, проживающими на РЗТ.

Это связано с тем, что от последствий аварии на ЧАЭС больше других пострадало сельское хозяйство, а именно оно испокон веков являлось основным источником дохода на пострадавших территориях. После аварии сильно сократился рынок сбыта пищевых продуктов и другой продукции из пострадавших районов, несмотря на большие усилия по реабилитации. На многих потребителей действует «синдром Чернобыля», они не хотят рисковать и употреблять продукцию из загрязненных районов.

Частые изменения законов, постановлений о социальной защите пострадавшего населения привели, как считают многие, к ухудшению уровня жизни и здоровья людей. Вопросы сохранения льгот на РЗТ поддерживается многими жителями, которые не мыслят жизни без тех небольших дотаций, которые ежемесячно дает им государство. И в то же время в связи с инфляцией размер льготных выплат не вносит существенный вклад в бюджет семьи, но в государственном масштабе размер денежных средств на выплату льгот значителен. Чернобыльский форум рекомендовал оставить льготы только особо пострадавшим категориям граждан, а остальные средства вложить в социально-экономическое развитие территорий. Результаты настоящего исследования подтверждают высокую обеспокоенность всех категорий населения социально-экономическими проблемами и правомерность этих рекомендаций.

На основе результатов социологического исследования социально-психологической ситуации на РЗТ и РНТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Среди социально-экономических проблем и экологических последствий аварии на ЧАЭС наибольшее беспокойство у всего опрошенного населения Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей вызывают высокие цены и инфляция. Около половины опрошенных обеспокоены уровнем медицинского обслуживания. Около третьей части опрошенного населения Брянской, Калужской, Тульской и Орловской обеспокоены существующим уровнем жизни и жилищными проблемами. Обеспокоенность проблемой ухудшения здоровья значительно выше у населения, проживающего на РЗТ Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей, чем у населения РНТ (на уровне значимости $p < 0{,}050$).

2. По мнению большинства респондентов, на изменение уровня жизни на РЗТ в первую очередь могут повлиять правительство, президент, местная администрация. Стабильно большие надежды на улучшение уровня жизни

треть всего опрошенного населения возлагает на ученых, врачей, учителей и экологов. Готовы взять на себя ответственность за уровень своей жизни только 21,6 % жителей РЗТ и 26,4 % жителей РНТ.

3. Основными гуманитарными последствиями аварии на ЧАЭС население как РЗТ, так и РНТ считает медицинские и демографические последствия и радиоактивное загрязнение окружающей среды и продуктов питания. Жители РЗТ в значительно большей степени обеспокоены отсутствием перспектив для экономического развития региона (на уровне значимости $p < 0{,}050$), чем население РЗТ.

Практические рекомендации

На основе выводов исследования могут быть предложены следующие практические рекомендации:

1. Рекомендуется продолжать проведение информационно-консультационных мероприятий, направленных на повышение культуры безопасного проживания на РЗТ у населения Брянской, Калужской, Тульской и Орловской областей, с использованием инновационных методов информирования, в том числе:

организация выездов лекционных бригад ученых и специалистов для проведения информационно-разъяснительной работы среди населения;

разработка, издание и распространение информационных материалов (памяток, брошюр, буклетов и т. п.) об особенностях, правилах, опасностях и льготах проживания в зонах, затронутых радиационным загрязнением (в средствах массовой информации, на радио и телевидении);

рекомендуется организовывать регулярные выступления по местному телевидению высококвалифицированных авторитетных специалистов по вопросам медицинского обслуживания, уровня жизни и состояния здоровья жителей РЗТ, экономического развития региона.

2. При разработке информационных мероприятий в первую очередь осветить темы, наиболее актуальные в настоящий момент для населения РЗТ:

медицинские и демографические последствия аварии на ЧАЭС;

радиоактивное загрязнение окружающей среды и продуктов питания;

перспективы для экономического развития региона.

3. Для повышения эффективности информационной работы с населением необходимо проводить социально-психологический мониторинг, направленный на выявление информационных запросов, возможностей и проблем и оценку психоэмоциональной напряженности населения, а также учитывать результаты мониторинга в принятии и коррекции социальных решений и программ.

Список использованных источников

1. *Абрамова, В. Н.* Взгляд психолога на Чернобыльскую аварию / В. Н. Абрамова // Наука и жизнь. – 1988. – № 11. – С. 78–81.

2. *Гуськова, А. К.* Клинические и организационные аспекты ликвидации последствий аварии на ЧАЭС / А. К. Гуськова // Воен. мед. журн. – 1993. – № 4. – С. 14–20.

3. *Зыкова, И. А.* Радиотревожность населения загрязненных территорий и меры по ее снижению : пособие для спец. служб Роспотребнадзора / И. А. Зыкова, Г. В. Архангельская. – СПб., 2007. – 24 с.

4. Информационно-психологическая безопасность от риска радиационного поражения: концепция, принципы, модель, рекомендации / Т. А. Марченко [и др.] // Рос. отд-ние Рос.-белорус. информ. центра по проблемам преодоления последствий чернобыльской катастрофы. – М., 2009. – 240 с.

5. Наследие Чернобыля: медицинские, экологические и социально-экономические последствия : обзор. докл. ООН на Чернобыльском форуме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iaea.org/Publications/Booklets/Russian/chernobyl_rus.pdf. – Дата доступа: 25.11.2013.

6. Психологическая концепция культуры безопасности в атомной энергетике. – М. : ЦЭМИ РАН, 1999. – 175 с.

7. Разработка анкеты для оценки уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на радиоактивно загрязненных территориях / В. Ю. Рыбников [и др.] // Ученые зап. Ун-та им. П. Ф. Лесгафта. – 2013. – № 11 (105). – С. 142–148.

8. Совершенствование информационных технологий при работе с населением радиоактивно загрязненных территорий : практ. рекомендации / под ред. В. Н. Абрамовой. – Обнинск, 2005. – 186 с.

T. B. MELNITSKAYA, T. V. BELYKH

THE RESULTS OF RELEVANT ASSESSMENT OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL SITUATION IN THE CONTAMINATED AND NON-CONTAMINATED AREAS OF THE BRYANSK, KALUGA, TULA AND OREL REGIONS

Summary

The results of relevant assessments of the socio-psychological situation in the contaminated and non-contaminated areas of the Bryansk, Kaluga, Tula and Orel regions of Russia in 2014 were presented. It was identified concerns of the population of socio-economic problems and ecological consequences of the Chernobyl accident. There is an assessment of the level of the population trust to the persons who are able to influence the change of quality of life as well as an assessment of the humanitarian consequences of the Chernobyl accident. The obtained results should be considered in the organization of the program aimed at the increase of safety culture among citizens of Russia living in contaminated areas.

Keywords: radioactively contaminated areas, the concern of socio-economic problems and ecological consequences of the Chernobyl accident, the level of trust to persons who are able to influence the change of quality of life, the humanitarian consequences of the Chernobyl accident.

Поступила 14.11.2016 г.

УДК: 316.776.23+316.334.52](476.2)

Е. В. МАРТИЩЕНКОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ЗНАЧИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧАЭС

В статье анализируются индикаторы, позволяющие выявить не только общее отношение респондентов к населенному пункту их проживания, но также и «проблемные позиции» в развитии социальной сферы в пострадавших районах для оказания адресной помощи, учета мнения людей по многим бытовым вопросам, а также оказывающие влияние на мнение населения о перспективах возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий.

Ключевые слова: чернобыльская катастрофа, последствия аварии на ЧАЭС, радиоактивное загрязнение, экология, общественное мнение, социальная инфраструктура, социальная сфера.

После аварии на ЧАЭС 26 апреля 1986 г. прошло 30 лет, однако восприятие ее последствий остается и сегодня достаточно напряженным и неоднозначным по ряду аспектов.

За прошедшие годы выросло не одно новое поколение, произошли кардинальные изменения общественно-политического устройства – Беларусь стала суверенным государством, обязанным самостоятельно решать проблемы развития экономики, социальной сферы и культуры с целью сохранения независимости и повышения качества жизни населения. За данный период произошли и системные сдвиги в стратегии работы с последствиями аварии на ЧАЭС: на сегодняшний день речь уже идет не просто о ликвидации последствий аварии, а о реабилитации пострадавших территорий, причем в большей степени социальной, то есть восстановлении привычного уклада и образа жизни, нарушенного стихийными факторами, создание нормальных условий проживания и жизнедеятельности людей [1, с. 3]. Основная суть реализуемых в настоящее время различных чернобыльских программ заключается уже не столько в возврате земель в сельскохозяйственный оборот, сколько в обеспечении комплексного подхода к решению чернобыльской проблемы в отдаленный период после катастрофы на ЧАЭС. И нацелены эти программы как на восстановление и развитие «чернобыльских» регионов, так и на сохранение проводимых ранее защитных и реабилитационных мероприятий, в том числе обеспечение условий проживания (организация учебы, медицинского обслуживания, работа общественного транспорта, ЖКХ и бытового обслуживания, досуга и т. д.) и хозяйственной деятельности равносильных, а в чем-то и превосходящих чи-

стые районы, при соблюдении соответствующих правил поведения и безопасности. Среди этих мероприятий можно выделить медицинские (спецдиспансеризация населения, профилактические оздоровительные мероприятия для ликвидаторов), меры социальной защиты (оздоровление детей, бесплатное питание в школах; предоставление льгот), радиационный мониторинг, научные разработки и многое другое. Как результат, сегодня радиоэкологическая, социально-экономическая и социально-психологическая обстановка на пострадавших территориях более-менее стабильна.

Для выявления общественного восприятия текущей постчернобыльской ситуации населением пострадавших районов Институт социологии НАН Беларуси, в рамках реализации Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 года, выполнил научно-исследовательский проект, в котором исследования были направлены на изучение проблемной ситуации в «пострадавших районах» и определялись потребностью получения дифференцированных данных (по группам и категориям) об отношении населения к условиям проживания на данной территории.

Генеральной совокупностью данного социологического исследования являлись жители, проживающие на радиоактивно загрязненных территориях. Выборочная совокупность составляла 600 человек и состояла из жителей Брагинского, Ветковского, Наровлянского, Хойникского, Чечерского районов Гомельской области. В каждом районе было опрошено 120 ± 5 человек с учетом распределения жителей по типу населенного пункта (город-село), полу, возрасту, образованию. В результате проведения исследования была получена репрезентативная выборка по типу населенного пункта, полу, возрасту и образованию. При этом мы имели возможность описать «пострадавшие районы» с погрешностью ± 4,0 % при уровне доверия 0,95. Кроме того, распределение ответов позволяло выявить возможные отклонения от средних по всей выборочной совокупности, а также различия между группами и категориями по каждому из пунктов шкалы – вариантов ответа.

Для того, чтобы полученные данные были более информативными, проведем их сравнительный анализ с подобными показателями по республике в целом[1], причем для анализа мы будем использовать только данные по равноценным регионам (районные центры и сельские населенные пункты в общереспубликанском массиве).

Для начала рассмотрим непосредственное отношение респондентов к населенному пункту своего проживания. Распределение ответов представлено в табл. 1.

Данные табл. 1 показывают, что большинство опрошенных респондентов, как в пострадавших районах, так и в общереспубликанском массиве, выразили положительное отношение («Мне очень нравится здесь жить» + «В целом я

[1] Исследование проводилось в мае 2015 г. Выборка составила 2000 респондентов.

Таблица 1. **Отношение жителей исследуемых районов к своему населенному пункту, % от числа опрошенных**

Как Вы относитесь к своему населенному пункту?	Пострадавшие районы		Республика в целом	
	районные центры	село	районные центры	село
Нет ответа	0,6	0,7	2,0	1,9
Мне очень нравится здесь жить	25,8	41,1	41,6	37,4
В целом я доволен(а), но кое-что хотелось бы изменить	48,7	42,6	48,4	49,2
В целом положительное отношение	***74,5***	***83,7***	***90,0***	***86,6***
Мне не нравится здесь жить, хотел(а) бы уехать отсюда	21,1	12,4	6,1	9,4
Другое	0,9	1,1	1,1	0,3
Затрудняюсь ответить	2,8	2,1	0,9	1,7

доволен(а), но кое-что хотелось бы изменить») к своему населенному пункту – показатель превышает 70 %. Примечательно, что существенные статистически значимые различия в оценках наблюдаются только в районных центрах. Опрошенные городские жители пострадавших районов при ответе на данный вопрос гораздо реже, чем по республике, в целом отмечали позицию «Мне очень нравится здесь жить» – 25,8 % (41,6 % по республике), в то время как сельские жители этих же районов отмечали данную позицию несколько реже, чем в целом по республике – 37,4 и 41,1 % соответственно.

Что касается количества респондентов, желающих покинуть свой населенный пункт и переехать куда-нибудь, то больше всего их опять же в районных центрах пострадавших территорий – 21,1 %, что более чем в 3 раза превышает показатель по республике. Сельское население также более склонно к переезду именно в пострадавших районах (12,4 %). Однако этот показатель не является критическим в связи с тем, что он ненамного выше среднего показателя по республике относительно естественного территориального перемещения людей по таким причинам, как отъезд на учебу, замужество, поиск работы, ведение собственного бизнеса и т. п., который варьируется от 5 до 10 % в различные периоды.

Полученная в ходе исследований информация позволяет выявить не только общее отношение респондентов к населенному пункту их проживания, но также и «проблемные позиции» в развитии социальной сферы в пострадавших районах для оказания адресной помощи, учета мнения людей по многим бытовым вопросам. Вполне очевидно, что проводимый комплекс мероприятий направлен, в первую очередь, на то, чтобы изменить в лучшую сторону устоявшийся уклад жизни населения пострадавших территорий, формальные и межличностные отношения, организацию учебы, медицинского обслуживания, общественного транспорта, ЖКХ и бытового обслуживания, досуга.

С этой целью в рамках данного научно-исследовательского проекта замерялись не только индикаторы общего отношения к населенному пункту проживания, но и его (населенного пункта) оценка по основным характеристикам. Включенные в инструментарий исследования вопросы позволили выявить, как население оценивает уровень развития инфраструктуры в своем населенном пункте. Респондентам было предложено дать характеристику своему населенному пункту по нескольким критериям, учитывающим его инфраструктуру в настоящее время. Для более детального анализа полученных в ходе социологического исследования данных, а также в целях визуализации результатов рассчитывался порядковый индекс по каждой из изучаемых характеристик населенного пункта. Данный индекс находится в пределах от 1 до 3, где 1 – оценка «плохо», 2 – «удовлетворительно» и 3 – «хорошо», и рассчитывался по формуле:

$$I = \frac{a_1 \times 3 + a_2 \times 2 + a_3 \times 1}{100},$$

где I – индекс оценки респондентами общего состояния инфраструктуры своего населенного пункта; a_1 – процент респондентов, давших оценку состоянию инфраструктуры своего населенного пункта «хорошо»; a_2 – процент респондентов, давших оценку состоянию инфраструктуры своего населенного пункта «удовлетворительно»; a_3 – процент респондентов, давших оценку состоянию инфраструктуры своего населенного пункта «плохо».

При интерпретации результатов следует учитывать, что чем выше индекс по конкретной характеристике, тем выше ее оценка по населенному пункту проживания (рис. 1–2).

Результаты проведенных исследований показывают, что на пострадавших от аварии на ЧАЭС территориях проводимый государством комплекс мероприятий по их возрождению дает свои результаты. Особенно это заметно при проведении сравнительного анализа данных по пострадавшим территориям и республике в целом. На рис. 1 и 2, представленных ниже, мы видим, что оценки населения пострадавших территорий ненамного ниже оценок остального населения, а некоторые характеристики населенных пунктов оценивались даже выше.

Однако можем отметить, что, по мнению населения как пострадавших территорий, так и условно «чистых», остается еще достаточно широкий спектр проблем, которые местным органам власти необходимо решить. Итак, рассмотрим более подробно проблемы, волнующие население пострадавших и условно «чистых» районных центров республики (рис. 1).

Как представлено на рис. 1, в целом по двум анализируемым выборкам зафиксировано, что показатели по всем предложенным характеристикам выше 1 (оценка «плохо») и близки к оценке «удовлетворительно». Причем различия между показателями по пострадавшим территориям и республике в целом невелики – от 0,1 до 0,4. Это говорит о постепенном восстановлении социальной

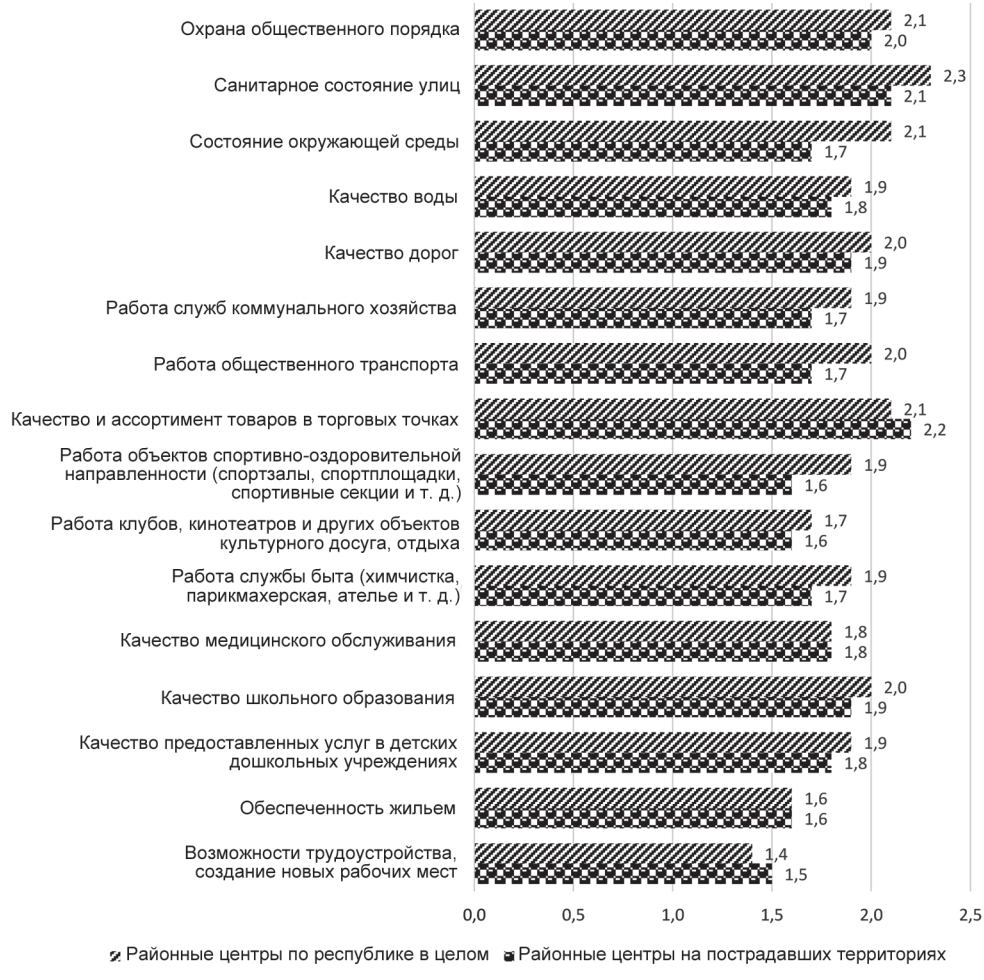


Рис. 1. Оценка респондентами районных центров состояния социальной инфраструктуры своего населенного пункта, индексы (индекс изменяется от 1 до 3, где 1 – плохо, 2 – удовлетворительно, 3 – хорошо)

сферы пострадавших районов. Наибольшие различия наблюдаются по таким характеристикам населенных пунктов, как «состояние окружающей среды» – 0,4; «работа общественного транспорта» и «работа объектов спортивно-оздоровительной направленности» – по 0,3. В то же время качество и ассортимент товаров в торговых точках и возможности трудоустройства и создание рабочих мест респонденты пострадавших территорий оценили несколько выше, чем остальные респонденты.

Далее рассмотрим, как оценивают состояние социальной инфраструктуры респонденты, проживающие в сельских населенных пунктах (рис. 2).

Что касается сельских населенных пунктов, то можем отметить, что индексы на пострадавших территориях по многим характеристикам выше, чем

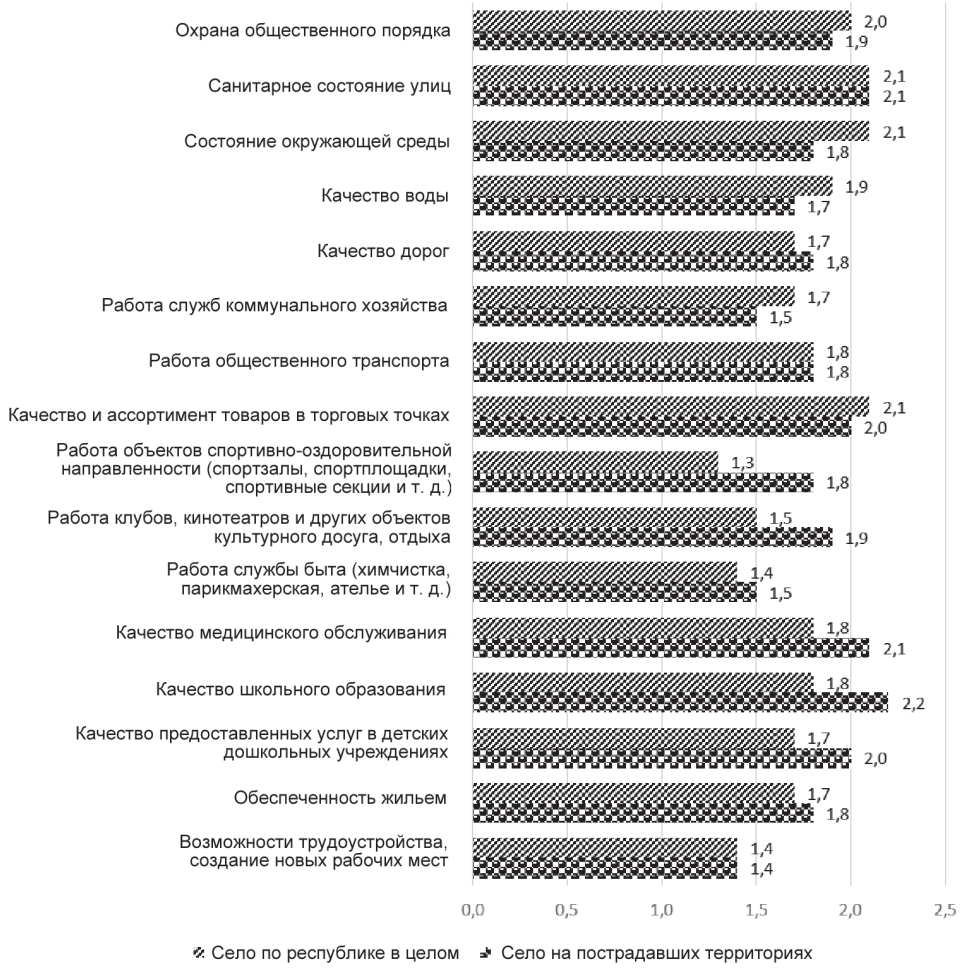


Рис. 2. Оценка состояния социальной инфраструктуры респондентами сельских населенных пунктов, индексы (индекс изменяется от 1 до 3, где 1 – плохо, 2 – удовлетворительно, 3 – хорошо)

в общереспубликанском массиве. Так, более высокую оценку их жители дали таким характеристикам своих населенных пунктов, как качество школьного образования (2,2 – на пострадавших территориях, 1,8 – по республике); качество медицинского обслуживания (2,1 и 1,8 соответственно); качество предоставляемых услуг в детских дошкольных учреждениях (2,0 и 1,7); работа объектов культурного досуга (1,9 и 1,5); обеспеченность жильем (1,8 и 1,7); качество дорог (1,8 и 1,7); работа объектов спортивно-оздоровительной направленности (1,8 и 1,3); работа служб быта (1,5 и 1,4). Возможности трудоустройства и создания новых рабочих мест респонденты обеих выборочных совокупностей оценили одинаково низко – по 1,4. По остальным характеристикам индексы по пострадавшим территориям несколько ниже, чем в обще-

республиканском массиве на 0,1–0,3, но все же они близки к оценке «удовлетворительно».

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на ряд проблем, которые отмечают жители пострадавших территорий, все же ситуация постепенно улучшается и особенно это заметно по сельским территориям. Население уже не воспринимает свое положение как бедственное, и это подтверждают данные табл. 2.

Таблица 2. **Удовлетворенность условиями проживания в населенном пункте, % от числа опрошенных**

Удовлетворены ли Вы условиями проживания в Вашем населенном пункте?	Пострадавшие районы		Республика в целом	
	районные центры	село	районные центры	село
Нет ответа	0,9	–	0,4	2,6
Да	22,6	42,6	35,2	35,8
Скорее да	38,7	35,8	48,0	42,5
В целом удовлетворительное	***61,3***	***78,4***	***83,2***	***78,3***
Скорее нет	21,7	10,6	11,9	10,0
Нет	7,9	5,0	2,8	4,6
В целом неудовлетворительное	***29,6***	***15,6***	***14,7***	***14,6***
Затрудняюсь ответить	8,2	6,0	1,8	4,5

Интерпретируя представленные в табл. 2 данные, можно сказать, что в целом жители исследуемых районов удовлетворены условиями проживания в своем населенном пункте. Если суммировать ответы респондентов на данный вопрос по позициям «да» и «скорее да», то получим достаточно высокие показатели – 60 % и выше. Менее всех проявляют удовлетворенность условиями проживания респонденты районных центров пострадавших территорий – среди них наименьшее количество тех, кто отвечал на поставленный вопрос «да» (22,6 %). В этой же категории выявлено и наибольшее количество респондентов, в той или иной степени неудовлетворенных условиями своего проживания, – 29,6 % (в остальных группах около 15 %). Следует также отметить, что показатели удовлетворенности условиями проживания по сельским населенным пунктам пострадавших территорий и республики в целом практически совпадают – 78,4 и 78,3 % соответственно. Причем ответ «да» чаще выбирали респонденты пострадавших территорий (42,6 % при 35,8 % по республике).

Проведенное исследование показало, что наибольшие ожидания населения в пострадавших районах такие же, как и всего населения республики, независимо от региона проживания. Стремление к повышению материального благосостояния, улучшению жилищных условий и оздоровлению детей характерны для любого человека в принципе.

В оценке перспектив возрождения респонденты пострадавших районов практически сходятся во мнениях (табл. 3).

Таблица 3. **Оценка перспектив дальнейшего возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий, % от числа опрошенных**

Видите ли Вы перспективы в дальнейшем возрождении и развитии пострадавших в результате аварии на ЧАЭС белорусских территорий?	Районные центры	Село
Нет ответа	1,9	1,1
Да, они требуют особого внимания	58,5	60,3
Да, они заслуживают внимания наравне с другими районами республики	32,7	33,0
Нет, эти районы уже достаточно развитые и самостоятельные	2,8	2,5
Нет, целесообразнее вкладывать в развитие непострадавших регионов	3,8	2,8
Другое	0,3	0,4

Большинство опрошенных (50 % и более) считают, что территории, пострадавшие от аварии на ЧАЭС, все еще требуют особого внимания, и приблизительно $^1/_3$ респондентов уверены, что пострадавшие районы заслуживают внимания наравне с другими районами республики. Считают эти районы уже достаточно развитыми небольшое количество респондентов – от 2,5 до 2,8 %. Допускают, что вкладывать деньги в развитие пострадавших территорий нецелесообразно, от 2,8 до 3,8 % опрошенных.

Важным результатом проведенного исследования является то, что он позволяет зафиксировать положительное отношение населения к своим населенным пунктам, а также желание большинства и дальше проживать в этих районах. Однако, несмотря на проводимый государством комплекс мероприятий по возрождению пострадавших территорий, остается еще достаточно широкий спектр проблем, которые, по мнению населения, необходимо решить. Особенно это касается возможности трудоустройства и создания новых рабочих мест – респонденты как на пострадавших территориях, так и по республике в целом оценили данный пункт одинаково низко.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что программы возрождения, на наш взгляд, должны быть детализированы применительно к условиям каждого района, а может быть и отдельных населенных пунктов. Необходимо выделить в особые разделы следующие направления: 1) ожидания людей по улучшению условий жизни (тех аспектов, которые названы в опросе); 2) меры по закреплению местной молодежи и привлечению мигрантов – специалистов из других районов, возможно даже из-за пределов страны. Эти разделы должны быть разработаны на основе полученных в ходе социологических исследований данных, так как проблема возрождения загрязненных территорий будет оставаться актуальной еще долгое время.

Список использованных источников

1. *Шавель С. А.* Социальная реабилитация населения, пострадавшего в результате Чернобыльской аварии / С. А. Шавель, Р. А. Смирнова ; Нац. акад. наук Респ. Беларусь, НИИ радиологии МЧС Респ. Беларусь. – Минск, 1997.

E. V. MARTISCHENKOVA

STATUS AND DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE AS A SIGNIFICANT COMPONENT OF REVIVAL IN THE AREAS AFFECTED BY CHERNOBYL DISASTER

Summary

The article analyzes the indicators that reveal not only the general attitude of respondents to the place where they live, but also the "problem positions" in the development of social sphere in the affected areas for targeted assistance, taking into account the attitudes of people on many domestic issues, and which have an impact on public opinion about the prospects of revival of the affected by the Chernobyl nuclear power plant accident areas.

Keywords: Chernobyl disaster, the consequences of the Chernobyl disaster, contamination, ecology, public opinion, social infrastructure, social sphere.

Поступила 15.10.2016 г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 314.18 (476)

М. И. АРТЮХИН,
кандидат философских наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,

С. А. ПУШКЕВИЧ,
магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

В статье рассмотрены негативные тенденции в демографическом развитии Беларуси. Показано, что успешное выполнение мероприятий национальных демографических программ позволило значительно сократить объемы естественной убыли населения Беларуси, однако в целом по регионам депопуляция не преодолена. Показана неоднозначная роль миграции населения. Делается вывод, что в долгосрочной перспективе одним из наиболее проблемных аспектов национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Беларуси остается задача обеспечения демографической и миграционной безопасности.

Ключевые слова: демографическая ситуация, депопуляция, внешняя миграция населения, демографическая политика, миграционная политика.

Демографические процессы – своеобразный барометр, отражающий перспективы ближайшего и отдаленного будущего любой страны мира. Ведь народонаселение является реальным стратегическим ресурсом государства в геополитическом пространстве, и серьезные демографические проблемы представляют реальную и потенциальную угрозу его национальной безопасности.

Демографическое развитие Беларуси характеризуется рядом тенденций, свойственных странам с низкими показателями естественного воспроизводства и отражающих особенности второго и третьего демографического перехода.

Негативные тенденции в демографическом развитии страны отмечаются давно. Беларусь не воспроизводит своего населения уже более 25 лет, начиная с 1978 г., когда коэффициент воспроизводства населения стал ниже минимума, необходимого для простого воспроизводства. Однако, благодаря благоприятной половозрастной структуре населения, вплоть до начала 1990-х гг. численность населения Республики Беларусь постоянно росла. И только в 1994 г. Беларусь претерпела так называемые «демографические ножницы», или «белорусский крест». Тогда впервые смертность взяла верх над рождаемостью: численность умерших превысила численность родившихся на 11,2 тыс. человек. В 2002 г. это превышение составило уже 57,9 тыс. человек.

Демографический кризис явился реальной угрозой стабильному устойчивому развитию Беларуси в долгосрочной перспективе и вызвал необходимость принятия со стороны государства активных мер демографической политики, которые смогли бы снизить негативные последствия современного типа воспроизводства населения.

В целях противостояния депопуляции в начале 90-х гг. прошлого века в Беларуси была сформирована система органов государственной власти и управления, на которые возлагалась ответственность за мониторинг демографической ситуации и прогноз ее развития, разработку и реализацию комплекса мер демографической политики. Важным этапом в развитии государственной парадигмы демографической политики стало принятие в 2002 г. Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь», определившего правовые и организационные основы обеспечения демографической безопасности и поставившего задачу создания социально-экономических условий, достаточных для предупреждения и нейтрализации демографических угроз и формирования оптимального типа воспроизводства населения. Одновременно был создан Национальный комитет по народонаселению, являющийся постоянно действующим органом при Совете Министров Республики Беларусь по проблемам государственной политики в сфере народонаселения, который осуществляет координацию политики в области демографической безопасности и выработку согласованных действий, направленных на обеспечение выполнения положений Закона «О демографической безопасности Республики Беларусь». Принятая затем Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, «являясь базисом для консолидации усилий личности, общества и государства в целях реализации национальных интересов… призвана обеспечить единство подходов к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности, а также методологическую основу совершенствования актов законодательства в различных сферах национальной безопасности, разработки документов стратегического планирования» [1].

С 2007 г. в Беларуси реализуется масштабная Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь, которая стала составной частью программ социально-экономического развития Республики Беларусь на среднесрочную перспективу. Ее основные задачи – повышение качества жизни семей с детьми, улучшение репродуктивного здоровья населения, охрана здоровья матери и ребенка, снижение заболеваемости и смертности населения, оптимизация внутренних и внешних миграционных потоков с учетом национальных демографических интересов [2].

В 2015 г. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы была завершена и имела положительные результаты. В настоящее время принята Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2016–2020 годы.

Успешное выполнение мероприятий национальных демографических программ позволило значительно сократить объемы естественной убыли населения Беларуси. Так, если в 2002 г. естественная убыль населения (разница между количеством умерших и родившихся) составила 57,9 тыс. человек, то в 2015 г. – 1,0 тыс. человек. В итоге суммарные объемы естественной убыли населения Республики Беларусь за 2010–2015 гг. составили всего 77,4 тыс. человек против 253,5 тыс. человек за 2000–2004 гг. (рис. 1).

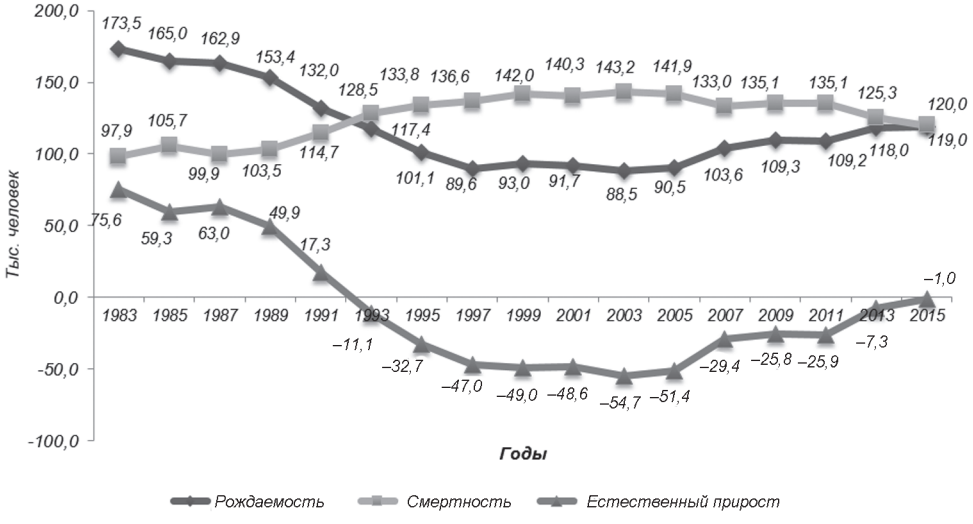


Рис. 1. Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения Беларуси за период 1983–2015 гг., тыс. человек (сост. авт. по [3])

Следует отметить как историческое достижение, что в первом полугодии 2016 г. впервые за всю историю независимой Беларуси отмечен естественный прирост численности населения. Это стало возможным благодаря тому, что в стране, несмотря на снижение численности женщин репродуктивного возраста (идет с 2013 г.), наблюдается рост рождаемости, становится все больше многодетных семей. Так, если сравнивать с данными переписи 2009 г., когда насчитывалось 62,5 тыс. многодетных семей, сейчас их количество превысило 85 тыс. Становится больше детей, которые родились третьими и последующими (в 2015 г. доля детей, родившихся в семьях третьими, составила более 16 %). Отметим также, что в мировом рейтинге по условиям материнства Беларусь занимает 25-е место из почти 180 стран мира и первое место среди государств СНГ [4].

С другой стороны, большой вклад в стабилизацию численности населения Беларуси внесли положительные тенденции внешней миграции населения республики. За последние двадцать лет в Беларуси наблюдается положительное сальдо внешней миграции населения. Эмиграционный поток из Респуб-

лики Беларусь за этот период сократился в 7 раз. Если в 1994 г. из Беларуси выехало 56,5 тыс. человек, то в 2015 г. – всего 9,9 тыс. человек. И наоборот, численность прибывших мигрантов из года в год увеличивается. В 2004 г. численность прибывших мигрантов составила 14,6 тыс. человек, а в 2015 г. – 28,4 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1. **Общие итоги международной миграции населения Беларуси за 2010–2015 гг., человек (сост. авт. по [3])**

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Численность прибывших	17 169	17 510	18 040	19 435	24 941	28 349
Численность выбывших	6866	7610	8712	7792	9219	9855
Сальдо миграции	10 303	9900	9328	11 643	15 722	18 494
Естественная убыль населения	29 082	25 943	11 147	7329	2904	998
Степень компенсации естественной убыли, %	35,4	38,2	83,7	157,2	541,4	1853,1
Общий прирост населения	–18 779	–16 000	–1819	4234	12 818	17 496

Следует также отметить и тот факт, что с 2013 г. Беларусь вошла в число стран мира, где положительное сальдо внешней миграции полностью восполняет естественную убыль населения. Так, в 2012 г. степень компенсации естественной убыли населения Беларуси за счет миграционного прироста составила 84 %, в 2013 г. – 159 %, в 2014 г. – 542 %, в 2015 г. – 1853 % (рис. 2).

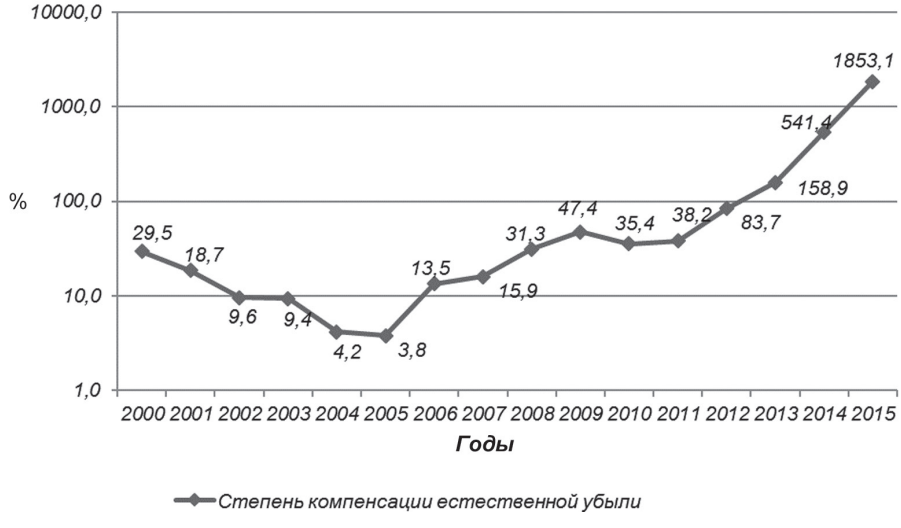


Рис. 2. Динамика степени компенсации естественной убыли населения Беларуси за счет внешней миграции, % (сост. авт. по [3])

В результате численность населения Республики Беларусь на конец 2015 г., по сравнению с тем же периодом 2014 г., увеличилась на 17,5 тыс. человек. Все-

го за три последних года численность населения Республики Беларусь возросла на 34,5 тыс. человек и составила на начало 2016 г. 9 млн 490 тыс. человек [3].

Все это – миграционный прирост и значительное сокращение объемов естественной убыли населения Беларуси – позволило положить начало процессу устойчивого увеличения численности населения Республики Беларусь.

Вместе с тем не следует отрицать, что демографическая и миграционная ситуация в Беларуси, несмотря на положительные моменты последнего десятилетия, остается сложной и неоднозначной.

Особенностью демографической ситуации в Республике Беларусь на протяжении почти всей второй половины прошлого века и первых пятнадцати лет нынешнего являлось сочетание двух разнонаправленных процессов: прирост общей численности городского населения при одновременном снижении численности сельских жителей. Демографы в этой связи отмечают, что динамика естественного движения сельского населения Беларуси в последних десятилетиях носит характер продолжающегося тренда второй половины 1970-х гг., когда в сельской местности впервые в условиях мирного времени и на двадцать лет раньше, чем в городах, смертность превысила рождаемость, и началась естественная убыль населения.

Так, если численность горожан за период 2000–2015 гг. увеличилась на 374,0 тыс. человек и составила 7347,5 тыс. человек, то численность сельского населения сократилась на 864,0 тыс. человек (на 28,7 %) и составила на 1 января 2016 г. 2142,1 тыс. человек (табл. 2).

Таблица 2. **Динамика среднегодовой численности городского и сельского населения Республики Беларусь за 2000–2015 гг., тыс. человек (сост. авт. по [3])**

Год	Все население	В том числе	
		городское	сельское
2000	9979,6	6973,5	3006,1
2001	9528,6	6581,3	2947,3
2002	9865,6	6978,2	2887,4
2003	9796,8	6970,8	2826,0
2004	9730,2	6966,7	2763,5
2005	9664,0	6961,1	2702,9
2006	9605,0	6960,3	2644,7
2007	9561,0	6976,6	2584,4
2008	9528,1	7008,2	2519,9
2009	9506,8	7052,1	2454,7
2010	9490,7	7099,8	2390,9
2011	9473,2	7148,7	2324,5
2012	9464,6	7198,0	2266,6
2013	9466,1	7247,9	2218,2
2014	9474,5	7299,9	2174,6
2015	9489,6	7347,5	2142,1

Динамика миграционного прироста городского населения за счет сельского в рамках внутриреспубликанской миграции за период 2002–2015 гг. представлена на рис. 3.

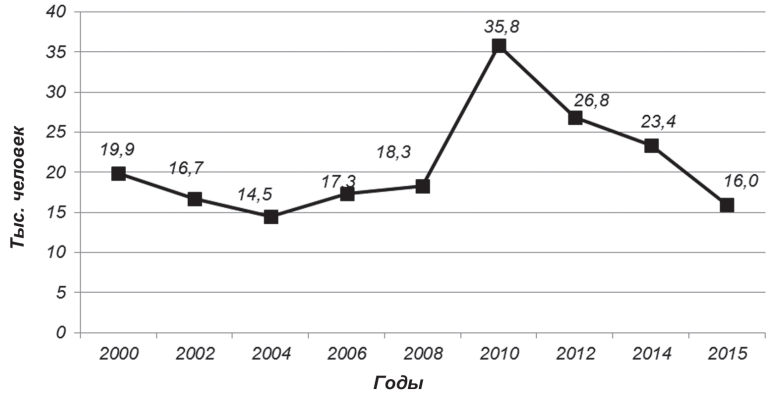


Рис. 3. Динамика миграционного прироста городского населения за счет сельского в рамках внутриреспубликанской миграции за период 2000–2015 гг. (сост. авт. по [3])

Говоря о роли миграции населения в воспроизводстве городского и сельского населения Беларуси и преодолении последствий процессов депопуляции, следует обратить внимание на миграционную ситуацию в регионах республики. Так, если в 2015 г. в целом по стране миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль населения, то в разрезе регионов положительное сальдо миграции населения имели только г. Минск (15 332 человека) и Минская область (3138 человек). Все остальные регионы республики в 2015 г. имели отрицательный миграционный прирост и, соответственно, убыль населения (рис. 4).

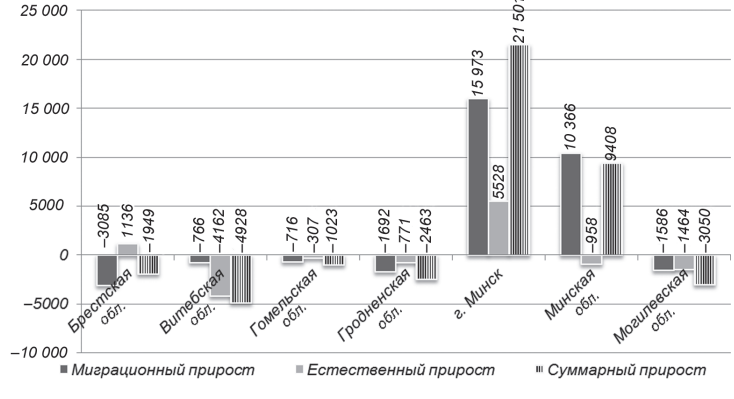


Рис. 4. Влияние миграционного прироста на суммарный прирост населения регионов Беларуси за 2015 г., человек (сост. авт. по [3])

О большой роли миграции в стабилизации численности населения в регионах свидетельствует пример Брестской области, в которой в 2015 г. наблюдался положительный естественный прирост населения (1136 человек). Однако достигнутый в Брестской области естественный прирост населения был полностью нивелирован отрицательным сальдо миграции, составившим здесь 5803 человека. В результате в 2015 г. в Брестской области, как и в предыдущие годы, наблюдалось уменьшение численности населения на 1949 человек.

И наоборот, в Минской области в 2015 г. наблюдался отрицательный естественный прирост населения (856 человек), который был полностью компенсирован положительным сальдо миграции (10 366 человек), в основном за счет миграционного прироста сельского населения Минского района. В конечном счете, это позволило обеспечить значительный суммарный прирост населения в Минской области (9408 человек) (табл. 3).

Таблица 3. **Естественный прирост, миграционный прирост, суммарный прирост: регионы, 2015 г., человек (сост. авт. по [3])**

Показатели	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.	г. Минск	Республика Беларусь
Рождаемость	18 749	13 370	18 480	13 716	19 076	12 496	22 691	119 028
Смертность	17 613	17 532	18 787	14 487	20 034	14 410	17 163	120 026
Естественный прирост	1136	–4162	–307	–771	–958	–1464	5528	–998
Миграционный прирост	–3085	–766	–716	–1692	10 366	–1586	15 973	18 494
Суммарный прирост	–1949	–4928	–1023	–2463	9408	–3050	21 501	17 496

Таким образом, на протяжении последних десятилетий, за исключением кратковременных периодов положительного сальдо, в сельских населенных пунктах наблюдалась миграционная убыль. В целом за период 2002–2015 гг. миграционная убыль в сельской местности увеличилась в 2,4 раза.

Миграция населения из сельской местности в областные центры и в столицу страны за последние два десятилетия отрицательно влияет на демовоспроизводственный потенциал регионов.

Так, негативные изменения в половозрастной структуре сельского населения произошли в результате масштабной миграции молодых женщин, которая характерна для всех регионов Беларуси. Особенно она значительна для Гомельской области, где миграционное сальдо мигрантов-женщин в возрасте 14–30 лет в 2 раза превышает миграционное сальдо мигрантов-мужчин этой возрастной группы (табл. 4).

Таблица 4. **Миграционный прирост населения регионов Беларуси в 2015 г. по полу (возрастная группа 14–30 лет), человек (сост. авт. по [3])**

Регион	Возрастная группа 14–30 лет		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Брестская обл.	–4565	–1747	–2818
Витебская обл.	–1293	–728	–565
Гомельская обл.	–3065	–1034	–2031
Гродненская обл.	–2539	–1188	–1351
г. Минск	20 494	8569	11 925
Минская обл.	–1858	–546	–1312
Могилевская обл.	–1994	–381	–1613

Односторонняя миграция молодых женщин из сельской местности в города вызвана тем, что в сельской местности и сельском хозяйстве более низкий уровень оплаты труда и крайне ограниченные альтернативные возможности трудоустройства. Эти факторы вынуждают их мигрировать в областные центры и г. Минск, где существует большая вероятность найти более высокооплачиваемую работу и выйти замуж. В результате на селе среди молодежи нарушается оптимальное соотношение полов и брачная структура. Все это препятствует нормальному формированию молодых семей и отрицательно сказывается на воспроизводстве сельского населения.

Как считает известный белорусский демограф Л. П. Шахотько, в современных условиях Беларуси задача сохранения в течение длительного времени стабильного миграционного прироста не менее сложная, чем задача снижения смертности и повышения рождаемости. Во-первых, такого большого ежегодного притока мигрантов в Беларусь в ближайшие годы неоткуда ожидать; во-вторых, экономика и социальная сфера страны не смогут принять и быстро адаптировать такое количество мигрантов; в-третьих, нерациональные иммиграционные потоки могут вызвать новые социальные проблемы, которые могут оказаться сложнее прежних. При таком сценарии развития событий уже к середине нынешнего столетия в республике треть населения будут составлять иммигранты и дети иммигрантов, а к концу столетия они составят уже две трети всего населения [5].

К тому же не следует преувеличивать возможности демографической политики. Так, нельзя связывать меры демографической политики с надеждами на большой рост рождаемости в Беларуси и на возврат к среднедетной (трое и более детей) семье. Важно осознать, что население Беларуси вступило в период долговременного сокращения его численности, старения, распространения однодетности, и это необходимо учитывать при формировании современной концепции социально-экономического развития страны. Сложившиеся к настоящему времени структура населения и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обусловливать депопуляцию в стране, а численность населения будет уменьшаться еще длительное время, особенно ощутимо – во втором–третьем десятилетии XXI в. [6].

Таким образом, несмотря на достигнутые в последние годы значительные позитивные результаты в области демографического развития, в долгосрочной перспективе одним из наиболее проблемных аспектов национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Беларуси останется задача обеспечения демографической и миграционной безопасности.

Для решения всего комплекса демографических и миграционных проблем, вставших перед Беларусью, необходимо формирование новой парадигмы развития государственной демографической и миграционной политики, способной предупредить и нивелировать большинство демографических и миграционных угроз и способствовать формированию прогрессивного типа воспроизводства населения.

Вместе с тем, если социальная и демографическая политика в стране на достаточно высоком уровне, то этого нельзя сказать о государственной миграционной политике. Сложившаяся в настоящее время в Беларуси система государственного регулирования миграционных процессов требует своей реорганизации. И в качестве первого шага в этом направлении следует поставить вопрос о возвращении к практике принятия комплексных государственных миграционных программ. А также необходимо безотлагательно начать разработку концептуальной основы совершенствования государственной миграционной политики, особенно ее региональной части. Следует при этом максимально учесть накопленный зарубежный опыт модернизации концептуальной основы миграционной политики, применительно к сложившейся в зарубежных странах демографической ситуации. К примеру, в 2012 г. в России принята Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая представляет собой систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности Российской Федерации в сфере миграции и демографической безопасности. Разработка в Беларуси подобного документа позволит ускорить на новой концептуальной основе формирование эффективной, рассчитанной на перспективу миграционной политики, которая должна стать важным инструментом общей государственной демографической и социальной политики.

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 марта 2007 г., № 135 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – 442 с.

4. Минтруда отмечает естественный прирост численности населения в Беларуси впервые за последние 20 лет [Электронный ресурс] // Новости Беларуси / Белорусское телеграфное

агентство. – Минск, 2016. – Режим доступа: http://www.belta.by/society/view/mintruda-otmechaet-estestvennyj-prirost-chislennosti-naselenija-v-belarusi-vpervye-za-poslednie-20-let-216631-2016/. – Дата доступа: 28.10.2016.

5. *Шахотько, Л. П.* Сложное демографическое будущее Беларуси [Электронный ресурс] / Л. П. Шахотько // Демоскоп Weekly. – 1 июля – 23 августа 2015. – № 649–650. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ 2015/0649/tema03.php. – Дата доступа: 23.08.2016.

6. *Шахотько, Л. П.* Гипотетический долгосрочный прогноз численности населения Беларуси / Л. П. Шахотько // Демографія та соціальна економіка. – 2007. – № 1. – С. 74–84.

M. I. ARTYUKHIN, S. A. PUSHKEVICH

DEMOGRAPHIC CRISIS AND THE WAYS TO OVERCOME IT IN THE CONDITIONS OF MODERN BELARUS

Summary

The article deals with the negative trends in demographic development of Belarus. It is shown that the successful implementation of the activities of national population programs has significantly reduced the volume of a natural decrease in the population of Belarus, but in the whole, region depopulation is not overcome. The role of migration is shown as ambiguous. It is concluded that in the long run one of the most problematic aspects of the national strategy for sustainable socio-economic development of Belarus remains a challenge to ensure demographic and migration security.

Keywords: demographics, depopulation, external migration, population policy, migration policy.

Поступила 31.10.2016 г.

УДК 316.752

Е. В. КАРГАПОЛОВА,
доктор социологических наук, профессор, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, г. Астрахань

И. В. ЛАШУК,
кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ)[1]

В статье на основе результатов конкретных социологических исследований в Астраханской области Российской Федерации и Республике Беларусь представлен анализ положения семьи в структуре ценностных ориентаций населения. Показана приоритетная роль семьи как ценности в сознании населения при трансформации форм ее конкретного воплощения, то есть семейно-брачных практик. Эта тенденция выражается в количестве не состоящих в браке, незарегистрированных сожительств, сокращении числа детей в семье, росте разводов.

Ключевые слова: семья, семейно-брачные отношения, брак, развод.

Семья в современном обществе предстает как противоречивый социокультурный феномен. С одной стороны, в многочисленных социологических исследованиях зафиксировано приоритетное место семьи, ценностей социального «микромира» в системе ценностных ориентаций россиян [см., например, 2, с. 307; 3, с. 30; 4; 7; 8, с. 32; 9, с. 11; 10; 12; 16, с. 278]. С другой стороны, под влиянием глобализационных тенденций, а точнее – прозападных, индивидуалистско-достижительных ценностных ориентаций, растет количество разводов, нерегистрируемых браков, неполных семей, одиночного домохозяйствования (в том числе и осознанного, добровольного), откладывания деторождений, немотивированного изъятия детей из родительских семей, сопровождающихся навязчивой пропагандой однополой семьи, дискредитацией роли женщины-матери и мужчины-отца, авторитета родителей на фоне «борьбы за права ребенка». Увеличивается число регистрируемых случаев насилия в семье, усиливается девиантность, что приводит «к снижению уровня воспроизводства населения, атомизации общества и семьи, утрате коллективистских,

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

в том числе и семейных, ценностей, падению престижности социальных ролей матери и отца» [15, с. 17]. Семья как ценность сохраняется, но трансформируются формы ее конкретного воплощения, то есть семейно-брачные практики. Динамичность изменений семейно-брачных практик в современном обществе требует их пристального изучения.

В Астраханской области Российской Федерации в режиме мониторинга проводится социологическое исследование по Всероссийской научно-исследовательской программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководители по Российской Федерации: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, по Астраханской области: Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова). Блок вопросов по этой программе посвящен семье и семейно-брачным отношениям[1].

По результатам данного исследования выявлена приоритетная роль семьи. Это отражается в том, что семья входит в интегрирующий кластер ценностей в системе ценностных предпочтений астраханцев [1; 5; 6; 11]. Такая же приоритетность семье фиксируется и в первичных социальных сетях (кругах взаимопонимания) индивида. Так, в 2010 г. на вопрос: «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» 71,9 % астраханцев ответили «в семье», тогда как ближайший по степени значимости в иерархии астраханцев вариант «в компании друзей» отметили только 18 % опрошенных. В 2016 г. в условиях очередного кризиса и санкций значимость всех кругов взаимопонимания (дружеского, соседского, корпоративного) возросла. Но семья сохранила свою приоритетность, и ее значимость в представлениях астраханцев увеличилась практически на 10 % и составила 81 %.

По данным социологических исследований, проведенных на территории Беларуси[2], базовая ценность «семья» стабильно входит в тройку лидеров (в порядке убывания): здоровье; семья; дети. Выявлено также, что респонденты склонны полагаться на восемь в той или иной степени «работающих» ценностей-средств: «семья», «жизненный опыт»; «деньги», «друзья», «наличие

[1] Мониторинговое социологическое исследование проводится в Астраханской области исследовательскими группами под руководством и непосредственном участии Е. В. Каргаполовой и А. Ю. Арясовой методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России» (руководители Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). Первый этап был проведен в декабре 2009 г. (N = 1000), второй – в мае–июне 2012 г. (N = 600), третий – в апреле–мае 2016 г. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения». Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ собранных данных осуществлены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Анализ данных включал изучение линейных распределений, осмысление параметров таблиц сопряженности.

[2] В данной работе представлены результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в марте 2015 г. по национальной репрезентативной выборке (1499 человек).

нужных связей, знакомств», «информированность», «нравственные качества» и «профессиональные знания, умения».

В Астраханской области собственную семью (по данным третьей волны мониторинга 2016 г.) имеют только более половины (51,1 %) астраханцев, практически каждый десятый (8,5 %) состоит в незарегистрированном браке, каждый шестнадцатый (6 %) – в разводе. За период 2010–2016 гг. практически на 10 % (с 17,9 до 27,8 %) увеличилось количество не состоящих в браке [13; 14].

Распространение так называемого «гражданского» брака характерно и для Беларуси. Так, по данным социологического исследования, 23,7 % опрошенных имеют собственный опыт проживания в «гражданском браке». Типичные представители этой группы – мужчины 40 лет со средним специальным образованием, проживающие в городе.

Каждый четвертый-пятый опрошенный астраханец имеет одного ребенка (табл. 1). При этом количество лиц, у которых есть двое детей (то есть обеспечивающих простое воспроизводство), сократилось с 2010 г. на 13,2 %. Несколько уменьшилось и количество тех лиц, которые имеют трое и более детей (то есть обеспечивают расширенное воспроизводство). При этом количество бездетных выросло на 15,8 %. Как отмечает В. С. Каминский, «число детей, ожидаемых молодыми людьми, недостаточно даже для простого воспроизводства населения; определенная доля молодежи желает остаться бездетной» [4, с. 75]. По мнению А. В. Винокуровой и Е. С. Шпак, «снижение рождаемости обусловлено ориентацией современных молодых людей на достижение определенного стандарта жизненного уровня, что требует значительных средств и экономного ведения домашнего хозяйства» [2, с. 309].

Таблица 1. **Ответы астраханцев на вопрос: «Сколько у Вас детей?» (% от числа опрошенных)**

Вариант ответа	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Один ребенок	23,3	24,1	22,5
Два ребенка	41,9	33,3	28,7
Трое и больше детей	13,3	16,7	10,7
Нет детей	20,7	25,3	36,5
Отказ от ответа	0,8	0,6	1,6

Жители Беларуси, по результатам проведенного эмпирического исследования, не мотивированы на расширенное репродуктивное поведение. Причем чем моложе респондент, тем меньшее количество детей он называет «идеальным» для белорусской семьи (рис. 1). Среди факторов, оказывающих влияние на расширенное воспроизводство, то есть желание иметь троих и более детей, наиболее значимыми, по сравнению с остальными, являются принадлежность супругов к определенной культуре, их религиозные убеждения. Бездетными семьи становятся в основном из-за состояния здоровья супругов (рис. 2).

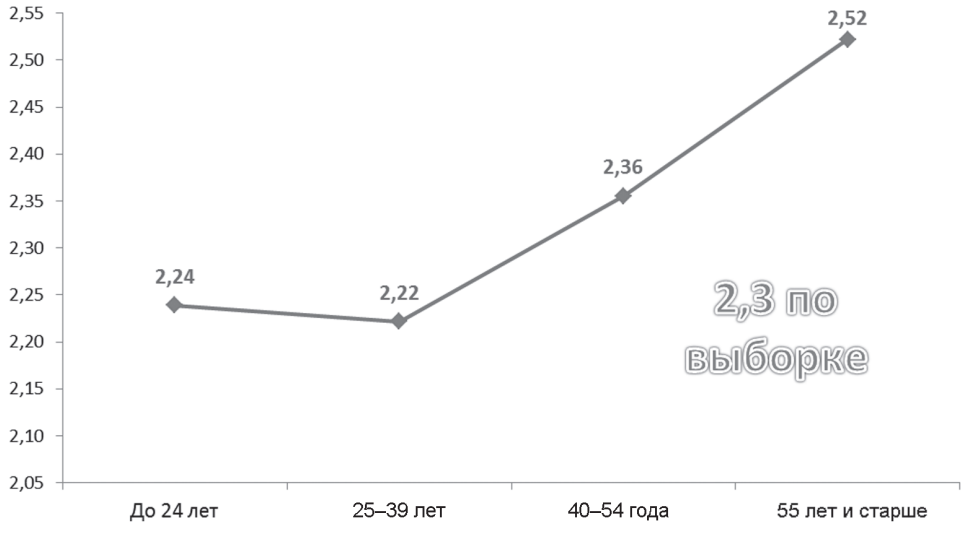


Рис. 1. Идеальное количество детей в семье в представлении белорусов (среднее значение)

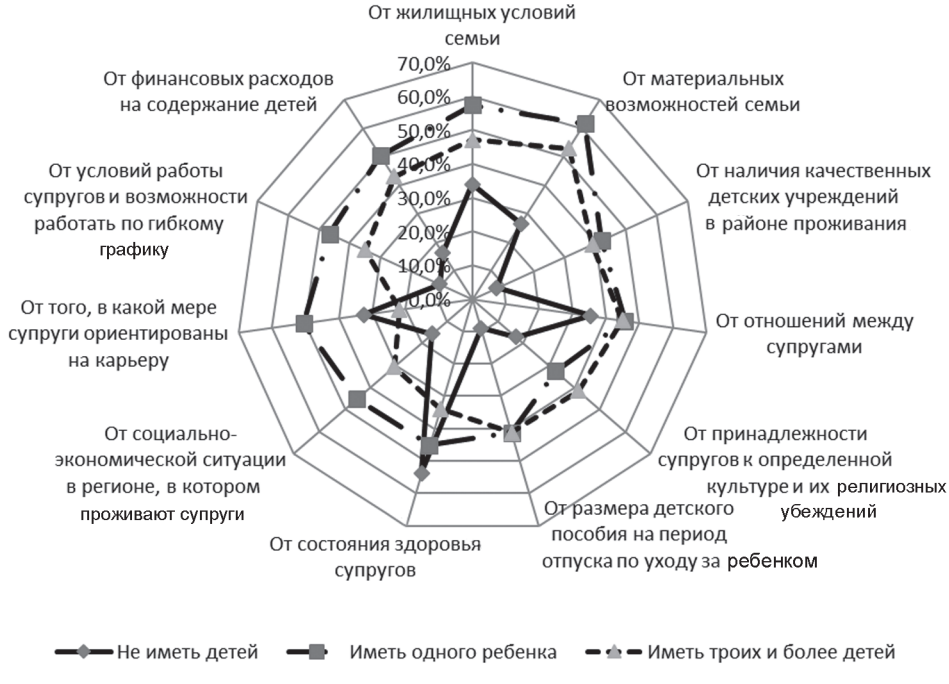


Рис. 2. Факторы, оказывающие влияние на репродуктивное поведение белорусов

По результатам социологического исследования в Астраханской области, на первом месте в иерархии причин, которые препятствуют созданию семьи или ведут к ее разрушению, стоят измена и неуважение супругов. Так считают 52 % опрошенных астраханцев. Причем в большей степени этот вариант выбрала молодежь (с ее юношеским максимализмом и минимальным опытом семейно-брачных отношений). Также данный вариант ответа характерен для респондентов с начальным профессиональным и незаконченным высшим образованием, не состоящих в браке, разведенных, потерявших супруга и бездетных. Можно предположить, что большинство представителей данных групп составляет все та же молодежь.

В Беларуси в качестве основных причин разводов выступают (в порядке убывания): злоупотребление алкоголем, наркотиками одного из супругов (74,6 %); измена одного из супругов (67,7 %); неумение идти на компромиссы, уступать друг другу (53 %).

Жители сел и деревень Астраханской области России в меньшей степени склонны считать измену причиной разрушения семьи, чем жители всех других типов поселения, которые есть в регионе – поселков городского типа, малых городов и областного центра, среднего города Астрахань. То есть чем более урбанизировано сознание, тем больше уровень социальных притязаний, и принцип «стерпится – слюбится» в большей степени сохраняется в сельских поселениях. Такую же тенденцию мы отмечаем и в Беларуси.

В Астраханской области наблюдается прямая зависимость между материальным положением и выбором измены как причины разрушения семьи: чем выше материальный достаток, тем выше значимость этого, социально-психологического, не экономического по своей сути фактора. По Беларуси отмечаются схожие особенности, проявляющиеся в следующем: чем выше уровень социального самочувствия (формулировка вопроса «Как бы Вы оценили свою теперешнюю жизненную ситуацию?»), тем в большей степени выражена значимость такого варианта, как «измена одного из супругов» в качестве причины развода.

На втором месте в иерархии причин развода стоит вариант «не умеют и не хотят вести хозяйство, воспитывать детей, нести ответственность, отказывать себе в чем-либо» – так считает практически каждый третий (30,5 %) опрошенный. Причем большее число выборов этого варианта приходится на молодежь и взрослых, разведенных, имеющих одного ребенка, незаконченное среднее образование и проживающих в малых городах. Необходимо отметить, что гораздо меньше эту причину выбрали «богатые», то есть те, кто практически себе ни в чем не отказывают в материальном плане (табл. 2, 3).

Третье-пятое места по Астраханской области в качестве причин, мешающих созданию и приводящих к разрушению семьи, с небольшим отрывом друг от друга, занимают варианты «неумеренное употребление алкоголя», «семейной жизни предпочитают карьеру», «у многих просто нет средств, чтобы нормально обеспечить семью» (25,5, 23,4 и 22,2 % ответов соответственно).

Таблица 2. **Мнения астраханцев о причинах разрушения семей в зависимости от пола, уровня образования и типа населенного пункта (% от числа опрошенных, 2016 г.)**

Что, по Вашему мнению, сегодня мешает созданию семьи или ведет к ее разрушению?		Измена, неуважение супругов	Семейной жизни предпочитают карьеру	Неумеренное употребление алкоголя	Не умеют и не хотят вести хозяйство, воспитывать детей, нести ответственность, отказывать себе в чем-либо	Часто мешают плохие жилищные условия	У многих просто нет средств, чтобы нормально обеспечить семью
Пол	Мужчина	51,3	28,7	26,6	38,7	21,5	28,2
	Женщина	53,4	24,3	33,5	36,1	20,0	28,9
Образование	Без образования, начальное образование	54,2	20,8	49,5	27,7	17,6	17,6
	Незаконченное среднее	56,0	20,8	9,5	44,6	21,5	42,9
	Среднее общее	53,0	19,8	37,4	39,5	17,6	28,7
	Начальное специальное (профессиональное)	60,1	27,6	36,4	29,3	24,7	18,2
	Среднее специальное (профессиональное)	49,0	26,4	32,0	34,6	20,4	33,7
	Незаконченное высшее	59,1	37,1	24,2	36,5	15,5	25,7
	Высшее	50,7	24,7	29,9	39,6	22,8	28,0
	Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	50,0	25,0	21,8	40,3	34,4	28,5
Тип поселения	Деревня, село	47,8	31,9	29,6	36,0	19,3	28,4
	Поселок городского типа (рабочий поселок)	53,8	24,5	52,6	24,2	19,8	23,6
	Малый город (до 100 тыс. жителей)	55,20	30,00	21,50	45,8	21,20	24,9
	Средний город (100–500 тыс. жителей)	54,5	22,4	30,1	37,8	21,7	30,0

Таблица 3. **Мнения астраханцев о причинах разрушения семей в зависимости от семейного положения, количества детей и материального положения (% от числа опрошенных, 2016 г.)**

Что, по Вашему мнению, сегодня мешает созданию семьи или ведет к ее разрушению?		Измена, неуважение супругов	Семейной жизни предпочитают карьеру	Неумеренное употребление алкоголя	Не умеют и не хотят вести хозяйство, воспитывать детей, нести ответственность, отказывать себе в чем-либо	Часто мешают плохие жилищные условия	У многих просто нет средств, чтобы нормально обеспечить семью
Возрастная группа	Молодежь	58,0	32,1	25,9	39,3	18,5	22,4
	Взрослые	48,2	22,4	31,9	36,3	21,9	34,8
	Старшие	51,0	12,5	12,5	9,4	10,4	1,0
Семейное положение	Женат/замужем	48,4	24,6	33,6	35,8	22,3	31,2
	Живете вместе, но не зарегистрированы	47,6	22,3	26,3	39,4	29,2	29,4
	Разведен/разведена	53,3	16,5	34,0	48,8	14,5	29,5
	Холост/не замужем	61,7	32,9	24,0	37,5	15,5	23,6
	Вдовец/вдова	51,5	9,8	31,3	39,7	23,9	40,7
Количество детей	Один ребенок	48,9	22,7	28,7	44,9	20,9	28,9
	Два ребенка	47,2	23,0	36,4	34,4	24,8	30,2
	Трое и больше детей	50,3	21,9	35,3	33,4	17,6	39,4
	Нет детей	60,2	31,7	26,1	35,5	17,8	24,2
Материальное положение	Денег не хватает на повседневные затраты	47,1	18,3	34,5	33,6	31,5	30,8
	На повседневные затраты уходит вся зарплата	46,6	24,9	30,1	34,9	22,7	33,4
	На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	54,9	27,5	35,3	40,7	16,1	22,4
	В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов приходится брать в долг	54,8	26,7	24,9	40,5	17,2	31,3
	Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	52,8	28,2	28,5	36,3	23,5	28,5
	Практически ни в чем себе не отказываем	69,6	33,8	32,8	19,5	24,2	20,0
ИТОГО ПО РЕГИОНУ		52,0	23,4	25,5	30,5	17,0	22,0

По поводу неумеренного употребления алкоголя в большей степени обеспокоены женщины, взрослые, жители поселков городского типа, имеющие среднее общее и начальное профессиональное образование, состоящие в браке, разведенные и потерявшие супруга, имеющие двух и более детей, «нищие», «необеспеченные» и «богатые».

Вариант «семейной жизни предпочитают карьеру» мужчины выбрали несколько больше, чем женщины; а также в большей степени – молодежь, лица с незаконченным высшим образованием, не состоящие в браке, бездетные, жители малых городов и «богатые».

В Астраханской области материальный фактор как препятствие к созданию и причина разрушения семьи в равной степени беспокоит и мужчин, и женщин, в большей степени – жителей малых городов, взрослых, лиц с незаконченным средним образованием, состоящих в браке, потерявших супруга, имеющих троих и более детей, «нищих», «бедных» и «обеспеченных».

Плохие жилищные условия как фактор препятствия созданию и причина разрушения семьи отмечает каждый пятый-шестой (17 %) опрошенный. Гендерных различий по этому варианту нет, но есть территориально-поселенческие – более остро эта проблема стоит в малых городах, у лиц с начальным профессиональным и высшим образованием, взрослых, состоящих в незарегистрированном браке, имеющих двух детей, у «нищих».

Таким образом, в Астраханской области, как и по всей России, также и в Беларуси приоритетное место семьи в системе ценностных ориентаций населения не подкрепляется состоянием конкретных семейно-брачных практик. Эта тенденция выражается в количестве не состоящих в браке, незарегистрированных сожительств, сокращении числа детей в семье, росте разводов. Среди причин разводов – сложный конгломерат социальных, социально-психологических, социально-экономических факторов, обусловленных половозрастными и территориально-поселенческими характеристиками, а также уровнем образования, материальным и семейным положением, количеством детей.

Список использованных источников

1. *Арясова, А. Ю.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения Астраханской области / А. Ю. Арясова // Primo Aspectu. – 2015. – Т. 22, № 8 (171). – С. 35–38.

2. *Винокурова, А. В.* Семейные ценности студенческой молодежи / А. В. Винокурова, Е. С. Шпак // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 10 (2). – С. 307–309.

3. *Горшков, М. К.* Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 3–4.

4. *Каминский, В. С.* Семейные ценности молодежи Вологодской области (по материалам социологических опросов) / В. С. Каминский // Вестн. Междунар. акад. наук (Рус. секция). – 2014. – № 1 (Спец. вып.). – С. 72–75.

5. *Каргаполова, Е. В.* Ценностные предпочтения населения Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования) / Е. В. Каргаполова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2012. – Вып. 3. – С. 10–12.

6. *Каргаполова, Е. В.* Семья в системе ценностных ориентаций студентов / Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Система ценностей современного общества : сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 25 дек. 2009 г. : в 2 ч. – Новосибирск, 2010. – Ч. 2. – С. 195–198.

7. *Лиходей, О. А.* Жизненные ценности «поколения непохожих» / О. А. Лиходей // Науч. тр. кафедры культурологии и глобалистики (к 20-летию кафедры). – СПб. : Балт. гос. техн. ун-т, 2009. – С. 102–111.

8. *Нечушкин, А. Ю.* Групповой эгоизм в российском обществе: социологический анализ : автореф. дис. … д-ра социол. наук : 22.00.04 / А. Ю. Нечушкин. – Ростов н/Д, 2007. – 46 с.

9. *Перекрест, С. С.* Семейно-демографический фактор социального развития региона : на примере Смоленской области : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / С. С. Перекрест. – М., 2011. – 24 с.

10. *Пищик, В. И.* Психология трансформации ментальности поколений : автореф. дис. … д-ра психол. наук : 19.00.01 / В. И. Пищик. – Ростов н/Д, 2010. – 45 с.

11. Потенциал и особенности адаптации учащейся молодежи Астраханской области: опыт социологического, психологического и политического анализа / А. Ю. Арясова [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Арясова. – Астрахань : АИСИ, 2011. – 160 с.

12. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН ; сост., общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2013. – 416 с.

13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. – М., 2009.

14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. – М., 2015.

15. *Сосновская, Н. А.* Основные тенденции изучения института семьи в современной отечественной социологии / Н. А. Сосновская // Социально-гуманитар. вестн. Прикаспия. – 2015. – № 2 (3). – С. 16–23.

16. *Явон, С. В.* Молодежь в системе социальных отношений и городской среды / С. В. Явон // Система ценностей современного общества : сб. материалов XXII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. – С. 271–279.

E. V. KARGAPOLOVA, I. V. LASHUK

FAMILY AS A VALUE IN MODERN SOCIETY (ON THE BASES OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE ASTRAKHAN REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS)

Summary

Based on the results of concrete sociological research in the Astrakhan region of the Russian Federation and the Republic of Belarus the article presents the analysis of the position of the family in the structure of value orientations of the population. The priority role of the family as a value in the consciousness of the population in the conditions of transformation of the forms of its specific objectification, namely family and marriage practices are shown. This trend is reflected in a number of unmarried, unregistered cohabitation, the decline in the number of children in the family, increase divorce rate.

Keywords: family, family relations, marriage, divorce.

Поступила 04.11.2016 г.

УДК 316.356.2

Н. А. СОСНОВСКАЯ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВОСПРИЯТИЕ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается семейное благополучие как интегральная характеристика, фиксирующая состояние устойчивости семьи. На основе эмпирических данных осуществлен анализ материальных и социально-психологических составляющих благополучия. Выделены основные направления субъективного восприятия семейного благополучия.

Ключевые слова: благополучие, семейное благополучие, факторы семейного благополучия, семья.

Понятие «благополучие» относится к интегральным характеристикам, описывающим состояние социального субъекта (человека, группы, общества). Оно позволяет учитывать не только отдельно взятые черты и особенности, но и широкий комплекс составляющих, формирующих субъективное восприятие своей семьи и семейной жизни. Здесь находят отражение как характеристики условий жизнедеятельности, так и уровень удовлетворенности потребностей индивида. В западной социально-гуманитарной науке понятие «благополучие» определяется в самом широком смысле – как многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. Социальное благополучие рассматривается как производное от индивидуально-личностной составляющей и внешних, по отношению к личности, социальных институтов. Обращение к интегральным категориям соединяет макро- и микроуровень анализа, позволяет рассматривать субъекта как непосредственного участника и творца происходящих процессов [1].

Наиболее общий аспект понимания «благополучия» подразумевает оценку качества жизни человека в соответствии с социальными и личными критериями. Такое понимание предполагает существование определенной социальной нормы, служащей стандартом для формирования потребностей в определенный исторический период, и приближение к которой способствует субъективному переживанию благополучия.

Употребляемое в социально-политическом контексте «благополучие» используется в качестве критерия успешности социальной политики. В данном контексте «благополучие» комплексно отражает уровень благосостояния, качество жизни, восприятие социальной безопасности от различных угроз.

Сущность семейного благополучия, как отмечают российские социологи М. Э. Елютина и С. В. Климова, конструируется представлениями людей и различается в зависимости от социально-исторических условий [2, с. 20]. Для комплексного анализа семейного благополучия в российском обществе авторы предлагают опираться на контексты, связанные с изучением благополучия в фамилистике. Но особенностью российских исследований является понимание благополучия через изучение различных проявлений неблагополучия. Это экономические аспекты жизни семьи: материальный достаток, уровень семейного потребления, практики адаптации к экономическим проблемам, домашний труд и т. п.; проблематизация отношения к вещам, в структуре повседневного взаимодействия; поведение членов семьи, свободное от асоциальных проявлений – насилия, злоупотребления алкоголем и наркотиками; структурная полнота семьи; демографическое благополучие; гендерная симметрия семейных ролей [2, с. 20–22].

Теоретический анализ семейного благополучия предпринял А. А. Тараданов [3]. Для описания данного феномена автор предлагает использовать такие понятия, как «благополучная семья», «благополучие семьи» и «благополучие в семье». Введение целого ряда семантически сходных понятий позволило автору разделить уровни анализа. Например, понятие «благополучная семья» применимо на *институциональном* уровне анализа и представляет собой идеальную модель с точки зрения институционального субъекта. Она включает характеристики, рассматриваемые как критерии успешности социальной политики, включая оптимальный уровень рождаемости и социализации. «Благополучие семьи» предполагает обращение к *групповому* уровню и фиксирует наличие обоих супругов и детей. Здесь находит отражение степень удовлетворения потребностей семьи как социальной единицы, вариативно различающаяся с позиций разных типов семей. «Благополучие в семье» определяется как *индивидуальное* восприятие членами семьи удовлетворенностью семейной жизнью. Восприятие «благополучия в семье» очень индивидуально и производно от осознания того, в какой степени семья удовлетворяет потребности индивида. Введение такого категориального аппарата согласуется с базовым положением о необходимости анализа семьи как социального института, малой группы и как сферы личной жизнедеятельности. Разделение уровней анализа также позволяет дать комплексную оценку благополучной семьи и упорядочить типы семей по шкале «благополучие» – «неблагополучие».

Важное значение имеет решение проблемы показателей семейного благополучия. А. А. Тараданов выделяет материально-бытовые, социально-психологические и духовно-эмоциональные параметры жизни семьи, оказывающие влияние на ее жизнедеятельность и определяющие субъективные оценки уровня благополучия [3, с. 24]. Принимая во внимание различные уровни и параметры, раскрывающие понятие «семейного благополучия», исследователь считает оптимальными следующие группы показателей: социально-институциональные (полнота семьи, ее стабильность и устойчивость),

материально-бытовые (уровень жизни, жилищные условия, собственность и т. п.), социального самочувствия (здоровье, оптимизм); социально-групповые (удовлетворенность в семейной жизни, межличностные отношения, мотивация). Проведенное исследование позволило А. А. Тараданову констатировать, что важнейший вклад в семейное благополучие вносит совокупность положительных отношений между членами семьи как малой социальной группы [3, с. 31].

Таким образом, при исследовании семейного благополучия необходимо учитывать социальную предопределенность понятия «благополучие» и его зависимость от доминирующего ценностно-нормативного стандарта. Также данное понятие характеризуется высокой субъективной содержательной нагруженностью, предполагающей разнообразие и вариативность факторов, определяющих индивидуальный смысл рассматриваемого понятия. Социологическая модель семейного благополучия в условиях актуальной социокультурной ситуации может использоваться в разработке конкретных эмпирических показателей семейного благополучия, широко востребованных практикой социальной политики. Приведенные соображения позволяют констатировать, что семейное благополучие, как интегральная характеристика, связанная с социальным управлением, нуждается в активном социологическом изучении в условиях современного белорусского общества.

В исследовании, проведенном Институтом социологии НАН Беларуси в 2016 г.[1], ставилась задача зафиксировать восприятие семейного благополучия как общей характеристики стабильности брака, а также выделить базовые объективные и субъективные составляющие, оказывающие влияние на формирование ощущения благополучия. Респонденты, участвовавшие в исследовании, высоко оценили степень благополучия своих семей. В общей сумме ответы респондентов, считающих свои семьи «благополучными» и «скорее благополучными», составляют 89,2 % (рис. 1). Ответы по альтернативам «скорее неблагополучная» и «неблагополучная» в совокупности не достигли уровня статистической значимости.

Мужчины и женщины сходным образом оценивают уровень семейного благополучия. Молодежь более оптимистична в своих оценках (52 %), с возрастом ощущение семейного благополучия снижается (41–60 лет – 39,5 %; старше 61 года – 39,1 %). Частично ответы смещаются в сторону альтернативы «скорее благополучная», а частично связаны с затруднениями при определении степени благополучия семьи.

Наиболее высокий уровень восприятия семейного благополучия зарегистрирован в семьях предпринимателей (56,3 %), руководителей и домохозяек (по 51,4 %). Самые неблагополучные семьи среди безработных: только 29,9 % «благополучных» и 19,5 % «скорее неблагополучных» семей (что в 6,5 раза

[1] Исследование «Социокультурные механизмы и факторы консолидации белорусского общества» проведено на республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания (n = 1500).

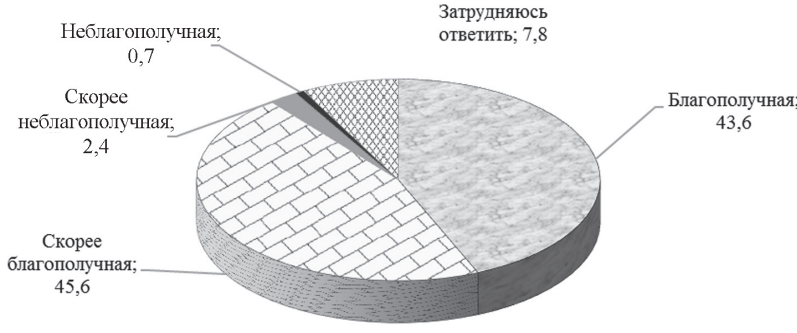


Рис. 1. Оценка степени благополучия семьи, %

превосходит показатель «скорее неблагополучных» в среднем по выборке). Прямым следствием наличия у респондентов работы является соответствующий уровень их материального положения. Связь материального положения семьи с восприятием семейного благополучия прослеживается в тенденциях возрастания «благополучия» и снижения ощущения «неблагополучия» в связи с ростом достатка (рис. 2).

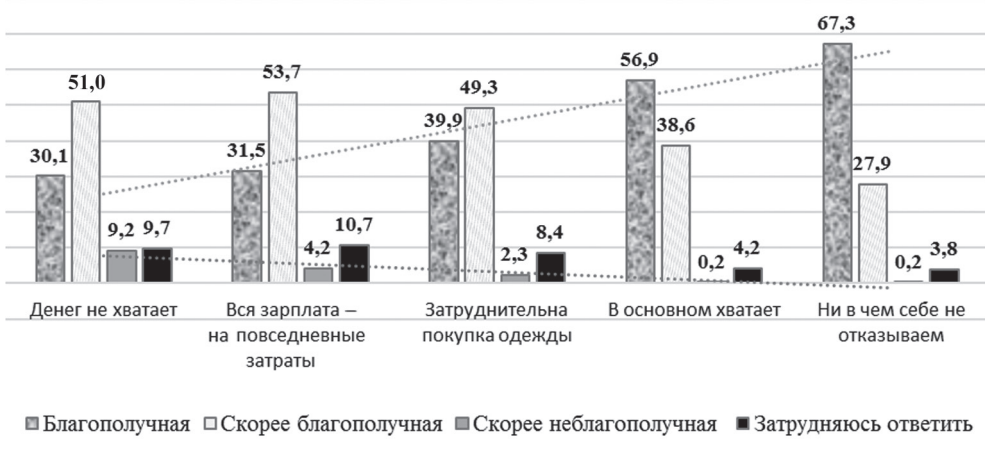


Рис. 2. Восприятие благополучия семьи в зависимости от уровня материального положения, %

Проживание респондентов в населенных пунктах городского или сельского типа не оказывает влияния на осознание семейного благополучия.

Получены статистически значимые различия в ощущении благополучия среди респондентов, проживающих в различных областях страны. Самый высокий уровень благополучия зафиксирован среди жителей Гродненской области (57,3 %), а минимальный (22,4 %), с наибольшим числом затруднившихся ответить (13,3 %), – в Витебской области. Респонденты Могилевской области,

при срединной оценке семейного благополучия, показали самые высокие показатели «неблагополучия» – 5,5 %. Связь семейного благополучия с материальным положением позволяет предположить, что показатели семейного благополучия в региональном разрезе отражают межрегиональную разницу в материальном положении респондентов. Проведенный статистический анализ не подтвердил данную гипотезу. Можно сделать вывод, что хотя материальный достаток и является важной составляющей, однако при характеристике семейного благополучия речь идет о комплексе факторов, среди которых роль ведущего не является очевидной.

Как показал теоретический обзор, одним из важнейших показателей семейного благополучия выступает структурная полнота семьи, то есть наличие в семье обоих супругов и детей. В условиях распространения в белорусском обществе малодетной семьи и лежащих в основе относительно низкой рождаемости глубинных ценностных установок, интерес представляет восприятие респондентами связи семейного благополучия с наличием в семье детей. Данные проведенного социологического исследования позволили зафиксировать сходство оценок семейного благополучия среди респондентов, имеющих и не имеющих детей. Учитывая, что среди общего массива респондентов значительное число составляет молодежь, для которой ценность детей в большей степени связана с представлением о будущем, были отдельно проанализированы ответы респондентов среднего возраста от 30 до 50 лет. Данные показали, что респонденты этого возраста, имеющие детей, чаще связывают семейное благополучие с наличием детей в семье, чем те, у кого детей нет (46,8 % и 36,4 %). Также среди респондентов, имеющих детей, увеличение числа детей сопровождается ростом субъективного восприятия семейного благополучия.

В проведенном исследовании была обнаружена связь оценки семейного благополучия с образованием. Респонденты с высшим образованием уровень семейного благополучия считают более высоким (49,5 %), чем респонденты с начальным (40,5 %) или средним (43,7 %) образованием. Это дополнительно подтверждает роль субъективных факторов на восприятие семейного благополучия.

Для выделения наиболее важных факторов, связанных с восприятием респондентами семейного благополучия, был проведен регрессионный анализ. Рассматривалась взаимосвязь степени семейного благополучия с удовлетворенностью материальным положением, работой, взаимоотношениями в семье, жилищными условиями. Проведенный анализ показал, что восприятие семейного благополучия определяется в первую очередь взаимоотношениями в семье, а затем материальным положением.

Для более подробного анализа влияния взаимоотношений в семье на восприятие семейного благополучия респондентам был предложен вопрос о препятствиях к достижению хороших взаимоотношений супругов. Самыми важными среди препятствий респонденты считают: злоупотребление алкоголем и наркотиками, насилие в семье, измену, безответственность супругов по

отношению друг к другу (таблица). Женщины в большей мере подчеркивают негативное влияние данных факторов. В отношении других предложенных для оценки альтернатив мнения мужчин и женщин достаточно согласованы. Таким образом, респондентами в первую очередь подчеркивается разрушающее воздействие поведения, вступающего в противоречие с социальными нормами.

Восприятие препятствий к достижению хороших взаимоотношений в семье в зависимости от возраста, %

Препятствия	Возраст				Всего	Разница между возрастными группами
	до 25 лет включительно	26–40 лет	41–60 лет	61 год и старше		
Насилие в семье	63,7	61,8	50,0	47,1	55,4	**16,6**
Злоупотребление алкоголем, наркотиками	63,2	63,8	65,8	64,3	64,5	–1,1
Измена одного из супругов	60,9	52,0	42,5	37,4	47,6	**23,5**
Отсутствие любви	51,5	42,8	38,6	38,3	42	13,2
Безответственность супругов по отношению к детям и друг к другу	48,3	48,9	48,7	39,4	47,1	8,9
Неумение идти на компромиссы, уступать друг другу	44,5	46,3	38,1	34,1	41	10,4
Неуважение супругов друг к другу	42,1	44,9	43,3	45,4	44	–3,3
Недостаточно средств, чтобы нормально обеспечить семью	35,2	39,5	38,3	34,2	37,4	1
Вмешательство родственников в дела семьи	30,8	40,2	34,2	22,4	33,4	8,4
Плохие жилищные условия	25,8	26,3	27,5	26,9	26,7	–1,1
Завышенные требования к партнеру	24,0	24,3	19,8	12,9	20,7	11,1
Несовпадение важных жизненных ценностей, представлений о семейной жизни	18,3	19,6	20,5	13,0	18,5	5,3
Отсутствие детей	17,2	17,9	18,6	22,3	18,8	–5,1
Отсутствие подходящей работы	12,4	13,3	14,1	16,0	13,9	-3,6
Тяжелая болезнь одного из членов семьи	11,5	5,2	7,0	9,5	7,6	2
Отсутствие умения и желания вести хозяйство	11,1	11,6	14,2	19,2	13,7	**–8,1**
Работа, карьера предпочитаются семейной жизни	9,0	10,8	7,9	4,6	8,4	4,4

Анализ негативных факторов, оказывающих разрушительное воздействие на хорошие взаимоотношения в семье, в зависимости от возраста респондентов показал, что молодежь с одинаковой частотой выделяет проблемы насилия (63,7 %) и различных злоупотреблений (63,2 %). Молодые люди более склонны к разрыву отношений и в случае измены одного из супругов (60,9 %). Если алкоголизм всеми возрастными группами рассматривается как препятствие к существованию позитивных семейных отношений, то в случае насилия более нетерпимо настроена молодежь. Осознание негативного воздействия насилия связано с повышением социальной чувствительности к данной проблематике в обществе в целом и классификацией как насилие поведенческих проявлений, которые ранее воспринимались в рамках социальной нормативности. Респонденты старшего возраста показывают более высокую степень терпимости к проявлениям девиаций, а также в случае нарушений ценностно-духовного единства семьи. Также старшее поколение придает большее значение бытовому укладу семьи и наличию в семье детей. Причины нарушения взаимоотношений, связанные с материальной обеспеченностью семьи и отсутствием надлежащих жилищных условий, с одинаковой частотой представлены во мнениях всех возрастных групп и находятся на средних позициях рейтинга.

Повышение уровня образования респондентов сопровождается более частым выбором практически всех представленных в списке высказываний. Только отсутствие детей респонденты без образования, в отличие от респондентов с высшим образованием, считают более значимой причиной, нарушающей хорошие взаимоотношения в семье (22,4 % без образования и 13,7 % с высшим образованием).

Мнения о факторах, разрушающих семейные отношения, различаются в связи с социальным положением респондентов. Так, предприниматели более чувствительны к проявлениям безответственности супругов по отношению друг к другу (63,7 %). Для руководителей очевидно негативное влияние отсутствия взаимоуважения между супругами (51,3 %). Домохозяйки критично воспринимают вмешательства родственников в дела семьи (42,9 %), злоупотребление алкоголем (66,9 %), насилие (71,2 %). Безработные выделяют недостаток средств для содержания семьи (44,6 %). Рабочие чаще остальных групп отмечают разрушающее воздействие на брак завышенных требований к партнеру (27,2 %). Специалисты и военнослужащие обращают внимание на значение общих ценностей и представлений (21 %).

Проживание в городе или сельском населенном пункте вносит свою специфику в восприятие препятствий, нарушающих отношения в семье. И в городе, и на селе злоупотребления и насилие рассматриваются в качестве самых важных причин неблагополучия. Горожане на третью позицию выдвигают безответственность супругов друг к другу и к детям (48,2 %), тогда как жители села острее воспринимают супружескую измену (49,1 %). Среди респондентов сельских населенных пунктов шире распространено убеждение, что семейное

благополучие связано с наличием в семье детей. Так считает каждый четвертый сельский житель и каждый шестой среди горожан. Профессиональная деятельность в редких случаях (8,5 % в городе и 8,1 % в селе) воспринимается как фактор, разрушающий семейные взаимоотношения.

Множество выбираемых респондентами причин, которые могут нарушать семейные отношения, предполагает существование латентных связей между ними, обусловливающих своеобразие индивидуального выбора. Для выявления структуры связи был проведен факторный анализ, позволивший выделить 6 векторов (КМО 0,75; 53 % объясняющей дисперсии), отражающих установки на оценивание семейных отношений. Вес факторов относительно равнозначен, что служит отражением широкой вариативности восприятия возможных препятствий.

На долю первого фактора приходится 14,4 % общей дисперсии. Сюда вошли представления о разрушающем воздействии насилия, злоупотреблений и безответственности супругов по отношению к детям и друг к другу. Данный фактор несколько выделяется на общем фоне, что свидетельствует о широком распространении этой группы причин и их доминировании при определении семейного неблагополучия. Второй фактор (8,6 % общей дисперсии) акцентирует материально-бытовые параметры неблагополучия. Здесь представлены такие причины, как «недостаточно средств, чтобы нормально обеспечить семью», «плохие жилищные условия», «отсутствие подходящей работы». В третьем факторе (8,4 %) отражено значение ценностно-духовного единства семьи: «несовпадение важных жизненных ценностей, представлений о семейной жизни», «неумение идти на компромиссы, уступать друг другу». В четвертом (8 %) выделяются важнейшие аспекты, служащие основанием семейных отношений – наличие детей и любви. Пятый фактор (7 %) отражает позицию, что угрозу семейным отношениям несут завышенные требования к партнеру и вмешательство родственников в дела семьи. В шестом (6,5 %) акцентируются противоречивые отношения между важнейшими сферами жизни – семьей и работой: профессиональная занятость может угрожать благополучию семейных отношений, если нарушен необходимый баланс между семьей и карьерой.

Таким образом, представленные данные иллюстрируют разнообразие в восприятии различных составляющих семейного благополучия, субъективную нагруженность данного понятия. Выявлено, что восприятие семейного благополучия в белорусском обществе определяется, в первую очередь, взаимоотношениями в семье, а затем материальным положением. Существенную угрозу семейному благополучию представляют широко отмечаемые проявления деструктивного поведения – алкоголизм и насилие. На основании полученных результатов можно говорить о существовании шести основных групп причин, служащих помехами к достижению семейного благополучия. Это наиболее критичные для семейного благополучия девиации, проявляющиеся в алкоголизме партнера и насилии в семье; неудовлетворительные мате-

риально-бытовые условия; расхождения в ценностных приоритетах партнеров и отсутствие стремления к их согласованию; разрушение эмоциональной связи партнеров и отсутствие детей; особенности характеров партнеров, проявляющиеся в завышенных ожиданиях; нарушение субъективно определяемого баланса между работой и семьей.

Список использованных источников

1. *Иванкина, Л. И.* Благополучие и проблема устойчивого развития общества [Электронный ресурс] / Л. И. Иванкина // Вестн. науки Сибири. – 2015. – № 2 (17). – Режим доступа: http://sjs.tpu.ru. – Дата доступа: 19.09.2016.

2. *Елютина, М. Э.* Благополучие семьи: парадигма институционального подхода / М. Э. Елютина, С. В. Климова // Изв. Саратовского ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 19–27.

3. *Тараданов, А. А.* Социальные параметры семейного благополучия / А. А. Тараданов // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2004. – Т. 8, № 1. – С. 57–62.

N. A. SOSNOVSKAYA

PERCEPTION OF FAMILY WELL-BEING IN MODERN BELARUSIAN SOCIETY

Summary

The article deals with family well-being as an integral characteristic, the fixing state of family stability. On the basis of empirical data analysis was done of material, social and psychological components of well-being. Identified the main direction of the subjective perception of family well-being.

Keywords: welfare, family welfare, family well-being factors, family.

Поступила 31.10.2016 г.

НАУЧНЫЕ КАДРЫ БЕЛАРУСИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА

УДК 316.42/316.33:001

И. Н. ШАРЫЙ,
кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ НАУЧНЫХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Представлен анализ динамики численности научных работников и их воспроизводственной структуры в Республике Беларусь. Выявлены особенности влияния качественных изменений возрастной структуры научных работников на изменение их численности. Обосновывается необходимость учета динамики структурных изменений кадрового состава науки при разработке мер по стабилизации численности научных работников.

Ключевые слова: воспроизводство научных кадров, воспроизводственная структура кадров, динамика численности научных работников, доктора наук, кандидаты наук, научные работники без ученой степени, тенденции изменения, возрастные категории научных работников.

Одним из определяющих факторов формирования инновационной экономики является развитие кадрового потенциала науки, которое основано на устойчивости и эффективности процессов его воспроизводства. Воспроизводство кадрового потенциала науки – социальный процесс сохранения и развития профессиональной группы научных работников, обеспечивающий непрерывное возобновление определенной их численности, структуры и качественных характеристик.

С 1995 по 2015 г. численность работников, выполнявших исследования и разработки в Республике Беларусь, сократилась на 33,5 %. На различных временных этапах тенденции изменения численности работников имели свои особенности. Как следует из данных, представленных в табл. 1, с 1995 по 2000 г. численность работников, выполнявших исследования и разработки, сократилась на 16,2 %. В период с 2000 по 2005 г. численность работников уменьшилась на 8,2 %, а с 2005 по 2010 г. – выросла на 4,9 %. В последующем произошли существенные изменения. С 2010 по 2015 г. списочная численность работников, выполняющих исследования и разработки, сократилась на 17,6 %, при этом численность докторов наук уменьшилась на 13,4 %, кандидатов наук – на 11,6 %. Таким образом, темпы сокращения численности работников, выполнявших исследования и разработки, в период с 2010 по 2015 г. превысили темпы их сокращения, которые имели место в период с 1995 по 2000 г. В рамках рассматриваемого временного периода был этап, когда общая численность работников стабилизировалась – с 2005 по 2010 г. Последующее

сокращение численности работников показало, что эта тенденция не получила развития.

Из представленных в табл. 1 данных следует, что в период с 1995 по 2000 г. численность докторов наук росла, тогда как в последующем их численность сокращалась, при этом после 2010 г. темпы их сокращения существенно выросли. Наметившаяся с 2005 по 2010 г. стабилизация численности кандидатов наук также оказалась неустойчивой, темпы сокращения кандидатов наук после 2010 г. существенно выросли.

Таблица 1. **Изменение численности работников, выполнявших научные исследования и разработки в Республике Беларусь, с 1995 по 2015 г.**

Работники, выполняющие исследования и разработки	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	Темпы прироста (сокращения) численности работников, %			
						с 1995 по 2000 г.	с 2000 по 2005 г.	с 2005 по 2010 г.	с 2010 по 2015 г.
Списочная численность работников, человек, из них:	39 300	32 926	30 222	31 712	26 153	–16,2	–8,2	+4,9	–17,6
докторов наук	712	819	780	748	648	+15,0	–4,8	–4,1	–13,4
кандидатов наук	4405	3856	3255	3193	2822	–12,5	–15,6	–1,9	–11,6
без ученой степени	34 183	28 251	26 187	27 771	22 683	–17,4	–7,3	+6,0	–18,3

На рис. 1 представлена динамика численности исследователей с 1995 по 2015 г. За рассматриваемый период времени численность исследователей сократилась на 28,7 %. При этом, как следует из представленных на рис. 1 данных, темпы сокращения с 1995 по 2005 г. снижались. Если с 1995 по 2000 г.

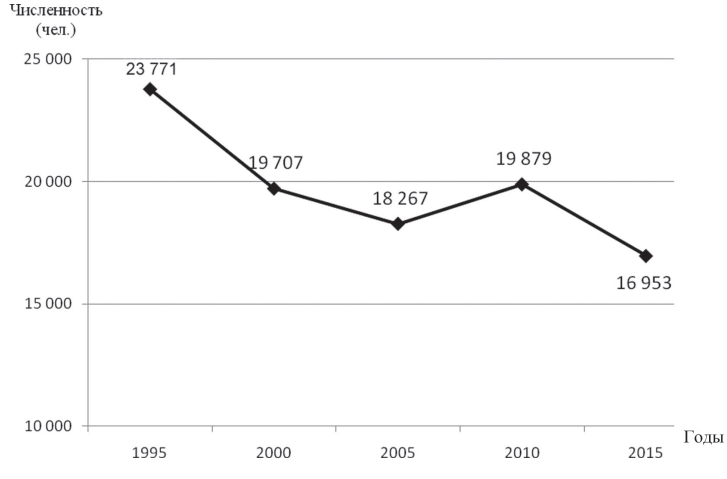


Рис. 1. Динамика численности исследователей с 1995 по 2015 г. в Республике Беларусь

численность исследователей сократилась на 17,1 %, то с 2000 по 2005 г. – на 7,3 %. С 2005 по 2010 г. численность исследователей выросла на 8,8 %, что позволило восстановить численность исследователей на уровне 2000 г. Фактически за десять лет, с 2000 по 2010 г. удалось впервые стабилизировать численность исследователей. В последующие пять лет численность исследователей сокращалась, при этом темпы сокращения оказались сопоставимыми с периодом сокращения с 1995 по 2000 г. (14,7 % и 17,1 % соответственно).

В целом можно отметить, что в последнее десятилетие, по сравнению с предыдущим, темпы сокращения численности исследователей уменьшились. Если с 1995 по 2005 г. темпы сокращения численности исследователей снизились на 23,1 %, то с 2005 по 2015 г. – на 7,2 %.

Одной из важных характеристик качественного состава научных кадров является доля научных работников высшей квалификации в общей численности исследователей. В 1993 г. в общей численности исследователей доля докторов и кандидатов наук составляла 15,9 %, в 2015 г. – 20,5 %. Таким образом, квалификационная структура научных кадров существенно изменилась. Исходя из рассматриваемого формального критерия, качественный состав научных кадров улучшился. Однако необходимо учитывать, что численность научных работников за рассматриваемый временной период существенно сократилась, кроме этого произошла глубокая деформация воспроизводственной структуры исследователей.

Изменение воспроизводственной структуры исследователей с 2000 по 2015 г. представлено на рис. 2.

Как следует из приведенных данных, доля молодежи в общей численности исследователей за рассматриваемый временной период выросла на 6,8 п. п. Существенно возросла доля научных работников в возрасте 30–39 лет – на 4,3 п. п. Высокой была динамика роста доли исследователей в возрастной категории 60 лет и старше (рост на 8 п. п.).

В двух возрастных категориях произошло сокращение доли исследователей. За период с 2000 по 2015 г. доля исследователей в возрастной категории от 40 до 49 лет сократилась на 17 п. п. В возрастной категории от 50 до 59 лет доля научных работников уменьшилась на 2,1 п. п. В 2015 г. сохранился образовавшийся в предшествующие годы «провал» в возрастной структуре исследователей – доля научных работников в возрастной категории от 40 до 49 лет меньше доли научных работников предшествующей возрастной категории (30–39 лет) и последующей возрастной категории (50–59 лет). Доля исследователей в возрастной категории 50–59 лет стала меньше, чем в возрастной категории 30–39 лет.

Доля докторов наук в возрасте 60 лет и старше за период с 2000 по 2015 г. выросла на 28,8 п. п., а изменение доли докторов наук в возрасте от 50 до 59 лет характеризовалось другой направленностью – с 2000 по 2015 г. она сократилась на 13,5 п. п. Доля докторов наук в возрасте до 49 лет уменьшилась на 14 п. п.

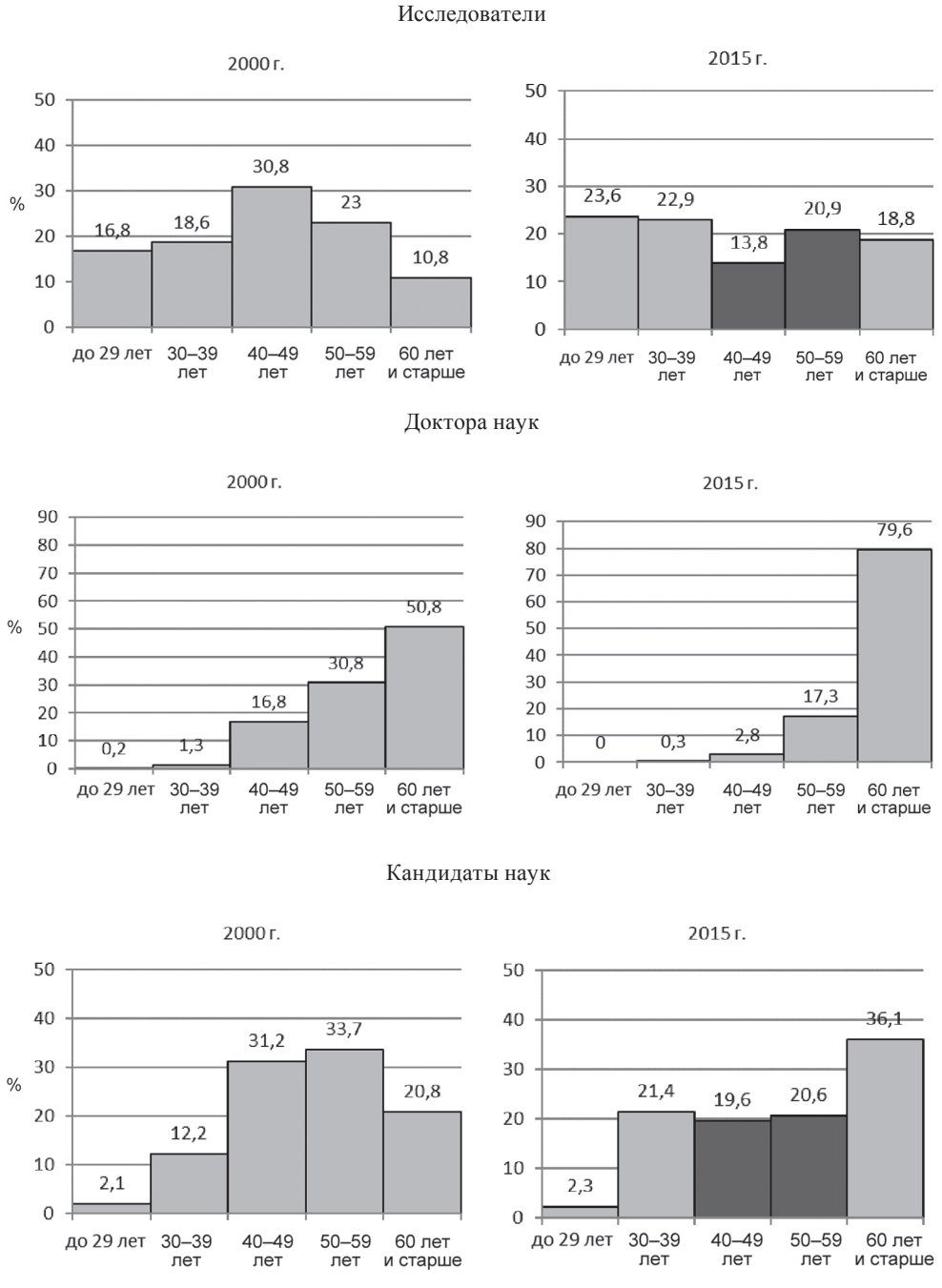


Рис. 2. Динамика воспроизводственной структуры исследователей с 2000 по 2015 г.

Глубокие качественные изменения произошли в возрастной структуре кандидатов наук. Если в 2000 г. наибольшая доля кандидатов наук была в возрастных категориях 50–59 лет и 40–49 лет, то в 2015 г. – 60 лет и старше и 30–39 лет. Как следует из данных, представленных на рис. 2, доля кандидатов наук в возрастной категории 40–49 лет меньше, чем доля кандидатов наук в предшествующей возрастной категории (30–39 лет) и последующей возрастной категории (50–59 лет). Доля кандидатов наук в возрастной категории 50–59 лет также оказалась меньше, чем в возрастной категории 30–39 лет и возрастной категории 60 лет и старше. За рассматриваемый временной период в возрастной структуре докторов и кандидатов наук произошло интенсивное сокращение доли исследователей в возрасте от 40 до 59 лет, что существенно снижает возможности для устойчивого роста численности научных работников высшей квалификации. Среди позитивных тенденций следует отметить рост доли кандидатов наук в возрастной категории от 30 до 39 лет (на 9,2 п. п.). В то же время еще более высокой динамикой отличался рост доли кандидатов наук в возрасте 60 лет и старше (рост на 15,3 п. п.).

В возрастной структуре исследователей деформация проявилась наиболее явно (рис. 2). Так, доля исследователей в возрастной категории 40–49 лет в 2015 г. составляла всего 13,8 %, тогда как в 2000 г. эта возрастная категория в общей численности исследователей была доминирующей. Снижение доли научных работников в возрастной категории 50–59 лет было пока относительно невелико – 2,1 п. п., однако уже в ближайшие годы доля этой возрастной категории исследователей существенно уменьшится, что повлияет на динамику изменения кадрового состава науки.

При анализе динамики численности научных работников в целом необходимо учитывать характеристики изменения численности исследователей без ученой степени. Последние составляют подавляющее большинство исследователей (79,5 % их общей численности в 2015 г.), соответственно, изменения в этой категории оказывают наиболее существенное влияние на изменение общей численности исследователей. При анализе динамики численности научных работников без ученой степени целесообразно учитывать изменение их возрастных характеристик. Поскольку официальные данные о возрастной структуре исследователей появились в 1993 г., анализ динамики численности научных работников без ученой степени проведен начиная с этого года. При анализе также использовались данные за те годы, когда имелись данные о возрастных характеристиках исследователей, поскольку эти сведения до 2011 г. приводились эпизодически. Анализ проведен на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

С учетом данных официальной статистики можно выделить следующие этапы изменения численности исследователей без ученой степени: 1993–2000 гг.; 2000–2011 гг. и 2011–2015 гг. На первом из выделенных этапов большое влияние на изменение численности исследователей без ученой степени оказали процессы, связанные с распадом СССР, что, прежде всего, определяло динамику их сокращения.

В 1993–2000 гг. численность научных работников без ученой степени сократилась на 48,3 %. Анализ динамики численности исследователей без ученой степени по возрастным категориям показал, что имелась явно выраженная дифференциация динамики их численности в зависимости от возраста. Так, с 1993 по 1996 г. численность научных работников в возрастной категории до 29 лет сократилась на 40,9 %, а с 1996 по 2000 г. – всего на 6 %. В возрастной категории 30–39 лет с 1993 по 2000 г. численность исследователей без ученой степени сократилась в 3,2 раза, при этом с 1993 по 1996 г. она уменьшилась на 36,4 %, а с 1996 по 2000 г. – в 2 раза, то есть темпы сокращения резко возросли. В возрастной категории 40–49 лет с 1993 по 2000 г. численность научных работников без ученой степени сократилась на 45,2 %, при этом в 1993–1996 гг. – на 15 %, а в 1996–2000 гг. – на 35 %.

В возрастной категории 50–59 лет с 1993 по 1996 г. сокращение исследователей без ученой степени составило 22,4 %, а с 1996 по 2000 г. – 6 %, то есть темпы сокращения резко снизились. В возрастной категории 60 лет и старше численность научных работников без ученой степени с 1993 по 2000 г. выросла в 2,2 раза. В целом в возрастной категории 50 лет и старше с 1993 по 2000 г. численность исследователей сократилась на 13,4 %, при этом с 1996 по 2000 г. произошла стабилизация их численности (рост на 1 %).

С 2000 по 2011 г. в целом численность исследователей без ученой степени выросла на 4,9 %, при этом в возрастной категории до 29 лет прирост составил 47,7 %. В возрастной категории 30–39 лет за этот период она почти не изменилась (3188 и 3184 человек соответственно). Таким образом, в отличие от предшествующего временного этапа, когда имело место более чем трехкратное сокращение численности исследователей без ученой степени в возрастной категории 30–39 лет, с 2000 по 2011 г. ситуация стабилизировалась.

В возрастной категории исследователей без ученой степени от 40 до 49 лет с 2000 по 2011 г. сокращение численности составило 49 %, то есть сокращение численности этой возрастной категории научных работников было почти таким же, как на предшествующем временном этапе с 1993 по 2000 г. (–45,2 %). В 2011 г. численность исследователей без ученой степени в возрасте 40–49 лет была в 3,6 раза меньше, чем в 1993 г.

В возрастной категории 50–59 лет с 2000 по 2011 г. численность научных работников без ученой степени выросла на 26 %, а в возрастной категории 60–69 лет – на 62,3 %. Численность исследователей без ученой степени в возрасте 70 лет и старше возросла почти в 6 раз (с 37 до 221 человек). В целом на рассматриваемом временном этапе численность научных работников без ученой степени в возрасте 50 лет и старше выросла на 38,8 %.

С 1993 по 2011 г. численность исследователей без ученой степени сократилась на 45,8 %, в возрастной категории 50 лет и старше выросла на 20 %, а в возрасте 49 лет и младше сократилась в 2,4 раза. Фактически в 2011 г. численность исследователей без ученой степени в возрасте 50 лет и старше достигла своего наибольшего значения за период с 1993 по 2011 г. Таким образом, анализ показал, что доминантной тенденцией динамики численности

исследователей без ученой степени на рассматриваемых временных этапах было сохранение и рост численности исследователей в старших возрастных категориях.

С 2011 по 2015 г. численность исследователей без ученой степени сократилась с 15 777 до 13 483 человек (на 14,5 %). На этом этапе численность научных работников без ученой степени в возрасте до 29 лет уменьшилась на 17,6 %, а в возрасте от 30 до 39 лет выросла с 3184 до 3272 человек (на 2,8 %), что позволяет говорить о стабилизирующей роли последней возрастной категории на рассматриваемом временном этапе. Численность исследователей без ученой степени в возрастной категории от 40 до 49 лет сократилась на 26,6 %, от 50 до 59 лет – на 24,2 %, но в возрасте до 60 лет и старше выросла на 0,6 %. Таким образом, на рассматриваемом временном этапе темпы сокращения численности исследователей без ученой степени в возрастной категории 50–59 лет впервые оказались сопоставимыми с темпами сокращения численности исследователей в возрасте 40–49 лет. Численность исследователей без ученой степени в возрасте 50 лет и старше сократилась на 16,6 %.

На рис. 3 представлены данные об изменении возрастной структуры исследователей без ученой степени с 1993 по 2015 г. Как видно, доля научных работников без ученой степени в возрасте до 29 лет сократилась в 1996 г. до 16,4 %, однако уже в 2000 г. выросла до 21,5 %. Доля исследователей без ученой степени в возрасте 50 лет и старше с 1993 по 2000 г. существенно выросла (с 15,4 до 25,9 %), а в возрастной категории от 30 до 49 лет с 1993 по 2000 г. сокращалась.

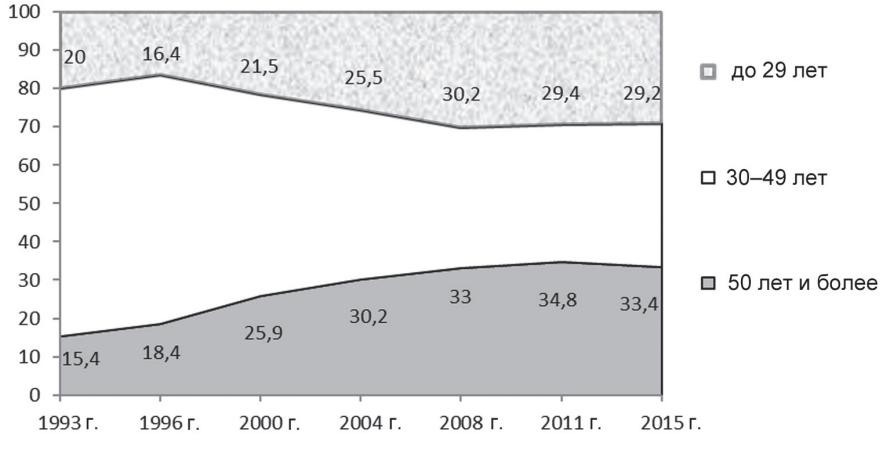


Рис. 3. Динамика изменения возрастной структуры исследователей без ученой степени с 1993 по 2015 г., %

С 2000 по 2011 г. продолжался рост доли научных работников без ученой степени в возрастной категории 50 лет и старше. При этом рост доли исследователей без ученой степени в возрасте старше 50 лет с 1996 г. опережал рост

доли исследователей в возрасте до 29 лет. На этом этапе доля научных работников в возрастной категории 30–49 лет продолжала сокращаться.

С 2011 по 2015 г. началось сокращение доли исследователей без ученой степени в возрасте 50 лет и более. Стабилизировалась доля научных работников в возрасте до 29 лет. На этом этапе отмечается также стабилизация доли исследователей в возрасте от 30 до 49 лет, которая была обеспечена за счет роста численности исследователей в возрастной категории от 30 до 39 лет. Как следует из данных, представленных на рис. 3, в целом за период с 1993 по 2015 г. доля исследователей без ученой степени в возрасте 50 лет и старше выросла в 2,2 раза, а в возрасте до 29 лет – в 1,5 раза.

На рис. 4 представлены данные об изменении возрастной структуры исследователей без ученой степени в возрасте 40 лет и старше за период с 1993 по 2015 г. Как видим, в рамках выделенной возрастной группы на рассматриваемом временном этапе доля научных работников в возрастной категории 40–49 лет снизилась в 2,3 раза. Доля исследователей в возрасте 60 лет и старше увеличилась более чем в 8 раз, а доля исследователей в возрасте 50–59 лет – в 1,4 раза.

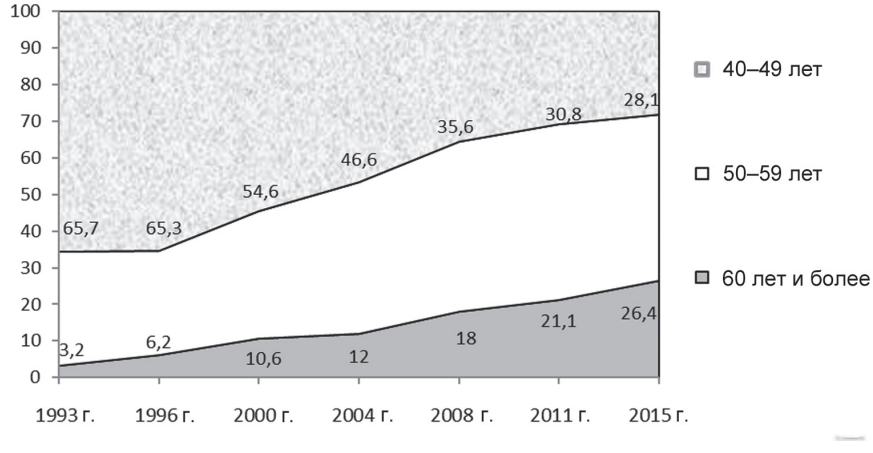


Рис. 4. Динамика изменения возрастной структуры исследователей без ученой степени в возрасте 40 лет и старше с 1993 по 2015 г., %

Многолетнее сокращение доли исследователей без ученой степени в возрастной категории 40–49 лет в ближайшие годы окажет определяющее влияние на сокращение доли исследователей в возрастной категории 50–59 лет, тогда как для увеличения доли исследователей в возрасте старше 60 лет пока еще имеется существенный потенциал. В ближайшей перспективе продолжится сокращение доли научных работников без ученой степени в возрасте 50–59 лет, что необходимо учитывать при разработке долгосрочных мер по устойчивой стабилизации численности исследователей.

В целом можно отметить, что после 2011 г. имеет место качественное изменение в динамике воспроизводственной структуры научных работников. Категория исследователей без ученой степени старше 50 лет на продолжительном временном этапе (1996–2011 гг.) способствовала стабилизации численности исследователей в Республике Беларусь, тогда как в возрастных категориях исследователей от 30 до 49 лет на различных временных этапах имело место сокращение их численности. Однако стабилизирующая роль возрастной категории 50–59 лет будет снижаться в ближайшие годы, поскольку сокращение численности исследователей без ученой степени в этой возрастной категории будет иметь долгосрочный характер. Следует отметить, что с учетом этой новой тенденции, которая уже началась, но более полно проявится в ближайшие годы, обеспечить стабилизацию и рост численности исследователей будет сложнее. Как отмечалось выше, до настоящего времени обеспечить стабилизацию численности научных работников удалось только на относительно небольшом временном этапе, в целом же доминантной тенденцией на протяжении длительного временного этапа является сокращение численности исследователей.

Перспективная кадровая политики в сфере науки должна основываться на эффективной стратегии воспроизводства кадрового потенциала науки, обеспечивающей его долгосрочное устойчивое развитие на основе стабилизации, а в последующем и роста численности исследователей. Долгосрочным приоритетом кадровой политики в сфере науки должна стать разработка и реализация системы мер, направленных на закрепление в научной сфере перспективной молодежи, кандидатов и докторов наук молодого и среднего возраста. В этой связи объективно необходимым является качественное совершенствование мотивационно-стимулирующего механизма кадровой политики в сфере науки.

I. N. SHARY

THE MAIN TENDENCIES IN CHANGING OF NUMBER AND REPRODUCTION STRUCTURE OF THE SCIENTIFIC PERSONNEL IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The analysis of dynamics of the number of scientists and their reproduction structure in the Republic of Belarus is presented. The features of the influence of qualitative changes in the scientists' age structure on change of their number are revealed. The necessity of taking into account the dynamics of structural changes in the scientific personnel when developing measures for stabilization of number of scientists is proved.

Keywords: reproduction of scientific personnel, reproduction structure of personnel, dynamics of the number of scientists, doctors of science, candidates of science, scientists without academic degree, changing tendencies, age categories of scientists.

Поступила 04.11.2016 г.

УДК [316.74:001+316.654:001-057.4-053.81:303.443.2](476)

О. Г. ВОРОШЕНЬ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОК СИТУАЦИИ В НАУКЕ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ

В статье представлен анализ мнений и оценок молодых ученых НАН Беларуси о сложившейся ситуации в отечественной науке, проблемах, сопутствующих их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: молодые ученые, положение в науке, проблемы профессиональной деятельности, престижность профессии научного работника.

Поддержание инновационного вектора развития белорусской экономики и общества невозможно без развития науки и ее кадрового потенциала. Особая значимость в инновационном развитии страны принадлежит такой социальной группе, как молодые ученые и специалисты, которые составляют неотъемлемую часть кадрового потенциала науки.

Для обеспечения устойчивого развития научной сферы необходим непрерывный приток способной молодежи [1, с. 456]. Однако анализ кадровой ситуации в академическом секторе науки показывает, что численность сотрудников в возрасте до 29 лет, занятых научными исследованиями и разработками, в последние годы сокращается. Если в 2012 г. эта возрастная категория была представлена 1273 специалистами, то к 2015 г. численность исследователей составила уже 1084 человека [2, с. 250; 3, с. 271]. Таким образом, привлечение молодежи в науку, создание условий для закрепления талантливой молодежи в науке становится особенно актуальным. В данном контексте особенно важно принимать во внимание мнения и оценки самой молодежи о состоянии научной сферы, проблемах развития науки, проблемах, с которыми сталкиваются исследователи в своей научной деятельности.

Исследования, проведенные сотрудниками Института социологии НАН Беларуси в 2012 и 2016 гг., позволили выявить оценки и мнения по поводу сложившейся ситуации в отечественной науке, престижности профессии научного работника, проблем в профессиональной деятельности, актуальных для молодых ученых НАН Беларуси.

Молодым ученым и специалистам предлагалось дать оценку состояния науки в целом, своей научной организации, себя в науке. Как показало исследование, проведенное в 2012 г., большинство респондентов оценили положение в науке в целом как неустойчивое, перспективы дальнейшего развития ко-

торого неоднозначны (54,5 %) (рис. 1). Пятая часть молодых исследователей (19,2 %) определила ситуацию в науке как кризисную, без каких-либо гарантий и перспектив развития. Доля наиболее позитивно настроенных респондентов, считающих, что положение в науке в целом стабильное с хорошими перспективами развития, составила 16,6 %.

Несколько оптимистичней оценили респонденты собственное положение в науке. Пятая часть опрошенных (19,5 %) описали свое положение в науке как стабильное, с хорошими перспективами. И только десятая часть молодых исследователей (10,6 %) отметили свое положение в науке как кризисное, без дальнейших перспектив развития.

Положение научной организации, в которой работают респонденты, было оценено ими наиболее позитивно. Так, четверть опрошенных исследователей (25,8 %) считают, что положение их научной организации стабильное с хорошими перспективами развития, 16,1 % – кризисное, 50 % – неустойчивое.

Таким образом, молодые ученые продемонстрировали обеспокоенность нестабильным положением в науке, дальнейшими перспективами развития науки, своей научной организации.

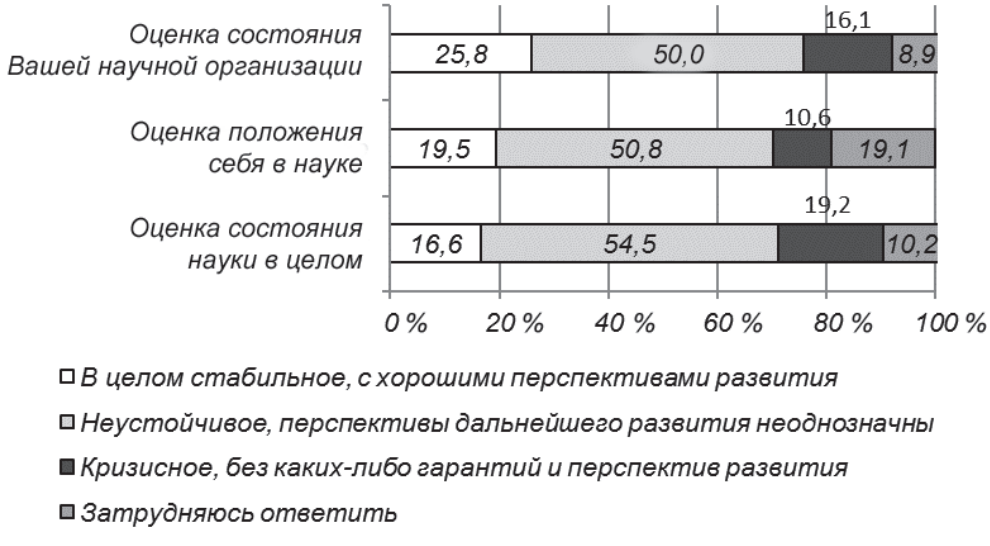


Рис. 1. Оценка современного состояния науки молодыми учеными по данным 2012 г.

Исследование, проведенное в 2016 г., позволило провести сравнительный анализ представлений молодых ученых о ситуации в отечественной науке, выявить особенности динамики оценок современного состояния науки.

Сопоставление данных, представленных на рис. 1 и 2, позволяет увидеть очевидные позитивные изменения в оценках современного состояния науки в 2016 г. по сравнению с данными опроса за 2012 г.

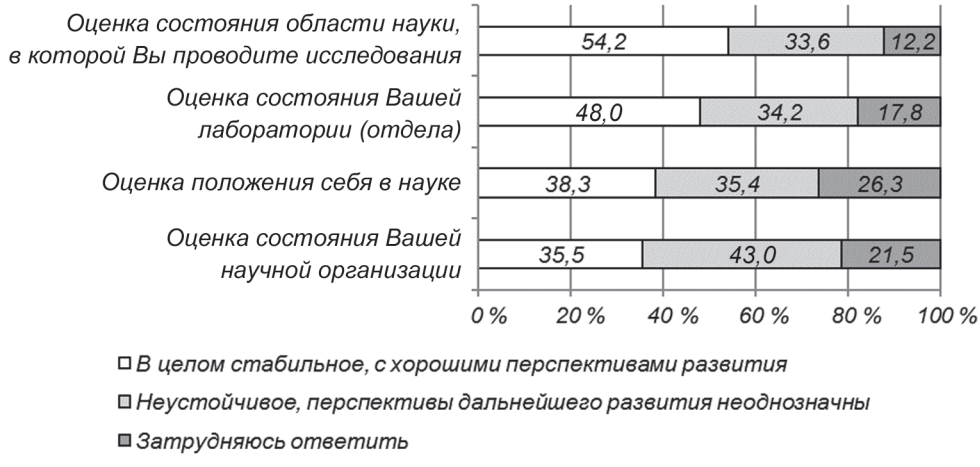


Рис. 2. Оценка современного состояния науки молодыми учеными по данным 2016 г.

Значительно возросла доля респондентов, полагающих, что положение в науке на современном этапе ее развития в целом стабильное, с хорошими перспективами развития. Это касается оценки не только области науки, в которой опрошенные проводят исследования, но также положения научной организации, отдела (лаборатории), в которых они работают, а также их собственного положения в науке.

Снизилась доля респондентов, оценивающих современное состояние науки, научной организации, свое собственное положение в науке как неустойчивое с неоднозначными перспективами развития. Но в то же время возросла доля опрошенных, которые затруднились с ответом на данный вопрос.

Молодым ученым также было предложено ответить на вопрос, входит ли в настоящее время наука в число основных национальных приоритетов.

Как показали данные опроса, проведенного в 2012 г., рассматривают науку как один из национальных приоритетов 14,6 % опрошенных исследователей в возрасте до 35 лет. 23,6 % респондентов считают, что наука не входит в число государственных приоритетов.

Сопоставление данных опросов, проведенных в 2012 и 2016 гг., показало снижение доли опрошенных, уверенных в приоритетности научной сферы для государства (рис. 3).

Молодым ученым был предложен блок вопросов, затрагивающих наиболее острые проблемы, с которыми они сталкиваются в своей научной деятельности, которые стоят перед их научной организацией, возникают при внедрении научных разработок в производство.

Как показал анализ данных исследования, проведенного в 2012 г., наиболее распространенные проблемы, с которыми сталкиваются молодые исследователи в своей научной деятельности, – это недостаточное материально-техническое обеспечение исследований (62,6 %) и недостаточный уровень

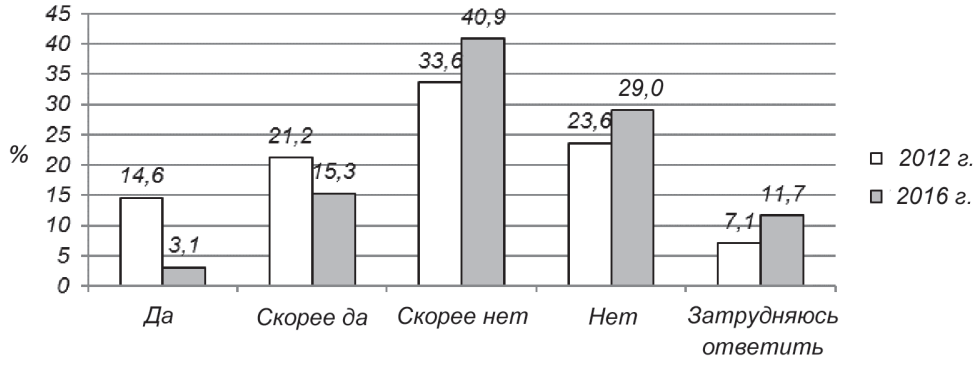


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, входит ли наука в число национальных приоритетов?» по данным за 2012 и 2016 гг.

финансирования науки (62,4 %). Половина респондентов указала на то, что забюрократизированность науки на всех уровнях (53,6 %) воспринимается ими как еще одна из наиболее острых проблем в науке. Молодые ученые также обеспокоены снижением престижа профессии ученого в обществе (41 %).

Менее всего волнуют респондентов такие проблемы, как недостаточно совершенная система подготовки научных кадров (аспирантура, докторантура) (6 %), отсутствие ученых мирового уровня (11,3 %).

Среди актуальных проблем, которые являются наиболее острыми для организаций, в которых работают опрошенные, чаще всего указывают опять же на финансовые трудности: низкий уровень заработной платы молодых ученых (61 %), высококвалифицированных научных работников (47,6 %), материально-технического обеспечения научных исследований (42,5 %).

Часть респондентов обеспокоена такой проблемой, как переход перспективных научных работников в другие сферы деятельности (28,5 %). Невостребованность результатов научных исследований рассматривают как острую проблему 25,7 % молодых ученых. Почти пятая часть респондентов (18,3 %) считают проблемой недостаточный приток талантливой молодежи.

Также актуальными для ряда организаций НАН Беларуси, по мнению опрошенных, является закрытие перспективных научных исследований из-за недостаточного финансирования (13,9 %), распад сложившихся научных школ (12,7 %), ограниченные возможности для развития научно-инновационной деятельности (10,9 %), низкий уровень деловых качеств руководителей и их компетентности в области инновационного менеджмента (11,6 %).

Молодые специалисты считают, что при внедрении научных разработок в нашей стране чаще всего разработчики сталкиваются с бюрократической волокитой (54,1 %), неготовностью предприятий осваивать новые технологии (50 %), материальной незаинтересованностью самих ученых (44 %).

Исследование, проведенное в 2016 г., позволило выявить особенности оценки престижности профессии ученого среди молодых сотрудников

НАН Беларуси. Респондентам было предложено ответить на вопрос, является ли профессия научного работника престижной в Республике Беларусь, в России, в других страх СНГ, в странах дальнего зарубежья.

Анализ оценок престижности профессии научного работника молодыми учеными показал, что престиж науки в вышеназванных странах респонденты оценили по-разному.

По мнению молодых исследователей, профессия ученого считается престижной в странах дальнего зарубежья. Так считают 78,3 % опрошенных респондентов (рис. 4). Только 2,3 % респондентов полагают, что ученый – это непрестижная профессия за рубежом.

Оценки престижности профессии научного работника в странах СНГ, в России, в Республике Беларусь значительно ниже. Так, в Республике Беларусь считают престижной профессию ученого 10,3 % респондентов, 71,3 % опрошенных, напротив, полагают, что она не является престижной.

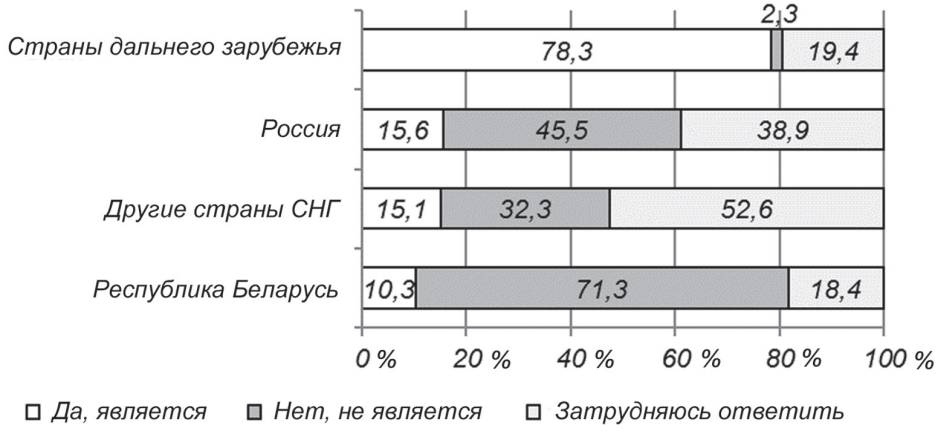


Рис. 4. Оценка престижности профессии научного работника в разных странах молодыми учеными НАН Беларуси

Также в ходе анализа полученных данных выявлена взаимосвязь мнений о приоритетности науки для государства и о престиже профессии ученого в нашей стране. Из данных, представленных в таблице, видно, что среди респондентов, уверенных в том, что наука входит в число основных национальных приоритетов, высока доля оценивающих профессию научного работника как престижную (57,1 %). И напротив, среди опрошенных, не считающих науку приоритетной для государства, только 1,4 % ответивших считают профессию ученого престижной, а 90,4 % уверены в обратном.

Анализируя положение в науке, нельзя обойти вниманием оценку, которую дают опрошенные важнейшим условиям своей профессиональной деятельности. Молодым ученым предлагалось ответить на вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены условиями научной деятельности?»

Оценка престижности профессии научного работника молодыми учеными, по-разному оценивающими приоритетность науки

Является ли профессия научного работника престижной в Республике Беларусь?	Как Вы считаете, входит ли в настоящее время наука в число основных национальных приоритетов?					Всего
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить	
Да, является	**57,1**	24,3	8,9	**1,4**	7,1	10,3
Нет, не является	**14,3**	64,9	74,3	**90,4**	35,7	71,3
Затрудняюсь ответить	28,6	10,8	16,8	8,2	57,1	18,4

Оценивая условия своей научной деятельности, более половины молодых исследователей отметили, что они в полной мере удовлетворены возможностями опубликовать результаты своих научных исследований (60,8 %), а также отношениями со своим непосредственным руководством (58,4 %) (по данным 2012 г.) (рис. 5). Наибольшую неудовлетворенность вызывают размер заработной платы (65,0 %), недостаточная оснащенность современным научным оборудованием (42,1 %).

Рис. 5. Удовлетворенность условиями научной деятельности по данным 2012 г.

Доступность научной информации по теме проводимых исследований, а также возможность опубликовать результаты своих научных исследований оцениваются довольно высоко во всех отделениях, поскольку преобладают респонденты, которые удовлетворены или отчасти удовлетворены этими возможностями.

Оснащенность современным оборудованием, технико-экспериментальной базой исследований оставляет желать лучшего в большинстве отделений, за

исключением Отделения физики, математики и информатики, в котором более половины опрошенных полностью либо частично удовлетворены научным оборудованием, с которым работают.

Значительная часть респондентов Отделения гуманитарных наук (27,3 %) не удовлетворены обеспеченностью компьютерной техникой. Представители остальных отделений в большей мере удовлетворены компьютерной базой по сравнению с гуманитариями.

Данные исследования, проведенного в 2016 г., позволили сравнить ответы опрошенных об удовлетворенности условиями научной деятельности.

Как видно из данных, представленных на рис. 5 и 6, удовлетворенность всеми аспектами научной деятельности в 2016 г. оценивается респондентами выше по сравнению с данными 2012 г. Вместе с тем по некоторым позициям возросла доля опрошенных, которые не удовлетворены ими. Это касается таких условий научной деятельности, как обеспеченность компьютерной базой, перспективы научной карьеры, научные коммуникации.

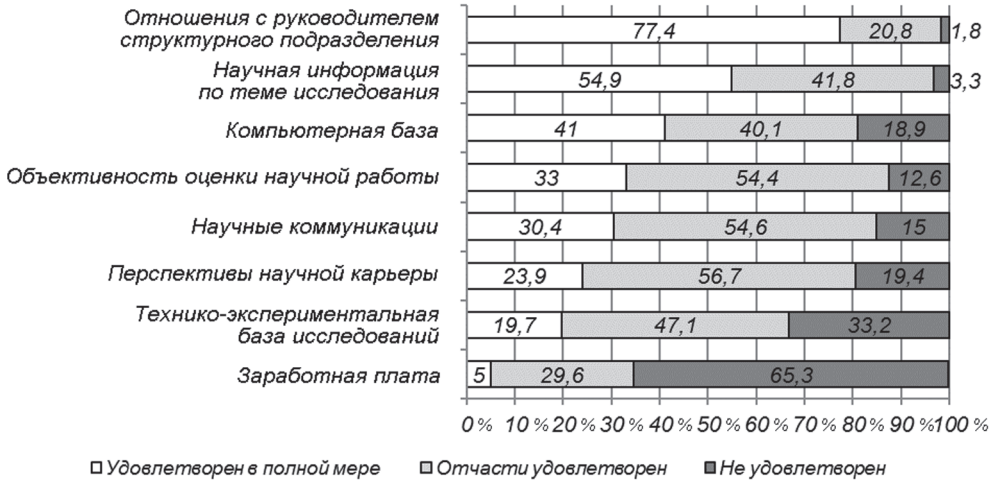


Рис. 6. Удовлетворенность условиями научной деятельности по данным 2016 г.

Таким образом, в своей научной деятельности молодые ученые сталкиваются с рядом проблем, которые препятствуют полноценной, максимально эффективной и плодотворной работе. Очевидно, что в разных научных организациях НАН Беларуси эти проблемы приобретают различную степень остроты.

В результате проведенного исследования выявлено, что молодые ученые обеспокоены положением в науке, в своей научной организации, дальнейшими перспективами их развития. Вместе с тем отмечается позитивная динамика оценок положения в науке, что проявляется в значительном росте доли респондентов, которые полагают, что положение в науке на современном этапе ее развития в целом стабильное, с хорошими перспективами развития, а так-

же в снижении доли молодых исследователей, оценивающих современное состояние науки как неустойчивое.

В своей профессиональной деятельности молодые ученые сталкиваются с рядом проблем, препятствующим полноценной работе. Наиболее остро воспринимаются такие проблемы, как недостаточный уровень финансирования науки, недостаточное материально-техническое обеспечение исследований, забюрократизированность науки, снижение престижа профессии ученого в обществе.

Необходимость решения выявленных проблем связана с закреплением перспективной молодежи в научной сфере. В этой связи совершенствование мер по активизации молодежной политики, повышению престижа профессии ученого в обществе, улучшение социально-экономического положения молодых специалистов, условий их научной деятельности послужит стимулом для закрепления молодых ученых в науке.

Список использованных источников

1. Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.] ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.] ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 499 с.

2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2012 году. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 382 с.

3. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2015 году. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 427 с.

O. G. VOROSHEN

ASSESSMENTS PECULIARITIES OF THE SITUATION IN THE SCIENCE OF THE ACADEMIC SECTOR YOUNG SCIENTISTS

Summary

Analysis of views and assessments of young scientists of NAS of Belarus about the situation in science and problems associated with their professional activities is represented in the article.

Keywords: young scientists, situation in science, problems of professional activity, prestige of the profession of a scientist.

Поступила 04.11.2016 г.

УДК 378.091.212.3(045)(476)

Н. Ф. ДЕНИСОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье на основании когортного изучения профессионального выбора одаренной молодежи осуществлена оценка результативности привлечения данной группы в сферу научной и научно-педагогической деятельности. Рассмотрены факторы, которые обусловили достигнутые результаты. Сделан вывод о наличии потенциала повышения эффективности привлечения и закрепления одаренной молодежи.

Ключевые слова: одаренная молодежь, профессиональный выбор, когорта, воспроизводство научных работников высшей квалификации, биографическая ловушка.

Обоснование актуальности проблемы. Поддержка и развитие творческого потенциала одаренной молодежи является одной из важных задач государственной молодежной политики Республики Беларусь. Для обеспечения учета и систематизации информации о данной социальной группе в стране с 2006 г. функционирует банк данных одаренной молодежи (далее – банк данных), в котором аккумулируется информация о лицах, достигших особых успехов прежде всего в научно-исследовательской, творческой и интеллектуальной деятельности (далее – одаренная молодежь). Помимо системы выявления и учета одаренной молодежи в стране создана система государственной поддержки, направленная на обеспечение условий для ее плодотворной профессиональной деятельности и самореализации, в первую очередь в областях, тесно связанных с интеллектуально-творческой деятельностью.

Так, в соответствии с пунктом 17 Указа Президента Республики Беларусь № 199 от 26 апреля 2010 г. (далее – Указ № 199) в целях обеспечения эффективного использования творческого и интеллектуального потенциала одаренной молодежи руководители государственных органов и иных организаций должны обеспечить создание условий для профессионального роста граждан, включенных в банк данных, в том числе путем их привлечения к преподавательской и научной деятельности [1]. Необходимость вовлечения одаренной молодежи в инновационную деятельность также заявлена в качестве одной из подзадач Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 годы [2]. Таким образом, одаренная молодежь в рамках государственной политики рассматривается как ценный ресурс для воспроизводства кадрового состава науки и высшей школы.

Вместе с тем до сих пор в полной мере не освещен вопрос о том, насколько успешно удается привлекать и закреплять одаренную молодежь в сфере научной и (или) педагогической деятельности. Данный вопрос особенно актуален в контексте обеспечения воспроизводства научных, в том числе научно-педагогических, работников высшей квалификации (далее – НРВК), которые представляют собой научную элиту Беларуси.

В рамках данной статьи под научным работником высшей квалификации понимается специалист, обладающий ученой степенью и профессионально занимающийся научной деятельностью, а под научно-педагогическим работником высшей квалификации – специалист, обладающий ученой степенью и профессионально занимающийся научной и педагогической деятельностью в научных организациях и учреждениях высшего образования. Подобная трактовка данных понятий оправдана тем, что, с одной стороны, она используется в нормативных правовых актах [3], а с другой – тесно связана с термином «исследователь», который применяется в государственной статистике. В Указаниях по заполнению формы государственной статистической отчетности 1-нт (наука) «Отчет о выполнении научных исследований и разработок» под исследователями понимаются «работники, профессионально занимающиеся научными исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющие создание новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности» [4].

Процесс воспроизводства НРВК в данной работе рассматривается как последовательность этапов, где первый этап – это привлечение выпускника высшего учебного заведения или магистратуры в систему аспирантуры и соискательства, а последний – начало трудовой деятельности в сфере научной (здесь и далее – в том числе научно-педагогической) деятельности специалиста с ученой степенью. Ввиду того, что прирост численности НРВК зависит в первую очередь от подготовки лиц с ученой степенью кандидата наук, подготовка специалиста в системе докторантуры нами не рассматривается. Таким образом, для анализа того, насколько успешно удается вовлекать одаренную молодежь в процесс воспроизводства НРВК, необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Какая доля одаренной молодежи с высшим образованием поступает в систему аспирантуры или на форму соискательства?

2. Какая доля данной группы успешно завершает обучение в аспирантуре или в форме соискательства?

3. Какая доля данной группы успешно защищает диссертации на соискание ученой степени?

4. Какая доля из группы лиц, получивших ученую степень, становится научными, в том числе научно-педагогическими, работниками высшей квалификации?

5. Какие основные факторы обусловливают актуальный уровень привлечения одаренной молодежи в процесс воспроизводства НРВК?

В качестве возможного подхода к исследованию обозначенных вопросов можно предложить когортное изучение профессионального выбора одаренной молодежи.

Методология исследования и источники данных. Традиционно выделяют два вида одаренности: потенциальную и реализованную. В рамках данной статьи исследуется социальная группа с реализованной одаренностью, формы проявления которой закреплены нормативно в рамках Указа № 199. Таким образом, исследуемая группа не охватывает всех интеллектуально одаренных представителей белорусской молодежи (как потенциально одаренных, так и проявляющих в той или иной форме свои способности). Однако она в полной мере охватывает ту ее часть, которая продемонстрировала свои способности на общереспубликанском и международном уровнях и получила признание со стороны независимых конкурсных комиссий и государства.

Одним из основных источников данных об исследуемой группе является банк данных одаренной молодежи [5]. Использование соответствующего информационного ресурса значительно упрощает проведение социологического исследования, так как сведения из банка данных представляют собой практически готовый список генеральной совокупности и позволяют реконструировать профессиональные траектории представителей одаренной молодежи.

Предметом исследования является профессиональный выбор одаренной молодежи, который понимается как выбор индивидом одного из вариантов профессиональной самореализации, обусловленный представлениями индивида о своих потребностях и возможности их удовлетворения в результате сделанного выбора. При этом выбор одаренной молодежи в данной статье рассматривается как показатель способности науки привлекать молодежь, которая проявила наибольшую предрасположенность к творческо-интеллектуальной деятельности.

В качестве основного методологического подхода к изучению предметной области выбран редко применяемый в отечественной социологии когортный анализ, осуществляемый методом реальной когорты [6, с. 349]. Данный метод наиболее часто используется при изучении демографических процессов и базируется на исследовании в разные временные периоды характеристик одной и той же когорты. Под когортой понимается группа лиц, объединенных наступлением некоторого события. Применительно к исследуемому вопросу были определены следующие события вступления в когорту: индивиды должны быть включены в банк данных в период обучения в высшем учебном заведении, а также должны завершить данное обучение в период с 2006 по 2010 г.

Использование указанного подхода позволяет охватить все этапы процесса воспроизводства НРВК на примере одной когорты, представив его как процесс вовлечения, подготовки и закрепления в сфере научной деятельности одаренной молодежи. Таким образом, становится возможным учесть профессиональный выбор каждого индивида и рассчитать для представителей когорты вероятность перехода на последующие этапы процесса воспроизводства.

Общая численность изучаемой когорты составила 1068 человек, что достаточно для репрезентативного освещения исследуемого вопроса, так как именно эта подгруппа из общей численности всех лиц, включенных в банк данных, имела возможность пройти все этапы воспроизводства НРВК к моменту проведения исследования и сформировать свое отношение к профессии ученого. На основании информации из банка данных был реконструирован профессиональный путь каждого представителя когорты. Объективные данные были дополнены результатами выборочного телефонного опроса, проведенного при поддержке гранта Национальной академии наук Беларуси на выполнение научно-исследовательских работ в 2016 г. по теме: «Профессиональный выбор одаренной молодежи как критерий эффективности воспроизводства научных и научно-педагогических работников высшей квалификации Республики Беларусь».

Выборочная совокупность была разделена на три основные страты: лица с ученой степенью; лица без ученой степени, но с научной квалификацией «исследователь»; лица с высшим образованием, не освоившие образовательную программу аспирантуры. Для каждой страты был разработан опросный лист, который содержал как уникальные, так и универсальные для всех страт вопросы. Всего за период с мая по сентябрь 2016 г. было опрошено 365 респондентов из 1068 человек, то есть 34,2 % от генеральной совокупности. Предельная ошибка выборки для всей когорты составила ±3,8 % при доверительной вероятности 90 %. В расчетах использовалась формула оценки предельной ошибки для стратифицированной неравномерной бесповторной выборочной совокупности.

Резюмируя, можно утверждать, что при таком дополнении биографической информации результатами выборочных опросов информативность полученных сведений приближается к данным лонгитюдных исследований при значительно меньших затратах.

Результаты исследования. На основании сведений из банка данных одаренной молодежи и результатов социологического исследования были рассчитаны показатели вовлечения представителей изучаемой когорты на каждый из этапов процесса воспроизводства НРВК. Также была проведена экстраполяция полученных показателей на представителей когорты, которые на момент проведения исследования продолжали обучение в аспирантуре. Результаты расчетов представлены в таблице, детальное описание процедур расчета и экстраполяции – в статье [7].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство представителей когорты (от 82,2 до 88,4 % при интервальном оценивании) в период обучения в вузе рассматривали научную и научно-педагогическую деятельность как один из возможных вариантов профессиональной самореализации. Но при этом поступили в аспирантуру только 37,6 % представителей когорты. Таким образом, на первый этап воспроизводства (привлечение одаренной молодежи в систему подготовки кадров науки) пришлась самая большая доля потерь – 62,4 % наиболее ценных представителей кадрового потенциала.

Показатели вовлечения одаренной молодежи, завершившей обучение в вузах за период 2006–2010 гг., в процесс воспроизводства научных, в том числе научно-педагогических, работников высшей квалификации Республики Беларусь, %

Показатели воспроизводства НРВК	Дожитие когорты	Кумулятивные потери когорты
Получили высшее образование	100,0	0,0
Рассматривали вариант научной карьеры	от 82,2 до 88,4	от –11,6 до –17,8
Поступили в аспирантуру	37,6	–62,4
Успешно окончили аспирантуру	33,1	–66,9
Защитили диссертацию	15,8	–84,2
Занимаются научной (в том числе научно-педагогической) деятельностью и не планируют менять род деятельности	от 8,0 до 9,7	от –90,3 до –92,0

На втором этапе (обучение в аспирантуре) произошли незначительные потери – всего 4,5 % представителей когорты отказались от завершения послевузовского образования и были отчислены. Однако успешное окончание аспирантуры большинством одаренной молодежи, привлеченной в систему послевузовского образования, не гарантирует соответствующий прирост доли лиц с ученой степенью в общей численности когорты. На основании биографических данных была определена вероятность успешной защиты диссертации для представителей изучаемой когорты. Данную вероятность экстраполировали на ту часть когорты, которая еще обучается в аспирантуре. В результате было выявлено, что только около 16 % ее представителей получат ученую степень.

Данные опроса показывают, что на последнем этапе воспроизводства НРВК (трудоустройство в сфере научной деятельности специалистов с ученой степенью) не удается удержать всех подготовленных специалистов. На основании интервального оценивания можно утверждать, что только от 8,0 до 9,7 % представителей когорты с ученой степенью на момент опроса занимались научной деятельностью и не планировали в ближайшие пять лет менять профессиональную сферу. Таким образом, этот показатель может рассматриваться как интегральная оценка достигнутого уровня привлечения и закрепления одаренной молодежи в науке.

Одним из инструментов снижения потерь когорты в процессе воспроизводства НРВК могла бы стать система государственной поддержки одаренной молодежи. Однако, несмотря на декларируемую государством необходимость привлечения одаренной молодежи к научно-исследовательской и инновационной деятельности, можно констатировать, что фактически отсутствуют специфицированные меры государственной поддержки той части одаренной молодежи, которая ориентирована на работу в сфере науки. Так, по оценкам представителей когорты, государственная поддержка после включения в банк данных практически не повлияла на их благосостояние (только 16,0 % оценили ее влияние на свое материальное положение как значительное). Это позволяет сделать вывод, что данный инструмент кадровой политики фактически

не оказывает влияния на принятие одаренной молодежью решения о работе в сфере науки.

Можно предположить, что вовлечение одаренной молодежи в систему воспроизводства НРВК опосредуется, с одной стороны, совокупностью благ, которые предлагает сфера науки, а с другой – уровнем потребностей одаренной молодежи и готовностью к их достижению. В рамках исследования была рассмотрена значимость для одаренной молодежи тех благ, которые может предложить белорусская наука. К таким благам отнесены возможность творческой самореализации, карьерного роста, служебное жилье и др.

По мнению одаренной молодежи с ученой степенью, занятой научной деятельностью, наиболее важной ценностью в их профессии является творческая самореализация. Вместе с тем данная возможность доступна и используется большинством (84,3 % полностью или частично довольны данной возможностью своей работы). Также следует отметить, что из предложенных для оценки аспектов работы только по одному можно зафиксировать ситуацию массовой неудовлетворенности. Данный аспект связан с низким уровнем доходов научных (в том числе научно-педагогических) работников. Так, полностью или частично не удовлетворены своими доходами 45,1 % респондентов. Это позволяет утверждать, что основным фактором оттока одаренной молодежи с ученой степенью из сферы науки является уровень доходов.

Интерес представляет уровень потребностей представителей данной группы. Так, в ходе телефонного опроса задавался вопрос о величине среднего месячного желаемого уровня заработной платы кандидата наук, при котором респондент работал бы в науке и не задумывался о смене рода деятельности. Средний уровень желаемых доходов кандидатов наук составил 1674 руб., медианный – 1200 руб.

В современных условиях белорусской науки у большинства представителей когорты с ученой степенью, занятых научной деятельностью (70,0 %), реальный уровень заработной платы значительно меньше (в два и более раза) желаемой величины заработной платы кандидата наук. Расхождение между желаемым и реальным уровнем доходов может преодолеваться либо повышением квалификации и трудовой нагрузки с целью получения более значимых денежных средств, либо сменой рода деятельности. Первый способ повысить уровень доходов имеет объективный предел: экономическая ситуация в системе науки ставит ограничение возможности массового увеличения заработка без изменения общего уровня доходов. Невозможность для большинства представителей одаренной молодежи достигнуть и долгосрочно поддерживать уровень желаемых доходов увеличивает риск, что данные специалисты будут искать подработки в других профессиональных областях. Это, в свою очередь, связано с риском их ухода из системы науки. Почти две трети представителей когорты (64,7 %), которые работают в данной сфере, утверждают, что уже на момент опроса они могут без долгосрочной переподготовки найти более высокооплачиваемую работу вне науки. Это позволяет констатировать,

что не только одаренная молодежь предъявляет высокие требования к желаемому уровню доходов, но и существует большой спрос на данную категорию специалистов в других отраслях народного хозяйства.

Тем не менее только 7,8 % одаренной молодежи с ученой степенью, занятых научной деятельностью, оценили вероятность ухода в другую профессиональную область как высокую (70,0 % и выше). Таким образом, для большинства тех, кто получил ученую степень и начал карьеру в качестве ученого, неудовлетворенность уровнем доходов компенсируется другими аспектами профессиональной деятельности.

Следует отметить, что отчасти данный процент может быть объяснен феноменом, получившим в западной социологии название «биографическая ловушка». Применительно к анализируемой проблеме данное понятие характеризует ситуацию, когда недовольство уровнем заработной платы сочетается с низкой востребованностью и потенциально низким уровнем доходов на рынке труда как в рамках, так и за границами своей профессиональной деятельности. В связи с этим данная группа практически не имеет приемлемых альтернатив продолжению научной карьеры без существенного ухудшения материального благополучия. При точечном оценивании к данной категории могут быть отнесены 5,9 % респондентов с ученой степенью, занятых научной деятельностью.

Резюмируя, можно констатировать, что научная деятельность по своему содержанию является достаточно привлекательной для большей части одаренной молодежи. Однако только небольшая доля представителей данной группы проходит все этапы процесса воспроизводства НРВК. Предъявляемые требования (прежде всего к уровню оплаты труда) значительно рассогласованы с тем, что, по их мнению, может предложить сфера научной деятельности. Также на данный момент существующая система государственной поддержки данной группы практически не оказывает влияния на вовлечение одаренной молодежи в сферу науки. Таким образом, потенциал привлечения одаренной молодежи значителен, однако степень его реализации потребует привлечения дополнительных ресурсов государства. В качестве фактора, сдерживающего отток работников с ученой степенью из сферы науки, выступает высокий уровень удовлетворенности содержанием своего труда, что компенсирует имеющуюся рассогласованность предъявляемых материальных потребностей и возможностей их удовлетворения.

Список использованных источников

1. О некоторых вопросах формирования, ведения и использования банков данных одаренной и талантливой молодежи : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 199 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 09.08.2011 г., № 351 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 105. – 1/11578.

2. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 годы : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 28 марта 2016 г., № 250 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016. – 5/41915.

3. Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 17 нояб. 2004 г., № 560 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 1 дек. 2011 г., № 561 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 180. – 1/6013.

4. Указания по заполнению формы государственной статистической отчетности 1-нт (наука) «Отчет о выполнении научных исследований и разработок» [Электронный ресурс] : утв. Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 1 июля 2014 г., № 73 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/gosudarstvennye-statisticheskie-nablyudeniya/formy-gosudarstvennyh-statisticheskih-nablyuden_2/albom-form-tsentralizovannyh-statisticheskih-nablyudenii-na-2016-god/statistika-nauki-i-innovatsii/. – Дата доступа: 15.09.2016.

5. Банк данных одаренной молодежи [Электронный ресурс] // Общегосударственная автоматизированная информационная система / Национальный центр электронных услуг. – Режим доступа: https://oais.by:4445/portal.mht. – Дата доступа: 10.08.2014.

6. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. – М. : Совет. Энцикл., 1985. – 608 с.

7. *Денисова, Н. Ф.* Образовательный путь одаренной молодежи как критерий эффективности воспроизводства научных и научно-педагогических работников высшей квалификации / Н. Ф. Денисова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Серыя гуманітар. навук. – 2016. – № 2. – С. 19–23.

N. F. DENISOVA

PROFESSIONAL CHOICE OF THE GIFTED YOUTH IN THE CONTEXT OF RECREATION OF SCIENTIFIC HIGH-QUALIFIED WORKERS

Summary

Main subject of the article is the problem of evaluation of the results of effectiveness of scientific high-qualified pedagogical workers inclusion on the base of cohort analysis method. Factors determining the results were considered. There was made a conclusion about possibility to increase effectiveness, its perspective and consolidation of gifted youth.

Keywords: gifted youth, professional choice, cohort, recreation of scientific high-qualified workers, biographical trap.

Поступила 08.11.2016 г.

УДК 316.334.2(476)

Э. М. ЩУРОК,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В МАГИСТРАТУРЕ НАН БЕЛАРУСИ

В данной статье представлена динамика подготовки кадров в магистратуре НАН Беларуси за период деятельности с 2007 по 2016 г. Рассмотрены основные проблемы подготовки магистрантов в разрезе специальностей, а также вопросы трудоустройства выпускников магистратуры и дальнейшего поступления в аспирантуру НАН Беларуси. Данные проведенного анализа могут быть использованы для принятия мер, направленных на совершенствование системы послевузовского образования страны и кадровой политики в научной сфере.

Ключевые слова: магистратура, подготовка научных кадров, эффективность магистратуры, аспирантура, воспроизводство кадров высшей квалификации.

Президентом Республики Беларусь поставлена задача совершенствования организационной и научной структуры Национальной академии наук путем ее трансформации в мощную научно-производственную корпорацию, выполняющую весь спектр работ – от фундаментальных и прикладных исследований до опытного и серийного производства наукоемкой продукции. Для повышения конкурентоспособности академической науки необходимо обеспечить формирование новой генерации исследователей и специалистов, обладающих набором профессиональных компетенций, соответствующих мировому уровню. Необходимо также осуществить концентрацию интеллектуального потенциала на прорывных научных исследованиях и разработках, обеспечивающих устойчивое развитие экономики Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов.

Анализ деятельности научных организаций НАН Беларуси, осуществляющих подготовку научных кадров в магистратуре, аспирантуре и докторантуре, показывает наличие существенных проблем в академической системе подготовки научных кадров высшей квалификации.

Одной из острых проблем деятельности аспирантуры НАН Беларуси последнего десятилетия явилось уменьшение численности аспирантов, свидетельствующее о снижении привлекательности аспирантуры среди талантливых молодых ученых, магистрантов и студентов. Так, за период с 2005 по 2015 г. численность аспирантов в научных организациях НАН Беларуси уменьшилась с 720 до 527 человек, или на 26,8 %. Соответственно уменьшился и прием в аспирантуру на 29,4 % – с 221 человека в 2005 г. до 156 человек в 2015 г.

Особо следует отметить, что за период 2005–2015 гг. значительно сократилась численность аспирантов по таким приоритетным научным направлениям и областям науки, как естественные и физико-технические науки. Например, если в 2005 г. численность аспирантов научных организаций Отделения физики, математики и информатики составляла 97 человек, то в 2015 г. – всего 36 человек, включая соискателей. Аналогичная картина наблюдается в научных организациях Отделения биологических наук. Так, если в 2005 г. численность аспирантов в научных организациях этого отделения наук составляла 95 человек, то в 2015 г. – 60 человек, включая соискателей. В Отделении гуманитарных наук и искусств численность аспирантов за этот же период уменьшилась на 21,5 % и составила в 2015 г. 128 человек, включая соискателей. Значительное уменьшение численности аспирантов наблюдается и в других отделениях наук.

Показатели эффективности деятельности академической аспирантуры, такие как защита диссертации в срок обучения и проведение предварительной экспертизы диссертации, также не очень высокие. В 2015 г. только 7,3 % из общего числа выпускников окончили обучение с защитой диссертации и 4,6 % – с проведением предварительной экспертизы диссертации.

В целях повышения уровня подготовленности научных кадров, сокращения сроков подготовки к защите кандидатских диссертаций, а также лучшего отбора молодых выпускников высших учебных заведений для дальнейшего обучения в аспирантуре в 2007 г. в Институте подготовки научных кадров НАН Беларуси была открыта магистратура.

Магистратура – вторая ступень высшего образования, обеспечивающая формирование знаний и навыков научно-педагогической и научно-исследовательской работы. Основная цель академической магистратуры заключается в обеспечении аспирантуры и научных организаций специалистами, подготовленными для дальнейшей успешной научной деятельности. Магистранты НАН Беларуси, принимая непосредственное участие в научных исследованиях, наряду с получением общетеоретических и специальных знаний приобретают важнейшие специфические навыки, компетенции и, что наиболее важно, имеют реальные научные результаты, которые можно назвать «диссертационным заделом». У магистрантов, которые поступили в аспирантуру, появляется реальная возможность за счет уже сданных кандидатских экзаменов и подготовленной магистерской диссертации увеличить срок аспирантуры до четырех лет, а также повысить уровень научных исследований на всех этапах подготовки диссертационной работы. Это особенно важно для аспирантов в области естественных, технических и физико-технических наук.

Обучение в академической магистратуре осуществляется в виде очной формы на бюджетной и платной основах на основании лицензии № 02100/0112260, выданной Министерством образования Республики Беларусь. Срок обучения – один год.

Первый набор магистрантов был осуществлен в 2007 г. на бюджетной основе по 5 специальностям: «Экономика и управление народным хозяйством»,

«Биология», «Физика», «Химия», «Прикладная математика и информатика». В настоящее время подготовка будущих магистров ведется по 10 специальностям: «Агрономия», «Биология», «Искусствоведение», «Математика», «Машиностроение и машиноведение», «Прикладная математика и информатика», «Социология», «Физика», «Химия», «Экономика и управление народным хозяйством».

Динамика ежегодной численности магистрантов за период 2007–2016 гг. представлена на рис. 1.

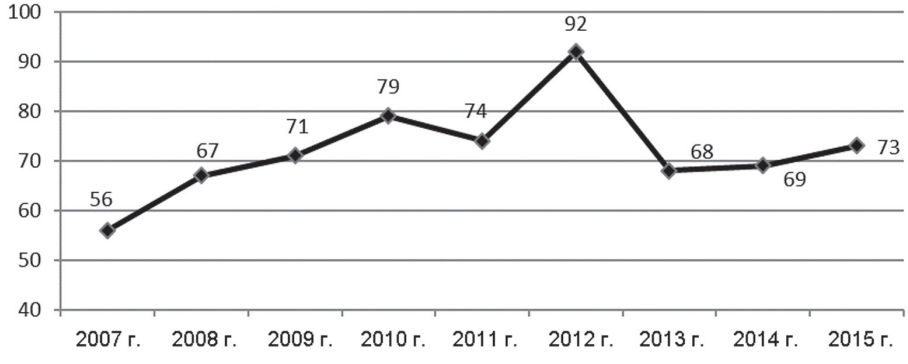


Рис. 1. Динамика численности магистрантов за период 2007–2015 гг. (на конец года)

Как видим, за рассматриваемый период численность обучающихся в академической магистратуре выросла на 30,4 % и составила на 31 декабря 2015 г. 73 человека.

Пик численности магистрантов в НАН Беларуси пришелся на 2012/13 учебный год, когда она составляла 92 человека. В последующие годы наблюдалось уменьшение численности магистрантов: в 2015/16 учебном году по сравнению с 2012/13 учебным годом она уменьшилась на 20,7 % (19 человек).

Академическая магистратура оказалась привлекательной не только для выпускников вузов, но и для лиц, имеющих стаж работы по специальности. В наборе на 2007/08 учебный год выпускники вузов составляли 70,0 %; молодые специалисты, отработавшие 1 год по распределению, – 3,3 %; лица, имеющие стаж работы 2 года и более, – 26,7 %. В приеме на 2016/17 учебный год доля поступивших специалистов значительно сократилась и составила только 17,2 % от общего числа приема, что на 12,8 п. п. меньше относительно приема на 2007/08 учебный год. Наибольшее количество магистрантов, имеющих опыт работы, было зафиксировано в приеме на 2008/09 учебный год (32,8 %). Ежегодно в академическую магистратуру поступают лица, имеющие стаж работы более 1 года (около 20–30 %). В наборе на обучение в магистратуру на 2016/17 учебный год доля выпускников вузов была максимальной и составила 82,8 % от всех поступивших на обучение. Качественный состав поступивших магистрантов представлен на рис. 2.

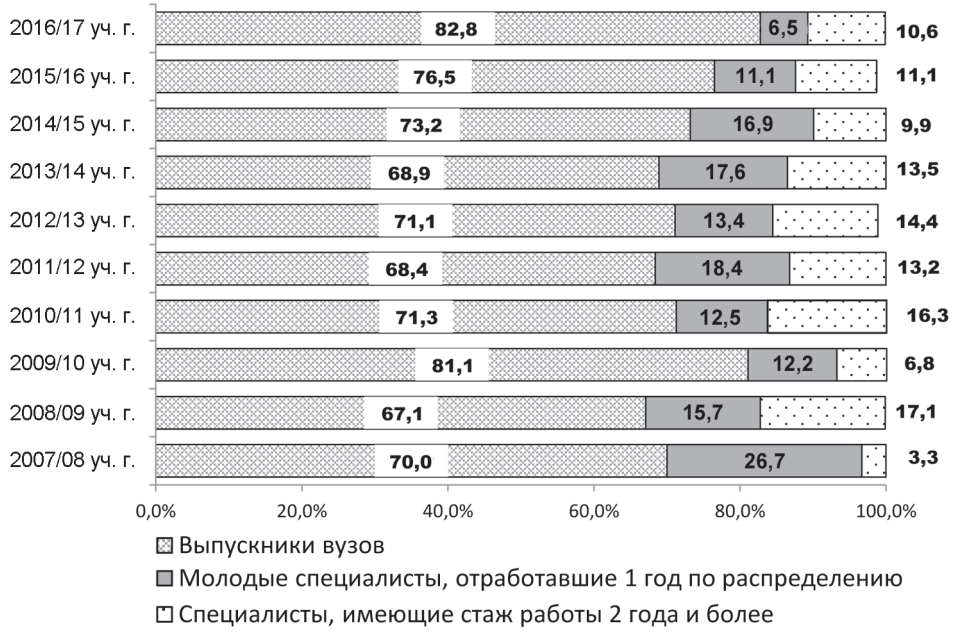


Рис. 2. Качественный состав лиц, поступивших в магистратуру за период 2007–2016 гг.

Среди магистрантов, имевших на момент поступления стаж работы по специальности, достаточна высока доля представителей НАН Беларуси. Однако относительной стабильности в численности магистрантов, имеющих опыт работы в организациях НАН Беларуси, не наблюдается. На 2007/08 учебный год среди зачисленных на обучение магистрантов, имеющих стаж работы, около 90,0 % составили молодые ученые академических организаций. За весь период деятельности академической магистратуры это была максимальная доля представителей НАН Беларуси среди магистрантов, имеющих опыт работы (рис. 3).

За весь период деятельности магистратуры НАН Беларуси ее структура в разрезе специальностей значительно менялась. Самой востребованной специальностью на 2007/08 учебный год была «Физика» – 36,7 % магистрантов проходили обучение по данной специальности. Однако количество магистрантов, обучающихся по специальности «Физика», к 2016/17 учебному году сократилось на 31,6 %.

Не менее востребованной специальностью в академической магистратуре является «Биология». В первый год деятельности магистратуры набор на специальность «Биология» составил 25,0 % от всех поступивших, а на 2016/17 учебный год уже каждый третий зачисленный на обучение был магистрантом-биологом.

Распределение принятых в магистратуру по специальностям выглядит следующим образом (рис. 4).

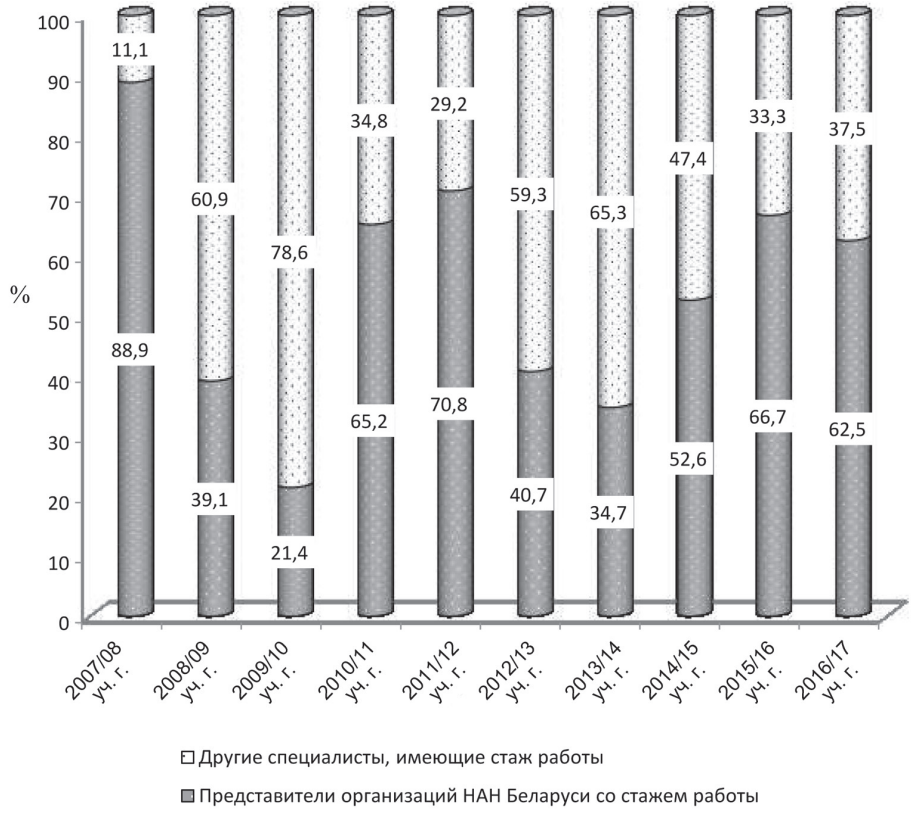


Рис. 3. Соотношение лиц, поступивших в магистратуру и имеющих стаж работы за период 2007–2016 гг.

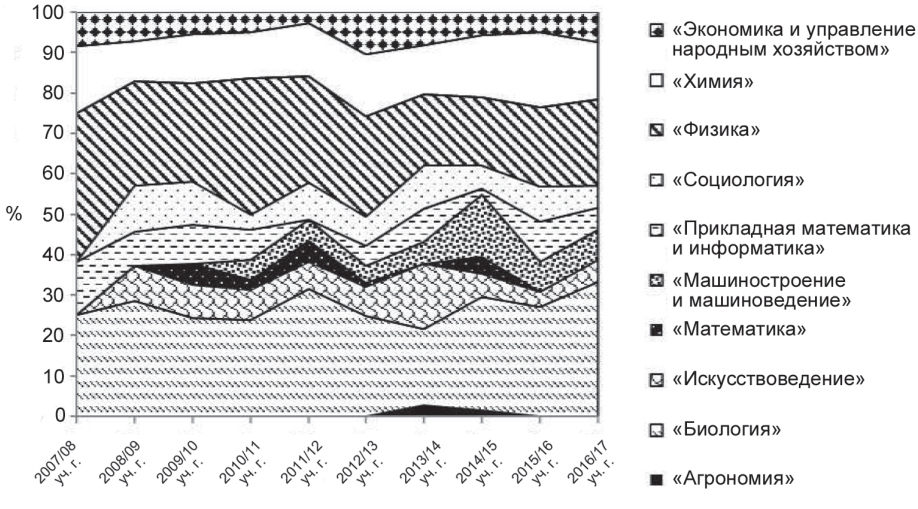


Рис. 4. Распределение магистрантов по специальностям за период 2007–2016 гг.

Ежегодно около 15 % от всех зачисленных на обучение в магистратуру составляют магистранты, поступившие на специальность «Химия».

Незначительный набор на обучение в магистратуру происходит по специальности «Прикладная математика и информатика». На 2007/08 учебный год было зачислено 8 человек на данную специальность, что составило 13,3 % от общей численности поступивших, а на 2016/17 учебный год доля магистрантов, поступивших на обучение по специальности «Прикладная математика и информатика», составила 5,4 % от общего приема. При этом на 2011/12 учебный год набора на «Прикладную математику и информатику» не было вообще, а на 2014/15 учебный год всего лишь 1 магистрант был принят на эту востребованную для развития экономики страны специальность.

По специальности «Экономика и управление народным хозяйством» на 2007/08 учебный год было зачислено 8,3 % магистрантов от всего приема. Набор на 2016/17 учебный год составил 7,5 % от всех поступивших в магистратуру.

В 2008/09 учебном году магистранты по специальности «Искусствоведение» составляли 8,6 % от всех принятых на обучение. Максимальный прием на данную специальность был осуществлен на 2013/14 учебный год, где эта категория магистрантов составляла 16,2 % от всех поступивших. В последующие годы прием на эту специальность несколько уменьшился и на 2016/17 учебный год составил 5,4 % от общего числа поступивших.

По специальности «Социология» наблюдаются низкие показатели приема за весь период деятельности академической магистратуры. На 2016/17 учебный год численность магистрантов-социологов упала на 37,5 % по сравнению с набором на 2008/09 учебный год.

В 2009 г. в академической магистратуре была открыта специальность «Математика», однако прием магистрантов на эту специальность на 2015/16 и 2016/17 учебные годы не состоялся.

Прием на специальность «Агрономия» впервые был осуществлен на 2013/14 учебный год в количестве 2 человек, в 2014/15 учебном году всего лишь 1 человек проходил обучение по этой специальности. В последующие годы прием на специальность «Агрономия» не осуществлялся.

В 2016 г. завершили обучение и получили дипломы магистра 70 человек. По сравнению с 2015 г. выпуск магистрантов в 2016 г. незначительно уменьшился. Отрицательная динамика наблюдалась в выпуске 2014 г., где, по сравнению с 2013 г., количество выпускников с дипломами магистра сократилось на 27,1 %. Наибольшее число магистров было выпущено из академической магистратуры в 2013 г. – 85 человек (таблица).

Динамика выпуска из магистратуры НАН Беларуси за период 2008–2016 гг.

Учебные годы	Выпуск из магистратуры	Динамика выпуска, А	Динамика выпуска, %
2007/08	48	–	–
2008/09	62	+14	+29,2 %
2009/10	68	+6	+9,7 %
2010/11	74	+6	+8,8 %

Окончание таблицы

Учебные годы	Выпуск из магистратуры	Динамика выпуска, А	Динамика выпуска, %
2011/12	61	–13	–17,6 %
2012/13	85	+24	+39,3 %
2013/14	62	–23	–27,1 %
2014/15	71	+9	+14,5 %
2015/16	70	–1	–1,4 %

Важным показателем деятельности магистратуры является соотношение выпуска магистрантов к приему в магистратуру. К сожалению, не все поступившие в магистратуру заканчивают обучение с получением диплома. По причинам различного характера значителен отсев из академической магистратуры. Доля выпускников-магистров от поступивших за период 2007–2016 гг. представлена на рис. 5.

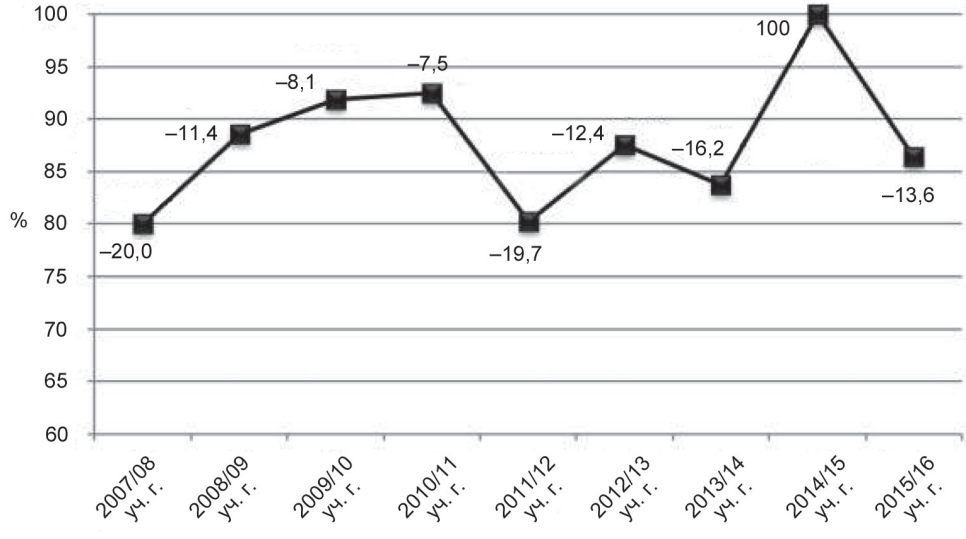


Рис. 5. Соотношение выпускников магистратуры от поступивших за период 2007–2016 гг.

В среднем около 80–90 % поступивших в академическую магистратуру успешно завершают обучение и получают дипломы. Наименьший показатель соотношения численности выпуска магистрантов к приему наблюдался в 2007/08 и 2011/12 учебные годы, где данный показатель составил около 80,0 %. Наиболее результативным оказался 2014/15 учебный год, в котором количество выпускников магистрантов полностью соответствовало приему.

Как уже упоминалось выше, магистратура в НАН Беларуси была открыта с целью повышения уровня подготовки кадров высшей квалификации, сокращения сроков подготовки к сдаче кандидатских экзаменов, а также повышения качества отбора выпускников высших учебных заведений для

дальнейшего обучения в аспирантуре. Последнее является основной задачей академической магистратуры, которая состоит в обеспечении научных организаций НАН Беларуси высококвалифицированными научными кадрами. Динамика ежегодного распределения выпускников магистратуры представлена на рис. 6.

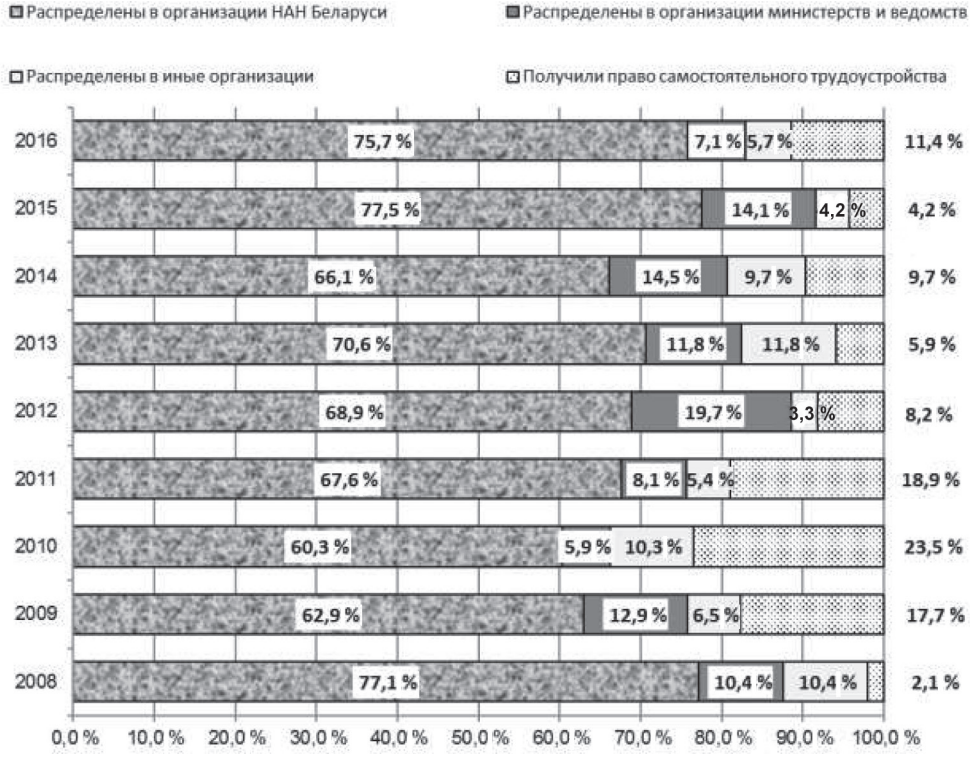


Рис. 6. Распределение выпускников магистратуры на работу за период 2008–2016 гг.

Анализ показывает, что основная масса специалистов, защитивших диплом магистра, направляется на работу в организации НАН Беларуси. Вместе с тем значительное число выпускников магистратуры НАН Беларуси получают возможность свободного распределения. За рассматриваемый период деятельности академической магистратуры доля выпусников, получивших право самостоятельного трудоустройства, составила 11,5 % от всех окончивших данное учреждение образования. В среднем ежегодно около 19,0 % выпускников академической магистратуры распределяются в государственные организации министерств и ведомств и иные организации республики.

Эффективность деятельности академической магистратуры важно оценивать исходя из того, насколько она выполняет возложенную на нее воспроизводственную функцию – подготовку будущих аспирантов научных организаций НАН Беларуси.

Динамика доли выпускников магистратуры, ежегодно поступающих в аспирантуру НАН Беларуси, за период 2008–2016 гг. представлена на рис. 7.

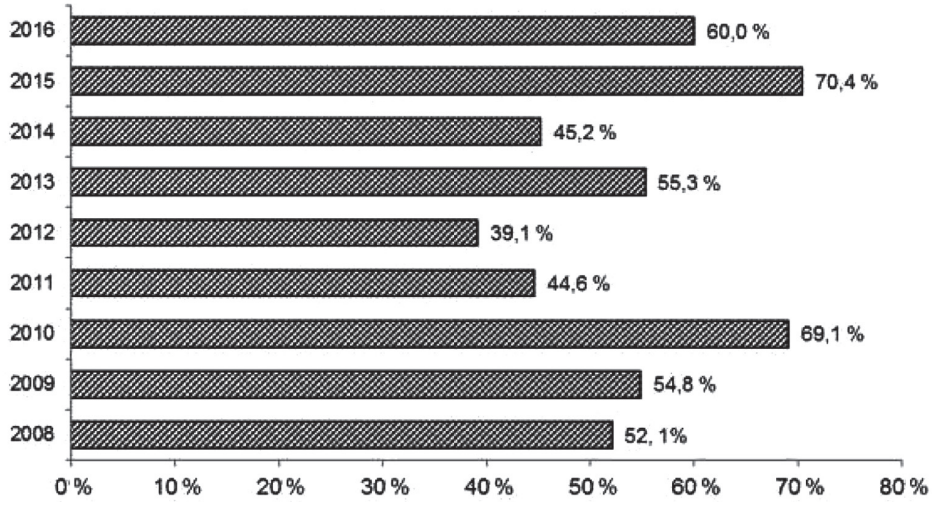


Рис. 7. Динамика доли магистрантов, поступивших в аспирантуру НАН Беларуси за период 2008–2016 гг.

В среднем ежегодная доля выпускников магистратуры, поступивших в аспирантуру НАН Беларуси, за рассматриваемый период составляет 54,5 %. Самый высокий показатель поступивших в аспирантуру магистрантов был отмечен в 2015 г. – 70,4 % от всего выпуска из магистратуры. В 2016 г. в аспирантуру НАН Беларуси было зачислено 60,0 % специалистов, окончивших академическую магистратуру.

Создание конкурентоспособной инновационной экономики требует существенного изменения системы подготовки научных кадров как на уровне второй ступени вузовского образования (магистратуры), так и в системе послевузовского образования (аспирантуры и докторантуры). Одной из главных проблем деятельности академической магистратуры является отсутствие преемственности между магистратурой и аспирантурой НАН Беларуси.

В условиях продолжающегося снижения качества подготовки выпускников высшей школы и вузовской магистратуры, а также структур послевузовского образования (аспирантура, докторантура) залогом решения важнейшей задачи воспроизводства кадров высшей научной квалификации для Беларуси является развитие академической системы образования.

В настоящее время в Беларуси разработана и реализуется Программа совершенствования научной сферы Республики Беларусь на 2014–2020 годы, в рамках которой предусматривается принятие комплекса мер, направленных на развитие академической системы образования. Среди основных мероприятий к 2020 г. планируется создание на базе государственного учреждения

образования «Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси» и отдельных научных организаций республиканского научно-образовательного центра в формате Академического университета. Меры по созданию Академического университета предусматривают несколько этапов.

Первый этап – организация целевой подготовки кадров для НАН Беларуси путем создания «академических» профильных групп (продвинутых студентов по приоритетным направлениям науки и технологий) в ведущих университетах страны. Целевая подготовка кадров для НАН Беларуси будет осуществляться путем организации тесного взаимодействия между учебными группами и профильными научно-исследовательскими организациями НАН Беларуси (чтение курсов ведущими учеными НАН Беларуси, систематическая организация учебной практики в академических лабораториях, подготовка курсовых, дипломных работ с использованием теоретико-методологической базы, оборудования организаций НАН Беларуси, а также создание системы совместных профильных учебно-исследовательских лабораторий в вузах страны).

Последующие этапы предполагают создание собственно академического университета, который в своей деятельности объединяет вуз (студенты с 3-го курса и магистратура) и структуры послевузовского образования (аспирантура, докторантура). Задачей Академического университета станет целенаправленная подготовка исследовательских кадров для научной сферы Республики Беларусь и ведущих научных организаций НАН Беларуси по приоритетным направлениям науки и технологий. Причем ставится задача максимально приблизить деятельность создаваемого академического научно-образовательного центра к условиям подготовки научных кадров в наиболее известных зарубежных научно-образовательных центрах.

Академическая магистратура в системе Академического университета должна стать основным механизмом привлечения перспективных выпускников вузов к науке и основным источником пополнения научно-исследовательских организаций НАН Беларуси и их аспирантур высококвалифицированными кадрами.

E. M. SHCHUROK

PROBLEMS OF TRAINING OF SCIENTISTS IN THE MASTER'S PROGRAMME OF NAS OF BELARUS

Summary

The article presents dynamics of the training of scientists in the master's programme of the National Academy of Sciences of Belarus from 2007 to 2016. The main problems of training of undergraduates in the context of specialties as well as employment issues of graduates of the master's programme and further postgraduate study of NAS of Belarus are considered. Data of the carried-out analysis can be used for taking measures, which are directed to enhancement of system of postgraduate education of the country and personnel policy in the scientific sphere.

Keywords: magistracy, preparation of the scientific shots, efficiency of the magistracy, postgraduate study, reproduction of researcher training of the top skills.

Поступила 08.11.2016 г.

УДК 001.81-055.2(476)

Т. А. АНТОНОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЖЕНЩИНЫ В СОСТАВЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

На основе данных государственной статистики, а также материалов социологического исследования анализируются гендерные особенности кадрового состава науки Республики Беларусь в 2016 г. Приводятся сравнительные данные о распределении женщин-исследователей (в том числе докторов, кандидатов наук) по областям науки в 2005, 2010 и 2015 гг.

Ключевые слова: научные кадры, исследователи, женщины, феминизация, область науки, доктор наук, кандидат наук, гендерные особенности.

По данным государственной статистики на 1 января 2016 г. общая численность исследователей в Республике Беларусь составила 16 953 человека, в том числе соотношение мужчин и женщин в составе исследователей – 59,5 % и 40,5 % [1, с. 23]. Так как практически во всех областях науки доля женщин превышает долю мужчин, можно говорить о том, что в Беларуси продолжается процесс «феминизации» науки, причем оценить его, как однозначно положительное явление, довольно сложно. С одной стороны, увеличение представительства женщин-ученых среди исследователей говорит об эффективности гендерной политики государства и является благом для науки, так как способствует преодолению одностороннего «мужского взгляда» на производство научного знания. С другой, феминизация науки Беларуси – это явление, обусловленное уходом мужчин из малопрестижных и низкооплачиваемых сфер трудовой деятельности, к которым сегодня относится наука.

По мнению российского ученого М. М. Проскуриной, «последствия феминизации науки неоднозначны. С одной стороны, участие женщин делает слабо оплачиваемую сферу занятости стабильной. По мнению психологов, в смешанных коллективах более благоприятный социально-психологический климат, меньше конфликтов. Кроме основной научно-исследовательской функции, женщина выполняет и дополнительную роль – смягчение “нравов”, улучшение межличностных отношений. В когнитивном плане женское участие имеет иные, чем мужское, концептуальные допущения и логику исследования, что позволяет расширить возможности научного поиска. С другой стороны, чрезмерная феминизация научных кадров, безусловно, нецелесообразна с точки зрения эффективности научной деятельности» [2, с. 76].

Наиболее феминизированными в настоящее время в Беларуси являются области сельскохозяйственных (62,7 %) и гуманитарных (62,3 %) наук. Затем

следуют медицинские (60,7 %), социально-экономические и общественные (59,1 %), естественные (47,7 %) науки. Преимущественно «мужской» остается область технических наук, причем доля женщин среди исследователей здесь не только не растет, но и постепенно уменьшается. Так, если в 2005 г. она составляла 34,4 %, то в 2015 г. – 30,7 %. Анализ квалификационной структуры различных областей науки показывает, что область технических наук также менее всего обеспечена докторами и кандидатами наук. По состоянию на начало 2016 г. в области технических наук доля женщин среди исследователей с ученой степенью доктора и кандидата наук составила 8,8 % и 16,3 % соответственно, тогда как в области гуманитарных наук – 30,5 % и 55,2 %; в области сельскохозяйственных наук – 21,4 % и 47,9 %; в области медицинских наук – 23,9 % и 60,2 %; в области естественных наук – 17,9 % и 42,1 %; в области социально-экономических и общественных наук – 12,2 % и 46,2 %.

Анализ приведенных в табл. 1 данных позволяет отметить положительную тенденцию увеличения доли женщин-исследователей среди специалистов высшей научной квалификации. Тем не менее общее число женщин-исследователей Беларуси, имеющих ученые степени, существенно уступает числу мужчин. Так, по данным 2015 г. доля женщин среди исследователей с ученой степенью доктора наук составляет 17,7 %, кандидата наук – 40,1 %.

Таблица 1. **Женщины в составе исследователей Республики Беларусь**

Год	Численность исследователей			Из них с ученой степенью					
				доктора наук			кандидаты наук		
	всего	из них женщин		всего	из них женщин		всего	из них женщин	
		человек	%		человек	%		человек	%
2005	18 267	7897	43,2	780	118	15,1	3232	1161	35,9
2010	19 879	8392	42,2	746	127	17,0	3143	1156	36,8
2015	16 953	6863	40,5	648	115	17,7	2822	1133	40,1

Рассчитано по: Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – С. 24; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – С. 23.

В значительной мере эта ситуация объясняется тем, что для науки Беларуси, как и ряда других стран мира, характерна тенденция, которую можно назвать «течь в трубе». Это значит, что молодые женщины успешно заканчивают вузы, магистратуру, аспирантуру, а затем либо уходят из науки, либо, оставаясь в этой сфере занятости, перестают профессионально расти и делать карьеру. В первую очередь это происходит из-за того, что забота о семье и доме транслируются как преимущественно женские обязанности, и женщины, в итоге, обладают меньшими, по сравнению с мужчинами, временными ресурсами и возможностями для осуществления научной карьеры. Снижение темпов карьерного роста после защиты кандидатской диссертации у значительного числа женщин происходит из-за высоких требований, предъявляе-

мых в настоящее время к качеству научных публикаций, и весьма ощутимой конкуренции с мужчинами. Существенную роль играет и такой фактор, как большая ответственность и напряжение сил при не слишком высокой оплате труда научных сотрудников, в том числе кандидатов и докторов наук.

С какими трудностями сталкиваются женщины-исследователи в своей трудовой деятельности, каковы их профессиональные планы и миграционные намерения, как они оценивают состояние и перспективы развития белорусской науки в ближайшем будущем? Ответы на эти и другие вопросы были получены в ходе социологического исследования, проведенного Институтом социологии среди научных работников НАН Беларуси в марте 2016 г.

В Национальной академии наук Беларуси трудятся более трети женщин-исследователей республики (36,3 %), при этом их доля среди ученых Академии составляет 47,5 % (2534 человека). В результате анкетного опроса было опрошено 536 исследователей, в том числе 260 (48,5 %) женщин. Большинство опрошенных (36,7 %) составляют лица 25–34 лет, затем их число снижается и составляет от 18,5 % и 16,8 % в возрастных категориях 35–44 и 45–54 года до 7,9 % и 7,4 % в возрасте 55–64 года и 65 лет и старше. Процент женщин пенсионного возраста составляет 15,3 %.

Большинство женщин-исследователей (55,2 %) работают в науке более 10 лет. 6 % опрошенных составили доктора наук, 28,3 % – кандидаты наук, 65 % – научные работники без ученой степени. При оценке по 10-балльной шкале большинство женщин (72,7 %) отметили, что используют в работе свой творческий потенциал более чем наполовину (на 6–10 баллов), в том числе 34 % – практически полностью (на 8–10 баллов). Наиболее значимыми в процессе трудовой деятельности для женщин-исследователей являются: личный вклад в развитие науки, участие в крупных исследовательских проектах национального и мирового уровня, а также признание их научных достижений зарубежными специалистами и высокий авторитет в научном сообществе.

Значительное число женщин считают, что за рубежом профессия ученого высоко оценивается обществом и является более престижной, чем в нашей стране. Тем не менее 31,8 % респондентов убеждены, что престиж науки и социальный статус ученого в нашей стране также со временем обязательно повысятся. Большинство научных сотрудников – женщин (69,4 %) не планируют эмигрировать из страны. Каждая десятая женщина-исследователь хотела бы уехать за границу для временной работы по исследовательскому гранту или контракту, в основном для того, чтобы повысить свой профессиональный уровень и квалификацию, и только 2,8 % опрошенных хотели бы уехать из страны навсегда.

Наиболее характерными проблемами своих структурных подразделений респонденты считают низкий уровень заработной платы и недостаточное финансирование научных исследований. Так, размером своей заработной платы не удовлетворены 62,5 % женщин-исследователей НАН Беларуси (табл. 2).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены размером заработной платы?»**

Степень удовлетворенности	Всего (человек)	В том числе			
		мужчины		женщины	
		человек	%	человек	%
Удовлетворен в полной мере	26	16	5,8	10	4,0
Отчасти удовлетворен	170	99	36,5	71	27,4
Не удовлетворен	313	150	55,1	163	62,5
Затрудняюсь ответить	12	5	1,7	7	2,8

В этих условиях для 23,2 % женщин-исследователей существенную роль играют дополнительные источники доходов (табл. 3).

Таблица 3. **Дополнительные источники доходов ученых НАН Беларуси**

Источники дополнительных доходов	Всего (человек)	В том числе			
		мужчины		женщины	
		человек	%	человек	%
Работа по нескольким темам в институте	53	32	11,7	21	8,2
Работа по хоздоговорной тематике	59	34	12,4	25	9,6
Работа по совместительству в других организациях	43	28	10,2	15	5,7
Грант БРФФИ	34	17	6,3	17	6,5
Грант зарубежных фондов	9	5	1,9	4	1,5
Зарубежный контракт	6	3	1,1	3	1,3
Преподавание в вузе (по совместительству)	36	25	9,3	11	4,1
Оказание услуг населению (строительство, ремонт, транспортные услуги)	15	10	3,6	5	1,8
Репетиторство	9	2	0,7	7	2,8
Случайные приработки	53	38	14,0	15	5,7
Материальная поддержка родителей	48	27	9,9	21	8,1
Другое	25	12	4,5	13	5,1

Примечание: процент ответивших на вопрос рассчитан по отношению к общему числу опрошенных (276 мужчин и 260 женщин).

Как видно из данных табл. 3, непосредственно в сфере науки (работа по нескольким темам в институте, в том числе по хоздоговорной тематике, выполнение грантов) подрабатывают 24,3 % женщин; 12,6 % женщин занимаются деятельностью, не имеющей прямого отношения к научно-исследовательской, но, в определенной мере, содействующей поддержке профессионального статуса научных работников (речь идет о репетиторстве, преподавании в вузе, а также работе по совместительству в других организациях); доходы от деятельности, не имеющей никакого отношения к науке (оказание строительных, ремонтных, транспортных услуг населению, другие случайные приработки) имеют 7,5 % женщин. Весьма существенной для 8,1 % женщин является материальная поддержка родителей.

Помимо низкой заработной платы примерно пятая часть женщин отмечают проблему старения кадров (23,2 %) и недостаточный приток молодежи (20,9 %), отсутствие возможности зарубежных командировок (22,8 %), а также современной экспериментальной базы исследований (18,9 %). Некоторые (16,7 %) обеспокоены увеличением прикладных исследований в ущерб фундаментальным, отвлечением сотрудников на поиск дополнительных заработков в ущерб основной работе (15 %), сокращением численности научных сотрудников своего подразделения (12,8 %).

Оставляет желать лучшего материальное положение и жилищные условия женщин – научных работников НАН Беларуси. Так, «хорошим» и «скорее хорошим» материальное положение своих семей считают 11,2 % респондентов, «средним» – 53,7 %, «скорее плохим» и «плохим» – 29,1 %. Примерно половина женщин (51,5 %) имеют отдельные квартиры, при этом почти каждая третья (30,1 %) не удовлетворена своими жилищными условиями, а 45,4 % не рассчитывают на их улучшение в ближайшие пять лет.

Данные исследования показали, что среди опрошенных нет единства в том, считают ли они себя, как ученые, нужными обществу. Так, положительно на вопрос ответили 25,1 % женщин, отрицательно – 31,4 %, затруднились с ответом – 41,2 %. Только 11,6 % хотели бы, чтобы их дети пошли по научной стезе, 39 % – не хотели бы этого, 46,4 % – не смогли определиться с ответом. Велика доля тех, кто практически никогда не испытывал по научному направлению, в котором работает, чувства причастности к мировому, международному и белорусскому сообществу ученых (соответственно 39,8 %, 31,6 % и 22,1 %), а также затруднившихся ответить на данный вопрос (соответственно 30,1 %, 22,9 % и 19,5 %).

В то же время большинство респондентов отмечают, что научным подразделениям, в которых они трудятся, практически не свойственны: низкий профессиональный уровень большинства сотрудников (так считают 63,8 % опрошенных), недостаточное информационное обеспечение исследований (47,4 %), отток за границу перспективных научных кадров (43,4 %).

Подавляющее большинство женщин отмечают, что в полной мере удовлетворены как отношениями в первичном научном коллективе (63,2 %), так и с руководителями своих структурных подразделений (72,8 %) и дирекцией институтов, в которых работают (59,8 %). Большинству женщин-исследователей НАН Беларуси (72,2 %) не приходилось сталкиваться с какими-либо проявлениями гендерного неравенства в своих трудовых коллективах. 15,6 % опрошенных отмечают, что сталкивались с такими фактами (по отношению к себе или коллегам), в частности, при оплате труда, повышении в должности и некоторых других обстоятельствах. Тем не менее случаи эти являются единичными, констатация их респондентами носит весьма субъективный характер, и, таким образом, они не могут свидетельствовать о наличии серьезной проблемы в этом вопросе.

Анализ данных исследования показал, что значительное число женщин-исследователей НАН Беларуси по-настоящему преданы науке. Так, 68,2 %

опрошенных считают научную деятельность своим призванием, 52,4 % дорожат своим рабочим местом и не планируют менять его в обозримом будущем, 41,6 % привлекают образ жизни и круг общения ученого, 33,8 % хотят профессионально реализоваться именно в сфере науки. Динамика статистических данных о кадровом составе академической науки показывает, что доля женщин-исследователей с ученой степенью кандидата и доктора наук постоянно растет. Так, по сравнению с 2005 г. доля женщин с ученой степенью доктора наук выросла на 2,4 %, кандидата наук – на 4,1 %. Эти факты свидетельствуют о том, что, несмотря на трудности, связанные, в первую очередь, с мировым экономическим кризисом, сфера науки по-прежнему является привлекательной для значительной части женщин, а меры, предпринимаемые государством по улучшению социально-экономического положения ученых и закреплению в науке молодежи, играют существенную роль и являются весьма привлекательными для тех из них, кто эффективно работает, профессионально растет и использует в своей трудовой деятельности весь арсенал средств и возможностей, которые предоставляет государство по-настоящему талантливым и активным научным работникам.

Тем не менее значительное число женщин-исследователей не удовлетворены своим социально-экономическим положением (29,1 %), считают, что наука в Беларуси не входит в число основных национальных приоритетов (67 %), низко оценивают перспективы своего должностного и профессионального роста в сфере науки (45,2 %). Осознавая, что наука – это сфера низкооплачиваемого труда, часть из них вынуждены искать дополнительные источники доходов (23,2 %) или другую работу (25,4 %), чаще всего не связанную с научной деятельностью (21,8 %).

Для того чтобы изменить ситуацию и способствовать развитию карьерных установок женщин-исследователей, необходимо принять комплекс мер, в первую очередь направленных на повышение статуса науки в обществе, поскольку в настоящее время только 13,8 % респондентов считают профессию ученого престижной в нашей стране. По мнению опрошенных, закреплению кадров в белорусской науке в решающей мере способствовали бы не только повышение заработной платы (82,1 %) и расширение источников финансирования научных исследований (59,9 %), но и повышение социального статуса ученого в обществе (45,5 %), а также изменение отношения к науке как к основному фактору экономического и социального развития общества (45,6 %). Весьма существенными были бы меры по развитию международных научных связей (30,7 %), радикальному улучшению материально-технических условий труда, технологической оснащенности лабораторий (44,2 %), а также предоставлению ученым особых социальных привилегий в виде льготного жилья, государственных дач, высоких пенсий и т. п. (42,2 %).

По нашему мнению, главным условием эффективной научно-исследовательской работы и профессионального роста ученых, независимо от пола, в современных условиях являются совершенствование материально-техни-

ческой базы и улучшение финансирования фундаментальной науки, а также востребованность ее результатов прикладной наукой. Решение материальных и бытовых проблем, повышение уровня социальной защищенности и оплаты труда научных работников, а также решение жилищных проблем позволили бы создать равные для мужчин и женщин возможности реализации научной карьеры. Весьма эффективными были бы политические инициативы правительства и общественных организаций (в первую очередь профсоюзных), направленные на улучшение положения женщин, занимающихся научными исследованиями. Для женщин, добившихся высоких достижений в науке, следует учредить специальные награды (ежегодные стипендии, премии), стимулирующие их к более активному труду на благо общества.

Список использованных источников

1. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – 145 с.

2. *Проскурина, М. М.* Феминизация науки как социологическая проблема / М. М. Проскурина // Социол. исслед. – 2002. – № 3. – С. 71–77.

T. A. ANTONOVA

WOMEN AMONG RESEARCHERS IN BELARUS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

Based on national statistics, as well as the data of sociological research the article by T. A. Antonova «Women among researchers in Belarus: a sociological analysis» examines gender specific of scientific staffing of the Republic of Belarus in 2016. There is comparative data on the distribution of women researchers (PhDs, Grand PhDs) by fields of science in 2005, 2010 and 2015.

Keywords: scientific personnel, researchers, women, feminization, field of science, Grand PhD in sciences, PhD in sciences, gender distribution.

Поступила 14.11.2016 г.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.4:316.44

Р. А. СМИРНОВА,
доктор философских наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Предлагается авторская схема теоретико-методологического анализа социальной структуры современного общества, основанная на трех ключевых подходах: марксистском (естественно-историческом) и неовеберианском, позволяющим выявить экономическую и социетальную природу изменений в социальной структуре, а также культурно-символическом, составляющим идеальный контекст современных социально-экономических и социально-политических трансформаций.

Ключевые слова: классы, социальные группы, социодинамика социальной структуры, рабочий класс, крестьянство, собственники средств производства, социально-классовая самоидентификация, социальные интересы.

Социально-классовая структура в странах постсоветского пространства начинает меняться с середины 90-х гг. XX в. в связи с серьезными изменениями в сфере общественного производства, за которыми, в свою очередь, последовало перераспределение численности и влияние на общество крупнейших социальных групп. Незадолго до переписи населения в 1999 г. в основу социально-классовой структуры был взят признак «положение в занятии», то есть профессиональная деятельность. Изменения в социально-экономическом укладе привели к резкой дифференциации населения по имущественному признаку и по степени доходности. Становится явной разница в общности интересов различных слоев социальной структуры. На тот момент социальная структура представляла следующие группы: 1) работающие по найму на предприятиях, в организациях, учреждениях, крестьянских, фермерских хозяйствах, по обслуживанию домохозяйства, у отдельных граждан; 2) работающие не по найму: в собственном крестьянском, фермерском хозяйстве, на собственном предприятии, на индивидуальной основе, на семейном предприятии, в личном подсобном хозяйстве; 3) получающие государственное обеспечение: стипендии, пенсии, пособия, кроме пособия по безработице; пособие по безработице и др.; 4) имеющие доход от собственности; 5) находящиеся на иждивении; 6) имеющие иные источники. Российские и белорусские социологи опубликовали ряд монографий, фиксирующих динамику социальной структуры постсоветских обществ. Однако после этого внимание к анализу социальной структуры общества существенно уменьшилось. Тем не менее

периодически появляются исследования, свидетельствующие об актуальности данной темы. Предлагаются разные варианты видения социально-классовой структуры современного общества.

Так, некоторые российские социологи считают, что в современном российском обществе можно выделить основные группы классов: *производственные классы*, осуществляющие процесс материального производства; *коммерческие классы,* осуществляющие процесс обмена; *государственно-распределительные классы,* осуществляющие процесс распределения и перераспределения; *обеспечивающие (обслуживающие) классы*, осуществляющие обеспечение нормального протекания процессов производства, обмена и распределения; *деклассированные элементы*. Также выделяют отдельную социальную группу, это – служители религиозных культов (духовенство) [1].

При всей кажущейся полноте предложенной социально-классовой карты российского общества, ее эвристический потенциал не выходит за рамки жесткой схемы; она не позволяет видеть социокультурную динамику социальной структуры, смерть и рождение новых классов и социальных групп, живой социально-культурный процесс развития социума. Этим недостатком (не отношения, а жесткая градация) страдает и стратификационная теория, в соответствии с которой большинство социологов и политологов придерживаются мнения, что к настоящему времени происходит формирование трех основных классов или слоев – верхний (богатые), средний (зажиточные), нижний (бедные). Более того, вопрос о доле каждого класса в общей структуре общества, а также о количестве социальных слоев (страт), то есть конкретной стратификации, по-прежнему вызывает споры.

Для идентификации различных социальных слоев в вертикальной структуре постсоветского общества используют совокупность факторов, которые и определяют, по мнению авторов данных теорий, социальное расслоение. Среди иерархии факторов первые места как в зарубежных (начиная с М. Вебера), так и в отечественных исследованиях занимают власть, престиж, доход. По мнению сторонников данной теории, несформированность механизмов, которые способствуют «нормальной» дифференциации общества, лишь углубляет пропасть между богатыми и бедными слоями и, как следствие, приводит к уменьшению и «вымыванию» среднего класса. При этом правильно подчеркиваются размытость границ, отделяющих так называемый средний класс от рабочего класса, подвижность, ситуативность, отсутствие четких очертаний. Социологи заметили, что люди, находящиеся вблизи от этих границ, могут оказываться втянутыми в межклассовую социальную мобильность без особого напряжения. Занимая, например, одну и ту же позицию в фирме, имея один и тот же ресурс, они вдруг оказываются вовлеченными в новую рыночную ситуацию, которая радикально меняет их классовый статус.

Авторский подход заключается в том, что социально-классовая структура рассматривается как атрибут капиталистического общества, результат конвертирования экономических процессов воспроизводства капитала в социальные процессы его неравного распределения. Если в Беларуси есть част-

ная собственность на средства производства, есть свободный рынок труда и капиталов, то есть и классовая структура, хотя можно спорить о степени ее зрелости и национальных особенностях. Если же есть такая структура, то необходим и классовый анализ как теоретический инструмент ее интерпретации, хотя есть и другие типы социальных структур (гендерная, возрастная, профессиональная, отраслевая, этническая и т. д.). Классовая – одна из них. В одних случаях она выходит на первый план, в других – отодвигается в тень, но она не исчезает совсем. При этом необходимо понимать, что классовый подход и теория классов есть, прежде всего, инструмент познания, так же, как и стратификационная теория, и теория Бурдьё, пытающаяся объяснить социальное расслоение общества через обладание разного вида социальными ресурсами (символический, культурный и экономический капиталы) и многие другие, что говорит о недопустимости их онтологизации. Каждая из этих теорий пытается по-своему объяснить объективно происходящие социальные сдвиги, и в зависимости от целей исследования способна не только описывать те или иные явления социальной жизни, но и открывать новые, неизвестные грани этих явлений, новые типы отношений и даже новые социальные группы, восходящие на историческую арену. При устоявшемся социальном порядке и для определенных целей успешно может описывать социальную структуру стратификационная теория; в условиях резкого противостояния классов и смены общественного уклада – классовая теория К. Маркса; в периоды не устоявшихся социоструктурных изменений, зарождения новых и упадка некоторых прежних классов, обусловленных сменой общественного уклада, могут использоваться социологами новые социально-классовые теории или комбинированные из уже известных.

В данной статье предлагается осуществлять социологический анализ социальной структуры белорусского общества на основе учета трех методологических подходов: марксистского (естественно-исторического) и неовеберианского, позволяющих выявить экономическую и социальную природу социодинамики социальной структуры, а также культурно-символического, составляющего идеальный контекст современных социально-экономических и социально-политических трансформаций. С помощью естественно-исторического подхода появляется возможность показать причину социально-классовой динамики в изменениях в материальной жизни общества (советской индустриализации, урбанизации, трудовой мобильности, перехода на рыночную экономику и т. п.) в Беларуси, объяснить появление новых социальных групп (собственников, наемных работников и новой бюрократии) сменой прежнего социально-экономического уклада на рыночно-капиталистический. Неовеберианский подход позволяет раскрыть специфическую социальную сторону белорусской траектории социально-структурных изменений по сравнению с изменениями в других постсоветских странах, обусловленную не только наличием человеческих и других материальных ресурсов, сложившимися в обществе политическими отношениями, межпоколенческими связями,

социальными отношениями, менталитетом, традициями, политической активностью, доверием и отношением к власти, но и способностью власти сохранять и распространять свое влияние путем идеологического воздействия на массы с помощью социального конструирования обществоведами и политиками социально-классовой структуры общества как реальной и отвечающей общественному благу. Культурно-символический подход акцентирует формы и способы самоидентификации индивидов, групп и классов, выраженные в ценностно-мировоззренческой системе этих социальных коллективов. Многоаспектный подход к изучению социодинамики социальной структуры общества помогает выявить противоречивый, неоднозначный характер проявления классово-дифференцирующих признаков в социальном положении их носителей, а также появления промежуточных социальных групп, и тем самым определить точки роста новых социальных общностей. В этой связи предлагается социологическое определение классов (рабочее) через следующие критерии классообразования: 1) типичные (институциональные) формы и способы взаимодействий индивидов или групп людей по поводу производства и распределения; 2) специфические для них социальные взаимоотношения и ресурсы; а также 3) ценностно-мировоззренческие системы и связанные с ними формы самоидентификации. То есть можно сказать, что классы – это большие группы людей, отличающиеся типичными формами взаимодействия индивидов в отношении производства и распределения, специфическими способами межгрупповых и социальных взаимоотношений, обладающие особой ценностно-мировоззренческой системой, являющейся основным способом и формой их самоидентификации.

Возможность и необходимость использования разных методологических подходов к одному объекту исследования обусловлена его многоаспектностью: социальная структура общества может рассматриваться, то есть быть предметом исследования, и как процесс изменения, процесс генезиса и смерти классов, и как устойчивая структура или иерархия, и с точки зрения групповой динамики, и с точки зрения индивидуального жизненного пути человека. Именно множественность предметов исследования данного объекта – социальной структуры общества, обусловливающая возможность применения разных методик и методологий, является необходимым и достаточным основанием для использования комплексного подхода в научном исследовании.

Нужно сказать, что изучение классовой структуры интересно само по себе. Кроме того, ее понимание – это ключ к пониманию поведения людей, включенных в нее. Классовая принадлежность в существенной мере формирует образ жизни людей, стили потребительского поведения, электоральный выбор. На Западе много исследований посвящается вопросам связи классовой принадлежности и электорального поведения. И она явно прослеживается. В Беларуси классовый статус пока слабо влияет на действия избирателей. И причина не в том, что нет классовой структуры, а в отсутствии, во-первых, четких представлений о классовых интересах и, во-вторых, реальных партий, способных эти интересы представлять и отстаивать не на словах, а на деле.

Есть и другой аспект анализа изменения классовой структуры. Он касается не только характера ставшей, сформированной структуры, но и ее генезиса и эволюции, на что в данной статье обращается особое внимание. Так, еще в СССР в 1970-е гг. распространился лозунг о науке, ставшей непосредственной производительной силой: роботизация и автоматизация приводят к ликвидации физического труда в существенных моментах производства, рабочий и колхозник все чаще превращается в оператора, а наиболее важным фактором производства становится научно-технический потенциал, знания и технологии. Однако последние социологические опросы показали, что вместо интеллектуализации труда произошли неожиданные метаморфозы: значительное снижение квалификации рабочих всех сфер производства (и индустриального, и аграрного), невостребованность образования в процессе труда в материальном производстве, превращение работников в «частичных» работников, в «винтиков» машинного производства, отчуждение труда, нежелание работать на рабочих профессиях и многое другое [2, с. 196].

Однако это не единственная проблема. Существенно снизился классово-групповой статус некогда основных классов – рабочих и крестьян. В общественном сознании населения Беларуси, России и других постсоветских стран, особенно в сравнении с советским периодом, данные социальные группы превратились в так называемые «непопулярные классы». Существенную роль в этом сыграл отказ от марксистской идеологии, в рамках которой рабочий класс рассматривался как исторически передовой. Однако процессу снижения статуса рабочих и крестьян способствовали не столько идеологические причины, сколько изменения в сфере материального производства и экономических отношений (рынок), что выразилось в нежелании людей работать на рабочих профессиях и на производстве в целом, в повышенной горизонтальной (текучесть кадров) и территориальной миграции (из села в город), падении среднего уровня квалификации рабочих в городе и селе, снижении социальной активности и классового самосознания. То есть постепенно проявились все признаки «смерти труда», связанные с тенденциями в изменении социально-классовой структуры, ранее выявленными социологами на Западе.

В сельской местности также произошли изменения, связанные с вхождением в рыночные отношения. Однако необходимо учитывать, что имущественное расслоение в белорусской деревне еще не получило широкого распространения, а если оно и существует, то не в таких масштабах и не так явно, как в других постсоветских странах. Тем не менее изменилась социальная структура работников сельского хозяйства, занимающихся физическим трудом, также качественно иными стали группы руководителей, специалистов и сельской интеллигенции, которые приобрели новые характеристики, обусловленные их включением в рыночную среду и отношения. Поэтому, наряду с отношением к собственности как критерием классообразования, продолжают выступать имущественный, профессиональный признаки, а также место в разделении труда, характер труда, образ жизни и способы самоидентификации сельских жителей.

Так случилось, что по мере углубления процессов индустриализации аграрного производства, урбанизации способов жизни и демократизации взаимоотношений на селе произошло постепенное разграничение сельских жителей, занимающихся физическим трудом, на три группы: работающих на производстве в городе и ведущих городской образ жизни, но живущих в сельской местности; работающих в индустриализованной аграрной сфере, но живущих по нормам сельской жизни; работающих на собственном подворье и ведущих товарное хозяйство при сохранении крестьянского жизненного уклада. В связи с этим появились более четкие признаки, позволяющие отличать в современном белорусском селе сельскохозяйственных рабочих и крестьян. На основании их к крестьянству как классу можно отнести лишь тех селян, которые используют собственность (технику, строительные сооружения, человеческий ресурс и др.) с целью получения прибавочного продукта и прибыли, характер труда которых, в отличие от сельскохозяйственных рабочих, во-первых, определяется нерегламентированными временными рамками, во-вторых, требует совмещения функций рабочего, руководителя, хозяина, собственника, распорядителя и продавца выращенной продукции, что делает труд крестьянина в меньшей степени отчужденным, нежели труд рабочего; в-третьих, осуществляется членами семьи или небольшим количеством наемных работников, работающих на партнерских началах; в-четвертых, выступает главным источником дохода семьи (даже если они формально работают в общественном производстве) и, в-пятых, связан с жизнью в сельской местности.

Соответственно основными классообразующими признаками (показателями) крестьянства выступают: ведение расширенного товарного производства сельхозпродукции, направленного на получение высокой доходности личного хозяйства, необременительность ненормированным рабочим днем, нежелание работать под чьим-то началом, самостоятельность в принятии решений, неотчужденный труд, участие в работе по хозяйству всей семьи или использование наемной силы на правах партнерства, а не найма по контракту, рыночное отношение к собственности на землю, средства и продукцию производства (желание приобрести больше земельных угодий, положительное отношение к частной собственности на землю и др.), низкая миграционная мобильность, крестьянские самоидентификация и образ жизни.

Основываясь на этих критериях, первые две группы сельских жителей квалифицировать как крестьян очень трудно, но можно отнести их к рабочим сельскохозяйственного или промышленного производства. Образ жизни и экономическое поведение последних радикально отличается от крестьянского: если рабочие и имеют подворье, на котором трудятся все члены семьи, получаемая продукция имеет исключительно потребительский характер (подобно дачному труду горожан), а основные доходы они получают с постоянного места работы в относительно крупном сельскохозяйственном производстве, где они выступают в роли наемных работников. Как правило, рабочие отличаются нерыночным отношением к собственности на землю (не хотят

приобретать землю для производства) и продукции с подворья (не продают ее с целью получения и увеличения дохода); отсутствием потребности в расширении земельных угодий, высокой миграционной мобильностью, стремлением жить по городским образцам, ориентацией детей на городские профессии и городской образ жизни, желанием работать строго по времени, оговоренном в контракте (с выходными, праздниками и заслуженным отпуском), способностью участвовать в сложной технологической системе производства, достаточно точно выполняя технологические регламенты, нормативы и указания со стороны начальства, классово-коллективистской солидарностью и относительной социальной субъектностью.

Наряду с рабочими и крестьянами появились новые социальные группы белорусского общества, в частности класс собственников, получающих доход от владения, распоряжения и управления собственностью (в марксовой терминологии – буржуазия). Речь идет о понятии собственности как средства производства, неважно, в материальной или идеальной форме, позволяющей за счет чужого или собственного труда (по Марксу – эксплуатации и самоэксплуатации) наращивать, получать новую стоимость, способствовать самовозрастанию стоимости. Средние и мелкие предприниматели стали составлять так называемый средний класс. Однако разрыв экономических связей, утрата рынков сбыта сколь-нибудь высокотехнологичных товаров и необычайно высокий уровень расслоения в современных постсоветских обществах сделали надежды на появление достаточно объемной социальной группы среднего класса весьма эфемерными. Более того, в литературе отмечается, что «те социальные группы, и в первую очередь в среде столичных жителей, которые с большой натяжкой можно было отнести к среднему классу, в постсоветских экономических реалиях получили крайне неустойчивый статус. Их материальное положение всегда балансировало “на грани”, а амбиции, как правило, далеко превосходили возможности. Результатом этого стала парадоксальная ситуация, когда так называемый средний класс сделался не опорой стабильности и порядка, а основным агентом социальных конфликтов» [2, с. 255].

В то же время укрепляется социальная группа крупных собственников (новой буржуазии) − белорусских миллиардеров, получающих доход на основе концентрации в своих руках производственных, финансовых и интеллектуальных ресурсов страны. Сращиваясь с высшим уровнем бюрократии, она формирует национальный олигархат. В последнее десятилетие активно завоевывает место в социальной структуре белорусского общества социальная группа так называемой новой буржуазии, состоящей из профессионалов, как правило, работающих индивидуально или корпоративно, но использующих свой личный интеллектуальный потенциал и социальные сети в качестве средств получения доходов (специалисты и эксперты в сфере права и адвокатуры, консалтинговых услуг, рекламы, IT-технологий и т. п.). Их иногда называют креативным классом, способами деятельности и общения, социальными связями и образом жизни задающим идеалы и образцы жизни и поведения для простых обывателей.

Вышеперечисленные социальные группы являются основными, структурообразующими звеньями общества, при этом каждая из них, выступая в качестве ядра, окружена своей периферией, имеющей нестабильный, маргинальный, текучий характер, представители которой могут переходить из одной группы или слоя в другой, повышая или снижая свой социальный статус в зависимости от материального положения и степени обладания властными ресурсами. Например, ядром наемных работников (работников, не обладающих, не распоряжающихся и не управляющих собственностью средств производства) выступают рабочие − работники высокотехнологичных крупных предприятий. Периферией – рабочие средних и мелких предприятий, заводов, фабрик (независимо от формы собственности), рабочие сельского хозяйства, работники сферы услуг и т. п.

В качестве ядра класса собственников средств производства – отечественной буржуазии выступают крупные собственники предприятий и организаций, ранее принадлежащих государству, банков и других финансовых структур, крупных собственников фирм в сфере услуг (туризма, страхования, сети торговых организаций и т. п.). Периферия данного социального слоя включает разного рода представителей малого и среднего бизнеса, фермеров, держателей агроусадеб, владельцев крестьянских хозяйств, индивидуальных предпринимателей и других частных собственников.

Это далеко не весь перечень новых социальных групп, слоев и классов, формирующихся в странах постсоветского пространства и, в частности, в Беларуси. Проблема заключается в том, что социально-классовая структура постсоветских обществ представляется пока чисто феноменологически, то есть на уровне здравого смысла в виде жестких схем, не раскрывающих социальный механизм зарождения и упадка некоторых социальных групп. Научного обоснования существующего социально-классового расслоения, генезиса новых классов, критериев классообразования, социально-классовой самоидентификации и социально-политического потенциала возникающих социальных групп пока не существует.

Ситуация усугубляется тем, что место этих социальных групп в условиях нестабильности экономики и несформированности социальной структуры белорусского общества чрезвычайно неустойчиво. Многие их представители, особенно из периферии ядра каждого из основных классов (крупные собственники ресурсов и капиталов, наемные работники и высшая бюрократия), дрейфуют из одной социальной группы в другую, то повышая свой социальный статус, то понижая его. Более того, говорить о сформированности классов как относительно устойчивых группах, осознающих свои интересы и способы их отстаивания, обладающих четким классовым самосознанием, пока сложно. Определить это социологическими методами и теоретической рефлексией – задача обществоведов.

Таким образом, современное белорусское общество является обществом с быстро изменяющейся и до сих пор нестабильной социально-классовой

структурой, при анализе которой надо учитывать дополнительные факторы. Для такого общества характерен:

массовый переход людей из одного класса или социальной группы в другой класс или социальную группу;

быстрое изменение отношений собственности;

отсутствие устоявшегося классового сознания;

отсутствие устоявшихся механизмов воспроизводства социально-классовой структуры;

наличие ряда переходных социальных групп.

Социологический анализ представленного перечня социальных групп – основных и промежуточных – позволяет не только показать социально-классовую карту белорусского общества, но и выявить те социальные группы, которые, выступая точками роста и качественного изменения, могут «переформатироваться» в новые социальные силы, способные стать в авангарде социального прогресса белорусского общества. Ситуация усложняется невозможностью коренных социально-экономических преобразований, крупных национальных проектов и даже текущих социальных программ без знания социально-структурной карты Беларуси, определения той социальной базы, на которую можно опираться при их реализации. Кроме того, актуальность изучения социодинамики социальной структуры белорусского общества обусловлена необходимостью выяснения политического и протестного потенциала разных социальных групп, а также масштабов влияния на общество социальных сил, заинтересованных в сохранении сложившегося социального порядка в стране.

Список использованных источников

1. *Голенкова, З. Т.* Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / З. Т. Голенкова, Ю. В. Гридчин, Е. Д. Игитханян ; Ин-т социологии РАН. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. – 481 с.

2. *Смирнов, В. Э.* Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция / В. Э. Смирнов. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 293 с.

R. A. SMIRNOVA

SOCIAL-CLASS STRUCTURE OF THE BELARUSIAN SOCIETY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The author suggests a scheme of theoretical and methodological analysis of social structure of modern society based on three key approaches: Marxist (natural history), Neo-Weberian allowing to identify economic and societal nature of the changes in the social structure as well as cultural and symbolic which constitutes an ideal context of contemporary socio-economic and socio-political transformations.

Keywords: classes, social groups, socio-dynamics of the social structure, working class, peasantry, the owners of the means of production, social and class identity, social interests.

Поступила 10.11.2016 г.

УДК 316.4:316.47

В. Э. СМИРНОВ,
кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ИСТОРИИ СССР)

Предлагается рассмотрение механизма классообразования через возникновение новых способов взаимодействия по поводу производства и распределения и форм самоидентификации посредством выработки ценностно-мировоззренческой системы, совокупности норм и идеалов, отражающих эти взаимодействия. Обосновывается, что новая социальная общность, претендующая на диффузию своих ценностей на все общество, навязывая обществу свои представления о должном, свое мировоззрение и свои поведенческие принципы, с необходимостью вступает в конфликт с социальными группами и их ценностно-мировоззренческой системой, доминирующими в обществе ранее.

Ключевые слова: классы, социальные группы, самоидентификация, ценностно-мировоззренческая система, идеалы, нормы, способы взаимодействия, социальный конфликт, когнитариат, номенклатура.

В данной статье речь пойдет об одном из механизмов изменений социальной структуры общества, появления новых или трансформации уже сложившихся социальных групп, связанных с устоявшейся системой социальных отношений. Практически всегда подобные изменения вызывают социальные конфликты, повышают уровень социального напряжения. Надо сказать, что это естественная и вполне предсказуемая ситуация. Новая социальная общность, претендующая на диффузию своих ценностей на все общество, навязывая обществу свои представления о должном, свое мировоззрение и свои поведенческие принципы, с необходимостью вступает в конфликт с социальными группами и их ценностно-мировоззренческой системой, доминирующими в обществе ранее [1]. Ввиду так называемой аберрации близости, этот тезис удобнее обосновать не на современном материале, а обратиться к относительно недавней истории – к истории советского государства, в частности, к периоду оттепели, когда в 1960-е гг. стала появляться новая социальная группа, аналог которой на Западе стали называть когнитарным слоем, или когнитариатом.

С развитием СССР и серьезными изменениями в материальной и технологической базе страны к 60-м годам XX столетия в социальной структуре общества произошли существенные перемены. Появились и консолидировались новые социальные общности. Речь идет о людях, которых еще Д. Белл определил как «knowledgeworker», назвав когнитариатом. Они составляют социальную

группу, материальным основанием существования которой явилось то, что на уровне лозунгов артикулировалось как превращение науки в непосредственную производительную силу. Социальные предпосылки для возникновения когнитариата как особой группы, проявляющей некоторые признаки класса, появляются тогда, когда в общественном производстве на первое место выходит инновационная научно-инженерная деятельность, а непосредственное индустриальное производство становится лишь моментом общественного производства, отступив на вторые роли перед творческой, «когнитарной» активностью. Впрочем, численного роста людей, занятых в «интеллектуальных» сферах деятельности, еще недостаточно для того, чтобы сложился новый класс, или, вернее сказать, общность, которую через призму классовой теории можно рассматривать как класс. Должны были появиться, получить социальную легитимность и укрепиться новые формы социального взаимодействия, отделяющие именно этот социальный коллектив от других, ибо если рассматривать классы именно с социологической, а не политэкономической точки зрения, то именно формы и способы социального взаимодействия, как внутри исследуемой общности, так и с представителями других классов и основных социальных групп, являются основными критериями и социологическими показателями классово-групповой дифференциации. Эти формы и способы, зародыш которых появился еще в XIX в. в локусе российской интеллигенции, возродились в новых способах организации людей, новых институтах, созданных в советском обществе для реализации научно-технических задач. К 60-м гг. XX в., вследствие экономических преобразований в СССР, относительная численность интеллигенции была уже высока, но ядром кристаллизации этого слоя сделались отношения, складывающиеся в рамках наиболее передовых проектов в научных коллективах, участвующих в наиболее значимых для страны программах, с их специфическими способами организации. В рамках такой деятельности способы взаимоотношений и взаимодействий институализировались, а также вырабатывались ценности, нормы и идеалы, которые затем транслировались на остальное общество, и в первую очередь на интеллигентские слои. Эти сдвиги находили выражение в мировоззрении, интеллектуальной и духовной жизни советского общества. В частности, о складывании новой социальной общности в полной мере сигнализировали изменения в сфере «лирики», особенно в литературе, ибо, как уже не раз отмечалось, именно литература в нашей культуре являлась и по сей день является способом гражданской саморефлексии. В первую очередь это резко возросшая популярность поэзии, как классической (в те годы громадными тиражами переиздавалось многое из классики), так и современной (популярные на то время поэты: Рождественский, Вознесенский, Евтушенко, барды – Высоцкий, Окуджава и многие другие). Приметой времени были поэтические вечера, которые собирали не то что полные залы, а сверх того – люди стояли в проходах. Впрочем, и в прозе изменения были не менее значительны. Мы не станем перечислять фамилии, которые на постсоветском

пространстве должны были быть известны каждому образованному человеку. Однако скажем, что революционные процессы в советской культуре имеют куда более глубокие основания, чем смена лидеров страны, к чему обычно сводят процессы под названием «оттепель». Речь идет о формировании нового видения мира.

В этой связи зададимся вопросом: «Что такое “новое видение”?» Чем отличались новые произведения литературы и искусства в целом от старых? Например, в одной критической работе дано следующее описание: «Изменение общественного климата первыми почувствовали и запечатлели в своих произведениях писатели. Читатели оказались захваченными настоящим лирическим половодьем. “Разговор о лирике” начала ленинградская поэтесса Ольга Берггольц, призывавшая к большей искренности, раскрепощенности поэзии. “Литературная газета” на первой странице первомайского номера за 1953 год опубликовала целую подборку стихов о любви, нарушив тем самым многолетнюю традицию официального празднования (“Стихи к Первомаям / в недавние дни / писал я, / о том не печалясь, / что слишком уж громко звучали они / и слишком легко получались”, – признавался Е. Евтушенко)» [2]. Или в другой работе: «В 60-е… годы по-новому зазвучала тема Великой Отечественной войны в прозе и кинематографе. Художественные произведения тех лет не только более смело раскрывали конфликты и события минувшей войны, но и заостряли свое внимание на судьбе отдельно взятого человека на войне. Самые правдивые романы и фильмы были написаны и сняты писателями и режиссерами, знающими войну по личному опыту. Это прозаики В. Астафьев, В. Быков, Г. Бакланов, В. Кондратьев, кинорежиссеры Г. Чухрай, С. Ростоцкий» [3, с. 35]. Нет смысла приводить подобные высказывания, касающиеся иных направлений, например, писателей-«деревенщиков». Необходимо поставить вопрос иначе, выяснить, что же в принципе означало появление множества новых направлений, литературных форм и подходов. Ведь речь идет не об одном авторе и не о небольшой группе единомышленников – на самом деле изменения охватили практически все сферы культурного творчества. А это означает, что они стали понятными и нужными людям, то есть изменения произошли в самом обществе, а не сделались следствием деятельности тех или иных личностей, пускай эти личности – талантливые деятели искусств или, того более, политические лидеры страны.

Изменения, если свести их к одному знаменателю, состояли в том, что если не все общество, то существенная, значимая его часть взглянула на реальность по-новому, иначе. А это, с социологической точки зрения, означает, что появился носитель этого взгляда – какой-то новый социальный коллектив или группа. Придется ненадолго отвлечься, чтобы пояснить одну вещь, которую часто забывают сообщить своим читателям авторы учебников по социологии. Наверное, можно изучать общество чисто феноменологически, то есть разделяя его по стратам в зависимости от какого-либо критерия, чаще материального. Но когда мы говорим о появлении в обществе новой социальной общ-

ности, подразумевая изменение социально-классовой структуры, формальных критериев для этого явно недостаточно. В нашем случае, а мы рассуждаем о появлении нового социального слоя, связанного с научной и культурной интеллектуальной деятельностью в обществе, где наука сделалась непосредственной производящей силой, с чисто феноменологической точки зрения было бы очень сложно, если не невозможно определить момент его рождения. Ведь ученые, деятели культуры, а также периферия этого слоя – учителя и врачи, инженеры и другие существовали и имели высокую общественную значимость задолго до описываемой эпохи. Если в СССР можно признать, что их численность значительно выросла в эпоху индустриализации, то в западных странах она уже давно была высокой. Да и сколько, какую долю населения должны составлять эти слои, чтобы можно было говорить о появлении новой социальной группы – когнитариата, если подходить к вопросу чисто феноменологически? Высокую, отвечает на этот вопрос Белл. Очень высокую, добавляет Тоффлер.

На самом деле вопрос не в численности представителей этого слоя, исчисленной по профессиональным и образовательным, например, критериям. Хотя, конечно, и численность имеет значение, хотя не определяющее. Важным будет другое, а именно появление нового типа социальных связей, нового типа социальных взаимодействий между представителями новой социальной общности. А новый тип взаимодействий в свою очередь обусловливает и изменения в нормах, идеалах и ценностях. Пока тот же инженер включен в систему традиционных способов взаимодействия, типичных для классического буржуазного общества, никакого особого социального класса – когнитариата не возникнет, как бы много инженеров не работало в промышленности. И наоборот: появление новой ценностно-мировоззренческой системы, отражающей эти новые формы и способы взаимодействия и общения, свидетельствует о возникновении нового класса или социальной группы. То же самое относится к любому социальному слою. Только когда утверждается новый тип взаимодействий людей, то есть эти люди начинают относиться и действовать в отношении друг друга (а потому и в отношении к другим) новым, особенным образом, и у них естественно и обязательно появляются и свои новые ценности и идеалы, нормы и идеальные образы, герои и мифология, тогда появляется реально новая социальная общность, которая взирает на мир новым взглядом и воспринимает его по-новому. Этот новый взгляд тут же находит выражение в искусстве, а для нашей цивилизации, в первую очередь, в литературе. Новые литературные формы, новый взгляд на мир – это и есть проявление нового мировидения появившейся социальной общности. Таким образом, революционное появление новых форм литературного творчества в 1960-е гг. прямо и непосредственно сигнализировало о том, что на историческую арену вышла новая социальная общность.

Такая общность появилась и должна была появиться относительно быстро, как происходят процессы кристаллизации, когда в среде появляется центр,

ядро кристаллизации, выступающее прототипом и моделью структуры, согласно которой преобразуется среда целиком. Такими центрами кристаллизации и выступили коллективы больших прорывных проектов, организованных в СССР, в первую очередь ядерного и космического, объединенных новыми способами взаимодействия людей, складывающихся в ходе реализации этих проектов. Впрочем, само литературное содержание новых произведений немало говорит о той общности, проявлением рефлексии которой оно стало. Очевидно, что так называемая лейтенантская проза есть взгляд на войну со стороны рефлексирующего интеллигента, и не менее очевидно, что так тосковать об уходящей деревне сама деревня не может. Во всяком случае, не может делать это вербально, и «деревенщики» как представители описанного нового социального слоя, с любовью и ностальгическими чувствами литературным словом прощаются со своими корнями. И уж наиболее явно мировоззрение новой социальной общности выразилось в прямом самоописании: в произведениях Д. Гранина, Ю. Германа, Г. Владимова, В. Липатова и др. Если взглянуть отстраненно, бросается в глаза ирония истории: ровно в те годы критиковали, насмехались над так называемым производственным направлением в литературе и кинематографе. И при этом эти же люди в те же годы восхищаются другим производственным романом – прекрасным романом Даниила Гранина «Иду на грозу». Разгадка этого парадокса заключается в том, что роман Гранина описывал их реальность, их труд, их отношения, то есть он говорит о деятельности и взаимоотношениях описываемой новой социальной общности, которую мы условно назвали когнитариатом. А вот то индустриальное, которое Твардовский описал как: «И в коммунизм идущий дед, Она и он передовые, Мотор, запущенный впервые, Парторг, буран, прорыв, аврал…», уже не их, оно для них уже чужое, прошлое, и потому раздражает и делается мишенью насмешек.

В контексте вышеописанного нельзя не обратить внимания на литературный феномен, в течение десятилетий прямо отразивший судьбу когнитарной общности, начиная с эпохи начального оптимизма и заканчивая антисоветским поворотом в ее идеологии. Речь идет о фантастах – братьях Стругацких – Аркадии и Борисе. Фантасты создали масштабную утопию – так называемый «Мир полдня», одну из двух, наряду с ефремовским миром «Великого кольца», и, что наиболее любопытно и полезно для нас, проблемы, которые в фантастическом преломлении поднимали Стругацкие, очень точно и своевременно отражали социальную проблематику, встававшую в разные периоды перед когнитарной социальной общностью. Первый этап их творчества наполнен социальным оптимизмом в такой степени, что авторам приходилось прилагать немалые усилия, чтобы избегать совсем уж утопического описания «борьбы лучшего с хорошим». Полноценное начало творчества Стругацких ознаменовано написанием романов, таких как «Страна багровых туч» (1959), «Путь на Амальтею» (1960), «Стажеры» (1962). Сюжеты романов объединены эпохой, когда разделенное общество Земли преобразуется в единое коммуни-

стическое общество. Но вершиной первого этапа творчества сделалась серия произведений «Полдень, XXII век» объединенная как эпохой действия, так и несколькими сквозными героями. К ним относятся такие произведения, как «Возвращение. (Полдень, XXII век)» (1962), «Великий КРИ» (1961), «Белый конус Алаида» (1961), «Благоустроенная планета» (1961), «Свечи перед пультом» (1961); рассказ «О странствующих и путешествующих» (1963). Проблемы, которые поднимаются писателями, пока остаются проблемами, если можно так выразиться, внутренними для когнитарной общности, то есть такими, в которых высказывались, обрисовывались идеалы и ценности новой социальной общности. Например, в повести «Далекая Радуга» (1963) рассматриваются проблемы дозволенности и пределов научного познания, а также соотношения науки и искусства, сферы разума и сферы чувств – отражения популярного тогда спора «физиков» и «лириков». Ряд новелл образуют широкую панораму коммунистического общества будущего, социальных отношений, морали и быта, организации многих институтов этого общества и проблем, встающих перед людьми. Основной нитью, идейным принципом описываемого будущего стало представление о том, что люди будущего мало чем отличаются от людей современного Стругацким общества – речь конечно о лучших из них. А под современным обществом Стругацкие, в первую очередь, понимали описанную нами когнитарную общность – научную и культурную советскую интеллигенцию, с теми ценностями, принципами, нормами и идеалами, которые сложились в процессе формирования этой общности.

Надо сказать, что претензия Стругацких, вернее сказать, претензия социального слоя, который выразил себя в описанном образе будущего, с одной стороны, крайне оптимистична, а с другой – демонстрирует весьма опасную гордыню. Ведь если лучшие представители этого класса, то есть люди, в полной мере усвоившие и демонстрирующие новые нормы, ценности и идеалы, уже являются идеалом и целью того развития, ради которого и существует советское общество, то любые социально-конфликтные ситуации, где речь идет о столкновении ценностей когнитарной общности и других социальных групп советского общества, рассматриваются как преступления реакционных сил против будущего. Это максималистский и крайне конфликтный подход. Впрочем, такие литературные представления в полной мере отразили социальный конфликт в советском обществе, который вызревал уже в 1960-е гг., но в полной мере раскрылся на десятилетие позже.

Так как в начале статьи было заявлено, что речь пойдет о социальном механизме, приведшем к социоструктурной динамике, отражающем конфликт между новой социальной общностью и старой, устоявшейся системой социальных отношений, то естественно, возникает вопрос: каковы же стороны конфликта? С одной стороны, понятно, что это – описываемый нами когнитариат, а с другой – доминирующая в то время в советском обществе социальная общность, условно определяемая как номенклатура. Нужно сказать, что номенклатура в советском обществе появилась вполне закономерно и вовсе

не от «хорошей жизни». Причиной ее появления была крайняя узость образованного слоя в России, причем существенно сократившегося в процессе катаклизмов революции и гражданской войны. В свою очередь, людьми, четко и однозначно выступившими на стороне революции и в полной мере принявшими ее идеалы, была только часть образованного сословия России, и, вероятно, меньшая. Это вовсе не значит, что большинство образованных людей выступили против революционных преобразований. Это, конечно, не так. Решительных противников, тем более противников, которые не удалились в эмиграцию, было сравнительно немного (но и не совсем мало – этого не стоит забывать в контексте последующих репрессий). Однако основная масса служащих и интеллигенции состояла, скорее, из пассивно лояльных граждан страны, и не более. В результате партия большевиков, завоевавшая власть, испытывала острый кадровый голод с самых первых дней становления этой власти. Хотелось бы обратить внимание на один важнейший аспект коммунистического, большевистского руководства. Дело в том, что любой руководитель-коммунист обязан был выполнять две функции, неразрывно связанные между собой. С одной стороны, он должен был руководить в соответствии с новым типом деятельностных норм, ценностей и идеалов, в существенной степени соответствующим новому типу рациональности, ибо нет сомнений, что такое кардинальное изменение, как изменение мотивов, смысла и целей человеческой деятельности является изменением типа рациональности. Но одновременно каждый руководитель-большевик был и активным проповедником этих ценностей и идеалов. Он играл роль эдакого «красного» священника.

Нужно понимать, что это не было следствием марксистской доктрины, такое положение не выдумывалось и не желалось большевиками. В первую очередь, это следствие крестьянского характера общества 1920–1930-х гг. По ужасному невежеству, необразованности крестьянской (или только вышедшей из крестьянского состояния) массы населения страны, распространение норм деятельности, ценностей и идеалов, свойственных новой, рождающейся суперсистеме, не могло происходить в обществе рационально, через рационально-логическое объяснение и изучение марксистских текстов, а в первую очередь, шло через трансляцию веры со стороны людей, обладающих авторитетом. Этот авторитет подкреплялся и властным ресурсом, и самим фактом образованности. Очень точно эту ситуацию описал Сталин, назвав партию «орденом меченосцев». Как он писал: «Компартия как своего рода орден *меченосцев* внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» [4, с. 71]. В результате власть партии и так называемой номенклатуры (организационной формы этой власти) приобрела патриархальный и даже в ряде аспектов квазисословный характер.

Но нужно учитывать, что советское общество развивалось и менялось очень быстро, и довольно скоро такой тип организации власти стал устаревать. Поэтому сложилась ситуация конфликта между новой социальной общностью – формирующимся когнитариатом и старой системой социальных от-

ношений в обществе, где доминирующей группой, а следовательно, наиболее явным и организованным защитником этой системы отношений стала номенклатура. Сразу хотим сказать, что не только номенклатура. Массам тоже зачастую были чужды воззрения и идеалы когнитарного слоя, но это отдельный разговор. На первом этапе конфликт не приобрел еще ни достаточной остроты, ни очевидной антагонистичности. В массе своей представители и той и другой конкурирующих групп полагали, что при достаточной воле проблемы можно решить, реформируя власть под общественным контролем и развивая особого рода самоуправление под руководством партии. Проблема, однако, состояла в том, что быстро меняющееся советское общество оставляло все меньше почвы для компромисса. Дело в том, что те основания, на которых и благодаря которым вырос тип власти, условно именуемый «номенклатурным», стремительно исчезали.

Если номенклатура появилась в крестьянской, неграмотной стране, где авторитет партии был сродни авторитету религиозного ордена, то к 60-м гг. XX в. Советский Союз существенным образом изменил свою социально-классовую структуру. Большая часть населения страны сделалась городской, в 1956 г. была отменена плата за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР, а в 1958 г. утверждено всеобщее обязательное 8-летнее образование. При этом не только когнитарный слой, описанный выше, но и обычные рабочие сделались достаточно образованными и подготовленными, чтобы самостоятельно формировать свои политические взгляды на основе изучения серьезных научных и публицистических работ, и им уже не требовался такой посредник, как партия в лице номенклатуры – во всяком случае в том виде, в котором она сложилась в прошлом. Патриархальный способ властвования, агитпроп, вполне работоспособный в прошлом, выглядел неуклюжим и даже смешным с точки зрения людей, получивших отличное образование в советских школах и вузах. Но в основе проблем лежали также проблемы в экономической сфере – директивные методы управления хозяйством, которые, по сути, сложились вместе с номенклатурой, породили и воспроизводили ее, все более переставая соответствовать тому уровню развития производительных сил, которого достигла страна. Проблема состояла в том, что за стремительным увеличением сложности народного хозяйства, увеличением номенклатуры производимых товаров и услуг существующая на тот момент директивная система планирования уже не справлялась. С осознанием проблемы последовала попытка реформ. Речь идет о всесоюзной экономической дискуссии 1962–1964 гг. и о так называемой реформе Косыгина 1965–1970 гг.

Вряд ли имеет смысл оценивать результаты реформы с экономической точки зрения, как минимум потому, что, как было сказано выше, оценки реформы сегодня крайне политизированы и идеологизированы. Однако практически все исследователи отмечают, что одной из важнейших причин прекращения реформы было сопротивление ей партийно-хозяйственной

номенклатуры. Более того, само сопротивление в основном исходило не от высших должностных лиц, а было делом куда более массового среднего звена управленцев, то есть «на уровне отраслевых отделов ЦК КПСС, аппаратов министерств, республиканских и областных партийных комитетов» [5]. Конечно, и в ЦК КПСС были те, кто со временем, когда обнаружились очевидные негативные последствия реформирования, выступили против реформы, причем, в конечном счете, они выступили как абсолютное большинство. Однако сопротивление средних, сравнительно массовых слоев номенклатуры началось сразу с разворачиванием реформы. Дело в том, что, как уже отмечалось, система управления экономикой была прямо связана с генезисом такого слоя, как «номенклатура». Собственно говоря, номенклатура и была социальным субъектом той самой директивной системы управления, то есть эта система управления с точки зрения социально-классовой структуры выразилась в формировании номенклатуры. Очевидно, что атака на систему управления – в данном случае не важно, с какой стороны, и еще раз повторимся, безотносительно к оценкам самой реформы, была атакой на номенклатуру как социальный слой. Атака на социальный слой означает покушение на источники положения социальной общности, а такими источниками были контроль над ресурсами и их распоряжением, собственный способ отбора и подготовки кадров. По мнению Рональда Аманна, директора Центра русских и восточноевропейских исследований при Бирмингемском университете, реформа традиционного механизма централизованного планирования устранила бы или ослабила наиболее важные источники власти партийного аппарата, практически «префекторский» контроль региональных партийных чиновников над процессом распределения ресурсов, а также заменила бы принцип номенклатурного занятия должностей обезличенным критерием профессионально-технической компетенции (см.: [6]).

Таким образом, сопротивление реформе стало естественной реакцией номенклатуры, которая если не впервые, то достаточно явно проявила себя как класс. Хотим напомнить, что мы не беремся утверждать, была ли номенклатура классом, но полагаем, что в некоторых случаях она демонстрировала реакции, присущие социальным классам. С этих пор дальнейшая консолидация такой социальной общности, как номенклатура, лишь усиливалась, и социальный интерес этой группы постепенно стал расходиться с интересами всего общества. И прежде всего, как уже было показано выше, разворачивался социальный конфликт двух социальных групп, – номенклатуры и когнитарного слоя, где когнитариат атаковал социальное положение номенклатуры с культурно-исторических и идеологических позиций. Этот конфликт опять же имел под собой материальную основу, заключающуюся в том, что социальные институты, которые складывались в процессе практической, трудовой деятельности когнитариата, решительно противоречили сложившимся в прошлом (в процессе становления советской власти и индустриализации) социальным институтам, в рамках которых и благодаря которым

существовала номенклатура. Например, даже тип руководителя в этих системах существенно отличался. На место «железного наркома» или директора сталинской эпохи, типичного номенклатурного руководителя с его авторитарно-патриархальной властью, приходит, условно говоря, «главный конструктор». Это человек, для которого главным мотором деятельности является уже не долг «перед партией и народом», а увлеченность делом – мечта. И источник авторитета такого руководителя лежит не в доверии, которое ему оказало руководство (в более демократичной фразеологии – партия), а в том, что он всецело принадлежит делу, мечте, он заражает ею других и объединяет на пути к достижению цели. Совершенно новым и необычным явлением, например, стал неформальный Совет главных и генеральных конструкторов, сложившийся в рамках ракетно-космического проекта. Новый тип руководителя и новый тип организации управления трудовой деятельностью тут же получил отражение в литературе и кинематографе. Это и прекрасный фильм «Укрощение огня», и книга Я. Резника «Сотворение брони», а затем и фильм по ее мотивам – «Главный конструктор», и роман Д. Гранина «Иду на грозу».

Конфликт в конечном счете был вызван тем, что старые индустриальные системы организации взаимодействия и управления стали мешать, сдерживать развитие наиболее передовых форм деятельности, с которой был связан когнитарный класс. Тут нужно заметить, что к тому времени в СССР сложилась парадоксальная ситуация, связанная с нехваткой низкоквалифицированного труда и перепроизводством труда высококвалифицированного. Система образования, ориентировавшаяся на тенденции 1950–1960-х гг., создавала профессиональную структуру общества более передового способа производства, характеризующегося когнитарными формами деятельности, становящимися основными, базовыми в системе общественного производства. А в реальности консервативные способы управления уже сдерживали изменения в производственной системе, уже им мешали. В результате с каждым десятилетием, с каждым годом нарастали диспропорции в сфере профессиональной подготовки и ориентации граждан, при которой работники с высшим образованием не могли найти себе сферы приложения сил. Тут нужно понимать, что рабочее место ученого, особенно если он не чистый теоретик, требуется подкрепить соответствующим ресурсом (оборудованием и т. д.). Это, в свою очередь, зависит от того, возможно ли результаты деятельности ученого реализовать в общественном производстве. Чтобы это было возможным, экономика должна иметь уже другую структуру, куда более гибкую, чем традиционные индустриальные механизмы. Соответственно, людей для рабочих мест низкой квалификации не хватало, и все это привело к искажению системы статусных позиций в профессиональной структуре социума.

Таким образом, марксистским языком ситуацию можно оценить как специфическую форму противоречия между развивающимися производительными силами и сложившимися производственными отношениями. Это противоречие выразилось в социальном конфликте между номенклатурой, доминиру-

ющей в советском обществе, и молодой социальной общностью – когнитариатом. Надежды на то, что возможно реформирование общества в контексте мировоззрения этого нового социального слоя, при сохранении в обществе роли и места номенклатуры, оказались иллюзорными. Впрочем, они были иллюзорными с самого начала. Такие реформы со всей очевидностью требовали ликвидации и существующей системы управления, и соответствующей организации власти, и самой социальной общности – номенклатуры. И когда описанный социальный антагонизм стал достаточно очевидным, а надежды на возможность компромисса полностью иссякли, так называемая «оттепель» закончилась, и началась «подморозка».

Проблема советской истории – в исключительно быстрых темпах социальных изменений. Уход старых и приход новых социальных порядков можно в определенной степени соотнести со сменой парадигм в науке, описанных Куном. Если выразить эту теорию упрощенно, можно сказать, что парадигмы прекращают свое существование в результате естественного вымирания ее носителей. Так вот, вследствие высоких темпов социальных изменений в советском обществе времени для такого естественного вымирания просто не было. Носителями, условно говоря, «индустриальной» парадигмы были вовсе не старые люди, которые сами, лично, участвовали в проведении индустриализации, воевали и управляли государством в годы войны. Их ценности и идеалы не были чем-то архаичным, окостеневшим и пришедшим из далекого прошлого, но оставались актуальными как часть личного, непосредственного опыта доминирующего социального слоя СССР. Именно поэтому к 1960–1970-м гг. группа, известная как номенклатура, оставалась еще крепкой, внутренне сплоченной, приверженной своим ценностям и идеалам. Тем не менее умирание классических советских интерпретаций коммунистической идеи стало отражением революционных изменений в сфере общественного производства – речь идет о процессах, которые связывают с концом индустриальной эпохи, а именно ситуацией, вполне предсказанной Марксом.

Однако и социальный противник номенклатуры – когнитарная общность решительно разочаровалась в своих надеждах, связанных с мирным и компромиссным утверждением собственных нормативных способов социальных взаимодействий, ценностей, идеалов и соответствующих мировоззренческих интерпретаций. «Подморозка» властного режима привела к прекращению легальной коммуникации и удалению последней, условно говоря, «на кухни». Как раз с этого момента можно говорить о начале в СССР диссидентского движения в полном смысле слова как о системном социальном явлении, а не совокупности индивидуальных эксцессов. И с этого же момента можно говорить о начале складывания антисоветского, антисоциалистического проекта – вначале крайне маргинального даже в интеллигентской среде. Вряд ли имеет смысл излагать историю диссидентского движения СССР, при том, что на уровне персоналий это движение представляло собой мозаичную смесь: от представителей религиозного протеста и явно неадекватных людей до граж-

дан, откровенно ориентирующихся на помощь из-за границы и связанных с зарубежными спецслужбами. Но в целом это движение было формой борьбы молодой когнитарной социальной общности за социальное доминирование. В конце 60-х годов прошлого века по весьма примерным оценкам 45 % всех инакомыслящих составляли ученые, 13 % – инженеры и техники.

Если вернутся к творчеству фантастов братьев Стругацких, которое рассматривается как литературно-художественное выражение эволюции мировоззрения советской когнитарной общности, можно наблюдать стремительное изменение представлений интеллигенции в годы «подморозки» или, как ее обычно называют, в эпоху «застоя». Ярким и насыщенным выражением мировоззрения нового социального слоя – когнитариата стало произведение «Понедельник начинается в субботу», изданное в 1965 г., которое сами авторы поименовали «сказкой для научных сотрудников младшего возраста». О нем мы поговорим подробнее.

В этой повести на примерах и перипетиях жизни и деятельности сотрудников сказочного института НИИЧАВО (Научно-исследовательский институт Чародейства и Волшебства) авторы исследуют природу научного творчества, его организацию, людей, способных к такому творчеству и отношения между ними. В повести провозглашаются вполне определенные ценности и одновременно критикуются и опровергаются антиценности, воплощенные в отрицательных персонажах. Несмотря на наличие таких отрицательных персонажей, высмеиваемых авторами, на сатирические и полемические мотивы, повесть лучится оптимизмом и уверенностью в будущем. Ее иногда называют советской утопией 60-х гг. XX столетия.

Тем более с ней контрастирует мрачная, пропитанная разочарованием и жесткой сатирой повесть-продолжение, изданная в 1968 г.: «Сказка о Тройке». Объединенная с «Понедельником…» одними и теми же героями, «Сказка о Тройке» в полной мере отражает разочарование представителей когнитарной общности в возможности утверждения своих идеалов и ценностей в рамках существующей на тот момент общественной системы и идеологических представлений. Не удивительно, что альманах «Ангара», в котором эта повесть была опубликована, был закрыт, главный редактор Ю. Самсонов получил выговор, затем был уволен, а тираж был изъят из публичных библиотек. Не менее, а в чем-то даже более резкая сатира представлена в изданном (частично) в 1966 г. романе «Улитка на склоне». Впрочем, дальнейшая эволюция творчества писателей выходит за рамки исследуемой эпохи и соответствующих ей социальных процессов.

Надо понимать, что фронда образованного сословия именно антисоветский характер приняла достаточно поздно и вовсе не самостоятельно. Социальное мировоззрение описываемой генерации по сути и формально ни в коем случае не было антикоммунистическим. Речь шла о серьезных реформах в рамках движения к коммунизму, о «социализме с человеческим лицом», о борьбе с «казарменным социализмом». Это как раз вполне естественно для

нового типа солидарности, нового типа человека. Показательно, что подобные процессы проходили не только в СССР, но и в других странах социалистической системы.

Несмотря на трагический исход этого противостояния, приведший к краху СССР, хочется, тем не менее, отметить главное: конфликт социальных общностей, вновь возникающей и старой, уходящей, сопровождался конфликтом систем ценностей, норм, правил общежития и мировоззрений и вызвал решительные изменения системы традиционных и инновационных ценностей в стране. Взрывное развитие материальной базы советского общества привело к существенным изменениям его социальной структуры, с тенденциями, обещающими еще более серьезные изменения в будущем. Вследствие этого начался рост разнородных напряжений в советском обществе. Более того, формы деятельности описываемого «квази-класса» – номенклатуры сделались сдерживающим фактором для развития материальной базы общества, стали мешать этому развитию, что особенно выразилось в наиболее передовых сферах общественного производства. В такой ситуации постепенно вызревали серьезные диспропорции и порочные явления в советской социальной и экономической системах, приведшие к ее развалу. Но это уже другая история.

Хочется еще раз подчеркнуть, что представленная в статье позиция отражает именно социологический подход к проблеме социально-классовой структуры общества. Если в марксизме классы исследовались в рамках политэкономической парадигмы, а всевозможные стратификационные теории – через призму таких признаков, как линейка доходов, престиж и власть, то с социологической точки зрения крупные социальные коллективы – классы и их отличие друг от друга рассматриваются с точки зрения получивших институциональный характер специфических способов социальных взаимодействий по поводу производства и распределения, выражающихся в определенной системе ценностей, норм и представлений, выступающих средством самоидентификации этих социальных групп. Иначе говоря, особый характер взаимодействия людей по поводу производства и распределения ресурсов как внутри сообщества, так и вовне его и определяет класс с социологической точки зрения. Причем эти способы взаимодействия получают свое выражение в сфере идеального в виде ценностей, идеалов и норм.

Историко-культурная реконструкция изменений социальной структуры советского общества позволяет, с одной стороны, выявить основные детерминанты, обусловившие процесс рождения и эволюции классов, с другой – дать социологическое обоснование тех изменений, которые происходят сегодня: имеются в виду реальные изменения в способе производства, появление новых форм взаимодействия и взаимоотношений, формирование новой системы ценностей, идеалов и норм, которые являются отражением этих форм взаимодействия в сфере идеального. Соответственно ценности, идеалы, нормы и представления находят свое отражение в феноменах культуры, в литературе, иных формах художественного творчества. Поэтому, изучая феноменоло-

гию культурной эволюции общества, изучая плоды художественного творчества, исследователь получает в руки инструменты, позволяющие ему также исследовать эволюцию социума, эволюцию и рождение новых социальных групп.

Список использованных источников

1. *Смирнов, В. Э.* Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция / В. Э. Смирнов. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 293 с.

2. *Киров, А.* Лирический роман в поэзии Н. М. Рубцова [Электронный ресурс] : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. Киров // Поэзия Рубцова. – Режим доступа: http://rubtsov-poetry.ru/critica/kirov3.htm. – Дата доступа: 15.01.2016.

3. Бакалавр Экономики : хрестоматия : в 3 т. / Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова, Центр кадрового развития. – М. : Триада, 1999. – Т. 1 / под общ. ред. В. И. Видяпина. – С. 35.

4. *Сталин, И. В.* Сочинения / И. В. Сталин. – М. : ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1947. – Т. 5. – С. 71.

5. *Байбаков, Н. К.* Косыгин. Вызов премьера / Н. К. Байбаков, В. Гришин, В. Кирпиченко. – М. : АЛГОРИТМ, 2012. – 240 с. – (Вожди Советского Союза).

6. *Полевая А. Н.* Административно-хозяйственная реформа 1965 г. в СССР в англо-американской историографии [Электронный ресурс] / А. Н. Полевая // Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB3/polevaia.htm. – Дата доступа: 12.02.2016.

V. SMIRNOV

TO THE QUESTION ABOUT MECHANISMS OF CHANGES IN THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY (BASED ON EXAMPLES FROM THE HISTORY OF THE USSR)

Summary

The author proposes consideration of the mechanism of class formation through the emergence of new ways of interaction on the production and distribution as well as forms of self-identification through the development of value and worldview system, a set of rules and ideals that reflect these interactions. It is proved that new social community, claiming the diffusion of its values on the whole of society by imposing their ideas about what should be, their worldview and their behavioral principles, with necessity comes into conflict with social groups and their values and worldview system, dominating in society earlier.

Keywords: classes, social groups, identity, values and worldview system, ideals, norms, ways of interacting, social conflict, cognitariat, nomenclature.

Поступила 10.11.2016 г.

УДК 316.344.233

Е. В. ТАРАНОВА,
кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Проанализированы показатели уровня жизни и социально-экономической дифференциации, в том числе ключевые детерминанты – доходы и потребление по данным государственной статистики и социологических исследований. В качестве важных индикаторов уровня и качества жизни рассмотрена трудовая мотивация и удовлетворенность трудом работающих белорусов.

Ключевые слова: уровень жизни, социально-экономическая дифференциация, социальное неравенство, малообеспеченность, потребление, трудовая мотивация.

По данным Доклада о человеческом развитии 2015 г. Республика Беларусь находится на 50-м месте рейтинга Индекса человеческого развития и возглавляет группу стран с высоким уровнем человеческого развития [1, с. 28]. Уровень жизни населения отражает особенности социально-экономического развития государства и то, насколько его экономическая система обеспечивает удовлетворение многообразных потребностей людей – материальных, социальных, духовных, гарантирует высокое качество жизни [2, с. 258–259]. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. заявлена необходимость обеспечения высоких жизненных стандартов населения, создание условий, обеспечивающих свободно избранную занятость и профессиональное развитие, достойный уровень доходов, высокое качество и доступность услуг для всех граждан [3, с. 18–19].

В научно-исследовательской практике нет единого подхода к вопросу о том, какие показатели необходимо включать в анализ уровня жизни в стране, необходима ли разработка интегрального показателя и каким образом должны взвешиваться его компоненты. В перечень статистических показателей уровня и качества жизни включены показатели благосостояния, социальной защиты населения, здравоохранения, образования, жилищные условия, потребительские товары и услуги, экологическая ситуация, правовая защищенность, культура, физическая культура и спорт, туризм (каждый из показателей включает свой перечень индикаторов).

Благосостояние и доходы населения признаются ключевыми детерминантами формирования уровня жизни. Статистические показатели благосостояния следующие: ВВП в расчете на душу населения по паритету покупа-

тельной способности, доходы населения (среднемесячная заработная плата, индекс реальной заработной платы), распределение доходов (коэффициент Джини, коэффициент фондов, квинтильный коэффициент дифференциации), доля населения, проживающего за национальной чертой бедности, уровень занятости и безработицы и др.

Считается, что из всех слагаемых социально-экономического неравенства особая роль принадлежит различиям в доходах, которые определяют уровень жизни людей, мотивацию трудовой и деловой активности, от них зависит социальное самочувствие населения и стабильность в обществе. Амплитуда неравенства может быть определена при анализе распределения доходов между домохозяйствами. С этой целью используют показатели распределения населения (домохозяйств) на квинтильные группы, каждая из которых включает 20 % семей (первая квинтильная группа составляет 20 % семей с наименьшим, а пятая – 20 % семей с наибольшим уровнем доходов) и квинтильный коэффициент дифференциации. В качестве показателя дифференциации населения по уровню доходов в социально-экономической статистике используется также индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), отражающий характер распределения всей суммы доходов населения между отдельными его группами. Его величина измеряется от 0 до 1; чем ближе значение показателя к 1, тем более неравномерно распределены доходы в обществе.

В Беларуси в 2015 г. в низшей квинтильной группе (с наименьшими ресурсами) доля доходов составила 9,3 %, во второй – 13,7 %, в третьей – 17,1 %, в четвертой – 22,0 %, в высшей (с наибольшими ресурсами) – 37,9 %. Квинтильный коэффициент дифференциации (соотношение средних уровней располагаемых ресурсов 20 % наиболее и 20 % наименее обеспеченных групп домашних хозяйств) составил 4,1. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) равен в 2015 г. 0,276 [4, с. 79]. Величина данных показателей практически не претерпевала изменений на протяжении более чем 15 последних лет. Доля населения, проживающего за национальной чертой бедности или малообеспеченности (в качестве черты малообеспеченности используется бюджет прожиточного минимума), напротив, изменялась – с 13,1 % в 2005 г. до 5,2 % в 2010 г. и 5,1 % в 2015 г. [4, с. 84].

Анализ социологических данных Института социологии НАН Беларуси по показателям оценки материального положения показал, что за период 2002–2016 гг. доля белорусов, которые отрицательно оценивают свое материальное положение, снизилась с 34,2 % в 2002 г. до 19,1 % в 2008 г., а затем вновь увеличилась до 30,2 % в 2016 г. Около половины респондентов, как правило, характеризуют материальное положение своих семей как «среднее» (табл. 1).

Для анализа динамики данных мы используем индексы, величина которых может принимать значения от –1 (когда все респонденты оценивают материальное положение как «плохое») до +1 (все респонденты оценивают материальное положение как «хорошее»). Значение индекса от –0,5 до 0 говорит о преобладании оценок от «скорее плохого» до «среднего» материального

Таблица 1. **Частотные распределения ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?», %**

Вариант ответа	2002 г.	2005 г.	2008 г.	2011 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Хорошее	4,9	7,3	9,1	4,8	8,2	4,7	3,1
Скорее хорошее	6,5	6,5	8,3	8,3	11,1	8,2	8,2
Среднее	50,6	58,1	60,7	54,3	56,4	58,0	54,3
Скорее плохое	21,4	14,3	13,4	20,0	13,9	16,9	21,2
Плохое	12,8	10,6	5,7	8,4	6,4	8,1	9,0
Затрудняюсь ответить	3,8	3,2	2,8	4,2	3,9	4,0	4,3
Индекс	***–0,16***	***–0,08***	***+0,01***	***–0,10***	***+0,01***	***–0,08***	***–0,13***

положения; от 0 до +0,5 означает преобладание оценок от «среднего» до «скорее хорошего» материального положения (респонденты, затруднившиеся ответить на вопрос, в расчет не принимаются). Динамика индексов показывает, что оценки материального положения белорусов на протяжении ряда лет находятся в районе нуля, то есть «среднего материального положения» с небольшими отклонениями в положительную либо отрицательную сторону.

Уровень материальной обеспеченности остается основным критерием самоидентификации с тем или иным социальным слоем. По результатам социологического опроса в 2016 г., богатыми себя считают 0,6 % респондентов, обеспеченными людьми – 4,2 %, людьми среднего достатка – 53,2 %, с достатком ниже среднего – 27,0 %, бедными – 10,3 % (затруднились ответить 4,7 %).

Сопоставляя статистические и социологические данные, мы получаем, что доля малообеспеченных белорусов (5,1 % – 2015 г.), имеющих доходы ниже бюджета прожиточного минимума (который во многих странах принимается за порог бедности), не совпадает с долей респондентов, которые оценивают свое материальное положение как «плохое», и не совпадает с долей «бедных», по данным социологического мониторинга.

Поскольку дифференциация населения определяется не только оценкой уровня доходов, но также доступом к социально-экономическим возможностям в различных сферах жизни – потреблении, образовании, отдыхе и т. д., в ходе социологического мониторинга задается вопрос о том, хватает ли респонденту средств на оплату различных товаров и услуг. По данным 2016 г., более 80 % белорусов могут позволить себе покупку продуктов питания, оплату коммунальных и бытовых услуг; около 70 % – покупку хозяйственно-бытовых товаров; около 60 % – оплату бытовых услуг и содержания детей в детском саду, школе, кружках; чуть менее 60 % – покупку одежды и обуви; менее 50 % – оплату лечения и медикаментов. Вместе с тем такие, безусловно, необходимые для современного общества виды потребления, как отдых и путешествия, товары долговременного пользования (мебель, техника, автомобиль), платное образование, строительство жилья, доступны менее, чем ¼ белорусов (табл. 2).

Таблица 2. **Частотные распределения ответов на вопрос: «Хватает ли Вам средств на оплату следующих видов товаров и услуг?», %**

Статья расходов	% положительных ответов, 2016 г.
Квартплата, оплата коммунальных услуг	84,2
Продукты питания	82,9
Товары текущего пользования (хозяйственно-бытовые и др.)	71,5
Содержание детей в ДДУ, учебных учреждениях, кружках, секциях	61,9
Оплата бытовых услуг (химчистка, парикмахерская, мелкий ремонт)	61,7
Одежда, обувь	57,9
Оплата лечения и медикаментов	46,5
Посещение концертов, театров, кино, выставок	39,1
Платное образование (профессиональное обучение) Ваше, детей	24,7
Товары долговременного пользования (мебель, техника и др.)	20,9
Отдых, путешествия	14,0
Строительство квартиры, дома (ЖСК и др.)	9,9

Специфика мотивации трудовой деятельности работающего населения выступает важным индикатором качества жизни, а уровень удовлетворенности основных трудовых потребностей влияет не только на благосостояние и уровень жизни, но и на формирование социального оптимизма, поддержание социальной стабильности в обществе. Достойная заработная плата, хороший социальный пакет, комфортные условия труда, социальные гарантии, стабильная занятость, перспективы карьерного роста, интересная работа, профессиональный коллектив обычно признаются важными составляющими трудовой деятельности. Однако не все перечисленные аспекты работающие белорусы считают одинаково значимыми. По данным социологического мониторинга 2015 г. на вопрос: «Что для Вас наиболее важно в работе?» 80,9 % респондентов ответили «зарабатывать хорошие деньги»; 68,2 % – «иметь хорошие условия труда»; 39,5 % – «быть относительно самостоятельным в работе»; 34,8 % – «реализовать свои знания, опыт, квалификацию»; 32,0 % – «работать без перегрузок»; 27,8 % – «работать с квалифицированными коллегами»; 24,8 % – «иметь доступ к льготам, социальному пакету, социальным гарантиям»; 15,2 % – «успешно продвигаться по службе, делать карьеру»; 15,0 % – «работать над интересными и новыми проектами»; 12,0 % – «работать на солидном предприятии, в престижной организации»; 10,1 % – «устанавливать связи с полезными, влиятельными людьми». В результате многомерного факторного анализа были выделены шесть факторов (векторов), на которые в своей трудовой деятельности ориентируются белорусы (табл. 3).

Фактор (1) профессионального интереса характеризуется ориентацией на работу с квалифицированными коллегами, работу над интересными, новыми проектами, необходимостью реализации знаний, опыта, квалификации. *Фактор (2) ориентации на связи и карьеру* определяется значимостью установления связей с полезными, влиятельными людьми, а также важностью

Таблица 3. **Факторы (векторы) трудовой мотивации и их компоненты**

Компоненты	Факторы (векторы)					
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
Работать с квалифицированными коллегами	0,690	–	–	–	–	–
Работать над интересными и новыми проектами	0,643	–	–	–	–	–
Устанавливать связи с «полезными», «влиятельными» людьми	–	0,800	–	–	–	–
Успешно продвигаться по службе, делать карьеру	–	0,679	–	–	–	–
Иметь доступ к льготам, социальному пакету, социальным гарантиям	–	–	0,686	–	–	–
Зарабатывать хорошие деньги	–	–	0,610	–	–	–
Быть относительно самостоятельным в работе	–	–	–	0,771	–	–
Реализовать свои знания, опыт, квалификацию	0,490	–	–	0,543	–	–
Работать без перегрузок	–	–	–	–	0,795	–
Иметь хорошие условия и режим труда	–	–	0,498	–	0,536	–
Работать на солидном предприятии, в престижной организации	–	–	–	–	–	0,878

Примечание. Факторный анализ: метод главных компонент. Вращение: варимакс с нормализацией Кайзера; вращение сошлось за 6 итераций. Суммарная объясняющая дисперсия: 63,6 %.

успешного продвижения по карьерной лестнице. *Фактор (3) материального благополучия* объединяет потребности в социальных гарантиях, льготах, наличии социального пакета, а также в хорошей оплате труда и условиях работы. *Фактор (4) профессиональной независимости* отражает сильную ориентацию на самостоятельность в работе, реализацию своих знаний, опыта и квалификации. *Фактор (5) комфорта* сочетает в себе потребность в работе без перегрузок и хороших условиях труда. *Фактор (6) престижности* сфокусирован на важности работы в престижной организации. Фактор профессионального интереса, фактор профессиональной независимости и фактор ориентации на связи и карьеру выступают внутренними (мотивационными, по Ф. Герцбергу) факторами труда; фактор материального благополучия, фактор комфорта и фактор престижности – это внешние («гигиенические») факторы.

Респонденты с хорошим материальным положением ориентированы, прежде всего, на мотивационные факторы трудовой деятельности (фактор профессиональной независимости и фактор социальных связей и карьеры). Напротив, респонденты с низкими доходами заинтересованы в первую очередь в хорошем доходе, социальных гарантиях, социальном пакете, льготах и хороших условиях труда («гигиенический» фактор материального благополучия) (табл. 4).

Данные социологического мониторинга (2013–2016 гг.) показывают хороший уровень общей удовлетворенности работой: большинство белорусов (по данным 2016 г. – 76,2 %) в той или иной мере удовлетворены своей работой

Таблица 4. **Средние значения факторов трудовой мотивации. Контекст: материальное положение**

Факторы	*Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?*		
	Хорошее + скорее хорошее	Среднее	Скорее плохое + плохое
Внутренние (мотивационные) факторы			
Фактор профессионального интереса	0,081	0,044	–0,040
Фактор профессиональной независимости	0,150*	0,061	–0,181*
Фактор ориентации на связи и карьеру	0,275*	0,021	–0,126
Внешние («гигиенические») факторы			
Фактор материального благополучия	–0,253*	0,031	0,146*
Фактор комфорта	–0,141*	0,031	0,096
Фактор престижности	0,035	0,028	–0,119*

* Значение по группе имеет статистически значимые отличия по сравнению с другими группами при уровне значимости $\alpha < 0,05$ (U-критерий Манна–Уитни)

(табл. 5). В 2005 г. показатель общей удовлетворенности составлял 54,6 %, в 2007 г. – 62,2 %, в 2009 г. – 57,3 %, в 2011 г. – 68,9 %, в 2013 г. – 72,1 %, в 2015 г. – 80,8 %.

Таблица 5. **Частотное распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы своей работой в целом?», %**

Вариант ответа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Удовлетворен	27,4	41,9	42,6	30,8
Скорее удовлетворен	44,7	36,0	38,2	45,4
Скорее не удовлетворен	15,2	12,3	11,6	13,0
Не удовлетворен	5,8	6,1	4,0	4,8
Затрудняюсь ответить	6,9	3,6	3,5	6,0

По данным социологического мониторинга (2016 г.), большинство белорусов удовлетворены занимаемой должностью (76,5 %), содержанием работы (75,6 %), условиями труда и режимом работы (72,0 %), реже – социальным пакетом (62,5 %). Меньше всего белорусы удовлетворены размером заработной платы (15,2 % удовлетворены и 23,6 % скорее удовлетворены). Такой уровень удовлетворенности (неудовлетворенности) трудовыми доходами сохраняется последние четыре года (табл. 6).

Таким образом, в Беларуси за последние 15 лет происходило постепенное равномерное повышение благосостояния и уровня жизни в обществе. Об этом говорит стабильность структуры квинтильных групп и коэффициента Джини (в противном случае их значение изменялось бы), снижение уровня малообеспеченности по данным статистики, положительная динамика оценок населением материального положения своих семей и общей удовлетворенности

Таблица 6. **Уровень удовлетворенности различными компонентами работы, %**

Удовлетворены ли Вы следующими компонентами работы?	% положительных ответов			
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Размер заработной платы	37,4	40,2	35,9	38,8
Социальный пакет предприятия	…	64,2	64,7	62,5
Условия труда и режим работы	70,3	74,7	73,5	72,0
Занимаемая должность	69,8	78,2	81,0	76,5
Содержание работы	…	76,5	79,2	75,6

работой по данным социологических опросов. Однако несовпадение статистических и социологических значений показателей малообеспеченности (бедности) в белорусском обществе актуализирует важность социологических исследований, разработки социологических индикаторов уровня и качества жизни и их включение в социологический мониторинг для выявления тенденций и проблем в данной сфере.

Список использованных источников

1. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr15_standalone_overview_ru.pdf. – Дата доступа: 01.10.2016.

2. Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / Г. Н. Соколова [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 320 с.

3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. // Экон. бюл. – 2015. – № 4. – 100 с.

4. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – 380 с.

E. TARANOVA

LIVING STANDARDS AND SOCIO-ECONOMIC DISPARITIES IN BELARUSIAN SOCIETY

Summary

Indicators of living standards, socio-economic disparities, income and consumption according to state statistics and sociological research are analyzed in the article. Work motivation and job satisfaction as important indicators of the level and quality of life were reviewed.

Keywords: living standards, socio-economic disparities, social inequality, poverty, consumption, work motivation.

Поступила 14.11.2016 г.

УДК 316.334.55:316.344(476)

Д. С. КРАСКОВСКАЯ,
аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ БЕЛАРУСИ)

На примере сельских пожилых людей представлено социологическое описание социального статуса населения пенсионного возраста Беларуси. Осуществлен сравнительный анализ общественного мнения сельских пенсионеров и трудоспособного сельского населения с целью выявления отличительных черт и особенностей пенсионеров как отдельной социальной группы. Определены уровень социального самочувствия и социально-культурный потенциал людей пенсионного возраста.

Ключевые слова: социальный статус, социальная адаптация, человеческий потенциал, эксклюзия, социальное самочувствие, экономическое положение, уровень материального благополучия, социальные сети, трудовой, социальный и культурный потенциалы, пожилые люди.

В последние десятилетия произошли значительные изменения в экономике, связанные с уменьшением доли трудоспособного населения и увеличением доли населения пенсионного возраста, что сказалось на составе трудовых ресурсов и неравномерности распределения доходов. В связи с этим стала актуальной задача пополнения числа активного трудоспособного населения, включения его в экономические, политические и социальные процессы страны. Ученые и политики предлагают разные варианты решения этой проблемы, в число которых входят привлечение мигрантов из других стран, увеличение пенсионного возраста, разного рода декреты, постановления о трудовой дисциплине и борьбе с неработающими, так называемыми тунеядцами, и т. д. Одним из реальных, не требующих больших затрат, источников трудовых ресурсов, на наш взгляд, могут стать люди пенсионного возраста как одна из не только наиболее многочисленных социальных групп общества, но и профессионально опытных и компетентных специалистов из разных отраслей экономики.

Согласно официальному определению, пенсионеры представляют собой крупную социальную группу, представители которой достигли пенсионного возраста (в нашей стране до изменений в связи с последней пенсионной реформой): 55 лет – женщины и 60 лет – мужчины. Пенсионеры как социальная группа выполняют важные функции в обществе и оказывают влияние на различные процессы в обществе (экономические, политические, социальные, культурные и др.). Однако, несмотря на выделяемые огромные средства и институциональное внимание государства к пенсионерам, в общественном сознании роль и место людей пожилого возраста в общественной жизни недооцениваются.

Говоря о пожилых людях, нужно учитывать, что с выходом на пенсию у человека начинается новый жизненный этап со своими особенностями и потребностями (и это ожидает всех и каждого, что, к сожалению, вспоминается только когда нежданно-негаданно наступает этот час). Именно на этом этапе многие сталкиваются с большим списком социальных проблем: ухудшение уровня и качества жизни в связи с резким снижением доходов, что делает пенсионеров одними из самых уязвимых слоев общества, недоступность (ввиду финансовых возможностей) различных услуг, в том числе качественного медицинского обслуживания, медленная адаптация к новым условиям жизни и многое другое.

Не менее важным является проблема культурной адаптации к новому социальному статусу пожилого человека. Пока, несмотря на заботу государства, в основном материального плана, специальными министерствами, ведомствами и службами оказывалось недостаточно внимания именно к специфическим потребностям и интересам пенсионеров как социальной группе: включению их в социальную, культурную и экономическую жизнь страны, политическую активность, волонтерство и др. Это связано, к сожалению, со сложившимся стереотипом в отношении к пожилым людям как к отработанному материалу, от которого государству легче откупиться мизерными пенсиями, чем заниматься включением их в активную социокультурную деятельность. Так сложилось, что в большинстве высокоразвитых стран, в том числе и в нашей стране, старость воспринимается негативно, и общество тем самым отторгает пожилых людей от участия в производственной, социальной и культурной жизни, консервируя социальное неравенство, лишая их многих социальных прав, а также социального интереса и участия.

Однако в мире сегодня старость и старение населения вышли в число актуальных глобальных проблем человечества. С каждым годом доля населения пенсионного возраста растет, особенно в высокоразвитых странах, тем самым создавая нагрузку на трудоспособное население. Эти же процессы наблюдаются и в нашей стране. За последние 10 лет, с 1996 по 2016 г., доля населения пенсионного возраста выросла с 21 до 25 %, что на 203 тыс. человек больше [1]. Старение общества серьезно осложняет проблемы возможности обеспечения достойного уровня жизни пожилых людей, разумного использования их жизненного потенциала, что в современных условиях представляет сложную научную и практическую задачу.

Образ пожилого человека, нуждающегося в постоянном уходе, зачастую становится в тягость не только государству, но и всему трудоспособному населению. Как следствие, представители третьего возраста оказываются ненужными и лишними в обществе с рыночными ценностями и отношениями, в результате чего снижается их социальный статус и социальное самочувствие. Такая социальная эксклюзия проявляется через многочисленные механизмы дискриминации, связанные с различными сферами жизни: сферой труда и занятости, социальной сферой (медобслуживание, досуг) и др. Социальное

самочувствие и положение пенсионеров обусловлено прежде всего тем, что пожилой человек позиционируется ущербным в отношении чего-либо нового: инноваций, модернизации, усвоения новой информации, неспособности к обучению и переобучению. Старость сводится исключительно к работе по дому (иногда на даче или личном подсобном хозяйстве (ЛПХ)) и воспитанию внуков. А если еще и учесть, что нынешнее общество – это информационное общество, то можно сказать, что социальное исключение пожилых людей протекает также на фоне ограничения информационных ресурсов, которыми они могли бы воспользоваться. Негативное восприятие старости оказывает значительное влияние на самих пожилых людей, во многом определяя их отношение к своей жизни, к своим возможностям и способностям, правам и обязанностям.

Как социально-демографическая группа, пенсионеры характеризуются социально-психологическими особенностями: верность традициям, дисциплинированность, морально-нравственные качества, ценностные ориентации, социально-психологический настрой и др. В совокупности эти признаки обусловливают специфичность их положения и поведения в экономической, социальной и правовой сферах, а также в обществе в целом. Социальное исключение этой социальной группы чревато дезинтеграцией, разрывом социальных связей и потерей социальной сплоченности, различными дисфункциями (распад семей, бездомность, преступность и т. д.), а также возрастающей зависимостью определенных категорий населения от государственной поддержки.

Так как увеличение доли пенсионеров в социальной структуре общества влечет за собой серьезные социальные, экономические и политические последствия, то изучение их демографических, экономических, социальных и политических характеристик, а также духовных и жизненных ценностей является одной из наиболее актуальных проблем современного белорусского общества. Анализ социального самочувствия пожилых людей, выявление их места и роли в местном сообществе и обществе в целом, отношение к власти актуализирует вопросы их адаптации к новой для них социально-экономической ситуации. Выявление потенциала пожилых людей позволяет не только включить их в трудовую деятельность, но и выработать эффективные стратегии повышения уровня жизни людей пенсионного возраста, сформировать у них позитивное социальное самочувствие и тем самым повысить их социальный статус в обществе.

Для выяснения социодинамики социального статуса пенсионеров и пожилых людей в целом в данной статье используется комплексный подход, основанный на структурно-функционалистских теориях статусных различий в обществе. Практически в любом обществе существует иерархия статусов, она и является основой стратификации общества. Одни статусы считаются престижными, другие – наоборот. Эту иерархию формируют такие факторы, как полезность социальных функций, выполняемых человеком, и система ценно-

стей, характерная для данного общества. Социальный статус – это место или позиция индивида или социальной группы, соотносимое с положением других людей [2].

При изучении социального статуса западные социологи в основном опираются на социально-стратификационный подход, основателями которого являются М. Вебер, Т. Парсонс, Дж. Голдторп, Л. Уорнер, К. Дэвис, П. Сорокин и др. Согласно данному подходу, социальный статус – это положительная или отрицательная позиция, престиж, авторитет индивида или социальной группы в обществе в рамках системы социальной стратификации [3]. В определении общего положения человека в рамках системы стратификации наличие либо отсутствие собственности на средства производства сами по себе не являются решающими, а существенное значение имеют три взаимосвязанных критерия: статусное положение, положение на работе, положение на рынке.

Согласно социально-классовой теории Маркса, статус представителей социальных классов определяется отношением к средствам производства. Здесь основой структуры общества выступает экономический критерий. Данная концепция, в отличие от социально-стратификационной, являясь в определенном смысле одномерной, тем не менее позволяет определить причину статусных изменений, а не только их конфигурацию.

Что касается современной социологии, то она в основном придерживается многомерного подхода в определении социального статуса и его критериев. Большинство социологов считают, что в общеметодологическом плане наиболее перспективным для анализа социального статуса представляется структурно-функциональный подход. В структурном подходе есть ряд позиций, принципиально важных для анализа социальной динамики именно в условиях трансформирующегося общества. В то же время классический набор факторов социальной мобильности, используемых в рамках структурного подхода, представляется для общества переходного типа с интенсивно идущими процессами перестройки всей социальной структуры недостаточным. Поэтому, оставаясь в рамках структурного подхода к проблемам стратификации, при анализе отдельных вопросов необходимо использовать элементы как марксистского, так и функционального подходов.

Глубокое и всестороннее исследование проблемы статуса было проведено Т. И. Заславской, которая рассматривает в качестве критериев социального статуса управленческий, экономический потенциал, измеряемый масштабами собственности и доходов, социокультурный потенциал, отражающий уровень социализации, образованности и профессионализма субъектов, а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни [4].

Используя представленный подход и данные социологических исследований, проведенных отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси в 2011–2014 гг. под руководством доктора философских наук Р. А. Смирновой, был осуществлен сравнительный анализ об-

щественного мнения сельских пенсионеров и трудоспособного сельского населения с целью выявления отличительных черт и особенностей пенсионеров как отдельной социальной группы (всего в опросе приняли участие 1405 человек в возрасте от 16 лет и старше, из них 596 мужчин и 803 женщины).

При рассмотрении властного ресурса имеется в виду возможность влиять на других или иметь власть над другими. Оказалось, что на вопрос респондентам: «Ради чего Вы живете?» из 21 предложенного варианта «власть» оказалась на последнем месте. При этом больше половины респондентов пожилого возраста не согласны с утверждением, что человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других, в то время как среди трудоспособного населения несогласными с этим суждением были чуть менее половины опрошенных. Причиной такого поведения является особенность белорусского менталитета, которая особенно ярко выражена у представителей пенсионного возраста, проживающих в сельской местности, в частности в таких чертах, как стремление не выделяться, способность мириться с любой жизненной ситуацией.

Что касается экономического положения селян, то в связи с тем, что почти все сельское население занято в агропромышленном комплексе (АПК), именно его состояние определяет материальное положение селян в нашей стране. Согласно официальным статистическим данным 2015 г., заработные платы в сельском хозяйстве остаются одними из самых низких среди всех профессиональных групп (ниже только в сфере рыбоводства и рыболовства, в образовании и в гостинично-ресторанной сфере). Кроме того, в некоторых хозяйствах наблюдаются задержки зарплаты, а нередко расчеты производятся в виде натуроплаты (фуража, продуктов питания, товаров народного потребления). Поэтому сельское население входит в группу риска бедности в большей степени, нежели городское.

Но на такое положение дел трудоспособное население и пенсионеры реагируют по-разному. Сельские жители старше 60 лет смотрят на жизнь более оптимистично, чем трудоспособное население. Так, если 19,7 % трудоспособного населения указали, что за последние 5 лет жизнь в сельской местности ухудшилась, то среди пенсионеров так считают 12,5 %. Нужда в деньгах и отношение к деньгам у пенсионеров более умеренное, нежели у трудоспособного населения. Например, в случае полной материальной обеспеченности продолжала бы работать третья часть трудоспособного населения, а среди пенсионеров – только пятая часть.

При выборе из двух позиций «больше работать и больше зарабатывать» и «работать не надрываясь, пусть и жить скромно» ответы трудоспособного населения распределились следующим образом – 80,3 % и 18,2 % соответственно, против 58,3 % и 31,3 % среди пенсионеров соответственно.

Нужно отметить, что потребность в деньгах у трудоспособного населения выше, чем у пенсионеров. Это объясняется различием потребностей у различных социальных групп: у молодой семьи с детьми потребностей намно-

го больше, нежели у пенсионеров. Но здесь также имеет значение и опыт людей старшего поколения, которые понимают, что главная цель и стремление в жизни – это отнюдь не деньги.

Ни для кого не секрет, что с выходом на пенсию резко ухудшается материальное положение, что заставляет менять свой образ жизни. К постоянным же источникам доходов у пенсионеров относятся пенсия и потребление из своего хозяйства, у трудоспособного населения – работа на предприятии (СПК), в государственной организации и потребление из своего хозяйства. Естественно, наличие свободного времени у пенсионеров позволяет им в большей мере заниматься собственным хозяйством. Согласно результатам исследования, продукцию собственного производства пенсионеры используют в основном для личного потребления, в то время как более молодое поколение продает ее в связи с резким снижением доходов.

Средний доход на одного члена семьи как у пенсионеров, так и среди трудоспособного населения составляет от 40 до 60 белорусских рублей. При одинаковых средних доходах восприятие своего материального положения среди двух групп различается. Как плохое свое материальное положение оценивают 4,2 % пенсионеров и 7,1 % трудоспособного населения. При равных доходах пенсионеры более оптимистично смотрят на свое материальное положение и не так сильно, как трудоспособное население, оценивают критичность своих низких доходов. В какой-то степени это можно объяснить тем, что потребностей у пенсионеров намного меньше, нежели у трудоспособного населения, практически полностью отпадает нужда в одежде, товарах длительного пользования, в некоторых видах услуг (например, образовательных), чего нельзя сказать про трудоспособное население.

При решении материальных проблем 3,3 % трудоспособного населения и всего 0,7 % пенсионеров руководствуются принципом «Быть богаче других». Это еще раз подтверждает более лояльное отношение к богатству и деньгам у людей пенсионного возраста, нежели у трудоспособного населения, так как у людей пенсионного возраста заложены совсем другие ценности, ведь они родились и большую часть своей жизни прожили при социализме, где деньги – отнюдь не самое важное в жизни. С распадом СССР одни ценности пришли на смену другим: превалируют ценности западного мира – индивидуализм, успех, мерилом которого являются деньги, конкуренция во всем и т. д., что мы и видим у более молодой части населения.

Что касается потребительского поведения, то оно также различно у двух групп. Пенсионеры во многом себе отказывают или просто не считают нужным тратить деньги на некоторые товары или виды услуг. Например, отдых и путешествия, покупка автомобиля, строительство недвижимости, оплата бытовых услуг, товары долговременного пользования – это те товары и услуги, на которые пенсионеры не считают нужным тратить свои доходы. А актуальными статьями расходов является самое основное – продукты питания, оплата коммунальных услуг, товары текущего пользования, оплата лечения и медикаментов и расходы на ведение подсобного хозяйства.

Во многом, конечно, такое поведение объясняется низким уровнем доходов пенсионеров. Однако здесь имеют место и другие причины. Люди пенсионного возраста считают, что в их возрасте можно обойтись, например, без таких развлечений, как отдых или путешествия либо новый диван или шкаф. Они живут по принципу: «Зачем нам, старым, это нужно?» Для них привычнее вести подсобное хозяйство и ухаживать за внуками. Такое поведение – особенность менталитета всех сельских пенсионеров постсоветских стран, для них отдых и радости в жизни – это что-то близкое и понятное в их жизни – дом, дети, внуки, старая вещь, которая имеет множество ассоциаций с жизнью, а не заграница и новый шкаф. Обладая жизненным опытом, мудростью, они понимают, насколько несущественна роль вещей в жизни по сравнению со всей жизнью, ее предназначением и смыслом.

Подводя итог анализу материального положения сельских пенсионеров, нужно отметить, что субъективное отношение у них намного оптимистичнее, чем у более молодого поколения, хотя объективно ситуация обстоит не так благополучно. В связи с небольшими пенсиями люди пенсионного возраста не в состоянии удовлетворить свои потребности, их доходов хватает лишь на основные продукты питания и на поддержание здоровья (не на самом высоком уровне). Но, несмотря на оптимизм пенсионеров касаемо своего материального положения, это совсем не означает, что они не хотели бы лучшей жизни – путешествовать, покупать новые вещи, лечиться в санаториях, ходить в бассейн и т. д. Возможно, проблему малых пенсий и резкого снижения уровня жизни населения после выхода на пенсию поможет решить пенсионная реформа, которая позволит в большей степени работнику влиять на размер своей пенсии, нежели государству? Но не все так однозначно, как кажется на первый взгляд.

Далее рассмотрим социально-культурный потенциал двух социальных групп. Особенностью социальных связей на селе является преобладание неформальных социальных связей. Происходит естественное разделение участников по статусам и ролям, отражающим их потребности, ценности, нормы, воплощенные в традициях. Это проявляется в отношении жителей друг к другу: если свадьба или рождение ребенка – то празднует вся улица, а то и вся деревня, если нужна помощь – то жители быстро кооперируются с целью помочь нуждающимся. И в таких связях пенсионеры отличаются от молодого населения тем, что они в большинстве случаев действуют безвозмездно, альтруистично, чего не скажешь о трудоспособном населении, в действиях которого уже присутствуют элементы эгоизма и прагматизма, что характерно для культуры рыночного общества. Так, в том, что доброта делает человека лучше и чище, уверены 88,9 % людей пенсионного возраста и 77,6 % трудоспособного населения; более половины пенсионеров считают, что совестливый и нравственный человек должен помогать бедным и слабым, даже если нужно что-то оторвать от себя; среди людей трудоспособного возраста таких оказалось менее половины.

Что касается «связей», которые имеет население и к которым может обратиться, то здесь лидируют люди пенсионного возраста: 27,8 % пенсионеров указали, что они обращались неоднократно к «связям» и знакомым за какой-либо помощью, в то время как аналогично ответили 22,3 % трудоспособного населения. Здесь, конечно, действует принцип, чем ты старше – тем больше твой социальный капитал, тем больше ты имеешь знакомых в своей жизни.

При рассмотрении отношения сельского населения к своей малой родине, местности, в которой они живут, было выявлено, что у трудоспособного населения и пенсионеров этот показатель существенно отличается. Среди тех, кто доволен тем, что живет в своем населенном пункте, оказалась половина опрошенных пенсионеров, тогда как среди трудоспособного населения таких почти в 2 раза меньше. У пожилого населения более уважительное отношение к своему месту жительства, их удовлетворяют те условия жизни, которые они имеют. Проживая в сельской местности, они не так сильно стремятся к городскому образу жизни и к городской инфраструктуре, нежели более молодое поколение. Основная же причина недовольства у трудоспособного населения – это низкий заработок и тяжелая работа.

Так, среди тех, кто хотел бы уехать из своего населенного пункта, 2,8 % пенсионеров и 21,4 % трудоспособного населения. Как видно, разница существенная, что еще раз показывает удовлетворенность пенсионеров своим населенным пунктом и нежелание менять привычный образ жизни. С другой стороны, эта разница отражает стремление молодых людей к высоким заработкам и поискам лучшей жизни в городе.

Вообще для пенсионеров присущ оптимизм и удовлетворенность своими условиями проживания, качеством жизни, пусть даже они далеко не комфортны по общепринятым нормам. Главные материальные потребности для пожилых людей – жить так, чтобы без препятствий удовлетворялись физиологические потребности – питание, безопасность, постоянство условий жизни. Так, согласно опросу, пенсионеры намного больше довольны всеми услугами, предоставляемыми в сельской местности (качество воды, дорог, работа общественного транспорта, освещение улиц и их санитарное состояние, качество и ассортимент товаров в торговых точках, работа объектов культурного досуга, качество медицинского обслуживания, охрана окружающей среды, работа службы быта, состояние жилья, безопасность передвижения по населенному пункту), нежели население трудоспособного возраста. То же касается и удовлетворенности работой различных учреждений в сельской местности.

Что касается чувства общности, то и у пенсионеров, и у трудоспособного населения оно ярко выражено с жителями своего же поселения, а также со всеми сельскими жителями, меньше – с жителями своего района, а еще меньше – с городскими жителями. Пожилые сельские жители не приравнивают себя к городским жителям. Они считают друг друга абсолютно разными, имеющими мало чего общего: образ жизни, ценности, традиции, взаимоотношения в семье и в обществе в целом, отношение к природе и т. д. Но при этом

во всех случаях чувство общности пенсионеров со всеми социальными общностями выражено намного сильнее, так как пенсионеров отличает в большей степени умеренность во всех отношениях, они более толерантны, лояльны, спокойны, нежели представители более молодого поколения.

У людей пенсионного возраста намного сильнее, нежели у трудоспособного населения, присутствует уважение к традициям и обычаям – 67,4 % против 54,5 % соответственно. Выше говорилось о том, что люди пенсионного возраста более консервативны, менее мобильны, ранимы к изменениям, что и объясняет такую приверженность традициям и обычаям.

Тот факт, что у пенсионеров более лояльное и оптимистичное отношение к своему населенному пункту, что они больше, чем население трудоспособного возраста, удовлетворены условиями жизни в сельской местности, подтверждается и тем, что среди пенсионеров вдвое больше тех, кто хотел бы, чтобы их дети также оставались жить и работать в данном населенном пункте (25,7 % пенсионеров против 12,3 % людей трудоспособного возраста).

В пятерку главных ценностей, ради которых живут люди пенсионного возраста, входят дети, семья, здоровье, благополучие своей страны и помощь людям. Среди трудоспособного населения эти ценности выстроены следующим образом: семья, дети, здоровье, материально обеспеченная жизнь и любовь, что еще раз подтверждает вышеупомянутые утверждения о различных заложенных ценностях у двух поколений. Первые три ценности одинаковые у двух групп, так как это базовые ценности, которые, в первую очередь, важны для любого нормального человека. Что же касается двух последующих ценностей, то у пенсионеров это альтруистические ценности, а у другой группы – индивидуализированные.

Еще одна особенность людей пенсионного возраста состоит в том, что они менее мобильны, более ранимы к изменениям в привычном образе жизни, даже тогда, когда это касается повышения их благосостояния. При каких-либо изменениях у представителей пенсионного возраста присутствует страх того, что с изменениями может стать хуже, чем есть на данный момент. Пойти на какие-либо изменения в образе жизни ради повышения уровня благосостояния (переобучение, переезд в другой населенный пункт, работа сверхурочно, увеличение личной ответственности за результаты труда и др.) в большей степени склонны люди трудоспособного возраста, нежели пенсионного.

Относительно доверия к государственным органам власти, у пенсионеров оно намного выше, нежели у трудоспособного населения. А к различным негосударственным организациям, наоборот, у пенсионеров больше недоверия. Причина в том, что для людей этого поколения присуще доверие к власти, официальному печатному слову, социальному порядку, который сохраняется в нашей стране.

Более того, результаты опросов показывают, что в целом для людей пенсионного возраста положение улучшилось за последнее время, они довольны переменами и помощью государства. Отсюда и вытекает доверие к нему.

О доверии к государству говорит и то, что пенсионеры в большей степени, чем представители трудоспособного населения, доверяют такой материальный ресурс, как земля, только государству. А земля для сельского жителя – это самая большая драгоценность, неотъемлемая часть его жизни, поэтому и отношение к ней особое. И эту важную для них ценность пенсионеры готовы доверить только государству, они категорически против частной собственности на землю, считая, что землей должно владеть только государство и никак по-другому. Государство для них – гарант сохранности и стабильности.

Что касается культурного уровня пенсионеров, то, исходя из потребления ими культурно-досуговых услуг, уровень этот невысок. В сравнении с трудоспособным населением, потребление данных услуг по всем пунктам у пенсионеров ниже, будь это посещение библиотек, кинотеатров или спортивных секций. Такую пассивность пятая часть опрошенных пенсионеров объясняет отсутствием желания, в то время как более молодое поколение ссылается на свою занятость и отсутствие свободного времени.

Подводя итог, мы можем отметить три главных особенности образа жизни и социального статуса сельских пенсионеров. Во-первых, территориальная привязанность к родной деревне: они в целом довольны тем, что проживают в сельской местности, удовлетворены условиями и инфраструктурой своего населенного пункта, гордятся им. Отсюда и доверие к государству, которое обеспечило для них хорошие условия жизни. Более того, сельские пенсионеры не против, чтобы и их дети после получения образования возвращались жить обратно в деревню.

Во-вторых, преобладание альтруистических ценностей; люди пенсионного возраста готовы безвозмездно помогать не только своим родственникам и близким людям, но и жителям своего населенного пункта, с которыми у них крайне сильно развито чувство общности. На это повлияли ценности, заложенные еще во времена социализма, где солидарность, коллективизм и приоритет общества над личностью являлись главными постулатами, что практически отсутствует у более молодого поколения.

И, в-третьих, приверженность традициям и обычаям – особенность сельских пенсионеров, являющихся источником опыта, мудрости, истории, традиций и обычаев нашей страны, благодаря чему эти духовные ценности еще живы. Поэтому невостребованность людей пенсионного возраста очень опасна, так как без них обесцениваются и теряются знания, традиции, обычаи, опыт и мудрость. А современное поколение пенсионеров достаточно выносливое и трудолюбивое, что может быть использовано в нашем обществе.

Знание человеческого, экономического, социального и культурного потенциала пожилых людей может помочь скорректировать работу государственных органов, местных властей с людьми пенсионного возраста, сделать их потенциальным ресурсом как формальной, так и неформальной экономики (ЛПХ, уход за детьми и внуками, общественная работа, помощь сельсовету, волонтерство, уход за больными и немощными стариками и др.). В этой связи

необходимо и далее изучать такую социальную группу, как пенсионеры, и тем самым вырабатывать эффективные стратегии повышения уровня жизни людей пенсионного возраста, искать возможные направления реализации их трудового потенциала, формировать у них позитивное социальное самочувствие, повышая их социальный статус в обществе.

В частности, реформировать пенсионную систему, где размер своей пенсии в большей мере определяет сам работник, а не государство; воспитывать у молодого поколения уважительное отношение к пожилым людям; защищать на законодательном уровне пенсионеров от дискриминации по возрасту на рабочих местах (увольнение с выходом на пенсию, отказ в устройстве на работе в предпенсионном возрасте); сформировать возможность для пенсионеров (и/или для людей предпенсионного возраста) заниматься предпринимательством на льготных условиях; организовать и сделать доступным обучение пенсионеров различным информационным технологиям (работе с компьютером, планшетом, смартфоном, работе в Интернете и т. д.). Данные меры дадут возможность пенсионерам реализовать свой потенциал, позволят не быть исключенными из социума ввиду возрастной дискриминации на рабочих местах, а также позволят снять нагрузку с экономически активного населения.

Список использованных источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/. – Дата доступа: 24.08.2016.

2. *Шкаратан, О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность / О. И. Шкаратан. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. – 526 с.

3. Большой толковый социологический словарь (Collins) : пер. с англ. – М. : Вече : АСТ, 1999. – Т. 2. – 528 с.

4. *Заславская, Т. И.* Социальная структура современного российского общества / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5–23.

D. S. KRASKOUSKAYA

SOCIAL AND CULTURAL POTENTIAL OF OLD-AGED PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF POPULATION OF RURAL AREAS OF BELARUS)

Summary

The article presents sociological description of the social status of the population of a retirement age of Belarus on the example of rural elderly people. The comparative analysis of public opinion of rural pensioners and working-age rural population is carried out with aimed at identification of distinctive features and features of pensioners as a specific social group. The level of social well-being and social and cultural potential of people of a retirement age was determined.

Keywords: social status, social adaptation, human potential, exclusion, social well-being, economic situation, level of material welfare, social networks, labor, social and cultural potentials, elderly people.

Поступила 04.11.2016 г.

УДК 316.4.06

А. С. МАЛМЫГИН,
магистр социологических наук, аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО СОБЫТИЯ

В статье представлена система социологических показателей социального события. На основе системного подхода и структурно-функциональной методологии определены основные эмпирические показатели генезиса, существования и последствий социальных событий, обусловливающих трансформационные изменения в общественном развитии.

Ключевые слова: социальное событие, социальный институт, социальные отношения, образ жизни, мировоззрение, социальные изменения, общественное развитие.

Социодинамика общества проявляется как в незначительных социальных переменах, так и в коренных, трансформационных социальных преобразованиях, существенно меняющих жизнедеятельность социальных субъектов, социальную структуру и направленность развития общества – в форме социальных событий. Социальная событийность является неотъемлемым признаком социодинамики социальной жизни: в процессе развития любого общества всегда происходят значимые социальные события, которые причинно-следственно взаимосвязаны с наиболее значимыми структурно-функциональными элементами и социальными процессами. *Социальное событие* в дискурсе современной социологии представляет собой совокупность взаимодействующих социальных обстоятельств и процессов, детерминирующих трансформационные изменения в системе социальных институтов, социальных отношений, социально-стратификационной структуре, образе жизни и мировоззрении социальных субъектов, которые, демаркируя социальное время и пространство, обусловливают возникновение новой социальной реальности. Оно имеет следующие сущностные характеристики: продолжительность существования в социальном времени; локализацию и протяженность в социальном пространстве; динамичность и процессуальность; вариативность; цикличность; социальную трансформационность и др. Социальное событие выполняет важные социальные функции: детерминации качественных изменений в социальной системе, а также демаркации социального времени и перехода в качественно новую социальную реальность. Таким образом, социальное событие имеет сложную и многогранную природу, для социологического исследования которого целесообразно использовать системный подход и методологию структурно-функционального анализа.

Важным этапом социологического исследования социального события является разработка системы его показателей и индикаторов. Система социологических показателей социального события включает три группы эмпирических критериев: показателей и индикаторов, связанных с генезисом (происхождением и развитием) социального события; показателей и индикаторов, фиксирующих базовые характеристики существования социального события; показателей и индикаторов, отражающих последствия социального события. Полагаем, что показателями, фиксирующими источники и генезис социального события, выступают социальные противоречия и социальные флуктуации в системе общественных отношений. Базовыми социологическими показателями, фиксирующими бытие социального события, являются социальные обстоятельства и процессы в экономических, политических, социальных и культурных отношениях, обусловливающие трансформационные преобразования социальных институтов, изменения в социально-стратификационной структуре, образе жизни и мировоззрении различных социальных субъектов. Эмпирическими показателями, отражающими последствия социального события, выступают трансформационные изменения в социальных институтах, социальных отношениях, в образе жизни и мировоззрении социальных субъектов. Необходимо отметить, что эмпирические показатели, фиксирующие бытие социального события, частично пересекаются с эмпирическими показателями и индикаторами, отражающими последствия социального события. Этот факт обусловлен тем, что проявление социального события в реальной социальной действительности и его отражение в общественном сознании выражается в значительной степени через их социальные последствия, которые выступают их социальными маркерами. Поэтому в данной статье акцентируется внимание на преимущественном рассмотрении социологических показателей последствий социального события.

Социальное событие вызывает существенные преобразования *социальных институтов*, которые проявляются не столько в отдельных изменениях структуры важнейших социальных институтов, сколько в трансформации форм, сущностных признаков и статуса (степени значимости и влияния) ключевых экономических, политических, социальных и культурных институтов общества. Социальные институты выступают значимыми компонентами общества как социальной системы, так как, во-первых, выполняют общественно значимые функции, необходимые для удовлетворения базовых потребностей социальных субъектов [3, с. 14]. Во-вторых, социальные институты легитимируют, охраняют и регламентируют важнейшие социальные отношения, нормы и ценности, определяют основополагающие правила и нормы взаимодействия социальных субъектов. В-третьих, социальные институты взаимосвязаны с основополагающими компонентами и социальными отношениями в обществе и всем укладом общественной жизни.

В политической сфере общества происходят трансформационные социальные изменения государства как важнейшего социально-политического инсти-

тута. Взаимосвязанные с социальным событием преобразования государства как ведущего социально-политического института выражаются в возможных изменениях формы государственного устройства, правления и политического режима, их социально-правового статуса, политической идеологии государства. Так, распад СССР детерминировал появление независимых государств, а также смену социально-правового статуса бывших союзных республик. Например, социально-правовой статус БССР как социалистического государства был упразднен с распадом СССР, и, согласно Конституции 1994 г., Республика Беларусь является унитарным, демократическим, социальным и правовым государством. Более того, преобразования современного белорусского государства сопровождались появлением целого ряда новых демократических институтов: президентства, парламентаризма и т. д.

В экономической сфере общества важнейшим социальным институтом выступает институт собственности. Преобразования последнего могут проявляться в изменении структуры и формы собственности, изменении ее субъектов и объектов, содержания прав и обязанностей собственников. В качестве примера взаимосвязи социального события и преобразований института собственности выступает трансформация института собственности в странах, составлявших СССР. Так, распад советской социально-экономической системы, характеризующейся доминированием в экономике государственной собственности, обусловил социальную трансформацию, которая проявилась в развитии рыночных отношений, появлении новых социальных субъектов – предпринимателя, хозяйственных организаций – коммерческих фирм, а также новых объектов рыночных отношений.

В социальной сфере последствия социального события затрагивают институты социальной стратификации, а также важнейшие институциональные субъекты социально-стратификационной структуры общества. Социальное событие может оказывать существенное влияние на значимых в обществе институциональных субъектов, в качестве которых выступают социальные классы и страты общества, а также отдельные индивиды. Необходимо отметить, что в ходе генезиса и развития социального события происходят изменения социального статуса и социальной структуры наиболее значимых в обществе социальных классов и страт. Следовательно, социальные изменения ведущих социальных институтов общества тесно взаимосвязаны с социальными событиями, поскольку социальное событие обладает существенным трансформационно-преобразующим влиянием на ключевые социальные институты общества (табл. 1).

Следующим важным показателем последствий социального события в общественной жизни выступают изменения сложившихся *социальных отношений* между социальными субъектами. Как известно, социальные отношения лежат в основе общества, являются тканью социальной жизни, а также значимым способом взаимосвязей между социальными субъектами [5, с. 147–149]. Поэтому без социальных отношений невозможно осуществление какого-ли-

Таблица 1. **Система показателей изменений в социальных институтах, обусловленных социальным событием**

Показатель социального события	Перечень индикаторов
Преобразования в системе социальных институтов	*Базовые индикаторы*
	Изменение статуса социального института (степени значимости и влияния социального института в обществе)
	Изменение функциональности/дисфункциональности социального института
	Изменения в структуре социального института
	Изменение степени авторитета, легитимности и доверия к институту социальными субъектами
	Изменение степени регулирования социальным институтом общественных отношений
	Изменения в институциональных ресурсах социального института (деньги, власть, репутация и др.)
Государство	*Частные индикаторы*
	Изменение формы государственного правления
	Изменение политического режима
	Изменение формы государственного устройства
	Изменениеполитической идеологии
	Изменение системы управления в государстве
Собственность	Изменение формы собственности
	Изменение прав и обязанностей субъектов собственности
	Изменение субъектов и объектов собственности
Социальные классы и социальные страты	Изменение статуса класса и социальной страты в социальной структуре общества
	Изменение структуры социального класса
	Изменение социальной активности и деятельность класса
Институт прав и свобод человека	Изменения в социально-политических правах, обязанностях и свободах социальных субъектов
	Изменения в социально-экономических правах, обязанностях и свободах социальных субъектов
	Изменения в личных правах, обязанностях и свободах социальных субъектов
	Изменения в социально-культурных правах, обязанностях и свободах

бо социального действия и, соответственно, социального развития общества. Другая важнейшая роль социальных отношений состоит в том, что они находятся в основе экономических, политических, социокультурных, семейно-бытовых социальных взаимодействий и взаимосвязей между субъектами, а также обусловливают социально-структурную архитектонику общества.

Социальное событие взаимосвязано с существенными изменениями социальных отношений, вызывает изменения значимых компонентов социальных отношений. Изменения социального статуса как важнейшего компонента социальных отношений проявляется в изменениях прав, обязанностей и воз-

можностей реализации социальными субъектами их социальных интересов и целей, меняет степень влияния субъектов в социальных отношениях, а также социальное поведение и социальную деятельность социальных субъектов. Изменение структуры социальных отношений выступает важным признаком воздействия социального события на общество [2, с. 29]. Преобразования в структуре социальных отношений выражаются в изменениях социального состава, социального положения, количественного соотношения субъектов социальных отношений: индивидов, социальных групп и классов, изменениях норм и правил, регулирующих социальные отношения, а также предметов, по поводу которых возникают социальные отношения.

Важнейшим показателем изменения социальных отношений между социальными субъектами являются качественные изменения модальности и направленности социальных взаимодействий и взаимосвязей, лежащих в основе значимых в социуме социальных отношений [4, с. 555]. Например, социальное событие обусловливает изменение партнерских социальных отношений в отношения господства и подчинения или социальные отношения сотрудничества переходят в конфликтные социальные отношения между индивидами, социальными группами, социальными классами и наоборот.

Меняется степень интенсивности и необходимости различных социальных отношений [4, с. 554]. Как правило, существенное увеличение доли социальных взаимодействий приводит к усилению значимости и расширению различных социальных отношений в обществе, возрастанию количества субъектов, включенных в социальные отношения. И, наоборот, заметное снижение количества социальных взаимодействий, различного характера и направленности, приводит к ослаблению или вовсе исчезновению необходимости у социальных субъектов быть участниками тех или иных социальных отношений.

Важной качественной характеристикой взаимосвязей между элементами в социальной системе выступает организованность социальных отношений. При усилении организации социальных отношений увеличивается взаимосвязь между их субъектами. При ослаблении взаимосвязей в социальных отношениях происходит уменьшение взаимозависимости между социальными субъектами. Оказывая трансформационное влияние на социальную систему, социальное событие индуцирует изменения уровня организации социальных отношений, вызывая интеграционные или дезинтеграционнные изменения в системе социальных отношений и тем самым обусловливая переход социальной группы и общности на более высокий уровень развития или влияя на распад социальных систем. Именно от изменения организованности социальных отношений зависят единство и структурная целостность социальной группы и класса или социального института.

Таким образом, социальные отношения являются важнейшей формой существования социальной жизни. Жизнедеятельность социальных субъектов, их социальные действия и социальное положение тесно переплетены с теми экономическими, политическими и социокультурными отношениями, участ-

никами которых они являются. Таким образом, обусловленные социальными событиями качественные изменения различных социальных отношений, проявляющиеся в трансформационных изменениях социальных связей и взаимодействий между социальными субъектами, являются важнейшими социологическими показателями последствий социального события (табл. 2).

Таблица 2. **Система показателей изменений в социальных отношениях, обусловленных социальным событием**

Показатель социального события	Базовые индикаторы
Изменение социальных отношений в обществе	Изменение характера социальных отношений (сотрудничество/конфликт, господство/подчинение, равенство/неравенство и т. д.)
	Изменение социального статуса субъектов социальных отношений
	Изменение структуры социальных отношений
	Изменение степени интенсивности социальных отношений
	Изменение степени организованности (интеграции/дезинтеграции) социальных отношений

Последствия влияния социального события на общественную жизнь проявляются в изменении образа жизни социальных субъектов в сфере труда, семьи и досуга. Значимая роль образа жизни социальных субъектов определяется тем, что типичные формы жизнедеятельности личности, социальной группы и общности в производственно-экономической, семейной и досуговой сферах оказывают значимое влияние на социальное положение, уровень и качество жизни социальных субъектов. Образ жизни представляет собой совокупность типичных форм и способов жизнедеятельности социальных субъектов в сфере труда, семьи и досуга, которые выполняют адаптивную, интегративную и воспроизводственную функции в процессе жизнедеятельности социальных субъектов.

Перемены в *системе потребностей,* как структурном компоненте образа жизни, выражаются в появлении новых материальных и духовных нужд и запросов социальных субъектов, а также в изменении степени и возможности их удовлетворения. В процессе изменения образа жизни меняются *социальные интересы* различных социальных субъектов, то есть происходит смена направленности социальной активности субъектов на другие более значимые для них социальные блага. Трансформация устоявшегося образа жизни социальных субъектов проявляется также в изменениях в системе *жизненных ценностей и ценностных ориентаций* личности, социальных групп и общностей в сфере социально-трудовых, семейно-брачных и досуговых отношений.

Изменение вида, характера и содержания *социальной деятельности* также является важным признаком трансформации сложившегося способа жизнедеятельности социальных субъектов. Поскольку социальная деятельность как непрерывная целенаправленная социальная активность и способ удов-

летворения социальных потребностей в сферах труда, досуга, учебы и семьи находится в основе повседневной жизнедеятельности социальных субъектов, перемены в ее структуре и характере отражаются на привычном образе жизни субъектов, различные стороны которого меняются в зависимости от смены деятельности социального субъекта [1].

Особыми структурообразующими компонентами привычного способа жизнедеятельности, а также важными факторами устойчивости и воспроизводства образа жизни являются присущие субъектам *социальные установки и стереотипы поведения*, которые выражаются в устойчивом отношении к фактам и событиям повседневной жизни, а также привычном социальном поведении субъектов в сфере труда, быта, семьи и досуга.

Образ жизни личности, социальной группы и социальной общности как субъектов социальных отношений взаимосвязан с их *социальным окружением и условиями жизнедеятельности* и включает взаимоотношения с другими социальными субъектами в процессе трудовой деятельности, в семейной жизни и быту, в сфере досуга. Повседневные социальные контакты и взаимоотношения в трудовом коллективе, с друзьями и приятелями, членами семьи, а также другими социальными группами, с которыми регулярно взаимодействуют субъекты, являются основой повседневной социальной жизнедеятельности и важной составляющей привычного образа жизни социальных субъектов. Другой важной составляющей привычного образа жизни выступает осуществление устоявшегося способа социальной жизнедеятельности. Действуя в привычных социальных условиях социальной действительности, субъект в полной мере воспроизводит сложившийся образ жизни. Существенные социальные изменения привычных условий жизнедеятельности, социального пространства, времени и ситуаций, а также взаимоотношений субъектов с ближайшим социальным окружением являются важным показателем изменения образа жизни. Таким образом, качественные изменения в уровне и качестве жизни различных социальных субъектов выступают важным социологическим показателем трансформационного влияния социального события на общественную жизнь (табл. 3).

Следующей важнейшей группой показателей, свидетельствующих об изменении образа жизни и связанных с социальным событием, выступают существенные изменения *уровня и качества жизни* социальных субъектов как интегральных показателей их жизнедеятельности. Существенные изменения уровня и качества жизни социальных субъектов являются важнейшим показателем общественных перемен. Так, изменение уровня доходов населения (среднего размера заработной платы), структуры потребления необходимых материальных и духовных благ, уровня бедности, степени дифференциации доходов, уровня безработицы населения считаются показателями, свидетельствующими об изменении уровня и качества жизни социальных субъектов. К изменениям качества жизни социальных субъектов можно отнести также объем и качество предоставляемых населению социальных услуг, в том числе

Таблица 3. **Система показателей изменений в образе жизни, обусловленных социальным событием**

Показатель социального события	Перечень индикаторов	
	базовые	частные
Изменение образа жизни социальных субъектов	Изменения в системе социальных потребностей и интересов	Степень удовлетворения потребностей
		Возможности удовлетворения потребностей
	Изменения в системе ценностей и ценностных ориентаций	Ценностные ориентации в сфере досуга и общения
		Ценностные ориентации в брачно-семейной сфере
		Ценностные ориентации в области охраны здоровья
		Ценностные ориентации в сфере социально-экономических и трудовых отношений
	Изменения в социальной деятельности	Формы социального поведения
		Мотивы деятельности и поведения
		Характер деятельности
		Виды деятельности
	Изменения в социальных установках и поведенческих стереотипах	Трудовые (экономические) и политические
		Семейно-брачные и межличностные
		Культурные и религиозные, межличностные
	Изменения в привычных условиях жизнедеятельности и социальном окружении	Взаимоотношения в семье, с друзьями, приятелями
		Взаимоотношения с коллегами, в трудовом коллективе
		Взаимоотношения с государственными органами

услуг в сфере образования, здравоохранения, сфере обслуживания, правопорядка (степени защищенности от преступных посягательств).

Учитывая диалектическую взаимосвязь между общественным бытием и общественным сознанием, важным показателем последствий социального события выступают изменения в мировоззрении социальных субъектов – системе социальных ценностей, убеждений и ориентаций. Важность мировоззрения в социальной системе определяется тем, что от видения, представления и оценки того социального мира, в котором осуществляется жизнедеятельность социального субъекта, во многом зависит образ жизни, поступки, программы поведения и стратегии деятельности различных социальных субъектов. Изменение в мировоззрении проявляются в том, что меняются социальные ценности, составляющие личностное, групповое и общественное сознание и ценностные ориентации. Перемены в мировоззрении существенно меняют общую направленность жизнедеятельности социальных субъектов.

Значимым компонентом мировоззрения социальных субъектов выступают социальные убеждения, которые представляют собой систему наиболее

устойчивых взглядов и представлений субъектов о социальном мире. Социальные убеждения определяют поступки социальных субъектов и социальные действия в различных социальных ситуациях, формируют отношение субъекта к социальной действительности, сохраняют постоянность направленности жизненных ориентаций и тенденций социального поведения субъектов.

Учитывая тесную взаимосвязь между духовной жизнью общества и мировоззрением, а также включенность мировоззрения социальных субъектов в общественное сознание, можно сделать вывод, что социальные события оказывают влияние как на мировоззрение социальных субъектов, так и на общественное сознание. Так, в ходе изменений в экономическом сознании меняются социальные представления, взгляды социальных субъектов на различные экономические явления и процессы, например относительно форм собственности и принципов экономической деятельности. Преобразования в политической сфере, обусловленные социальным событием, затрагивают общественное политическое сознание и образующие его политические ориентации, интересы, стереотипы, предпочтения, установки и убеждения субъектов относительно форм государственного устройства и правления, политического режима и принципов управления и др. Изменения в политическом сознании тесно связаны с переменами в правосознании, в процессе которых происходят перемены во взглядах и убеждениях на содержание правовых норм и установлений. В сфере морального и нравственного сознания меняются нравственные принципы и общественные идеалы, нравственные нормы, моральные оценки на поступки людей и моральные представления о добре и зле, правильном и неправильном. Социальное событие как трансформационный фактор может привносить изменения в различные эстетические идеалы и вкусы, оценки и взгляды. Затрагивая все формы общественного сознания, социальное событие влияет на появление перемен в религиозном сознании.

Таким образом, мировоззрение различных социальных субъектов меняется под трансформационным воздействием социального события, что является следующим важным показателем последствий социального события (табл. 4).

Таблица 4. **Система показателей изменений в мировоззрении, обусловленных социальным событием**

Показатель социального события	Базовые индикаторы
Изменения в мировоззрении социальных субъектов	Изменение в структуре социальных ценностей общественного сознания
	Изменение социальных убеждений субъекта
	Изменение ценностных ориентаций субъекта
	Изменение в нравственном, правовом и религиозном сознании

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что социальное событие является фундаментальным социальным феноменом, который вызыва-

ет трансформационные социальные изменения в обществе, а также оказывает существенное влияние на важнейшие структуры и процессы в различных сферах жизнедеятельности социума. Наиболее важными социальными изменениями выступают социальные трансформации в системе экономических, политических и социокультурных институтов и социальных отношений, в образе жизни, мировоззрении социальных субъектов, которые составляют базовую основу системы социологических показателей социального события как феномена, оказывающего трансформационное воздействие на характер и динамику общественного развития. Важнейшее научно-практическое значение разработанной системы социологических показателей социального события состоит в том, что она позволяет, во-первых, на теоретико-методологическом и общественно-практическом уровнях отличать социальные события от других феноменов общественной жизни, во-вторых, социологически измерить и оценить масштаб и особенности его проявления и функционирования и, в-третьих, определить пути, формы и механизмы оптимального социального управления общественными процессами в условиях трансформационных преобразований социума, обусловленных социальным событием. Последнее, демаркируя социальное время и пространство, детерминирует возникновение новой социальной реальности и выступает в качестве важной движущей силы общественного развития.

Список использованных источников

1. *Бабосов, Е. М.* Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е. М. Бабосов. – Минск : Право и экономика, 2005. – 228 с.

2. *Лахман, Р.* Что такое историческая социология? / Р. Лахман. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016 г. – 240 с.

3. *Поланьи, К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – СПБ. : Алетейя, 2002. – 314 с.

4. *Сорокин, П.* Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.

5. *Штомпка, П.* Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2005. – 664 с.

A. S. MALMYHIN

SYSTEM OF SOCIAL INDICATORS OF SOCIAL EVENTS

Summary

The article presents a system of sociological indicators of social events. Based on the system and structural-functional approaches the main indicators such as transformation social changes and transformation of the most important social institutions, social relations, lifestyle and worldview of social actors were revealed.

Keywords: social event, social institution, social relationships, lifestyle, worldview, social changes, social development.

Поступила 12.10.2016 г.

УДК 316.422

А. В. ХИЖНЯК,

кандидат социологических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, г. Харьков, Украина

КОЛЛЕКТИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫМ ПРАКТИКАМ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Представлен анализ влияния на коллективное сопротивление коррупции социальных коммуникаций. Выявлена роль института масс-медиа, определены его возможности, преимущества и ограничения в антикоррупционной борьбе. Показано, что переход от идеи новой медиа-среды к ее практическому воплощению требует общественного контроля над самими СМИ. Коллективное сопротивление коррупции нуждается в социологическом сопровождении, актуализирует необходимость определения показателей, с помощью которых можно отслеживать соответствие медиа-образа коррупции реальной ситуации в стране, мегаполисе. Эти показатели могут использоваться при проведении мониторинга эффективности антикоррупционных мероприятий и состояния коллективного сопротивления коррупции.

Ключевые слова: социальные коммуникации, коллективное, индивидульное и институциональное в коррупции, коррупционные практики, коллективное сопротивление коррупции, масс-медиа, медиа-образ коррупции.

В отношении коррупции в современном мире сложились определенные представления: во-первых, включение коррупции в общественную и личную жизнь лишает закон, право и мораль монополии регулирования общественных отношений, разрушает национальное государство; во-вторых, из-за коррупции ключевые ценности – право, мораль, социальная справедливость отходят на второй план в повседневной жизни; в-третьих, коррумпированное государство по своей сущности социально ориентированным и социально справедливым быть не может, так как оно лишь декларирует принципы правовой законности и высокой нравственности. Это делает феномен коррупции опасным для общества, что актуализирует социологический анализ и сопровождение сопротивления коррупции на индивидуальном, коллективном и институциональном уровнях. Среди путей борьбы с коррупцией чаще всего называются повышение профессионализма аппарата управления на всех уровнях и во всех сферах общества, открытость деятельности чиновников, политическая воля противодействию коррупции. При этом возрастает потребность в системных антикоррупционных действиях со стороны гражданского общества и масс-медиа как его элемента.

Коррупция – многоаспектное, многоуровневое, системно организованное социальное явление. Как социальный феномен коррупция включает в себя не только противоправные, но и многие проявления вполне законной, но морально сомнительной деятельности. Это затрудняет концептуализацию этого феномена. Стоит обратить внимание на критический анализ теорий коррупции, который провел Карл-Хайнц Заурвайн [1]. При изучении роли масс-медиа в репрезентации коррупционных практик потенциал имеют структурно-функциональный подход (для определения границ функциональности коррупции), институциональный подход (для определения проблем во взаимодействии СМИ с другими институтами), новые исследовательские подходы к изучению медиа: медиатеория М. Маклюэна, ставшая новым поворотом в оценке средств массовой коммуникации [2]; карта теорий СМИ Д. МакКуэйла (процесс медиатизации, виды и элементы СМИ, принципы, структуры и функционирования СМИ, ответственность медиа перед обществом и т. д.) [3]. Новая эпоха безграничной коммуникации провозглашена с появлением Интернета и возрастанием его роли на социальную жизнь, в том числе на сопротивлении коррупции [4].

Сейчас расширяются представления об институциональном регулировании коррупции, в частности о влиянии на этот процесс СМИ, стоит задача совместить современные научные представления о коррупции (идеи) и роль института масс-медиа в антикоррупционной борьбе. Однако все еще распространен упрощенный взгляд на коррупцию, в том числе на роль масс-медиа в ее репрезентации. Ученые отмечают важную роль медиаобразования и медиакомпетентности различных групп граждан в формировании социального поведения [5]. Но этим роль медиа не ограничивается, ведь они могут мобилизовать население и институты на коллективное сопротивление коррупционным практикам. В этой связи актуально замечание А. Ручки о том, что «эффект медиа-влияний зависит от многих контекстуальных факторов, в том числе и от интерпретации людей. Таким образом, надо принимать во внимание активность медиа-аудитории» [6, с. 25]. При активной реакции на коррупцию медиа-аудитории сопротивление коррупционным практикам становится результативным. Многие исследователи указывают на то, что коррупция – это коллективное действие, которое воспроизводится в процессе взаимосвязанных коррупционных действий отдельных индивидов, групп, организаций. Поэтому можно предположить, что и сопротивление коррупционным практикам будет иметь положительный эффект, если станет коллективным.

Цель статьи – выявить коммуникативные возможности и ограничения коллективного сопротивления коррупционным практикам.

Коррупция в Украине стала преступной альтернативой морали и праву. Она воздействует на общественное сознание и личные взгляды, формирует выгодные для себя порочно-нравственные установки, определяет пагубную правовую культуру и нравственный климат в обществе. Хотя в Украине активно происходит создание государственных институтов по противодействию

коррупции, всемирные рейтинги восприятия коррупции в стране неутешительны, так как Украина занимает 130-е место во всемирном рейтинге восприятия коррупции [7]. Противодействие коррупции на институциональном уровне становится проблематичным в силу падения доверия населения к тем институтам, которые призваны с ней бороться (например, суды, полиция, прокуратура). Известно, что трансформируют мир, в том числе судебную систему, политики, они мобилизуют заинтересованных субъектов на определенные коллективные действия (принятие законов, массовая поддержка или протесты и т. д.). Однако качество политики и политиков – это проблема. Сейчас в Украине пришла новая генерация политиков, и есть надежды общества на то, что они сформируют государственный заказ на судейский корпус, который бы соответствовал ожиданиям гражданского общества и способствовал снижению коррупции. Уровень доверия к суду в Украине, по данным Европейского социального исследования, ниже, чем в других странах. По данным мониторинга Института социологии НАН Украины, этот уровень ниже по сравнению с другими институтами. Общество с таким уровнем доверия к суду эффективно функционировать не может. Под угрозой оказывается легитимность суда, а легитимный институт – это такой институт, в котором люди хотят жить. В этих условиях основные события, касающиеся сопротивления коррупции, переносятся на уровень региона, города, района. Коммуникативные возможности масс-медиа в борьбе с коррупцией наиболее рельефно проявляются на уровне территориальных громад городов, поселков, сел.

По данным социологического исследования «Отношение жителей Харькова к коррупции», проведенного под руководством автора ОО «Украинский центр социального инжиниринга» (с 6 по 15 января 2016 г. в г. Харьков опрошено 1000 респондентов в возрасте старше 18 лет, экспресс-опрос по месту жительства; многоступенчатая районированная квотная выборка с бесповторным случайным отбором респондентов), коррупция воспринимается жителями этого мегаполиса как препятствие на пути к нормальному функционированию украинского общества. Коррупция входит в десятку наиболее острых повседневных проблем жителей Харькова, большинство (95 %) опрошенных харьковчан настаивают, что с коррупцией необходимо бороться. Харьковчане оценивают коррумпированность на уровне 8,3 по Украине в целом и 8 – в Харькове (по 10-балльной шкале). Более 40 % жителей мегаполиса утверждают, что уровень коррупции повысился за последний год как в Харькове, так и по Украине в целом. Представления о причинах коррупции в разных поколениях практически совпадают (не зафиксированы статистически значимые различия). В общественном мнении горожан доминирует понимание коррупции как деструктивного явления, однако нет четкого представления о нем.

Коррупция присутствует в социальных коммуникациях горожан. Информированность о ее размерах, силе, влиянии на общественную и личную жизнь во многом зависит от межличностных коммуникаций. Так, почти половина респондентов (49 %) о коррупции узнают из опыта родственников,

знакомых, которым они делятся со своими референтными группами. Столько же опрошенных испытывают влияние коррупции на своем личном опыте. Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что на личном опыте представление о коррупции формируется преимущественно у молодежи (18–29 лет) – 74 % и лиц средней возрастной группы (30–59 лет) – 70 %. В старшей возрастной группе (60 лет и старше) личный опыт встречи с фактами коррупции имеют 58 % опрошенных. Можно предположить, что это объясняется такими моментами: старшее поколение менее активно в трудовой и социальной жизни в настоящем, а в прошлом его жизнь проходила в ситуации, когда коррупция была гораздо меньших масштабов.

Личный опыт встречи с фактами коррупции, как правило, коммуникативно ограничен. Обоснованием такого вывода служит то, что реакция респондентов на факты коррупции не приводит в большинстве случаев к общественному резонансу, поскольку в коммуникативное пространство самими людьми эти факты не включаются. Так, 37,1 % опрошенных ничего не делают, еще 36,8 % стараются «решить вопрос» самостоятельно, то есть включаются в коррупционные действия (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Если Вы сталкивались с фактом проявления коррупции, то как на него отреагировали?» (в %)

О фактах коррупции большинство респондентов предпочитают не сообщать в масс-медиа, полицию. Так ведут себя чаще лица средней и старшей возрастной групп. Молчание объединяет эти группы, и это в значительной мере ослабевает коллективное сопротивление коррупционным практикам. Среди молодежи в возрасте 18–29 лет почти в 2 раза меньше тех, кто считает

бесполезным личное сопротивление коррупции, по сравнению со старшей возрастной группой.

Мотивация неучастия в борьбе с коррупцией разнообразна: от неверия в полезность сопротивления коррупции до осознания опасности таких действий (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Если вы не предпринимали никаких мер, сталкиваясь с фактами коррупции, то почему?» (в %, респонденты могли выбрать до двух вариантов ответа)

Коллективное сопротивление коррупции требует социологического сопровождения, актуализирует определения показателей, с помощью которых можно отслеживать соответствие медиа-образа коррупции реальной ситуации в стране, мегаполисе. Эти показатели могут пригодиться при проведении мониторинга эффективности антикоррупционных мероприятий и состояния коллективного сопротивления коррупции. Приведем примеры показателей, которые могут применяться в мониторинге коллективного сопротивления коррупции: действия, которые население (медиа-аудитория) считает коррупционными; осознание населением (медиа-аудиторией) опасности, исходящей от распространения коррупции; осознание необходимости борьбы с ней; готовность лично противодействовать коррупции; включенность в коллективные действия по преодолению коррупции; источники информации о коррупции и доверие к ним; роль масс-медиа в мобилизации населения на коллективное сопротивление коррупции.

На фоне незначительного влияния на коррупцию личного сопротивления коррупционным практикам почти треть горожан (32 %) считают, что с кор-

рупцией должны бороться прежде всего сами граждане, при этом более 60 % утверждают, что с коррупцией пока никто вообще не борется. Из всех субъектов борьбы с коррупцией наиболее активными, по оценкам харьковчан, являются общественные организации и объединения, волонтеры и сами граждане. Наиболее коррумпированы, по мнению опрошенных, медицина, чиновники, суды и правоохранительные органы (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопросы:
«Скажите, кто в наибольшей мере должен бороться с коррупцией (ответственный за эту борьбу)» и «Скажите, кто реально сегодня борется с коррупцией?»
(в %, респонденты могли отметить до трех вариантов в каждом вопросе)

Данные исследования свидетельствуют о том, что больше всего информации о коррупции харьковчане получают из своего личного опыта или родственников и знакомых. Следующим по информативности источником являются масс-медиа (прежде всего всеукраинское телевидение). Поскольку нами

выявлена определенная безуспешность личной борьбы с коррупцией, неготовность горожан к активному индивидуальному сопротивлению этому явлению, повышается роль масс-медиа в борьбе с коррупцией. Рутинность коррупционных ситуаций можно преодолевать путем активизации коллективного сопротивления коррупционным практикам благодаря участию масс-медиа в мобилизации населения современных городов и поселков. Функции медиа в борьбе с коррупцией можно свести к таким, как информационная, коммуникативная (обратная связь с медиа-аудиторией), социализирующая, контролирующая. Пределы медиатизации борьбы с коррупцией заложены в самих функциях медиа. Медиа способны сформировать моральное осуждение коррупции, побудить соответствующие органы к правовому решению проблемы коррупции, однако коллективное сопротивление коррупции эффективно, если оно опирается на системные антикоррупционные действия со стороны масс-медиа и других институтов гражданского общества – политических партий, неправительственных организаций, органов местного самоуправления, профсоюзов.

В современном обществе происходит актуализация роли медиа-среды в формировании коллективного сопротивления коррупционным практикам. Коррупция влияет на общественное сознание, формирует искаженные нравственные установки, определяет правовую культуру и моральный климат в обществе, поэтому в борьбу с ней включены различные социальные институты, в том числе масс-медиа. Медиатизация борьбы с коррупцией происходит противоречиво, медиа-образ коррупции (индивидуальный, коллективный) не всегда соответствует реальности, часто не опирается на научные разработки, в частности социологические исследования (или искаженно представляются их результаты). В освещении проблемы коррупции медиа часто не хватает аналитических оценок, экспертные мнения не всегда охватывают весь спектр оценок феномена коррупции. А в ситуации фрагментации медиа-аудитории консолидирующая роль медиа в борьбе с коррупцией значительно усложняется. А. Ручка в этой связи отмечает: «Под влиянием рынка и рекламы сегментированная медиа-аудитория может превратиться в механическую совокупность потребителей без явных общих интересов» [6, с. 28]. В отношении коррупции ситуация несколько иная, ведь коррупционные практики затрагивают массовую медиа-аудиторию, вызывая общее неприятие и готовность к сопротивлению им.

Выводы. Переход от индивидуального к коллективному сопротивлению коррупции в украинском мегаполисе сдерживает «стереотип бесполезности» этой борьбы, распространенный среди значительной части горожан, а переход от коллективного к институциональному сопротивлению тормозит низкое доверие населения к институтам власти, призванным бороться с коррупцией. В этих условиях растет влияние на антикоррупционную политику института масс-медиа, что требует определения его возможностей, преимуществ и ограничений в антикоррупционной борьбе. Однако до сих пор не определены границы медиатизации в борьбе с коррупцией, что сказывается на эф-

фективности последней. Насущной становится проблема формирования новой медиа-среды как элемента системы борьбы с коррупцией. Переход от идеи создания новой антикоррупционной медиа-среды к ее практическому воплощению требует общественного контроля над самими масс-медиа, что также становится элементом коллективного сопротивления коррупционным практикам.

Список использованных источников

1. *Заурвайн, К.-Х.* Коррупция – возвращение «старого» мира в эпоху модерна? / Карл-Хайнц Заурвайн // Социол. обозрение. – 2012. – Т. 11, № 3. – С. 105–119.

2. *Маклюэн, Г. М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. – 464 с.

3. *McQuail, D.* Mcquail's mass communication theory / D. McQuail. – 6th ed. – London : Thousand Oaks ; Calif. : Sage Publ., 2010. – 50 p.

4. *Кёхлер, Г.* Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? / Г. Кёхлер // Полис. Полит. исслед. – 2013. – № 4. – С. 75–87.

5. Медиаобразование и медиакомпетентность: слово экспертам / под ред. А. В. Федорова. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2009. – 232 с.

6. *Ручка, А.* Статус і функції медіа у сучасному суспільстві / А. Ручка // Медіа. Демократія. Культура / за ред. Н. Костенко, А. Ручки. – Київ : Ін-т соціології НАН України, 2008. – С. 11–29.

7. Украина заняла 130-е место во всемирном рейтинге восприятия коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.mail.ru/politics/24651243/. – Дата доступа: 28.09.2016.

O. V. KHYZHNIAK

COLLECTIVE RESISTANCE TO CORRUPT PRACTICES: COMMUNICATIVE CAPABILITIES AND LIMITATIONS

Summary

The analysis of the impact on the collective resistance to corruption of social communications is presented. The role of the media institute and its features, benefits and limitations of anti-corruption struggle have been defined. It is shown that the transition from the idea of the new media environment to its practical implementation requires public control over the media. Collective resistance to corruption needs to be sociologically accompanied, it makes relevant the need to identify indicators that can be used to monitor compliance with the media image of the real situation of corruption in the country and the city. These indicators can be used for monitoring the effectiveness of anti-corruption measures and the state of collective resistance to corruption.

Keywords: social communication, collective, individual and institutional corruption, corrupt practices, collective resistance to corruption, the media, media image of corruption.

Поступила 17.10.2016 г.

УДК 316.658-054(476)+351.746.1(476)

Р. А. ВОЛОСНИКОВ,

Государственное учреждение образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь», г. Минск

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается деятельность органов пограничной службы Республики Беларусь в контексте влияния на нее общественного мнения. Анализируются основные сферы и формы влияния органов пограничной службы Республики Беларусь на общественное мнение.

Ключевые слова: органы пограничной службы, общественное мнение, связи с общественностью, имидж, пограничная безопасность.

Органы пограничной службы Республики Беларусь, как социальный институт, удовлетворяют одну из фундаментальных, базовых потребностей общества – потребность в безопасности. Удовлетворенность общественностью качеством выполнения органами пограничной службы Республики Беларусь задач является важным критерием эффективности их деятельности. Следует отметить, что при решении профессиональных задач органы пограничной службы тесно взаимодействуют с населением. Это взаимодействие обусловливает формирование общественного мнения о деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь. Актуальность исследования определяется возрастающей потребностью белорусского общества в повышении уровня обеспечения пограничной безопасности в условиях резкого изменения вызовов, рисков и угроз национальной безопасности и государственной независимости.

Любая социальная организация существует во внешней среде. Внешняя среда представляет собой совокупность условий и факторов, которые оказывают прямое или косвенное воздействие на организацию. Известный российский социолог С. С. Фролов отмечает, что «адаптация организации к внешним условиям – одно из главных условий выживания организации, от которого в конечном счете зависят и достижение целей, и интеграция, и латентность» [1, с. 134].

Органы пограничной службы Республики Беларусь представляют собой сложную формальную социальную организацию, поскольку обладают ее основными признаками [2, с. 121]. В теории социологии управления и социологии организаций для более точного определения влияния на деятельность

организации различных факторов внешней среды их подразделяют на две группы: прямого и косвенного воздействия. Деятельность органов пограничной службы следует отнести к процессу, на который оказывают воздействие различные факторы. К факторам прямого воздействия принято относить те, которые «непосредственно влияют на деятельность организации и испытывают на себе обратное прямое влияние операций, осуществляемых организацией» [3, с. 132]. Состояние массового сознания в месте дислокации подразделения границы может напрямую оказывать влияние на его деятельность, то есть общественное мнение, как определенное состояние массового сознания, в конкретной сложившейся ситуации может являться фактором прямого воздействия. Под средой косвенного воздействия понимают «факторы, которые могут не оказывать прямого немедленного воздействия на деятельность организации, но, тем не менее, сказываются на них» [3, с. 132]. Состояние массового сознания может выступать также и фактором косвенного воздействия: не оказывая прямого воздействия, общественное мнение населения о деятельности органов пограничной службы может либо повышать эффективность их деятельности, либо ее снижать, так как «положительный в глазах общественного мнения имидж вселяет в людей гордость за принадлежность к организации. В этом случае легче привлекать и удерживать работников» [3, с. 125].

Таким образом, общественное мнение населения в определенных ситуациях может выступать как фактор прямого и как фактор косвенного воздействия внешней среды, следовательно, формирование благоприятного общественного мнения об органах пограничной службы следует считать одной из его важных задач. Как отмечает социолог С. С. Фролов, «основная задача организации – использовать связи с внешней средой для прямого и косвенного поддержания баланса организации с внешней средой на входе и на выходе» [1, с. 139].

Обратимся к значениям понятий «сфера» и «форма». В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «сфера» определяется как «1) Область, пределы распространения чего-нибудь. 2) Среда, общественное окружение. 3) Замкнутая поверхность, все точки которой равно удалены от центра; поверхность и внутреннее пространство шара» [4, с. 782]. Нас интересует первое значение данного понятия – «область, пределы распространения чего-нибудь». Следовательно, сфера влияния органов пограничной службы Республики Беларусь на общественное мнение населения есть область, в пределах которой органы пограничной службы осуществляют свою деятельность. Поэтому, чтобы выявить основные сферы влияния пограничников на общественное мнение, необходимо определить основные направления деятельности органов пограничной службы как социального института и социальной организации.

В широком смысле в деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь следует выделить следующие сферы: 1) профессиональная деятельность, связанная с обеспечением пограничной безопасности; 2) хо-

зяйственная деятельность, связанная с обеспечением функционирования организации; 3) деятельность по связям с общественностью, направленная на формирование благоприятного общественного мнения, имиджа, репутации социальной организации. В контексте нашего исследования наибольший интерес представляют первая и третья сферы, поскольку в их рамках органы пограничной службы Республики Беларусь в наибольшей степени взаимодействуют с общественностью.

Рассмотрим более подробно сферу деятельности, связанную с обеспечением пограничной безопасности. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет безопасность как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [4, с. 41]. Пограничная безопасность рассматривается в рамках политической сферы обеспечения национальной безопасности, и посредством обеспечения пограничной безопасности гарантируется стабильность политической системы страны и ее защита от внешних и внутренних опасностей (рисков, вызовов и угроз). В более узком плане цель обеспечения пограничной безопасности – достижение и поддержание стабильной ситуации и защита национальных интересов на государственной границе, в частности и в пограничном пространстве [5, с. 8]. Пограничная безопасность может трактоваться как «состояние защищенности национальных интересов на государственной границе и в пограничном пространстве» [5; 6].

В контексте нашего исследования научный интерес представляет следующее определение пограничной безопасности: «…пограничная безопасность есть элемент национальной безопасности – приемлемое для правящей элиты и *общественного мнения* соответствующей страны состояние защищенности пределов ее территории от опасных трансграничных потоков и условий, как правило, подразумевающих серьезное нарушение территориальной целостности государства и установленного пограничного режима» [7, с. 19]. Из определения следует, что удовлетворенность общественностью уровнем обеспечения пограничной безопасности выступает важным критерием эффективности пограничной деятельности. Пограничная деятельность определяется как деятельность, осуществляемая различными субъектами, направленная на обеспечение пограничной безопасности. Важнейшим элементом системы обеспечения пограничной безопасности являются органы пограничной службы. Следовательно, вопросы изучения общественного мнения о деятельности пограничников должны быть в центре внимания органов управления пограничной службы Беларуси.

Выделяются следующие *формы* обеспечения пограничной безопасности: охрана государственной границы; функционирование пунктов пропуска через государственную границу; предупреждение и пресечение правонарушений на приграничной территории, осуществляемое субъектами обеспечения пограничной безопасности в установленных для них формах [8, с. 14]. Еще одной формой обеспечения пограничной безопасности является «оперативное обеспечение охраны границы».

В географической лимологии – науке о границах − выделяют следующие основные функции государственной границы: барьерную, контактную и фильтрующую [9, с. 52]. Барьерная функция реализуется системой обеспечения пограничной безопасности путем охраны государственной границы. Охрана государственной границы – комплекс активных, непрерывных и согласованных по времени и месту войсковых действий, оперативных, режимных и иных мероприятий, осуществляемых органами пограничной службы в целях недопущения противоправного изменения прохождения государственной границы, обеспечения национальной безопасности государства и соблюдения физическими и юридическими лицами законодательства о государственной границе [10, с. 160]. Охрана государственной границы осуществляется также и в воздушном пространстве. В контексте деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь охрана государственной границы выполняется подразделениями границы и в пунктах пропуска через государственную границу. Осуществляя охрану государственной границы, органы пограничной службы обеспечивают неприкосновенность самой границы, а также соблюдение физическими и юридическими лицами установленных режимов: режима границы, пограничного режима. Данные режимы устанавливаются для создания благоприятных условий органам пограничной службы в более эффективном решении задач по обеспечению пограничной безопасности. В контексте взаимодействия с обществом пограничники, с одной стороны, обеспечивают безопасность населения, а с другой – ограничивают право физических лиц на свободное перемещение. Важно также подчеркнуть, что к охране государственной границы активно привлекаются жители приграничья. Участие местного населения приграничных районов и общественности в охране государственных границ является исторической традицией и общемировой практикой. Без понимания населением важности надежной охраны государственной границы реальное обеспечение национальной безопасности невозможно. В связи с этим органы пограничной службы проводят целенаправленную работу по привлечению граждан Республики Беларусь к охране границы. По состоянию на 1 августа 2016 г. для охраны государственной границы создано 113 добровольных дружин, в которых задействованы 1044 дружинника. При изучении общественного мнения у жителей приграничья важными являются следующие вопросы: как относятся жители приграничья к деятельности органов пограничной службы на различных направлениях? Какие факторы в наибольшей степени оказывают влияние на формирование положительного отношения к пограничникам? Какие ценностные ориентации, установки, стереотипы составляют основу массового сознания местных жителей приграничья, определяющие отношение к пограничникам?

Форма обеспечения пограничной безопасности как «функционирование пунктов пропуска» реализуется во взаимодействии с государственными и иными организациями. Функционирование пунктов пропуска осуществляется в целях обеспечения пересечения государственной границы физиче-

скими лицами. С этой целью в пунктах пропуска проводятся необходимые виды контроля. Органы пограничной службы Республики Беларусь в рамках своей компетенции выполняют пограничный контроль. Пограничный контроль, осуществляемый органами пограничной службы Республики Беларусь в пунктах пропуска через государственную границу, в сущности, реализует фильтрующую функцию границы. Следует отметить, что Республика Беларусь обладает выгодным географическим положением. Как отмечает белорусский ученый В. В. Пирожник, «географическое положение Беларуси в центре Европы на пересечении важных транспортных коммуникаций дает возможность выгодно его использовать для стимулирования экономического развития и усиления своих позиций в региональной политике» [9, с. 161]. Поэтому руководством страны перед органами пограничной службы была поставлена задача создания условий максимального облегчения пересечения государственной границы законопослушными лицами и транспортными средствами, с оказанием им помощи иными службами [10, с. 162–163]. В этой связи важными являются следующие аспекты массового сознания лиц, пересекающих границу: уровень доверия к органам пограничной службы; удовлетворенность качеством работы пограничников (профессионализм, компетентность, быстрота, доброжелательность, тактичность, внешний вид и др.); предпосылки коррупционных проявлений в деятельности пограничников; доминирующие элементы массового сознания (ценностные установки, ориентации, интересы, стереотипы), определяющие отношение и уровень доверия к пограничникам и органам пограничной службы Республики Беларусь. Это предопределено тем, что пограничники – это «лицо» государства: они первыми встречают гостей на границе и последними их провожают. Первое впечатление, сформированное о белорусских пограничниках в пункте пропуска, может быть экстраполировано на всю Беларусь и ее народ. Кроме того, сформированное о пограничниках общественное мнение лиц, прибывающих в Республику Беларусь или проезжающих через ее территорию транзитом, выступает «питательной почвой» для формирования общественного мнения других лиц, никогда не бывавших в нашей стране. Вот почему так важно знать истинное отношение пересекающих границу лиц к деятельности органов пограничной службы.

Правоохранительная функция органов пограничной службы Республики Беларусь реализуется посредством предупреждения и пресечения правонарушений на приграничной территории. В связи с этим на органы пограничной службы возлагаются такие задачи, как «предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление деятельности по выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, принятие мер по их устранению; осуществление предварительного расследования в форме дознания по уголовным делам, отнесенным законом

к их ведению; осуществление мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь; охрана государственных секретов» [10, с. 164].

В настоящее время выделяется еще одна форма пограничной безопасности: оперативное обеспечение охраны государственной границы, под которым понимается деятельность компетентных государственных органов, организующих и осуществляющих разведывательные, оперативно-розыскные, контрразведывательные и иные мероприятия в целях решения задач по охране государственной границы [10, с. 163].

Таким образом, одним из главных компонентов деятельности органов пограничной службы является деятельность по обеспечению пограничной безопасности, которая реализуется в четырех формах: охрана государственной границы, обеспечение функционирования пунктов пропуска; предупреждение и пресечение правонарушений на государственной границе и в пограничном пространстве и оперативное обеспечение охраны государственной границы.

Следующей сферой влияния органов пограничной службы Республики Беларусь следует считать деятельность по связям с общественностью. Связи с общественностью, или паблик рилейшнз (от англ. public relations – общественные связи), в учебном пособии белорусских авторов А. В. Ивановского, В. А. Мельника, В. И. Чуешова «Организация эффективной идеологической работы в современных условиях» определяется как «специализированная деятельность государственных, политических, экономических, общественных и других институтов, организаций и учреждений, направленная на создание и поддержание доброжелательных отношений взаимопонимания между соответствующими организациями и общественностью. Его суть – поддержание доброжелательных отношений взаимопонимания между соответствующими организациями и общественностью» [11, с. 33].

К основным компонентам деятельности по связям с общественностью относят изучение состояния общественного мнения, системы ценностей у членов общества, социальных установок и мотивов действий, системы социальных связей, возможностей и способов воздействия на поведение членов общества, а также создание и развитие такой имиджевой характеристики, как известность (паблисити), путем простого распространения сведений о социальном объекте [12, с. 17].

К основным целям деятельности по связям с общественностью, как правило, относят: формирование корпоративной индивидуальности (корпоративной идентичности); распространение информации об объекте и создание известности (паблисити); брендинг; лоббирование; формирование имиджа организации; создание репутации [12, с. 19–20]. Таким образом, укрепление имиджа органов пограничной службы, формирование благоприятного общественного мнения о ее деятельности является составной частью в рамках деятельности по связям с общественностью, основной целью которой выступает создание репутации. Формирование имиджа организации реализуется

с использованием разных каналов. Связи с общественностью в органах пограничной службы Республики Беларусь осуществляются специальным органом – пресс-службой. Как отмечает сотрудник пресс-службы Государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» А. С. Колобов, «пресс-служба является одним из системообразующих элементов, в полном объеме выполняющим все функции Public Relations, и рассматривается в качестве одного из механизмов управления деятельностью органов пограничной службы» [13, с. 14].

Основными направлениями деятельности пресс-службы являются: производство информации для целевой аудитории и распространение ее по каналам средств массовой информации (далее – СМИ) (распространение пресс-релизов, проведение пресс-конференций, брифингов, «круглых столов» и др.); подготовка внутриведомственной информации, в том числе отслеживание в СМИ оценочных и других данных; работа с населением (анализ писем, обращений граждан, контент-анализ прессы и др.); организация работы «телефона доверия»; организация работы портала Государственного пограничного комитета [13, с. 15].

Во всех сферах современного белорусского общества наблюдаются значительные изменения, которые связаны в первую очередь с развитием информационно-коммуникационных технологий. Совершенно очевидно, что в таких условиях необходимо искать новые направления, подходы, способы в организации и осуществлении многих видов деятельности, в том числе в деятельности, направленной на формирование имиджа, создание благоприятного общественного мнения об органах пограничной службы.

Таким образом, к основным *сферам* влияния органов пограничной службы на общественное мнение следует отнести:

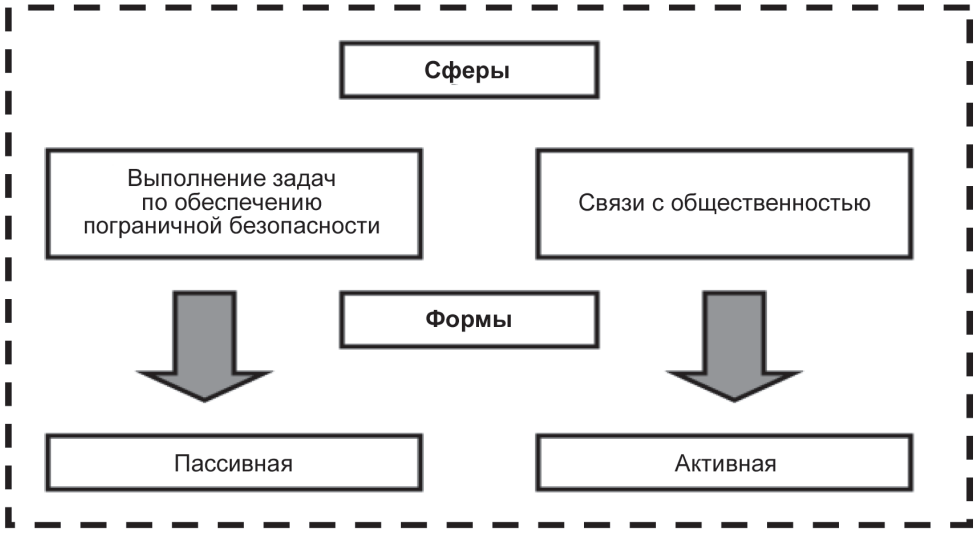
во-первых, сферу профессиональной деятельности, связанную с обеспечением пограничной безопасности, в которой отдельно необходимо обозначить следующие ее компоненты: охрана государственной границы; обеспечение функционирования пунктов пропуска через государственную границу (пограничный контроль); выявление и предупреждение правонарушений; оперативное обеспечение охраны государственной границы;

во-вторых, сферу деятельности по связям с общественностью, основу которой составляет целенаправленная работа по созданию имиджа и формированию благоприятного общественного мнения о деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного представляется возможным выделить основные *формы* воздействия органов пограничной службы на общественное мнение населения. На наш взгляд, целесообразно типологизировать деятельность органов пограничной службы в зависимости от активности, целенаправленности осуществляемых воздействий на общественное мнение населения. Исходя из обозначенного нами критерия, выделим две основные формы влияния органов пограничной службы Республики Беларусь на общественное мнение населения: *пассивную* и *активную*.

Пассивная форма влияния органов пограничной службы Республики Беларусь на общественное мнение связана с тем, что сама деятельность пограничного ведомства представляет интерес у населения. К таковым следует отнести следующие категории лиц: 1) жители приграничья; 2) лица, вынужденные часто пересекать Государственную границу Республики Беларусь. Качество и эффективность выполняемых профессиональных задач органами пограничной службы находятся в центре общественного внимания. Снижение уровня пограничной безопасности, серьезные недостатки и упущения в работе пограничников будут являться темой для обсуждения общественности.

Активная форма влияния пограничников на общественное мнение заключается в том, что пограничной службой Беларуси проводится специально организованная, систематическая и целенаправленная работа по формированию благоприятного общественного мнения о деятельности органов пограничной службы. Данная деятельность включает широкий спектр направлений и средств. Основными каналами формирования общественного мнения населения следует считать: СМИ (периодические печатные и электронные, радио, телевидение); социальные сети и Интернет; личное общение военнослужащих с населением (рисунок) [14]. Необходимо добавить, что формирование благоприятного положительного мнения также осуществляется в рамках идеологической работы. На необходимость его систематического изучения и использования в управленческой деятельности всеми категориями руководителей указывал в своем докладе начальник управления идеологической работы Государственного пограничного комитета М. П. Оксенюк [15, с. 6].



Сферы и формы влияния органов пограничной службы на общественное мнение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, общественное мнение о деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь относится как к факторам прямого, так и косвенного воздействия внешней среды на деятельность органов пограничной службы Республики Беларусь. Задача органов пограничной службы как сложной социальной организации заключается в поддержании баланса с внешней средой, в том числе и с общественным мнением;

во-вторых, основными сферами влияния органов пограничной службы Республики Беларусь на общественное мнение населения являются следующие: 1) профессиональная деятельность, связанная с обеспечением пограничной безопасности; 2) деятельность по связям с общественностью, направленная на формирование благоприятного общественного мнения, имиджа, репутации органов пограничной службы;

в-третьих, в зависимости от целенаправленности воздействия следует выделить две формы влияния органов пограничной службы на общественное мнение: активную и пассивную. Активная форма влияния на общественное мнение реализуется органами пограничной службы Республики Беларусь в рамках деятельности по связям с общественностью, которая направлена на формирование имиджа организации, создание благоприятного общественного мнения.

Список использованных источников

1. *Фролов, С. С.* Социология организаций : учеб. / С. С. Фролов. – М. : Гардарики, 2001. – 384 с.

2. *Бабосов, Е. М.* Общая социология : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 608 с.

3. *Бабосов, Е. М.* Социология управления : пособие для студентов вузов / Е. М. Бабосов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск : Тетра-Системс, 2010. – 272 с.

4. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. *Мальцев, Л. С.* Основные направления совершенствования пограничной безопасности на современном этапе развития органов пограничной службы Республики Беларусь : лекция / Л. С. Мальцев. – Минск : Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь, 2014. – 32 с.

6. *Николаев, А. И.* Рубежи России. Раздумья о важном / А. И. Николаев. – М. : Граница, 1998. – 240 с.

7. *Манилов, А. Л.* Моделирование деятельности пограничных ведомств государств – участников Содружества Независимых Государств : учеб. пособие / А. Л. Манилов, В. Н. Савенко, В. В. Шумов ; под ред. В. А. Дмитриева. – М. : Граница, 2014. – 608 с.

8. Комментарий к Закону Республики Беларусь от 21 июля 2008 года «О Государственной границе Республики Беларусь» / И. А. Рачковский [и др.] ; сост. прил. Б. А. Летунович, О. Н. Чергинец ; под общ. ред. И. А. Рачковского. – Минск : Тесей, 2010. – 552 с.

9. *Пирожник, И. И.* Геополитика в современном мире : учеб. пособие / И. И. Пирожник. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

10. *Давыдик, В. В.* Основы пограничной безопасности Республики Беларусь / В. В. Давыдик, П. И. Миронюк. – Минск : Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь, 2015. – 179 с.

11. *Ивановский, А. В.* Организация эффективной идеологической работы в современных условиях / А. В. Ивановский, В. А. Мельник, В. И. Чуешов. − Минск : Акад. Упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2015. − 75 с.

12. *Фролов, С. С.* Связи с общественностью в работе фирмы: стратегия, коммуникации, имидж, брендинг : учеб. / С. С. Фролов. – М. : Книж. дом «ЛИБОКОМ», 2014. – 368 с.

13. *Колобов, А.* С. Работа со СМИ по формированию положительного имиджа органов пограничной службы / А. С. Колобов // Социологическое сопровождение оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь : материалы Респ. науч.-практ. семинара, Минск, 28 апр. 2016 г. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – С. 14–17.

14. *Волосников, Р. А.* Сферы и формы влияния органов пограничной службы на общественное мнение населения Республики Беларусь / Р. А. Волосников // Социологическое сопровождение оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь : материалы Респ. науч.-практ. семинара, Минск, 28 апр. 2016 г. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – С. 26–28.

15. *Оксенюк, М. П.* Социологическое сопровождение оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь / М. П. Оксенюк // Социологическое сопровождение оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь : материалы Респ. науч.-практ. семинара, Минск, 28 апр. 2016 г. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – С. 6–12.

R. A. VOLOSNIKOV

PUBLIC OPINION AS A FACTOR OF ACTIVITY PERFECTION OF THE BORDER SERVICE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The Border service of the Republic of Belarus activity in the context of influence of public opinion is described in the article. The main spheres and the forms of the border service of the Republic of Belarus influence on the public opinion are analyzed.

Keywords: the border service, public opinion, public relations, image, border security.

Поступила 02.11.2016 г.

УДК 303.4:316.4

Т. В. КУЗЬМЕНКО,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС КАК ОСНОВА ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В статье раскрываются методологические и методические особенности экспертного опроса как основы разработки и принятия управленческих решений. Обоснованы преимущества использования результатов опроса экспертов в управленческой практике. Рассмотрен практический пример организации и проведения экспертного опроса специалистов аграрной сферы.

Ключевые слова: экспертный опрос, эксперт, экспертная оценка, управленческое решение, агропромышленная сфера, руководители, специалисты.

На современном этапе развития общества, в период крупнейших научно-технических и социально-экономических преобразований, растет потребность в получении достоверной и обоснованной информации как основы принятия управленческих решений. В большинстве случаев источниками такой информации выступают наиболее компетентные, обладающие глубокими знаниями о предмете исследования, включенные в проблему специалисты – эксперты. Массовые опросы обеспечивают получение данных об общественном мнении, знаниях и установках людей в отношении тех или иных явлений социальной действительности, выявление их количественных параметров и распространенности. Они раскрывают отражение той или иной проблемы в общественном сознании, но не дают понимания возможных причин и способов ее решения. Кроме того, оценки и самооценки, высказанные респондентами в массовом опросе, зачастую могут оказаться искаженными. Задачи экспертного опроса сфокусированы на получении обоснованной информации об изучаемой проблеме, отраженной в мнениях и оценках специалистов, обладающих достаточным опытом и знаниями в области решения узловых проблемных задач для формулирования выводов и практических рекомендаций. Это позволяет предоставлять субъектам управления информацию, необходимую для принятия и реализации управленческих решений, обеспечивая их объективность, компетентность, комплексность и многосторонность.

Широкое распространение методы опроса экспертов получили в 70-х гг. XX в. в связи с осознанием ограниченности методов экстраполирования и моделирования в сфере сложных социальных процессов и долгосрочных прогнозов [1, с. 3]. На современном этапе область применения экспертного опроса включает диагностическую, прогностическую, проектировочную, модели-

рующую функции, которые реализуются в диагностике и оценке состояния социальных систем и объектов, в прогнозировании и оценке вариантов социально значимых решений, а также социальных последствий реализации проектов и рекомендаций, в принятии решений, программировании и проектировании, а также в аттестации работников. Спектр вопросов, решаемых с помощью метода экспертного опроса, включает определение управленческих задач и их приоритетности, выявление альтернативных вариантов решений и оценку их предпочтения, проведение полной и адекватной оценки ситуации, сложившейся в отрасли или организации. Роль опроса экспертов повышается при недостаточности статистических данных для прогнозирования развития той или иной ситуации, при исследовании не имеющих аналогов в социальной действительности процессов, а также при изучении объектов, обладающих специфическими характеристиками, о которых известно только профессионалам [2, с. 13]. Учитывая познавательный потенциал метода экспертного опроса, а также объективную необходимость в проведении таких исследований, особую значимость представляет раскрытие основных функций, методологических и методических особенностей опроса экспертов как основы принятия управленческих решений, а также рассмотрение конкретных исследовательских практик.

Основное отличие экспертного опроса обусловлено ролью эксперта, выступающего не объектом исследования, а его участником, своего рода инструментом для оценки изучаемого объекта [3]. Экспертные мнения, оценки, суждения высказываются относительно некоторой реальности, находящейся вне эксперта, в то время как в массовом опросе сами респонденты выступают в качестве объекта, характеристики которого анализируются социологами. Суждения экспертов о различных сферах человеческой деятельности, предполагающие процедуру сравнения объектов и их свойств по выделенным критериям, называют экспертными оценками [4, с. 45]. Суть метода экспертных оценок заключается в сборе и обработке мнений об изучаемой проблеме, выраженных в количественной либо качественной форме, для подготовки информации для принятия решений представителями органов управления.

Существует множество разновидностей метода опроса экспертов. В одних с каждым экспертом работают отдельно, ему не известно, кто еще является экспертом, в других экспертов собирают вместе для обсуждения проблемы. Однако во всех этих случаях структура экспертного опроса довольно сходна и включает такие этапы, как формулировка органом управления или лицом, отвечающим за принятие решения, цели экспертного опроса, создание рабочей группы, составление технического задания и плана-сценария сбора и анализа информации, отбор экспертов, сбор информации, анализ и интерпретация полученных результатов, подготовка информации для органов управления.

Подбор и определение числа экспертов являются одним из ключевых методологических моментов проведения экспертного опроса. В зависимости от поставленных задач число экспертов может быть зафиксированным и опре-

деляться статистическими методами проверки согласованности мнений и их усреднения для принятия обоснованных решений [5], либо расти в процессе проведения экспертизы (метод «снежного кома»). Численность экспертной группы не может быть большой в силу объективной ограниченности численности специалистов в рамках определенной предметной области, способных высказывать обоснованное мнение и делать прогнозные оценки, а также существования пределов, за которыми увеличение числа экспертов не дает существенного прироста информации. В то же время при малом числе экспертов на групповую оценку может оказывать влияние мнение каждого из них. В литературе в качестве наиболее оптимальной численности экспертной группы указывается 5–7 (максимально 10–15) человек при очных опросах и 20–30 (максимально 60–80) при заочных опросах [6, с. 21]. Главным условием выступает учет специфики проблемы исследования, возможность обеспечения равноправного участия специалистов различных направлений и высокий уровень их компетентности.

Поскольку компетентность в исследуемой предметной области и реальная способность высказывать обоснованное мнение выступают основными критериями отбора, актуальной проблемой является разработка комплексных показателей компетентности эксперта. В большинстве случаев исследователи руководствуются формальными показателями компетентности, такими как должность, стаж работы по специальности и в области, связанной с предметом исследования, ученые степень и звание, число публикаций и ссылки на них в литературе, участие в семинарах и конференциях по исследуемым проблемам и т. п. Одним из критериев выбора может служить успешность участия в предыдущих экспертизах. В этом случае может рассчитываться степень надежности эксперта – отношение количества сделанных им прогнозов к количеству сбывшихся прогнозов. Данный критерий применим к специалистам, участвующим в сериях однотипных экспертиз, однако на практике чаще возникает необходимость проведения исследований, не имеющих аналогов. Кроме формальных показателей, в социологической практике существует несколько способов оценки компетентности экспертов: методы самооценки, взаимооценки, аттестации [4]. Метод самооценки подразумевает, что потенциальный эксперт сам дает оценку своим качествам: знанию предмета исследования, собственного вклада в исследование изучаемой проблемы, а также критичности своих оценок по балльным или вербально-числовым шкалам. Однако такой подход содержит риск субъективизма. При взаимной оценке потенциальные члены экспертной группы оценивают друг друга чаще всего путем составления списка специалистов, которых считают компетентными в данной сфере. На основе этих списков рассчитывается коэффициент компетентности эксперта – отношение числа списков, в которых данный специалист присутствует, к общему числу составленных списков [7, с. 101–102]. Разновидностью данного приема является аттестация, предполагающая голосование потенциальных экспертов, которое может проводиться в несколько туров до

тех пор, пока состав предполагаемых участников экспертной группы не стабилизируется. К недостаткам метода взаимной оценки можно отнести слабую осведомленность о достижениях коллег, а также возможность проявления личностных и групповых симпатий и антипатий. Преодолением ограничения каждого из методов является применение комплексных оценок с использованием нескольких перечисленных подходов.

Одним из наиболее простых и широко распространенных методов отбора экспертов является метод «снежного кома»: экспертов спрашивают о том, кто еще, по их мнению, может дать обоснованную информацию по данной проблеме. Таким образом, составленный список расширяется по мере проведения опроса. Процесс расширения списка завершается, когда новые фамилии практически перестали встречаться. Можно утверждать, что данный метод отбора включает и своего рода взаимную оценку экспертов, что в совокупности с формальными критериями обеспечивает комплексный подход к оценке компетентности и выбору экспертов.

Специфика метода экспертного опроса состоит в отказе от анонимности: респонденты в данном случае должны быть осведомлены о задачах, которые с их помощью решаются в ходе исследования. Инструментарий опроса не должен содержать косвенные или контрольные вопросы, вопросы-тесты, вопросы-ловушки. Виды вопросов определяются степенью разработанности гипотез исследования. Однако ввиду того, что часто предметом исследования становятся малоизученные явления и процессы, причины и возможные сценарии их развития достаточно сложно однозначно сформулировать на этапе постановки гипотез, а эксперт является осведомленным лицом, целесообразно использовать открытые вопросы.

Организация и способы работы с экспертами зависят, прежде всего, от ответа на методологический вопрос о том, что должна представить экспертная группа в результате своей работы: информацию для принятия управленческого решения или проект самого решения. В первом случае задача социологов – получить максимально полную информацию о проблеме, положительных и отрицательных сторонах рассматриваемых вариантов ее решения и возможных вариантах развития изучаемой ситуации. При подготовке проекта решения результатом работы экспертной группы является выработка согласованного решения. Согласование мнения экспертов может достигаться путем исключения из экспертной группы тех, чье мнение отличается от мнения большинства, применением статистических процедур (например, если ответ эксперта представляет собой действительное число, то в качестве согласованного мнения рассматривают медиану, игнорируя отклоняющиеся ответы), с помощью кластерного анализа, когда при отсутствии согласованности экспертов разбивают на группы сходных по мнению [8, с. 52–54]. Данный подход содержит риск отсеять в процессе исключения отклоняющихся от мнения большинства суждений, наряду с мнениями недостаточно квалифицированных лиц, наиболее оригинальные суждения экспертов, проникших в про-

блему глубже, чем остальные. Это может привести к потере значимой части информации и выработке неадекватного проекта управленческого решения [8, с. 53–55].

Форма работы с экспертами определяется целью исследования. В социологической литературе нет единой классификации разновидностей метода экспертного опроса. Наиболее часто выделяют очный опрос экспертов (свободное интервью, «мозговая атака», метод отнесенной оценки) и заочный опрос (метод сбора мнений, «дельфийская техника»). Свободное интервью экспертов чаще всего проводится с разведывательной целью, чтобы получить первичную, достаточно глубокую и точную информацию о проблеме, наметить основные направления исследования, сформулировать гипотезы. Оно характеризуется минимальной стандартизацией, а число экспертов не превышает 10–15 человек [9, с. 47–52]. В основе метода «мозговой атаки», получившего распространение в социальном прогнозировании и поиске путей решения проблем, лежит коллективное обсуждение проблемы, построенное таким образом, чтобы стимулировать творческую активность экспертов и добиться получения качественно новой информации. В данном случае могут использоваться простые процедуры обсуждения (спонтанная дискуссия по поставленной проблеме) и управляемые, предполагающие распределение ролей между экспертами в соответствии с их способностями и функциями в процессе обсуждения (руководитель, модераторы, генераторы, селекторы информации, стимуляторы обсуждения). Суть метода отнесенной оценки состоит в выработке единого согласованного мнения экспертов в ходе обсуждения по детализированному сценарию, предполагающему выявление и преодоление разногласий. Заочный опрос экспертов включает разовый анкетный опрос, а также «дельфийскую технику», которая заключается в многократном анкетном опросе одних и тех же экспертов с целью достижения согласованного мнения. После каждого опроса эксперт знакомится с мнениями и аргументами других экспертов, не зная, кто их высказал, и может либо пересмотреть свою точку зрения в сторону сближения с мнением большинства, либо указать причину отклонения.

Таким образом, можно утверждать, что достаточно широкий спектр разновидностей экспертного опроса позволяет использовать метод для решения многих исследовательских задач практически в любой предметной области. Особая роль экспертных опросов в управлении подчеркивается российскими и белорусскими исследователями. В частности, экспертное знание выступает методической основой для осмысления модернизационных процессов и управления модернизацией системы образования в условиях инновационного развития экономики Российской Федерации: при обобщении теоретических основ университетского менеджмента и его практик, выделении новых типов российских университетов, определении перспектив дальнейшего развития вузовской науки, интеграции в европейское образовательное пространство и др. [2]. Примером успешного использования метода экспертного опроса для

разработки управленческих решений в социальной сфере может служить проведенное российскими социологами исследование организационных проблем государственно-частного партнерства в здравоохранении [6]. В результате опроса экспертов-руководителей медицинских учреждений и их подразделений (выделенных по таким критериям, как юридическая форма, государственный либо частный сектор деятельности, форма организации, численность сотрудников, виды оказываемых услуг) были представлены рейтинги основных факторов, влияющих на возможности и риски использования этой формы партнерства в организации медицинских услуг населению.

Результаты экспертных опросов используются как средство повышения надежности решения научных и управленческих проблем в сфере взаимодействия государственных органов власти с населением и правоохранительными органами, при разработке антикоррупционных программ, для формирования имиджа территорий, при моделировании социально-экономических процессов, происходящих вследствие реформирования земельных отношений, прогнозировании сценариев развития земельного рынка и др. [10; 11; 12]. Е. Е. Кучко обосновывает целесообразность использования экспертного опроса для диагностики и прогнозирования развития инновационной практики, подчеркивая наиболее выраженную степень эвристичности метода [13, с. 46].

Одним из перспективных направлений является привлечение в качестве экспертов руководителей и главных специалистов сельхозпредприятий для оценки хода реализации управленческих решений в аграрной сфере. Значимость экспертных оценок специалистов-практиков обусловлена их непосредственной включенностью в производственные процессы, способностью активно действовать в сфере своей профессиональной компетенции, исполняя наиболее актуальные и востребованные общественные задачи – решать проблему продовольственной безопасности страны и способствовать материальному и социально-психологическому благополучию сельских жителей [15, с. 111].

Анализ мнений экспертов важен как на начальных этапах реформирования, так и в период завершения и подведения их итогов, поскольку завершающая стадия управленческого цикла становится отправной точкой нового, стимулом к разработке новых управленческих решений. Это обусловило периодичность реализации исследовательских проектов сектором социологии села Института социологии НАН Беларуси под руководством доктора философских наук Р. А. Смирновой. Опросы главных специалистов и руководителей сельхозпредприятий были проведены в 2009 и 2011 гг. – на этапе реализации и завершения Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 гг. (опрошено 92 и 100 респондентов соответственно), а также в 2013 г. – на этапе дальнейшего реформирования агропромышленного комплекса и принятия комплекса мер, направленных на повышение экономической эффективности и конкурентоспособности сельскохозяйственных организаций (опрошено 130 руководителей и специалистов). Предметное поле исследований включало оценки эффективности и поиск путей совершенство-

вания деятельности предприятий и аграрной сферы в целом, анализ возможностей эффективного использования человеческих ресурсов села, отношение к инновационным процессам в агросфере. Целевую аудиторию опроса составили директора сельскохозяйственных предприятий (СПК, ЧУП и др.) и специалисты высшего звена, обладающие необходимым статусным и профессиональным потенциалом для принятия стратегически важных для развития сельхозорганизаций управленческих решений [15, с. 111]. Формальным критерием отбора экспертов выступила занимаемая должность. Кроме того, учитывались такие показатели, как стаж работы в агросфере, число подчиненных. При составлении списка экспертов необходимым требованием являлось включение в него руководителей и специалистов, представляющих организации, различающиеся по уровню эффективности, масштабам производства, региональной принадлежности, что дало возможность получения более полной и объективной картины.

Сбор социологической информации осуществлялся методом раздаточного анкетного опроса по полуформализованной анкете. Содержание открытых и полузакрытых вопросов обусловлено высокой степенью заинтересованности экспертов в изучаемых проблемах и позволило получить компетентные развернутые и содержательные ответы по целому спектру специфических проблем, касающихся деятельности конкретных сельхозпредприятий и аграрной сферы в целом.

Результаты исследований продемонстрировали высокую степень включенности опрошенных экспертов в инновационные процессы в агросфере: по данным опроса 2013 г., специалистам и руководителям известны основные положения концепции реформирования АПК (11,5 % – хорошо известны, 70 % знают в общих чертах), большинство (80 %) в целом согласны с основными положениями концепции. Однако более половины представителей административно-управленческого корпуса сельхозпредприятий (60,8 %) считают, что реформа еще не проведена. Рыночность функционирования сельскохозяйственных предприятий страны, по мнению руководителей и специалистов, проявляется в появлении конкуренции на рынке сбыта продукции (38,7 %), в самостоятельности в сфере производства, переработки и ценообразования (29,7 %), в появлении фермерства и крестьянских хозяйств (16,2 %). Однако почти каждый третий заявил, что фактического перехода на рыночные отношения в целом по стране пока не произошло.

Данные экспертных опросов, проводимых с периодичностью в три года, позволили зафиксировать динамику мнений руководителей и специалистов сельхозпредприятий по ключевым вопросам реформирования агропромышленной сферы, в частности, увеличение числа сторонников частной собственности. В 2009 г. 30,4 % экспертов-специалистов ответили, что поддерживают частную собственность на земли сельскохозяйственного назначения. В ходе опроса 2013 г. 37,7 % респондентов заявили, что для Беларуси в наибольшей степени подходит частная собственность на сельскохозяйственные земли, а на

вопрос: «Вы лично за частную собственность на землю или против?» более половины (52,3 %) дали утвердительный ответ. О том, что сельскохозяйственные предприятия должны быть приватизированы, заявили 27,9 % участников опроса 2013 г., тогда как в 2011 г. только 6,5 % специалистов и руководителей считали, что сельхозпредприятия должны быть приватизированы.

Среди важнейших преимуществ экспертного опроса при изучении проблем аграрной сферы – возможность получить целостную картину результатов внедрения управленческих решений как на уровне отдельных предприятий, так и в более глобальном масштабе, поскольку именно специалисты-практики неизбежно сталкиваются с издержками проведения реформ на местах, способны увидеть положительные и отрицательные стороны и выработать предложения по улучшению работы как своего предприятия, так и сферы аграрного производства в целом [14, с. 274]. В ходе опроса 2013 г. руководителями и специалистами, имеющими опыт руководства и работы в хозяйстве, были высказаны мнения о факторах, препятствующих развитию аграрно-промышленного комплекса. Проведенный анализ мнений экспертов позволил сгруппировать указанные респондентами недостатки в работе АПК, тормозящие развитие сельского хозяйства. Р. А. Смирнова выделяет 3 группы факторов, обусловленные: 1) государственной политикой в аграрной сфере (диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, отсутствие необходимой рыночной среды, медлительность и фрагментарность аграрных реформ, низкий технико-технологический уровень, непроработанность юридически-правовой базы реформы), 2) сознанием и экономическим поведением населения (слабый платежеспособный спрос населения, боязнь частной собственности на землю, ее купли-продажи и залога, недостаточно сильный слой предпринимателей, инерционность экономического менталитета населения, низкая мотивация труда работников сельхозпредприятий), 3) организационно-управленческой деятельностью в самих сельхозпредприятиях (низкий уровень организационно-управленческих кадров, недостаточный уровень образования специалистов – выпускников аграрных вузов, необходимость сельхозпредприятиям самим решать социальные проблемы) [14, с. 279].

Последняя группа факторов в значительной степени сконцентрирована на кадровых проблемах современных сельхозпредприятий. Включение в систему рыночных отношений, модернизация производства способствуют росту экономических показателей, повышению конкурентоспособности предприятия. Оборотная сторона медали – проблема избыточной низкоквалифицированной рабочей силы и недостаток квалифицированных кадров на селе. Более трети экспертов (36,5 %) заявили, что для эффективной работы на их предприятиях не хватает постоянных работников. Среди требуемых работников – животноводы, механизаторы, агрономы, зоотехники. В то же время более половины экспертов отмечают, что можно было бы обойтись меньшим количеством постоянных работников. Для этого, по мнению специалистов и руководителей, необходимо улучшить организацию производства (41,3 %), перевести ручные

операции на современные технологии (39,7 %), повысить мотивацию и интенсивность труда (17,5 % и 15,9 % соответственно).

Основными препятствиями для привлечения рабочей силы экспертами были названы низкая заработная плата (54 %), непрестижность и непривлекательность сельских профессий для молодых специалистов (30,2 %), отсутствие работников без вредных привычек (15,9 %). А в качестве основных мер по привлечению квалифицированных кадров, молодежи в агросферу, по мнению представителей административно-управленческого корпуса, являются, прежде всего, повышение оплаты труда, нормированный восьмичасовой рабочий день, обеспечение достойных социально-бытовых условий. В ходе опроса экспертов были определены возможные варианты развития новых сфер приложения труда, в том числе и вне сельскохозяйственного производства. Это, прежде всего, развитие на сельских территориях предприятий по переработке сельхозпродукции – большинство респондентов высказались за подобный вариант. В качестве других вариантов в порядке убывания степени значимости были названы: размещение в сельской местности филиалов промышленных предприятий, развитие экотуризма, торговли и бытового обслуживания населения, стимулирование личных подсобных хозяйств, их товарное производство, реформирование работы потребкооперации, создание добровольных крестьянских кооперативов по производству, переработке, сбыту, снабжению.

Проведенные экспертные опросы позволили более четко увидеть и сформулировать проблемы и определить возможные варианты их преодоления. В ходе реализации описанных исследовательских проектов использование метода экспертного опроса позволило выявить гораздо больше конструктивных решений поставленных проблем, чем ожидалось перед началом исследования. Что же касается методики самого экспертного опроса, то проведенные исследования показали, что даже в достаточно простых вопросах и при наличии разработанной системы гипотез могут «всплывать» такие нюансы и варианты решений, которые невозможно предусмотреть заранее. Таким образом, экспертный опрос (и его разновидности) является одним из эффективных методов получения объективной, надежной и глубокой информации, комплексной разработки компетентных, грамотных и адекватных решений и их внедрения в практику социального управления и планирования.

Список использованных источников

1. *Бешелев, С. Д.* Математико-статистические методы экспертных оценок / С. Д. Бешелев, Ф. Г. Гурвич. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Статистика, 1980. – 263 с.

2. *Хлебович, Д. И.* Экспертный опрос как инструмент исследования проблем высшего профессионального образования: предпосылки и практика использования / Д. И. Хлебович // Изв. ИГЭА. – 2013. – № 6 (92). – С. 12–20.

3. Экспертные оценки в социологических исследованиях / С. Б. Крымский [и др.] ; АН УССР, Ин-т философии. – Киев : Наук. думка, 1990. – 320 с.

4. *Масленников, Е. В.* Метод интеграции концепций экспертов в социологическом исследовании (Выявление, оценка и обобщение эмпирического знания) / Е. В. Масленников. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 88 с.

5. *Эйтингон, В. Н.* Методы организации экспертизы и обработки экспертных оценок в менеджменте : учеб.-метод. пособие / В. Н. Эйтингон, М. А. Кравец, Н. П. Панкратова. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 44 с.

6. *Нечаев, В. С.* К вопросу об экспертной оценке организационных аспектов государственно-частного партнерства в здравоохранении / В. С. Нечаев, И. Э. Чудинова, Б. А. Нисан // Социология медицины. – 2012. – № 1 (20). – С. 21–23.

7. *Кошевой, О. С.* Организация экспертного опроса с привлечением специалистов органов государственного и муниципального управления / О. С. Кошевой, Е. С. Голосова, Ш. Г. Сеидов // Изв. высших учеб. заведений. Поволжский регион. Обществ. науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 98–107.

8. *Орлов, А. И.* Организационно-экономическое моделирование : учеб. : в 3 ч. / А. И. Орлов. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. – Ч. 2 : Экспертные оценки. – 486 с.

9. *Белановский, С. А.* Свободное интервью как метод социологического исследования / С. А. Белановский // Социология: 4М. – 1991. – № 2. – С. 5–19.

10. *Фролова, И. И.* Коррупция в органах власти: результаты экспертного опроса / И. И. Фролова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 104–107.

11. *Андрианова, Н. А.* Структура и технологии формирования имиджа Краснодарского края (по материалам экспертного опроса) / Н. А. Андрианова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Междунар. отношения. – 2008. – № 2. – С. 155–161.

12. *Мальцев, К. В.* Использование методов экспертного опроса в исследовании формирования и развития земельного рынка в России [Электронный ресурс] / К. В. Мальцев // Вопр. управления. – 2007. – Вып. 1. – Режим доступа: http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2007/01/11/. – Дата доступа: 10.10.2016.

13. *Кучко, Е. Е.* Социологическое изучение инноваций / Е. Е. Кучко // Социол. альм. – 2012. – № 3. – С. 42–47.

14. Судьба белорусской провинции: социологический анализ / Р. А. Смирнова [и др.] ; под общ. ред. Р. А. Смирновой. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 434 с.

15. *Смирнова, Р. А.* Инновационный потенциал руководителей и специалистов сельского хозяйства / Р. А. Смирнова // Весн. Брэс. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2015. – № 1. – С. 111–117.

T. V. KUZMENKO

EXPERT SURVEY AS THE BASIS FOR MANAGEMENT DECISION-MAKING

Summary

The article describes methodological and methodical peculiarities of the expert survey as the basis for the development and adoption of management decisions. The advantages of using the results of a survey of experts in management practices have been substantiated. A practical example of the organization and conducting of the expert survey of agricultural sphere professionals has been considered.

Keywords: expert survey, expert, expert evaluation, management decision, agricultural sphere, specialists.

Поступила 10.11.2016 г.

УДК 316.328.83(53)

А. В. ГАВРИКОВ,
магистрант социологических наук, ИПНК НАН Беларуси, г. Минск

АКТУАЛЬНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В БЕЛАРУСИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)

В последнее время достаточно часто политики, журналисты, политологи и политические аналитики поднимают вопрос перехода парламентских выборов с мажоритарной избирательной системы на пропорциональную. В статье автором рассматриваются зарубежный опыт и все потенциальные плюсы и минусы такого перехода в Республике Беларусь.

Ключевые слова: мажоритарная избирательная система, пропорциональная избирательная система, партии, политическая борьба, переходное общество, аннигиляция партий, депутатский мандат, Белая Русь.

Выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва в Беларуси прошли с активным участием кандидатов от политических партий. Их было 63 % от общего числа кандидатов. Однако результаты выборов для политических партий оказались совершенно неутешительными: из 110 депутатов лишь 16 являются их членами [1, с. 159]. Выборы ничуть не пошатнули положение политических сил, поддерживающих государственные позиции, а напротив, даже усилили их: один оппозиционный кандидат от Объединенной гражданской партии (ОГП) и один конструктивно-оппозиционный кандидат от Либерально-демократической партии Беларуси (ЛДПБ) не смогут создать в парламенте фракцию или партийную группу. Многие партийные кандидаты во время избирательной кампании не смогли проявить себя сильными политическими акторами и заняли последние места в списке кандидатов на депутатские мандаты. Так возникает вопрос: нужен ли переход Беларуси на пропорциональную избирательную систему, который предлагается частью политических сил? Что это: вопрос времени или требование политического меньшинства? Эффективны ли пропорциональные избирательные системы?

Для ответа на эти вопросы необходимо провести историческую реконструкцию и рассмотреть опыт государств (Италии, Франции, Германии и России) в избирательных системах.

Италия – классическая парламентарная республика. Ведущую роль в государстве играет парламент во главе со спикером. В результате исторической борьбы при объединении Италии в XIX в. парламент стал двухпалатным и состоит в настоящее время из Палаты депутатов и Сената. Палата депутатов

включает 630 депутатов, которые равномерно распределены по разным территориям Италии (включая и острова), а Сенат по численности вдвое меньше – 315 сенаторов. Пять сенаторов могут быть пожизненно назначены президентом за выдающиеся заслуги перед Итальянской Республикой. Пожизненными сенаторами являются и бывшие президенты.

В стране с 1948 по 1993 г. действовала пропорциональная избирательная система, которая способствовала тому, чтобы партии проводили своих кандидатов в парламент. В нем постоянно создавались коалиции и фракции. Партий было много, они как быстро создавались, так и распадались. Партийные конкуренты видели в создании коалиций не союз ради достижения консенсуса в принятии законов, а борьбу за парламентское доминирование. При роспуске парламента уходило в отставку правительство. За 50 послевоенных лет в результате партийной борьбы сменилось около 50 правительств (средняя жизнь правительства составила около 10,5 месяца) [2].

Такая политическая нестабильность не позволяла парламенту конструктивно осуществлять свою деятельность. В результате 18–19 апреля 1993 г. был проведен референдум, одним из вопросов которого стал переход от пропорциональной системы к мажоритарной при выборах в Сенат. В ходе референдума около 80 % избирателей высказались за введение мажоритарной системы. Впоследствии было принято еще одно решение: обе палаты Парламента стали избираться по смешанной системе [2].

Франция – унитарная республика президентского типа. Голосование проводится по мажоритарной системе в два тура. Как правило, президент на выборах не набирает 50 % голосов, что вынуждает проводить второй тур. В стране в послевоенный период начался плавный переход со смешанной избирательной системы к мажоритарной. В Четвертой Республике в 1950 г. при президенте Шарле де Голле произошел полный переход на мажоритарную избирательную систему. Это шаг был направлен на борьбу с возросшим авторитетом коммунистической партии. После Второй мировой войны коммунисты были одной из самых популярных антифашистских сил и пользовались огромным авторитетом среди широких народных масс. Введение мажоритарной системы существенно ослабило присутствие компартии как потенциального противника центристов в парламенте.

В настоящее время выборы депутатов Национального собрания (ассамблеи) во Франции, как правило, проводятся каждые пять лет. Граждане Французской республики избирают 577 членов Национального собрания (нижней палаты) в два тура по мажоритарной системе. В 2013 г. оппозиционные партии предложили перейти на пропорциональную избирательную систему. Однако это предложение было отклонено, и на данный момент во Франции действует пропорциональная избирательная система при выборах в Сенат и в избирательных коллегиях, которые избирают сенаторов по мажоритарной системе [3].

Германия – парламентская республика. При выборах в Бундестаг применяется пропорциональная система, роль «первых» голосов сводится к тому,

что избиратели могут непосредственно определить личный состав половины парламента.

Выборы в Германии в парламент после объединения ФРГ и ГДР в 1990 г. проходят по так называемой гибридной системе голосования. Избиратель голосует по двум спискам: в одном он выбирает кандидата, за которого голосует по мажоритарной избирательной системе, во втором – по партийным спискам. Место получает партия, если набрала 5 % голосов, или ее кандидаты одержали победу в трех одномандатных округах. Эти места заполняются теми кандидатами от партии, которые одержали победу в своих одномандатных округах. Если таких кандидатов меньше, чем полученных партией мандатов, то оставшиеся парламентские места заполняются согласно партийному списку. Если же кандидатов от партии, победивших в одномандатных округах, больше, чем общее количество мандатов, полученных партией, то для таких кандидатов в Бундестаг вводятся дополнительные места [4].

Россия – парламентско-президентское государство, которое уже за 25 лет несколько раз меняло избирательную систему: мажоритарная, пропорциональная, смешанная. В стране было проведено два поэтапных перехода на пропорциональную избирательную систему: «Официально отказ от смешанной системы в 2004–2005 годах был мотивирован тем, что необходимо стимулировать появление крупных партий и рост уже существующих за счет расширения их электорального пространства. Как считалось, партии должны обрести конкретную политическую программу с четко сформулированными целями и задачами общенационального масштаба» [5].

Переход к пропорциональной системе объяснялся также тем, что депутаты-одномандатники вынуждены работать с постоянной оглядкой на региональные элиты и представителей бизнес-кругов, оказавших им поддержку на выборах с помощью административного ресурса и финансовых средств. Кроме этого, пропорциональная система, по мнению некоторых политиков, должна была уравнять шансы регионов на их адекватное представительство во власти, так как разные регионы населяло разное количество людей.

Мажоритарная система относительного большинства досталась нашей стране в наследство от СССР. Сегодня Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь формируется по мажоритарной избирательной системе относительного большинства, при которой побеждает кандидат, набравший наибольшее число голосов по сравнению с другими соперниками. До 2012 г. в стране использовалась мажоритарная избирательная система абсолютного большинства (50+1 голос). Однако в силу объективных реалий (так как необходимо было нести существенные расходы на проведение второго тура выборов) было решено отказаться от нее. Для сравнения плюсов и минусов двух избирательных систем интересно рассмотреть политические реалии нашей страны.

Прежде всего посмотрим на рейтинг политических партий Беларуси, определенный Институтом социологии НАН Беларуси в мае 2016 г. (таблица).

Рейтинг политических партий Беларуси[1]

Партии	Рейтинг
Коммунистическая партия Беларуси	2,2 %
Белорусская партия зеленых	2,1 %
Белорусская патриотическая партия	2,1 %
Белорусская социал-демократическая партия «Громада»	1,8 %
Либерально-демократическая партия Беларуси	1,7 %
Белорусская аграрная партия	1,5 %
Белорусская партия левых «Справедливый мир»	1,4 %
Республиканская партия труда и справедливости	1,4 %
Белорусская социально-спортивная партия	1,3 %
Белорусская социал-демократическая Громада	1,2 %
Консервативно-христианская партия БНФ	1,0 %
Объединенная гражданская партия	0,9 %
Партия БНФ	0,7 %
Социально-демократическая партия народного согласия	0,6 %
Республиканская партия	0,6 %
Против всех	30,0 %
Затрудняюсь ответить	55,9 %
Нет ответа	0,8 %

Из опроса видно, что рейтинг партий крайне невысок, и они не вызывают должного доверия со стороны избирателей. Парламентские выборы 2016 г. показали, что принадлежность к какой-нибудь партии для электората была одним из отталкивающих факторов. Многие избиратели либо ничего не знали об этих партиях, а соответственно опасались отдавать свой голос за их кандидатов, либо решительно выступали против всякой партийной принадлежности. На сегодняшний день в белорусском парламенте абсолютное беспартийное большинство беспартийных депутатов (94 депутата) против 16 депутатов от партий. Однако лидеры белорусских политических партий даже при такой безнадежной политической ситуации активно выступают за переход страны на пропорциональную (или смешанную) избирательную систему, которая увеличит их шансы получения депутатского мандата хотя бы для себя.

Какие же плюсы и минусы, на наш взгляд, имеет пропорциональная избирательная система?

Во-первых, эта система позволяет каждой политической партии получить число мест пропорционально числу голосов, отданных за эту партию. В соответствии с рейтингом партий парламент будут формировать депутаты, которым большинство электората не доверяет или не желало бы видеть их в парламенте. Депутатский мандат могут получить даже аморфные в политическом плане партии, что даст возможность проявить себя в законодательном органе силам, выражающим интересы какой-либо узкой группы людей. Необходимо

[1] Социологический опрос, проведенный Институтом социологии НАН Беларуси в мае 2016 г.

будет вводить избирательный барьер, чтобы в парламент не смогли пройти крайне правые, крайне левые, радикалы, но этот барьер не смогут преодолеть и многие ныне зарегистрированные белорусские партии [6].

Если квота будет достаточно низкой, то мелкие партии тоже получат места. В политических реалиях Беларуси большинство партий являются немногочисленными партиями. Даже относительно крупная партия ЛДПБ имеет низкий рейтинг и слабое представительство в парламенте (1 депутат). Небольшое количество голосов получила она и на президентских выборах. Места в парламенте могут получить и те партии, которые не имели парламентского опыта. Парламент может стать для посредственных партийных деятелей социальным лифтом в политической карьере.

По данным социологических опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г., большинство респондентов не смогли назвать более двух лидеров партий. Известный белорусский социолог И. В. Котляров справедливо заметил, что «у подавляющего большинства белорусских политических партий нет запоминающихся лидеров, отвечающих современным требованиям и способных в трудные политические периоды принимать ответственные политические решения или хотя бы демонстрировать, что они готовы взять на себя ответственность за положение дел в государстве. Руководители многих политических партий, просто-напросто, не интересны» [7].

При пропорциональной избирательной системе появляется доминирующая парламентская партия (обычно это партия власти), которая становится ведущей и определяющей силой в парламенте. Возможным итогом перехода на такую избирательную систему станет институционализация организации «Белая Русь» и регистрация ее как партии. Негативным моментом может стать и то, что партия начнет срастаться с государственным аппаратом и будет создана партийная номенклатура. Альтернативой этой партии оппозиционные партии стать не смогут ввиду своей слабости, а партия парламентского большинства может привлечь в свои ряды людей, которые попытаются сделать себе за счет партии политическую карьеру.

Стоит обратить внимание на действующую в Беларуси мажоритарную систему и рассмотреть ее плюсы и минусы. Эта избирательная система действует в США при выборах членов Конгресса, Великобритании, Японии, за эту избирательную систему выступает большинство политиков развитой демократии.

Мажоритарная избирательная система универсальна и может использоваться в выборах разного уровня: от избирательной кампании депутатов местного совета до президентских выборов. При выдвижении кандидатов конкурируют конкретные личности, люди, личные качества которых должны оценивать избиратели. Эта избирательная система дает возможность беспартийным кандидатам, не будучи членами какой-либо партии, вести на равных борьбу с кандидатами от партий.

Определенным минусом мажоритарной избирательной системы можно считать то, что при ней избирают тех кандидатов, которых хорошо знают (врачей, учителей, работников почты и милиции), людей, которые не имеют по-

литического опыта и которые очень не скоро станут настоящими депутатами.

Отказ от мажоритарной системы можно рассматривать как реанимирующую попытку усиления партий в политической жизни. С этим можно частично согласиться: парламент будет состоять из 100 % представителей партий. Кандидат в парламентарии должен будет определиться со своим выбором, от какой партии баллотироваться на парламентских выборах. Партии количественно увеличатся, но будет ли это качественным ростом, при котором кандидат в депутаты пойдет в партию не по зову совести и политическим взглядам, а по причине того, что партия может стать трамплином в парламент.

Так является ли смена избирательной системы для Беларуси актуальной? На этот вопрос ответит самый бесстрастный судья – время.

Список использованных источников

1. *Гавриков, А. В.* Политические партии и их кандидаты на выборах в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва (социально-политический портрет кандидатов по г. Минску) / А. В. Гавриков // ИППОКРЕНА. – 2016. – № 2. – С. 159–164.

2. Парламент Италии и особенности избирательной системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://referatwork.ru/,politika/view/609767_parlament_italii_i_osobennosti_izbiratel_noy_sistem. – Дата доступа: 18.09.2016.

3. История новой России. Какие избирательные системы предпочитают развитые страны? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ru-90.ru/node/1480. – Дата доступа: 16.09.2016.

4. *Тимошенкова, Е. П.* Избирательная система Германии – особенности выборов в нижнюю палату парламента [Электронный ресурс] / Е. П. Тимошенкова. – Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa. – Дата доступа: 18.09.2016.

5. Кому выгодна реформа избирательной системы? [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). – Режим доступа: http://rusrand.ru/actuals/komu-vygodna-reforma-izbiratelnoj-sistemy. – Дата доступа: 09.11.2016.

6. *Котляров, И. В.* Политические партии: миф или реальность? [Электронный ресурс] / И. В. Котляров. – Режим доступа: http://socio.bas-net.by/artdetailed.php?id=28. – Дата доступа: 20.09.2016.

7. *Котляров, И. В.* Политические партии в Беларуси [Электронный ресурс] / И. В. Котляров // БЕЛТА. – Режим доступа: http://www.belta.by/all-rubric-news/viewSuzet/vybory-prezidenta-belarusi-2015-75/. – Дата доступа: 22.02.16.

A. V. GAVRIKOV

THE ACTUALITY OF THE INTRODUCTION OF THE PROPORTIONAL ELECTORAL SYSTEM IN BELARUS (SOCIOLOGICAL MEASUREMENT)

Summary

In recent years, more and more often among domestic and foreign mass media, journalists, political scientists and political analysts, politicians have been raised the issue of transition of the parliamentary elections with a majoritarian electoral system to proportional. In the article the author considers all the potential pros and cons of such a transition in the Republic of Belarus.

Keywords: majority electoral system, proportional electoral system, parties, political struggle, transitional society, the annihilation of the parties, the parliamentary mandate, “Belaya Rus”.

Поступила 24.11.2016 г.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ БЕЛАРУСИ

УДК 316.628

С. А. ШАВЕЛЬ,

доктор социологических наук, профессор, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТНОЙ АКТИВНОСТИ

Рассматриваются социологические аспекты мотивации личностной активности, мотивационная сфера личности как система мотивов, понимание мотива как личностного смысла и побуждения, индуцированного стимулом. Проводится идея о том, что противопоставление социологического и психологического подходов к анализу активности (поступков и действий) мотивации контрпродуктивно; необходимо искать пути сближения, конвергенции и взаимообмена знаниями.

Ключевые слова: мотив, мотивация, мотивационная сфера, смысл, личностный смысл, активность, надситуативная активность, бихевиоризм, стимул.

Мотивация – и ее производные, такие как «мотив», «стимул», «мотивировка» и другие, – является важнейшим понятием психологии. Вместе с тем, по признанию многих социологов (М. Вебер, Т. Парсонс, П. Бергер, П. Сорокин, В. Ядов и др.), без нее невозможна и разработка теоретической социологии. М. Вебер писал, что осмысленное целерациональное действие не является собственным предметом психологии именно потому, что цель, которую ставит перед собой индивид, а также смысл (личностный) не могут быть поняты, если исходить только из анализа его душевной жизни [1, с. 14–15]. По его мнению, мотив есть то, что представляется самому действующему лицу и наблюдателю адекватным основанием для совершения определенного целенаправленного действия. Нельзя не согласиться со следующей интерпретацией центральной идеи Вебера, данной П. П. Гайденко. «Только понимание смысла совершаемых действий, то есть мотивов действующих индивидов, – отмечает она, – открывает возможность социологического анализа религии» [2, с. 32].

Т. Парсонс, рассматривая экспрессивно ориентированные действия, отмечает: «Мотивационная значимость действия заложена в непосредственном удовлетворении потребностей, которые есть в наличии, но цель достигается не в самом действии как таковом… Недостаточно, например, для удовлетворения индивида его собственной любви к какому-то “объекту”, ему важно быть “любимым взаимно”. Этот ответ рассматривается, следовательно, в соответствии с институциональной схемой, как вознаграждение» [3, с. 154, 155]. Поскольку имеются в виду экспрессивные, то есть чувственные действия, то их целью является именно вознаграждение как ответная любовь (дружба, доверие, уважение и т. п.).

Нас в данном случае интересует феномен, называемый в литературе «мотивационной сферой личностной активности», иначе говоря, поиск ответов на вопросы, почему не один мотив, а сфера, и что это значит для социологического понимания мотивации активных действий личности. Прежде всего отметим, что под активностью в самом широком смысле слова понимается всеобщее движение, перемещение в пространстве, сейсмическая, вулканическая, космическая, солнечная, радиоактивность и т. д. Применительно к жизненному миру сохраняет свое значение определение Н. А. Бердяева: «Активность есть свойственная живым существам их собственная динамика, источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром» [4, с. 10]. Под активностью личности К. А. Абульханова-Славская предложила понимать «способность ставить разумные, достижимые данной личностью при данной совокупности обстоятельств цели, способность личности проводить в жизнь свою программу через цепь внешне не связанных задач, обстоятельств, ситуаций, которые могут препятствовать достижению этих целей» [5, с. 85]. В. Л. Хайкин в крупной работе отмечает: «Главными в активности человеческой выступают **не адаптивные** свойства ее, а **преобразовательные,** так как вместе со становлением человека ставились возможности особой человеческой рефлексии на среду, предполагающих введение неприродных средств адаптации» [6, с. 398]. В инструментальных целях активность часто понимают как меру (интенсивность, плодотворность, эффективность) деятельности, с подразделением ее на виды, в том числе и на просоциальную, асоциальную и антиобщественную. Здесь принципиально важно то, что активность человека не только направлена на получение ценностей, но и сама, по словам С. Л. Рубинштейна, обусловлена общественной шкалой ценностей. «Именно из этого соотношения (притязаний и достижений. – *С. Ш.*), – писал он, – может быть понят тот факт, что не стремление к “счастью” (удовольствиям и т. п.) определяет в качестве мотива (побуждения) деятельность людей, их поведение, а соотношение между конкретными побуждениями и результатами их деятельности определяет их “счастье” и удовольствие, которые они получают от жизни» [7, с. 368–369]. Отсюда следует, что основой благополучной жизни должны быть не гедонистические притязания, а достижительные мотивы просоциальной направленности, формирующие устойчивую целостность мотивационной сферы личности.

Как отмечал Т. Шибутани, «то, что обычно именуют “мотивами”, есть лингвистическое обозначение намерений, но отнюдь не “причина” поведения» [8, с. 156]. В этом есть доля правды. Действительно, в жизни, в отличие от детективных сериалов, мотив не является причиной, например, преступного деяния, и не отвечает на вопрос – почему? Как внутреннее побуждение, имеющее личностный смысл, мотив – это зачем, ради чего?, что далеко не тождественно причине действия, особенно вынужденной. Но и ссылка автора на намерение не вполне корректна, ибо намерение, как и желание, хотение, мечтание и прочее, – это только эмоциональная окраска действительного мотива, который переходит в действие и существует в нем до достижения цели.

Как мы уже отмечали, сложность изучения мотивов человеческой деятельности в плане методологии и методики объясняется, по словам В. А. Ядова, «и спецификой предмета анализа, и тем, что социолог неминуемо должен учитывать в таких исследованиях достижения современной психологии и социальной психологии» [9, с. 29]. Однако требование учета достижений психологической науки не так легко реализовать в социологической работе.

Действительно, поскольку именно психология формирует «категориальную сетку» мотивационного анализа, то представители смежных наук (социологи, экономисты, юристы, педагоги и др.) не должны по-своему дефинировать исходные термины, а могут принять выработанные психологией определения и интерпретировать их применительно к своей предметной области исследования. Вместе с тем такая вполне логичная и общепринятая процедура заимствования и ассимиляции понятийного аппарата наталкивается на ряд трудностей. Прежде всего, как указывают специалисты, только в зарубежной психологии имеется около 50 теорий мотивации [10, с. 18], еще не менее 10 предложено отечественными авторами советского и постсоветского времени. Отсюда необозримость, противоречивость подходов, терминологическая многозначность, отсутствие конвенциальных определений. Существующая разноплановость толкования «мотива», «мотивации» и их производных, таких как «мотивационная сфера», «мотивировка», «демотивация» и др., серьезно осложняет освоение разработок психологии представителями других наук и практическими работниками. Для социологов это создает дополнительные трудности понятийной и эмпирической операционализации, предметной идентификации и концептуализации мотивационных категорий. Следует, однако, признать, что многозначность терминов возникает не из-за обилия точек зрения, а по причине сложности самого изучаемого феномена. «Едва ли найдется другая такая же необозримая область психологических исследований, – писал Х. Хекхаузен, – к которой можно было бы подойти со столь разных сторон, как к психологии мотивации» [11, с. 22].

Рассматривая основные современные психологические теории мотивации, можно отметить два важных для социолога момента. Во-первых, что в понятии мотива при самых разных его употреблениях (исключая музыку, живопись, лингвистику) тем не менее сохраняется некоторый семантический инвариант, связанный с этимологией термина (от лат. movere – побуждать, приводить в движение: фр. Motif – побуждение, повод к действию). Во-вторых, расхождения возникают главным образом относительно того, что именно побуждает активность: внешние, средовые раздражители (в бихевиоризме – «стимулы») или внутренние процессы – витальные потребности, инстинкты и т. п. В ряде психологических теорий встречается метод, известный в логике как «сходный с определением», а именно остенсивного (указательного) дефинирования через понятие «диспозиция». Так, Х. Хекхаузен отмечал: «Мотивы рассматриваются как устойчивые во времени диспозиции... В настоящее время мотивы определяют как такие содержательные классы целей действия, которые су-

ществуют в форме устойчивых и относительно постоянных ценностных диспозиций» [11, с. 39]. Однако этот класс диспозиций четко не структурирован и не завершен. Одни имеют в виду предрасположенности типа аттитюдов, другие – личностные черты характера, третьи – «эрги» и «энграммы» (Р. Б. Кэттелл) и т. д. В. А. Ядов в своей диспозиционной концепции мотивации труда принял предложенное А. Н. Леонтьевым определение, согласно которому мотив есть «конкретное, опредмеченное побуждение к действию» [9, с. 29].

В бихевиористских теориях мотив понимается как сенсибилизатор (от лат. sensibilis – чувствительный), то есть промежуточный фактор в схеме «стимул – реакция», понижающий порог реактивности организма на те или иные раздражители.

В психоаналитических теориях мотив трактуется как бессознательная энергетика инстинктов: у З. Фрейда – либидо (инстинкт сексуального влечения как доминирующий мотив); у А. Адлера – врожденное стремление к совершенству, «личностный идеал»; у К. Юнга – архетипы как элементы коллективного бессознательного. У. Мак-Дауголл считал, что у человека имеется 18 инстинктов, а движущей силой поведения является не «либидо», «архетипы» или «личностный идеал», а особая врожденная (инстинктивная) энергия «горме».

В когнитивной психологии мотивация рассматривается не как дериват сознательной психики, а как продукт (феномен) сознания. «В когнитивной психологии, – по словам Х. Хекхаузена, – последовательность “мотив – деятельность” обращается: при определенных условиях чисто когнитивные представления о сложившейся ситуации приводят к возникновению у созерцающего субъекта новой мотивации или меняют уже существующую. Таким мотивирующим влиянием обладают диспропорции, противоречия, рассогласования (тот же “когнитивный диссонанс” Фестингера. – *С. Ш.)* в имеющихся когнитивных репрезентациях» [11, с. 82]. Под мотивами в данном направлении понимаются «объекты мысли, задерживающие окончательное действие или благоприятствующие ему» [10, с. 12] в ситуации принятия решения как центрального психологического процесса.

В факторно-аналитической теории черт Р. Б. Кэттелла в качестве мотивационных диспозиций выделены «эрги» (от греч. ergon – энергия, работа) и «энграммы» (от греч. Engramm – вписанный). Эрги – это биологически обусловленные влечения, энграммы – социальные и культурные чувства и комплексы (отношения к профессии, религии и т. д.), природа которых коренится не в биологии, а в истории жизни субъекта.

Нет необходимости называть все психологические теории мотивации, поскольку они достаточно полно представлены в работах П. М. Якобсона, М. Г. Ярошевского, В. Т. Асеева, В. И. Ковалева, Х. Хекхаузена, Е. П. Ильина, В. К. Вилюнаса, Л. Хьела и Д. Зиглера и др. Х. Хекхаузен вообще назвал мотив «гипотетическим конструктом», то есть чем-то мыслимым, а не наблюдаемым непосредственно [11, с. 40]. Его позицию критикуют на том основании,

что другие психические феномены также могут существовать в латентной форме. Но здесь автор пытается избежать порочного круга, когда, например, стремление к успеху объясняется наличием сильного «мотива успеха», то есть используется другое слово для обозначения того же самого явления. Чтобы раскрыть «гипотетический конструкт», необходимо выяснить «индивидуальные различия в выраженности этого конструкта» [11, с. 40], другими словами, определить, чем отличается тот индивид, который стремится к успеху, от равнодушного или испытывающего страх перед возможным положительным результатом своего действия. Следовательно, речь идет о методике измерения мотива достижения (успеха). Коль скоро он непосредственно не наблюдаем, то иного пути создания валидного инструмента его обнаружения нет. В содержательном плане суть мотива, по Х. Хекхаузену, состоит в антиципации (предвосхищении) последствий определенных действий с точки зрения их желательности, привлекательности для индивида. Мотивация же управляет поведением в аспекте его направленности и затрат энергии исходя из ожидаемых последствий.

Е. П. Ильин дает следующее определение: «Мотив – сложное психологическое образование, побуждающее к сознательным действиям и поступкам и служащее для них основанием (обоснованием). Мотивация – процесс формирования мотивов» [10, с. 344].

А. Н. Леонтьев писал: «Мы называем деятельностью не всякий процесс. Этим термином мы обозначаем только такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают особой, соответствующей им потребности (например, запоминание мы не называем собственно деятельностью)... Мы называем деятельностью процессы, которые характеризуются психологически тем, что то, на что направлен данный процесс в целом (его предмет), всегда совпадает с тем объективным, что побуждает субъекта к данной деятельности, то есть мотивом» [12, с. 518–519].

Так, в психологическую теорию деятельности вводится понятие мотива. Деятельность – это процесс, имеющий мотив, то еесть мотивированный процесс. Чтение учащимся книги по истории, считает А. Н. Леонтьев, есть деятельность, когда мотивом является стремление узнать, уяснить себе то, что говорится в книге. Но если мотивом выступает необходимость сдать экзамен, то чтение не деятельность, а лишь действие. «Деятельностью здесь была подготовка к экзаменам, а не чтение книги самой по себе» [12, с. 518–519]. Имеется в виду, что ученик не стал бы читать книгу, будь у него возможность сдать экзамен, то есть получить приемлемую оценку, «не отвлекаясь» на чтение. Именно мотив определяет смысл деятельности. Можно вспомнить известную легенду о том, как трех строителей Шартрского собора спросили, чем они занимаются. Первый сказал, что зарабатывает средства на жизнь, второй – что создает памятник, о котором будут помнить потомки, третий – что служит Богу. И хотя существовала «эргономическая» идентичность работы (в момент опроса все перевозили на тачках камни к месту строительства), они были заняты разными видами деятельности.

Конституирующей характеристикой деятельности является предметность. А. Н. Леонтьев настойчиво подчеркивал, что «непредметная деятельность невозможна», «*непредметное бытие* есть contradictio in adjectum» [12, с. 50]. «Мы ограничиваем и понятие предмета, – указывает он. – Обычно это понятие употребляется в двояком значении: в более широком значении – как вещь, стоящая в каком-либо отношении к другим вещам, то есть как “вещь, имеющая существование”, и в более узком значении – как нечто противостоящее (нем. Gegenstant), сопротивляющееся (лат. objektum), то, на что направлен акт (рус. “предмет”), то есть как нечто, к чему относится именно живое существо, как *предмет его деятельности* – безразлично, деятельности внешней или внутренней (например, *предмет питания, предмет труда, предмет размышления* и т. п.). В дальнейшем мы будем пользоваться термином “*предмет”* именно в этом более узком, специальном его значении» [12, с. 46]. Таким образом, предмет деятельности в определении А. Н. Леонтьева существенно отличается от обыденного понимания этого термина. Предметность – это не «вещественность», а направленность, определенность, привязка к тому, что выступает содержанием активного отношения субъекта. В этом смысле «предмет» включает как физические тела и явления, так и духовные ценности и ориентации, нравственные нормы, определенные переживания и психологические состояния. Согласно А. Н. Леонтьеву, мотив – это предмет, то есть то, что объективно соответствует определенной потребности субъекта. При этом потребность рассматривается как внутреннее условие и предпосылка деятельности, сама по себе не определяющая направленность деятельности. «Потребность, – отмечает он, – получает свою определенность только в предмете деятельности: она должна как бы найти себя в нем. Поскольку потребность находит свою определенность (“опредмечивается” в нем), данный предмет становится мотивом деятельности, тем, что побуждает ее» [12, с. 49]. В психологической теории деятельности процесс мотивации, динамика мотивационной сферы личности раскрываются через категории значения и смысла. «Значение, – пишет А. Н. Леонтьев, – это то обобщение действительности, которое кристаллизовано, фиксировано в чувственном носителе его – обычно в слове или словосочетании. Это идеальная духовная форма кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. Круг представлений данного общества, наука, язык существуют как системы соответствующих значений» [12, с. 312]. Совокупность значений образует информационный тезаурус общества, содержание общественного сознания во всех его видах и формах. Индивид, усваивая (понимая) значения, овладевает обобщенным человеческим опытом. Если речь идет о конкретном объекте (предмете, явлении), то, чтобы раскрыть (выявить) его значение, необходимо наиболее полно охарактеризовать его свойства, функции, роли, устройство, способы использования и т. д., то есть получить понятие, дать ответ на вопрос: что это? Как продукт общественно-исторического опыта поколений значения «объективны» в том смысле, что независимы от индивидуального, личностного отношения к ним

человека. Оперирование значениями в процессе общения, при разработке знаниевых технологий неизменно рождает многообразие форм отношения субъекта к «означаемому», которые раскрываются через категорию смысла.

Смысл выражает пристрастное, избирательное, отношение человека к предметам, явлениям, событиям действительности. Различение личностного смысла и значения, подчеркивает А. Н. Леонтьев, «относится не ко всему отражаемому содержанию, а лишь к тому, на которое направлена деятельность субъекта». Собственно, смысл и возникает только в деятельности, не важно – внешней предметно-практической или внутренней, мыслительной – аналитически проективной, ориентировочной. «Когда я воспринимаю бумагу (определенный лист бумаги. – *С. Ш),* – поясняет Леонтьев, – я воспринимаю эту реальную бумагу, а не значение “бумага”. Интроспективно значение, как правило, отсутствует в моем сознании: преломляя воспринимаемое или мыслимое, само оно при этом не осознается, не мыслится. Это фундаментальный психологический факт» [12, с. 312]. Иначе говоря, чтобы раскрыть значение бумаги, необходимо реконструировать весь путь человечества по ее изобретению, разработке технологий и способов применения, функций и т. д. Понятно, что такую информацию никто, кроме специалистов, в памяти не держит. Поэтому «овладение», «распредмечивание» объективных значений требует адекватной, хотя и не тождественной, деятельности.

Сознательный смысл выражает отношение мотива к цели. Так, цель чтения книги для одного учащегося – подготовить себя к будущей профессии, для другого – формально разделаться с экзаменами. Соответственно и смысл чтения у них разный. Они читают эту книгу «разными» глазами и иначе усваивают ее содержание.

Всякая человеческая деятельность существует как цепь конкретных действий. Определение действия в психологической теории деятельности отличается как от эргономического, так и от социологического понимания (веберовского). А. Н. Леонтьев, рассматривая деятельность на примере коллективной охоты, выделяя, в частности, роль загонщика, который лишь вспугивает дичь, заключает: «Такие процессы, предмет и мотив которых не совпадают между собой, мы будем называть действиями» [12, с. 279]. Итак, в действии мотив и предмет не совпадают между собой. Например, действие загонщика (вспугивание дичи) не имеет собственного мотива, более того, оно «биологически бессмысленно» [12, с. 282]. По логике витальной потребности человек должен был бы, наоборот, как можно тише и незаметнее подкрадываться, чтобы добыть дичь. В такой процесс мотив должен быть привнесен извне – не важно, самим индивидом или другим лицом, например заказчиком. Предположим, человек вспугивает животных для того, чтобы их фотографировать и затем продавать фотографии; или ведет учет животных по заказу какой-нибудь организации; или, будучи защитником природы, отгоняет животных от браконьеров. В первом случае мотив привнесен самим субъектом, во втором и третьем – другим лицом, то есть вариант рационализации предложен со сто-

роны, и если он принят исполнителем, то для него вспугивание дичи становится мотивированным процессом.

Возвращаясь к мотивационной сфере, отметим, что в психологии существует ряд подходов к ее пониманию: суммативный, полевой (мотивационное поле), системный, полимотивационный и др. В. К. Вилюнас пишет: «Способ, программа и конкретные цели жизни, которые оцениваются человеком как оптимально удовлетворяющие потребности и в отношении которых принимается намерение к достижению, – это и есть система мотивов личности. Таинственный эффект приобретения целью в результате принятия намерения особого статуса, связанного с формированием в мотивационной сфере напоминающей о себе “напряженной системы”, объясняется, возможно, переключением на цель специфической эго-мотивации» [13, с. 255].

Не вдаваясь в детальный анализ психологической литературы, обратим внимание на два сомнительных с социологической точки зрения момента. Во-первых, нечеткость сферных представлений применительно к феномену мотивации. Как отмечалось нами, любая сфера представляет собой ядерно-периферийное образование [14, с. 248]. Заметим, что Н. Луман в своей системной дифференциации использовал такой подход, выделяя дифференциацию на центр и периферию, главным образом деление «город–село». Позже он отказался от этой формы, сохранив трехчленку дифференциации: сегментарная, стратификационная и функциональная [15, с. 27]. По этому же пути пошел и И. Валлерстайн: в своем миросистемном анализе он выделяет ядро, полупериферию и периферию, имея в виду страны и районы мира.

Если представить, что у человека есть только один доминирующий мотив, – что-то наподобие Idee fixe (идэфикс) – навязчивой идеи, – его ситуационное влияние будет распространяться по концентрическим окружностям интенсивности и соответственно ослабевать от центра к периферии. Но в большинстве относительно сложных ориентаций и жизненных выборов в мотивационной сфере реально действуют несколько мотивов, между которыми может быть как консонанс, гармония, так и диссонанс, противоречие. Скажем, среди мотивов высокой успеваемости студента могут быть: самоуважение, позитивное восприятие преподавателя, интерес к предмету, авторитет среди сокурсников, ожидание вознаграждения от родителей, тщеславие и др. Понятно, что разновекторные мотивы борются, и полем борьбы является внутренний мир человека. Здесь часто возникает ситуация, выраженная в любимой пословице Т. Парсонса: «Нельзя съесть пирог и сохранить его» [3, с. 86]. Важно, однако, учитывать, что мотивационный диссонанс, как и когнитивный (Л. Фестингера), не только создает некоторый дискомфорт, но и повышает поисковую активность для снятия возникших противоречий [16, с. 195].

Придавая первостепенное значение «нашему знанию мотивов», Т. Парсонс утверждал: «Мотивационная динамика в социологической теории, прежде всего, должна выступать в определении механизмов, которые отвечают за функционирование социальных систем, за поддержание или разрушение

данных структурных типов, в определении типичного процесса перехода от одного структурного типа к другому» [3, с. 95]. Напомним, что первичной социальной системой Парсонс называл диаду (двойку) именно потому, что только в ней возможны собственно социальные атрибуты: интерактивность и двойная контингентность. Что касается упомянутого автором «типичного процесса», то он, безусловно, важен для типологии доминирующих мотивов. При всей уникальности индивидуумов подавляющее большинство людей руководствуется побуждениями, характерными для их культуры, их социальной референтной группы, всего общества. Так, Т. Шибутани справедливо говорил, что в каждой культуре существует свой словарь мотивов. «В настоящее время в Соединенных Штатах индивидуалистические, гедонистические и денежные мотивы рассматриваются как правдоподобные пружины поведения. Если кто-нибудь объясняет, что он сделал что-то с целью получить деньги, обычно принимают это заявление за правду. Но существует тенденция сомневаться в искренности тех, кто ссылается на религиозные мотивы» [8, с. 156–157]. Как видим, выделены три группы мотивов, и нет среди них аффилиации, благотворения, творчества, профессионального и культурного роста, коллективизма, патриотизма (хотя американцы любят свою страну), религиозные мотивы вытеснены на периферию при показном благочестии и т. д. Прошло полвека со времени публикации данной работы в США, а первое русское издание книги автора вышло в 1969 г., 50 лет назад, – что изменилось? Судя по всему, новых типовых мотивов не появилось. По А. Маслоу, мотив самоактуализации имеют не более 3 % [17], еще больше отодвинута религия с ее нормативизмом, еще больше стало возможностей получать удовольствие, развлекаться, путешествовать и пр. Если Т. Шибутани с долей сомнения писал: «Трудно представить себе, что эти (названные им три группы. – *С. Ш.)* стремления не универсальны», то сегодня попытки сделать их такими и распространить на весь глобальный мир приобрели характер мегамотивации. К сожалению, значительная часть людей на постсоветском пространстве эпигонски перенимает американские типы мотивов.

В теории мотивации есть с социологической точки зрения существенный пробел, связанный с уклонением от использования понятия «стимул». Многие считают, что тем самым они избегают опасности впадения в бихевиористский редукционизм с его известной формулой «стимул – реакция». На наш взгляд, такое опасение не оправдано, ибо мешает аналитическому пониманию и практическому формированию мотивационно-стимулирующих механизмов.

Список использованных источников

1. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

2. *Гайденко, П. П.* Предисловие / П. П. Гайденко // Вебер М. Избранные произведения / П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990.

3. *Парсонс, Т.* О социальных системах / Т. Парсонс. – М. : Акад. проект, 2002. – 832 с.

4. *Бердяев, Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М. : Наука, 1990. – 224 с.

5. *Абульханова-Славская, К. А.* Социально-психологические аспекты активности личности / К. А. Абульханова-Славская // Социально-психологические проблемы производственного коллектива. – М., 1983. – С. 7–22.

6. *Хайкин, В. Л.* Активность (характеристика и развитие) / В. Л. Хайкин. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : НПО МОДЭК, 2000. – 448 с.

7. *Рубинштейн, С. Л.* Проблема психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1975.

8. *Шибутани, Т.* Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 536 с.

9. *Ядов, В. А.* Мотивация труда: проблемы и пути развития исследований // Совет. социология : в 2 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 29–38.

10. *Ильин, Е. П.* Мотивы и мотивация / Е. П. Ильин. – М. ; Минск, 2003.

11. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – СПб. : Питер ; М. : Смысл, 2003. – 860 с.

12. *Леонтьев, А. Н.* Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.

13. *Вилюнас, В. К.* Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 288 с.

14. *Шавель, С. А.* Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 404 с.

15. *Луман, Н.* Дифференциация / Н. Луман. – М. : Логос, 2006. – 320 с.

16. *Якобсон, П. М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека. – М. : Просвещение, 1969. – 317 с.

17. *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 2001. – 479 с.

S. A. SHAVEL

MOTIVATION SPHERE OF PERSONAL ACTIVITY

Summary

Sociological aspects of motivation of personal activity as well as motivational sphere of the person as a system of motivation and understanding of motive as a personal meaning and induced stimulus motivation are considered. There is an idea that the opposition of the sociological and psychological approaches to the analysis of the activity (behavior and actions) motivation is counterproductive; it is necessary to look for ways of convergence and exchange of knowledge.

Keywords: motive, motivation, motivational sphere, meaning, sense, personal sense, activity, suprasituational activity, behaviorism, stimulus.

Поступила 30.11.2016 г.

УДК 316.334:613+316.7

В. Р. ШУХАТОВИЧ,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ: ПОИСК РЕСУРСОВ УЛУЧШЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье обращается внимание на роль самоактуализации в поддержании здоровья индивида и общества. Профессиональное призвание представлено как механизм самоактуализации, поддержанный культурой и социальной организацией. На основе эмпирико-социологического анализа самооценок здоровья молодежи Беларуси выявлено, что соответствие профессии способностям, склонностям и призванию позволяет предсказывать более высокие показатели здоровья и качества жизни индивидов, чем несоответствие. Приводятся результаты национального опроса, которые показывают, что удовлетворенность здоровьем тем выше, чем более выражены у индивидов такие личностные качества, как «уважение к коллегам», «самоуважение», «чувство юмора», «внутренняя свобода», «стремление к самореализации» и «креативность».

Ключевые слова: здоровье, самоактуализация, профессиональное призвание, личностные качества, неэкономические ресурсы развития общества.

Стремление исследовать здоровье во взаимосвязи с самоактуализацией объясняется следующими обстоятельствами.

Здоровье является одной из наиболее значимых социальных ценностей, выступает необходимым условием воспроизводства действительной жизни и является одной из характеристик жизнеспособности общества, его целостности и гармоничности развития.

Здоровье представляет собой сложный биосоциальный феномен, характеризующий взаимозависимость индивида и общества. Социальное и экономическое развитие общества во многом определяется состоянием здоровья населения. В свою очередь, здоровье индивидов зависит от состояния культуры и социальной организации общества.

Все уровни и структурные компоненты здоровья взаимосвязаны и не могут быть рассмотрены изолированно друг от друга. Многогранность и объемный характер феномена здоровья, необходимость его рассмотрения, по крайней мере, на двух уровнях – популяционном (страновом) и индивидуальном – требует системного подхода и интерпретации.

Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [1]. Такое понимание здоровья позволяет исследовать его во взаимосвязи с широким кругом социальных и культурных детерминант.

В трактовке здоровья, сформулированной ВОЗ, подчеркивается важность душевного или психического здоровья, которое является неотъемлемой частью и важнейшим компонентом здоровья. По определению Всемирной организации здравоохранения, «психическое здоровье – это состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество. В этом позитивном смысле психическое здоровье является основой благополучия человека и эффективного функционирования сообщества» [2]. Плохое психическое здоровье связывают с быстрыми социальными изменениями, стрессовыми условиями на работе, социальным отчуждением, нездоровым образом жизни и др. Широкое распространение депрессий является одной из наиболее значимых социально-психологических проблем современного общества и касается стран с различным уровнем экономического развития.

В самом общем виде самоактуализация означает «полное использование своих талантов и способностей, своего личностного потенциала» [3]. Но процесс самоактуализации отражает не только индивидуальные свойства и качества личности, но также культурный и социальный контекст – ценности, смыслы, социальные ожидания и представления. Ценность самоактуализации состоит в том, что для ее проявления в процессе деятельности не требуется особых затрат, внешних стимулов и ресурсов. Процесс самодвижения происходит за счет психической энергии индивида, проявляющейся, прежде всего, в инициативе и социальной активности. Востребованность самоактуализации в значительной мере определяется специфическими особенностями культуры, тем, насколько в ней представлены ценности творчества и самореализации, в какой мере в трудовой деятельности соотносятся механизмы внешнего принуждения и духовной регламентации.

А. Маслоу в течение всей своей жизни проводил исследование самоактуализирующихся людей [3, с. 186] и пришел к выводу о том, что они имеют наиболее высокий уровень психического здоровья. Его внимание вопросам психического здоровья было обусловлено научной позицией автора, согласно которой современные социогуманитарные исследования в большей степени ориентированы на изучение патологии, в то время как вопросы нормы часто остаются без внимания.

Постановка проблемы и обоснование гипотезы исследования. Республика Беларусь переживает демографический кризис, который характеризуется низкой ожидаемой продолжительностью жизни, высокой смертностью населения трудоспособного возраста, особенно мужчин, и низкой рождаемостью. Несмотря на определенное улучшение ситуации за последние годы – снижение смертности и увеличение рождаемости, проблема сохраняет свою актуальность. В Беларуси низкая, по сравнению с более развитыми в экономическом отношении странами, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ); в 2015 г. она составила при рождении 73,9 года (для мужчин – 68,6 лет, для женщин – 78,9) [4, с. 176]. В то же время необходимо отметить, что эти показатели явля-

ются лучшими за последние 45 лет, и с 2005 г. наблюдается их постепенный рост: с 2005 по 2015 г. ОПЖ в Беларуси увеличилась на 5,1 года (мужчин – на 5,7 лет, женщин – на 3,8 года) [4, с. 175–176]. За период 2010–2014 гг. в Беларуси произошло снижение общего показателя смертности во всех возрастных группах в диапазоне 0–30 лет, что и привело к увеличению ОПЖ населения.

Смертность от внешних причин (самоубийств, убийств, случайных утоплений, отравлений алкоголем и др.) является основной причиной смертности в возрастных группах 1–14, 15–19, 20–24, 25–29 лет [5, с. 104–110]; с 2010 по 2014 г. ее удалось снизить примерно на треть.

Выработка релевантных решений по улучшению ситуации представляется не простой задачей, поскольку основные причины смертности от внешних причин социально и культурно обусловлены.

Наше внимание духовным аспектам здоровья объясняется тем обстоятельством, что среди причин смертности в настоящее время лидируют хронические неинфекционные заболевания, а также внешние причины, в основе которых – факторы социальной природы.

Здоровый образ жизни не может быть сведен исключительно к практикам заботы о теле (физическим упражнениям, отказу от табакокурения, алкоголя), что, несомненно, является важным. Здоровый образ жизни – это, прежде всего, характеристика духовной жизни человека, ее смысловое и деятельностное наполнение, вовлеченность в социально-культурное и социально-экономическое развитие общества.

Профессиональное призвание как механизм самоактуализации. Идея исследовать здоровье во взаимосвязи с профессиональным призванием сформировалась в процессе поиска системных социальных ресурсов улучшения здоровья. Было стремление обнаружить их в самой природе человека и общества.

В своем исследовании мы руководствовались выводом российского ученого Н. М. Римашевской, состоящим в том, что одной из главных причин катастрофического ухудшения здоровья в период после распада СССР стало разрушение трудовой мотивации. Ставилась задача «от противного» – найти такие эмпирические индикаторы, которые бы позволили предсказать и высокий уровень здоровья, и развитую трудовую мотивацию [6]. В данной связи мы обратились к феномену профессионального призвания, который отражает духовную связь человека с профессией и ассоциируется с глубокой преданностью избранному делу, самореализацией, высокой ответственностью и самоотдачей, бескорыстием и творческим отношением к труду.

С учетом ключевой роли молодежи в процессах трансляции здоровья ставилась задача определения роли профессионального призвания в сохранении здоровья молодежи. Выбор операциональных индикаторов обусловлен фундаментальными выводами, сформулированными немецкими мыслителями Г. Зиммелем и М. Вебером в работах о призвании [7; 8], и идеями американского психолога А. Маслоу о здоровье самоактуализированных людей [3].

Г. Зиммель определяет призвание как фундаментальную категорию, которая «дает сознанию индивида форму, предназначающую его быть социаль-

ным элементом», способным найти для себя такое «место», где «его особость становится необходимым звеном в жизни целого». В понятии профессионального призвания ученый видел вершину возможности достижения обществом того совершенного состояния, при котором индивидуальность отдельного человека находит место в структуре всеобщности [7, с. 525].

Белорусский социолог С. А. Шавель рассматривает призвание в связи с проблемой социального порядка и поиска «естественных», то есть существующих в самом обществе, возможностей регулирования социальных отношений в рамках целостности. Ученый определяет профессиональное призвание как свободный выбор человека, основанный на способности к антиципации (предвосхищении результата деятельности) и интериоризации той социальной роли, с которой личность согласна себя идентифицировать [9, с. 178–181].

А. Маслоу полагал, что самоактуализация есть непременное условие здоровья. Маслоу относит потребность в самоактуализации к мотивации высшего порядка – метамотивации и полагает, что она может существовать автономно, вне связи или в слабой связи с потребностями (мотивами) низших порядков, выступая, таким образом, значимым феноменом духовной жизни человека и общества. В самом общем виде самоактуализация для Маслоу означает «полное использование своих талантов и способностей, своего личностного потенциала».

Суть нашей гипотезы состояла в предположении о том, что выбор профессии (основной деятельности) в соответствии с призванием ассоциируется с высокими показателями здоровья и социального благополучия. В качестве операциональных индикаторов, уточняющих понятие «призвание», были использованы понятия «способности» и «склонности» [10].

В психологии склонность рассматривается как «избирательная направленность индивида на определенную деятельность, побуждающая ею заниматься. Ее основой является глубокая устойчивая потребность индивида в той или иной деятельности, стремление совершенствовать умения и навыки, связанные с данной деятельностью. Возникновение склонности обычно является предпосылкой развития соответствующих способностей, хотя возможны случаи несовпадения склонности и способности» [10, с. 365].

Способности рассматриваются как «индивидуально-психологические особенности личности, являющиеся условием успешного выполнения той или иной продуктивной деятельности», они «обнаруживаются в процессе овладения деятельностью в том, насколько индивид при прочих равных условиях быстро и основательно, легко и прочно осваивает способы ее организации и осуществления» [10, с. 381].

Соответствие профессии (основной деятельности, специальности) способностям, склонностям и призванию интерпретируется нами как развитие в соответствии с индивидуальным социокультурным кодом личности, гармоничное существование в профессии и фактор здоровья индивида; в свою очередь, несоответствие – как фактор нездоровья.

Мы предполагаем, что труд в соответствии со способностями и склонностями для человека является более естественным, физиологичным, энергосберегающим и наименее стрессогенным. Напротив, работа (учеба) вопреки способностям и склонностям идет вразрез с индивидуальными качествами, не соответствует функциональным возможностям организма и требует дополнительных усилий и энергетических затрат. Соответствие профессии призванию мы рассматриваем как проявление гармонии в системе отношений «личность – общество».

Приведем результаты наших исследований.

Из банка данных национального опроса населения Республики Беларусь по вопросам здоровья и здравоохранения была выделена группа молодежи в возрасте 20–29 лет, репрезентирующая население Беларуси данного возраста (363 человека)[1].

Среди них оценили свое здоровье как «хорошее» 24,7 % респондентов; «скорее хорошее» – 24,9 %; «удовлетворительное» – 42,3 %; «скорее плохое» – 3,0 % опрошенных; «плохое» – не отметил ни один респондент; 5,1 % опрошенных затруднились ответить.

При ответе на вопрос: «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?» вариант «да» отметили 53,0 %; «нет» – 18,1 %; «затрудняюсь ответить» – 29 % опрошенных.

При ответе на вопрос: «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?» позицию «да» выбрали 36,8 % респондентов; «нет» – 25,8 %; «затрудняюсь ответить» – 32,4 % опрошенных.

При анализе распределения этих признаков (соответствия профессии способностям-склонностям и призванию) по самооценкам здоровья подтвердилась гипотеза о том, что индивидуальная оценка здоровья/нездоровья в значительной мере обусловлена соответствием/несоответствием профессии способностям, склонностям и призванию. Результаты представлены на рис. 1 и 2.

Результаты исследования показали, что в группах респондентов с более высокими самооценками здоровья выявлена более высокая доля тех, кто отметил, что их профессия соответствует способностям, склонностям и призванию. Соответственно, среди респондентов с низкими самооценками здоровья выше доля тех, кто отметил, что их профессия (основная деятельность) не соответствует способностям, склонностям и призванию.

Анализ результатов исследования подтвердил гипотезу о том, что правильный выбор профессии (основной деятельности) позволяет предсказать более высокий уровень здоровья; и напротив, игнорирование индивидуальных способностей ведет к потере здоровья.

Результаты исследования показали, что респонденты, отметившие соответствие профессии (основной деятельности) способностям, склонностям

[1] Результаты получены на основании методики автора в рамках национального опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси (задание ГПНИ «Инновационное развитие отраслей социальной сферы», научный руководитель доктор социологических наук С. А. Шавель, 2011 г., объем выборки – 2097 человек).

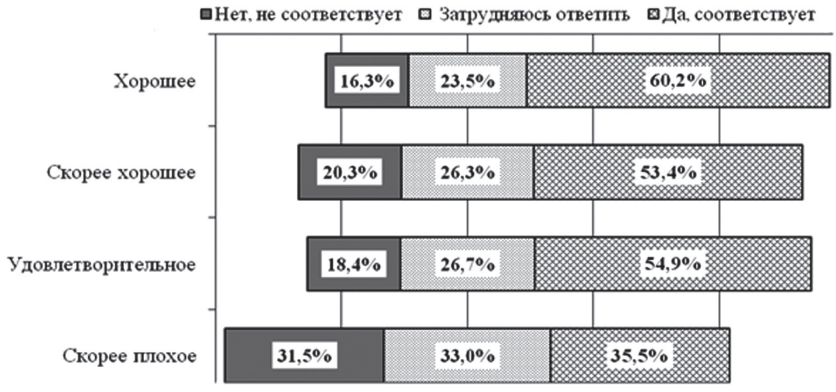


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?» по самооценке здоровья, %

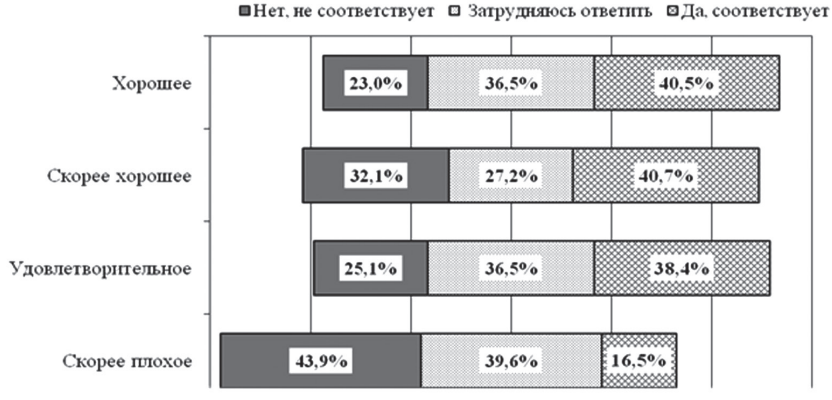


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?» по самооценке здоровья, %

и призванию, демонстрировали также более высокий уровень удовлетворенности своей работой, материальным положением и жизнью в целом, а также более высокий уровень профессионального оптимизма.

В условиях инновационного развития общества формируется понимание значимости человеческого потенциала, возрастает внимание к вопросам трудовой мотивации, стимулам творческой и профессиональной активности, механизмам, формирующим духовную и эмоциональную связь человека с профессией.

Мы разделяем научную позицию известного российского ученого М. К. Горшкова, согласно которой гуманизация экономики рассматривается в качестве основного императива, лежащего в основе моделей экономического роста, а успехи модернизации общества связываются с оздоровлением

социальной среды, духовным развитием общества и нравственным состоянием людей [11]. Экономический рост не всегда выступает гарантом социального благополучия и психического здоровья. Э. Фромм приводит пример, когда на фоне экономического благополучия в США и ряде стран Западной Европы наблюдался высокий уровень самоубийств и убийств [12]. Возможность решения проблемы ученый видит в необходимости преодоления отчуждения в труде, создании такой обстановки на производстве, при которой труд имел бы смысл, а работник принимал участие в принятии решений.

Мы рассматриваем профессиональное призвание как механизм самоактуализации – мотивации высшего порядка, смысловой характеристики деятельности, неэкономический ресурс развития общества и «точку роста» человеческого потенциала.

Здоровье и личностные качества, присущие самоактуализированной личности. В соответствии с гипотезой А. Маслоу о здоровье самоактуализированных людей, в рамках национального опроса[1] было проведено поисковое исследование, в котором проверялась гипотеза о связи личностных качеств, присущих, по мнению Маслоу, самоактуализированным людям, и самооценки здоровья [3]. Из солидного перечня качеств, отмеченных ученым, с учетом ресурсных ограничений мы выбрали девять. При отборе качеств мы руководствовались следующими соображениями: *во-первых,* были выбраны нравственные качества, которые являются непременным условием продуктивных социальных отношений («уважение к людям», «уважением к коллегам», «самоуважение»), а также «скромность» как отличительное качество белорусской ментальности; *во-вторых,* качества, которые востребованы в «новой экономике» («внутренняя свобода», «креативность, творческий подход», «стремление к самореализации»); *в-третьих,* мы остановили свой выбор на «чувстве юмора» как показателе жизнеспособности индивида и нации, руководствуясь мнением о его полезности для здоровья. При конструировании вопроса была использована шкала ответов из методики С. А. Шавеля «Личностные качества» [13] с целью последующего совместного исследования двух групп личностных качеств – 1) качеств, изучаемых в контексте инновационной активности и 2) качеств, присущих самоактуализированной личности.

В табл. 1 представлена распространенность исследуемых личностных качеств, присущих самоактуализированной личности среди населения Республики Беларусь, и их ранговые значения.

Приступая к поисковому исследованию личностных качеств, присущих, по мнению Маслоу, самоактуализированной личности, мы имели определенные опасения относительно того, что самоактуализация может иметь эгоистичную направленность. Этим обстоятельством во многом объясняется и выбор самих личностных качеств. Проведенный факторный анализ не под-

[1] «Социокультурные механизмы и факторы консолидации белорусского общества» (руководитель – И. В. Лашук). Выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта, уровню образования и региону проживания (1502 респондента).

Таблица 1. **Качества, присущие самоактуализированной личности, Республика Беларусь, 2011–2016[1] гг., %**

В какой степени Вам присущи следующие качества?	В достаточной степени		В меньшей степени, чем хотелось бы		Качество отсутствует		Затрудняюсь ответить		Ранг
	2011 г.	2016 г.	2011 г.	2016 г.	2011 г.	2016 г.	2011 г.	2016 г.	2016 г.
Уважение к окружающим людям	75,4	76,1	12,8	15,5	0,9	0,9	8,5	6,6	1
Уважение к коллегам	–	70,7	–	16,0	–	1,1	–	10,2	2
Самоуважение	67,0	68,2	17,3	22,0	0,9	1,5	11,4	7,3	3
Чувство юмора	63,8	62,2	18,8	24,8	2,6	2,3	11,8	8,8	4
Скромность	58,5	58,5	20,4	27,5	2,7	2,2	15,1	10,4	5
Способность к самоограничению	42,2	48,3	29,5	33,2	3,7	3,0	20,8	13,6	6
Внутренняя свобода	44,2	44,4	28,0	34,6	2,9	5,8	21,5	13,4	7
Стремление к самореализации	37,8	41,5	32,2	38,4	3,3	3,9	22,4	14,1	8
Креативность, творческий подход во всем	32,0	35,2	29,8	36,8	6,4	10,5	27,0	15,8	9

твердил наши опасения, – представленные качества не являются взаимоисключающими, они комплементарны, и вероятность возможных сочетаний индивидуально ориентированных («эгоцентричных») качеств и качеств, обеспечивающих эффективное социальное взаимодействие (уважение к коллегам, уважение к людям) достаточно высока (исключены отрицательные значение).

Доля не ответивших по каждой из позиций колебалась в пределах статистической погрешности. Ранг качеств определялся исходя из величины ответов «Качество представлено в достаточной степени».

Проверка гипотезы исследования. Для изучения самооценок здоровья был использован индикатор удовлетворенности состоянием своего здоровья (табл. 2).

Таблица 2. **Удовлетворенность состоянием здоровья, Республика Беларусь, 2016 г., %**

Удовлетворены ли Вы состоянием своего здоровья?	%
Да	20,6
Скорее да	40,7
Скорее нет	23,6
Нет	12,5
Затрудняюсь ответить	2,6

На рис. 3–8 представлены графики, на которых отражены полученные результаты, отражающие подтверждение гипотезы исследования: представленность таких качеств, как «уважение к коллегам», «самоуважение», «чувство

[1] Результаты получены по методике автора, разработанной в рамках задания ГПНИ «Инновационное развитие отраслей социальной сферы» (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель).

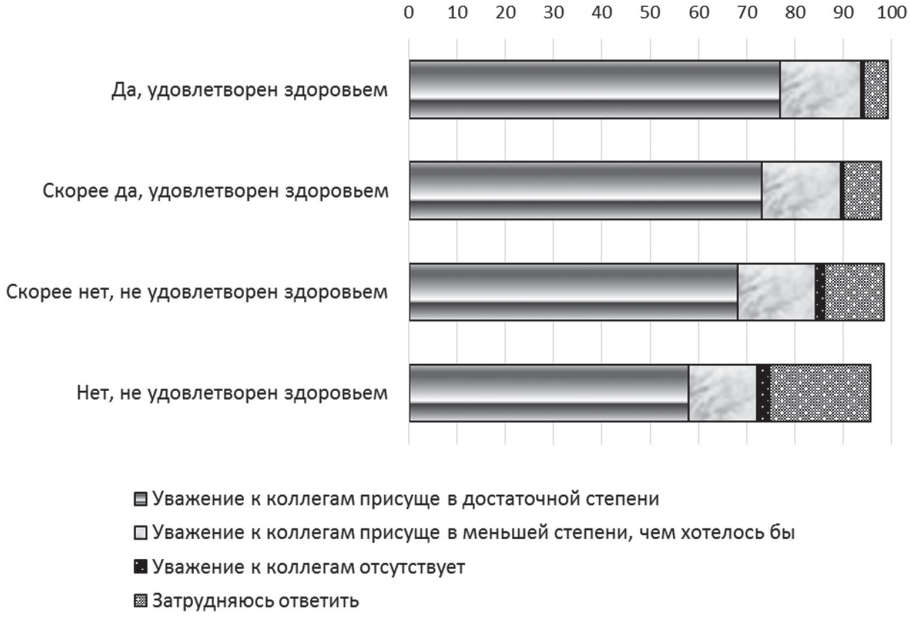


Рис. 3. Распределение личностного качества «уважение к коллегам» по самооценкам здоровья, Республика Беларусь, 2016 г., %

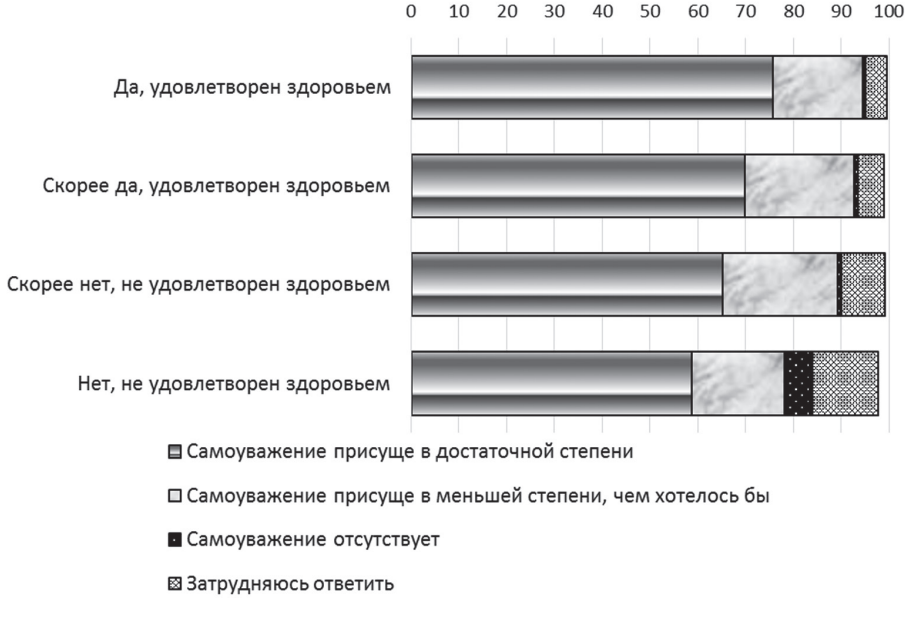


Рис. 4. Распределение личностного качества «самоуважение» по самооценкам здоровья, Республика Беларусь, 2016 г., %

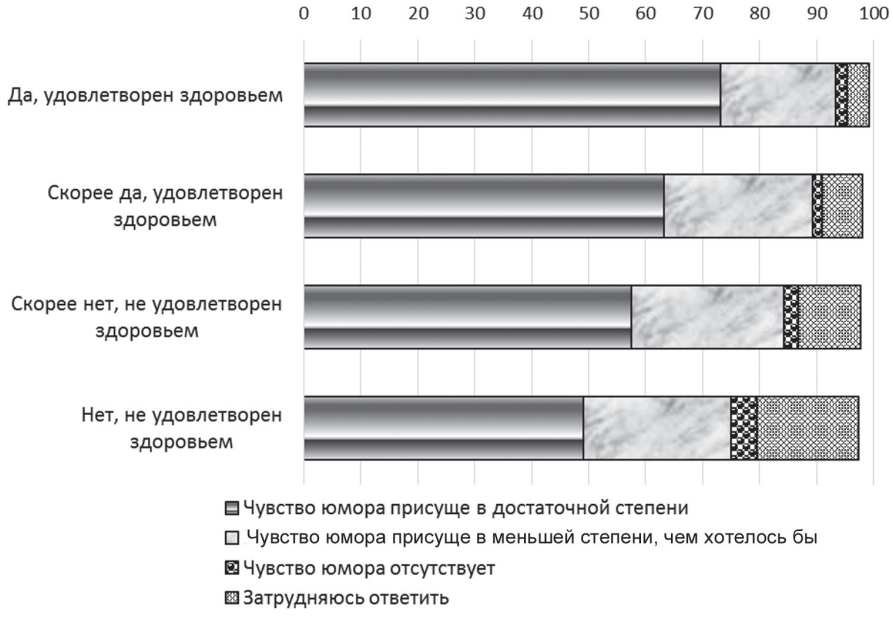


Рис. 5. Распределение личностного качества «чувство юмора» по самооценкам здоровья, Республика Беларусь, 2016 г., %

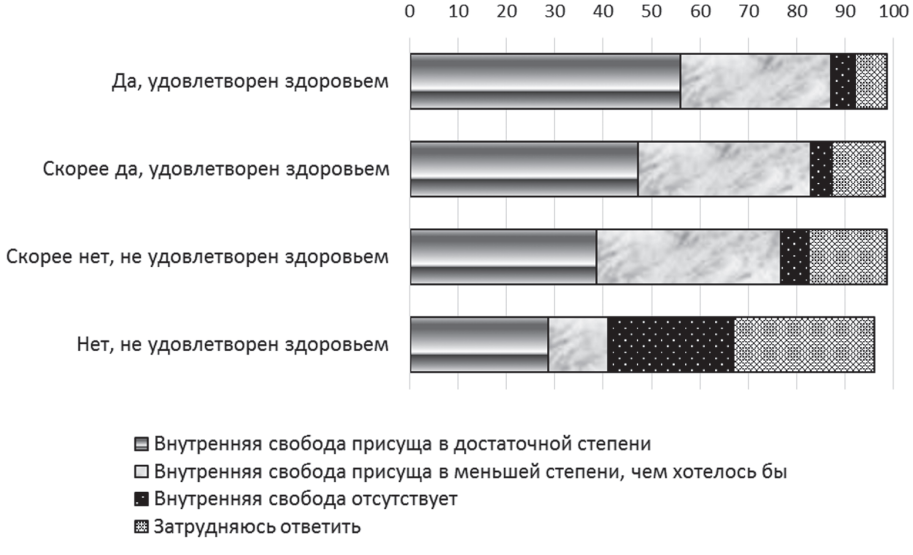


Рис. 6. Распределение личностного качества «внутренняя свобода» по самооценкам здоровья, Республика Беларусь, 2016, %

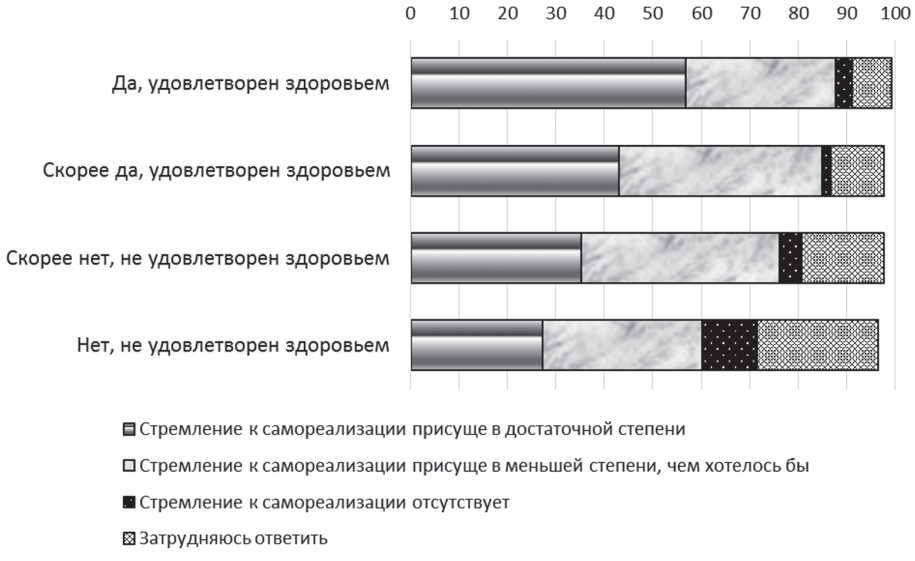


Рис. 7. Распределение личностного качества «стремление к самореализации» по самооценкам здоровья, Республика Беларусь, 2016 г., %

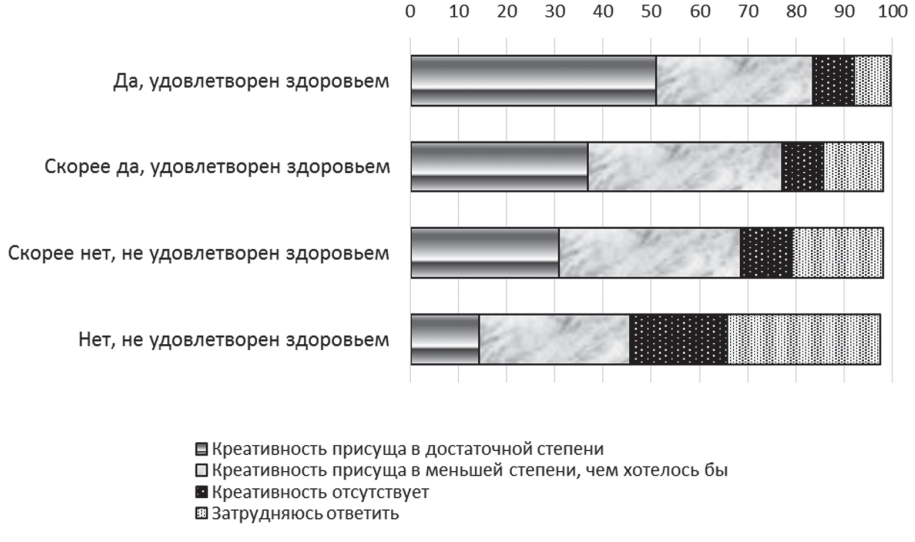


Рис. 8. Распределение личностного качества «креативность» по самооценкам здоровья, Республика Беларусь, 2016, %

юмора», «внутренняя свобода», «стремление к самореализации» и «креативность», ассоциируется с более высокой самооценкой здоровья. Мировая исследовательская практика подтверждает корреляцию субъективных и объективных индивидуальных показателей здоровья [14]. Это означает, что мы можем утверждать, что исследуемые качества позволяют предсказывать более высокий уровень индивидуального здоровья, и их необходимо культивировать.

В качестве основного вывода нашего исследования отметим, что проведенный эмпирикосоциологический анализ показал, что феномен самоактуализации является значимым духовным ресурсом развития личности и общества. Мотивация самоактуализации охватывает все значимые сферы жизнедеятельности индивида и может быть рассмотрена как характеристика образа жизни, способствующего здоровью. Самоактуализация является мотивацией высшего порядка – метамотивацией и может существовать автономно. Высокую распространенность среди белорусов качеств, свойственных самоактуализированной личности, мы оцениваем как значимый социокультурный ресурс развития белорусского общества.

Ценность самоактуализации как ресурса общества состоит в том, что для его воплощения в деятельность не требуется особых затрат и внешних стимулов. Процесс самодвижения происходит за счет психической (Божественной) энергии индивида, проявляющейся в инициативе и социальной активности. Жизнеспособность и процветание общества во многом зависят от того, в какой мере эта энергия сберегается и институционально поддерживается. Наиболее ценным проявлением самоактуализации в трудовой деятельности выступает профессиональное призвание, которое является характеристикой духовного развития общества и феноменом социального порядка.

Список использованных источников

1. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf. – Дата доступа: 27.10.2016.

2. Психическое здоровье. Информационный бюллетень. Апрель 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru/. – Дата доступа: 27.10.2016.

3. *Маслоу, А.* Мотивация и личность / Абрахам Маслоу. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 392 с.

4. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.

5. Дети и молодежь Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – С. 104–110.

6. *Римашевская, Н. М.* Радикальное изменение негативного тренда здоровья в России / Н. М. Римашевская // Народонаселение. – 2010. – № 1. – С. 4–10.

7. *Зиммель, Г.* Избранное : в 2 т. / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – Т. 2 : Созерцание жизни. – 607 с.

8. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

9. Социальный порядок и жизнеспособность общества / С. А. Шавель [и др.] ; отв. ред. С. А. Шавель. – Минск : Белорус. наука, 2007. – С. 178–181.

10. Психология : слов. / под. общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1990.

11. *Горшков, М. К.* Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост / М. К. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 45–56.

12. *Фромм, Э.* Здоровое общество / Э. Фромм. – М. : Изд-во АСТ, 2005.

13. *Шавель, С. А.* Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 105–126.

14. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения / под общей ред. Н. М. Римашевской, Н. Н. Ивашиненко. – Нижний Новгород ; М. : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2013. – 268 с.

V. R. SHUKHATOVICH

SELF-ACTUALIZATION: SEARCHING FOR BETTER HEALTH RESOURCES AND HUMAN DEVELOPMENT

Summary

The article draws attention to the role of self-actualization in maintaining the health of the individual and society. Professional vocation is presented as a mechanism of self-actualization, supported by the culture and social organization. On the basis of empirical-sociological analysis of self-assessments of health of young people in Belarus is found that compliance with the profession abilities, inclinations and vocation allows predicting better health outcomes and quality of life of individuals than a mismatch. The results of a national survey show that health satisfaction is higher, the more pronounced in individuals such personal qualities as “respect for colleagues”, “self-esteem”, “humor”, “inner freedom”, “the desire for self-realization” and “creativity”.

Keywords: health, self-actualization, vocational calling, personal qualities, non-economic resources of society development.

Поступила 20.11.2016 г.

УДК 316.74:61-051(476)

В. Я. КОЧЕРГИН,
кандидат философских наук, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

А. Г. ПАЦЕЕВА,
Белорусский университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВРАЧА: ВНУТРЕННЯЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В работе представлен анализ внутренней дифференциации профессиональной культуры врача. Отражено, что представления о профессионализме выступают дифференцирующим фактором, и на основании особенностей их интернализации можно выделить три типа профессиональной культуры. Типы профессиональной культуры врача охарактеризованы, определена степень их оптимальности.

Ключевые слова: культура, профессия врача, профессиональная культура, совершенствование оказания медицинской помощи.

Профессиональные клятвы, этические кодексы профессиональных групп предназначены сформировать нерушимые принципы профессий и обеспечить длительные традиции их существования. Тем не менее ценностно-нормативная регуляция профессиональной деятельности не статична. Профессиональная культура постоянно развивается под влиянием изменений социальной ситуации и изменений практики и организации профессиональной деятельности.

Развитие профессиональной культуры не является линейным процессом, но предполагает некоторые бифуркации – смены установившегося режима работы системы, точки «ветвления» системы, что обусловливает ее внутреннее структурирование на отдельные типы.

Социодинамика профессиональной культуры определяется динамическими процессами, свойственными культуре в целом. Развитие профессиональной культуры «идет от моностилистических, бинарных культур к полистилистическим… при этом происходит переход от традиционной (инверсивной) логики к медиативной, от повторяющихся циклов к чередованию “взрывов” и постепенных развитий» [1, с. 43].

Ускорение социальных процессов, свойственное современному обществу, обеспечивает возможность реализации не одного, общепринятого механизма профессионализации (как, например, в цеховой культуре средневековья), но нескольких механизмов различной степени вариативности и значимости.

Таким образом, предполагается возможность сосуществования нескольких различных типов профессиональной культуры.

В данной работе представлен анализ процессов развития профессиональной культуры на примере профессии врача. Труд врача является одним из самых сложных и ответственных. Врач – это человек, посвятивший свою профессиональную деятельность защите здоровья, предупреждению и лечению заболеваний человека. Развитие профессии врача на современном этапе находится под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Основными внешними по отношению к профессии условиями реализации профессиональной деятельности выступают изменения социального статуса врачей и характера взаимодействия врач–пациент. К внутренним факторам относятся рост узкой специализации врачей и изменения содержания понятия «квалификационный уровень врача».

Структура современной профессиональной культуры врача может быть охарактеризована как полистилистическая. Цели и нормы профессиональной культуры не всегда однозначно способствуют развитию организации, а значит, требуют особых усилий с точки зрения менеджмента.

В качестве одного из дифференцирующих факторов профессиональной культуры могут быть рассмотрены представления о профессионализме. Представления о профессионализме – это комплекс признанных и разделяемых большинством представителей данной профессиональной группы образов эталонного осуществления профессиональной деятельности, предназначенных для того, чтобы отобразить смыслы и образцы достижений, которые ориентируют человека в профессии, позволяют интерпретировать происходящее с ним. Они позволяют определить направленность реализации трудовой деятельности.

В представлениях о профессионализме врача можно выделить комплекс устойчивых традиционных норм и ценностей деятельности, связанных со знаниями и опытом врача, и комплекс изменяющихся норм и ценностей, обусловливающих взаимодействие с пациентами. Традиционно деятельность врача связана с оказанием квалифицированной медицинской помощи. Но и эта сфера на современном этапе претерпевает некоторые изменения, связанные со становлением доказательной медицины. Доказательная медицина – «это способ (разновидность) медицинской практики, когда врач применяет в ведении пациента только те методы, полезность которых доказана в доброкачественных исследованиях» [2, с. 29].

Более сложные изменения регуляции профессиональной деятельности связаны с социальными сторонами осуществления ее. Во-первых, эти изменения коснулись сферы взаимодействия врач–пациент. Еще в начале XX в. права пациента на участие в выборе лечения, его активная позиция в ходе лечения не были значимыми факторами, влияющими на работу врача. Меняется сама модель, на которой основано взаимодействие врач–пациент, от патерналистской к модели сотрудничества [3; 4].

Во-вторых, медицина – это чрезвычайно сложный социальный институт, что обусловливает наличие множества сложных интеракций внутри профессиональной группы врачей. Современный этап развития деонтологии врачебной деятельности характеризуется повышенным вниманием к представлениям, ценностям и нормам, определяющим это взаимодействие.

В-третьих, пересматривается значение социальной ответственности врача перед обществом в целом. Признание здоровья ценностью не только отдельного человека, личности, но и ценностью государственной, привело к расширению сферы деятельности врача функциями установления социальной справедливости, осуществления пропаганды здорового образа жизни.

В данной статье представлены результаты исследования профессиональной культуры врачей, осуществленного в координации с научно-исследовательской работой отдела социологии инноваций в рамках ГПНИ «История, культура, общество, государство», подпрограмма «Социокультурное развитие белорусского общества в современных условиях (“Социология”)» на 2011–2015 гг. Данные приведены по подвыборке врачей г. Минска, состоящей из 456 человек, что представляет мнения врачей города с ошибкой репрезентативности ±4 %. Выборка было сформирована по квотному принципу, в ней представлены группы врачей основных типов лечебных учреждений города – клиник, диспансеров, поликлиник, пропорционально реальному соотношению работающих там врачей. А также данные приведены по подвыборке, состоящей из 575 пациентов лечебно-профилактических учреждений города. Для изучения анализируемых явлений была применена методика анкетного опроса.

На основании методов многомерного статистического анализа (факторного и кластерного анализа) выявлены три типа представлений о профессионализме – «традиционный», «адаптивный» и «новаторский». Различия между ними позволяют рассматривать их как «ценностно-нормативные ядра», определяющие развитие профессиональной культуры. На основании особенностей их интернализации (профессиональных ценностей и норм) выявлено три основных типа профессиональной культуры врача.

Степень оптимальности типов профессиональной культуры можно оценить, во-первых, с точки зрения внутренней для профессиональной группы оценки отношений превосходства. Во-вторых, насколько нормы и ценности, обусловливающие профессиональную деятельность врачей, соответствуют ожиданиям пациентов. В-третьих, в зависимости от того, насколько предполагаемое развитие представлений о профессионализме данного типа отвечает современным условиями практики и организации труда.

Традиционный тип профессиональной культуры. Представления о профессионализме, свойственные этому типу, являются наиболее распространенными среди врачей – 47,0 %. Удельный вес этой категории врачей значимо выше среди врачей клиник, нежели поликлиник. Ядро представлений о профессионализме, определяющих этот тип, характеризуется направленностью

на квалификационный уровень врача. Значимость социальных коммуникаций как с коллегами, так и с пациентами для специалистов этого типа профессионализма относительно невелика. Для врачей этого типа чувство принадлежности к профессиональной группе менее значимо, чем ощущение себя квалифицированным специалистом. Врачи традиционного типа профессиональной культуры характеризуются более выраженной ориентацией на передовые медицинские технологии, у них более высокие требования к технической оснащенности рабочего места.

В сфере взаимодействия с пациентами врачи этого типа, очевидно, осознают необходимость моделей сотрудничества с пациентами, но их готовность к такому взаимодействию ниже, чем у коллег, являющихся носителями новаторского типа профессиональной культуры. Очевидно также, что это в недостаточной мере отвечает ожиданиям пациентов. И, как следствие, врачи этой группы чаще, по сравнению с коллегами, интерпретируют отношение к себе со стороны пациентов как нелицеприятное.

В сфере внутрипрофессионального взаимодействия врачи этой группы не обнаруживают направленности к развитию институциональных ценностей и норм. Их готовность к расширению границы внутрипрофессионального контроля от индивидуальной до коллективной ниже по сравнению с коллегами – представителями новаторского типа профессиональной культуры. Также сравнительно ниже их готовность взять на себя ответственность за профессиональное самоуправление.

Адаптивный тип профессиональной культуры. Особенностью ценностно-нормативной регуляции профессиональной деятельности врачей – носителей адаптивного типа профессиональной культуры является ориентация на комфортные условия и содержание труда. Этот тип представлений свойствен 34,5 % опрошенных врачей и наиболее распространен среди врачей поликлиник. Среди участковых терапевтов доля таких врачей максимальна.

При выражении самоидентификации представители этой группы демонстрируют определенный уровень интернализации ценностей профессиональной этики и деонтологии. Наравне со всеми они ассоциируют успешность в карьере с высоким уровнем уважения пациентов, им свойствен высокий уровень самооценки профессиональных достижений. Врачи этой группы демонстрируют самый высокий уровень удовлетворенности своей работой.

В то же время их нормы профессиональной деятельности в отношении квалификационного уровня отражают более низкий уровень требований к профессиональному самосовершенствованию по сравнению с коллегами. Оснащенность рабочего места также имеет наименьшее значение для врачей адаптивного типа профессиональной культуры.

В тех сферах, где поддержание норм поведения, предполагающих высокий уровень профессионализма, требует дополнительных усилий, мотивация врачей этой группы выражена слабо. Так, врачи адаптивного типа профессиональной культуры реже выказывают поддержку моделям сотрудничества во

взаимодействии с пациентами. Очевидно, это взаимодействие оказывается не вполне эффективным, но ответственность за это врачи этой группы в большей мере, по сравнению с коллегами, склонны перекладывать на пациентов. Врачи исследуемого типа культуры, обладая менее выраженной направленностью на сотрудничество с пациентами, в наименьшей степени ощущают депривацию от крушения их ожиданий в этом взаимодействии. Этот тип профессиональной культуры может быть охарактеризован как наименее эмоционально и психологически затратный в сфере взаимодействия с пациентами, при очевидно низком уровне эффективности.

В сфере взаимодействия с коллегами для врачей адаптивного типа профессиональной культуры более, чем для представителей других групп, характерно признание наличия созависимости. Также врачи этого типа профессиональной культуры менее своих коллег готовы обсуждать врачебные ошибки как между собой, так и в профессиональных ассоциациях. Но установка на признание авторитета руководства при решении ситуаций, связанных с врачебной ошибкой, наиболее распространена именно для этого типа профессиональной культуры. Можно утверждать, что в сфере взаимодействия с коллегами врачи адаптивного типа культуры реже своих коллег готовы к инновационным социальным технологиям. Они не желают разделять ответственность с коллегами, скорее могут переложить ее на «плечи» коллег. Наряду с относительно низким уровнем мотивации к получению профессиональных знаний имеет место стремление к «избеганию» процедур коллективного контроля.

Оценка уровня зарплат и престижа профессии врачами этой группы свидетельствует об адаптации к профессии и системе здравоохранения. Врачи новаторского типа более коллег не удовлетворены уровнем престижа профессии. Врачи традиционного типа профессиональной культуры не довольны уровнем заработных плат. Для представителей адаптивного типа профессиональной культуры эти характеристики менее выражены. Оценили свои зарплаты как «низкие» 52,6 % врачей традиционного типа, 47,2 % врачей новаторского типа и 42,1 % врачей адаптивного типа (разница 52,6 % и 42,1 % статистически значимая, $\varphi^* = 1{,}921$, при $\alpha = 1{,}64$).

Ощущение недостаточности уровня оплаты труда врача, по всей видимости, является интегральной характеристикой профессиональной группы и в США, и в Беларуси, независимо от социокультурной ситуации [5]. Но при этом очевидно, что незначительная выраженность направленности на приоритеты профессиональной деятельности сопряжена с более высоким уровнем удовлетворенности вознаграждением за труд.

Выше было отмечено, что современная медицина характеризуется растущей специализацией профессиональной группы, а осуществление профессиональной деятельности сопровождается усложнением внутрипрофессионального взаимодействия. Это сравнительно новая для врачей тенденция профессиональной деятельности. Она связана с расширением границ со-

циальной ответственности и изменением ее характера – смещением ответственности с индивидуальной на коллективную. Реализации этих задач отвечают представления о профессионализме третьего типа – *новаторского*. Носителями этого типа представлений являются 17,5 % врачей.

Врачи этой группы равномерно распределены по различным типам учреждений здравоохранения и обнаруживают высокие требования по отношению к собственному квалификационному уровню. Для них направленность на эту сторону профессиональной деятельности несколько менее выражена, чем у коллег традиционного типа, но она является значимой. Врачи новаторского типа профессиональной культуры готовы применять в практике достижения «доказательной медицины», они выражают пожелания высокой технической оснащенности рабочего места.

Специфика ценностно-нормативной регуляции профессиональной деятельности врачами этой группы отражена, прежде всего, в особенностях их подхода к взаимодействию с коллегами. Усиление важности этой стороны организации профессиональной деятельности отмечено в документах Всемирной организации здравоохранения [6].

Представители этой группы в большей мере, чем их коллеги, осознают необходимость изменить степень влияния врачей на систему здравоохранения. Они чаще других готовы обращаться к профессиональным организациям при обнаружении врачебной ошибки. Кроме того, врачи новаторского типа чаще опираются на опыт коллег при принятии врачебных решений, а в профессиональном становлении молодого поколения бóльшую роль отводят коллективам. По сравнению с врачами, придерживающимися традиционного типа профессиональной культуры, врачи-новаторы обнаруживают склонность к поддержке молодых, поскольку в целом они больше готовы вступать во взаимодействие по обмену опытом. Учитывая то, что эти врачи не склонны к созависимости в работе с коллегами, можно утверждать, что описанные выше характеристики предполагают не делегирование ответственности, а разделение ее.

Эту группу характеризуют новые ценности и нормы, предполагающие «неокорпоративистский» стиль работы, которые добавляются к традиционным характеристикам врачебной деятельности.

Направленность на профессиональные отношения обеспечивает врачам этой группы и особенности профессиональной деятельности в сфере взаимодействия с пациентами. В условиях, когда врачи и пациенты обнаруживают целый ряд рассогласований относительно сущностных аспектов врачебной деятельности, установки врачей новаторского типа предполагают бóльшую склонность врача к модели сотрудничества во взаимодействии с пациентами. Среди врачей этой группы доля тех, кто считает, что исполнительность пациентов – частое событие, значимо выше, чем среди коллег. С другой стороны, эти врачи демонстрируют более высокий уровень требований к самосохранительному поведению пациентов. Очевидно, что, ориентируясь на стратегии

доброжелательного, отзывчивого отношения к пациенту, врачи новаторского типа профессиональной культуры осуществляют коммуникационные процессы на более эффективном уровне, и это ведет к более высокому уровню удовлетворения данным взаимодействием. Доля мнений о том, что отношения с пациентами часто бывают нелицеприятными, здесь самая низкая. Однако такая направленность, очевидно, является основанием для самого высокого уровня депривации среди коллег, при оценке престижности собственной профессии. Среди врачей этой группы оценили профессию врача как «малоуважаемую» 70,8 % опрошенных, в то время как среди представителей группы адаптивного культуры – 62,3 %, среди врачей традиционного типа профессиональной культуры – 63,7 % (разница 70,8 % и 62,3 % статистически значимая, $\varphi^* = 1{,}920$, при $\alpha = 1{,}64$).

Практика и организация врачебного труда предъявляют новые требования к ценностно-нормативному регулированию профессиональной деятельности врачей. Развитие традиционно сформировавшихся элементов профессиональной культуры может быть ответом на ряд этих требований.

Изучение профессиональной культуры врачей Минска позволило выявить систему взаимных оценок профессионального уровня специалистов различных организаций здравоохранения, задающих систему отношений превосходства. В ходе исследования врачам было предложено субъективно оценить профессионализм коллег, работающих в различных типах лечебных учреждений города. Оценки варьировались от «большинство врачей работают весьма профессионально» до «профессионалы здесь встречаются редко».

Анализ субъективных взаимных оценок уровня квалификации врачей различных типов организаций здравоохранения позволяет выделить две группы лечебных учреждений. Первая группа – учреждения, работу коллег в которых сами профессионалы чаще оценивали как «большинство врачей работают весьма профессионально», другая группа – учреждения, набравшие меньшее количество таких оценок. Разница между количеством врачей, высоко оценивших работу коллег внутри этих групп, статистически незначима. В первую группу вошли клиники, клинические кафедры и диспансеры города, во вторую – поликлиники, районные поликлинические центры, платные лечебные учреждения (таблица).

Если учитывать, что социально-демографические характеристики групп врачей двух выявленных типов профессиональной культуры могут быть условно соотнесены с типом учреждений здравоохранения, то можно утверждать, что сами врачи наименее приемлемым считают третий – адаптивный тип профессиональной культуры.

Ожидания пациентов отражены в предпочтениях относительно моделей их взаимодействия. Новый комплекс ценностей профессионализма, инициирующий инновационные подходы к коммуникации и координации взаимодействия врача и пациента на основе модели сотрудничества, находит поддержку и у тех, и других. Патерналистскую, традиционную модель взаимодействия врач–

Распределение ответа «Большинство врачей работают весьма профессионально» на вопрос: «Дайте свою оценку уровня квалификации врачей в следующих лечебных учреждениях»

Типы организаций здравоохранения	Доля ответов, %
Группа 1	
Клинические кафедры	53,9
Диспансеры города	46,7
Клиники города	41,9
Группа 2	
Районные поликлинические центры	27,9
Поликлиники города	21,7
Платные лечебные учреждения	20,6

пациент в качестве наиболее оптимальной предпочитают лишь треть врачей и пациентов – 32,2 % опрошенных врачей и 30,4 % опрошенных пациентов. Соответственно, остальные отдают предпочтение модели сотрудничества.

Вместе с тем пациенты гораздо чаще предпочитают форму взаимодействия «врач–пациент», основанную на развернутой стратегии сотрудничества, нежели врачи. В рамках исследования были предложены две схемы реализации взаимодействия врач–пациент по моделям сотрудничества, а именно модели «суженного сотрудничества» («врач освещает пациенту его заболевания, обсуждает стиль его жизни и дает рекомендации») и развернутой, когда «врач освещает пациенту ситуацию его заболевания и разрабатывает совместно с пациентом доступную (организационно, финансово) стратегию лечения». Поддержка пациентами второй, развернутой схемы гораздо выше – 53,2 %, нежели поддержка ее врачами – 37,5 % опрошенных ($\varphi^* = 5{,}056$, при $\alpha = 1{,}64$). В свою очередь, как уже отмечалось, поддержка стратегий сотрудничества с пациентами более свойственна врачам новаторского типа профессиональной культуры.

Развитие форм внутри профессионального взаимодействия требует формирования нового стиля ценностей и норм врача-профессионала. Это приводит к необходимости обоснования утверждения нового типа профессиональной культуры, связанного со становлением позитивного неокорпоративизма. Неокорпоративизм связан с «качественной стороной их (духовно-практических действий. – *Авт.*) проявлений, порождаемых экономической и политической демократией постиндустриальной цивилизации. Как система корпоративных установок, отношений духа и управления, она (корпоративная культура. – *Авт.*) задает упорядоченный характер и общую ориентацию корпоративным взаимодействиям всех участников жизнедеятельности корпорации-сообщества и государства. Корпоративная культура означает, что наемные работники и предприниматели (собственники), а также целевые группы общественности могут решать все социально-экономические и трудовые вопросы через систему корпоративистских механизмов с ценностями ***социального партнерства*** на всех уровнях» [7, с. 14].

Таким образом, в системе профессиональной культуры врача могут быть выделены три основных типа. Эти три типа профессиональной культуры обеспечивают точки роста и проблемные сферы в ее развитии. Адаптивный тип профессиональной культуры определяет наименее эффективный стиль реализации профессиональной врачебной деятельности, но предполагает и наименьший уровень неудовлетворенности вознаграждением ее. Очевидно, что при увеличении числа носителей адаптивного типа профессиональной культуры врача развитие ценностно-нормативной регуляции профессиональной деятельности будет направлено в сторону снижения качества медицинской помощи.

Традиционный тип расценивается самим профессиональным сообществом как соответствующий высокому уровню профессионализма. Он обеспечивает традиционное направление развития профессиональной культуры врача, связанное с ростом объема медицинских знаний и технологий. Развитие традиционного типа профессиональной культуры определит рост квалификационных компетенций врачей, связанных с ними форм оказания высокотехнологичной медицинской помощи, основанных на достижениях доказательной медицины.

«Точкой роста» представляется развитие новаторского типа профессиональной культуры, который вместе с обеспечением высокого уровня квалификационных компетенций обеспечит развитие социальной направленности ценностно-регулятивных оснований врачебной деятельности. Последнее, наряду с соответствием ожиданиям пациентов, обусловливает высокий потенциал самоорганизации и рост коллективной социальной ответственности профессиональной группы. Новаторский тип профессиональной культуры врача является наиболее перспективным для повышения качества оказания медицинской помощи.

Список использованных источников

1. *Кочергин, В. Я.* Профессиональная культура и социальные технологии / В. Я. Кочергин. – Минск : Белорус. гос. экон. ун-т, 2007. – 178 с.

2. *Власов, В. В.* Доказательная медицина и принципы методологии / В. В. Власов, Е. Н. Семернин, П. В. Мирошенков // Мир медицины. – 2001. – № 11/12. – С. 28–32.

3. *Бороздина, Е. А.* Профессиональная этика российского врача: постсоветские трансформации / Е. А. Бороздина // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 19–20 сент. 2013 г. / Ин-т социологии Рос. акад. наук. – М., 2013. – С. 154–164.

4. *Мансуров, В. А.* Социология профессиональных групп: история становления и перспективы / В. А. Мансуров, О. В. Юрченко // Вестн. Ин-та социологии. – 2013. – № 7. – С. 91–106.

5. *Kane, L.* Why aren't doctors allowed to care about money? / L. Kane // Tennessee Medicine. – 2010. – Vol. 103, iss. 9. – P. 7–8.

6. Оценка финансирования, образования, управления и политического контекста для стратегического планирования кадровых ресурсов здравоохранения / T. Bossert [и др.]. – Женева : Всемир. орг. здравоохранения, 2009. – 86 с.

7. *Капитонов, Э. А.* Корпоративная культура: теория и практика / Э. А. Капитонов, Г. П. Зинченко, А. Э. Капитонов. – М. : Альфа-Пресс, 2005. – 352 с.

V. YA. KOCHERGIN, A. G. PATSEYEVA

MEDICAL PROFESSIONAL CULTURE: INTERNAL DIFFERENTIATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Summary

The analysis of the internal differentiation of professional medical culture is represented in the article. It was revealed that views of professionalism are the differentiating factor. Three types of professional culture are identified on the basis of characteristics of internalization of representations. Types of professional medical culture are characterized their degree of optimality is defined.

Keywords: culture, the medical profession, professional culture, improvement of health care delivery.

Поступила 14.11.2016 г.

УДК 316.334.5

И. А. АНДРОС,
кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

В статье представлена широкая панорама подходов к определению экологического туризма, его принципы и характеристики. Проанализированы предпосылки возникновения экотуризма. Рассмотрены основные теоретические подходы к изучению экологического туризма. Сделан вывод, что перспективным направлением в туристской индустрии становится рекреационная деятельность, сочетаемая с природоохранной.

Ключевые слова: экологический туризм, туристская дестинация, турист, рекреационная деятельность, природные ресурсы.

Актуальность

По данным Барометра международного туризма ЮНВТО (UNWTO), ежегодный рост международных прибытий составляет в среднем около 4 % [1]. При таких постоянно увеличивающихся туристских потоках не удивительно, что туризм стал массовым явлением и получил название «феномен XX века». Набирает все большую популярность новый вид отдыха «в природе» (не путать с «на природе») – экологический туризм. Экотуризм принимается большинством стран, хотя в силу национальных отличий понимается по-разному. Тем не менее важным здесь становится развитие этических норм поведения путешественников в природной среде, а также формирование чувства личной ответственности за судьбу природы и ее отдельных элементов. В Республике Беларусь экологический туризм на особо охраняемых природных территориях рассматривается как мощный образовательный инструмент, который не только распространяет информацию об объектах экотуризма в республике и за ее пределами, но также ведет к повышению в сознании людей ценности природного наследия страны. На государственном уровне озвучена идея объединения через туризм человеческих ресурсов, экономики и экологии [2]. В результате активной рекламы национальные парки «Беловежская пуща» (с 1993 г. – биосферный заповедник), «Браславские озера», «Нарочанский», «Припятский», Березинский биосферный заповедник уже стали знаменитыми туристскими брендами Беларуси. Также пользуются популярностью биологический заказник «Споровский», где проходит национальный чемпионат по ручному сенокошению низинных болот; ландшафтный заказник «Ольманские болота» (осенью здесь отмечают праздник клюквы); биологический заказник

«Званец» как крупнейшее низинное болото с минеральными островами; заказник «Ельня» (туристский бренд – фестиваль «Жураўлі і журавіны Мёрскага краю») [3]. Белорусские общественные организации высказывают надежду, что следование мировым тенденциям развития туризма со временем приведет к становлению «зеленой» экономики в республике, подвергшейся воздействию радиации.

Однако, развивая экологическое направление в отечественном туризме, не стоит забывать о том, что в данном направлении природного отдыха массовые гуляния туристов неуместны. До последнего времени основной характеристикой туристского движения было интенсивное потребление туристами природных ресурсов принимающей страны. Появилось даже выражение «туризм разрушает туризм», которое только подтверждает возникшую проблему истощаемости природных ресурсов. Поскольку экологические путешествия в хорошем смысле «грозят» стать массовым явлением, в том числе и в Беларуси, актуальным становится изучение экотуризма как явления, в центре которого находится новый тип туриста с экологически осмысленным поведением.

Социально-экономические предпосылки возникновения и развития экотуризма

Чтобы повысить осведомленность мирового сообщества о его влиянии на природу и объекты культурного наследия, а также для того, чтобы поддержать идею осуществления ответственного туризма, Организация Объединенных Наций (ООН) провозгласила 2002 год Международным годом экотуризма (резолюция ООН 53/200), отдельно выделив Международный год гор (резолюция ООН 53/24), поскольку жизнь в горных территориях зачастую полностью зависит от туристских доходов. Возникновение и стремительный рост экологического туризма объясняется несколькими причинами, представленными в логической последовательности и взаимосвязи:

туризм становится одной из крупнейших отраслей мировой экономики. Конкуренция на туристском рынке имеет тенденцию к усилению. Количество туристских продуктов увеличивается, и они имеют, главным образом, экологическую направленность. Например, недавно появились бердвочинг – поездки для наблюдения за птицами в естественных условиях, кайтинг – путешествия на современном воздушном змее, слаломный каякинг – умение маневрировать на каяке, чувствуя лодку и воду, спелеологический туризм – посещение пещер и т. д. В настоящее время именно экологический туризм выступает перспективной формой использования рекреационных ресурсов, поскольку восстановительная деятельность туристов с целью оздоровления в наибольшей степени соответствует средообразующей роли природных объектов. Перед специалистами в области экотуризма и рекреации актуализируется задача заставить туризм «работать» на охрану природы таким образом, чтобы охраняемые территории не только продолжали оставаться привлека-

тельными благодаря природно-оздоровительным физическим компонентам, таким как воздух – свежий, пляж – чистый, лесная местность – незагрязненная, минеральные лечебные источники – неиссякаемые и т. д., но и финансово самоокупались;

в связи с этим возникает необходимость интеграции местных жителей в инфраструктуру обслуживания туристов. Причем делать это надо так, чтобы бережное отношение к окружающей среде стало экономически выгодным. Кроме поддержки культурного обмена между туристами и местным населением с учетом социокультурной самобытности народностей, результатом экологического туризма становится развитие местной экономики и социальной сферы (производство продуктов питания на базе местных ресурсов, приобретение сувениров, создание новых рабочих мест, регулирование транспортных услуг и т. д.). Страны – лидеры мирового туризма понимают, что даже популярные туристические направления могут утратить привлекательность, если их имидж не поддерживать. Поэтому они уделяют серьезное внимание развитию инновационных продуктов в туриндустрии, таких как, например, экологический туризм;

в итоге активное развитие туристских дестинаций порождает дополнительный спрос на новые туры: необычные, поражающие воображение, позволяющие реализовать себя. Туристы меняют приоритет с традиционного массового отдыха на почти эксклюзивный. При этом выбор делается в пользу наиболее экономичных вариантов отдыха и проживания с активно-познавательной направленностью. Страны, сделавшие акцент на зеленом туризме, включая Швейцарию, Австралию, Новую Зеландию, Норвегию, встревожились последствиями его развития. В качестве самых впечатляющих и известных фактов деградации природы стали несколько крупных национальных парков США, Долина Гейзеров на Камчатке, Альпийские рекреационные территории, Эверест (Непал), Тропа Инков в Южной Америке и т. д. Дело в том, что традиционная модель туризма предполагала и культивировала «потребительство» туриста, который, оставаясь пассивным получателем информации, одновременно активно наращивал список посещаемых достопримечательностей. Возникла необходимость в формировании нового типа поведения туристов, отдых которых непосредственно или опосредованно связывался с воздействием на природное окружение и использование природных ресурсов;

население активно отреагировало на широкомасштабную кампанию ученых, СМИ, общественных организаций по противодействию быстрому нарастанию антропогенных, в большинстве случаев негативных изменений природных экосистем. Изучая влияние научно-технического прогресса (НТП) на общество, они обратили внимание на изменение жизненного уклада. Так, работа, дом и свободное время – вот три основных элемента жизни современного человека. Первые два компонента характеризуются повышенной интенсификацией труда, автоматизацией и компьютеризацией производства, увеличением стрессовых ситуаций, изоляцией от природы. Все это способ-

ствует накоплению в человеке физической и психологической усталости, что ведет к снижению жизненной и трудовой активности и, в конечном итоге, развитию депрессии. Для улучшения общего самочувствия необходимо чередовать работу и отдых, вести активный образ жизни [4; 5].

Как результат, перспективным направлением в туристской индустрии становится рекреационная деятельность, дополняемая и сочетаемая природоохранной. Подчеркнем, что идея экотуризма развивалась неразрывно от концепции устойчивого развития, истоки которой разрабатывались еще русским и советским ученым-естествоиспытателем В. И. Вернадским. Термин «экотуризм» связан с используемыми ООН определениями, такими как «развитие без разрушения» (development without destruction) и «экоразвитие» (ecodevelopment), то есть экологически приемлемое развитие, оказывающее наименьшее негативное воздействие на окружающую среду. Экологический туризм получил свой официальный статус в 1990 г., что позволило ему проводить ежегодно международный симпозиум «Annual World Congress on Adventure Travel & Ecotourism» и создавать собственные некоммерческие организации.

Основные определения экологического туризма, его принципы и характеристики

ЮНВТО относит экологический туризм к ответственному туризму, поскольку экотуризм оказывает щадящее воздействие на природную и культурную среду туристской дестинации [6]. Термин «экологический туризм» был предложен мексиканским экономистом-экологом Гектаром Цебаллос-Ласкурейном (Hector Ceballos-Lascureain) в 1983 г. В настоящее время как в профессиональной, так и в академической среде существует несколько идеалистических определений экотуризма, схожих по смыслу. Например, Международный союз охраны природы, миссия которого состоит в том, чтобы влиять, поощрять и помогать обществам во всем мире сохранять целостность и разнообразие природы и гарантировать, что любое использование природных ресурсов равноправно и экологически жизнеспособно, предлагает следующее определение: «Экологический туризм, или экотуризм, – путешествие с ответственностью перед окружающей средой по отношению к ненарушенным природным территориям с целью изучения и наслаждения природой и культурными достопримечательностями, которое содействует охране природы, оказывает “мягкое” воздействие на окружающую среду, обеспечивает активное социально-экономическое участие местных жителей и получение ими преимуществ от этой деятельности» [7]. Международное общество экотуризма определяет экотуризм как «ответственное путешествие в природные территории, которое содействует охране природы и улучшает благосостояние местного населения» [8]. Еще одна международная общественная организация, работающая в сферах, касающихся сохранения, исследования и восста-

новления окружающей среды, – «Всемирный фонд природы» – считает, что «экотуризм – туризм, включающий путешествия в места с относительно нетронутой природой, с целью получить представление о природных и культурно-этнографических особенностях данной местности, который не нарушает при этом целостности экосистем и создает такие экономические условия, при которых охрана природы и природных ресурсов становится выгодной для местного населения» [9]. Из множества определений экотуризма наибольшее распространение в академической литературе получили именно эти три выше изложенные. Таким образом, основными принципами экотуризма являются: 1) предотвращение негативного воздействия на окружающую среду, 2) бережное отношение к культурным традициям местных сообществ, 3) содействие развитию местной экономики. Эти принципы должны побудить туристскую индустрию содействовать охране природы и социально-экономическому развитию туристских дестинаций. Также сегодня существует две модели экологического туризма: австралийская и западноевропейская. Первая модель реализуется в форме путешествий в преимущественно ненарушенную природу, вторая – в культурном ландшафте.

Современные реалии, направленные на корректировку отношений в системе «туризм–экология», придают дополнительный импульс развитию экотуризма. При определении видов путешествий, относящихся к экологическому туризму, обратим внимание на то, что традиционные критерии (индивидуальное или коллективное поведение туристов, мотивация путешественников, объемы туристских потоков и т. п.) хотя и важны, но сами по себе определяющей роли не играют. Основная задача туроператоров, организовывающих путешествия в природную среду, заключается в прогнозировании последствий воздействия на природную и культурную среду путешествий. Экотуристскими не могут считаться такие путешествия, при которых выполняются лишь отдельные принципы экотуризма, и непосредственным результатом которых не является улучшение охраны природной среды. Для охраны окружающей среды наиболее значимы не масштабы туризма или мотивация путешествующих, а воздействие, которое оказывает их путешествие [10]. Именно поэтому в экотуризме особое внимание уделяется влиянию поведения туриста на состояние экосистем.

Теоретические подходы к изучению экологического туризма

Современные ученые отмечают изменения в поведенческих экологических практиках населения Европы и США. Особенно это стало заметным с конца 1980-х гг. В период 1970–1988 гг. в западных (в том числе в американском) обществах произошел «культурный сдвиг», вызвавший изменения в сознании и ценностных ориентациях населения в сторону преобладания постматериальных ценностей над материальными. В системе ценностей доминантами стали самовыражение, самосовершенствование, в том числе в области окружающей

среды [11]. Таким образом, в западных обществах на смену потребительскому образу жизни пришел устойчивый образ жизни, задача которого заключается в создании условий для гармоничного социального, природного, экономического развития общества [12]. Суть такого образа жизни нашла отражение в концепции «устойчивого развития», утвержденной на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.). В данной интерпретации экологический (или устойчивый) образ жизни является не конечной целью, а процессом сбалансированного удовлетворения человеческих потребностей на разных уровнях социальной организации: индивидуальном, групповом, институциональном и социетальном. Таким образом, постматериальные установки и экологизация образа жизни заняли прочные позиции в общественном сознании после экономического спада в 1980 г. Эти тенденции отразились на характере проэкологической активности населения. По причине именно смены приоритетов в устремлениях туристов многие специальные отраслевые туристские дисциплины (экономика туризма, рекреационная география, экология туризма, биосфера и туризм, педагогика и психология туризма, менеджмент туризма, безопасность туризма, информационные технологии в туризме, рекреалогия, феноменология туризма и др.) в той или иной степени отмечают растущую привлекательность экологического туризма.

Социологи, занимающиеся проинвайроментальными вопросами, предпринимают усилия для того, чтобы экологически ориентированный образ жизни вошел в норму повседневности: изучается экологическое правосознание [13], отмечается принципиально междисциплинарный характер социальной экологии [14] и т. д. Кроме того, в ходе анализа состояния российской инвайроментальной социологической науки в отдельное направление экосоциологических исследований была выделена экосоциология рекреаций и туризма [15, с. 320]. В североамериканском социально-экологическом направлении внимание фокусируется на экологическом поведении, что в отечественной науке соответствует понятию «экологической деятельности». Изначально экологическая деятельность определялась как воздействие на окружающую среду (impactoriented approach), а именно как «степень изменения ею возможностей материалов или энергии или изменения структуры и динамики экосистем и биосферы в целом» [16]. Поскольку экологическое воздействие связано с удовлетворением индивидуальных потребностей безопасности, мобильности, власти, статуса и престижа и т. д., то образ жизни и стиль потребления оказывают значительное влияние на формирование мотивационных стратегий потребления туристских услуг. В конце XX в. проблема правильного потребления благ цивилизации достигла своего пика. Большое внимание этой теме уделили не только ученые (например, Ж. Бодрийяр «Общество потребления», 1970 г.), но и политики. Так, вице-президент США Альберт Гор, будучи еще сенатором, в своей книге «Земной шар в равновесии» (1992) написал: «Количество материальных благ в настоящее время выше, чем когда-либо прежде, но таково же и количество людей, ощущающих пустоту своей жизни»

(цит. по: [17, с. 6–7]). В результате массовизации потребления появились недопотребление и перепроизводство, сверхпотребление, которые характеризуют иррациональную «меру усвоения ключевых ценностей современного общества, представлений о себе и окружающей реальности» [18, с. 9].

Относительно недавно экологическая деятельность стала определяться как действие, которое совершается с целью изменения (как правило, с целью улучшения) окружающей среды. Такая формулировка экологического поведения акцентирует внимание на намерении (intent-oriented), а не на воздействии (impact-oriented), то есть экологическое намерение рассматривается как самостоятельная причина действия. Также подчеркивается вероятность того, что экологическое намерение может не реализоваться в экологическое поведение. Обычно подходы, основанные на воздействии, применяются для анализа экологической деятельности на макроуровне: как социальное явление, интегрированное в функционирование различных общественных институтов; в то время как подходы, основанные на намерении, применяются для изучения установок, мотивов проэкологической деятельности субъектов [19].

Сегодня же порой основным мотивом экопутешествий становится вопрос идентификации и мотивации туриста. Автор теории креативного класса, американский экономист Ричард Флорида в своей книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» пишет: «В новом мире нас определяют уже не организации, на которые мы работаем, не церкви, не местные сообщества и даже не семейные узы. Мы делаем это сами, моделируя свою идентичность в соответствии с различными сторонами собственной креативности. Другие аспекты нашей жизни – объекты потребления, новые формы досуга и отдыха, меры по организации сообществ и т. д. – выстраиваются уже вокруг этого процесса произведения идентичности» [20, с. 22–23]. Таким образом, конструирование идентичности в экотуризме осуществляется через призму мотивационной сферы личности. В основе нового туристского опыта – культурное и природное разнообразие дестинаций, необычность ресурсов, самобытность культуры и культурных традиций, креативность и технологичность инфраструктуры, своеобразие, дружелюбие и гостеприимство жителей и туристских кадров. Туристские услуги наделяются ценностью, если их цепочка способна обеспечить потребителю получение качественного (культурного, социального, эстетического, художественного и т. д.) опыта в туристской дестинации [21, с. 33]. Поскольку умение потреблять формируется в процессах социализации и воспитания, то социологическая парадигма изучения потребительского поведения предлагает рассматривать потребность как «ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и природе, формирующее энергетический принцип и мотивационную сферу личности» [18, с. 9].

В немецкоязычной литературе даны емкие определения экологического туризма, которые хотя и не являются в чистом виде научными, тем не менее наиболее полно отображают суть экотуризма. Так, теоретик туристики

и один из основоположников устойчивого туризма Йост Криппендорф (Jost Krippendorf) утверждал, что новая политика туризма – это «долговременно обеспечивать физический и духовный отдых возможно большему числу людей в непосредственном контакте с ландшафтом, а также в отвечающих ландшафту и потребностям отдыхающих формах поселений с учетом долговременных интересов местных жителей». Еще один профессионал в области туризма Карл-Хайнц Рохлитц (Karl-Heinz Rochlitz) писал, что «мягкий туризм – это количественно умеренный туризм, который… создает для местных жителей экономические выгоды и обеспечивает взаимопонимание между гостями и местными жителями, а также не причиняет ущерба ни ландшафту, ни местной социокультурной среде» (цит. по: [22, с. 254]).

Отметим, что перечисленные выше теории, направления и взгляды на экотуризм в итоге делают акцент на том, что все больше людей стремятся провести время в относительно нетронутых человеческой цивилизацией уголках. Поэтому современная стратегия экотуризма основана на разумном использовании природных ресурсов (в том числе с применением новых технологий), на устойчивости развития туристской отрасли в долгосрочной перспективе и поддержке социально слабых слоев общества в странах, где туризм чрезвычайно продуктивен (Гаити, Коста-Рика, Мадагаскар, Болгария). Систематизируя вышеизложенное, считаем, что социологический подход, в первую очередь, предполагает изучение экотуриста как субъекта с экологически осмысленным поведением, которое складывается из конкретных умений, навыков, поступков, опосредованных целями и мотивами личности. Мотивация в экотуризме связывается, главным образом, с рекреационной и познавательной функцией туризма.

Выводы

Таким образом, экологический туризм, зародившийся в начале XX в. как «элитарный» вид туризма (рассчитанный на состоятельную клиентуру), вырос до активно развивающегося направления природного туризма. Появились некоммерческие организации в области экотуризма, на постоянной основе проходят специализированные тематические симпозиумы, конференции, конгрессы и выставки. Общепризнанной особенностью организации экотуризма является обеспечение минимального воздействия на природную среду, создание сети экологических гостиниц, обеспечение туристов экологически чистым питанием. Содействие в развитии экологического туризма привнесло определенные новшества в современный туризм, в первую очередь, это сокращение расходов и избыточного потребления. Учеными различного профиля (экологами, биологами, культурологами, социологами) активно используется единый термин «экологический образ жизни», который представляет собой набор систематически воспроизводящихся проэкологических практик населения, объединенных идеей ответственности социального субъекта за окружающую экологическую обстановку.

Результаты национальных исследований показывают, что для современного городского населения характерно ситуативное внимание к экологической проблематике: внимание людей легко переключается с экологического вопроса на более насущную в контексте Беларуси экономическую проблематику. Граждане пока не готовы перейти к экологически ориентированному образу жизни, в повседневной жизни присутствует массовая ориентация на тип Homo consumer, а не Homo ecologus. Кроме того, информационно-психологическая безопасность пока не рассматривается как важный элемент государственной политики. Ученые делают вывод о том, что повышение радиоэкологической грамотности населения требует целенаправленных действий системы образования, ее переориентации на формирование активной экологической позиции граждан, а не информированности как таковой [23, с. 114; 24; 25]. Обладание более высокой социальной культурой, в которой экологические базовые знания займут достойное место, позволят сделать жизнь здоровее.

У белорусских туристов усиливается стремление к индивидуализации отпуска в соответствии с собственными предпочтениями. Обеспечение полноценного отдыха в условиях естественной природной среды побуждает белорусских туроператоров и туристов содействовать охране природы и социально-экономическому развитию. В настоящее время рекреация и туризм в Беларуси имеют две особенности, характерные и для России. Во-первых, экотуризм рассматривается как одна из форм рекреаций (связанных с визуальным потреблением), а не как путешествие с его интеллектуальной направленностью. Во-вторых, белорусский туризм и рекреация изначально не связывались с охраной природы и с охраняемыми территориями. Культурные сюжеты туристских услуг формировались без экологической составляющей. В связи с этим для сохранения национальных природных ресурсов необходимо на государственном уровне уделить особое внимание разработке мер, направленных на развитие экологического туризма, с учетом международного опыта.

Список использованных источников

1. 2015 International Tourism Results and Prospects for 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/unwto_fitur_2016_hq_jk.pdf. – Date of access: 17.03.2016.

2. *Малкина, И.* Экотуризм в Беларуси – один из способов сохранения природы страны [Электронный ресурс] / И. Малкина. – Режим доступа: http://ecoidea.by/article/417. – Дата доступа: 17.03.2016.

3. Экотуризм в Беларуси [Электронный ресурс] / Belarus.by. Официальный сайт Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belarus.by/ru/travel/ecotourism-in-belarus. – Дата доступа: 21.03.2016.

4. *Шмагина, В. В.* Рекреация и туризм в системе современных приоритетов социально-экономического развития / В. В. Шмагина, С. К. Харичков / НАН Украины, Ин-т проблем рынка и экон.-экол. исслед. – Одесса : ИПРЭЭИ НАН Украины, 2000. – 70 с.

5. *Оборин, М. С.* Теоретические основы изучения рекреации и туризма на различных иерархических уровнях / М. С. Оборин // Вестн. НижГГУ. Сер. Естественные науки и науки о Земле. – 2012. – № 1. – С. 89–94.

6. Ecotourism and Protected areas. Sustainable Development of Tourism [Electronic resource]. – Mode of access: http://sdt.unwto.org/content/ecotourism-and-protected-areas. – Date of access: 21.03.2016.

7. International Union for Conservation of Nature and Natural Resources, IUCN [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.iucn.org/. – Date of access: 17.03.2016.

8. The International Ecotourism Society, TIES [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ecotourism.org/. – Date of access: 17.03.2016.

9. World Wildlife Fund, WWF [Electronic resource]. – Mode of access: http://wwf.org/. – Date of access: 17.03.2016.

10. *Дедовских, Е. Ю.* Что такое экотуризм? Современная концепция экотуризма. Экодело [Электронный ресурс] / Е. Ю. Дедовских, А. В. Дроздов, Н. В. Моралева. – Режим доступа: http://ecodelo.org/3290-12_chto_takoe_ekoturizm_sovremennaya_kontseptsiya_ekoturizma-ekologicheskii_turizm_kak_sovremen. – Дата доступа: 22.07.2016.

11. *Inglehart, R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society / R. Inglehart. – Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1990. – 484 p.

12. *Dunlap, R. E.* From Environmental to Ecological Problems / R. E. Dunlap // Social Problems. – New York, 1993. – P. 707–738.

13. *Марар, О. И.* Экологическое правосознание в современном российском обществе [Электронный ресурс] / О. И. Марар, Е. М. Лещенко // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очеред. Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 6971–6974.

14. *Сосунова, И. А.* Современные концепции социальной экологии и экосоциологии: поиск на поле парадигм [Электронный ресурс] / И. А. Сосунова // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очеред. Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 6983–6990.

15. *Лисаускене, М. В.* Инвайроментальная социология: ступени развития / М. В. Лисаускене, Т. Н. Лихачева // Вестн. ВГУ. – 2005. – № 5. – С. 313–321.

16. Values, beliefs, and pro-environmental action: Attitude formation toward emergent attitude objects / P. C. Stern [et al.] // J. of Applied Social Psychology. – 1995. – N 26. – P. 1611–1636.

17. *Грааф, Дж. де.* Потреблятство. Болезнь, угрожающая миру / Джон Де Грааф, Дэвид Ванн, Томас Х. Нэйлор. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. – 174 с.

18. Потребление и стабильность общества / С. А. Шавель [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 314 с.

19. *Ермолаева, П. О.* Экологический образ жизни российского и американского студенчества: особенности проявления и проблемы формирования / П. О. Ермолаева // Вестн. Ин-та социологии. – 2011. – № 3. – С. 237–253.

20. *Флорида, Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее : [пер. с англ.] / Р. Флорида. – М. : Классика XXI, 2007. – 419 с.

21. *Мошняга, Е. В.* Основные тенденции развития туризма в современном мире / Е. В. Мошняга // Вестн. РМАТ. – 2013. – № 3 (9). – С. 20–33.

22. *Покровский, Н. Е.* Туризм: от социальной теории к практике управления : учеб. пособие / Н. Е. Покровский, Т. И. Черняева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Университет. кн. : Логос, 2009. – 400 с.

23. *Титаренко, Л. Г.* Типы экологического поведения: Homo Ecologus vs. Homo Consumer / Л. Г. Титаренко // Социол. альм. – 2015. – № 6. – С. 105–115.

24. *Борисевич, Н. Я.* Информационно-психологическая безопасность населения в условиях радиоактивного загрязнения территорий / Н. Я. Борисевич, Е. И. Горанская // Социол. альм. – 2015. – № 6. – С. 172–181.

25. *Борисевич, Н. Я.* Решение информационных постчернобыльских задач на основе социологических исследований / Н. Я. Борисевич, Е. И. Горанская // Социол. альм. – 2016. – № 7. – С. 290–296.

I. A. ANDRAS

THE BASIC PRECONDITIONS OF ECOTOURISM ORIGIN AND DEVELOPMENT

Summary

The article presents a wide panorama of approaches to the definition of ecotourism, its principles and characteristics. The preconditions for ecotourism were analyzed. The main theoretical approaches to the study of ecological tourism were considered. The author concluded that the promising trend in the tourist industry of Belarus becomes a recreational activity coupled with nature conservation.

Keywords: ecotourism, tourism destination, tourist, recreational activity, nature resources.

Поступила 16.10.2016 г.

УДК 316.422:64(476)

Д. В. НАЗАРОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье поднимается проблема учета социальных рисков при реформировании социальной сферы. Предлагается вариант постепенной модернизации с расчетом на человеческие ресурсы и управленческие инновации. Представлены неэкономические ресурсы отрасли ЖКХ: человеческий и социальный капиталы. Раскрывается влияние ценностей, инновационной восприимчивости, информированности, доверия, удовлетворенности, солидарности, гражданской активности в функционировании и развитии сферы ЖКХ.

Ключевые слова: реформы, социальные риски, ЖКХ, инновации, человеческий капитал, социальный капитал, доверие, управление, гражданская активность.

В истории каждой страны случаются этапы не только бурного экономического и социального роста, но также и процессы замедления и даже стагнации. Как правило, в периоды кризиса на первый ряд выходят экономические проблемы, соответственно специалисты экономического профиля начинают доминировать в качестве экспертов, предлагая различные пути «перезапуска» (во второй половине 1980-х гг. говорили о перестройке) общественных отношений: в политике, экономике, социальной сфере. Однако жесткий экономический детерминизм и механицизм не всегда дают положительный результат, проявляясь в «шоковой терапии» и «эпохе перемен» для большинства населения. В надежде на улучшение приносится в жертву социальная составляющая жизни общества, разрушаются привычные практики людей, значительно ухудшается качество жизни, и «выброшенными за борт» остаются целые поколения. Логика подобных резких реформ заключается в ломке старой (неэффективной) экономико-хозяйственной и финансовой систем без учета социальных и человеческих потерь.

В последнее время мы имеем множество примеров, когда кризис в экономике ряда стран решается за счет социальной сферы (ранее можно вспомнить «тэтчеризм» и «рейганомику»). Эксперты-экономисты вместо того, чтобы искать новые точки роста, предлагают стандартные рецепты – приватизацию того, что еще не приватизировано, и накопление ресурсов за счет политики жесткой экономии. Сокращаются расходы на социальную сферу – здравоохранение, социальную помощь, образование, реформируется пенсионная система (увеличивается возраст выхода на пенсию, ужесточаются условия и урезаются пенсионные выплаты), повышаются тарифы на жилищно-коммунальные

услуги и энергию и др. Однако человеческий ресурс, за счет которого проводят подобные реформы, не всегда безграничен и имеет свои пределы. Учет социальных рисков, которые напрямую влияют на экономику, – задача социологов. Но среди экспертов реформ участие социологов не приветствуется и практически не встречается. Как результат – зачастую отсутствует взвешенный подход при решении экономических проблем. Между тем нарушение баланса и игнорирование человеческого фактора может привести к обратным экономическим эффектам. Не останавливаясь на таких негативных моментах, как рост преступности, асоциальных явлений, маргинализации части общества, приведем некоторые примеры того, что можно упустить. Так, например, повышение пенсионного возраста дает одномоментный экономический эффект в виде экономии средств, однако в условиях отсутствия новых рабочих мест приводит к большей конкуренции на рынке труда и росту безработицы. За счет лишних 5 лет работы старшего поколения вполне реально потерять настоящее и будущее страны в виде трудоспособной молодежи, единственным вариантом трудоустройства которой видится миграция в более развитые страны. Увольнение работников, снижение зарплат приводит не только к экономии невыплаченных средств, но также напрямую ведет к снижению потребления, которое в свою очередь приводит к невостребованности товаров и услуг на внутреннем рынке. Предприятия и организации не имеют возможности реализовывать свою продукцию в полном объеме и получать прибыль. Урезание льгот и преференций для молодых семей, ухудшение условий поддержки материнства вызывают снижение рождаемости, что также не способствует расширению трудовых резервов, появлению новых рабочих мест и развитию рынка. Не всегда экономисты, предлагая свои сценарии выхода из кризиса и оздоровления экономики, могут точно просчитать эти социальные риски.

Вместе с тем многие основополагающие постулаты социальной политики лежат в области ценностей, идеологии, представлений о социальной справедливости. И реализация государственных планов зависит в первую очередь от поведения людей. Государственной идеологией в Беларуси долгое время выступала социальная направленность и социальная ориентированность, что проявлялось в сохранении и исполнении широкого круга социальных гарантий. Разработанные экономистами реформы зачастую существенно сокращают перечень этих гарантий, порождая социальные и демографические риски. Какие же варианты мягкого реформирования с учетом социальной составляющей предлагают социологи?

В этой связи особый интерес представляет идея поиска неэкономических ресурсов развития общества [1]. Привычная уже для специалистов социогуманитарного профиля тема человеческого и социального капитала раскрывается в новом ракурсе – как основной фактор и условие эффективной экономической деятельности. По-новому звучат уже хрестоматийные работы М. Вебера о влиянии религии (ценностей) на экономическое поведение («Протестант-

ская этика и дух капитализма»); Ф. Фукуямы об особенностях социальной организации предприятий и эффективности различных методов использования социального капитала (доверия) в различных культурах и обществах («Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия») и др. Понятия ценности, солидарности, доверия, компетентности, социальные контакты, мотивация и многое другое переосмысливаются в рамках конкретного приложения их на практике, в конкретных условиях и социальной сфере. При этом даже возможен экономический расчет их эффективности. Например, доверие национальной валюте в масштабе страны приводит к ее укреплению; высокий статус профессии врача в обществе, несмотря на невысокую зарплату, преобладание ценностной мотивации среди работников данной сферы – к востребованности медицинского образования, высокому проходному баллу среди абитуриентов, пополняемости кадров; гражданская активность и волонтерство в экологических проектах экономит государственные финансы; солидарность при оказании социальной помощи больным детям решает проблемы государственного недофинансирования; осознанное и принципиальное потребление белорусских товаров снижает валютные расходы и способствует развитию белорусских предприятий (импортозамещение).

Предлагаем рассмотреть такие неэкономические факторы в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), а также затронуть некоторые варианты мягкого реформирования отрасли. Поиск оптимальных вариантов такого реформирования с учетом социальной составляющей впервые на социологическом уровне начинается в Институте социологии НАН Беларуси. За период 2011–2016 гг. была разработана методика социологического исследования инноваций и показателей эффективности работы системы жилищно-коммунального хозяйства. Выявлены факторы, препятствующие развитию частных систем управления в ЖКХ (исследование в г. Минске – 2012 г.). Получены и проанализированы эмпирические данные: удовлетворенности населения качеством ЖК-услуг по месту жительства (2012–2016); готовности к гражданским инициативам в сфере ЖКХ (2013); отношения населения к инновациям в системе тарифов (2013); предпочтения относительно форм обслуживания и управления жилфондом (государственное или частное) – 2012–2016 гг.; определены поведенческие стратегии населения при обращении с бытовыми отходами (2013, 2014, 2016), энергосбережение (2013, 2016); заинтересованности населения и поддержки арендного жилья (2014); актуальности проблемы ЖК-тарифов в общем рейтинге других проблем (2009–2016); достаточности средств на их оплату, в том числе с выделением экономически уязвимых категорий (пенсионеров и др.). Проводя же операционализацию понятия «неэкономические ресурсы» применительно к сфере ЖКХ, можно выделить человеческий и организационный капиталы.

К человеческому капиталу в первую очередь относятся *ценности*, которыми руководствуются люди в своей повседневной жизни и которые также можно экономически «посчитать» в отрасли ЖКХ. Например, в вопросе по-

ведения граждан по сортировке и раздельному сбору различных видов бытовых отходов. В Беларуси сортировка бытовых отходов не является финансово обязательной: услуги на вывоз твердых бытовых отходов и обезвреживание взимаются единым тарифом со всех физических и юридических лиц вне зависимости от «чистоты» их разделения. Однако, понимая экологическую и экономическую ценность и важность такой сортировки, часть населения включается в данный процесс из альтруистических соображений. Данные республиканских опросов, проведенных Институтом социологии по репрезентативной выборке в 2013 г. ($N = 1594$), свидетельствуют о довольно высокой готовности населения к раздельному сбору – около 70 %, если будут созданы условия. Однако, к сожалению, благие намерения слабо реализуются на практике: по данным исследования в 2014 г. ($N = 1999$) раздельный сбор практиковали от 17 до 30 % респондентов в зависимости от типа отходов. Такое сознательное поведение, не преследующее цели личного обогащения, снижает расходы на проведение мероприятий по восстановлению экологии в регионах, а также приносит прибыль благодаря сбору вторичных материальных ресурсов (стекло, бумага, пластик и т. д.). Не совсем корректно сравнивать поведение белорусов с жителями некоторых европейских стран по обращению с бытовыми отходами. Сортировка и сбор вторичных материальных ресурсов в некоторых странах Евросоюза налажены практически идеально, так как те жители, которые уклоняются от сортировки, платят довольно значительные штрафы. Как показывают результаты социологического исследования, в 2014 г. в 28 странах ЕС жители, к примеру Германии, Великобритании, Бельгии и Австрии, сортируют бумагу практически в 100 % случаев [2].

Инновационная восприимчивость белорусов в сфере ЖКХ достаточно низкая. Единственным исключением, пожалуй, выступает массовая приватизация жилья, разрешенная законодательством в 1992 г. По данным национальной статистики, на конец 2015 г. 93,0 % жилого фонда уже находится в частной собственности [3]. Однако как только были введены инновации в системе тарифов (мягкая форма реформирования) в зависимости от объема потребленных услуг – сначала на воду, позже на электричество, в общественном сознании сразу же наблюдался всплеск озабоченности темой тарифов на ЖК-услуги. По результатам республиканского репрезентативного исследования ($N = 1594$), проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, инновации в тарифах на электроэнергию, введенные с февраля 2013 г., поддержкой населения на момент опроса в апреле–мае этого же года не пользовались. Только 14,8 % опрошенных отметили позицию «все оптимально, и недостатков не вижу», 18,0 % респондентов на момент опроса еще не поняли новую систему расчетов. При оценке любых инноваций надо понимать, что именно положено в основу сравнения: 1) с тем, что было ранее (низкая цена без учета норм потребления); 2) с тем, что человек видит для себя желательным, выгодным (минимальная цена); 3) с тем, что считает правильным, справедливым и оптимальным. Вполне логичным представляется такое распределение

ответов, так как любая инновация – это прежде всего нарушение привычного уклада жизни, и любой вопрос об изменении системы оплаты воспринимается настороженно. Хотя вместо значительного подорожания услуг потребителям все же предложили контролировать свои расходы самостоятельно, имея хоть какой-то льготированный (социальный) тариф. Новая система тарифов является более выгодной, так как выступает также экономическим стимулом для экономии ресурсов. Несмотря на опасения населения, идея социальных тарифов с точки зрения справедливости видится наиболее оптимальной, и практика ее применения должна быть расширена. Также уже несколько лет успешно реализуется инновация по социальной дифференциации при оплате коммунальных услуг: те граждане, которые имеют в своей собственности более одной квартиры, оплачивают ЖКУ последующих квартир по себестоимости и др.

Показателем инновационной восприимчивости в сфере ЖКХ также могут выступать статистические данные по количеству обращений населения, заявок на получение арендного жилья.

Инновационная восприимчивость во многом зависит от грамотной информационной политики государства. Подробные разъяснения в СМИ предстоящих изменений должны появляться значительно раньше самих инноваций. Понятно, что принятие столь непопулярных решений, как увеличение тарифов на ЖК-услуги, перерасчет льгот и др., затрагивающих население массово в их повседневности, не может положительно сказаться на динамике социологических показателей. Здесь важно и совершенно необходимо грамотное информационное сопровождение, которое включает не только своевременное информирование о предстоящих изменениях, но и разъясняет *логику* данного решения: актуализируется проблематика, рассматриваются альтернативные варианты и доказывается с необходимостью именно тот вывод, который и становится основанием принятого решения. Раскрытие логики принятия таких решений – основной фактор их адекватного восприятия и поддержания людьми. Главная функция информационной политики в контексте инновационной политики государства – снижение социально-психологических рисков, связанных с восприятием (принятием либо отторжением) этих инноваций населением, сохранение ценностной интеграции общества, поддержание доверия и предотвращение социальной напряженности.

К социальному и организационному капиталам в сфере жилищно-коммунального хозяйства мы отнесем следующее:

1. *Система управления*. Модели и формы организации работы ЖК-служб, государственно-частное партнерство, инновации в сфере управления. Здесь интересен ряд экспериментов, которые проходят с 2015 г. в г. Минске с инновациями в структуре и работе ЖК-организаций: 1) изменения в процедуре обращения граждан – через единую диспетчерскую службу 115 и 2) привлечение для обслуживания жилфонда частных компаний по результатам проведения тендеров. Также можно говорить об эксперименте по внедрении немецкого опыта – подготовке хаус-мастеров, то есть профессионалов по комплексному оказанию жилищно-коммунальных услуг населению;

2. *Социальные и организационные контакты* в рамках осуществления деятельности по управлению и обслуживанию жилищного фонда. Особую роль приобретают так называемые площадки для возникновения и поддержания таких контактов – семинары, стажировки, конференции, курсы для подготовки работников, в том числе негосударственной системы ЖКХ, ассоциации (например, МАМН – Международной ассоциации менеджмента недвижимости, в рамках которой проводится обмен опыта по управлению недвижимостью среди участников из Германии, Беларуси, России, Литвы, Латвии, Украины, Грузии, Азербайджана и др.), общественные организации. Люди обмениваются опытом, приобретают новые знания, перенимают новые успешные практики;

3. *Работа с населением в сфере повышения коммунальной грамотности и информированности* – СМИ, публикации, брошюры, информирование на специализированных сайтах, социальная реклама, информирование через «жировки». Последнее время многие специалисты предлагают включение в программу общеобразовательных учреждений (сады, школы и т. д.) некоторых тем, связанных с культурой быта, – от поведения по обращению с бытовыми отходами и энергосбережения до юридических и экономических основ в правах и обязанностях в сфере ЖКХ отношений;

4. *Организация гражданских инициатив, волонтерство* и др.

К социальному капиталу также относят *доверие.* Оно позволяет более эффективно выстроить систему управления в ЖК-сфере и оказания ЖК-услуг. Доверие помогает избежать социальной напряженности и транзакционных издержек, которые экономически можно просчитать в расходах на судебные разбирательства; дополнительных затрат в ходе реагирования на жалобы и претензии, уточнения и разъяснения; выезд на места для урегулирования конфликтов и проведения переговоров и прочее. Так сложилось десятилетиями, что в Беларуси большим доверием в управлении жилфондом и оказании ЖК-услуг пользуются государственные/муниципальные организации по сравнению с негосударственными. По результатам социологических исследований, это в первую очередь проявляется в предпочтениях граждан по управлению/обслуживанию жилфонда. Так, по данным репрезентативных республиканских исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, предпочтение государственным организациям ЖК-обслуживания в республике отдали в 2016 г. 58,2 % опрошенных (54,0 % – в 2012 г., 58,2 % – в 2013 г., 53,7 % – в 2014 г.); частную систему ЖК-обслуживания стабильно поддерживают около 10–15 % (12,5 % – в 2012 г., 10,5 % – в 2013 г., 15,2 % – в 2014 г. и 12,6 % – в 2016 г.). Вместе с тем существует довольно большой процент респондентов, которые не определились с выбором, «затруднились ответить». Предполагается, что в условиях роста тарифов на ЖК-услуги до 100 % стоимости возмещения экономически обоснованных затрат возникнет полноценная конкуренция ЖК-организаций разных форм собственности. И те люди, которых по каким-либо причинам не устраивает качество ЖК-обслу-

живания по месту жительства, смогут найти или сами организовать альтернативные формы по управлению и обслуживанию жилфонда.

К слову сказать, доверие государственным организациям – не редкость и в странах Европейского союза. В Италии потерпела крах на всенародном референдуме (12–13 июня 2011 г.) идея Берлускони и итальянского правительства о приватизации отрасли водоснабжения. Недоверие частным компаниям по эксплуатации АЭС, по данным Евробарометра в 2007 г., в ЕС на порядок выше, чем государственным АЭС [4], и др.

Солидарность также имеет большое значение при решении вопросов в сфере ЖКХ. В настоящее время можно говорить о существовании солидарности, как горизонтальной – когда происходит централизованный сбор доходов со всех граждан в виде жилищно-коммунальных платежей, налогов, поступающих в республиканский бюджет и т. д., и уже потом происходит перераспределение средств, так и вертикальной – солидарности поколений, например, при накоплении и распределении средств капитального ремонта жилфонда. Принцип горизонтальной солидарности экономически означает также единую тарифную систему при оплате коммунальных услуг и ресурсов. Единый тариф на ЖК-услуги не отражает реального экономического положения вещей, так как все же существуют значительные расхождения, например, по техническому обслуживанию домов разного года постройки, инфраструктурных особенностей, вплоть до вывоза мусора (расход топлива и логистика). При разрушении такой формы солидарности, как это происходит в значительно мелких негосударственных организациях – товариществах собственников (ТС) жилья, жилищно-строительных потребительских кооперативах (ЖСПК), даже в частных ЖЭСах, также часто возникают проблемы в сохранности средств на длительное время (в том числе от инфляции), а также в их достаточности на текущие и капитальные ремонты. Именно с такими проблемами и сталкиваются частные инициативы в ТС жилья и ЖПСК, когда переходят на самоокупаемость, – попытка уложиться в тарифную систему, которая не всегда покрывает себестоимость оказанных услуг.

Гражданские инициативы. Развитие негосударственных форм управления в ЖКХ через создание товариществ во многом упирается в нежелание и недостаточную активность самих граждан. Как отмечают многие специалисты городских хозяйств, работающие непосредственно с проблемами товариществ, собственники жилья часто не приходят даже на общие собрания, когда необходимо принять решение. Для жильцов, обслуживающихся в государственных организациях, в свою очередь характерны позиции «для этого есть ЖЭС», «им за это платят» и т. д. Для выяснения поведенческих установок в ходе исследования (2013 г., $N = 1594$) респондентам был задан следующий вопрос: «Как бы Вы оценили степень своей личной готовности к участию в следующих гражданских инициативах по благоустройству и самоуправлению в ЖКХ?» Можно было отметить все те позиции, с которыми согласен опрашиваемый. Ответы распределились следующим образом (таблица).

Представление респондентов о личном участии и поведенческие установки по готовности в управлении и благоустройстве, % от числа опрошенных

Как бы Вы оценили степень своей личной готовности к участию в следующих гражданских инициативах по благоустройству и самоуправлению в ЖКХ? (возможно несколько вариантов ответа)	%
Нет ответа	1,8
Согласился бы организовать жильцов по решению всех возникающих проблем	12,2
Согласился бы организовать жильцов только по решению тех проблем, которые важны лично для меня	5,2
Согласился бы контролировать некоторые работы (ежемесячный сбор данных коллективных приборов учета, распределение средств на общие нужды и т. д.)	7,7
С удовольствием принял бы участие в мероприятиях, организованных другими	**29,5**
Считаю, что необязательно договариваться с соседями, лучше сделать полезное дело самостоятельно (благоустроить участок, покрасить стены и т. д.)	15,2
Не участвовал бы, но интересные или необходимые всем жильцам инициативы поддержал бы (своей подписью, материальными отчислениями)	**25,3**
Не участвовал бы и не поддержал бы никакие идеи, если они меня лично не затрагивают	**14,1**
Принципиально ни в чем не участвую. Считаю, что мое жилье – это только моя квартира, и все, что за ее дверью, меня не интересует	**9,5**

Только 9,5 % опрошенных заявили о принципиальной позиции отказа от участия в различных мероприятиях, даже в виде простой поддержки коллективных решений («считаю, что мое жилье – это только моя квартира, и все, что за ее дверью, меня не интересует»). Еще 14,1 % отметили, что «не участвовал бы и не поддержал бы никакие идеи, если они меня лично не затрагивают». Остальные варианты ответа в той или иной мере отражают готовность людей учитывать мнение других, находить компромисс, продвигать идеи и организовывать других для их выполнения. Так, 29,5 % (почти треть опрошенных) отметили, что «с удовольствием приняли бы участие в мероприятиях, организованных другими»: респонденты в возрасте 30–49 лет более активны – 35–38 %, нежели представители других возрастов, включая малоактивную молодежь (до 20 лет – только 22 %); чем выше образование респондентов, тем активнее поведенческая установка. Значимых статистических различий в степени активности в зависимости от пола респондентов не выявлено. В целом в ходе исследования были получены довольно позитивные и оптимистические данные, которые, к сожалению, не всегда находят воплощение в реальном поведении в повседневных ситуациях жилищно-коммунальных отношений. И на те редкие субботники, которые организуют ЖРЭО ежегодно, большого числа добровольцев не наблюдается. Многие ТС жилья, ЖСПК как раз сталкиваются с проблемами выбора председателя (что было учтено даже в законодательстве, когда председателей ТС и ЖСПК разрешено назначать местными органами власти), инициативной группы. Необходимо развивать гражданское участие населения в управлении жилфондом через популяризацию в СМИ деятельности успешных товариществ, проведение конкурсов по благоустройству дворов.

Полагаем, что в жилищно-коммунальной сфере следует отказаться от радикальных решений, резко меняющих повседневную и устоявшуюся годами систему социальных, организационных и экономических отношений. Сохранение выбора форм организации системы ЖКХ (а не 100 % частное или 100 % государственное), государственно-частное партнерство видится максимально эффективным вариантом реформирования ЖКХ. Любые изменения следует вводить взвешенно и постепенно, проводя предварительный детальный анализ всех возможных последствий, при этом ориентируясь на комплексное рассмотрение возникающих проблем. Роль государства и ведомственных жилищно-коммунальных организаций заключается в создании платформы и благоприятных условий для социального партнерства (с привлечением гражданско-активного населения и бизнеса) в области оказания жилищно-коммунальных услуг, в развитии новых направлений (арендное жилье и др.) по удовлетворению потребностей населения. Практика применения дифференцированных тарифов для населения в зависимости от объема потребляемых услуг может и должна быть расширена. В целях поддержки социально ориентированного подхода в условиях бюджетной экономии имеет смысл определить не только социальные стандарты, но и более конкретно прописать социальный пакет в области жилищно-коммунального обслуживания, который гарантирует государство своим гражданам по приемлемым ценам. От эффективности функционирования ЖКХ напрямую зависят и повседневный, бытовой комфорт граждан, их жизненный уровень, социальное самочувствие населения и степень социального недовольства. Эти параметры во многом задают позитивную или негативную направленность общественного мнения и определяют степень поддержки государственной социальной политики, принципов государственного устройства и степени доверия к властным органам.

Список использованных источников

1. *Горшков, М. К.* Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост / М. К. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 45–56.

2. Flash Eurobarometer 388: Attitudes of Europeans towards Waste Management and Resource Efficiency («Отношение европейцев к управлению отходами и эффективного использования ресурсов») – Доклад Евробарометра о результатах полевых исследований во всех 28 странах – членах ЕС [Электронный ресурс]. – 2014 г. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_388_en.pdf. – Дата доступа: 01.11.2016.

3. Структура жилищного фонда [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/zhilischnye-usloviya/graficheskii-material-grafiki-diagrammy_8/graficheskii-material_3/. – Дата доступа: 28.10.2016.

4. Special EB 271: Europeans and Nuclear Safety. («Европейцы и ядерная безопасность» – Доклад Евробарометра о результатах сравнительных полевых исследований во всех 27 странах – членах ЕС) [Электронный ресурс]. – 2007 г. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_271_en.pdf. – Дата доступа: 01.11.2016.

D. V. NAZAROVA

NONECONOMIC RESOURCES OF HOUSING SECTOR DEVELOPMENT

Summary

The article raises the problem of the integration of social risks during the social sphere reform. The variant with the gradual modernization of based on human resources and managerial innovations. Non-economic resources of the housing sector are presented: human and social capital. The influence of values, innovation receptivity, awareness, trust, satisfaction, solidarity, civil engagement in the functioning and development of housing sphere are revealed.

Keywords: reforms, social risks, housing, innovation, human capital, social capital, trust, management, civil engagement.

Поступила 01.11.2016 г.

УДК 316.628

А. Г. БАХАНОВ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РОЛЬ БОЛЬШИХ ДАННЫХ И ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье анализируются методы больших данных и имитационного моделирования. Акцентируется внимание на применении метода «big data» в социально-экономических исследованиях.

Ключевые слова: большие данные, имитационное моделирование, социально-экономические процессы.

С возникновением новых информационных технологий в современном обществе происходит накопление разнородной информации. Появляется множество социальных сервисов и интернет-ресурсов, которые востребованы пользователями. В постиндустриальном обществе индивиды все чаще проводят свободное время в Интернете, тем самым порождая массу неструктурированных сведений. Чтобы проанализировать весь накопленный массив данных, требуются высокопроизводительные компьютеры и ресурсоемкие приложения. Следовательно, в цифровую эпоху многократно увеличивается и число электронных сервисов, которые накапливают (архивируют) данные. Этому процессу способствует использование различных мобильных устройств и приложений, интернет-сайтов и всевозможных носимых гаджетов. Большая часть населения, использующего широкополосный доступ к Глобальной сети, не представляет свою повседневность без «виртуальной среды», например, регистрации личных профилей в социальных сетях, «виртуальных кабинетах», загрузки данных в «облачные сервисы», использование on-line платежей, системы «Умный дом» и др. В таком многообразии информации применение классических методов обработки и анализа данных для решения поставленных перед исследователем задач не является оптимальным с точки зрения самой методики. В свою очередь, экспоненциальный рост всевозможной информации повлиял как на положительные качества личности, так и отрицательные. Информация, которая ранее представляла ценность для конечного потребителя, в связи с распространением всевозможных интернет-ресурсов быстро теряет свою актуальность (устаревает). Соответственно, среди пользователей Интернета постоянно преобладает определенный «стереотип». Данный образ «подкрепляется» «трендовым» мышлением референтной груп-

пы. Чтобы разрешить возникающие в обществе информационные и социальные противоречия, необходимо быстро анализировать поступающие данные. Безусловно, большой массив данных подвержен изменчивости и нелинейной зависимости. Поэтому, чтобы исключить вероятностные ошибки, при проведении и анализе социально-экономических исследований стоит обратить внимание на новые методы обработки данных.

В качестве примера рассмотрим краткий отчет из книги В. Майер-Шенбергера и К. Кукьера «Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим». «Не так давно, – пишут авторы, – нечто подобное произошло в процессе опросов, связанных с выборами. Опросы проводились с помощью стационарных телефонов. Выборка оказалась недостаточно случайной из-за погрешности, вызванной тем, что люди, которые пользуются исключительно мобильными телефонами (более молодая и либеральная категория населения), не брались в расчет. Это привело к неправильным прогнозам результатов выборов. В 2008 году в период президентских выборов между Бараком Обамой и Джоном Маккейном главные организации по проведению анкетного опроса населения – Gallup, Pew и ABC/Washington Post – обнаружили разницу в один-три пункта между опросами с учетом пользователей мобильных телефонов и без них. С учетом напряженности гонки это была огромная разница» [1, с. 32]. В данном примере отражается погрешность, которую можно было бы исключить, применив современные методы анализа данных. В связи с этим мы рассмотрим современный подход «big data». Термин «big data» (большие данные) получил распространение в начале XXI в. Первоначально данный метод применялся только в специализированных научно-исследовательских лабораториях. Дальнейший рост производительности персональных компьютеров, а также широкое распространение доступа к Интернету способствовали внедрению нового метода анализа данных. Строгого определения «big data» и тем более узконаправленного применения мы не будем придерживаться в силу его специфики. Мы определяем термин «big data» как собирательное название, включающее различные подходы, инструменты и методики анализа статистических данных. Следовательно, можно выделить следующие основные структурные элементы метода «big data»: 1) обучение ассоциативным правилам, 2) смешение и интеграция данных, 3) машинное обучение, 4) нейронные сети, 5) распознавание образов, 6) прогнозная аналитика, 7) имитационное моделирование, 8) пространственный анализ, 9) статистический анализ. Охарактеризуем кратко вышеперечисленную терминологию.

Обучение ассоциативным правилам – методика из области машинного обучения, которая обеспечивает извлечение правил «if-then» из набора данных [2].

Смешение и интеграция данных – совокупность подходов, которые позволяют интегрировать разнородные данные в единое целое для дальнейшего анализа.

Машинное обучение (Machine Learning) – обширный подраздел искусственного интеллекта, изучающий методы построения алгоритмов, способных обучаться [3].

Нейронные сети (искусственные) – устройства параллельных вычислений, состоящие из множества взаимодействующих простых процессоров [4, с. 13].

Прогнозная аналитика – набор методов и инструментов, позволяющий прогнозировать будущее поведение анализируемых объектов [5].

Вышеперечисленные методы и методики находят широкое применение и в междисциплинарных исследованиях. Так, например, метод «распознавание образов» используется в решении задач, связанных с потребительскими предпочтениями. Суть данного метода заключается в преобразовании и соотнесении исходных данных (графическая, визуальная информация) к определенному классу признаков, которые затем обрабатываются на компьютере.

В случае, когда мы анализируем выборочную совокупность классическими методами, большая часть данных не учитывается в силу специфики самой методики. Большие данные «помогают» улучшить полученные результаты, но при этом исследователю необходимо учитывать колеблющиеся социально-экономические изменения в обществе на данный момент времени. Вероятно, при решении сложных задач «big data» является самым оптимальным и с точки зрения «время–аналитика». Время, затраченное на обработку и анализ неструктурированной информации, способствует качественной аналитике. Таким образом, при исследовании экономических и социальных реформ необходимо учитывать большое количество различных факторов. Например, в роли социальных изменений могут выступать повышение и понижение подоходного налога, повышение пенсионного возраста, увеличение количества безработных и др. Не стоит пренебрегать и такими понятиями, как экономическое положение различных слоев населения, в том числе и совокупный доход. Из-за возможных накладываемых методом ограничений (сложная социальная структура, доступность и открытость данных и др.) необходимо комбинировать статистические методы. Основываясь на представленных данных об объекте, следует учитывать и социальные изменения, которые происходят на данный момент времени в обществе.

В связи с этим для более точного анализа и прогнозирования следует обратить внимание на метод имитационного моделирования. Данный метод позволяет выявить на предварительном этапе первичного анализа большинство исследовательских ошибок. Имитационное моделирование – это метод исследования, при котором изучаемая система заменяется моделью, которая с достаточной точностью описывает реальную систему и с которой проводятся эксперименты с целью получения информации о поведении моделируемой системы.

Моделирование социально-экономических процессов и явлений позволяет исследователю «проиграть» возможные варианты поставленных задач. Несомненным преимуществом данного метода является возможность проверить

множество гипотез и подобрать оптимальное решение. Когда большие данные анализируются при помощи имитационного моделирования, то исключается возможность неэффективного использования программных и технических ресурсов. «Имитационная модель должна отражать большое число параметров, логику и закономерности поведения моделируемого объекта во времени (временная динамика) и в пространстве (пространственная динамика)», – отмечают российские экономисты [6, с. 6].

Построение «имитационных моделей» позволяет исследователю улучшить качество проводимых исследований и тем самым повысить репрезентативность интерпретируемых данных. Стоит отметить, что построение моделей требует наличия эмпирической базы социально-экономических исследований или большого массива данных. Однако возможно построение и «виртуальных» моделей посредством генерации случайных переменных. В таком случае при создании имитационной модели обрабатывается множество вариантов при заданных определенных параметрах. Полученное решение позволяет «упростить» модель социальных связей при минимизации экономических издержек.

Имитационное моделирование как особая информационная технология состоит из следующих основных этапов:

1) структурный анализ процессов. Проводится формализация структуры сложного реального процесса путем разложения его на подпроцессы, выполняющие определенные функции и имеющие взаимные функциональные связи согласно легенде, разработанной рабочей экспертной группой [6, с. 15];

2) формализованное описание модели. Графическое изображение имитационной модели, функции, выполняемые каждым подпроцессом, условия взаимодействия всех подпроцессов и особенности поведения моделируемого процесса (временная, пространственная и финансовая динамика) должны быть описаны на специальном языке для последующей трансляции [6, с. 16];

3) построение модели (build). Обычно это трансляция и редактирование связей (сборка модели), верификация (калибровка) параметров [6, с. 16];

4) проведение экстремального эксперимента для оптимизации определенных параметров реального процесса [6, с. 17].

Дальнейшее построение алгоритма действий позволяет учитывать различные условия, которые возникают в общественных явлениях. При проведении социально-экономических исследований часто возникают противоречия в формулировке вопросов и вариантов ответа. Для решения данного противоречия можно применить моделирование. Имитационное моделирование позволяет «проиграть» сложную социально-экономическую модель, тем самым исключив множество ошибок при ее построении. Модель, которая создается с помощью *n*-го количества переменных, содержит практически все необходимые условия, позволяющие определить наиболее оптимальный вариант. Имитационная модель – логико-математическое описание объекта, которое может быть использовано для экспериментирования на компьютере в целях

проектирования, анализа и оценки функционирования объекта. Существует несколько типов имитационных моделей.

1. Непрерывные модели – это модели, которые используются для описания поведения систем во времени. Непрерывные имитационные модели обычно представляются в виде разностно-дифференциальных уравнений, которые описывают взаимодействие между различными элементами системы. Типичным примером непрерывной имитационной модели является изучение динамики народонаселения мира [7, с. 703].

2. Дискретные модели – это модели, описывающие поведение различных систем (социально-экономических) в заданный интервал времени. Типичным примером такой модели является очередь [7, с. 703].

Социальные системы исследуются с помощью виртуальных моделей, в которых участвует «имитационный агент». При этом социальная природа исследуемого объекта не искажается, что позволяет улучшить результаты. Процесс моделирования предоставляет возможность наблюдать за социальными изменениями в определенный отрезок времени. Имитационные модели находят свое применение как в теоретических, так и в прикладных социологических исследованиях. Компьютерное моделирование ускоряет процесс построения и анализа решаемых социально-экономических систем. С применением компьютерных технологий решается широкий круг задач, при котором задействуется множество переменных. Так, компьютерное моделирование «помогает» исследователю получать новые качественные и количественные признаки в результате социальных изменений. Полученные результаты выявляют новые свойства социальной системы, определенную структуру, динамику изменений, «устойчивые образы» поведения и др. Таким образом, имитационное моделирование способствует «быстрому» реагированию как на изменение разнородных признаков, так и для прогнозирования будущих систем.

Моделирование социально-экономических систем позволяет также выявить латентные закономерности общественных процессов. Анализируя происходящие события в обществе, необходимо иметь в виду вариативность социальных аспектов человеческой жизнедеятельности. Многофакторность исследуемых явлений «обязывает» учитывать индивидуальные признаки групп и сообществ. В таком случае, чтобы не исказить реальную картину социальных взаимодействий, необходимо построить модель динамики общества на основе социологических данных. То есть учитывать социальные процессы до и после социальных изменений. Построенные компьютерные модели в дальнейшем помогут исследователям получить новые знания о социальной системе.

При моделировании социальных процессов следует применять несколько подходов: локальный и глобальный [8, с. 23]. Различие данных подходов состоит в том, что рассматривается разная численность индивидов. Для локального подхода необходимым условием является наличие следующих категорий: человек, семья, группа. Также создается необходимый набор правил, при

котором взаимодействуют индивиды. Глобальный подход основан на изучении всего социума, представленного многогранностью социальных субъектов и факторов. Выделяются следующие критерии классификации математических моделей социальных процессов [8, с. 24]. Первый критерий связан с типом математического аппарата, с помощью которого происходит процесс формализации. В данном случае различают модели стохастические (вероятностные) и детерминистские (определенные). Другие подклассификации относятся к типу используемых переменных: непрерывное или дискретное время (является ли зависимая переменная непрерывной или же представляет дискретные состояния). Вторым критерием выступает функция моделей процессов в теоретическом и эмпирическом исследовании. В соответствии с этой основной функцией модели делятся на теоретические и эмпирические. Дальнейшее разграничение приводит к подклассификациям: описательные, объяснительные и предсказательные модели. Третьим критерием являются социальные процессы, которые происходят в различных группах, а также процессы в индивидуальных и групповых решениях, динамике социальной группы. Четвертый критерий – тип концептуализации социального процесса: является ли данный процесс управляемым или без управления. Управляемые процессы можно разделить на процессы целесообразного поведения рефлексного типа и процессы целенаправленного поведения нерефлексного типа.

Построение виртуальных моделей предполагает применение социологической теории, позволяющей оптимизировать поиск основных структурных элементов. Следовательно, когда построена компьютерная модель, необходимо учитывать «реальные» социальные изменения, с учетом традиций и социальных условий. Если мы наблюдаем неопределенность поведения модели, тогда изменяются переменные, условия моделируемой системы и другие необходимые элементы.

Таким образом, современные методы исследования социологической информации позволяют изучить сложные социально-экономические системы. Повысить репрезентативность проводимых исследований можно при комбинировании методов «big data» и имитационного моделирования. Чтобы минимизировать социальные риски и улучшить качество принимаемых решений, следует использовать метод имитационного моделирования.

Список использованных источников

1. *Майер-Шенбергер, В.* Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер ; пер. с англ. И. Гайдюк. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 240 с.

2. Обучение ассоциативным правилам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://msdn.microsoft.com/ru-ru/magazine/dn683798.aspx. – Дата доступа: 10.10.2016.

3. Машинное обучение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://statsoft.ru/home/textbook/modules/stmachlearn.html. – Дата доступа: 10.10.2016.

4. *Каллан, Р.* Основные концепции нейронных сетей : пер. с англ. / Р. Каллан. – М. : Вильямс, 2001. – 291 с.

5. Бизнес-аналитика и прогнозная аналитика: сходства и различия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://datareview.info/article/biznes-analitika-i-prognoznaya-analitika-shodstva-i-razlichiya/. – Дата доступа: 10.10.2016.

6. Имитационное моделирование экономических процессов / А. А. Емельянов [и др.] ; под ред. А. А. Емельянова. – М. : Финансы и статистика, 2002. – 368 с.

7. *Таха, Х. А.* Введение в исследование операций : пер. с англ. / Х. А. Таха. – М. : Вильямс, 2005. – 912 с.

8. Омский государственный университет в дополнительных страницах [Электронный ресурс] / Социальные системы. Формализация и компьютерное моделирование : учеб. пособие. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2000. – 160 с. – Режим доступа: http://www.univer.omsk.su/socsys/book1.pdf. – Дата доступа: 10.10.2016.

A. G. BAHANOV

THE ROLE OF BIG DATA AND SIMULATION MODELING IN SOCIO-ECONOMIC STUDIES

Summary

The methods of big data and simulation modeling handling are analyzed in the article. The attention is focused on the method of “big data” application in socio-economic studies.

Keywords: big data, simulation modeling, socio-economic studies.

Поступила 18.11.2016 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В 2016 г. Институт социологии НАН Беларуси заключил ряд договоров о сотрудничестве, в том числе с Институтом исследования качества жизни Румынской Академии наук.

Институт вовлечен в международное исследовательское сообщество и активно сотрудничает с ведущими международными исследовательскими структурами, координирующими исследования в области человеческого капитала и социальных ценностей (Ассоциацией политических европейских исследований, Ассоциацией европейских исследований качества жизни, Ассоциацией по изучению религии в Центральной и Восточной Европе, научно-исследовательской сетью социологии миграции в Европейской социологической ассоциации, Европейским фондом по улучшению условий жизни и труда, различными европейскими сообществами социологов, социальных исследователей и гуманитариев). Руководитель исследовательского коллектива с румынской стороны, директор Института исследования качества жизни, академик Кэтэлин Замфир является председателем румынской ассоциации социальных работников и ассоциации социологов, консультантом Министерства социальной защиты Румынии.

ОБЗОР НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ОТ НАУКИ К БИЗНЕС-ИННОВАЦИЯМ»

В семинаре «От науки к бизнес-инновациям», прошедшем 15 марта 2016 г. в г. Минске, приняло участие 68 человек.

Семинар открыл главный ученый секретарь НАН Беларуси, член-корреспондент НАН Беларуси А. В. Кильчевский.

Были приглашены и принимали активное участие в обсуждении тематики семинара:

академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств, член-корреспондент НАН Беларуси А. А. Коваленя;

председатель Совета молодых ученых НАН Беларуси А. И. Иванец;

ученый секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств А. И. Литвинюк;

директор Института социологии НАН Беларуси И. В. Котляров;

начальник учебно-научного Центра развития молодежного предпринимательства экономического факультета БГУ Л. И. Шумская;

соучредитель группы компаний «Сармат», председатель правления сообщества бизнес-ангелов «БАВИН» А. С. Кнырович.

Огромный интерес у слушателей вызвало выступление «Коммерциализация научного продукта» соучредителя группы компаний «Сармат», председателя правления сообщества бизнес-ангелов «БАВИН» А. С. Кныровича.

Руководитель Центра мониторинга миграции
научных и научно-педагогических кадров,
кандидат философских наук, доцент
М. И. Артюхин

ОБЗОР РЕСПУБЛИКАНСКОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ: ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ»

25 октября 2016 г. в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси состоялся Республиканский научно-практический семинар «Современная культура Беларуси: тренды и вызовы».

Семинар был инициирован отделом социологии культуры Института и проводится в рамках мероприятий, приуроченных к «Году культуры Беларуси – 2016». Научно-практический семинар продолжил тематику проводимых Институтом социологии теоретических и эмпирических исследований, а также выполняемого задания Государственной программы научных исследований на 2016–2020 годы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» – «Исследование социокультурных механизмов и факторов консолидации белорусского общества».

Целью мероприятия являлись анализ и научно-практическое обобщение отечественного и международного опыта развития сферы культуры на национальном, региональном и местном уровне и рефлексия реализации задач государственной культурной политики в контексте современных реалий.

В тематику программы семинара для обсуждения были включены направления, соответствующие приоритетам государственной политики в области культуры: сохранение и развитие белорусской национальной идеи, культуры и языка, изучение, сохранение и популяризация национальной художественной культуры и искусства для различных поколений граждан, анализ направлений нравственного и эстетического развития детей и молодежи средствами социально-культурной и культурно-досуговой деятельности, обеспечение функционирования и развития учреждений культуры в различных населенных пунктах.

Приветствия по случаю проведения семинара поступили от партнерских организаций, научных и образовательных учреждений, международных организаций и культурных центров (Посольство Германии в Республике Беларусь, Представительство города Москвы «Московский центр международного сотрудничества» (Российская Федерация) в Республике Беларусь).

Открыла семинар заместитель директора по научной работе Института И. В. Лашук, которая отметила, что Президент Республики Беларусь 28 де-

кабря 2015 г. подписал Указ № 522 «Об объявлении 2016 года Годом культуры» с целью объединения интеллектуальных и духовных сил общества для решения задач социально-экономического развития страны, сохранения историко-культурного наследия, развития народных традиций, а также поддержки творческих инициатив. И. В. Лашук представила структуру и основные направления деятельности Института, а также исследовательские проекты отдела социологии культуры.

С докладом «Культурный код нации – системообразующее ядро белорусской культуры» выступил доктор философских наук, академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов. В докладе анализировались данные проведенного в июне–августе 2016 г. Институтом социологии НАН Беларуси исследования «Беларусь–2030» (выборка составила 1495 человек). Было отмечено, что подавляющее большинство белорусских граждан убеждены, что Республика Беларусь состоялась как независимое и самостоятельное государство.

Оживленную дискуссию о современном состоянии развития отрасли культуры вызвало выступление «Культура, инновации, рынок» доктора социологических наук, профессора, главного научного сотрудника Центра историко-философских и компаративных исследований Института философии НАН Беларуси А. И. Левко.

Большой научный интерес вызвали доклад «Аудитория белорусских кинотеатров как отражение состояния отечественной кинематографии» И. Г. Голубевой, начальника отдела научно-методического обеспечения инновационного развития сферы культуры ГУО «Институт культуры Беларуси», в котором был проведен детальный анализ современного посетителя белорусских кинотеатров и их жанровых предпочтений; выступление «Совершенствование механизмов привлечения частного капитала в сферу культуры» Е. В. Рыбчинской, заведующей сектором развития социальных отраслей ГНУ НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, об изменении системы финансирования отрасли культуры и механизмах внедрения частно-государственного партнерства, меценатства, спонсорства и попечительства в культуре; презентация «Использование приемов креативной экономики в сфере агротуризма» В. А. Клицуновой, председателя правления БОО «Отдых в деревне»; доклад «Профессиональные и любительские театры как сегменты индустрии досуга Беларуси» А. В. Калашниковой, доцента кафедры менеджмента социально-культурной деятельности УО БГУКИ.

Отдел социологии культуры был представлен докладами руководителя отдела И. В. Лашук – «Специфика потребления на рынке культурных товаров и услуг (на примере театрального искусства)»; научных сотрудников М. И. Веренич – «Минимальные государственные стандарты в сфере культуры как индикаторы качества жизни населения Республики Беларусь» и О. Н. Лихачевой – «Жизненные и профессиональные ценности молодых специалистов учреждений культуры Республики Беларусь».

С интересными практико-ориентированными докладами выступили молодые исследователи: директор художественной галереи «Университет куль-

туры», магистр культурологии П. М. Сапотько («Международные культурные проекты в Беларуси: государственная политика и общественная инициатива») и магистр искусствоведения, аспирант кафедры белорусской и мировой художественной культуры УО БГУКИ В. Е. Жидович («Феномен трансмедиа в искусстве театра: опыт Беларуси»).

Алена Деревянко, координатор проекта Европейского союза «Культура & креативность» в Республике Беларусь, ознакомила с современными культурными практиками Европы и направлениями организации совместных исследований в рамках проекта «Культура и креативность, возможности и вызовы для деятелей культурной индустрии Республики Беларусь».

Участникам научно-практического семинара была вручена рекламно-научная продукция Института социологии.

По результатам выступлений и дискуссий было резюмировано, что каждый человек воспринимает в своей повседневной жизнедеятельности ценности, идеалы и нормы культуры, воплощенные в концентрированном виде в национальном культурном коде, пропуская их через индивидуализированную «кристаллическую решетку» своего собственного миропонимания.

Основным актором рынка организации досуга и культурно-досуговой деятельности населения Беларуси выступает государство и финансируемые государством организации (театры, музеи, дома культуры, библиотеки, концертные залы и т. д.). Но, учитывая современные глобализационные процессы, в которые активно вовлечена и Республика Беларусь, очевидно снижение доли финансирования культуры, и все более актуальным становится поиск возможности привлечения дополнительных средств в сферу культуры. Вопросы коммерциализации, изыскания дополнительных средств и ресурсов, которые могут быть направлены на дальнейшее социально-культурное развитие населения, укрепление материально-технической базы учреждений культуры, сохранение историко-культурного наследия, сейчас весьма актуальны. В стране появляются фонды, ассоциации, коммерческие фирмы, готовые финансировать проекты в сфере культуры, искусства и досуга. Для взаимовыгодного сотрудничества государственных структур в данном направлении должно совершенствоваться законодательство, что ожидается от принятого в 2016 г. Кодекса Республики Беларусь «О культуре Республики Беларусь». Это позволит расширить круг акторов и участников рынка культурных услуг, разнообразить досуг и творческую активность граждан, будет способствовать интеграции различных отраслей общества, всестороннему развитию национальной культуры.

Заместитель директора по научной работе
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат социологических наук,
доцент И. В. Лашук

ОБЗОР VIII ОРЛОВСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ НА ТЕМУ: «ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

9 декабря 2016 г. в г. Орле (Российская Федерация) прошли VIII Орловские социологические чтения на тему: «Трансформация современного общества: вызовы и перспективы».

С приветственным словом выступил заместитель директора Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС В. А. Ливцов. Президент Российского общества социологов В. А. Мансуров наградил почетными медалями социологов Орловской области.

Постоянным участником чтений также является З. Т. Голенкова – руководитель Научно-образовательного центра и Центра социальной структуры Института социологии Российской академии наук.

Стало доброй традицией, что в Орловских чтениях участвуют гости из Беларуси. Успешно проведен видеомост с заместителем директора по научной работе Института социологии Национальной академии наук Беларуси, кандидатом социологических наук, доцентом И. В. Лашук.

После небольшого перерыва состоялась презентация социологической лаборатории, в рамках которой были представлены результаты прикладных социологических исследований за 2016 г. Были представлены стендовые презентации, демонстрирующие формирование профессиональных навыков у студентов-социологов.

Дискуссионная площадка «Социальные процессы в условиях трансформации современного российского общества» предоставила возможность аспирантам выступить с результатами своих научных работ.

Заместитель директора по научной работе
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат социологических наук,
доцент И. В. Лашук

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 8

Редактор *М. И. Ременица*

Художественный редактор *Д. А. Комлев*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *М. Э. Маляревич*

Подписано в печать 19.06.2017. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 41,9. Уч.-изд. л. 36,5. Тираж 150 экз. Заказ 106.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.